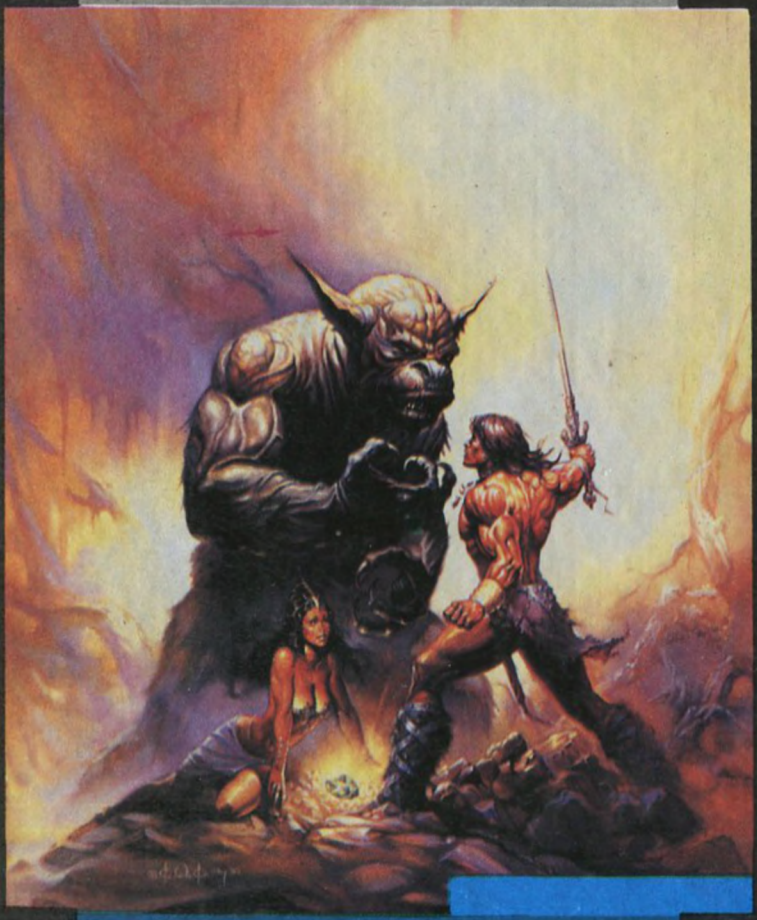
МИРЫ ФОСТЕРА

МИРЫ ФОСТЕРА

АЛАН ДИН ФОСТЕР

избранные произведения

ТОМ III

МЕЖДУ-МИР

МЕЖДУ-МИР ВНУТРИ СЕБЯ

«КЛЮЧ»
СМОЛЕНСК
1994

ББК 84.7США
Ф 47
УДК 820(73)-31

Перевод с английского *ИПП «AMEX Ltd»*

Художник *А. А. Шуплецов, А. О. Макаренков*

Публикуется впервые с разрешения автора и его литературного агента Александра Корженевского. Любые другие публикации настоящего произведения в любой форме, в целом или частями являются противоправными и преследуются по закону

Фостер А.

Ф 47 Миры Фостера: Избранные произведения: В 7 т. Т. 3/Пер. с англ. ИПП «AMEX Ltd»; Худож. А. А. Шуплецов, А. О. Макаренков.— Смоленск: Ключ, 1994.— 512 с.

ISBN 5-631-00014-8.

В третий том произведений видного американского фантаста вошли новые, не публиковавшиеся до настоящего времени романы. Роман «Между-Мир» — это захватывающее повествование о невероятном мире, помещенном между небом и землей — в самом сердце зеленого леса, покрывающего неведомую планету, на которую стремится внедриться цивилизация в поисках эликсира бессмертия.

Роман «Внутри себя» открывает перед нами ряд сложных внутренних проблем, стоящих перед завтрашним человечеством. Гигантский суперкомпьютер, мудро и ненавязчиво планирующий жизнь человечества, неожиданно обнаруживает, что ему грозит неведомая опасность. И не только ему, а всей земной цивилизации...

Ф 4703040100 **ББК 84.7США**

© by A. Foster, 1989, 1990
© Перевод, подготовка макета. ИПП «AMEX Ltd», 1994
© Оформление. А. А. Шуплецов, А. О. Макаренков, 1994

ISBN 5-631-00014-8 (т. 3)
ISBN 5-631-00022-9

Эта книга посвящается:

Сатурну
Миттенс
Галатее Проницательной
Джо Анн
и всем остальным,
способным дышать и воспринимать.

... где высочайшие леса
непроницаемы для звезд и солнечного света,
и далеко простирается их тень

Мильтон, «Покинутый Рай»

Кто слышал рыб, когда они кричат?

Торо.

..... !!! .. ?? .... O!!

Галатея Проницательная.

1

Мир без названия.

Он был зеленым.

Зеленым и угрожающим.

Он лежал, погруженный в море, все еще шипящее, изумрудное вливающееся в «Мировой Космический Океан». Но тем не менее здесь бурлила, размножалась и процветала жизнь — и это было выше нашего понимания. В этом мире таком богатом разными проявлениями, земная магма разливалась все дальше, затопляя поверхность.

И она была зеленой. О, она была столь ярко-зеленой, что имела свою собственную специальную нишу, убежище в спектре невозможно зеленого, распространяющегося одновременно повсюду. Это была всемогущая зелень.

Мир бога Хлорофилла.

Сохранив в нескольких нишах прогорклую синеву, океаны сами были зелеными из-за излишества беспредельного насаждения жизни. Горы были зелеными и постепенно переходили в зеленую пену с уродливым верхом и напоминали гигантскую волну, воюющую с землей. Даже воздух был бледно-зеленый и все вокруг казалось частицей чистого хризолита.

Сомнения в том, что планета способна поддерживать жизнь, исчезали, существовал лишь вопрос о ее продолжительности и качестве.

Жизнь, которая зарождалась и цвела, боролась и умирала на огромной, плодородной планете, была поделена способностью мыслить и выполнять свои мысли в точно выражающие их действия. А было это так: люди, обитающие в

этом Мире, не знали, кто они и откуда. Но они очень точно чувствовали окружающую их природу.

О... Это было очень давно и люди, которые пришли сюда, забыли свое прошлое.

Их потомки, организовав несколько групп, разошлись по разным направлениям в надежде найти привычные для них условия жизни, но все это не имело никакой определенной программы и подчинялось чистой случайности. На этой планете не было автоматических пилотов, способных вернуть их домой. Их корабли были на орбите без топлива и не могли лететь дальше. А для того, чтобы обосноваться в этом мире, они не имели необходимого оборудования. И некому было помочь им. Эти люди рисковали попасть в оползни и обвалы.

Пришельцы решили обосноваться здесь и привнести в этот мир цивилизацию. Это были усталые, отчаявшиеся, но самоуверенные люди, даже не подозревавшие о трудностях своего нового бытия.

Они решили остаться в этом зеленом аду. Со временем пришельцы претерпели эволюцию и между ними произошло расслоение. Одни были носителями чувства превосходства, другие отличались колкой насмешливостью. Но если вдруг кто-то находил зерно, то поспешно очищал его и тут же с жадностью съедал. Это то, что осталось в них от прежней жизни и не поддавалось перевоспитанию.

Человечество в ту пору использовалось для контроля за космосом, по необходимости очень жестким. Те, кто владели такой практикой, не имели на Земле ни дома, ни семьи. Их было немного и они были удовлетворены своим положением, даже были более уверенными, чем те, кто вел обычную жизнь и имел детей. Очередная весна в их жизни проходила без каких-либо иллюзий о Верховной Власти над всем человечеством или еще над кем-либо. Они были выдержанными, эрудированными и внимательно наблюдали за всем происходящим вокруг.

Катить бревно.

Давать и брать.

Сгибаться от ветра.

Приспосабливаться, приспосабливаться, приспосабливаться...

2

Борн наблюдал за поднимающимся утренним туманом и дремал. Он забрался в глубокую расщелину дерева, завернулся в свой плащ и ему стало уютно и тепло. Мысли о солнце немного ободрили охотника. Тяжелая работа. За всю скромную жизнь Борну уже в третий раз выпадает возможность испытать собственную смелость. Не так-то много людей могли похвастаться этим. И Борн был горд за себя.

Увидеть солнце, взобравшись на самую высокую точку Мира, не имея при этом никакой поддержки. Подниматься на такое место — большой риск. Это под силу только гордым, жаждущим увидеть в Высочайшем и глубоком Небе заветные очертания.

Борн проделал это трижды. Он был храбрейшим из храбрейших — или как утверждали некоторые из поселка — сумасшедший из сумасшедших.

Пока всходило солнце, влажные испарения поглотили все пространство. Изможденный уставший Борн совсем промок и дрожал. Это было так же опасно, как и прекрасно. И отсиживаться, ничего не делая, Борн не мог. Это было неудобно перед теми, кто не дремлет, а бодрствует. Ведь наверняка внизу уже кто-то не спит и приступил к работе. И Борн почитал для себя за счастье не отставать от них.

Он хотел позвать Руума-Хума, но тот был далеко и вряд ли услышит голос, как ни кричи.

А вообще в Руума-Хуме Борн не мог даже сомневаться. Они во всем делили судьбу друг друга, были неразлучны в жизни и смерти. Но Борн не любил все эти сантименты. Они ни к чему человеку, который всему предпочитает охоту.

С тех пор, как Борн покинул поселок, прошло три дня. Пора бы уже подумать и о возвращении. Но Борн не мог вернуться без добычи. Он отгонял от себя мысли о Лостинге, о его последнем возвращении в поселок. Большого охотника встречали все братья, не скрывая своего бурного восхищения его искусством. Борн едва справился с охватившей его завистью. Он не хотел быть хуже Лостинга и даже таким, как он. Борн хотел быть лучше. И это стремление охватило все его сущест-

во. Борн не мыслил себя никем иначе, как только самым лучшим, самым почитаемым в поселке охотником. Он никогда не мог состязаться с Лостингом в росте и силе, но зато был ловок и хитер. Когда Борн был ребенком, он был умнее, живее, чем его друзья, и умел воспользоваться любой возможностью доказать это. Теперь никто не сомневался в его способностях. Но никто почему-то никогда не восторгался им как Лостингом. А Борн жаждал восторгов и почитания. И не потерял надежду добиться их. Поэтому он стал охотиться в одиночку и всегда попадал в опасные ситуации.

Туман окутывал ветки Дерева, поднимаясь до Второго Уровня. Воздух был чистый, хотя все еще влажный. Вблизи от себя Борн увидел мелкую безобидную тварь. Ниже в тумане едва очерчивался контур цветущей лозы, покрытой яркими цветами. Борн хорошо знал их. Толстые лепестки этих цветов росли тесно друг к другу, кривые, изогнутые, старающиеся вырваться, подняться и принять свою форму. После вчерашнего обычного вечернего дождя все цветы и листья были наполнены влагой, блаженствовали в ней.

Вокруг охотника пробуждался лес, звучал огромный хор животных и растений; скрип, чириканье, свист и скрежет поднимался вверх. Борн был достаточно опытен, чтобы искать другое место для охоты. Здесь он предчувствовал удачу. Но из расщелины пора было выбираться. Время отдыха закончилось. И Борн старался сделать это, как можно тише. Ловко он выскользнул наружу и еще раз огляделся. Ничего необычного, никаких настораживающих звуков. Борн развязал свой узелок. Это был ярко-желтый, окантованный черным и достаточно большой. Его кожаная поверхность была эластичной. Наверху сначала послышался легкий шорох, который становился все громче и, наконец, превратился в какой-то вой, сила которого сгибала довольно крупные ветви.

Борн приготовил свой охотничий снаффлер и укутался в листья. Его напряжение было настолько сильным, что, казалось, дыхание покинуло его тело и оно превратилось в статую. Но тревога оказалась напрасной. Время охоты еще не подошло и Борн вышел из своего укрытия, тяжело вздохнул и разложил все, что могло привлечь это животное, но тут опять раздался звук хрустнувшей ветки.

Неужели Борн дождался! Неужели сегодня закончатся его трехдневные поиски. В конце ветки показались два длинных

отделенных друг от друга волоска, закрывающих красно-радужную оболочку глаз. Когда волоски соединялись и обнажали глаза, — вспыхивал яркий свет. В просвете между сучьями Дерева появилось громадное тело крупного чудовища. Борн, приготовившись к решающему бою, едва держался между толстыми ветками. Это очень коварное и хитрое животное, способное нападать на застигнутых врасплох людей. Не каждый охотник рисковал выйти на грейзера. Тем более в одиночку.

В сторону Борна скалилась кровожадная пасть. Но Борн мог предотвратить нападение этой твари, превратить ее в ничто — в тяжелую мясную тушу. Грейзер тоже устраивает засады на человека. Но сейчас человек опередил его и первым устроил засаду.

Борн выстрелил из снаффлера и тот, кто сейчас скалится в его сторону, будет внизу изгибаться от боли, стараясь подняться. Борн подойдет ближе и сильно ударит раненое животное. Потом его надо будет поднять, повернуть боком, чтобы вытянуть из капкана, устроенного Борном. К тому же Борн был крайне ограничен в движениях. Ведь под его ногами не было твердой ровной поверхности, в которую можно было бы спокойно упираться и уверенно передвигаться. Он ходил по веткам и сучьям, без твердой опоры под ногами, постоянно находясь как бы в подвешенном состоянии. Борн ничего другого и не представлял себе. Ход времени для Борна замедлился. Он слышал какие-то неразборчивые звуки.

Нужно еще было точно выяснить, когда это животное свистит, то его массивная, тяжелая голова поворачивается влево или вправо? Если Борн не угадает, то произведет ненужный выстрел — потеряет время. А сейчас даже секунда имеет решающее значение. Борн решил приспосабливаться к звукам, исходящим при сопении грейзера.

Грейзер обнюхал приготовленную Борном приманку. А охотник начал имитировать звуки, издаваемые самкой. Большая голова поднялась и, оглянувшись кругом, уставилась прямо на него. Наружу вырвалось короткое нервное дыхание, Борн сжал ружье, его рука была на спусковом крючке. Раздался выстрел, с резким шипением из снаффлера вырвался газ.

Все четыре пасти широко раскрылись. Это был ужасный,

страшный припадок пронзительного крика. Все это продолжалось довольно долго.

Животное сделало прыжок, угрожающий прыжок в сторону Борна, и тут все его тело охватила судорога. И все кончилось. Голова, лапы, туловище — все стало неподвижным. Не отрываясь, Борн наблюдал за грейзером.

Этот грейзер долго играл со смертью. И вот этой игре пришел конец.

Борн облегченно вздохнул. Наконец-то свершилось то, чего он так долго добивался.

Теперь все дело за ножом, за умением владеть им. Борн сумеет найти применение этой туше, поделится с нуждающимися. Но тут раздался грохочущий голос. Борн узнал его. Над ним стоял Руума-Хум и смотрел вниз. А потом, хватаясь шестью лапами за ветки, спустился к Борну.

Борн тряхнул головой, показывая на грейзера.

— Я говорил тебе очень часто, Руума-Хум, не трусь, смотри на меня и делай как я.

— Странно, — ответил Руума-Хум.

— Ничего странного, — ответил Борн. — Просто я устроил ему хорошую западню и точно выстрелил.

Руума-Хум, покрытое шерстью говорящее животное, — был с Борном повсюду. Он не отличался пассивностью, но был очень быстрым, сильным и смышленным. У всех братьев Борна были такие же умные фуркоты, которые делили с ними все тяготы и радости жизни.

Руума-Хум напевал расхаживая вокруг охотника, сопел, презрительно фыркал при взгляде на лежавшего внизу грейзера.

— Я слишком устал, — сказал Руума-Хум. — И страшно голоден.

— Теперь мы можем вернуться домой. Ты поднимешь эту тушу?

— Подниму — ответил фуркот, нисколько не раздумывая.

Борн хорошо ориентировался в своем мире. Но сейчас ему хотелось расслабиться и довериться фуркоту. Тот безошибочно отыщет дорогу к дому.

В их мире было Семь Уровней. Народ Борна предпочитал Третий Уровень. Там, где жили и фуркоты. Ниже были Четвертый, Пятый, Шестой и Седьмой Уровни, а выше их Дома —

Второй и Первый, самые близкие к Солнцу, к Всевышнему Богу.

Многие хотят увидеть Всевышнего Бога. Борн видел это трижды и жив. Сейчас он спешил явиться на глаза своим братьям и надеялся получить лавры победителей.

— Все в порядке. — Борн посмотрел на Руума-Хума. — Уверен, что ты меня не подведешь. Путь домой будет долгим и нам, возможно, придется повоевать. К тому же у нас очень важный груз. И горюй, что ты опоздал к моменту охоты. Какая разница — кто именно убил. Борн довольный усмехнулся.

— А теперь в путь. Мы можем отдохнуть только на половине пути от этого места до Дома.

— Отдыхать? Что значит отдыхать? — Руума-Хум фыркнул.

Фуркот обладал особым чувством юмора и не хотел сейчас возражать такому важному человеку, каким стал после удачной охоты Борн. И Борн оценил покладистость фуркота.

— Итак, теперь пошли.

Они оглянулись на потайную засаду с желанием запомнить ее и, может быть, когда-нибудь вернуться сюда.

Борн осмотрел тяжелый груз Руума-Хума и залюбовался такой прекрасной добычей. Потом, взявшись за ветки, добрался до небольшого, но яркого цветка, наклонился к нему и стал нетерпеливо пить лепестки. Закончив пить, Борн стряхнул рукой капли воды и вытер рот руками. Попрощавшись с цветками, Борн и Руума-Хума зашагали по крутой дороге к Дому.

Это был зеленый Мир, Вселенная, Истина. Многоцветьем красок расцветали деревья, произрастали на просторе растения, опутывающие стволы деревьев и множество других растений. Появились щетинистые соцветия; ароматное благоухающее цветение в каждом мыслимом и немыслимом, возможном и невозможном очертании, цвете, величине.

Само изобилие, такое фантастическое. И все избегает и сторонится друг друга, чтобы не разрушать, а сохранять свой запах, свою самобытность, свои чувства и ароматы как можно дольше. Борн и Руума-Хум усердно обходят цветы с необычайными, незнакомыми ароматами. Их запахи могли быть и смертельными. И это не смотря на их внешнюю яркую красоту.

Вьющиеся и ползучие растения не отличались внешней

красотой, но они обладали насыщенными и разнообразными запахами. Третий уровень богатейшим миром.

И хотя доминирует здесь растительная жизнь, жизнь животных тоже обильна, — орнитология, мир млекопитающих, рептилии, жители деревьев, плавающие или одновременно плавающе-крылатые, летающие. Все не перечислить.

Постоянный круговорот жизни и смерти проходил перед глазами Борна и Руума-Хумы, идущих сложным, запутанным путем к себе домой. Почти непреодолимой преградой на их пути вставал сильный пронизывающий до костей ветер. Они шли по веткам и листьям, которые трещали под их ногами, и искали, где можно было бы остановиться на отдых. В конце-концов они нашли такое, казалось бы, уютное местечко с толстыми лесными ползучими растениями. Но Борн и Руума-Хум смотрели на все с некоторой подозрительностью. Как только Борн ступил на это место, он все понял, их могло тут затянуть, поглотить очень крепкое и цепкое сплетение растений.

По счастливой случайности луч света достиг Третьего Уровня, и Борн разглядел, какая опасность их тут подстерегала. Не подходя близко к обнаруженному им узкому отверстию, Борн заглянул в него и поразился глубине, ведущей наверняка на Четвертый и Пятый Уровень на сотни метров вниз к зелени Нижнего Ада. Обойдя опасное место, фуркот и человек двинулись дальше. От усталости они уже не замечали окружающую их торжественную природу, не слышали величественное пение птиц. Любой ботаник был бы ошеломлен увиденным и услышанным.

Борн не был ботаником. Он не мог определить возраст растений, определить период их цветения, но его очень и очень далекие предки могли и знали это.

В конце концов Борн и Руума-Хум нашли себе удобное место для отдыха среди густых веток на одном из толстых суков.

И Борн и Руума-Хум были рады возможности остановиться и хотя бы ненадолго уснуть. Небольшой ростом Борн тут же очень удобно устроился. Фуркот Руума-Хум тоже был доволен своим временным убежищем. Фуркоты всегда жили с людьми и отличались дружелюбием и общительным нравом. По первому же зову человека они легко отправлялись в путь, даже если их разбудят среди ночи. У них были острые когти и зубы, отличающие животных с хищническими инстинктами. Фуркоты очень ловко передвигаются и цепко держатся на ветке.

Руума-Хум с удовольствием растянулся на раскинутых ветвях и зевнул, хлопая своими тремя глазами. А потом протянул Борну свою большую лапу и принялся очищать ее от различных колючек, иголок и шипов.

Борн лелеял мечту навести порядок в этом лесном царстве и очистить наиболее нужные пути.

Умный и смышленный фуркот работал вместе с человеком очень осторожно и легко, но когда они заканчивали работу, — это уже был не человек.

Вечером как обычно пошел дождь. И лил он всю ночь. За несколькими исключениями дождь шел каждую ночь.

Это также естественно, как то, что солнце встает утром. А дождь идет ночью.

Руума-Хум быстро заснул. Возле него устроился и Борн. Фуркот слегка шевельнулся во сне, голова его склонилась, прижавшись к плечу Борна. Борн доволен. Он погладил фуркота, как бы оценивая, пробежался своими пальцами по толстой зеленой шкуре.

Борну хотелось Домой. Он не чувствовал такой усталости, которая заставила бы его забыть предвкушение восторженной встречи. И даже короткий сон казался ему длинным. Он не мог так медлить. И поэтому еще в темноте начал будить фуркота.

— Уже утро?... — изумился тот.

— Идти целый день, Руума-Хум, — сказал Борн. — Ночью шел дождь. Поэтому к полудню будут красные ягоды и пьюм.

При мысли о еде Руума-Хум оживился. Вообще-то ему хотелось поспать... Но ведь пьюм, и к тому же скоро... Он еще раз выгнул спину, вытянул вперед передние лапы и процарапал параллельные борозды в твердой, как сплав, омертвелой поверхности ветки. Руума-Хум не мог не признать, что иметь при себе человека иногда очень даже неплохо. Люди знали, как находить вкусную еду, умели сделать интересным сам процесс питания. За это Руума-Хум с готовностью прощал недостатки Борна. Все три его зрачка загорелись. Люди гордились тем, что проделали грандиозную работу по одомашниванию первых фуркотов. Фуркоты не считали нужным оспаривать это. Они знали, что привязались к людям из простого любопытства. Впервые в своей жизни фуркоты встретили совершенно непредсказуемые существа, способные забыть и про сон. Предугадать поступки человека — даже своего собст-

венного — было невозможно. Поэтому фуркоты спокойно терпели людей, не особенно задумываясь над причинами этого. Фуркоты знали только, что такие отношения доставляют им удовольствие и приносят пользу.

Мечты о сердцевине пьюма привели к тому, что, взгромоздив на спину тушу грейзера, Руума-Хум заснул, но ненадолго. Так что Борн почти не потерял своего драгоценного времени. И они снова отправились в путь.

— Дом близок, — урчал Руума-Хум, останавливаясь и вылизывая толстым изогнутым языком больную переднюю лапу.

Еще час назад Борну начали попадаться знакомые приметы и зарубки на деревьях. Вот грозовое дерево, которое убило старую Ханну, когда та зазевалась. Вот серебристо-черный пень. Его они старательно обошли. Один раз они остановились, чтобы пропустить проплывающего мимо летуна с длинными развивающимися жалящими усиками. Пока они стояли, летун издал певучий свист и опустился пониже. Возможно, он решил попытать счастья на Четвертом Уровне, где шустрые бушекеры встречались чаще.

Борн вышел из-за ствола и только собрался снять с себя плащ, как откуда-то сверху раздался резкий звук такой силы, что содрогнулся бы и пфеффермолл. По пронзительности этот звук не уступал охотничьему воплю чоллаки. Таким внезапным, таким мощным был этот звук, что обычно невозмутимый Руума-Хум от неожиданности встал в оборонительную стойку, уперся спиной в один из ближайших пней, несмотря на то, что туша грейзра сковывала его движения, поднял все передние лапы и выпустил когти.

Резкий звук сменился протяжным воплем, который в свою очередь поглотил оглушительный, ужасный грохот ломающихся деревьев. содрогнулась даже ветка ближайшего дерева-Колонны. И тут страшно затряслась та ветка, на которой они стояли. Обладающий огромной силой Руума-Хум смог устоять, но Борн не удержался. Он пролетел на несколько метров вниз, сломав в падении парочку беззащитных мягких суккулентов* и ударился о твердый выступ. От удара Борн

* Растения с толстыми, жирными листьями *(Прим. перев.)*.

подскочил и чуть не сорвался еще раз, но успел ухватиться двумя руками за жесткий нарост. Вибрация прекратилась, и Борн смог обхватить его и ногами.

Шатаясь, он подтянулся и встал. Как будто ничего не сломал, все, по-видимому, было в порядке. Но духовое ружье — снаффлер, пропало; скрепы, на которых оно держалось, расстегнулись, и ружье, кувыркаясь, полетело в бездну. Это была тяжелая потеря.

Треск и грохот переломленных деревьев начал затихать и наконец совсем пропал. Падая, Борн почувствовал, что на некотором расстоянии от него среди зелени пронеслось нечто невозможно широкое, синее, металлическое. Оно тоже летело вниз. Но сейчас, всматриваясь в ту сторону, ничего, кроме леса, Борн не увидел.

Из убежища вылезали пиперы и орбиоли, нерешительно перекликаясь в тишине. Потом к ним присоединились бушекеры, флауэркиты и их сородичи. Через минуту гайлиэ наполнилось своими обычными звуками.

— Что-то случилось, — отважился заметить тихим голосом Руума-Хум.

— Мне кажется, я что-то видел, — Борн еще пристальней всмотрелся в ту сторону, но ничего необычного не увидел. — А ты? Видел что-то большое, синее и блестящее?

Руума-Хум внимательно посмотрел на него.

— Не видел я ничего. Видел, как ты упал в Ад и исчез. Был занят тем, что пытался удержаться здесь, хотя Гуйна грейзера тащил меня вниз. Мне было не до любопытства.

— Ты поступил разумнее, чем я, старина, — признался Борн, поднимаясь к фуркоту. Он подергал лиану, нашел, что она достаточно прочная, и полез было туда, куда упало это непонятное нечто. — По-моему, неплохо было бы...

— Нет. — Борн обернулся и увидел, что фуркот опустил вниз свою огромную голову и медленно качает ею из стороны в сторону, подражая человеческому жесту отрицания. Три глаза показали на тропу, по которой они шли.

— Человек Борн, до сих пор нам везло. Но скоро грейзеры учуют запах. Придется драться за каждый шаг к Дому. Так что сначала в Дом. Об этом... — и он кивнул в сторону крушения, — я расскажу братьям, они скорее поймут, что это такое.

Борн стоял на древесном мосту и думал. Его неумное лю-

бопытство — или безумие, если верить многим его товарищам, — так и влекло его к источнику любого звука, каким бы страшным он ни казался. Но на этот раз здравый смысл победил. Им с Руума-Хумом пришлось здорово потрудиться, чтобы убить грейзера, которого они везли с собой. Рисковать сейчас, не имея на то веской причины, было бы неразумно.

— О'кей, Руума-Хум. — Борн перескочил на широкую ветку, и они снова двинулись к поселку. Последний взгляд через плечо открыл ему только зеленую пестроту и никаких подозрительных движений. — Но как только я закончу разделку туши, я обязательно вернусь сюда и узнаю, что это было. Для меня не имеет значения, пойдет кто или нет вместе со мной.

— Не сомневаюсь, — ответил Руума-Хум. Он-то знал.

3

Они достигли барьера задолго до темноты. В их глазах гайлиэ было одним большим деревом — Деревом-Домом. Еще выше были только деревья-Колонны, хотя Дерево-Дом поистине было чудовищно огромным. Широкие переплетающиеся ветки и длинные вьющиеся стебли торчали во все стороны. Внутри, среди его ветвей и листьев росли висящие деревья, корни и лианы. Борна радовало, что на Дереве-Доме росли или совершенно безвредные или даже полезные для человека растения. Его народ хорошо заботился о Дереве-Доме, а оно, в свою очередь, заботилось о людях.

Лозы были покрыты ярко-розовыми цветами, внутри каждого из них сидел стручок с цветочной пыльцой. Стручки эти были сродни желтым коробочкам с семенами, благодаря которым духовые ружья превращались в грозное оружие и отличались еще большей чувствительностью. От малейшего прикосновения к розовой поверхности тонкая, как бумага, кожица разрывалась и испускала облако пыли, смертельное для любого животного, вдохнувшего его через нос, поры или иным способом. Эти лозы обвивали дерево на середине Третьего Уровня — уровня поселка, образуя вокруг него защитную сеть.

Борн подошел к ближайшей лозе, нагнулся и плюнул прямо в середину одного из цветов, стараясь не попасть в стручок с пыльцой. Цветок зашевелился, но стручок не взорвался. Розовые лепестки сложились внутрь. Пауза. Затем лоза начала извиваться и сжиматься, как это делают ползающие лозы в поисках добычи. Когда лоза сжалась, открылась тропа, по которой легко прошли Борн и Руума-Хум. Сразу за Руума-Хумом внешние дальние лозы сошлись вместе и закрыли собой тропу. Цветок, в который плюнул Борн, снова раскрылся и продолжал пить слабый вечерний свет.

Случайный наблюдатель отметил бы, что слюна Борна исчезла. Химик сказал бы, что ее абсорбировал цветок. А если бы это был блестящий ученый, то он мог бы открыть, что слюна не только была абсорбирована цветком, но еще подвергнута анализу и идентификации. Борн же знал только то, что если осторожно плюнуть в цветок, тогда Дерево-Дом узнает, кто он такой.

Приближаясь к поселку, Борн попытался весело насвистывать. Но мелодия не получалась. Из головы не выходило таинственное происшествие с загадочной синей штуковиной, которая упала в лес, круша все на своем пути. Иногда, хотя и очень редко, какое-нибудь висячее дерево перерастало свои корни или то, к чему оно прикреплялось, и падало, увлекая за собой лианы и более мелкие растения. Но никогда еще Борн не слышал, чтобы так ломались и крушились деревья. Эта штука должна быть во много раз тяжелее любого висячего дерева. Он понял это по тому, с какой скоростью оно падало. Да еще этот что-то напоминающий металлический блеск.

Когда Борн вступил в центр поселения, он совсем не думал о предстоящей триумфальной встрече. Здесь огромный ствол Дерева-Дома расщеплялся на множество стволов поменьше, образующих густой лес вокруг центрального открытого пространства. Где-то высоко эти стволы соединялись вновь в один ствол, сужающийся конусом и поднимающийся в небо еще на шестьдесят метров. С помощью листьев, растительных волокон и звериных шкур жители закрыли пространства между переплетенными стволами, сделав себе жилища, недоступные для ветра и дождя. Для питания использовались похожие на цветную капусту, но имеющие форму тыквы фрукты. У них был вкус клюквы и иногда эти фрукты росли прямо внутри закрытых жилищ.

Внутри каждого жилища были обгоревшие места, как и под пологом над центральной площадью. Эти мелкие ожоги не вредили огромному растению. В каждом жилище имелось также небольшое углубление, сделанное в самом Дереве. Сюда обитатели Дерева несколько раз в день приносили ему свои подношения в благодарность за кров и защиту. Эти пожертвования смешивались с толченой мякотью мертвых растений, собранных специально для этой цели. Мякоть использовалась также для того, чтобы убивать сильные запахи. Когда углубления наполнялись, их чистили. сухие остатки выбрасывались за Дерево-Дом в зеленую бездну, а углубления снова использовались. Дерево принимало и поглощало приношения очень быстро и эффективно.

Дерево-Дом было самым великим открытием, сделанным предками Борна. О его уникальных качествах узнали тогда, когда казалось, что вся колония до последнего человека погибнет. В то время никто не задумался над тем, почему растение, бесполезное в родной среде, здесь оказалось таким удобным. Вскоре люди послали разведчиков на поиски других Деревьев-Домов, и были основаны новые поселения. Но за годы, прошедшие с тех пор, как пра-пра-пра-пра-пра-прадедушка Борна поселился на этом Дереве, контакты с другими поселениями постепенно стали слабеть, а потом и вовсе прекратились. Никто не позаботился возобновить связь с ними, да и не хотел. У них было все необходимое для выживания в мире, который кишел кошмарными созданиями, несущими смерть и разрушения.

— Борн вернулся.... Смотрите, Борн вернулся... Борн, Борн!

Вокруг Борна собралась небольшая толпа и радостно приветствовала его. Но в ней были одни только дети. Один из мальчишек, забыв о том, что встречать охотника надо с почестями, имел дерзость дернуть его за плащ. Борн посмотрел вниз и узнал сироту по имени Дин, которого воспитывали все жители сообща.

Его отца и мать кто-то похитил, когда они были в экспедиции по сбору фруктов. Они исчезли в лесу вслед за раздавшимся страшным звуком. Остальные члены группы в панике разбежались, а когда вернулись на прежнее место, от супружеской пары остались одни орудия труда. С тех пор о них никто никогда не слышал. Поэтому мальчика растили в

поселке сообща. По непонятным причинам паренек больше всех привязался к Борну. Охотник не мог отмахнуться от подростка. Это был закон — и очень необходимый для выживания, закон, по которому ребенок, лишившийся родителей, мог сам по своему желанию выбирать себе новых. Но почему именно безумного Борна, вот вопрос...

— Нет, я тебе не дам шкуру грейзера, — возразил Борн и мягко отстранил мальчика. Тринадцатилетний Дин уже не считался ребенком. Его уже нельзя толкать.

По пятам за сиротой катился толстый меховой шар, почти такой же большой, как и подросток. Детеныш-фуркот по имени Маф через каждые три шага спотыкался на своих толстых неуклюжих лапах. Споткнувшись в третий раз, Маф разлегся посреди поселка и уснул, найдя таким образом подходящее решение своей проблемы. Руума-Хум при виде детеныша ворчливо заурчал. Но он не мог не сочувствовать ему. Он и сам был не прочь как следует поспать.

Борн не пошел к себе домой, он отправился на другой конец поселка.

— Брайтли Гоу!

В ответ сверкнули зеленые глаза, не уступающие яркостью самой густой листве, а затем показалось лицо и фигура лесной нимфы, грациозной как лань. Она вышла навстречу и взяла Борна за руки.

— Как хорошо, что ты вернулся, Борн. Все беспокоились. Я... очень беспокоилась.

— Беспокоилась? — восторженно изумился охотник. — О ком? О маленьком грейзере? — Величественным жестом он показал в сторону туши. Ее тяжесть вывела из себя Руума-Хума. В его голове появились неприятные мысли о некоторых людях, которые вместо того, чтобы позаботиться о своем фуркоте кокетничают с девушками.

Брайтли Гоу уставилась на грейзера, и ее глаза стали большими, как цветы рубинового дерева. Потом она неуверенно нахмурила брови.

— Но, как я съем все это, Борн?

В ответ Борн скованно рассмеялся.

— Возьми себе мяса столько, сколько надо тебе и твоим родителям, конечно. А вот шкура — это только для тебя.

Брайтли Гоу была самой красивой девушкой в поселке, но других же достоинств Борн в ней что-то не замечал. И иногда

в сомнениях задумывался над этим. Стоило ему посмотреть на девушку в тонкой одежде из кожицы листьев, как Борн забывал обо всем на свете.

— Ты смеешься надо мной, — рассердилась Брайтли Гоу. — Не смейся! Естественно, после этого Борн стал смеяться еще громче.

— А вот Лостинг, — сказала девушка с достоинством, — никогда не смеется надо мной.

Это быстро отрезвило Борна. — Какое имеет значение, что делает Лостинг? — с вызовом бросил он.

— Это имеет значение для меня.

— Гм... ладно. — Где-то что-то опять не сработало. Борн совсем не так представлял их встречу. Всегда получалось не так, как он хотел.

Отважный охотник оглядел притихший поселок. Кое-кто из стариков выглядывал из домов, когда он только вошел в него. Но теперь, когда жители уже знали о том, что Борн жив и здоров, они вернулись к своим домашним занятиям. Большинство взрослых, естественно, были или на охоте, или собирали еду, или чистили Дом от паразитов. Мечты о восторгах по поводу его возвращения никогда не становились явью. Значит он рисковал своей жизнью только для того, чтобы его встретила компания детей и Брайтли Гоу. От прежней эйфории не осталось и следа.

— Все равно, я обработаю для тебя шкуру, — проворчал Борн. — Пошли Руума-Хум. — Он повернулся и сердито зашагал прочь. Он не видел, как на лице Брайтли Гоу отразилась целая гамма разнообразных чувств. Потом она повернулась и вошла внутрь своего жилища.

Когда тушу, наконец, отвязали и Руума-Хум сбросил ее со своей спины, он издал вздох облегчения. После этого он пошел прямо в отведенную ему, большую отдельную комнату, улегся и предался любимому занятию всех фуркотов.

Бормоча что-то про себя, Борн развязал свой охотничий пояс, снял плащ и приступил к разделке грейзера. Он так сердито махал костяным ножом, что в нескольких местах чуть не испортил шкуру. Под шкурой лежал слой жира. Поворачивать тушу было нелегкой работой, но Борн справился с ней сам. Ему не пришлось будить Руума-Хума. Жир он побросал в деревянное корыто. Позднее его перетопят и сделают из него свечи. Затем Борн принялся разделывать мясо. Он

отрубал огромные куски, которые затем высушит для лучшей сохранности. Внутренние органы и другие несъедобные части отправлялись в углубление в дальней стене комнаты. Борн прикрыл их измельченной растительной смесью и добавил воды из деревянного бака. Дом будет доволен.

Он отделил пустотелый прозрачный столб и огромные конусообразные круглые ребра, вымыл, зачистил их и вынес наружу для просушки. Из толстой кости сделают орудия труда и украшения. Зубы не годились ни на что, их не стоило даже носить, как, например, зубы плотоядного бридера, которого убил Лостинг. Борн не станет делать ожерелье для торжественных церемоний из этих плоских зубов. Но поест хорошо.

Разделав грейзера,Борн вымыл руки. И откинув занавес из сплетенных растительных волокон, стал рыться в углу и нашел запасное духовое ружье — снаффлер. Надо бы сделать еще одно такое же. Он внимательно осмотрел ружье, обдумывая эту проблему. Придется просить Джелума сделать новое ружье. Он работал с зеленой древесиной куда лучше, чем Борн, его пальцы были искуснее, ловчее. Борн печально улыбнулся. За новое духовое ружье придется отдать почти всего грейзера, но все равно на какое-то время он обеспечил себя хорошей едой. Джелум не был охотником, и он будет рад мясу, ведь на его руках двое детей и жена.

— Руума-Хум, я пошел к Джелуму, резчику. Я...

Из угла, где спал фуркот, донесся долгий низкий свист. Борн сердито выругался. Похоже на то, что всем все равно, жив он или мертв. Он резко отодвинул занавес из кожицы листьев и направился к дому Джелума.

Остаток дня в основном прошел в выработке условий сделки. В конце концов Джелум согласился сделать новое духовое ружье в обмен на три четверти мяса грейзера и на его целый скелет. Обычно Борн никогда не соглашался на такие условия. Для того чтобы добыть этого грейзера, он потратил целую неделю, а его доставка связана с повышенным риском. Но Борн устал, его огорчил равнодушный прием и разочаровала Брайтли Гоу. Да еще Джелум показал ему великолепный экземпляр трубки из зеленого дерева, местами почти синей, из которой получится прекрасный снаффлер, просто замечательный. Обмануть его не удастся, но все-таки это была неравноценная сделка.

Борн полез один в верхнюю часть поселка, где мелкие ство-

лы начинали соединяться в один большой ствол. Отсюда был виден весь поселок и лесная стена.

Центр поселка представлял собой самое большое открытое пространство, какое только Борну довелось видеть в своей жизни, за исключением, естественно, Верхнего Ада. Здесь можно было расслабиться и изучать окружающий мир, не боясь нападения. Пока он смотрел, стеклянный крылан коснулся розового цветка лозы. Красные и синие крылья лениво подрагивали, лучи солнца пронизывали прозрачные органические плоскости.

Это была еще одна особенность Борна, из-за которой некоторые жители поселка считали его немного сумасшедшим. Только он один сидел и тратил зря время, глядя на такие существа, как крыланы и цветы, которые не годились в пищу, и не представляли собой никакой опасности. Борн и сам не мог объяснить, почему он так поступал, но что-то внутри него, когда он так сидел, начинало радостно шевелиться. Радовалось и теплело. Он познает все, что можно познать об этом мире.

Ридер, шаман, много раз пытался изгнать демона, который побуждал Борна бесполезно тратить время, но все было напрасно. Борн соглашался на эту процедуру только под влиянием уговоров обеспокоенной четы вождей, Сэнда и Джойлы. В конце концов Ридер смирился, объявив заблуждения Борна неизлечимыми. Поскольку от этого никому не было вреда, все согласились оставить Борна в покое. Все желали ему только добра.

Все, кроме Лостинга, естественно. Но неприязнь Лостинга объяснялась не заблуждениями Борна. А проистекала из зависти к отважному охотнику.

Капля теплого дождя упала на лоб Борна, покатилась по его лицу. За ней еще одна и еще. Настало время идти на совет.

Пробираясь между стволами, Борн вернулся в поселок. В центре площади был зажжен огонь. Это место уже почернело и выгорело от многих подобных костров. От дождя защищал широкий навес из сотканной кожицы листьев, под ним нашлось место для всех жителей поселка. Их уже собралось там много, и прежде всего Сэнд, Джойла и Ридер.

Ускорив шаг под уже сильным дождем, Борн разглядел Лостинга. Войдя в круг, Борн, занял место среди мужчин напротив своего соперника. Очевидно, Лостинг уже прослышал о возвращении Борна и его подношении в виде кожи грейзера,

потому что он с большей, чем обычно злобой, бросал на него взгляды с другой стороны костра. В ответ Борн лишь приветливо улыбался.

Мерный шум теплого дождя, падающего на кожицу листьев и стекающего на деревянную землю, аккомпанировал шуму голосов собравшихся людей. Иногда раздавался детский смех, шиканье взрослых.

Сэнд поднял руку, призывая к молчанию. Джойла сделала то же самое. Люди умолкли. Сэнд, который никогда не отличался высоким ростом — он был примерно с Борна — теперь, усохший и согнутый временем, казался еще меньше. Тем не менее он производил должное впечатление. Он напоминал старые, изношенные часы, которые все время еле-еле тикали, но в нужный момент били на удивление громко и чисто.

— Охота была хороша, — сказал кто-то.

— Охота была хороша, — одобрительно повторили собравшиеся.

— Сбор еды удачный, — в тон произнес Сэнд.

— Сбор удачный, — с готовностью подтвердил хор.

— Все, кто присутствовал на последнем собрании, и сейчас находятся здесь, — отметил Сэнд, обводя глазами круг. — Живительные соки в Доме сильны.

— Стручок готов к пище, — провозгласила одна из женщин в круге. — Семя Моранна и Ога зреет. Оно созреет через месяц. — Сэнд и все остальные закивали головами и пробормотали что-то одобрительное.

Где-то далеко наверху раздались раскаты грома, они эхом отозвались в целлюлозных каньонах, прокатились по хлорофилловым холмам. Вечерний разговор продолжался: сколько и каких собрано фруктов и орехов; сколько и какого мяса высушено; какие у кого были приключения, достижения и ошибки за этот уже прошедший день.

Когда Борн объявил о том, что он убил грейзера, в толпе одобрительно зашумели, но не с таким воодушевлением, как хотелось бы Борну. Он не знал того, что умы всех занимало нечто гораздо более важное. Сообщить об этом взялся Ридер.

— Сегодня вечером, — начал он, подняв свой тотем — священный топор, — в мир что-то упало из Верхнего Ада. Что-то гигантское, не поддающееся воображению.

— Нет, оно поддается воображению, — перебила его Джойла. — Мы считаем, что Колонны еще больше.

Собравшиеся одобрительно зашумели.

— Справедливое замечание, Джойла, — признал Ридер. — Что-то такого же размера, но невообразимо тяжелое, — он победно посмотрел на Джойлу, которая на этот раз промолчала. — Оно вошло в мир с северо-запада от грозового дерева и упало в Нижний Ад. Возможно, это был обитатель этого Ада, навестивший своих родственников в Верхнем и возвратившийся домой.

— А не можем ли мы ошибиться насчет Верхнего Ада? — спросил кто-то из толпы. — Правда ли то, что они такие же огромные, как и те, которые внизу? Мы знаем очень мало и о том и о другом Аде.

— А я к примеру, — вставил кто-то, — и не имею ни малейшего желания знать больше! — Раздался понимающий смех.

— Тем не менее, — стоял на своем шаман, указывая своим топором на жителя, который предпочитал оставаться в приятном неведении, — именно этот демон сегодня спускался очень близко к нам. Что, если он не вернулся в свой дом в бездне? С тех пор, как он прошел мимо, не было слышно больше ни звука, ни движения. Если он притаился где-то рядом с нами, кто знает, как мы должны поступить? — По собравшимся прошла нервная дрожь. — Существует вероятность того, что он мертв. Не говоря уже о том, что было бы интересно посмотреть на мертвого демона; такое количество мяса нам бы тоже не помешало.

— Если только его родичи не заявят свои права на труп, — выкрикнул кто-то, — а если они это сделают, то я в таком случае не хотел бы здесь оставаться! — Раздались голоса одобрения.

Где-то высоко сверкнула молния и до поселка донеслись раскаты грома. К своему удивлению, Борн вдруг вскочил на ноги и стал говорить. — Я думаю, что это не демон. — Толпа зашевелилась, все глаза устремились к нему. Оказавшись в центре внимания, Борн почувствовал себя крайне неловко, но сумел сдержать свое волнение.

— Откуда ты знаешь? Ты это видел? — наконец спросил Ридер, обретя после неожиданного заявления Борна дар речи. — Ты никому ничего не говорил.

Борн пожал плечами и сказал, стараясь придать своему тону равнодушие. — А меня никто ни о чем не спрашивал.

— Если то, что ты видел, не демон, тогда что? — подозрительно спросил Лостинг.

Борн задумался. — Я не знаю. Я только на мгновение увидел это, когда оно падало в мир — но все-таки я это видел!

Лостинг сел на свое место, его мускулы так и играли в отблесках огня, и улыбнулся сидевшим рядом с ним.

— Ну говори, Борн, — подсказала Джойла. — Ты видел это или нет?

— Я и сам хочу рассказать, — возразил Борн. — В этот момент я падал вниз. Я и видел и не видел это. Когда сокрушительные удары и сотрясение мира достигли наивысшей точки, я увидел сквозь деревья, как там промелькнуло что-то ярко-синее. Ярко-синее и блестящее, как асанис.

— Может, это и был падающий цветок асаниса, — сказал Лостинг, самодовольно ухмыльнувшись.

— Нет! — Борн сердито повернулся и с яростью посмотрел на своего соперника. — Это было такого же цвета, но блестящее, яркое и слишком... слишком резкое. От него отражался свет.

— Отражался свет? — удивился Ридер. — Разве такое возможно?

Возможно ли? Они все не сводили глаз с Борна, в глубине души желая верить, что то, что он видел, не демон. Он силился вспомнить момент падения, этот проблеск чуждого синего цвета среди веток. Он притягивал к себе свет, как лист асаниса — нет, больше это было похоже на то, как сверкает нож, когда его натачивают. Борн рассеянно поводил глазами, мучительно стараясь найти сравнение.

— Как топор! — выкрикнул он, указав рукой на оружие шамана. — Это было похоже на топор.

Все глаза машинально остановились на священном оружии и на самом Ридере. Раздался насмешливый шепот. Ничто не могло походить на топор.

— Может, ты ошибся, Борн, — мягко заметил Сэнд. — Это произошло, как ты говоришь, очень быстро. И ты видел это, когда падал сам.

— Я совершенно уверен в этом. Точно, как топор. — Борн старался говорить как можно увереннее, он уже не мог отступить от своей позиции, не показавшись полным дураком.

— Во всяком случае, — произнес Борн к своему ужасу, — это очень просто доказать. Надо только пойти и посмотреть.

Ропот толпы усилился; сейчас никто не насмешничал, все были потрясены.

— Борн, — терпеливо начал вождь, — мы ведь не знаем, что это такое и куда оно делось. Вполне возможно, что оно уже вернулось в бездну, из которой, наверное, и вышло. Пусть оно там и пребывает.

— Но мы же не знаем, — возразил Борн, вставая со своего места и передвигаясь ближе к огню. — Может, оно и не вернулось. Может, оно осталось на уровне ниже, спит, ждет, пока не учует запах Дома, а потом придет сюда и будет таскать нас одного за другим. Если это такое чудовище, тогда не лучше ли нам самим отыскать его и зарезать, пока оно спит.

Сэнд медленно кивнул головой, обведя взглядом людей.

— Прекрасно. Кто желает пойти с Борном по следу этого демона?

Борн обернулся к своим товарищам-охотникам, мысленно умоляя их. Затянувшаяся тишина, дерзкие взгляды. И вдруг ответ прозвучал оттуда, откуда его никто не ждал.

— Я пойду, — заявил Лостинг. Он встал и самоуверенно глядел на Борна, как бы говоря, если ты не боишься этой твари, то здесь вообще бояться нечего. Борн отвел взгляд от глаз этого человека.

Нехотя согласились идти с ним охотник Дрон и близнецы Толтри и Тейллинг. За ними и другие охотники дали свое согласие из опасения показаться трусами, но Ридер поднял топор. — Этого достаточно. Я тоже пойду, хотя не убежден, что вообще надо идти. Просто не следует людям идти к проклятой твари без сопровождения авторитета по проклятиям.

— Это точно, — пробормотал кто-то. Смех, вызванный этим замечанием, разрядил торжественность происходящего.

Сэнд прикрыл рукой рот, чтобы спрятать усмешку, неприличествующую вождю.

— А сейчас воздадим молитвы, — воззвал он мощно, — чтобы те, кто идет на поиски демона, нашли бы его больным и слабым или не нашли его вовсе и вернулись бы к нам живыми и здоровыми. — Он поднял обе руки вверх, опустил голову и молитва началась.

Эту молитву не узнал бы ни один из земных авторитетов по теологии. Источник, вдохновляющий ее, не определил бы

ни один священник, аббат или раввин, ни один колдун, но которую мог вполне определить специалист по биоэнергетике. Но никто бы из них не смог объяснить, почему эта молитва имела такое эффективное действие здесь, под плачущим ночным небом и пологом из кожицы листьев.

Три зрачка горели как угольки, отражая пляшущий огонь далекого костра. Руума-Хум лежал в сплетении веток и скептически смотрел вниз на собравшихся людей. Свою морду он положил на скрещенные передние лапы. На ветке, ближайшей к месту его отдыха, послышалось неловкое царапанье когтями. Через минуту рядом шлепнулось сорок килограммов меховой массы. Он раздраженно заворчал и обернулся. Это был детеныш, который состоял при молодом сироте, человеке Дине.

— Дедушка, — робко спросил Маф, — почему ты не отдыхаешь, как остальные наши братья?

Руума-Хум обратил свой взор на отдаленный полог и распевающих под ним людей.

— Я изучаю человека, — пробормотал он. — Иди спать, детеныш.

Маф поразмыслил, затем подполз ближе к мощному взрослому и так же, как он, стал смотреть вниз на костер. Помолчав минуту, он взглянул на него вопросительно.

— Что они там делают?

— Я еще точно не знаю, — ответил Руума-Хум. — Мне кажется, что они пытаются стать такими же, как мы.

— Как мы? Как мы? — Маф смешно закашлялся дождем и уселся на свои несколько ног. — А я думал, что это мы пытаемся стать похожими на людей.

— Да, так считается. А теперь отправляйся спать, живей!

— Дедушка, пожалуйста, объясни, я совсем запутался. Если человек хочет быть таким, как мы, а мы хотим быть, как человек, — тогда кто из нас прав?

— Ты задаешь слишком много вопросов, детеныш, ты еще не все понимаешь. Поймешь ли ты ответ? А ответ такой... То, К-Чему-Мы-Стремимся — это встреча, соединение, взаимное сцепление, переплетенная сеть.

— Понял, — прошептал Маф, хотя ничего не понял. — А что будет, когда это будет достигнуто?

— Я не знаю, — ответил Руума-Хум, снова глядя на огонь. — Этого не знает никто из наших братьев, но мы к этому стремимся. Кроме того, человек считает нас занятными, полезными и думает, что он хозяин. Братья же считают человека полезным, занятным и им все равно кто хозяин. Человек думает, будто такие отношения ему понятны. И мы завидуем такому наивному поведению. — Старый фуркот кивнул головой в сторону собравшихся внизу. — Возможно, что мы никогда не поймем этого. Открытия не обещают, на них надеются.

— Понимаю, — пробормотал детеныш, который не понял ровным счетом ничего. Он неловко поднялся на лапы и собрался было идти, но помедлил. — Дедушка, можно еще один вопрос?

— Ну что еще? — недовольно проворчал Руума-Хум, не отрывая глаз от молитвенного собрания.

— Среди детенышей ходят слухи, будто бы до прихода людей мы не умели ни говорить, ни думать.

— Это не слухи, это правда, малыш. Вместо этого мы спали.

Руума-Хум зевнул и обнажил острые как бритва клыки.

— Но это же относится и к Человеку. Мы проснулись одновременно, так считают.

— Я знаю, — сказал Маф, который ничего не знал. Он повернулся и побрел искать себе удобное место на ночь.

Руума-Хум вновь переключил свое внимание на людей, размышляя о том, как ему повезло, что у него есть такой интересный и непредсказуемый человек, как Борн. Вот завтра они пойдут на поиски этой новой штуковины. Ну что ж, думал фуркот, зевая, если завтра миру суждено измениться, лучше всего перед этим как следует поспать. Он перевернулся на бок, сунул голову между передними и средними лапами и тотчас же мирно отошел в любимую страну.

Борн настаивал на том, чтобы выйти до того, как рассеется утренний туман, но ни Ридер ни другие охотники и слышать об этом не желали. Лостинг с жалостью смотрел на того, кто выдвинул такое абсурдное, опасное предложение. Всякий, кому могла прийти в голову мысль о том, чтобы двигаться в тумане, когда человек не в состоянии увидеть подстерегающую

его опасность и защититься, по праву заслуживал прозвище сумасшедшего.

В группе их было всего двенадцать — шестеро мужчин и шесть фуркотов. Мужчины шли гуськом по древесной тропе, а фуркоты шли по верху, снизу и по обе стороны, образуя защитный кордон вокруг людей. Борн и Ридер шли впереди, а Лостинг, по своему собственному желанию, замыкал группу. Этот большой человек с большим сомнением относился ко всей экспедиции и старался быть как можно подальше от ее вдохновителя, Борна. Кроме того, как бы плохо Лостинг ни относился к Борну, ревнуя к нему Брайтли Гоу, он не мог не признать охотничье мастерство Борна. И поэтому Борн по праву шел впереди. Но для собственного успокоения Лостинг повторял услышанное однажды, что храбростью отличаются только безумцы.

Группа продвигалась сквозь солнечные ветви Третьего Уровня быстро и без помех. Только однажды люди услышали отдаленное предупредительное рычание, внизу по левой стороне. Это вынудило их остановиться и приготовить духовые ружья. Через некоторое время появился Таандасон, тот, кто издавал предупредительные звуки. Фуркот бежал по тропе параллельной той, по которой шли люди. Он задыхался и пыхтел от злости.

— Коричневые многоноги, — доложил фуркот. — Супружеская пара на охоте. Самка заметила меня и плюнула, но самец повернул ее в другую сторону. Сейчас они ушли. — Фуркот повернулся, спрыгнул на нижнюю ветку и исчез в буйной растительности. Ридер довольно кивнул и махнул рукой, давая знак колонне двигаться дальше. Колючки вернулись в колчаны, запасы семян в охотничьи пояса.

Одинокий коричневый многоног, не раздумывая, напал бы на двух-трех человек, подумал Борн. Пара, вышедшая на охоту не остановилась бы ни перед чем. Но такую большую группу людей и фуркотов даже более крупный хищник не решился бы атаковать. Как отреагирует на них демон, еще предстояло выяснить.

Люди уже почти дошли до того места. Борн узнал выделяющиеся на фоне других Кровавое дерево. Его листья в форме кувшина были наполнены алой жидкостью, вызванной тем, что растение обильно выделяло танин. Затем они вошли в полосу ровного бриза. Идущие сразу заметили это. В лесном

мире ветер редко дул ровно и в одном направлении. Обычно, порывы воздуха возникали и пропадали как призраки, нападали, кружились вокруг веток, пней и стволов как живые существа. Но этот воздушный поток был ровным, направленным и теплым. Таким теплым, подумал Борн, что, наверное, исходил из самого Ада.

Ридер принялся угрожающе размахивать топором, отгоняя злых духов. Остальные плотнее завернулись в свои зеленые плащи.

Борн сделал знак замедлить шаг и растянуться. Перспектива, открывающаяся перед его глазами, резко изменилась. Он сделал еще два шага по ветке, отодвинул свисающий лист, судорожно вцепившись в крепкую лиану одной рукой, и вскрикнул при виде того, что открылось его взору. Такие же восклицания раздались рядом с ним, но Борн уже был настолько заворожен, что забыл о своих товарищах.

На расстоянии не больше ладони от того места, где он стоял, толстая ветка была обломлена, как гнилой стебель. Поломаны были и другие растения вокруг. В мире открылся огромный колодец. Борн задрал голову вверх и увидел в двухстах метрах над собой кружок странного цвета. Клочок темно-синего цвета, испещренный белыми облаками — синеву Верхнего Ада.

Внизу — Борн покрепче ухватился за лиану — примерно на таком же расстоянии, если не больше, в глубине, где-то на Пятом Уровне, лежал блестящий синий объект, в котором отражалось солнце, как на поверхности топора. В центре его находилось нечто еще более блестящее, которое даже преломляло солнечные лучи на все цвета радуги, в форме неровного полушария из материала, похожего на прозрачные крылья крылана. Верх этого полушария был разорван и открыт.

И уже лозы, лианы, ползучие стебли и другие растения начали разрушать гладкие стены колодца, расталкивая друг друга в жестокой борьбе за место под непривычным солнцем.

Борн присмотрелся к распространившимся эпифитам* и буйным, быстрорастущим стеблям и прикинул, что не пройдет и двух раз по семь дней, как новая растительность полностью

---

* букв. *растущий на листе* (бот.)

закроет колодец. Им придется некоторое время обходить этот район, пока его не заполнят более плотные растения.

— Сюда, Борн! — позвали его.

Он обернулся и увидел, что на сломанной ветке Колонны стоит Ридер, наклоняется вниз на пределе возможностей и машет ему топором, сверкающим как молния в зеленоватом свете. Через несколько минут вся группа собралась на сломанной ветке шириной в несколько метров. Фуркоты собрались отдельно, сидели в стороне молча и ждали, что предпримут люди.

— Это точно демон, и он спит, — начал один из близнецов. Это был Толтри.

— Я думаю, что это не демон, — твердо возразил Борн. — Мне кажется, это вещь, предмет, который сделан, — он кивнул в сторону Ридера, — как топор.

Это святотатственное мнение Борна было встречено гулом возбужденных голосов. Ридер поднял руку, призывая к тишине.

— Люди, громкие крики здесь неуместны. Это может привлечь демонов Верхнего Ада и они устремятся сюда через дыру, которую проделал демон, больший чем они. Мы обсудим это дело, но я приказываю вам делать это тихо. — Разговоры и споры продолжались, но только шепотом. — А теперь, Борн, — продолжал Ридер, — скажи, почему ты так уверен, что то, что лежит внизу, не демон, а предмет, сделанный наподобие топора?

— Он очень похож на топор, — ответил Борн. — Посмотрите на его прямоугольные очертания, на то, как он отражает свет.

— А разве демон не способен на такое же? Разве шкура орбиоля не отражает свет? Ты не ошибаешься, Борн?

Борн поймал себя на том, что отводит глаза.

— Шаман, нет другого способа выяснить это, как только, — и он посмотрел на старшего, — как только спуститься и посмотреть самим.

— А вдруг это демон? — громко спросил Дрон. — Вдруг он спит и мы разбудим его? — Охотник поднялся с корточек, крепко держа в руках свое духовое ружье. — Нет, друг Борн, я уважаю твою догадливость и почитаю твое мастерство, но я не пойду с тобой. У меня дома жена и двое детей, и я не готов к тому, чтобы стучать по черепу демона и спрашивать, кто

там есть. Нет, только не я. — Он помолчал, подумал. — Но я прислушаюсь к тому, что скажет шаман и мои братья.

— Так что скажут охотники? — спросил Ридер.

Заговорил второй из близнецов.

— По правде говоря, все может быть так, как думает Борн. Если это сделанная вещь, в которой нет жизни, тогда, как мне кажется, она не может ничем угрожать Дому. Или же это, как говорит Дрон, спящий демон, который только и ждет, когда какой-нибудь неосторожный человек наткнется на него и разбудит. Если мы оставим его в покое, он может спать до конца своих дней или мирно уйти своей дорогой. Что до меня, то я думаю, что это какой-то новый демон, который упал из Верхнего Ада и поранился. Нам надо уйти и не тревожить его и пусть он умрет в спокойствии, а то в ярости он может уничтожить нас.

Поднялись Тэйлинг и Толтри и высказали свое мнение. Иногда получалось так, что один из близнецов начинал предложение, а другой его заканчивал. При этом они даже не смотрели друг на друга, что было и неудивительно. Разве в лесу одна ветка советовалась с другой, когда нужно распускать листья? Некоторые считали, что близнецы были ближе к лесу, чем к человеку.

— Что бы это ни было, шаман, — заключил Толтри, — нам кажется, что мы ничего не теряем, если оставим его в покое, и даже выиграем, если спокойно вернемся в Дом по той же дороге, какой пришли сюда.

— Неужели вам всем все равно? — открыто спросил Борн. — Неужели вам неинтересно? А вдруг это добрый демон?

— Никогда не слышал о добрых демонах, а интересуюсь я только тем, как выжить, — ответил Дрон. Остальные внимательно слушали. После Борна Дрон был самым умелым охотником в поселке. — Пока это лежит там, — он кивнул в сторону колодца, — оно не угрожает ни нам, ни Дому. Я не думаю, что, если мы пойдем изучать его, это пойдет нам на пользу. Я выступаю за то, чтобы вернуться в Дом.

— Я тоже... и я... и я...

Маленький кружок людей, стоявших среди деревьев, не поддержал Борна. Всегда они против, думал разъяренный Борн.

— Тогда уходите, — воскликнул он с презрением, перебираясь из круга на ветку повыше. — Я спущусь один.

Охотники зароптали. Ридер и Дрон, старейшие из них, смотрели на Борна понимающе, но и они придерживались того мнения, что Борну при всех его достоинствах не хватает осторожности. В поселке будут жалеть о нем, если он не вернется. Если он хочет идти один, пусть идет, но другие пусть сохранят благоразумие.

Итак, Борн скорчился на верхней ветке и дулся, пока его товарищи готовились в обратный путь. Вокруг них собрались их фуркоты, они тоже отправились к Дому.

Помимо своей воли, Борн чуть было не окликнул их, чтобы еще раз попробовать переубедить их. Его охладила только едва скрытая усмешка Лостинга. Этот гнилой фрукт пьюма только и мечтает, чтобы Борн исчез навсегда и открыл ему путь к Брайтли Гоу. Но Борн не собирается исчезать, чтобы доставить ему удовольствие. Он узнает правду о синем чудовище внизу, вернется и всем расскажет о нем. Тем, кто не пошел с ним, будет стыдно, а Брайтли Гоу будет ласково улыбаться ему.

И все же, следовало признать, что в маленькой группе все были храбрецы, а мудрый Ридер еще не выжил из ума. Существовала вероятность того, что Борн ошибся, а они были правы. Он отбросил эту неприятную мысль и тихонько один раз свистнул.

Через минуту появился Руума-Хум и небольшая ветка прогнулась под их тяжестью. Фуркот выжидающе посмотрел на Борна, затем сложил крестом все четыре передние лапы и уснул. Борн некоторое время рассеянно смотрел на массивную тушу, потом повернулся в правую сторону. Там, за несколькими толстыми ветками с листьями и свисающимися лозами, была бездна, ведущая в Верхний Ад. На дне этого провала лежала загадка, которую предстояло разгадать ему одному. Впрочем, не совсем одному.

Борн изо всех сил стукнул Руума-Хум по голове, удар такой силы потряс бы рослого человека. Но фуркот только моргнул, зевнул и принялся умываться передней лапой.

— Вставай, — твердо приказал Борн.

Руума-Хум поднял на него заспанные глаза.

— Что делать?

— Пошли, бездельник. Я хочу поближе взглянуть на синюю штуковину.

Руума-Хум фыркнул. Разве у человека нет пары своих собственных отличных глаз? Но потом решил, что Борн прав. Кто-то должен следить за пространством сверху и с разных сторон, пока Борн будет под открытым небом.

Борн полез один, без заряженного ружья и без копья из железного дерева, которые могли бы придать ему больше уверенности в себе, на край провала и посмотрел вниз. Сверкающий синий круг лежал в том же положении. Он не сдвинулся с места и не проявлял никаких признаков жизни. Пока Борн наблюдал, раздался громкий треск и объект как будто опустился немного ниже. Колодец, проделанный им в толще леса, красноречиво свидетельствовал о его огромном весе, и теперь этот объект опускался все ниже, ломая ветку за веткой. Он мог и дальше так опускаться, до Шестого Уровня и неизбежно до самого Нижнего Ада. А на такую глубину Борн не отважился бы спускаться даже ради всего мяса в лесу, даже ради самой Брайтли Гоу. Ему надо было действовать быстро, чтобы не упустить свой шанс навсегда.

Он еще ниже склонился над пропастью, крепче ухватившись за ближайшую лиану, казавшуюся достаточно прочной. Но его хватка оказалась не такой сильной. Что-то схватило его за пояс и шею и сильно рвануло. Крик, застрявший в горле, сменился гневом, когда он высвобождался из мягких объятий Руума-Хума.

— Что за...?

Руума-Хум многозначительно взглянул вверх и мягко пророкотал:

— Дьявол летит.

Борн всмотрелся в щелку в стене колодца. Сначала он даже не увидел темную точку на небе, но она вскоре показалась и стала быстро расти. Когда можно было рассмотреть знакомые очертания, Борн отошел на метр в лес и зарядил снаффлер.

У небесного дьявола было длинное обтекаемое тело, поддерживаемое широкими крыльями. Через четыре кожных мешка, по два с каждой стороны, он вдыхал воздух и выпускал его через сопла у хвоста. Он двигался рывками, кругами спускаясь вниз. Длинная вытянутая голова болталась на змеевидной шее.

Два желтых глаза уставились вниз, а острые зубы сверкнули в бледно-зеленом солнечном свете. Небесный дьявол был идеально сложен для бесшумных полетов над верхушками деревьев и для того, чтобы хватать в свои когти беспечных обитателей кроны деревьев. Но теперь он падал вниз. Трехметровые крылья не позволяли ему маневрировать в этом узком колодце, однако ему удалось, извиваясь и крутясь, замедлить свое падение и изучить каждую секцию зеленой стены, вдоль которых он летел.

Борн, одетый в обтягивающую одежду зеленого цвета, едва дыша сидел на своей ветке, спрятавшись за широким листом, и прислушиваясь к каждому шороху. Передвигаясь кругами, дьявол скрылся с глаз. Борн встал и, крепко держась за свою ветку, опять подошел к краю пропасти. Далеко внизу он увидел переливающуюся на свету чешуйчатую спину и крылья чудовища, спускавшегося к объекту. Наконец оно достигло дна и сложило крылья. Дьявол неуклюже пошел по голубой поверхности к приплюснутой верхушке чудовища. Он с силой ударил ее своим клювом, потом вонзил свои зубы в него. Еще и еще раз...

До Борна доносилось гулкое рычание дьявола, потом он услышал отдаленный треск металла.

Вдруг еще один звук долетел до его уха. Этот звук перекрыл весь обычный шум в кронах деревьев. Это был человеческий вопль, и он раздавался где-то очень близко от голубого объекта, или же из него самого.

4

Борн, не раздумывая кинулся вниз. Он бесстрашно перепрыгивал с ветки на ветку, преодолевая одним прыжком несколько метров, его плечевые мышцы сильно напрягались от такой непривычной нагрузки. Руума-Хум не отставал от него. Вместе они издавали такой шум, который мог привлечь внимание доброй половины дневных лесных хищников; о чем фуркот тут же сообщил Борну. Но тот был поглощен другими мыслями, чтобы обратить внимание на предупреждение.

Однажды Борн чуть не упал на спину чан-нока, лежавшего между стволами двух воздушных деревьев. Узловатая спина

огромной рептилии была похожа на виноградную лозу в малейших деталях и поэтому ее не сразу можно было различить. Нога Борна задела бронированную спину, и он тут же понял, что это было чье-то тело, а не дерево. Борн двигался так быстро, что когда чан-нок неторопливо развернулся, чтобы размозжить обидчика, он был уже далеко внизу. Взбешенный потерей своей добычи, тупая морда повернулась, чтобы схватить Руума-Хума. Тот, даже не останавливаясь в своем движении вниз, выпустил когти и сильно поцарапал гладкую поверхность головы рептилии.

Если бы Борн остановился и подумал, что он делает, он бы, наверняка, не удержался на ветке и упал, сильно повредившись. Он спускался, доверяя только своему инстинкту. Ничем не контролируемые, рефлексы не подвели его. Только когда Руума-Хум прибавил еще скорости и оказался впереди него, а потом замедлил свое движение, Борн осознал, как быстро он спускался. Он чуть не вывихнул плечи, когда резко остановился перед фуркотом. Оба тяжело дышали.

— Почему мы остановились, Руума-Хум? Мы...

— Здесь, — прошептал фуркот. — Небесный дьявол рядом. Послушай.

Борн прислушался. Он был так увлечен, что чуть не пролетел уровень, где лежала голубая штука. Теперь он услышал ужасный полу-смех, полу-кашель дьявола и царапающий звук. Этот звук походил на тот, который издает Ридер, скребя ногтями по лезвию топора во время заклинаний. Борн оказался прав в своем мнении о голубой штуке! Но у него не было времени гордиться собственной догадливостью. Послышался стон, уже не крик; похожий на человеческий.

— В ней люди, и небесный дьявол охотится за ними, — прошептал Борн. — Но что за люди живут на Пятом Уровне? Все известные люди живут на Третьем или Втором.

— Не знаю, — ответил Руума-Хум. — Здесь все так странно. Странно и необычно.

— Его нужно убить.

— Небесный дьявол умирает медленно, — предупредил Руума-Хум. — Будь осторожней.

Борн кивнул и они отошли дальше в кусты.

— Небесный дьявол, возможно, не сможет проникнуть сюда. Он слишком большой и неуклюжий в лесах. Но если ему удастся...

Борн начал что-то искать, внимательно оглядывая окружающую растительность. Он старался все время стоять спиной к открытой впадине, где материализованный ночной кошмар скреб и вгрызался в голубой объект. Наконец, он нашел то, что может сослужить хорошую службу: особая хищница-орхидея, которая росла на разветвлении огромных нижних листьев деревьев. Воздушные корни растения свисали с поверхности листьев и расползались во все стороны. Высокие, толстые лепестки, насыщенного цвета халцедона, скручиваясь, простирались вверх к небу. Чудесный аромат, напоминающий липовый, распространялся из глубины огромного цветка, в котором были широкие прямые лепестки.

Борн, держась подальше от гигантского цветка, осторожно повернулся к колодцу.

— Осторожнее, — проговорил Руума-Хум. Борн обернулся и сделал знак фуркоту быть тише. Здесь было большое открытое пространство, куда, однако, почти не проникал свет. Было меньше мест, где можно спрятаться, меньше зарослей виноградной лозы и лиан, в которых гигантский мясоед мог бы запутаться. Но здесь было мало места для того, чтобы небесный дьявол мог расправить свои крылья. Но у него были сильные когтистые ноги и, возможно, он сможет пробраться через открытое пространство.

Поэтому Борн привлек на свою сторону молчаливого помощника и союзника — орхидею.

Борн спустился на дно колодца. Поверхность была покрыта древесными щепками и травянистой растительностью. Все здесь было липко и скользко от сока растений. Ему нужно будет внимательно смотреть под ноги. Борн поднял голову и неожиданно увидел сквозь листву огромного небесного дьявола. Он с остервенением колотил и раскатывал что-то внутри голубого металлического диска. Теперь Борн был уверен, что стон шел именно оттуда из глубокого объекта. Он глубоко вздохнул и, сожалея о невозможности прочно стоять на поверхности, прицелился снаффлером в голову дьявола. Это была очень трудная мишень, потому что она все время качалась и дергалась на длинной подвижной шее. Борн резко дернул за спусковой крючок. Шип джакари впился в тело дьявола прямо за левым глазом. Он поежился. Нервная система очень медленно реагировала на яд; через несколько секунд он повернулся и посмотрел в сторону выстрела. Борн изо всех сил

закричал: «Крепитесь», — чтобы поддержать сидящих внутри голубого объекта, и быстро помчался назад в заросли.

Невероятный грохот послышался за ним, когда небесный дьявол, проявляя неожиданную силу, погнался за Борном, продираясь сквозь плотную стену веток и виноградных лоз. В какой-то момент Борну даже показалось, что он чувствует на спине горячее дыхание преследующего его чудовища. Впереди виднелась гигантская орхидея.

Клыкастое и злое чудовище бежало за Борном по пятам. В любой момент оно могло настигнуть его, вонзить зубы в шею и откусить голову. Не было времени ни думать, ни обернуться ни подумать о том, что могло случиться. Борн прыгнул мимо семенной коробочки цветка, вытянув в сторону снаффер; так что зеленая деревянная трубка задела несколько свободно висящих корешков.

Борн пролетел еще несколько метров и приземлился на естественной клумбе Хифе. Тонкие потревоженные корешки и все вокруг них скрутилось внутрь в защитной реакции. Небесный дьявол продирался сквозь пышную растительность, пытаясь добраться до Борна, который в немом ужасе наблюдал за приближающимся мерзким животным.

Толстые белые лепестки орхидеи в бессильной ярости метались в разные стороны и начали сокращаться. Казалось, будто внутри дьявола взорвалась бомба; глаза вылетели из орбит, как недозрелые семена, крылья с треском сломались, кишки и внутренности разметались во все стороны. Растение еще какое-то время продолжало сокращаться, а потом лепестки расслабились.

Когда цветок принял свою обычную форму, из орхидеи вытекла бесформенная масса, которая когда-то была небесным дьяволом. Изуродованный труп полетел вниз. Борн привстал, чтобы посмотреть, как он падает. Его сердце часто билось от возбуждения. Дьявол умер слишком быстро, он даже не успел закричать или понять, что с ним происходит.

Борн оперся на снаффер и развернулся. Он взобрался наверх, где его ждал Руума-Хум.

— Думаю, — сказал Борн, едва сдерживая слабую дрожь, теперь мы можем пойти и помочь людям.

Фуркот только кивнул в ответ.

Они пошли по направлению к колодцу, далеко обойдя теперь расслабившуюся орхидею — в поселке Борна ее назы-

вали «растение Дунаветта». Борн миновал сломанные стебли растений и вышел на нечто, что он видел только несколько раз в жизни. Нечто, что некоторые люди вообще не знали, — открытое пространство. Он посмотрел наверх, отсюда небо казалось далеким голубым куполом, приклеенным к зеленому раю.

— Я буду следить за Верхним Адом, — сообщил Руума-Хум, садясь на конец ветки у колодца. Он наклонил голову на бок и с интересом начал изучать голубой диск.

Борн осторожно ступил на голубую поверхность объекта. Она была холодной и твердой, как лезвие топора. Удостоверившись в ее прочности, Борн направился к приплюснутому куполу в центре объекта. Приблизившись к объекту, он заметил, что купол покрывал какую-то полость в металле. Края купола были изломаны и искусаны, а внутри валялись спутанные клубки проволоки и швов, тоже сделанные из какого-то прочного металла.

На одной стороне металлического диска было множество вмятин и царапин от когтей и клюва небесного дьявола. Борн услышал стон, раздавшийся откуда-то изнутри.

— Эй! Есть тут кто-нибудь? Можно выходить! Дьявол отправился к своим родственникам в ад.

Стон тут же прекратился, и послышался металлический лязг. Потом часть металлической поверхности прямоугольной формы начала открываться внутрь объекта.

В образовавшемся проеме показался человек и нерешительно посмотрел на Борна. какой-то маленький предмет блеснул в его руке. У Борна перехватило дыхание. Это был топор.. Нет! Нет... Это был нож, сделанный из того же материала, что и топор, гладкий и чистый. Человек долго осматривался вокруг, потом перевел взгляд на полость в металле. Когда он окончательно убедился, что Борн говорит правду и небесный дьявол действительно исчез, он вышел на открытое место и начал детальный осмотр груды осколков, оставшихся после нападения чудовища. Копаясь в них, человек то и дело с опаской посматривал на Борна.

Борн внимательно изучал великана. Человек был нормального роста по человеческим стандартам, он был выше Борна почти на полметра. У него было еще несколько удивительных особенностей. Это, несомненно, был человек, но его отличия от братьев Борна поражали воображение! У него были ярко-

рыжие, а не коричневые, волосы, его глаза были голубыми, а не зелеными, а его кожа была невероятно бледной, хотя среди своих собратьев он выглядел хорошо загоревшим. Незнакомец был худощав, его лицо было покрыто веснушками, что придавало ему дружелюбное выражение.

— Жан? — послышался голос, — действительно можно?.. — Это был женский голос. Женщина выглянула и запнулась, увидев стоящего Борна. Она была на несколько сантиметров выше мужчины. Ее костистое, атлетическое тело обтягивал порванный в нескольких местах костюм. Короткие серебристого цвета волосы также указывали на то, что она была старше своего товарища. Из-под бежевых шорт выглядывали сильные длинные ноги: и по мнению Борна, ее кожа была невероятно бледна. Она казалась более спокойной и уверенной, чем мужчина.

— Это еще кто? — спросила она, кивнув в сторону Борна. Мужчина, которого она называла Жаном, продолжал рыться в груде остатков от управления кораблем.

— Думаю, человек, который спас наши жизни, — ответил Жан и обеспокоенно посмотрел вверх на небо.

— Небесный дьявол мертв, — сообщил им Борн. — Он прошел слишком близко от хищника-растения Дунаветта. Он больше никогда не побеспокоит вас.

Мужчина прослушал информацию, пробормотал что-то невразумительное и вернулся к своей работе.

— Бортовые механизмы ни к черту не годятся, Тими, — наконец вынес он свое заключение. — Что не испортилось во время падения, то доломало летающее чудовище. Этот корабль теперь нужно выбросить на свалку.

Женщина села на то, что когда-то было вращающимся стулом. Борн с любопытством уставился на нее. Она почувствовала на себе его внимательный взгляд и спросила:

— Что ты так уставился, коротышка?

Борн рассердился, даже не столько из-за ее слов, сколько из-за тона, какими они были произнесены.

— Если мое присутствие вам мешает... — он поднял снафтер и повернулся, чтобы уйти.

— Нет, нет подожди минутку, парень. — Она облокотилась на руки. — Дай мне секунду, хорошо? Только что мы пережили настоящий кошмар, — она опять посмотрела на него и скрестила на груди руки. — Ты должен понимать, когда

наш двигатель... — она заметила, как Борн вопросительно посмотрел, и попыталась объяснить по-другому: — когда штука, при помощи которой двигается наш аппарат... — На лице Борна появилось еще большее недоумение. Она провела рукой по ближайшей стене. — Когда эта штука, которая несет нас по воздуху... — на лице Борна появилось неверие, но она убежденно продолжала: — разбилась здесь, мы считали себя мертвыми. Но потом встали с того, что осталось от наших сидений, и обнаружили, что еще живы. Ранены, но живы.

Женщина указала рукой на окружавшие зеленые стены.

— Это невероятная планета, состоящая на три четверти каждого километра из леса. Ветви деревьев смягчили наше падение. — Ее голос понизился. — Потом на нашу крышу приземлилось то длиннющее чудовище. Мы едва справились с двигательным люком, когда оно начало работать над дверью. Мы были обречены. Вдруг появляешься ты и заявляешь, что какое-то местное растение убило такую тушу, на уничтожение которой понадобился бы самый сильный лазер. К тому же и ты сам для нас — незнакомое существо, и непонятно, что можно ожидать от тебя.

— А что я? — спросил Борн очень застенчиво.

Женщина устало взмахнула рукой.

— Только посмотри на себя. — Борн наклонился для того, чтобы оглядеть себя.

— Ты аномальное явление; ты не принадлежишь этому миру, в котором... и если ты думаешь, что нам придется идти пешком, а нашими проводниками будут какие-то невежественные примитивы! — продолжала женщина запальчиво, не обращая внимания на выражение лица Борна.

Язык, на котором разговаривали эти великаны, был очень смешным, высокой тональности и неразборчивым, но Борн мог разобрать многие слова в их речи. Одно слово, по крайней мере, он услышал очень отчетливо, даже несмотря на свистящий акцент: «невежественный».

— Если вы такие умные, — грубо прервал он женщину, — как оказались в таком положении? — И Борн ударил по голубой поверхности корабля.

Великан по имени Жан улыбнулся.

— Он поймал тебя, Тими.

Женщина фыркнула и отчаянно махнула рукой. Но она

больше не называла Борна «невежественным». А произнесла официальным тоном:

— Теперь, думаю, нам следует представиться. Но сначала мы хотим поблагодарить тебя за то, что ты спас нам жизнь. — Она взглянула на мужчину. — Не так ли, Жан?

Жан издал какой-то нечленораздельный звук, весьма отдаленно напоминающий «да».

— Меня зовут, — продолжала женщина, — Логан... Тими Логан. А это, обычно жизнерадостный, но иногда на него нападает депрессия, мой помощник — Жан Кохома. А как твое имя?

— Я Борн.

— Борн. Хорошее имя. Подходящее для такого храброго воина, как ты, для того, кто не побоялся в одиночку сразиться с крылатым монстром.

Борн подобрел от похвалы. Может, эти великаны и странные, но, по крайней мере, она умеет по достоинству оценить мужество человека. Возможно, когда-нибудь и Брайтли Гоу оценит его так же, как эта забавная женщина.

— Ты говорил о каком-то поселке, Борн, — продолжала Тими.

Борн развернулся и показал вверх по направлению к юго-западу.

— Дом находится там, нужно пройти через лес и подняться на два уровня. Мои братья будут приветствовать вас как своих друзей.

— И восхищаться охотником, который убил небесного дьявола, чтобы освободить их, — подумал Борн про себя.

Он несколько раз подпрыгнул на голубой металлической поверхности, потом заметил, что великаны с опаской наблюдают за его действиями и объяснил:

— Извините. Я не хочу причинить вам вреда. Только у меня хватило мужества спуститься и найти вас здесь. Я думал, что эта... штука..., а из чего она сделана?

— Это называется скаммер, — сказал Кохома, — на нем мы путешествуем по небу.

— По небу, — повторил Борн, не веря словам Кохомы. Было невозможно, чтобы такой тяжелый предмет мог летать.

— Мы очень рады, что ты спустился сюда и спас нас, Борн. Не так ли, Жан? Не так ли? — Тими подтолкнула Жана локтем, и он опять пробормотал что-то невразумительное, но его

неприязнь к Борну быстро прошла, когда он понял, что маленький туземец не представляет для них опасности. Напротив, он хотел помочь им.

— Да, конечно, это был смелый поступок. И теперь я могу оценить его. Жан улыбнулся. — Твой дом так далеко отсюда. Может, ты поможешь нам добраться до нашей станции, она находится на этой планете.

— Борну нужно точно знать расстояние до нашей станции, — заметила Тими.

Она указала по направлению к Дереву-Дому. — Это в том направлении. Около... так, давай посмотрим, как я смогу объяснить тебе, как далеко находится наша станция. — Она задумалась, и потом спросила: ты что-то говорил про уровни в лесу?

— Все знают, что мир состоит из Семи Уровней, — объяснил Борн, как будто наставляя маленьких детей, — самый нижний уровень — Нижний Ад, а на уровне Дерева — Верхний Ад.

— Предположим, что высота самого большого дерева около семисот метров, — пробормотала Тими. Потом после недолгих подсчетов в уме, когда она переводила метры в уровни, она сказала Борну, на каком расстоянии отсюда станция.

Борн улыбнулся, он был хорошо воспитан, чтобы засмеяться.

— Никто не уходил от Дома более чем на пятидневное путешествие, — сказал он. — Я сам недавно уходил в двухдневное, и оно оказалось очень опасным. А вы говорите о путешествии, которое займет гораздо больше времени. Это путешествие невозможно. Я так думаю.

— Почему? — возразил Жан Кохома. — Ведь ты не боишься? Во всяком случае, такой храбрый человек, как ты, не должен бояться, — добавил он быстро, когда Борн сделал шаг к Тими.

Борн немного расслабился. Он уже решил, что из двух великанов ему больше нравится женщина.

— Это не вопрос страха, — сказал он, — но здравого смысла. Баланс в мире очень хрупок. У каждого создания есть свое место в этом балансе, он берет то, что ему нужно, и возвращает то, что может. Чем дальше кто-либо удалится от своей ниши, тем больше он нарушает порядок вещей в мире. Если баланс сильно нарушен, люди умирают.

— Я думаю, он хочет сказать, Жан, — обратилась к своему помощнику Тими, — что, чем дальше они отходят от своего поселка, тем меньше у них шансов вернуться обратно целым и невредимым. Это чувство понятно, но очень любопытно они его объясняют. Интересно, как они пришли к такому взгляду на мир? Это невообразимо.

— Вообразимо или нет, — возразил Жан Кохома. — Я по-прежнему ничего не понимаю.

— Позже, — оборвала она его. Жан отвернулся, бормоча что-то себе под нос.

— Прежде всего, я думаю, мы должны выбраться отсюда, — предложила Тими, — пока какой-нибудь родственник убитого тобой чудовища не спустился сюда на охоту.

Это была первая разумная мысль, высказанная великанами за все время. Борн предложил им следовать за ним. Жан Кохома набил свои карманы разными деталями с корабля, и они отправились в путь.

Этот Уровень был открытым пространством, здесь не было привычных Борну виноградных лоз и ветвей. Однако не смотря на это, великаны двигались очень нерешительно и неуклюже. Это очень удивило Борна, и он как можно более тактично спросил их, почему они испытывают такие трудности при ходьбе. Он очень обрадовался, что великаны не обиделись на его вопрос.

— В мире, из которого мы пришли, — объяснила Тими Логан, — мы ходили по земле.

Борн очень удивился.

— Неужели вы живете в Аду?

— Ад. Я не понимаю тебя, Борн.

Он указал вниз.

— Двумя уровнями ниже находится Нижний Ад и Настоящий Ад. Поверхность Ада покрыта грязью и зыбкими песками. Это жилище демонов, таких ужасных, что им даже нет названия. Так говорят.

— Понятно. Нет, Борн, наш дом не похож на Ад. Наша земля твердая, а планета — открыта и солнечна, и нет демонов. По крайней мере, — сказала она с усмешкой, — таких, с какими мы бы не смогли жить.

— Как Церковное Бюро или Супра — республиканская Регистратура, — добавила Тими про себя.

У Борна кружилась голова. Все, что говорили великаны,

было неправильно, противоречило всем законам, однако присутствие их самих и твердые металлические остатки небесного корабля свидетельствовали, что в мире могут существовать чудеса. Однако сейчас он должен подавить свое любопытство и перейти к более насущным проблемам.

— Вы выглядите усталыми и голодными, — должно быть суровые испытания лишили вас сил? — начал Борн.

Кохома встал и благоговейно произнес слово: «Аминь».

— Я отведу вас Домой. Там мы можем обо всем поговорить.

— Один вопрос, Борн, — сказала Логан. — Все твои собратья так же дружелюбны к незнакомцам, как ты?

— Вы думаете, мы варвары? — спросил Борн. — Каждый ребенок знает, что гость — его брат, к нему надо относиться с должным уважением и любовью.

— Это мне по душе, — вздохнул Кохома. — Я должен извиниться перед тобой, друг Борн. Сначала я плохо подумал о тебе. Ну, веди нас, коротышка.

Борн указал наверх.

— Наш Дом находится на уровне моря. Это долгое путешествие. Оба великана тяжело вздохнули. Судя по их способности лазать по деревьям, которое Борн уже сумел оценить, он мог понять причины такой реакции.

— Я попытаюсь найти самый легкий путь. Но это займет больше времени...

— Мы попробуем здесь, — сказала Тими Логан.

Борн поймал свисающий вниз, свернутый в спираль корень какого-то дерева. Им придется подниматься вверх на несколько десятков метров Когда Борн полез по корню, он услышал неожиданный крик раздавшийся у него за спиной. Он схватился за снаффер, но успокоился, когда увидел, что это был всего лишь Руума-Хум. Страх великанов при виде ласкового фуркота удивил Борна.

— Это всего лишь Руума-Хум, — сообщил он. — Мой фуркот. Он не причинит вам зла.

— Люди, — с усмешкой произнес Руума-Хум, понюхав сначала застывшую от ужаса Тими Логан, а потом Жана Кохому. Ни один из великанов не смел пошевельнуться! И только когда огромная голова с торчащим клыком исчезла, они облегченно вздохнули.

— Бог мой, — пробормотала Логан, глядя с благоговейным ужасом на массивное тело фуркота, когда он лез по дереву, —

оно разговаривает. Две разумные формы, которые были упущены в докладе Органа по делам географии. — Она посмотрела на Борна с еще большим уважением. — Это настоящий хексапод! Как вам удалось его приручить? — спросила она.

Борн был несколько ошарашен ее вопросом, потом до него дошел его смысл.

— Вы хотите сказать, — сказал он с удивлением, — что у вас нет своих фуркотов?

Борн переводил озадаченный взгляд с Логана на Кохому.

— Собственные фуркоты? — переспросила Логан. — А зачем?

— Зачем? — бессмысленно повторил за ней Борн. — У каждого человека есть собственный фуркот, а у каждого фуркота — человек. Как у каждого лепестка есть цветок, у каждого листика — его дерево; у каждого звука — его эхо. Таков баланс в мире.

— Да, но это все равно не объясняет, как вы приручили их, — настойчиво сказал Жан Кохома, наблюдая за удаляющимся плотоядным фуркотом.

— Приручить? — Удивление Борна росло. Не в том дело. Фуркотам нравятся люди, а нам нравятся фуркоты. — Он пожал плечами. — Это естественно. Так было всегда.

— Оно разговаривало, — громко сказала Логан. — Я сама слышала, как оно сказало «люди».

— Фуркоты не очень умны, — признал Борн, — но они умеют говорить достаточно хорошо и понятно. — Он улыбнулся. Некоторые люди говорят и того меньше.

Его слова вызвали долгое обсуждение между великанами, в котором они употребляли множество непонятных Борну сложных терминов. Борн чувствовал себя не очень уютно во время их разговора. В любом случае уже давно нужно было идти Домой, где его должны посвятить в рыцари и оказать всяческие почести, положенные за храбрые поступки.

— Мы должны идти, но есть одно условие...

Этой одной недоговоренности было достаточно, чтобы великаны прекратили спор и внимательно посмотрели на него.

— Какое условие? — непонимающе спросила Тими Логан.

Борн в упор посмотрел на Жана Кохому.

— Чтобы он больше не называл меня «коротышкой». Иначе я буду называть его неуклюжим медведем каждый раз, когда он оступится.

Кохома выдавил улыбку, но Логан, не стесняясь, засмеялась.

— Он поймал тебя, Жан.

Кохома ничего на это не ответил, а только пробормотал, что им пора отправляться в путь, и схватился за корень, по которому лез Борн.

— Мы не.можем тратить драгоценное время на пустяки, — мрачно добавил Жан.

Когда они продвигались вперед, Борн размышлял над последними словами Кохомы. Выражение «трата времени», употребленное чужестранцем, очень заинтересовало его, поскольку в Доме оно обычно относилось только к нему. Неужели было возможно, чтобы кто-то другой чувствовал то же самое, что и он по поводу траты времени? Если это действительно так, ему нужно узнать этих великанов получше. Он уже знал некоторых из них.

5

Чтобы установить хорошо защищенную куполом станцию, пришлось выжечь многие километры леса. Станция была похожа на гигантский сероватый пузырь воздуха в безбрежном океане зелени, который оставил огромный прыгун в воду, давно исчезнувший.

Станция располагалась на трех стволах пиллоровых деревьев. Их аккуратно обработанные ветки формировали сложную систему подпорок и скоб. Она не уступала по прочности любым искусственным материалам, которые могли использовать строители. Обрезанные гигантские деревья, естественно, засохнут и упадут вниз, но к тому времени эта станция будет не нужна. По плану станция, гораздо большего размера, будет построена где-то в другом месте.

Вокруг станции расчистили открытое пространство, чтобы предотвратить возможную гибель людей от местных клыкастых, когтистых и зубастых чудовищ, которые убили трех или четырех строителей станции, пока основная защита еще не была установлена. Конструкторы обнаружили, что ни одно из живых существ леса не осмелится выйти на территорию, где

рямо под ними будет открытое небо. Поэтому было решено ыжечь лесной массив вокруг станции.

Как-то двое обитателей станции беспечно прогуливались округ и были унесены небесными хищниками. Опять укреп-ения были усовершенствованы, пока, наконец, станция не тала напоминать маленький форт. Вокруг нее были установ-ены лазеры и оружие дальнобойного прицела. Менее мощное ружие было также установлено.

Воздвигнутое непреодолимое препятствие, состоявшее из розных орудий, защищало несколько лабораторий, располо-женных внутри здания. Ведь главной целью экспедиции было зучение планеты.

Вооруженные до зубов отряды были посланы в скаммерах, тобы изучать покрытые тайной леса. Они сообщали невероят-ные сведения: лес оказался неисчерпаемым источником юрпризов. Каждая экспедиция привозила обратно какие-ибудь полезные материалы, которые перерабатывались в ла-ораториях для коммерческих целей. Находки предназна-ались для других людей, которые в свою очередь передавали нформацию космическому оператору, который при помощи ложнейших операций — поскольку станция находилась на ланете нелегально, она не была ни официально за-егистрирована, ни инспектирована — передавал ее в далекий ир. Там один человек перерабатывал послания и зашифро-ывал их цифрами, потом передавал их второму человеку, ко-орый отдавал их третьему. Тот в свою очередь обрабатывал умаги с информацией для человека, слабого телом, но с ильным интеллектом. И этот человек изучал цифры. Он ча-то улыбался и кивал во время их изучения, а потом отдавал риказания, которые передавались по той же сложной цепочке а секретную космическую станцию. Там эти команды будут аспределены между членами экспедиции.

Месторасположение этого Безымянного Мира было так за-екречено, что едва ли даже несколько человек, работающих а станции, знали, где они находятся. И ни один пилот не осылался сюда дважды. Пилот передавал информацию непос-едственно своему преемнику, поскольку координаты не огли доверить даже компьютерному банку данных. Это было пасно, поскольку координаты могли быть потеряны навсегда, о преимущество абсолютной секретности оправдывало риск. Поскольку никто не знал месторасположения планеты, никто

не мог передать информацию агентам Республики или Церкви. Любой, кого могут подвергнуть допросу, будет с чистой совестью ссылаться на то, что он ничего не знает.

Работа экспедиции и все, связанное с ней, было организовано очень профессионально.

В самой большой лаборатории работал наиболее опытный и толковый специалист. Он изучал яйцеобразный кусок темного дерева. Кусок был разрезан. Ценность этого куска дерева оправдывала все затраты на секретность и труд экспедиции. Ву Цинг-Ан начал работать над ним давно, еще когда станция не была полностью построена.

Цинг-Ан был маленького роста с утонченными чертами лица. Его черные волосы кое-где подернулись белизной. Внутренние мучения, которые он испытывал и которые были написаны на его лице, не снижали его работоспособность и не влияли на аналитические способности. Как и все остальные члены экспедиции, он знал, что их работа на планете шла вразрез с законами Республики и Предписаниями Церкви. Все пошли на это ради денег.

У Цинг-Ана заметно тряслись руки и подергивались брови. Это был побочный результат от употребления большого количества наркотика, который приносил ему огромное удовольствие. Сейчас наркотик был ему очень нужен. Организм Цинг-Ана требовал его регулярно и в больших дозах. Пристрастие к наркотику породило пренебрежение моральными нормами. К тому же работа была трудной, и Цинг-Ану было приятно заниматься ею. Наркотик играл роль эмоциональной отдушины.

Неожиданно постучали в дверь. Цинг-Ан ответил, и в комнату вошел человек большого роста. Он еле заметно прихрамывал. Каждый его бицепс был больше в обхвате, чем бедра биохимика. При нем было оружие, которое было заметно из-под одежды.

— Привет, Нирчауз.

— Привет, Поки, — ответил большой человек. Он прошел в глубь комнаты и, кинув на разрезанный на куски фрагмент дерева, спросил:

— Уже обнаружил, что заставляет его тикать?

— Я пока не хочу рисковать и испытывать его — мягко ответил Ву. — Полное расслоение на элементы может разрушить кусок.

Цинг-Ан подошел к столу и дотронулся до лежащего на нем ерева.

Нирчауз с интересом изучал дерево.

— Как ты думаешь, сколько будет стоить дерево такой еличины, Поки?

Цинг-Ан пожал плечами.

— Сколько стоит вдвое продленная жизнь человека, Нирчауз? — Он поглядел на дерево с выражением, означаощим нечто большее, чем научный интерес. — Думаю из кука такой величины можно получить достаточно экстракта, тобы продлить вдвое жизни двухсот или трехсот человек, уже е говоря о том, что он положительно будет влиять на общее остояние здоровья. На такой наркотик еще не установлена ена, поскольку он экспортировался только в маленьких экспериментальных дозах. Протеины обнаружили удивительные войства, в которые с трудом верится. О синтетическом производстве не может быть и речи. Расслоение может дать ключи к дальнейшим направлениям в исследовании. — Он взглянул а стоявшего рядом Нирчауза. — Что бы ты заплатил за него, Нирчауз?

— Кто, я? — начальник охраны широко улыбнулся, показав металлические зубы, заменявшие выбитые настоящие. — Я умру, когда придет время, док. Человек, как я... Я не могу озволить себе купить это. Конечно же, я бы отдал все, если ы знал, что потом смогу беспрепятственно смыться с этим.

Цинг-Ан кивнул.

— Любой другой здоровый человек поступил бы точно так же, — он усмехнулся. — Может быть, я стащу пузырек для ебя из следующей партии. Как ты относишься к такой идее, Нирчауз?

Дружелюбное выражение на лице охранника исчезло. Он ажно и серьезно посмотрел на своего друга, которого мог ереломить одной рукой.

— Не шути так со мной, Поки. Это не смешно. Жить в обром здравии на протяжении нескольких столетий или разалиться уже к годам семидесяти, ну, может восьмидесяти... Не шути со мной так.

— Извини, Ник. Это моя защитная реакция. Ты знаешь, у еня собственные проблемы. Они, конечно, маленькие, но для еня весьма значительные и я пытаюсь решить их вот таким бразом.

Нирчауз кивнул. Он, конечно же, знал о пагубной привычке биохимика. Все члены экспедиции знали о ней. Талантливый исследователь Цинг-Ан был болен, его тело было несовершенным, хотя он не был калекой или инвалидом. Нирчауз, напротив, отличался физической силой и здоровьем, но ум его не имел необходимой для аналитической деятельности гибкости. Каждый на станции осознавал свое превосходство над другими в определенной сфере. И поэтому дружба между работниками была очень крепкой, это была дружба между равными.

— У меня сейчас патрулирование прилегающей территории, — сообщил Нирчауз, повернувшись к двери. — Мне было просто любопытно узнать, как продвигается дело.

— Заходи, Ник, когда хочешь.

Нирчауз вышел. Как только за ним закрылась дверь, Цинг-Ан начал готовить инструменты для первого полного расслоения на элементы бесценного нароста на дереве. Откладывать эксперимент больше было нельзя, несмотря на то, что такой нарост был в единственном экземпляре. Но Цинг-Ан был уверен, что разведчики обнаружат и другие. Это был вопрос времени.

Когда экстракт был выделен и введен в подопытное животное, результат оказался поразительным, превосходящим всякие ожидания. Суперактивное млекопитающее прожило около недели, вместо того, чтобы умереть на третий день. Цинг-Ан повторил эксперимент дважды, не веря полученным результатам. Когда результаты были подтверждены и в третий раз, биохимик сообщил об этом открытии Хансену, директору станции. Реакция того на сообщение не была неожиданной: он распорядился найти новые подобные куски. Но экспедиции на скаммерах были неудобны для поиска. Поэтому были посланы десантные отряды.

Но Хансен был вынужден прекратить поиски, несмотря на приказания сверху. Слишком много отрядов не возвращалось.

Цинг-Ан до сих пор удивлялся факту, что болезненный отросток на дереве может оказаться гораздо полезнее, чем само дерево. Неожиданно ему вспомнились древние обитатели земли: киты и серые амбры. Ему не терпелось скорее изучить внутреннюю структуру нароста. Согласно первым пробам у него была мягкая сердцевина в отличие от обыкновенных на-

ростов из твердой древесины. Было и еще одно уникальное свидетельство этого нароста.

Ву Цинг-Ан работал над расчленением на протяжении нескольких дней. Вдруг, по истечении этого срока, страшный крик нарушил тишину на станции. Мгновенно все обитатели станции сорвались со своих мест и побежали к лаборатории Цинг-Ана.

Нирчауз оказался там первым. Не спрашивая разрешения войти, он с разбегу ворвался в комнату, сломав защелку на двери. К большому удивлению Нирчауза, Цинг-Ан спокойно стоял посреди комнаты и невозмутимо смотрел на него. Одна рука немного дрожала и подергивались брови, но в этом не было ничего необычного.

За спиной Нирчауза собралась толпа. Он повернулся к ней с просьбой разойтись.

— Здесь ничего не произошло. Все в порядке. Приснился плохой сон, вот и все.

— Ты уверен, Ник? — спросил кто-то недоверчиво.

— Конечно, уверен, Мария. Я сам разберусь.

Люди, переговариваясь, расходились по своим рабочим местам, и Нирчауз закрыл сломанную дверь.

— В чем дело, Ник? Почему ты так вломился ко мне?

Охранник повернулся и внимательно посмотрел на ученого. Он часто не понимал этого человека, но безгранично уважал его.

— Это ведь ты кричал, Поки! — Это был не вопрос, а скорее утверждение.

Цинг-Ан кивнул.

— Да, это я, Ник. — Он отвернулся. — Я принял свою утреннюю дозу, и... мне показалось, я что-то увидел. Я не так силен, как ты, Ник, и боюсь, что просто на какое-то мгновение поддался видению. Извини, если это всем помешало.

— Да, конечно, — наконец ответил Ник. — Я беспокоился о тебе, вот и все. Мы все беспокоимся, ты знаешь.

— Да, конечно, — сухо ответил Цинг-Ан.

Нирчауз беспокойно поежился и посмотрел на стол, где ученый проводил эксперимент.

— Как продвигается работа?

Цинг-Ан рассеянно ответил, явно занятый другой мыслью:

— Хорошо, лучше, чем можно было ожидать. Да, очень

хорошо. Через пару дней я объявлю о некоторых результатах, полученных мною.

— Здорово, док. — Нирчауз повернулся, чтобы уйти, потом остановился и произнес: — Послушай, Ву, если тебе что-нибудь потребуется, то что ты бы хотел получить, минуя обычные каналы...

Цинг-Ан слабо улыбнулся.

— Конечно, Ник. Ты будешь первым, к кому я обращусь.

Начальник охраны одобрительно кивнул и вышел из лаборатории, тихо закрыв за собой дверь. Цинг-Ан вернулся к своей работе. Он продолжал спокойно работать, как будто ничего не случилось.

Ничего больше не нарушало спокойствия на станции до вечера. Вечером кто-то из сотрудников проходил по коридору мимо лаборатории и почувствовал необычный запах. А потом увидел, что из щелей двери идет черный дым. Сотрудник закричал: «Пожар» и нажал на ближайшую кнопку тревоги.

На этот раз Нирчауз был далеко от лаборатории и не смог добежать быстрее всех. Когда он прибежал, вокруг лаборатории уже собралась толпа. Огонь к тому времени был потушен, но никто не уходил и Нирчаузу пришлось пробиваться сквозь плотную толпу. Когда он, наконец, достиг дверного проема, то увидел, что вся комната практически сгорела. Огонь был не долгим, но очень сильным. Внутри лаборатории было много легко воспламеняющихся материалов, к тому же Цинг-Ан утилизировал с помощью белого фосфора любые отходы, не поддающиеся горению. Маленький биохимик был также последователен и методичен в разрушении, как и в исследованиях.

Все собрались вокруг обуглившихся деревянных щепок, которые были разбросаны в дальнем углу лаборатории. Это все, что осталось от нароста, стоившего, по словам ученого, миллиарды. Но Нирчауза интересовало другое; он первым обнаружил сползшее под стол скорчившееся тело. Вначале он подумал, что Цинг-Ан задохнулся от дыма, поскольку на теле не было никаких других следов. Нирчауз перевернул тело, и из кармана выскочила белая капсула из-под наркотика. Охранник увидел иглу, все еще зажатую в одной руке Цинг-Ана, увидел маленькие дырочки одинакового размера с обеих сторон руки. Нирчауз знал, для чего нужна такая игла; и знал,

что сможет спокойно продеть карандаш через дырку на руке Цинг-Ана.

Глаза ученого были закрыты, и, как показалось Нирчаузу, на лице было написано чувство полного удовлетворения и блаженства.

Нирчауз встал. Очевидно, что жалкий, слабый гений, распростертый на полу, столкнулся с чем-то, что вызвало его смерть. Нирчауз не знал, что это могло быть, да и не очень хотел знать. Совершенных людей нет. Впервые эту фразу охранник услышал от сержанта в армии. Несмотря на весь свой ум, Цинг-Ан был далек от совершенства.

Несколько записей из тетрадей, страничка из какой-то книги — все, что осталось от исследований Цинг-Ана.

На станции работали еще два научных сотрудника: младший биохимик по имени Цембес и ботаник Читагонг. Они, конечно, не могли заменить Цинг-Ана, но они ценились Хансеном. Их сняли с проекта, над которым они работали, вручили старательно собранные уцелевшие записи и приказали восстановить результаты, полученные Цинг-Аном. Случайно был найден второй подобный нарост, который и дали Читагонгу и Цембесу на изучение. Во время их работы за ними неусыпно следили вновь вставленные мониторы, регистрирующие все процессы в организме ученых: от сердцебиения до урчания в животе. Оба ученых не проявляли особого энтузиазма по поводу своей работы, особенно если принять во внимание несчастную судьбу предшественника. Однако распоряжения приходили из космической дали от взбешенного человека. И они не могли не подчиниться им.

Нирчауз вернулся к своим обязанностям. Он сидел на контрольном посту и размышлял о каком-то простом куске дерева, из-за которого погиб такой разумный человек, как Цинг-Ан. Такое происходит часто, и это не должно его касаться. Однако Ник не мог не думать о печальном конце своего друга.

Он вздохнул и заставил себя перевести свой взгляд и переключить внимание на окружающую станцию лесную стену.

Черт возьми, его уже тошнило от зеленого цвета.

6

— Ой!

Борн остановился и посмотрел на людей, следовавших за ним. Тими Логан, держась обеими руками за лиану, прыгала на одной ноге. Борн отпустил виноградный корень, за который держался, и спрыгнул к ней. Она села, придерживая левую ногу. Казалось, женщина больше злилась, чем испытывала боль. Жан Кохома рассматривал что-то, прикрываемое Тими рукой.

— Что случилось?

Женщина улыбнулась Борну. На лбу у нее уже начали выступать капельки пота.

— Я на что-то наступила, — она оглянулась и, указав на рядом растущий цветок, продолжала: — вот, вот на этот цветок... он проколол ботинок и впился в кожу.

Борн увидел цветок, на который указывала Тими. Это было небольшое соцветие шестилепестковых цветов, в центре которых были расположены ярко-оранжевые шипы. Выражение лица Борна резко изменилось. Он достал из-под одежды костяной клинок.

— Но! — Кохома хотел преградить дорогу Борну. Но тот грубо оттолкнул его. Кохома оступился и чуть не упал.

— Ляг, — приказал Борн Тими, и слегка толкнул ее назад. Она упала на спину, потом немного приподнялась, облокотилась на согнутые руки.

— Борн, что ты делаешь? Мне немножко жалит, но...

Борн сбросил ботинок, и Тими опять упала на спину, ударившись головой о дерево. Потом он приподнял ее ногу и поднес к ней нож.

— Подожди, Борн, — в голосе женщины послышалась паника.

Кохома к тому времени уже твердо стоял на ногах и сделал угрожающий шаг по направлению к охотнику.

— Подожди секунду, ты, нахальный пигмей. Объясни...

Но тут прямо над головой Кохомы послышалось рычание, и он посмотрел вверх. Руума-Хум лежал на дереве прямо над ним, держась за ветку всеми шестью лапами. Фуркот выпустил свои острые когти и широко улыбнулся, показав два ряда отличных зубов.

Кохома посмотрел прямо в три глаза фуркота, сжал кулаки и отступил назад.

— Будет немножко больно, — быстро проговорил Борн. Он вонзил нож в ногу, прямо в три красненькие точечки на коже.

Логан взвыла от боли, упала на спину и попыталась освободить ногу. Но Борн крепко держал ее, он приложил губы к кровоточащей ране и начал высасывать кровь, затем сплевывать ее. Логан тихо стонала и дрожала. Украдкой взглянув на Руума-Хума, Кохома подошел, чтобы успокоить ее. Борн осматривал внимательно растительность вокруг и не отвечал на настойчивые вопросы Кохомы. Наконец он нашел то, что было нужно: соцветие цилиндрических цветков. Борн нашел самый старый цветок и срезал его у самого основания. Он был почти с половину его руки. Борн отрезал верхушку цветка, в полом цветке оказалась какая-то прозрачная жидкость. Он залпом выпил ее, фыркнул и срезал еще один цветок. Этот он поднес раненной женщине. Логан вытерла слезы, и вопросительно посмотрела на него.

— Выпей это, — просто сказала Борн.

Тими протянула руку и скривилась от отвращения, почувствовав мягкий стебель. Потом она нерешительно поднесла его к губам и, несмотря на предупреждения Кохомы, выпила половину жидкости. Потом передала остатки Жану Кохоме.

Кохома с недоверием изучал стебель.

— Может быть, он хочет отравить нас.

— Если бы он хотел убить нас, — со вздохом сказала Тими, — он бы мог просто оставить нас на съедение тому крылатому монстру, Жан. Не будь таким дураком. Он не хочет причинить нам зла.

Кохома нерешительно сделал один глоток, но потом допил то, что осталось.

— Твоя ступня... что ты чувствуешь? — спросил Борн.

Логан согнула ногу так, что могла посмотреть на ступню. Рана была не такой глубокой, как она думала; во всяком случае не такой глубокой, как ей представлялось, когда Борн резал ее. Она уже начала затягиваться. Однако вокруг бесчисленных точек кожа была темно-красной.

— Как будто кто-то всадил в нее нож, — сердито ответила Тими, — Что еще, интересно, можно чувствовать?

— Кроме пореза, ты больше ничего не чувствуешь? — продолжал настойчиво спрашивать Борн.

Логан задумалась.

— Ну, может легкое покалывание в том месте, где я наступила на шипы... Как будто нога затекла. Но это все.

— Покалывание, — задумчиво повторил Борн. Он опять начал что-то искать среди окружающей растительности. Оба великана с изумлением наблюдали за ним. Он остановился перед одним из растений и отрезал висящий высоко на ветке бледно-желтый плод.

— Съешь это, — сказал он Логан, подавая ей плод. Женщина с сомнением повертела его в руках. Среди всех фруктов и съедобных растений, которые Борн показывал им, этот был самым крупным. Он походил на маленький приплюснутый бочонок с коричневыми прожилками по всей поверхности.

— Весь?

— Весь, — кивая ответил Борн, — и быстро. Так будет лучше.

Тими Логан поднесла плод ко рту. Так многое в этом мире было обманчиво, может быть этот фрукт, кажущийся таким твердым и невкусным, на самом деле окажется... И она откусила кусочек. Ее лицо передернулось от отвращения.

— Вкус, — сказала она Кохоме, — как у протухшего сыра, выдержанного в уксусе. Что будет, — обратилась она к Борну, — если я не буду это есть?

— Я надеюсь... Я думаю, что вывел весь яд из твоего организма. Но если это не так, то через несколько минут яд проникнет в нервную систему, и ты умрешь. Если не принять антитоксин, содержащийся в этом фрукте.

Логан начала есть желтый плод с такой скоростью, что даже не успела почувствовать тошноту. Но все равно она успела удивиться тому, как такие слова, как «антитоксин» и «нервная система», оставались в словарном запасе людей, которые были лишены доступа к знаниям. Несомненно, эти термины употреблялись постоянно в этом полном опасностей мире. Придя к такому заключению, Тими вдруг почувствовала такой приступ тошноты, что Борну и Кохоме пришлось держать ее, чтобы она не упала вниз, когда ее рвало. Минуту спустя она лежала на спине и тяжело дышала.

— Господи! — выдохнула она. — Я чувствую себя, как будто меня вывернули наизнанку.

Тими осторожно потрогала обеими руками живот.

— Он еще на месте. А я уже готова была поклясться, что его там нет.

Борн не обращал внимания на ее жалобы.

— Что ты теперь чувствуешь в ступне?

— Все еще покалывает немного.

— Только в ступне, — переспросил он, настойчиво глядя ей в глаза, — не в лодыжке или вот здесь, — он дотронулся до икры.

Она отрицательно покачала головой. Борн довольно улыбнулся и поднялся с колен.

— Хорошо. Если бы покалывало во всей ноге, это значило бы, что несмотря на мои усилия, яд распространился дальше. Тогда было бы уже слишком поздно. Но теперь с тобой будет все нормально.

Тими кивнула и с помощью Кохомы попыталась подняться. Потом взглянула на Борна и резко спросила:

— Эй, если это было так важно, чтобы я съела этот фрукт, то почему ты, Борн, колебался, прежде чем сорвать его и принести мне? Исходя из того, что ты сейчас сказал, я могла очень скоро умереть.

Охотник посмотрел на нее таким терпеливым взглядом, которым смотрят на маленьких детей.

— Я должен был убедиться, что тессода не будет возражать против того, чтобы я сорвал ее фрукт, поскольку он был еще не совсем спелым.

И Логан и Кохома были ошарашены.

— Ты хочешь сказать, — спросила Тими, — что ты спрашивал разрешения у того растения? Что ты разговаривал с ним?

— Я не говорил этого, — объяснил Борн. — Я трогал его.

— Трогал? Ты хочешь сказать, что ты хотел узнать спелый ли фрукт?

Борн покачал головой.

— Нет... трогал. А вы не трогаете ваши растения?

— Думаю, нет, поскольку я не понимаю, о чем ты говоришь, Борн.

На лице Борна отразилось удовлетворение, но без удовольствия.

— А, это многое объясняет, — сказал Борн.

— Мне это ничего не объясняет, — вставил Кохома. — Послушай, Борн, ты что хочешь сказать, что ты обращался к

этому дереву или разговаривал с ним и что оно согласилось, чтобы ты сорвал неспелый фрукт.

— Нет, нет, я дотрагивался до него. Если бы фрукт был спелым, мне, конечно же, не пришлось бы этого делать.

— Почему: конечно же? — спросила Логан, чувствуя что беседа теряет всякий смысл.

— Потому, что тогда бы тессода дотрагивалась до меня.

— Какое-нибудь ритуальное поверье, — пробормотала Тими, — однако логичное объяснение оригинально. Интересно, откуда оно берет свое начало? Дай мне руку, Жан.

Кохома подал Тими руку, и она тут же вздрогнула и, согнувшись, схватилась за живот.

— Ты можешь идти? — спросил Борн.

— Да, но я спотыкаюсь. — Женщина выдавила жалкую улыбку. — Говорят, лечение хуже, чем сама болезнь... Не думаю, чтобы ты сделал все, как республиканский хирург, Борн, но ты уже во второй раз спасаешь мне жизнь. Спасибо.

— В третий раз, — сказал ей Борн, без объяснений. — Мы уже близко от Дома. Еще половина уровня вверх и потом два или три уровня на юго-запад.

Оба великана тяжело вздохнули.

— Я ничего не читал о подобном дереве ни в одном отчете, — сказал Кохома, когда они добрались до Дома.

— Ты не следил за поступающей информацией, Жан, — укоризненно ответила Логан. — Последняя экспедиция на восток сообщала все подробности. Это дерево называется ткачом. Основной ствол начинает сужаться достигнув пяти- или шестисот метров высоты. Потом он расщепляется на множество стволов поменьше, которые образуют... ну... какое-то подобие огромной корзины в дереве. Через несколько десятков метров эти стволы опять соединяются в один большой ствол, который и формирует верхушку дерева. Согласно описанию, на ветках побочных стволов растут красные фрукты, в основном это сахарные плоды с косточками внутри. Они так же богаты питательными веществами, как любой фрукт, обнаруженный в этих местах. В них много ниацина, всех видов. — Тими указала на первые стволы, к которым они приближались. — Видишь те стручки, растущие из розовых цветков? Согласно докладу, если ты дотронешься до одного из

них, то все твое лицо будет в пыльце. Если ее нечаянно вдохнешь, то все, прощай, жизнь. Согласно лабораторным исследованиям споры плесени осядут в легких и пищеводе и через несколько минут ты задохнешься.

Вдруг Тими заметила, что Борн шел прямо по направлению к тому месту, где росли смертоносные цветы.

— Мы ведь обойдем дерево, не так ли, Борн? Здесь не может быть яда, о котором бы не знали твои братья.

— Обходить? — Борн с удивления посмотрел на нее. — Это дерево — Дом. — И он приблизился к ветвям, на которых росли цветы.

— Борн...

Тими медленно шла за охотником, не спуская глаз с ядовитых стручков. Лишь одно прикосновение приведет к выбросу в воздух целого облака пыльцы.

Борн остановился у первой лозы, нагнулся и плюнул прямо в центр одного из цветков, избегая попадания на пыльцевой стручок. Вся лоза затрепетала, когда искристые цветки стали сами по себе закрываться. Трепетание продолжалось. Потом лозы напряглись и словно скрючившись от пожара, раздвинулись, образовав просторный проход.

— Теперь быстрее, — сказал Борн, ступая на дорожку.

Великаны осторожно последовали за ним. Руума-Хум не стал дожидаться, пока они решатся войти, и быстро проскользнул внутрь. Путники миновали опасный вход, обернулись и увидели, как лозы расслабляются и возвращаются на свое прежнее место, опять образуя непроходимую преграду.

— Замечательно, — пробормотал Кохома.

По пути в глубь Дерева-Дома он спросил Борна:

— Что бы произошло, если бы на один из цветков плюнул я.

— Ничего, — ответил охотник. — Вы не жители Дома. Дом признает только своих.

— Не понимаю, как... — начал Кохома. Но Логан перебила его.

— Скажи мне, Борн, — спросила она, — вы едите фрукты ткача — я имею в виду Дома?

Борн с немым удивлением посмотрел на нее. Иногда эти великаны демонстрировали такое знание вещей, которое не укладывалось в голове, но иногда они говорили такие глупости.

— Разве есть какая-то другая пища, за исключением, возможно, свежего мяса? — Борн слышал пересказ Логан о ткаче, но ничего не понял. — Почему бы нам не есть то, что дается готовым?

— Интересно, — согласилась Логан.

Потом она опять начала что-то объяснять Кохоме, употребляя непонятные Борну слова, и он старался не вникать в их беседу.

— Теперь ты понимаешь связь, Жан?

Кохома кивнул.

— Думаю, да. Они регулярно едят фрукты дерева. Это их основная пища. В их пищеварительной системе образуются определенные химические соединения. Когда они плюют на цветок, эти соединения попадают на него вместе со слюной. Ничего удивительного, что Дом узнает своих.

— Теперь я понимаю, чем дерево является для людей, — подытожила Логан, — убежище и еда. Интересно, что дерево получает от этого?

Размышления великанов были нарушены криком, потом еще одним, потом еще. Вскоре они были окружены группой детей, с изумлением таращивших на них глаза. Это были абсолютно нормальные дети, если не принимать во внимание их темно-коричневую кожу, слюдяные волосы и зеленые глаза, плюс их маленький рост. Самые маленькие глядели на них с таким благоговением, с которым смотрели бы на розового фуркота.

Дин тоже был там. Он шел за Борном, стараясь шагать в такт с ним, только иногда делая необходимые прыжки, чтобы не отстать. Борн равнодушно пробормотал приветствие мальчикам. Неужели юнцы никогда не оставят его в покое?

Маф неотступно следовал по пятам за своим человеком, что было очень редко. Обычно он лежал где-нибудь среди ветвей и спал. Детеныш-фуркот пробрался через группу ребятишек к Логан и с подозрением понюхал ее. Она сначала отвернулась от него, но потом нерешительно протянула руку и погладила его по голове. Где-то из глубины шестипалого клубка шерсти послышалось довольное урчание. Детеныш подошел к Логан ближе, чуть не свалив ее с ног.

Моментально возле нее очутился Руума-Хум:

— Если детеныш мешает, шлепни его, — пробасил он.

Тими взглянула на детеныша, благоговейно смотрящего на нее умоляющими глазами.

— Шлепнуть его? Конечно, нет! — возразила она. — Он такой ласковый.

Руума-Хум насмешливо фыркнул и побежал вперед.

Такая живописная группа — один человек, два фуркота, стайка тихо переговаривающихся между собой ребятишек и два великана — наконец подошла к центральному лиственному шатру.

Борн медленно обводил взглядом близстоящие дома. Где-то громко зевнул взрослый фуркот. Но не было толпы, бегущей ему навстречу, юные девушки не бежали к нему и не ворковали с ним. Ни один охотник не появился, чтобы посмотреть на великанов с таким благоговением, как дети. Не было ни похвал, ни удивленных возгласов, ни проявления должного восхищения его мужеством и храбрым поступком, — не было ничего, кроме любопытных взглядов нескольких стариков, выглядывающих из-за дверей своих домов.

Что-то больно ударило Борна под коленку, и он упал прямо в мутную лужу. Маф бросился в толпу ребятишек и спрятался среди них. Они весело рассмеялись. Борн медленно поднялся на ноги и, стряхивая с одежды капельки воды, постарался вернуть себе самообладание и достоинство. Смех не смолкал. Он повернулся и закричал на детей. Они попятились назад, но улыбки не исчезли с их лиц. Борн шагнул к ближайшему ребенку и угрожающе потянулся рукой за ножом. На этот раз они мгновенно разбежались, прячась кто где. Борн тяжело дышал. Казалось, он никогда не избавится от своей боязни выглядеть глупо.

— Не совсем то приветствие, которое ты ожидал, гмм? — спросил Кохома, с удивившей Борна симпатией. — Я знаю, что ты чувствуешь. Я на себе испытал такое отсутствие признательности. — И он бросил многозначительный взгляд на Логан, который она, правда, не заметила.

Приступ гнева, охвативший охотника как-то сразу схлынул; он расслабился, в то же время ощущая неожиданное родство с этим странным человеком, который решился на путешествие в Верхний Ад в лодке, сделанной из металла.

— Но где все? — поинтересовалась Логан.

Борн пожал плечами и повел их к своему дому, находящемуся высоко в ветвях в дальнем конце шатра.

— Собирают фрукты, заботятся о Доме.

— Паразитический контроль, — прошептал Кохома Логан. — Вот и выгода дереву. Лучше паразит человек, которого ты знаешь, чем непредсказуемое по поведению животное или растение.

— Симбиотический, а не паразитический, — поправила его Логан. — Ведь выгодно и дереву, и человеку. Интересно, что дерево-ткач делало, чтобы защитить себя прежде, чем предки Борна обосновались в нем?

— Или, может быть, охотятся, — продолжал Борн, не обращая внимание на их перешептывания. — Все вернутся раньше, чем наступит ночь.

Борн улыбнулся про себя. Ведь он мог еще рассчитывать на реакцию Брайтли Гоу, когда представит великанов Совету сегодня вечером.

Жилище Борна вызвало у великанов еще более странную реакцию:

— Смотри, — продолжала говорить Логан, указывая на потолок, стены, — маленькие лозы растут так близко друг к другу, что заделывают оставшиеся щели.

Кохома что-то пробормотал в знак согласия, сел и провел рукой по гладкому деревянному полу. Ему нужно было дополнительное подтверждение слов Логан, чтобы поверить. Борн предоставил ему такое подтверждение, когда объяснял функцию крупной щели в полу в дальнем конце большой комнаты.

— Интересно, — пробормотал Кохома, — кто здесь к кому приспособился: человек к дереву или дерево к человеку? Возможно никто не жил в ткаче, пока его не обнаружили первые колонисты. Но тогда я не понимаю, как такая разветвленная крепкая взаимосвязь могла развиться за несколько поколений.

Логан тоже размышляла. Борн наблюдал за ними, когда они продолжали беседовать между собой, и не понимал, о чем они говорили. Что значит человек приспособился к дереву или дерево к человеку? Дом есть Дом. Нужно было только уяснить, как о нем следует заботиться. «Чему же удивляются эти великаны? — недоумевал Борн. — Почему естественный порядок вещей кажется им таким удивительным». Потом его осенила чудная мысль — чудная потому, что казалась совсем невозможной.

— Может быть, — спросил Борн, явно сомневаясь, — в вашем мире нет никакой растительности?

— Что ты, — возразила Тими, — у нас много всякой растительности, но нет такой, в которой можно жить, как это делаете вы. Но мы используем то, что растет по-своему.

— Используете? Я не понимаю, Тими. — Женщина откинулась на спинку скамьи и продолжала: — Некоторые растения мы едим в сыром виде, из других — готовим пищу, третьи, хотя и редко, используем для строительства наших домов. Кое-какие служат для медицинских целей, как у вас тессода. Так же как и вы, мы широко используем лесные массивы.

— Я все-таки не понимаю, — сказал Борн. — Мы не используем лес. Мы — часть леса, часть мира. Мы — часть кругового цикла, который не может быть нарушен. Теперь уже не столько мы используем лес, сколько лес нас использует.

В ответ на это Кохома что-то неразборчиво пробурчал.

— Вы, люди, как бы служите Дереву, — неторопливо объяснила Логан, — даже если и не осознаете этого. По сути дела, вы его прислуга.

— Прислуга... — Борн задумался и беспомощно развел руками. — Что такое прислуга?

— Тот, кто оказывает услуги, подчиняясь приказанию другого, — растолковала Тими.

«Все чуднее и чуднее! Похоже, эти великаны страдают приступами идиотизма, — размышлял Борн. — Мы не служим дереву, Дому. Дом служит нам.»

Логан печально взглянула на него, затем перевела взгляд на Кохому:

— Ладно, он не понимает. Возможно, просто не хочет понимать.

— А почему не хочет? — добавил Кохома. — Видимо, их полне устраивает такой уклад жизни.

— Хотя принижает их умственно. — возразила Тими. — Имея крышу и основную пищу, которые даст сама природа, эти братья не имеют побудительных мотивов для приобретения знаний. И нам будет трудно перевоспитать их. Скажи мне, Борн, — произнесла Тими мягко, поворачиваясь к нему, в то время как он выкладывал еду, состоящую из фруктов, орехов и копченого животного мяса, — ты когда-нибудь подумывал о том, чтобы оставить свое Дерево?

Борн был настолько шокирован, что застыл как вкопанный.

— Оставить Дом? Ты имеешь в виду навсегда? Не вернуться? — Тими Логан кивнула.

Это подтвердило сумасшествие великанов. Как может прийти в голову такая мысль? Разве можно покинуть свой Дом? В нем и крыша, и пища, и защита от непредсказуемого внешнего мира. А за пределами Дома — лежит только неизвестность и возможная смерть.

Потом Борн понял причину, и это объяснило многие странные слова великанов.

— Понятно, — сказал он так мягко, как только мог. — Я искренне не понимал раньше. Теперь мне вполне понятно, что у вас нет собственного Дома, такого, какой есть у нас.

— У нас есть дома, — парировал Кохома. — Мой дом ошеломил бы тебя, Борн. Он выполняет все мои приказы: предлагает еду, когда я хочу есть, а я прихожу и ухожу тогда, когда мне это хочется.

— И тебе не приходится заботиться о нем?

— Ну да, но...

Жан Кохома запнулся из-за хихиканья Логан.

— Ты попал в самую точку, Жан.

Кохома выглядел расстроенным.

— Вовсе нет. Я могу в любой момент оставить его на столько, на сколько захочу, совершенно не заботясь о нем. А ваши люди так не могут.

— Ну тогда, значит, это не Дом, — доказывал Борн. — Кому-то приходится заботиться о своем Доме, а чей-то Дом заботится о себе сам.

— Но это мой дом, — проворчал Кохома, выбирая орех из расположенной перед ним горки. Орехи отдавали слабым запахом перца и сельдерея.

— Понятно, — ответил Борн.

Он был слишком вежлив, чтобы сказать все, что он думает. Хотя разговора о конструкциях из естественного материала и искусственных жилищах не было, Борн знал, что дома великанов были не живые, а мертвые строения, пропитанные безразличием. К их великому удивлению, Борн никогда бы не согласился жить в мертвом строении, мертвом, как топор. А Дерево-эмфол не мертвая вещь.

Мысли о топоре и изнуряющем дневном свете, какой бывает в мире великанов, напомнили Борну, что скоро должны

вернуться охотники. Он бы представил им этих гигантов и, возможно, кто-то тогда признает, что охотник Борн был более бесстрашен и смел и более достоин так называться, чем какой-нибудь средний охотник.

Когда он так сидел, жевал и воображал, что бы он сказал своим братьям, как вдруг заметил под перегородкой, закрывающей дверной проем, кончики пальцев чьих-то ног. Борн поднялся, откинул перегородку. От нее отдернулся, напуганный, Дин. Но Борн был слишком поглощен предвкушением своего собственного триумфа и не мог злиться. Вместо этого он пригласил мальчика перекусить, преграждая путь фуркоту Мафу ногой, когда тот попытался последовать за мальчиком. Фуркот заскулил, но остался за порогом. Борн поставил перед мальчиком еду, и тот всю ее жадно проглотил.

Слишком много народа в его жилище: сирота и два великана, которым присущи черты ненормальности. Борн со злостью откусил жесткий кусок мяса.

— Иногда космический транспорт, — объяснял Кохома недоверчивой, но вежливо внимательной публике, собравшейся вокруг вечернего домашнего очага, — терпит катастрофу либо из-за естественных стихийных бедствий, либо из-за халатности и небрежности служащего. — Кохома понял, что находится в языческом обществе. — Кажется вполне возможным, — продолжал он, интонационно выделяя слово «возможным», — что ваш народ сошел с одного такого уцелевшего корабля и попал здесь в ловушку. Хотя в сложившихся обстоятельствах враждебной природы этого мира я нахожу невероятным, что кто-то из переселенцев смог выжить после того, как продовольственные запасы были исчерпаны... Скорее всего, это наше самое верное предположение. — Кохома сел.

Никто из сидящих вокруг костра не произнес ни слова. Кохома и Логан с небольшой опаской обменялись коротким поддерживающим взглядом и рукопожатием.

— Все это, — наконец медленно отозвался вождь Сэнд, — может быть так, как ты говоришь.

Оба великана явно с облегчением вздохнули.

— Но мы не располагаем теми своеобразными знаниями, которые есть у вас, и имеем свое собственное объяснение нашего существования.

Он посмотрел на Ридера и кивнул. Шаман поднялся. На нем было церемониальное одеяние с нашитыми кусочками ме-

ха, с блестящими коричневыми, красными и оранжевыми нашивками и головной убор, украшенный птичьими перьями — теми, что они оставляют при линьке в Высшем Аду. И у него был, конечно, топор, которым он размахивал, когда поднялся. Раскачивая им, как дирижерской палочкой, Ридер поведал историю о происхождении мира.

— Вначале было семя, — он произносил это напыщенно, нараспев. Слушатели внимали с благоговением. Они слышали эту легенду тысячи раз, но не теряли к ней интереса. — И это было не большое семя, — продолжал шаман. — Однажды пришла мысль о воде и семя пустило корни в Дереве-эмфол. — Опять это слово, подумала Логан. — Оно росло. Его ствол стал сильным и высоким. После этого оно выбросило несколько ветвей. Одни из них превратились в Колонны, на которых держится мир. Другие видоизменились и превратились в два ада, которые заполнили мир. Появились бутоны, бессчетное количество процветающих бутонов. Мы — отпрыски одних таких бутонов, фуркоты — других, пиперы, которые до сих пор лежат в грибницах, — отпрыски совсем других почек. Семя процветает, мир процветает, мы процветаем.

Кохома сдвинул и приподнял колени.

— Если это так и если вы верите, что мы пришли с планеты, совсем не похожей на вашу, то как же все это объяснить с помощью вашей концепции?

— Ветви семенного дерева широко распространились, — ответил шаман.

Из круга послышался одобряющий ропот.

— А что если одна из ветвей была пересажена на другую часть этого Дерева? — спросил Кохома.

— Оно бы погибло. Каждый отросток знает свое место на ветви.

— Тогда вы можете понять нашу ситуацию, — продолжал Кохома. — Ведь то же самое верно и в отношении нас. Если мы не возвращаемся на собственную ветвь — или в семя, или в дом, или в свое место — мы, безусловно, тоже погибнем. Не могли бы вы нам помочь? В свою очередь мы сделаем для вас все, что в наших силах.

Логан и Кохома старались придать своему лицу совершенно безразличное выражение, пока деревенские жители обсуждали между собой их положение. Кто-то подбросил в костер дров. Он загорелся ярче, зловеще вспыхивая искрами. И клу-

бящийся дым лениво поднимался столбом, устремляясь ввысь и вился вокруг краев дверного занавеса, проникая в щели. И теплый дождь не мешал ему.

Сэнд, Джойла и Ридер шепотом совещались. Наконец, Сэнд поднял руку и шушуканье стихло.

— Мы поможем вам вернуться на вашу ветвь, в ваш Дом, — возвестил вождь таким властным голосом, звучащим так, словно он исходил из мощного громкоговорителя, а не из такой тщедушной оболочки. — Если это возможно.

Борн сидел внутри круга и взгляд его был прикован к земле. Так что ни вождь, ни шаман, и вообще никто из братьев не видели его улыбку. Борн с нетерпением ждал их решения. Но тут вдруг выяснилось, как далеко находится станция пришельцев.

Все подавленно молчали, когда Логан поведала об этом.

— Подобное путешествие безумно, — заявил Сэнд, когда Логан закончила. — Нет, это невозможно, невозможно. Я не могу никого отправить сопровождать вас, не могу.

— Но неужели это неясно? — умоляюще произнесла Логан, вскакивая на ноги и беспокойно вглядываясь в тягостно-молчащие лица. — Если мы не вернемся на станцию, то мы... то мы зачахнем, зачахнем и умрем. Мы...

Вождь прервал ее, невозмутимо подняв руку.

— Я сказал, что не могу никого отправить сопровождать вас. Так и есть на самом деле. Я не мог бы приказать ни одному охотнику предпринять подобное путешествие, хотя если кто-то согласится добровольно поехать с вами...

— Это бессмысленный разговор, — прокомментировал со своего места дровосек-сборщик Дендон. — Никто не вернется живым из такого похода. Существуют россказни о тех местах, где сливаются вместе Низший и Высший Ад и наступает конец света.

— Вы путаете смелость и глупость, — возразила Джойла. — Глупое создание — это всего-навсего тот, кто необдуманно совершает смелые поступки. Неужели среди нас нет кого-нибудь, кто рискнул бы своей жизнью для того, чтобы вернуть Домой из далекого чужого места двух людей, которые попали сюда по несчастью? И разве мы не добивались бы помощи с таким же упорством, если б она понадобилась нам самим? — Жена вождя посмотрела на великанов. — Если эти люди похожи на нас, то, вопреки нашим настойчивым прось-

бам и предупреждениям об опасности пути, они совершат то, что задумали. Вполне возможно, что среди нас есть достаточно храбрый человек, способный отправиться с ними. Я не охотник, так что я не могу.

— Будь я молод, — вставил Сэнд, — то отважился бы, невзирая на опасность.

Но ты уже не молодой, подумал про себя Борн.

— Но поскольку я уже не молодой, — продолжал вождь, — я не могу. Давайте не будем сдерживать тех, кто, быть может, жаждет совершить подвиг.

Сэнд окинул взором все собрание, так же, как это сделали Кохома и Логан, как это сделали мужчины и женщины и сидящие в середине круга дети, с широкораспахнутыми глазами выглядывающие из-за плеч взрослых. Никто не вызвался. Только живые звуки потрескивающего мертвого дерева в костре да мягкое равнодушное журчание льющегося дождя.

Не тратя времени на раздумья, Борн неожиданно для самого себя произнес:

— Я отправлюсь с великанами.

Все взоры, напряженные и сосредоточенные, обратились к тому месту, где он сидел. Вот теперь, наконец, он надеялся хоть на какое-то восхищение и одобрение. Но вместо этого взгляды выражали печаль и сожаление. И даже великаны уставились на него с удовлетворением и облегчением, а вовсе не с уважением. Борн с горечью подумал о том, что может произойти за многие недели, которые были еще впереди.

— Охотник Борн будет сопровождать великанов, — заметил Сэнд. — Есть кто-нибудь еще? — Борн оглядел своих товарищей. Внутри круга почувствовалось возбуждение, которое исходило от людей, ищущих всяческие предлоги для того, чтобы рассмотреть землю перед собой, почувствовать тепло костра, исследовать швы на занавесе, висящем на дверном проеме — короче говоря, все, что угодно, только бы не встречаться взглядом с Борном.

Ну что же, замечательно. Он один отправится с великанами, один познает их тайны.

— Вероятно, — холодно проговорил Борн, поднимаясь на ноги, — не будет слишком обременительно, если я попрошу кого-нибудь обеспечить всем необходимым нашу экспедицию.

Затем Борн повернулся и покинул собрание, чтобы отправиться в свое жилище. И когда он уходил, то ему пока-

залось, что кто-то пробормотал: «Для чего расходовать хорошую пищу на тех, кто уже мертв?» Но Борн не остановился и не стал выяснять, кому принадлежат эти слова.

Удачная охота, добыча грейзера — все это ничего не давало Борну. Когда из всех охотников только у него одного хватило достаточно храбрости, чтобы спуститься к воздушному кораблю великанов, то это вызвало восхищение только у детей и ни у кого более. Ну уж теперь он сделает нечто ошеломляющее, столь невероятное, что никто уже не сможет более пренебрегать им. Он доставит великанов на их станцию-Дом или умрет. Возможно, это заставит всех осознать его значимость. Если на этот раз он не вернется, вот тогда они почувствуют себя виноватыми.

Разгорячившись от этих мыслей, Борн вдруг споткнулся о торчащий корень и в ярости обернулся, чтобы обрушить проклятья на этого безмозглого врага. И в этот момент он почувствовал себя немного лучше. Костер был теперь далеко позади, а вокруг сгустилась тьма. Борн, чтобы прикрыться от дождя, накинул на голову плащ.

Если великаны чувствовали, что они могут добраться до своей таинственной станции, то почему он не ощущал такой уверенности? Действительно, почему? Если только...

А что если и не было никакой станции, что если эти двое гигантов были чертями из Нижнего Ада, посланными, чтобы подбить его покинуть Дом?

Да нет, чепуха! Они были такими же людьми, как и он, несмотря на огромный рост и странный наряд. Иначе почему они могут говорить на том же языке, что и все братья? Хотя какие-то странные модуляции звучали в их голосах и как необычно они строили фразы! Они произошли не из эмфола. Но Борн не мог даже и предположить этого. Поэтому он вполне благополучно забыл о своих сомнениях.

Борн отодвинул навес на двери и вошел в свой дом, аккуратно прикрыв за собой дверной проем. Развязав плащ, швырнул его в дальний угол. Из темноты послышался глухой звук. Он тотчас насторожился — нож для костей тут же оказался в его руке. От едва различимого силуэта доносилось хныканье. Осторожно передвигаясь в темноте, Борн вытащил небольшой пакетик с цветочной пыльцой, предназначенной для разжигания костра, посыпал ею кучку дров, лежащих в середине комнаты на полу. Чирк — и дерево потрещало и вспыхнуло

ярким пламенем, высвечивая съежившуюся фигуру Брайтли Гоу.

Успокоившись, Борн отправил нож в ножны. После любопытного взгляда на девушку, он сел у костра, скрестив ноги. Ярко-желтая глубина костра действовала успокаивающе, казалась ласковой, любящей. Завтра они отбудут, великаны и он, а сейчас ему хотелось забыться долгим, глубоким сном, но...

— Ты пришла посмеяться надо мной, как и все остальные, — беззлобно пробурчал Борн.

— Нет-нет! — Брайтли Гоу медленно и неуверенно подошла к костру. Свет обнажил глубину ее глаз, а Борн отметил — как прекрасен слабый огонь, набирающий силу и постепенно превращающийся в костер. — Борн, ты ведь знаешь о моих чувствах.

Он рассердился и раздраженно отвернулся.

— Тебе нравится Лостинг, ты любишь его, а мной ты играешь.

— Нет, Борн, — запротестовала девушка, и голос ее стал громче. — Мне нравится Лостинг — да, но... Но ты мне тоже нравишься. Лостинг — славный, но не такой славный, как ты. Совсем не такой. — Она смотрела на Борна умоляюще. — Я не хочу, чтобы ты поступал так, Борн. Если ты уйдешь с великанами, то никогда не вернешься. Я верю в то, что все говорят об опасностях, подстерегающих вдали от Дома, что шепчут о том месте, где сходятся два Ада.

— Рассказы, легенды, — проворчал Борн. — Детские сказки. Опасность вдали от Дома ничуть не более опасна, чем стрела, выпущенная из этой комнаты. Я не верю, что существует место, где сходятся вместе два Ада. А если это и так, мы обойдем это место или пройдем через него.

Брайтли Гоу передвинулась вокруг костра на четвереньках, подкралась к Борну и положила руку на его плечо.

— Хотя бы ради меня, Борн, не ходи никуда с этими великанами.

Взглянув на нее, Борн начал было поддаваться, начал соглашаться, уступать. Но сила, заставляющая его лежать в засаде в ожидании добычи и спускаться в глубины пещер, все же пробудилась в нем. И вместо того, чтобы сказать ей: «Я сделаю все, что ты пожелаешь, Брайтли Гоу, потому что я люблю тебя», он резко произнес: «Я поклялся и публично за-

явил перед всеми, что я пойду. Но даже если б не было ни клятв, ни обещаний, я все равно сделал бы это».

После этих слов девушка сползла с плеча Борна. Она невнятно произнесла: «Борн, я не хочу, чтобы ты уходил», — наклонилась к нему и поцеловала, прежде чем он успел уклониться, затем резко вскочила и выскочила через дверь, так что он не успел даже среагировать. Ночной дождь скрыл ее.

Долгое время Борн сидел молча, пребывая в задумчивости, пока костер пожирал себя и теплые капли дождя струйками стекали по устланной кусками кожи крыше. Потом, что-то пробормотав про себя, поскольку все равно это никто не мог услышать, Борн откинулся на свою меховую подстилку и провалился в тяжелую беспокойную дремоту.

Левый глаз Руума-Хума наполовину приоткрылся, он настороженно растопырил уши, увидев темную фигуру на ветке рядом с расщелиной, в которой спал. Руума-Хум чихнул, стряхнул с морды капли и фыркнул, издав при этом свистящее урчание, свойственной фуркотам.

— Где твой человек, малыш?

Маф резко дернул головой, подражая человечьим повадкам, показал на густые ветки, расположенные внизу.

— Где-то там, спит.

— Что и тебе следовало бы делать, мальчишка.

Глаз закрылся и Руума-Хум снова положил свою огромную голову на передние лапы.

Маф немного помедлил и выпалил:

—Ну, пожалуйста, дедушка.

Руума-Хум вздохнул и снова приподнял голову, чтобы посмотреть на детеныша, на этот раз открыв все три глаза разом. Маф стоял перед ним, глядя на спящий поселок, расположенный внизу.

— У моего человека, мальчика Дина, проблемы.

— У всех людей есть какие-то проблемы, — ответил на это Руума-Хум. — Ступай спать.

— Он переживает за своего нового отца, человека Борна. Борн — это же твой человек.

— Кровная связь тут не причем, — пробормотал большой фуркот, опуская голову на лапы. — Эмоциональная реакция мальчишки в данном случае беспричинна.

— Обычно все реакции наших хозяев не имеют причины,

но в данном случае я опасаюсь, что беспокойство моего человека имеет достаточно оснований.

Брови Руума-Хума поползли вверх.

— Неужели ты, родившийся по недоразумению, начинаешь соображать?

— Я боюсь, — продолжал маленький фуркот, — как бы мой человек не сотворил чего опрометчивого.

— Взрослые сдержат его, как я сдержал тебя. И вообще, тебе не поздоровится, если ты не оставишь меня в покое и не дашь мне отдохнуть.

Маф развернулся, чтобы уйти, посмотрел через плечо и дерзко проворчал:

—Старик, не говори потом, что ты ничего об этом не знал.

Руума-Хум встряхнул головой и подивился, почему эти фуркотики всегда такие любопытные и настырные и так неуважительно относятся к старшим. Они пристают со своими вопросами, когда им только вздумается. Старый фуркот понимал их стремление заполнить пробелы в знаниях, стремление, которое он прекрасно помнил, было присуще ему самому и даже сейчас все еще жило в нем. Но это стремление теперь видоизменилось, учитывая его зрелый возраст. Теперь Руума-Хум многое воспринимал, исходя из той разумной убежденности, что, в конечном счете, все будет подытожено смертью.

В который раз уже Руума-Хум устроил голову на скрещенных лапах, не замечая моросящего дождя, и вновь погрузился в сон.

7

Борн сердито срывал со ствола одну за другой отмершие ветки, пораженные третичным паразитом, сдерживая гнев из-за боязни повредить здоровые и живые отростки.

Пошел четвертый день, как они покинули Дом, а его злость на далекую теперь группу охотников не утихала. Эта злость частично была направлена на себя самого за то, что он согласился на эту сумасшедшую экспедицию.

Руума-Хум патрулировал окрестности рядом с Борном, с левой стороны. Фуркот держался на расстоянии от человека,

ибо чувствовал что-то неладное. Человек, которому гнев застилает глаза, был также непредсказуем, как любой другой житель леса, а взбешенный на самого себя — непредсказуем и подавно.

Вдобавок ко всему, великаны отличались полной неспособностью что-либо делать. Казалось, они знать ничего не знают о самых обычных походах или о том, как вскарабкаться на гору. Ребенок лучше стоит на ногах, чем они. Не будь его рядом с ними, уже произошло бы столько трагических падений. Что бы они делали без коричневой моногоножки и бамбукового плота? Руума-Хум подстраховывал их, когда они подходили к очередному трудному месту, но даже сверхбыстрой реакции фуркота могло быть не достаточно, чтобы предотвратить падение на несколько уровней. Достаточно было лишь одного такого падения и экспедиция закончилась бы крахом.

Борн срезал оставшиеся ветки, собрал их и отнес к месту, которое выбрал для ночлега. Кажется сегодня великаны вели себя немного получше, пробираясь через деревья более решительно. Кохома уже не поскальзывался каждый раз, когда прыгал за лианой, и уже не цеплялся за нее с такой силой, как раньше.

Логан, в конце концов, убедилась, что дотрагиваться до каждого нового цветка или растения, мимо которого они проходили, было опасно. Борну было не до улыбок при воспоминании случая двухдневной давности, когда Тими пыталась попить из бутылочнообразного вермильота. И только быстрый прыжок и резкий удар в предплечье предотвратил ее прикосновение к растению. Логан свирепо смотрела на Борна до тех пор, пока он не объяснил ей некоторую разницу между вермильотами и растущими вокруг вермильонами: вермильот имеет два дополнительных лепестка, необычное утолщение основания, более темный оттенок красного цвета. Было еще одно отличие — что-то вроде пятнышек внизу цилиндра, во всем же остальном вермильот ничем не отличался от безобидного вермильона.

Наконец, представился случай пустить в ход свой костяной нож. Убедившись, что оба великана были совсем рядом, Борн поднялся над растением. Острием лезвия срезал зеленый цилиндр так, чтобы прозрачная жидкость, которая была внутри, выплеснулась наружу. Внутри вермильота была прозрачная вода, но это была не дождевая вода. Струя этой

жидкости потекла на расположенную внизу лиану метровой толщины и, наткнувшись на нее, разбрызгалась и превратилась в густое облачко, которое поднялось в воздух. Когда остатки этого облачка рассеялись, Борн подозвал гигантов подойти ближе к этому месту. Предупредив, чтобы они не наступали на остатки испарений, показал им отверстие, проеденное в дереве метровой толщины светлой вытекшей жидкостью, причем отверстие уходило значительно глубже.

После этого Борн аккуратно постучал по зеленой стенке фальшивой бромлеады. Они услышали глубокий, почти металлический звук, совершенно непохожий на звучание настоящего вермильона.

После этого ни один из великанов не пытался приблизить даже палец ни к одному неизвестному растению, предварительно не проконсультировавшись с Борном. Это обстоятельство сделало его немного счастливее из-за того, что бесчисленные вопросы настолько замедляли их движение, словно это были раны или переломы конечности. Один, не будь обременен такими попутчиками, Борн двигался бы в три раза быстрее.

Он спрыгнул с огромного сучка, который выбрал для ночлега. С самого первого дня на стоянках появилась проблема. Оказалось, что великаны не могут обойтись без крыши над головой, укрывающей их от ночных дождей. Великаны были настойчивы в своих требованиях, их не остановило то, что на сооружение крыши уходит много времени и сил, и Борн нехотя уступил. Веским доводом послужило то, что такое постоянное пребывание без крова порождает у них какую-то странную болезнь, которую они называли холодом. Борн не мог понять этого, он считал, что человек не должен быть таким слабым. Единственная болезнь, которая была ему известна — это несварение желудка, да и то страдал он ею, когда вместо фрукта со своего дерева-Дома ел какую-либо другую пищу. Но те болезни, которые описали ему великаны были настолько страшны, что он не мог отказаться сделать такое необходимое для них укрытие.

— Вот он, — прошептала своему напарнику Логан, когда появился Борн.

Интересно, зачем они так часто говорят шепотом, а не в полный голос. Мысль, что великаны могли пытаться скрыть что-то от него, никогда не приходила Борну в голову. Во вся-

ком случае, Борн мог слышать их достаточно ясно, даже когда они переговаривались шепотом. Кто он такой, чтобы ставить под сомнение способности тех, кто мог летать по небу?

Они могли тратить побольше времени на улучшение и усовершенствование собственных домов, вместо того, чтобы сооружать новые искусственные для защиты от окружающего мира, размышлял Борн, забрасывая вязанку дров на главную ветку.

— Мы уже начали беспокоиться, Борн, — широко улыбаясь, объяснила Логан. — Тебя так долго не было.

Борн пожал плечами, приступая к сооружению временного навеса из груды мертвых ветвей и отживших листьев.

— Не так то просто подыскать подходящий материал для сухой крыши, — ответил он. — Большинство мертвых деревяшек и старых листьев падает в Ад, чтобы быть съеденными, как и все остальное, что падает.

— Готов поклясться, что съедено — то самое слово, — подтвердил Кохома, снимая шкуру с большой пурпурной спирали. — Здесь должны быть микробы такие же большие, как твои веснушки, Тими. Такая куча гнилых овощей наводит на мысль, что они падают здесь на землю каждый день.

Послышался хруст листьев и Кохома вскочил на ноги. Логан тут же взялась за костяное копье, которое всегда было наготове. Но это был всего-навсего Руума-Хум. Борн не мог смотреть на великанов без улыбки. Несмотря на их заверения, было ясно, что великаны никогда не привыкнут к присутствию большого фуркота.

— Идут человек и фуркот, — заявил шестилапый.

— Чужой или...? — Борн не договорил, потому что высокая фигура шагнула в пятно света, и рука Борна инстинктивно потянулась к ножу. Рядом с человеком шествовал фуркот, но не такой большой как Руума-Хум.

Лостинг.

Большой охотник не улыбнулся, когда встретил пристальный взгляд Борна. Логан вопросительно смотрела на Борна. Но он не замечал ее. И не убирал руку с рукоятки ножа. Фурготы обменялись слабым рычанием и разошлись в разные стороны. Лостинг сделал пару шагов вперед.

— Когда два охотника встречаются на тропе, — сказал Лостинг, отводя взгляд от Борна и всматриваясь в велика-

нов, — то тот охотник, который уже устроил кров, приглашает того, кто пришел позже, под свою крышу.

— Как ты пришел сюда, как? — резко спросил Борн, на какое-то мгновение забыв о вежливости. Его взгляд был направлен в землю, так что Лостинг не мог заметить гнев в его глазах. — Когда мы покидали Дом, я видел тебя последним, ты стоял с Брайтли Гоу.

— Да, это верно, — без энтузиазма признал Лостинг. — Теперь же, по прошествии нескольких дней, мне кажется, я должен был остаться с ней, так как девушке кто-то будет нужен для совместной с ней жизни, когда тебя уже не будет на этом свете.

— Ты шел за мной один в течение четырех дней для того, чтобы подразнить меня, — напрягаясь, сказал Борн. Из-за такой странной ситуации его злость стала растворяться. — Зачем ты пошел за мной?

Теперь настала очередь Лостинга отвести взгляд. Рядом прохаживались два великана, он присел на корточки, опершись подбородком на руки, и рассматривал построенный кров.

— Я старался забыть, то что ты сказал той ночью во время сбора. И не мог. Не мог забыть, что ты один спустился в пещеру, чтобы убедиться, что голубой предмет — не дьявол, а металлический топор, доказать неправоту большинства. — Лостинг кивнул головой в сторону Логан и Кохомы. — Мне было стыдно за то, что я испугался, хотя никому из нашей группы, когда мы вернулись, не было стыдно. Они оправдывали себя, говоря, что ты сумасшедший. Я не мог так оправдывать себя. — Лостинг посмотрел на Борна. — А когда ты сказал, что попытаешься доставить этих великанов к их Дому, я тоже подумал, что ты сумасшедший, Борн. Когда ты ушел, я был счастлив, потому что Брайтли Гоу была в моих руках. — Борн напрягся, но Лостинг сдержанно поднял руку. — Я думал, как хорошо будет мне теперь с Брайтли Гоу. Как здорово, когда тебя нет рядом, Борн, ведь ты всегда возвращаешься с очередной, еще большей добычей. Как хорошо, когда не приходится соперничать с сумасшедшим. Как хорошо, что не нужно больше из-за досады употреблять грубых слов, в то время как ты произносишь слова мягко и спокойно.

Гнев Борна окончательно прошел. Поразительная мысль пришла ему в голову. Могло ли быть такое, что Лостинг —

крепкий, сильный Лостинг, величественный охотник и боец — могло ли быть такое, чтобы он ревновал?

— Ты ушел, а я остался, — продолжал Лостинг, — но мне тяжело было там. Когда Брайтли Гоу ушла от меня, я пошел на самый краешек Дома и сидел там, смотря на мир, в котором ты скрылся. Я думал. Мне было стыдно. А что если, думал я про себя, ты доберешься до станции-Дома великанов, как ты добрался до их воздушного корабля? Что если ты вернешься с такой удачей? Что тогда подумает обо мне Брайтли Гоу? А что, что подумаю о себе я сам? — Лицо охотника дергалось.— Ты преследуешь меня, Борн, где бы ты ни был — далеко или близко. И я понял, может, ты и вправду сумасшедший, сумасшедший и ловкий, но не храбрее Лостинга. Нет никого храбрее Лостинга! Итак, я пошел следом. Или я дойду до Дома великанов или встречу смерть. Но ты не победишь меня.

— О чем это они? — спросил Кохома.

Логан заставила его замолчать.

— Неужели ты не понимаешь, что это личное, Жан. Что-то у них серьезное. Давай не будем вмешиваться.

— Уж очень долго они говорят, — не успокаивался Кохома. Как бы это не повлияло на наше возвращение.

— И что из этого? — спросил Борн. — Почему ты не следуешь за нами, как раньше тайно? Это явно больше соответствовало бы твоему плану.

— Если бы я шел как прежде и продолжал оставаться незамеченным, ты бы не видел меня. Но мы не можем больше продолжать в том же духе, — уже спокойно подвел итог Лостинг.

— Ты не помешаешь мне.

— Нет, Борн, не помешаю. — В голосе Лостинга слышались примирительные нотки. — Мне не приходилось делать остановки, чтобы сооружать укрытия для великанов. Каждый день я заходил немного дальше вас. И я только что вернулся назад, оттуда, где я встретил нечто тебе известное. Именно это и заставило меня вступить с вами в контакт.

— И что же ты там увидел — впереди?

— Акади.

— Я не верю тебе, Лостинг.

— Тогда держись этого же направления и наверняка станешь добычей прожорливых ртов. Я увидел их там целую колонну.

Борн задумался над тем, что сказал Лостинг. Он не будет шутить такими серьезными вещами. Даже если бы и захотел выставить Борна перед Брайтли Гоу в неприглядном виде.

— Что происходит? — вдруг нервно вмешался Кохома. — Что за «акоти»,... или как там их называют?

— Акади, — мрачно поправил Борн. — Мы должны вернуться назад.

— Нет, вы только послушайте, — проговорил Кохома, вставая на ноги. Логан задержала его, но на этот раз Кохома оттолкнул женщину. — Ну нет, я собираюсь высказать этим изменникам все, что о них думаю. Сначала они устраивают большое представление, демонстрируя желание помочь нам. Затем они слегка удаляются от своих домашних очагов, а в это время выясняется, что у них, оказывается, совсем другие планы. — Кохома повернулся к Борну. — А может быть, вы потому стремитесь повернуть назад, что подошли к такому пятидневному рубежу, который не пересекал еще и...

Вдруг осознав, что зашел слишком далеко, Кохома остановился.

— Ты не знаешь, что такое акади, — с тихой яростью прошептал Борн. — А если бы ты знал, то задал бы только один вопрос: когда мы побежим обратно?

— Борн, — заговорила Логан, — Я не думаю, что...

— Вот ты говоришь об остановке, о мужестве, об обещании. Вы думаете, что я рискую своей жизнью потому, что у меня доброе сердце? Вы думаете, что я делаю это ради кого-то из вас? Никто из вас меня не волнует, вы великий, холодный народ! — Борн немного успокоился и обратился к Кохоме. — Вы отличаетесь от нас ростом, цветом кожи и умом. Вы прибыли к нам на воздушном корабле из металла, похожего на тот, из которого делают топоры. И я спустился в глубины Ада не для того, чтобы спасать вас, а для того, чтобы посмотреть, что это за корабль. Кое-что разузнать. Для собственного удовольствия. Я иду к вашей станции по той же самой причине — не для того, чтобы спасти ваши жизни, а для себя самого, самого. И из-за меня мы вернемся, из-за меня, Лостинга и нашего народа, а не из-за вас. Вы же можете продолжать свой путь и умереть, или спрятаться и переждать, когда акади нападут на ваш след. Это не для меня. Мы не можем продолжать путь. Может, мы его никогда не сможем продолжить снова. Мы должны вернутся Домой.

— Борн, — после долгого молчания сказала Логан, — нам неизвестны ваши дороги и многое в вашем мире. Вы должны простить нас. Кто такие акади и почему они заставляют нас вернуться?

— Мы должны предупредить Дом, — сказал Лостинг. — Акади могут пройти там. Если мы предупредим, все будет в порядке. Если нет... — Он пожал плечами. — Мы должны попытаться остановить их.

— Я верю тебе, Лостинг, — нерешительно признался Борн. — Но мне нужны хоть какие-то доказательства. — Он указал на Кохому и Логан. — Мне кажется, если бы великаны увидели следы, которые оставляют после себя акади, то это ускорило бы наше возвращение.

Лостинг согласно кивнул и встал на ноги.

— Они не так далеко отсюда, не так далеко, как хотелось бы. Мы можем подойти поближе.

Оба охотника стали спускаться. Кохоме и Логан пришлось поторопиться, чтобы успеть за ними. Логан споткнулась и обошла цепкие колючки, ветки и листья в зазубренными краями. Руума-Хум шагал под ней, готовый при случае поддержать ее. В течение дня Логан получала тысячу порезов, особенно тяжело было первые два дня, когда женщина совершенно выбилась из сил от тяжести пути. Позже она уже стала привыкать, но не переставала удивляться Борну, который, казалось, никогда не страдал от этих порезов и царапин, несмотря на толстые колючие ветки, сквозь которые он прокладывал путь. Это было совершенно необъяснимо. Несомненно, размышляла Логан, это из-за его меньшего, чем у нее, роста, гибкого тела, врожденного знания особенностей этой местности — все это помогало ему ловко продираться сквозь густо сплетенную паутину листьев, стволов и веток.

Вдруг перед Логан возникла массивная зеленая фигура. На этот раз она не отскочила, но душа ее все же затрепетала. Тими начинала привыкать к размерам фуркота и к его молчаливому появлению.

— Руума-Хум, что такое акади?

Фуркот засопел.

— Это то, что ест.

— Это что-то одно или много?

— Есть тысячи, а есть и один, — ответил Руума-Хум.

— Как может быть тысячи и только один? — любопытствовала Логан.

Руума-Хум раздраженно зарычал:

— Спроси об этом акади.

Он соскочил с ветки вниз.

Логан пошла на ним, не упуская его из виду и произнося про себя напыщенно: «Внутри под листвой!... Под листвой... Внутри под листвой... листвой. Эмфол... Проникновение в листвяную глубь». Вполне понятная терминология для тех, кто знаком с суевериями этих людей, размышляла она. А мне что-то непонятно. Ладно, это подождет.

Лостинг был прав. Идти далско не было необходимости.

Теперь они пробирались сквозь густо-растущую чащу надземных растений с ярко-желтыми прожилками. Они росли под прямым углам, образовывая некоторое подобие живой шахматной доски. Лостинг считал, что лучше было бы обойти это место окольным путем, который пролегал совсем рядом.

Кохома протянул руку и ухватился за несколько стеблей, толщиной в палец, которые так сильно переплелись между собой, что образовали сеть.

— Зачем обходить? — спросил он Борна, глянув на его нож с широким лезвием и сдавил стебель. — Это травяное растение — нежное, мягкое. Поскольку мы торопимся, почему бы нам не прорубить дорогу сквозь него?

— Ты с таким безразличием относишься к смерти, — сказал ему Борн, рассматривая Кохому так, словно изучал насекомое под микроскопом. — Возможно, что в твоем собственном мире ты охотишься и за разными растениями тоже? — В своих словах Борн сделал очевидный упор на слова «разные растения».

Теперь Кохома уставился на Борна.

— Это всего лишь большое сочное растение.

— Оно живое, — терпеливо объяснил Борн. — Если мы вырубим стебли, оно перестанет быть живым. Зачем? Чтобы сэкономить время?

— Не только поэтому. Если вокруг нас есть что-то, пожирающее все подряд, я не хотел бы попасться в ловушку в тесном пространстве. Чем больше вокруг расчищенного места, тем лучше. — возразил Кохома.

Борн и Лостинг обменялись взглядами. Недалеко дожидались два фуркота.

— Он убил бы только ради нескольких минут яркого света, — с удивлением заметил Борн. — Твои первостепенные нужды чужды нам, Жан Кохома. Мы пойдем в обход.

У Кохомы были еще вопросы, как и у Логан. Но как бы то ни было, ни Борн, ни Лостинг не ответили бы на них сейчас.

В конечном итоге, люди обошли заросли растений, растущих подобно шахматной доске. И вот они уже двигались в густых дебрях. Поворот, и вдруг неожиданно они вышли на открытое пространство, как раз такое, о котором мечтал Кохома, к которому из леса вел туннель. Туннель был выше человеческого роста, выше, чем Логан или Кохома. Он был добрых пяти метров шириной, протянувшийся ровной линией вправо и влево.

— Это сделали акади. Они глупые и действуют бесцельно, пожирают все на своем пути, оставляя за собой вот такое. — Лостинг показал на пустое пространство. — Внутри такого туннеля жизнь вымирает, прекращает свое существование. Она просто исчезает... куда?

— Они всегда идут так прямо? — спросила Логан.

— Нет. Колонна высылает своих разведчиков. Если пища лежит в другом направлении, акади отклоняются и проедают заросли в другом направлении. Если они пустились в путь, ничто не остановит их, только их собственный охотник. Посмотри. — Лостинг показал на дно туннеля. — Они прожрут все, что угодно, поглощая все живое на своем пути, все, что не может уйти с их дороги. Я видел, как они насквозь проели сердце Колонны-дерева. Говорят, что если стоять на самом краю туннеля, проделанного акади, то можно легко быть схваченным и втянутым в этот туннель. Но акади, тем не менее, этого не сделают, так как не возвращаются назад, не отступают от начатого дела. Когда передние в колонне насыщаются, они отступают, уступая место другим, чтобы те особи, в свою очередь, тоже могли насытиться. К тому времени, когда последние насытились, первые уже снова голодны. Они останавливаются только для отдыха и размножения.

Кохома выглядел спокойным.

— О чем вы беспокоитесь? Все, что вам необходимо сделать, это собрать детенышей и фуркотов и скрыться до тех пор, пока акади не совершат свой сквозной всепожирающий путь, а потом вернутся обратно, верно?

Борн медленно покачал головой.

— Нет. Ты не понимаешь. Мы могли бы сделать то, о чем ты говоришь, но мы боимся не за самих себя. Они пойдут на уровне поселка, достигнут Дома, и проделают свой всепожирающий путь сквозь сам ствол. А раз кора пробуравлена, они проедят сердце. Дом окажется беззащитным от паразитов и болезни. Если мы не сумеем остановить колонну или повернуть ее, он почернеет и умрет.

Больше нечего было сказать. Они покинули туннель, Логан и Кохома плелись сзади.

— Послушай, Борн, — настаивала Логан, — вполне естественно, что вдвоем вы не сможете защитить Дерево! Отведите нас на нашу станцию. У нас есть приспособления, которые могут остановить эту бойню до того, как они достигнут Дома. Ты их просто плохо знаешь.

— Возможно это и так, — признал Борн, — но мы находимся еще на очень большом отдалении от вашего Дома. Акади, с их средней скоростью передвижения, быстрее доберутся до нашего Дома, намного раньше, чем мы сможем достичь вашей станции. Мы обязаны предупредить остальных и помочь им приготовиться. И вы нам тоже поможете в этом.

— Если ты думаешь, — заявил в ответ Кохома, — что мы собираемся немного побродить вокруг...

— Безусловно, мы сделаем все, что в наших силах, Борн, — мягко сказала Логан после быстро брошенного взгляда на своего помощника. — Мы почтем за честь, оказать вам помощь за все, что вы для нас сделали. — Она обняла рукой Кохому за плечи и потянула его назад. Они оба упали позади Борна.

— Какого черта, что ты вытворяешь, Тими, — раздраженно прошептал Кохома. — Если б ты не мешала мне еще немного поспорить и ними, я, возможно, сумел бы убедить их, что наша помощь для них бесполезна. Тогда они могли бы оставить нас на ближайшей ветке и мы бы...

— Ты недальновидный идиот! Нам необходимо сотрудничать с ними, у нас нет выбора. И более того, если защита Дерева потерпит неудачу, мы будем такими же мертвыми, как если бы нас съели акади. Неужели ты думаешь, что мы сможем пробраться сквозь этот зеленый Дом подземного царства без посторонней помощи? Ты уже видел что это такое. Мы бы уже десятки раз были мертвы к этому моменту, если бы не Борн. Ты помнишь фальшивый вермильон, о котором я думала, что он наполнен водой, а он оказался наполнен кислотой? Безус-

ловно, мы будем сражаться. Если мы увидим, что наши усилия тщетны, тогда у нас будет достаточно времени, чтобы смыться. — Тими осторожно перешагнула через фуксин и древесную губку. — А пока нам лучше приложить все свои усилия для того, чтобы эти люди выжили. Если мы не можем выбраться отсюда без их помощи.

— Точно. Я не подумал, — согласился Кохома. — Я пойду и буду идти столько, сколько нужно. Но я не собираюсь погибать ради какого-то чертова Дерева.

Борн подивился бы такой странной беседе, но в этот момент его голова была занята другими мыслями, которые полностью поглотили его. Акади направлялись к Дому, направлялись к Брайтли Гоу. Он догадывался, что великаны не будут, при необходимости, сражаться насмерть. Он не стал рассказывать им о том, что раз акади напали на их след, то будут следовать по запаху до тех пор, пока запах не исчезнет. Поскольку столкновение было неминуемо, и акади нацелились на добычу, все, что находится в пределах их досягаемости, обречено на смерть, если только сами акади не погибнут первыми. Если б только можно было остановить всепожирающую колонну. Вот бы гиганты помогли нам в этом, тогда бы они могли обзывать его столько, сколько им вздумается.

Брайтли Гоу перестала собирать листья и заторопилась к Дому, когда до нее дошел слух о возвращении Борна. Она увидела, как он возбужденно разговаривает с Сэнд и Джойлой и направилась в ту сторону, благодарная и удивленная его внезапным возвращением. Но подойдя ближе, заметила, что рядом с ним был еще и Лостинг, который говорил с Борном также непринужденно, как и со всеми старшими. Девушка помедлила, остановилась и некоторое время смотрела на них. Затем развернулась и медленно пошла в обратную сторону — к дому родителей. Время от времени она то посматривала назад через плечо, то разговаривала сама с собой, то покачивала головой.

— Далеко? — озабоченно спросил Сэнд.

— Два дня пути человеку, — ответил Лостинг, делая рукой жест в сторону леса.

— Нет шанса, что они пройдут слева или справа от нас? — спросил Сэнд.

Борн покачал головой.

— Я не думаю. Они пройдут прямо через центр нашего

поселка. — Борн повернулся, когда к ним подошли двое великанов и Ридер.

— Вы все видите, что это дурацкая затея, — продолжал Кохома. — Вы собираетесь пожертвовать собой, чтобы спасти Дерево? Послушайте, а сколько Дереву останется жить, если акади все-таки пробьют через него свою дорогу?

Ридер повернулся и ответил:

— По старому календарю — лет сто.

Все эмоции были написаны у Кохомы на лице.

— Вы можете воспитать здесь еще два или три поколения и, разбившись на небольшие вооруженные группки, будете искать новое. Но если вы останетесь сражаться с этими акади, вы все скорее всего погибнете. Какой смысл?

— Наш Дом останется жить, — с достоинством объяснила Джойла.

— Хорошо, — произнес Кохома. — Отдайте свою жизнь за проклятую священную дубину. — Он обратился к Логан. — Они никогда не смогут вернуться назад в Цивилизацию. Они слишком деградировали. Они не смогут там жить.

— Я не понимаю вас, великаны из другого мира. Возможно, вы правы и мы совсем не так уж и похожи с вами, как нам кажется, — начал говорить Сэнд. — И давайте остановимся на этом.

Джойла и Сэнд кивнули головой.

— Мы совсем не утверждаем, что полностью понимаем вас, — примирительно заметила Логан, а Кохома в это время ругнулся. — Но мы бы могли вам чем-нибудь помочь.

— Конечно, мы примем во внимание ваши советы, — вежливо ответил Сэнд.

— О'кей, — живо сказала Логан. — Я так понимаю: единственное, что намерены предпринимать эти акади — защищаться от нападения, правильно?

— Да, это так, — сказал ей Борн.

— Хорошо, — продолжала Логан, — почему бы тогда не нанести им удар со стороны? Тогда, защищаясь, они поменяют направление.

Сэнд улыбнулся и покачал головой.

— Акади помнят направление своего движения. Они догонят и убьют любого, кто осмелится напасть на них, а потом все равно вернутся и достигнут своей цели.

— Ох, — удрученно вздохнула Логан. — Интересно, поче-

ıу никто не предложил отвлечь их внимание, а потом атако-ıать? Это помогло бы выиграть немного времени.

— Совсем немного, — добавил Лостинг.

— Здорово, великолепно, — вставил расстроенный Кохо-ıа.

Эти люди действовали ему на нервы. Они бы могли найти :ого-нибудь другого, кто проводил бы их до станции, в без-ıасное место. А сейчас эти смешные глупцы подставляют се-ıя, стараясь спасти Дерево ради четвертого поколения, вместо ого, чтобы собраться и уйти на денек-другой. Это глупо.

Но несмотря на свою горячность, Кохома не питал иллюзий ıа то, что у них есть шанс в лесу. Там их может поджидать ıто угодно.

Он тяжело вздохнул. Уничтожить этих акади было просто ıеобходимо. Для этого и он, и Логан вызвались помогать этим лупым людям. Если сражение будет выиграно, они будут ува-ıать друг друга за смелость и преданность. Если нет, они бу-ут искать спасения в другом месте. Никто не знал озможностей акади, чтобы идти по их следу до конца.

Два великана охотно помогли установить валы из деревян-ıых и металлических кольев. Колья вбивались в землю, а ıотом переплетались виноградной лозой в тех местах, где жидались атаки акади. Ядовитые наконечники кольев если ıе остановят, то должны были сдержать ринувшихся вперед кади. Но акади могли и преодолеть эту стену, соорудив ıостик из своих многочисленных мертвых и проколотых со-ıодичей.

Однако у обитателей этого огромного Дерева были и другие редства защиты, средства, с которыми Кохома и Логан, не-мотря на их значительный опыт в исследовании растительно-о мира, знакомы не были.

Такова, например, была цепь больших орехов, которые в ва раза превышали размер кокосового ореха на Земле. Они ккуратно были подвешены над теми местами, где акади могли роникнуть в поселок. С виду в орехах не было ничего, что амекало бы на скрытую в них чертовщину.

Кохоме пришла хорошая, просто великолепная идея. Он братил внимание на то, о чем не подумала Логан. Хотя братья ıорна и были примитивны, они были не глупы.

— Почему бы, — подсказал Кохома маленькой группе за-ıятых делом людей, — просто не срубить всю лозу и лианы,

которые ведут в Дом? Раз эти акади не умеют летать, они попробуют обойти вокруг.

Вместо ответа Джайпур, пожилой мастер, протянул Кохоме заточенный топор, сделанный из кости, чтобы тот попробовал сам сделать то, что предлагал, и показал на лиану, которая была к ним ближе других. Ее корни по диаметру были такими же, как туловище человека. Кохома принялся рубить. В течение десяти минут он непрерывно ударял по этому невероятно твердому телу. Наконец, острие топора так затупилось, что топор уже не рубил. Все, чего он добился, была выемка в прочной коре в пару сантиметров глубиной.

— Вы, наверное, думаете, Жан, что никто из местных не мог бы посоветовать специально вырубить какую-то растительность. — Джайпур скривил лицо, ухмыльнувшись однобокой усмешкой. Другая часть его лица была парализована после того, как он в детстве наткнулся на растение с шипами и колючками. — Таких лиан, перекрученных и обвитых вокруг ствола и ведущих в Дом, здесь тысячи. Многие из них гораздо толще той, что вы можете себе вообразить. У нас в Доме не так много топоров, да и не хватит времени, чтобы перерубить их все. Разве можно их перерубить?

Перед тем, как начать затачивать топор, Джайпур показал Кохоме, как каждое укрепление поддерживает шесть кольев. Таким образом, срубить одно или два, не срубив дюжины или даже больше, будет просто напрасной тратой времени.

— Вам нужна будет треногая винтовка, чтобы дать сигнал к началу, — рассуждала Логан. — Хэл, здесь такой запутанный подлесок, что вам придется вырубить половину леса, чтобы провести четкую границу.

Ридер стоял в стороне и развлекал двух великанов рассказами о том, как акади могут пройти значительное расстояние, не имея под собой никакой опоры, но сделав мостик, живой мостик из уложенных в штабеля тел. Этот рассказ вызвал и у Кохомы, и у Логан желание получить кое-какие инструкции по обращению с имеющимся оружием. Им обоим показали колья из дерева и металла, костяные топоры и нож. Логан предпочла бы им снаффлер. Но чтобы овладеть духовым ружьем, требовалось время и соответствующие способности. И этого, оказывается, было недостаточно. Логан и Кохоме не понравилось бы, если бы они узнали, что им не предложили снаффлеры потому, что Борн заверил вождей, что если ситу-

ация станет безвыходной, великаны скорее сами заколются каким-нибудь ядовитым шипом, чем будут убивать акади.

Просьбы описать врага более точно дали возможность открыть у Борна неожиданный талант к рисованию. Используя белое вещество, похожее на мел, он нарисовал акади на поверхности отполированного черного дерева.

— Старайтесь ударить сюда, — показывал он, — между передних лап или между глаз. Каждый акади, — продолжил Борн, — в половину моего роста.

— Размером с немецкую овчарку, — задумчиво произнес Кохома.

У акади было толстое, гибкое бесхвостое тело; они ходили на шести тонких, но очень сильных лапах, которые были разной длины и с закругленными когтями, что давало возможность быстро передвигаться по любым ветвям и корням. Их передняя часть слегка суживалась, заканчиваясь двойной челюстью, которую окружали мышцы. Шеи не было. Челюсть очаровала Логан. Одна ее часть двигалась вверх и вниз, как обычная челюсть, в то время как вторая — вправо и влево. Работая одновременно, они образовывали небольшой сустав, который мог перерезать дерево или кость так же ловко, как лазер мог разрезать кусок металла.

Зубы в верхней и нижней частях челюсти были треугольные и острые, как лезвие бритвы, в то время как с другой стороны они были квадратные, разделенные на конце и слегка закругленные назад, чтоб удобнее было забрасывать пищу в опустевший пищевод. Три глаза, расположенные вдоль головы на небольшом расстоянии друг от друга, находились почти на противоположной ее части, с другой стороны челюсти. У акади было три щупальца, два из которых были с той же стороны головы, что и глаза, два пониже, а один на уровне глаз. На кончиках задранных зубчатых щупалец были присоски, чтобы акади могли ими удерживать добычу. Акади были особого ржаво-оранжевого цвета. Глаза и ноги — иссиня-черные. Несмотря на то, что у акади было три глаза, говорили, что у них был очень жалостливый взгляд.

— Это опровергает разные утверждения об отсутствии у них обоняния и чувствительности, — сказал Борн, — которые на самом деле у акади очень хорошо развиты.

— Многосистемный аппарат для пережевывания пищи, — тихо произнесла Логан. — Очень хорошо устроен, очень эф-

фективен. — Она покачала головой и пробормотала: — Боже мой, я бы не хотела повздорить ни с одним из них, а мы должны сражаться с тысячами. — Логан спокойно взглянула на Борна..— Ваши люди действительно думают, что вы сможете остановить кого-то вроде этих, вооружившись несколькими духовыми ружьями и копьями?

— Нет, — ответил Борн, вытирая ладонью отполированное дерево, — у меня есть дела. — Он повернулся и ушел.

— На них нет надежды, нет надежды вообще, — выпалил Кохома, когда Борн исчез из вида.

— Боюсь, Жан, что ты прав, — задумчиво произнесла Логан.

8

Когда они отдыхали, с улицы донесся звук ударов по коре виноградной лозы Дома. Поначалу он был чуть слышен и рассеивался в пространстве. Он был похож на ветер, пробежавший по ветвям. Звук постепенно становился громче, перерастал в гул, в гудение миллиарда шмелей, приютившихся в новом гнезде.

Гул возрастал, поднимался и распадался на оглушающие обломки звуков, которые ни Кохома, ни Логан никогда прежде не слышали. Звук сотни тонн органического вещества, скатывающегося с бесчисленных жерл вулкана.

Знакомая фигура спрыгнула с лианы вниз.

— Будьте готовы, великаны, акади близко, — посоветовал им Лостинг.

Логан крепко зажала в руке древко копья и убедилась, что костяной топор и нож были надежно привязаны к поясу ее наскоро обрезанных шорт, хотя она и не намеревалась держаться настолько близко от этих животных, чтобы использовать оружие. Все разбегутся еще до их приближения.

Лостинг пошел дальше. Кохома знаком показал ему остановиться.

— Мы уже два дня не видели Борна, Лостинг. Я знаю, что он занят. Он сейчас, наверное, на других позициях?

— Борн. — По лицу Лостинга пробежало несколько выражений, сменяющих друг друга — отвращение — зависть —

удовлетворение. — Вы его не видели несколько дней, потому что его несколько дней не было. — Лостинг явно наслаждался недоумевающим выражением лиц двух великанов. — Он както вечером ушел из Дома, и с тех пор о нем ни слуху, ни духу. Конечно же, он не пошел к акади. У нас есть там разведчики, которые следят за их продвижением к Дому. Его фуркот исчез вместе с ним. — Все было ясно — охотник сбежал.

— Борн трус? — смущенно проговорила Логан. — Это какая-то чушь, Лостинг. Когда все вы струсили, он был единственным, кто спустился к нашему скаммеру.

— Безумец всегда действует по своему собственному разумению, которого не может понять ни один человек, — возразил Лостинг. — Ваш небесный корабль — это было то, о чем никто ничего не знал. Акади же хорошо всем знакомы. Каждый точно знает, что от них можно ожидать смерть. Борн — охотник-одиночка. Если погибнет Дом, а с ним погибнет и поселок, он один может спастись. Нет сомнения в том, что он самый умный из нас. — Выражение лица Лостинга померкло. — Но в этом случае он поступил не умно, потому что если и останется поселок, куда можно будет вернуться, ему все равно не позволят жить среди нас. Вожди и шаман это уже предопределили.

Лостинг повернулся и, схватившись за ближайшую лозу, прыгнул на ветку, которая была над ним, и занялся проверкой готовности защиты.

— Я все же не могу в это поверить, — сказала шепотом Логан, повернувшись лицом к лесу. — Я всегда считала, что хорошо разбираюсь в людях.

— Я же говорил тебе, что они оставили свою Цивилизацию и пошли во всем на уступки этому миру, — проворчал Кохома.

— Послушай, Жан, как могли они так опуститься за такое незначительное время? Самые первые корабли колонии вернулись только несколько сот лет назад. — Логан помолчала. — Клянусь, я боготворила этого Борна.

— Ты знаешь, Тими, есть еще одно предположение, — после паузы решился сказать Кохома. Он оценивающе посмотрел на Логан. — И тот, кому нравится Борн, и тот, кому он не нравится, все же признают, что он находчивый малый. Может быть... может быть, он рассчитывает на нас?

Логан с любопытством посмотрела на своего спутника:

— Каким образом?

— Хорошо, подумай немножко, — сказал Кохома, увлекшись своей мыслью. — Он где-то там, — Кохома махнул рукой куда-то в другой конец поселка, — и надеется присоединиться к нам, если сражение будет, как и предполагается, проиграно. Мы исчезаем, как только дело будет приближаться к концу. Он присоединяется к нам, мы добираемся до станции, он удовлетворяет свое жгучее любопытство плюс спасает себе жизнь.

— Это значит, — громогласно воспротивилась Логан, — что ничего, что касается Дома и его друзей, не заботит его? Я не верю в это. Я думаю, что его привязанность ко всему этому миру сильна, больше, чем у любого из этих людей. Я бы могла понять такое отношение, если бы он был наемником, каких можно встретить на окраинах Драллара, или Лалы, или Реплера, но Борн не такой.

Кохома усмехнулся.

— Мне кажется, ты видишь слишком много благородства в нашем удачливом друге. Борн достаточно находчив для того, чтобы сломаться, и достаточно реалистичен для того, чтобы ...

Первая линия акади прорвалась через линию густой зелени, и все разговоры стихли. В каждой шеренге было семь или восемь акади. Сама же колонна так простиралась по лесу, что не было видно ей конца. Они шли так тесно плечом к плечу, что казались одной гигантской змеей. У всех оранжевые меховые шкуры, на ногах когти, спереди закручиваю-щиеся щупальца. В их глазах мерцал пронизывающий зеленый свет.

Легкие взрывные звуки, служащие сигналом к вниманию для занявших свои позиции охотников, терялись, поглощаемые десятками ударов, наносимых акади. Акади морщились, наступая в слепой ярости на шипы, прокалывающие лапы, и ворча на себя Еще до того, как неистовая цепь лап и щупалец приостановилась, их первый ряд был отбит, отброшен, скинут с веток вниз.

Кохома подумал, что внизу под этим местом уже валяется куча мерзких животных.

Пока одна группа охотников перезаряживала ружья, другая стреляла. Так они убивали больше акади. Потом первая стреляла, а вторая перезаряжалась. Но эта незамысловатая тактика была эффективна только некоторое время. Потому

что сражение было похоже на сражение с морем, на поражение одной волны за другой. Живой красно-рыжий океан красно-желтых гадких животных был поистине безбрежен.

Вскоре стало ясно, что одними снаффлерами не обойтись. Мужчины и женщины вооружились длинными пиками из дерева и металла и двинулись вперед, пронзая и закалывая меховые тела. Остальные, держа в руках топоры и дубинки, были рядом с копьеносцами, готовые обрушить их на каждого, кто умудрится избежать копья.

Наблюдательным глазом Логан заметила, что кровь акади была темно-болотной, как густой гороховый суп, с темными прожилками. Копья оказались намного эффективнее, чем она думала. Каждое их движение поражало акади насмерть. Акади съеживались и пытались ухватиться щупальцами за копье.

Логан восхищалась отвагой этого странного народа. Пока охотники, которые расположились высоко на ветвях, старались снять как можно больше акади, передний фронт армии акади, понесший большие потери, рвался на стену ограждений, натыкаясь и прокалываясь на копьях и падая равномерным дождем в зеленую могилу.

Воодушевленная защита делала свое дело, но только благодаря одному. Акади было не так уж и много. Погибали десятки, сотни меховых убийц. Река смерти никогда не останавливалась, никогда не замедляла своего течения. Она скучно и степенно текла в своем направлении.

В конце концов, будет перерыв, пока охотники будут ждать нового подкрепления. Со временем копьеносцы слишком устанут, чтобы продолжать сражение, и будут ждать замены их резерва.

Тогда акади завоюют несколько сантиметров и оттеснят стену заграждений немного дальше. Потом на стороне защищающихся уже будут пострадавшие. Мужчины или женщины устанут и могут заснуть на тонких ветвях или корнях, и им нужна будет помощь. Будут потеряны еще несколько сантиметров, оставшихся без защиты.

Лишь постоянная поддержка вооружением и нечеловеческий запас силы могут спасти защитников, предполагал Кохома. Но все же они не смогут предотвратить захвата их земли. Если хоть сантиметр земли будет захвачен, его уже невозможно будет отвоевать. Этот живой стремительный поток уже нельзя будет остановить.

Но защита держалась, держалась с решимостью фанатика. Их враги тоже продолжали сражаться. В поселке было очень много защитников, но сейчас устали даже те, кто был в резерве. Тем не менее, они старались быть начеку. Вдруг какой-нибудь акади сорвется с копья и схватится своими цепкими щупальцами за руку или ногу? Тогда тот, у кого в руках будет топор, поспешит зарубить его, и отпустит его только в том случае, если акади будет мертв.

Постепенно небольшая группа людей была отброшена назад, к самой виноградной лозе, которая определяла действительную и последнюю линию защиты Дома. Скоро акади начнут пожирать само Дерево. Это будет делом нескольких минут.

Логан знала, что могло произойти. Жители поселка сделают все возможное, приложат последние тщетные силы, чтобы отбросить акади. На какое-то мгновение их руки поднимутся над скорчившимися щупальцами. Потом все — мужчины, женщины, дети — будут растоптаны этой безумной массой, оставляя Дерево умирать.

Шум сражения не прекращался. Это был не тот шум, который бывает на войне между людьми. Но и тихим его тоже нельзя бы было назвать. Там, где сражались копьеносцы, мужчины и женщины кричали, выражая явное пренебрежение к своим врагам размером с собаку и поддерживая друг друга. А в это время акади слепо ломились вперед, грохоча, словно миллионы кастаньет.

Медленно, сопротивляясь, люди отступали под давлением неустанных акади. Армия была в трех-четырех метрах от границы, когда вдоль и поперек нее разнеслись крики защитников. Логан узнала голоса шамана, вождей Сэнда и Джойлы, Лостинга и нескольких других охотников. Внезапная суматоха, возникшая из-за колючек, на некоторое время задержала акади. В этот момент их линия разделилась и распалась надвое. Живой поток ринулся, пожирая падающие колючки. Одни начали грызть кору Дерева, стремясь проникнуть внутрь его, в то время как другие поспешили к первой же лозе.

Кохома почувствовал чью-то ладонь на своей руке и увидел охотника, который потянул его за собой. Тон этого человека был встревоженным. Охотник находился веткой выше. С ним была Логан. Они поспешили с этого места. Когда они бежали, Логан оглянулась назад, где раздавались страшные крики. Она

увидела большие, падающие на землю орехи, которые, падая, лопались между рядами акади. Когда орехи разбивались, из них струей вылетал красивый порошок. Он радужно блестел в свете заходящего солнца. Акади помедлили, остановились. Потом они вдруг начали шарить вокруг лапами. Они кувыркались, спотыкаясь друг о друга, падали и качались на спинах, ударяясь друг о друга, о Дерево-Дом в этом внезапном неистовом безумии.

Кохома обнаружил, что он вместе с другими спускается вниз к акади, нанося удары копьем, отдергивая его назад и ударяя им снова. Его поразило то, с какой легкостью копье проходило через удивительно мягкие тела. Зеленая кровь залила древко копья. Рядом Кохома увидел Логан, которая наносила удары и прокалывала акади своим копьем.

Вдруг неистовая боль пронзила лодыжку Кохомы. Посмотрев вниз, он увидел, что один из акади смог как-то ускользнуть от копья и всеми тремя щупальцами вцепился в его ногу. Большие зубы акади уже жевали нижнюю часть икры. Кохома постарался захватить его копьем. Но это у него не получилось, и он почувствовал, что падает, поскольку не мог держаться на поврежденной ноге. И здесь кто-то ударил это акади между вторым и третьим глазом, пронзив чудовище насквозь.

— Спасибо, Тими. Господи, сними с меня это! — Логан ударила по акади еще раз, и на них струей брызнула зеленая жидкость. Однако треугольные зубы отказывались разжиматься. Логан взяла топор, чтобы отрубить щупальца, а уже потом разжать челюсти. В том месте, где щупальца присосались своими присосками, ногу Кохомы обвивали ярко-красные полоски. На задней части лодыжки у него была огромная кровоточащая четырехугольная рана. Опираясь на Логан, он, прихрамывая, покинул место сражения.

Небольшой бутылочки с жидкостью из санитарной сумки хватило, чтобы быстро остановить кровь. Кровь сразу же свернулась. Тотчас же на это место была наложена тугая повязка.

— Не понимаю, откуда берутся такие ублюдки, — процедил Кохома сквозь сжатые зубы. Он вытер выступивший на лбу пот.

Логан проверила рану под повязкой.

— У тебя останется квадратный шрам. Вот смеху-то будет, когда ты будешь все это объяснять.

— Надеюсь, что будет кому это объяснять...

Слова Кохомы были прерваны шумом, который раздался с поля боя. К людям присоединились десятки сильных зеленых существ. Таким образом, их силы были увеличены вдвое.

Зеленые существа поднимали и опускали свои массивные лапы. С каждым таким шагом погибал один акади, оставаясь с перебитым хребтом или черепом. Впервые фуркоты сами пробудились от дневного сна. В первый раз без обсуждений и дискуссий они предложили свою помощь. Эти мускулистые животные навели панику на акади. Логан узнала среди них Джелливана, фуркота Лостинга; однако, Руума-Хума не было.

Один громадный фуркот поднялся из самого центра драки, облепленный несколькими акади, которые отчаянно искали самые уязвимые места его толстой шкуры, цепляясь щупальцами и хватаясь зубами, тщетно стараясь укусить. Рядом с первым появился второй фуркот, сбрасывая взбесившихся акади с тела своего друга, и спокойно уничтожил их. Тем не менее, даже с такой невероятной поддержкой люди не могли одержать победу над этой неустанной армией. Все чаще фуркоты стали исчезать в этой рыжей реке смерти.

То, что произошло потом, не могло не порадовать.

— Посмотри, — тяжело дыша сказал Кохома Логан, — они уходят, они поворачивают назад. Они признали поражение.

Действительно, акади прекратили наступление и, в самом деле, отступали, возвращаясь в проделанный ими туннель. Они ничего с собой не забирали, оставляя мертвых и умирающих, перепрыгивая через раненых и покалеченных.

Теперь жители Дома, которые уже не в состоянии были двигаться, наблюдали, как их более энергичные товарищи копьями и пиками, аккуратно, чтобы не замараться об окровавленные корни и ветки, расправлялись с теми убийцами, которые были слишком покалечены, чтобы спасаться бегством.

Фуркоты хладнокровно добивали все еще кусающихся акади, чистили и зализывали друг другу раны. Другие высматривали через ветки тех своих братьев, которые уже больше не могли присоединиться к ним.

Веселье было недолгим. Логан и Кохома увидели, как оставшиеся в живых выискивали среди массы трупов тех, кто еще был жив. Одни лишились рук и ног. Другие были ранены в голову. А третьи неподвижно лежали, усыпанные яркими

зелеными листьями и цветами. Они все еще были прекрасны в последних лучах заходящего солнца.

— По священному писанию — они спасители. Этого достаточно, чтобы чувствовать себя виноватым, — начал Кохома.

— Тссс, — предостерегла его Логан, указывая на большого охотника, который двигался в их направлении. С одной стороны его груди была глубокая квадратная рана. Часть раны была грубо перебинтована длинными толстыми полосками какого-то листа. Охотник слегка опирался на правую руку, а в другой нес копье. На этом человеке с трудом можно было найти место, на котором щупальца акади не оставили бы своего следа.

— Вы победили их, несмотря ни на что, — сказала Логан, когда охотник прошел мимо.

— Победили? — Лостинг повернулся и уставился на них. Они увидели ярость в его налитых кровью глазах.

— Победили их? Нет. Вы думаете, они остановились, потому что у них уже больше не было сил? — Чувствовалась его уверенность в своих словах. — Действительно, мы задержали их. Это была хорошая битва. Я бы с гордостью рассказал о ней моим детям. Нам хватило одного дня, чтобы выиграть ее... только одного дня. Но остановить их — нет. Они сами остановились.

— Сами! — выпалила Логан.

— Посмотрите вокруг себя, — посоветовал Лостинг. — Что вы видите?

Оба великана оглянулись на поле сражения.

— Почти ничего, — сказала Логан. — Становится темно.

— Да, темнеет быстро. Для акади это так же хорошо, как и для нас. Они остановились, потому что заканчивается день. Ночью они будут спать, чтобы завтра подняться и прийти с теми же намерениями, с какими они были здесь сегодня. Не думаю, что мы отвоюем у них еще одну ночь. Но мы постараемся. Мы бы не остановили их сегодня, если бы не фуркоты и не это.

Лостинг наклонился и показал кончик пики, на котором явно что-то перемещалось. Логан и Кохома нагнулись вперед. Сначала они ничего не увидели. Потом последний пучок дневного света помог обнаружить что-то крошечное и яркое, как бриллиант.

— Эта маленькая вещичка? — удивилась Логан, показывая на нее пальцем. — Я могу раздавить ее, как муравья.

Лостинг отодвинул дубинку в сторону, пока она не сделала это.

— Я не люблю вас, великаны, хотя вы сегодня сражались совсем не плохо. Но я не пожелаю и самому своему заклятому врагу дотронуться до этого змеиного жала. — Встав, он посмотрел вокруг и нашел твердое щупальце мертвого акади. Лостинг принес его и положил перед собой.

— Смотрите. — Он взял пику и слегка встряхнул ею. Малюсенькая металлического оттенка многоногая вещица соскользнула на щупальце. Как только она коснулась его, ей показалось, что она исчезла.

Кохома напряженно наблюдал за всем происходящим в меркнущих лучах заката.

— И что? — спросил он.

— Посмотрите внимательнее.

Ничего не произошло. Потом Кохоме показалось, что он видит легкую припухлость под кожей щупальца. Прошло несколько минут, в течение которых опухоль вздулась и стала большой, как булыжник. Лостинг достал нож и потрогал им поверхность опухоли. Туго натянутая кожа лопнула, и оттуда выкатился маленький фиолетовый шарик. Он покатился к краю ветки. Лостинг взял пику и, остановив шарик, прикатил его назад. Кохома и Логан видели только маленькое мутное пятнышко рядом с надутым, как шар, похожим на драгоценный камень веществом.

— Это змеиная пыльца, — объяснил Лостинг. — Когда она лопается, то рассыпается на миллионы крупинок, — и он потрогал маленького жука. — Если она прикоснется к дереву или растению, ничего не произойдет. Но как только она дотронется до тела, неважно — человека, фуркота, акади, — то проникает в него и... пожирает. О, как она пожирает!

Последнее было настолько явным, что Логан стало плохо.

Кохоме тоже было не по себе. Такого откровения было достаточно, чтобы у самого опытного и невозмутимого созерцателя вызвать тошноту.

— Смотрите, — сказал Лостинг, слегка подтянув фиолетовый шарик концом пики, — как он двигается и старается ускользнуть. Тело под кожей, куда он проникает, быстро становится мягким и разъедается вирусом. Когда один из этих

попрыгунчиков освобождается от своей клетки и попадает на мягкую поверхность, лапы превращаются в корни. Мякоть, которая содержится в теле плоскости, становится зеленой, поскольку она превращается в продукт питания. В конечном счете, этот жучок разлагается и новое ядовитое растение разрастается на новом организме.

— Поразительно, — отметила Логан, которая уже немного позеленела. Она была хорошим ученым, чтобы не признать этого. Но такое чудо ботаники вызвало в ней чувство тошноты после дня кровавого сражения. Она представила, что несколько таких штучек лежит у нее на плече, вонзясь и поедая ее. — Это маленькие движущиеся растения, — расспрашивала она, — или инфекция, или что?

— Возможно, всего этого понемножку, — сказал Кохома. — Ты заметила преобладание зеленого цвета у животных, которые живут здесь — фуркоты, кровь акади? Я начинаю думать, Тими, что в этом мире не существует четкого разделения между растениями и животными.

— Даже так? — сказала она. — Это деталь исследования, которую я с радостью предложу кому-нибудь, когда мы вернемся на станцию.

Лостинг не понял значения всех ее слов.

— Конечно, они достаточно опасны, чтобы с ними сражаться. Нужно много поработать, чтобы хорошо их изучить. Если один из них проникнет в рану...

Охотнику не нужно было продолжать мысль.

— Неудивительно, что акади остановились, — заметила Логан. — Всех нас можно было бы сожрать за пару минут. — Она нервно посмотрела вниз. — А что происходит с миллионами тех таких вот крупиц, которые не находят того, что можно съесть? Мы можем найти их сегодня вечером у себя в постели?

Лостинг покачал головой.

— Они все погибнут до захода солнца. Вы не должны их бояться, нет, — он задумчиво добавил, — их должны бояться акади. У нас нет больше таких змей. Они водятся далеко отсюда и встречаются очень редко. Хотя я и хотел бы иметь тысячу таких, я не могу сказать, что сожалею по этому поводу.

Логан наступила на это дергающееся чудовище. Оно лопнуло, и фиолетовая краска брызнула на ветки.

Они вслед за охотником побрели назад в поселок.

— А все-таки, что произошло сегодня? — спросила Логан. — Это абсолютно безнадежно?

— Пока не погибнет последний, всегда есть надежда, — напомнил им Лостинг. Но это не обнадежило великанов.

— У нас есть снаффлеры, — сказал Лостинг и многозначительно приподнял зеленое деревянное ружье, — и копья, и топоры, и фуркоты. Еще есть стручки с пыльцой Дома. Когда все закончится? — Он пожал плечами. — У меня есть руки и зубы.

Лостинг ушел. Логан смотрела ему вслед, когда Кохома сказал:

— Это здорово... Достойно похвалы. Я думаю, нам лучше использовать шанс — как бы ни был он плох — и уйти отсюда. Я не думаю, что чем-то обязан этому благородному Дереву. — Он оглянулся и посмотрел на него. — В конце концов мы умрем по дороге домой, а не в битве с этими вонючками!

Изнурительная усталость брала свое. Сон не был проблемой даже для самого неустанного обитателя Дома.

С небесного свода еще опускались последние капли, когда усталые люди были готовы отразить еще одно нападение акади. Снова охотники заняли свои позиции на высоких ветвях со снаффлерами наизготове, сожалея, что не каждый драгоценный снаряд достигнет акади. Когда ядовитые шипы закончатся, они бросят снаффлеры в сторону и пойдут с топорами и пиками на защиту своих семей. Снова замерли копьеносцы, заняв позиции по бокам тропы, по которой скоро будет надвигаться армия акади, заняли позиции, зная, что те, кто должен будет их поддержать, пока еще спали мертвым сном в поселке.

Кохома и Логан заняли места, устроившись на изгибе одной из основных веток Дома. Оттуда был прекрасный обзор предстоящей битвы, и они уже не испытывали особого желания броситься в бой. Если бы пессимистическое предположение Лостинга подтвердилось, они бы вернулись в поселок, собрали все необходимое и обошли бы стороной колонны акади. Потом они бы держались по компасу юго-запада, по направлению к станции. Возможно, они бы и добрались до нее, возможно, что и нет. Но тем не менее они бы использовали свой шанс.

Логан показалось, что откуда-то далеко из леса доносится шум.

Наступали акади, всколыхнув покой ночи, готовые опять

уничтожать, убивать и разорять. Великаны приготовились. Охотники, вооруженные снаффлерами, тоже. То же сделали копьеносцы и все остальные. У людей не было разведчиков, которые проследили бы за продвижением акади. Они были не нужны. Было известно, с какой стороны идут акади. Каждый мужчина, женщина и ребенок держали оружие и вглядывались в зеленую бездну леса.

Логан, зажав в побелевшей руке древко копья, прошептала своему помощнику:

— Запомни, если племя не выдержит штурма, мы быстро уходим.

— Ты думаешь, что лозовые преграды будут открыты для нас, — спросил Кохома.

— Там же будут проходить последние из бойцов. Не забывай, лоза — это последняя линия защиты. Мы всегда сможем найти ребенка на линии и пройти с его помощью. Кроме того, — холодно добавила Логан, — мы несколько дней ели фрукты с этого дерева. Наверное, наш химический состав уже достаточно изменился, и дерево может пропустить и нас тоже.

Шум нарастал, но одновременно казался громче и дальше. От всего этого веяло неприятным холодом. Логан было интересно, испытывали ли акади какой-нибудь страх? Где они научились таким ужасным воинским крикам и воззваниям? Что за мозги были у этих оранжевых страшилищ? Неужели все их мысли были поглощены безумным злом или все-таки в них было еще что-то кроме желания убивать, есть и спать? У Логан не было ответов на эти вопросы.

Долгожданный момент приближался. Доносящийся звук кастаньет не стихал, но он не был таким уж громким, чтобы заглушить другие звуки леса. Занявшие свои позиции перед тоннелем копьеносцы должны были дать сигнал о начале сражения. Охотники на ветвях то и дело нервно перемещались на новые позиции. Солнце на зеленом небе поднялось выше. До самого захода оно было обречено освещать весь этот ужас.

В дальнем конце тоннеля было заметно небольшое шевеление, и оттуда послышались крики. Крики были слышны и снизу, с линии защиты. Такое напряженное нервное ожидание, которое ослабляло решительность охотников и копьеносцев, было гораздо хуже, нежели само сражение. Тем не менее листья, окаймляющие выход из тоннеля, были неподвижны, не шевелились и ветки под весом разместившихся на них

защитников. Несколько листочков слегка пошевелились, когда показался чей-то силуэт. Но это были не акади. Из тоннеля доносились крики людей, поднимаясь над раздражающим далеким грохотом. Рядом с первой фигурой появилась вторая, вымокшая под дождем и с полузакрытыми глазами.

Охотники сняли с плеч свои снаффлеры и присмотрелись. Их глаза широко раскрылись от удивления, когда из тоннеля вышли Борн и Руума-Хум. Борн предупреждающе крикнул. Но каждый и так был полностью парализован и не мог стрелять. Если бы сейчас акади вышли из тоннеля, никто не смог бы поднять против них оружия.

К пришедшим бросились с шумом сразу все, Борна окружили мужчины и женщины, одновременно ругаясь и расспрашивая его. Руума-Хум остался без внимания. Пока люди, в том числе и два взволнованных и пораженных великана, подбежали к Борну, фуркот подошел к своему собрату и начал что-то объяснять своим сдержанным и ворчливым тоном.

— Что случилось?... Мы думали, вы сбежали... Куда вы ушли?.. Где акади?.. Как?.. — спрашивали люди Борна.

— Пожалуйста, дайте мне попить.

Борну передали флягу с водой. Не отвечая на обрушившийся шквал вопросов, он приложился губами к деревянному цилиндру и пил долго, большими глотками. Оторвавшись от цилиндра, он вылил остатки на себя.

Наконец над этой шумихой раздался строгий командный голос. Это был Ридер.

— Охотники, по местам. Люди Дома, займите свои позиции. Акади...

Борн устало покачал головой.

— Я думаю, что акади больше нас не побеспокоят. — Волна удивления прокатилась по толпе, и он мягко улыбнулся. — Это была моя идея. На нее меня натолкнул Руума-Хум. — Борн показал на фуркота. — Охотясь, он скитался по далекому северу. Не знаю, зачем, да и он не знает, но он обмолвился как-то о том, что нашел, и это натолкнуло меня на мысль. Я подумал, что это может сработать.

— Что может сработать? — спросили одновременно сразу несколько человек. — Почему ты не сказал?

— Почему, Борн, ты никому не сказал, что уходишь? — послышался голос Брайтли Гоу. Она пробралась в круг.

— А это имело бы какое-то значение? Были бы громкие

осуждения, дебаты, требования, чтобы я взялся за оружие. Я предпочел, чтобы вы сочли меня трусом и сумасшедшим и смеялись надо мной. Если бы мой план не сработал, больше бы не помогло ничего, не правда ли?

Среди собравшихся прокатилась волна недоумения. Борна уважали в поселке как самого умного охотника и в то же время считали его самым безумным выдумщиком. Сейчас, казалось, он совершил чудо — настолько это было невероятным.

— Это было недалеко отсюда, внизу, в середине Пятого уровня, — начал Борн.

— Что было, — заорала Джойла, чтобы все услышали ее пронизывающий голос.

— То, как были остановлены акади.

— Чудо ли, не чудо — это действительно безумие, — проговорил Ридер. — Ничего не может остановить акади — ничего! — Его голос звучал уверенно. — В молодости я видел подобное стадо скота. Фуркот не смог бы совладать с ним. Это демоны Ада.

В толпе послышалось поддерживающее его бормотание.

— Что ты мог найти на Пятом уровне, Борн, или на любом другом, что могло бы остановить акади? — спросили все как бы разом.

— Идемте, и я покажу вам, — сказал он, повернулся и начал спускаться в тоннель. Борн сделал несколько шагов и понял, что никто не последовал за ним. Все трудности последних дней уже были им позабыты. На лице Борна была широкая улыбка удовлетворенности.

— Вы все боитесь?

Идти в тоннель? В тоннель, который только вчера вечером кишел этими отродьями ада? Идти по зову безумца? Это требовало больше, чем просто мужества.

Лостинг первым шагнул за Борном, хотя он так же боялся, как и остальные. Но у него не было выбора — здесь была Брайтли Гоу. Она стояла и смотрела. За ним последовал покалеченный Джелум, прихрамывая на больную ногу. К ним присоединились Ридер, Сэнд и Джойла. Группка людей стала спускаться в продуваемый ветром тоннель.

Они шли вниз по зеленой трубе. Ее стены, пол, потолок образовывали что-то похожее на мощную скважину. Пока они шли, злые крики акади становились все громче. Они были такими громкими, что людям, идущим тесной толпой, при-

ходилось кричать, чтобы услышать друг друга. В тоннеле были резкие повороты, неожиданные и не похожие на обычную тропу акади. Борн остановился и несколькими ударами топора пробил прочную стену тоннеля. Люди опять оказались в открытом лесу. Борн знаком остановил их, а сам пошел вперед, потом вернулся и приказал другим молча следовать за ним.

Вторая, закрытая часть тоннеля с полупрозрачным потолком, была продолжением первой. В том месте, где эти части соединялись, с криками метались акади, создавая хаос.

Одна группа акади состояла из меньших и более рыжих чудовищ. Их животы обвивали темные полосы. В том месте, где им пришлось встретиться с группой более крупных акади, тоннель был разбит вдребезги. Последствия этого сражения были вокруг налицо. Битва происходила в огромном круге, диаметром в десятки метров. Там ничего не могло помочь мертвым, умирающим и сражающимся акади. Повсюду разлилась зеленая кровь. Ошеломленные люди с ужасом и отвращением смотрели вниз сквозь полупрозрачный потолок тоннеля и наблюдали эту оргию смерти, выходящую за пределы реальности и возможную, казалось, только в сказках.

— Руума-Хум нашел тоннель, — тихим голосом сказал им Борн. — И у меня возникла идея. Что могло остановить акади, кроме самих акади? Мы их свели до того, как наступило утро, и они были вялые и медлительные. Мы находились в области сильного распространения запаха, и они послушно следовали на нами. И сейчас они будут продолжать вести борьбу, пока в каждой из их групп не останется лишь по несколько чудовищ. Они будут слишком слабы и разобщены, чтобы представлять хоть какую-либо угрозу Дому. Мы с легкостью сможем убить всякого, кто будет атаковать нас.

— Но как же тебе удалось так быстро заманить их сюда? — поинтересовался Ридер.

— Я опасался, что мне не хватит огня, но Руума-Хум продолжал подносить все больше и больше сухого дерева, чтобы поддерживать огонь в факелах. Я находился совсем близко к акади и вел их за собой, боясь погасить в них азарт преследования. Первые ряды пошли, и другие тоже слепо следовали за ними на свет факела. Я не спал и не отдыхал все эти два дня и две ночи. Я думаю, — закончил Борн, опускаясь вниз, — мне нужно отдохнуть.

Джойла и Ридер едва успели подхватить его, когда совершенно истощенное усталостью тело охотника чуть не упало с ветки.

9

Борн открыл глаза, и увидел перед собой акади исполинского размера, пристально смотрящего на него сверху вниз. Борн сел на топчане так быстро, словно его что-то подбросило, и, щурясь и мигая, стал протирать глаза.

— Ты давно уже здесь, — заметила Логан, отступая на шаг назад с половика, — но совсем не поправляешься.

Борн огляделся. Он находился в одном из жилищ вождя.

— Ты был без сознания, — добавила Логан, — около восемнадцати часов.

— Часов? — Борн с недоумением смотрел на нее. Он еще до конца не проснулся, и его сознание было слегка затуманено долгим пребыванием в забытьи.

— Полтора дня, — уточнила Логан.

Только одна мысль вертелась в голове у Борна: «Я не пропустил лонгаго?»

Логан, казалось, растерялась и оглянулась назад, где сидел Кохома и натачивал нож.

— Тебе известно что-нибудь о времени погребения, Жан? — Кохома покачал головой.

Борн встал, опираясь на плечо Логан. Сам, без поддержки, он вряд ли мог стоять.

— Нет, Борн, — прозвучал вдруг сильный голос. — Ты сохранил много жизней наших братьев, и лонгаго не может произойти без тебя. Сейчас, когда ты пришел в себя, мы можем начать совершать его.

— Что такое лонгаго — что-то вроде обряда, церемонии погребения? — спросила Логан, оглядываясь назад, в сторону Джойлы, которая стояла в дверях.

— Это возвращение назад, — сказала жена вождя. — Тех, кого убили акади, должны быть возвращены обратно в другой мир. — Джойла опять посмотрела на Борна. — Тех, кто должен быть возвращен, много. И среди них юноша по имени Дин. — Заметив неожиданную перемену на лице Борна, ко-

торое сразу стало сумрачным, Джойла сказала ласковым внимательным тоном. — Как ты себя чувствуешь? Ты слишком долго спал, и иногда это...

— Все нормально... Со мной все нормально, — пробормотал Борн, отпуская плечо Логан. Он пытался удержаться на ногах, слегка шатаясь из стороны в сторону, затем тяжело опустился на половик, сотканный из каких-то пестрых волокон, и обхватил свою голову руками, словно от этого она могла перестать болеть и кружиться.

— Я голоден и хочу есть, — неожиданно сказал Борн.

— Еда для тебя там, — просто ответила Логан, указывая на соседнюю дверь. — Тебе помочь?

— За половину какого-нибудь фрукта я пополз бы на животе, помогая себе ногтями, — ответил Борн. Медленно передвигаясь, он направился к двери. Логан отошла, чтобы не мешать ему. Все еще покачиваясь и нетвердо держась на ногах, Борн без посторонней помощи пошел в жилище, из которого доносилось множество запахов. Джойла шла рядом, чтобы в любую минуту поддержать его, если он упадет.

— Не забывай, тебе нельзя предоставлять волю своему аппетиту и перегружать желудок. Еще слишком рано, — посоветовала Джойла, а затем слегка улыбнулась. — Иначе тебе придется снова лежать на этом топчане.

Борн кивнул головой, но на самом деле он не слышал, что сказала Джойла. Запинаясь, он вошел в жилище, где фрукты и свежее мясо, приготовленные к употреблению, в изобилии были выложены на скатерти. Джойла сделала знак Кохоме и Логан, давая понять, что они тоже могут есть.

— Спасибо, сказала Логан.

— Смотрите за ним, пока он ест, и сдерживайте его, когда будет нужно, — попросила Джойла.

— А ты не будешь есть? — спросила Логан у Джойлы, садясь на половик, на самый его кончик, и выбирая себе блестящий фрукт, имеющий форму тыквы, желтого цвета и испещренный голубыми полосками.

Джойла осуждающе покачала головой. Она внимательно наблюдала за Борном, который с ужасающей быстротой запихивал пищу себе в рот.

— Я уже ела, и сейчас если что-то и осталось несделанным, то это лонгаго, — сказала Джойла. Ее улыбка внезапно стала грустной. — Сегодня вечером многие мои старые друзья будут

возвращены Дереву, а с ними и моя дочь. Она хотела еще что-то сказать, потом передумала и вышла из жилища, отодвинув сделанную из куска кожи занавеску.

Логан продолжала думать о лонгаго, которое, казалось, было сейчас первостепенным вопросом для всех этих людей. Она откусила от фрукта, который держала в руках, найдя его вкус немного похожим на подслащенную хурму. Как же братья Борна избавляются от своих мертвых, если у них не было земли, чтобы их похоронить? Может быть, они применяли кремацию в огненной яме в центре деревни.

Логан высказала свои предположения Борну. Он пытался возразить ей со ртом, набитым пищей.

— Земля? Ты могла бы отдать души своих собственных друзей дьяволу? Они будут возвращены обратно Дереву.

— Да, Джойла об этом уже говорила, — нетерпеливо ответила Логан, — но что это означает?

Но Борн все еще жевал. Логан начала убеждать его, что перерыв в приеме пищи был бы ему на пользу. Борн все еще не высказывал желания говорить, но Логан не отступала, и Борн, наконец, послушался ее.

— Это ясно как день, — в конце концов пробормотал он, — что ты и понятия не имеешь о том, что случается с людьми после того, как они умирают. Я не могу описать тебе лонгаго. Вечером ты его увидишь.

Борн продемонстрировал замечательную способность оправляться от совершенно истощающих подвигов, думал Кохома.

Вместе со всеми великаны шли к месту погребения, перебираясь с ветки на ветку. Они удивлялись силе и ловкости аборигенов. Как они могли жить в таких тяжелых условиях?

— Эти люди, — сказал Кохома, кивая на толпу людей, идущих впереди и сзади них, — не так примитивны. Это потомки людей, живших много-много лет назад. С физической точки зрения, за исключением развитой ступни, приспособленной для хватания, они сложены, как и мы. Но я не могу понять, почему за такое короткое время в несколько сотен лет так уменьшился их рост. — Кохома наступил на маленький темный цветок, у которого были отвратительные, ядовитые шипы. — В менее чем, м-м-м, максимум десять поколений, они потеряли шестую часть своего роста, у них развились эти цепкие ступни, мускулы грудной клетки, приобрели темную

окраску кожа, глаза и волосы. Эволюция не может произойти так быстро!

Логан улыбнулась мягкой улыбкой, указав жестом вперед.

— Хорошо, Жан. Я согласна с тобой. Итак, как же мы все это можем объяснить?

— Я отказываюсь верить, что они произошли не от нас, а развивались параллельно с нами. Различия слишком малы.

— А что вы скажете насчет мутации, — в конце концов выдвинула предположение Логан, — вызванной поглощением местных химических веществ, содержавшихся в пище. — Она показала глазами на шарообразные фрукты со вкусом ликера «Шартрез», окруженных цветами бледно-лилового цвета.

— Возможно, — наконец уступил Кохома. — Но масштаб и быстрота...

— Да, это, — прервала его речь Логан, — но необходимость быстро адаптироваться, чтобы не умереть, может вызвать необыкновенные физиологические процессы. Тело человека способно к необыкновенным переменам, когда под угрозой само выживание. Хотя, я допускаю, это была бы наиболее радикальная, сенсационная мутация, которая когда-либо была выявлена. Но все же, — Логан неторопливо помахала рукой в сторону Дерева, — если бы ты видел некоторые доклады лабораторий Цинг-Ана и Цембеса... — Она слегка покачала головой, словно о чем-то сожалея.

— Эта планета является как бы коктейлем новых форм, необычных молекулярных комбинаций, комбинаций белков, — продолжала Логан. — Здесь есть структуры местных ядерных кислот, которые не поддаются общепринятой, традиционной классификации. И мы изучили только часть этого Дерева, почти не коснувшись его поверхности. Но когда мы начнем копать глубже, я уверена, мы найдем...

Кохома жестом приказал ей замолчать.

— Я думаю, скоро что-то произойдет.

Они приближались к коричневой стене, такой громадной, что не приходилось сомневаться в ее органическом происхождении. Конечно, ни что столь огромное не могло быть кем-то построено.

Люди шли мимо и огни факелов освещали темно-коричневую кору дерева. Кора была метровой толщины.

— Ствол, должно быть, метров тридцать толщиной на этом

уровне, — прошептала потрясенная Логан. — Интересно, какой же он у основания. — Она повысила голос. — Борн!

Охотник немного отстал от своих братьев и терпеливо подождал, пока великаны догонят его.

— Как вы называете это? — Логан показала на дерево, ствол которого остался уже позади.

— Его настоящее имя утеряно в веках, Тими. Мы называем его Тот-Кто-Хранит, потому что оно хранит в безопасности души тех, кто умер.

— Теперь мне все ясно, — сказала Логан. — Мне было очень интересно, куда вы деваете ваших умерших, потому что вы никогда на спускаетесь на поверхность, на Первый Уровень. И я догадывалась, что вы не совершаете кремации.

Борн выглядел растерянным.

— Кремация? — переспросил он.

— Сжигание тел, — пояснила Логан.

Кто-либо другой из его братьев, Ридер, например, или Сэнд, были бы открыто шокированы, если бы услышали такое. Но голова Борна работала не так, как у его товарищей. Он просто вдумчиво и спокойно рассмотрел этот вопрос.

— Я не мог и представить такой возможности. Вы что, таким образом избавляетесь от тех, кто меняет место?

— Если ты имеешь в виду, кто умирает, — ответил Кохома, — то да, иногда и так.

— Как странно, — Борн пробормотал скорее для себя, чем для пришельцев. — Мы приходим из другого мира и верим, что нам надо вернуться туда, в Дерево. Я думаю, среди вас есть те, кто не пришел из другого мира и, следовательно, ему некуда возвращаться.

— Я не сумел бы сформулировать это лучше, чем ты, Борн, — признал Кохома.

Они шли в полной тишине еще несколько минут, пока люди не начали расходиться в разные стороны, образуя нечто вроде круга.

— Мы уже пришли? — тихим голосом спросила Логан.

— Это только одно из мест, — поправил Борн. — Каждый устроится там, где будет чувствовать себя уверенно. — Он посмотрел вверх, рассматривая черные ветки. — Пойдем. Вам будет лучше видно сверху.

Несколько минут они взбирались вверх по лестнице из виноградных лоз и лиан и оказались на ветке, откуда можно

было смотреть вниз на широкую часть дерева. Все тесно столпились вокруг глубокой и широкой расщелины между ветками. Слабый свет факелов, которые были защищены от дождя, не позволял с точностью определить ее глубину.

Шаман быстро и тихо пробормотал какие-то слова. Логан и Кохома не могли понять, что он говорил. Собравшиеся люди слушали его с уважительным молчанием. Один из людей, который умер в борьбе с акади, был принесен сюда с умершим фуркотом на больших носилках.

— Значит, они будут похоронены вместе, — прошептала Логан.

Борн внимательно и печально посмотрел на нее, и сильная жалость переполнила его сердце. Бедные великаны! Воздушные корабли и другие чудесные машины были им доступны, но они были лишены удобства фуркота. Каждый мужчина, каждая женщина владели фуркотом, который приставлялся к ним вскоре после рождения и проходил с ними на протяжении всей их жизни до самой смерти. Борн не мог представить свою жизнь без Руума-Хума.

— Что же случается с теми фуркотами, чьи хозяева умирают до них? — спросил Кохома.

Борн насмешливо посмотрел на него.

— Руума-Хум не может жить без меня, как и я без него, — объяснил он, в то время как великаны внимательно его слушали. — Когда умирает одна половина, кончается и жизнь второй.

— Я никогда и не предполагала такое сильное влияние человека и животного друг на друга, — пробормотала Логан. — Может быть, это некий физический симбиоз, который развился здесь.

Они немного отвлеклись от действий, которые продолжали происходить внизу под ними. Сэнд и Ридер в это время поливали какие-то душистые жидкости на два тела, которые были опущены в расщелину ветки.

— Это что-то вроде священного масла или чего-то еще, — осмелился предположить Кохома.

Но Логан едва услышала его. «Эмфол... погребение вместе двух существ... половина себя...» — Мысли все кружились и кружились в ее голове, не образуя ничего целого и ничего не проясняя.

Фуркоты, изнемогающие без своих умерших хозяев, это

она еще могла понять. Но что касается человека, который умирает от тоски по своему животному, здесь Кохома, возможно, был прав, думала Логан. Одна только необходимость физического выживания задержала людей Борна на пути интеллектуального развития. Многие понятия этих людей и их привычки свидетельствовали о расстройстве психики. Одна из мыслей, которая не давала покоя ее мозгу, требовала разъяснения.

— Ты сказал, мужчины и женщины, — прошептала она, устремив взгляд вниз. — Существуют ли сексуальные контакты между фуркотами и людьми? — Борн, казалось, не знал, что ей ответить. — Ты ведь знаешь, — уточнила Логан, — между фуркотами женского и мужского рода, между самцами и самками? Руума-Хум — это самка?

— Я не знаю, — с отсутствующим видом ответил Борн, поглощенный церемонией, которая происходила внизу. — Я никогда не спрашивал.

Казалось, что с его стороны разговор был окончен. Но это еще больше разожгло любопытство Логан и побудило ее продолжать задавать вопросы.

— И фуркот Лостинга. Он женского рода?

— Я не знаю. Иногда мы зовем его «он», иногда «она». Это не имеет значения для фуркота. Фуркот имеет много собратьев, и для него не важен пол.

— Борн, а как ты определяешь, какого рода фуркот: женского или мужского?

— Кто его знает? Да какая разница? — Надоедливые вопросы этой женщины стали раздражать Борна.

— Видел ли кто-нибудь, чтобы фуркоты спаривались? — не отставала Логан.

— Я не видел. Я не могу утверждать, может быть, кто-то и видел. Я никогда не слышал, чтобы об этом говорили, и у меня тоже нет желания об этом говорить.

Неожиданно эта мысль отошла на второй план. Чувствовалось, что сейчас не место и не время обсуждать это. Внимание Логан снова было направлено на то, что происходило внизу.

— А что они сейчас делают, Борн?

На тела, лежащие в расщелине, были навалены листья. чернозем, засохшие ветки и суккуленты.

— Кир, конечно, должен быть надежно защищен от хищников, — произнес Борн.

— Естественно, — одобрительно согласился Кохома, — масла ускоряют биологическое разложение, в то же время делая незаметным запах от продуктов распада.

Они внимательно наблюдали за процедурой погребения. Со всех сторон доносились монотонные звуки, странные и не похожие на песнопение. Ридер несколько раз провел рукой над доверху наполненной и крепко утрамбованной расщелиной, сделал один поклон, затем повернулся и пошел к другой ветке, которая была немного повыше. Остальные последовали за ним. В эту ночь у братьев Борна было много таких погребений.

Последующая часть погребения стала скучной. Промокшие до костей Кохома и Логан, чтобы согреться, решили использовать факелы, которые горели очень слабо, но не погасали, несмотря на непрекращающийся дождь.

Факелы из медленно горящей сухой древесины были потушены, и затем смешаны с зажигающей пыльцой, которая повсюду была в изобилии. Лист какого-то растения был испещрен дырками и вычищен от мякоти, которой он был наполнен внутри. Таким образом, осталась твердая оболочка сферической формы около тридцати сантиметров в диаметре. Затем сферу надели на верх факела, предварительно проделав в ней маленькую дырку. С помощью этой дырки можно было зажечь порошок, а затем и дерево, в то же время обеспечивая выход для дыма и сажи, хотя, казалось, дерево горело без дыма. Крепкое волокно листа хорошо сопротивлялось жаре и пламени. Получилось нечто вроде обогреваемого зонта.

Процессия извивалась во влажной темноте, похожая на поющую, светящуюся змею с переливчатыми желто-зелеными пятнышками. Все, кто был в состоянии идти, начиная с маленьких детей и кончая такими стариками, как Сэнд, собрались вместе в этой изгибающейся спиралевидной колонне. Никто не жаловался, никто не возражал, когда колонна стала подниматься вверх, никому не хотелось отдохнуть или вернуться назад.

Вдруг что-то с сильным грохотом вышло из леса. Страшный звук прорывался через обычные и мягкие успокаивающие звуки дождя. Борн подошел к Логан и Кохоме.

— Оставайтесь здесь с колонной. Что бы ни случилось, поддерживайте огонь.

— Почему? — начала Логан, но Борн уже ушел. Его пог-

лотило зеленое хлорофилловое море. Шестилапая масса фуркота последовала за ним.

Великаны ждали вместе с другими под дождем. Вверху над колонной и справа раздавался сильный грохот и стон. Стон становился выше, превращаясь в визгливый, гортанный смех. Он поднялся и превратился в оглушительные крики. Звук прервался бульканьем.

Что-то массивное и далекое двигалось справа, сокрушая по пути ветки и разрывая виноградную лозу. Свет от факелов едва освещал пространство.

И ни у кого из колонны не появилось желания рассмотреть поближе громадные передвигающиеся где-то поблизости очертания.

Грохот слабел, становился тише, как будто гигантская масса пропала в темноте, словно камешек в сухом колодце. Грохот превратился в шелест, потом в эхо, пока все не поглотил шум дождя. Борн вернулся на свое место, а колонна снова двинулась вперед.

— Что это? — мягко спросил Кохома. — Мы только едва разглядели, как оно шло мимо.

Кохома только сейчас с удивлением заметил, как дрожали его руки.

— Какой-то неизвестный нам биологический вид, — предположила Логан, не пряча свое лицо, мокрое не только от дождя.

— Один из больших ночных хищников, — сказал Борн. Глаза его не отрывались от угольно-черных веток.

— Дивердаунт. Он не подойдет близко к Дому из-за своего брюха, но если один — два человека встретятся с этим чудовищем в лесу, они не вернутся в Дом. Он пересекал нашу дорогу и был голоден. ОН бы никогда не напал. Они очень сильные, но медлительные. И очень интересные для охотников и фуркотов.

Последние слова были произнесены с явным удовлетворением.

— Почему мы ждали, когда он пройдет? — удивилась Логан.

Борн возмутился.

— Это последний бросок. Никому не разрешено прерывать последний бросок.

— Даже гнезду акади? — прошептал Кохома.

Борн быстро взглянул на него, сверкнув в свете факелов глазами.

— Зачем вы это говорите?

— Я оцениваю ваши возможности, — объяснил Кохома, хорошо понимая, что Борн не имеет представления об этом и напоминая ему, что есть вещи, которые не может понять даже великий охотник.

Логан в душе обиделась на товарища за отсутствие у него такта и быстро спросила:

— Я просто удивляюсь, как все эти создания могли получить постоянные названия.

Борн улыбнулся, опять почувствовав себя в своей тарелке.

— Когда молодой задает вопрос, старший отвечает, что это дивердаунт или окифер, либо плод несъедобного растения мальпаз.

— Судя по сообщениям первых колонистов, попавших сюда, — пробормотала Логан, — они не были расположены давать стандартную научную классификацию. Поэтому имена, что давали они, были скорее разговорными, чем видовыми.

Борн слышал это четко, он слышал все, что говорили гиганты своими тихими голосами. Однако по обыкновению, он не подал вида, что слышал. Это было бы невежливо. Хотя много раз ему хотелось бы понимать больше, чем он слышал.

Колонна продолжала подниматься. Сверху слышались плевки и визг. Однажды откуда-то снизу послышалось треньканье, словно работал неприглушенный компьютер. Охотников послали вперед разведать источники этих пугающих звуков, но они ничего не нашли. На людей никто не нападал.

В конце концов последние, павшие в битве с акади, вернулись в свой мир. Были сказаны последние слова, отданы последние почести. Люди возвращались в Дом. Кохома и Логан не могли понять, каким образом братья Борна находили дорогу. И они скорее успокоились, чем обеспокоились, когда увидели первые цветущие виноградные лозы со множеством розовых цветов и кожаными мешочками.

Позже, когда вся колонна вновь вступила под уютные стволы Дома, когда были погашены последние медленно горящие факелы, когда был туго натянут последний кожаный занавес, заграждающий вход в жилище — только тогда послышались одинокие звуки плача, сдерживавшиеся в лонгаго. Ночь пок-

рыла деревню черным влажным одеялом и принесла покой и сон.

И никто не видел движения перед Домом, никто не видел шевелящиеся длинные тени, собирающиеся наверху на сплетенных ветвях.

От легкого удара в голову детеныш проснулся и завизжал. Трое учеников щурились в почти полной темноте. Руума-Хум стоял перед Сувом. С уходом Мура он должен был заботиться об этом детеныше. Не было никакого чувства сожаления, никакой томительной печали из-за смерти Мура. Сув был со своим человеком и это был Лоу.

— Старина, что я должен делать? — спросил Сув.

— Ничего, то, что ты без сомнения и продолжаешь делать.

Руума-Хум фыркнул и начал пробираться к месту сбора. Детеныш следовал за ним, запутался в своих средних лапах, но потом все шесть лап стали работать вместе и засеменили.

— Что это в таком случае?

— Ты увидишь. Успокойся и запоминай.

Сув почувствовал необычную торжественность в голосе нового наставника и понял, что юнцам надо держать язык за зубами, пока им не дают других указаний. Молодой фуркот уже привык к своему новому наставнику.

Когда подошли Руума-Хум и Сув, все уже были в сборе. Они вышли из Дома колонной по двое, двигаясь тайком и в молчании. Такое тихое передвижение все же не могло остаться незамеченным. Чуткие ночные хищники, вышедшие на охоту, обнаружили его и крались рядом, ощущая запах и видя очертания между ветками.

Другие хищники в своих норах волновались из-за шума множества ног и готовились к защите своих территорий и логовищ от непрошенных пришельцев. Случайный порыв ночного ветра шевелил листья и доносил до их расширенных ноздрей запах фуркотов. Независимо от своих размеров, количества или вида, независимо от страха, учуявшие этот острый запах бросали свои территории, свои убежища и уходили. Живое облако светящихся существ порхало, переливалось темно-красным, зеленым и лазурным, кружилось меж ветвями и стволами, зависая над колонной.

Фуркоты не смотрели ни вправо, ни влево, ни вверх на двигающиеся пятнышки, исполняющие разноцветный танец. Тут и там порхающие существа опускались ниже, блестящие

крылышки сверкали в ночи, словно драгоценности. Огоньки плясали во всех трех глазах фуркотов.

Наконец, дошли до огромного дерева, настоящего исполина. Но не только из-за своих размеров он стало значимым для фуркотов. Они расположились вокруг дерева под его переплетенными ветками в соответствии с возрастом.

Лиходон, фуркот Сэнда, занял место в центре полукруга. Остановившись, он по очереди поглядел в глаза всем собравшимся братьям. Потом откинул голову. Из-под острых как нож клыков и зубов раздался неземной звук, что-то сродни крику, мяуканью и чему-то неописуемому человеческими словами. Остальная группа присоединилась к нему, в том числе и Сув и другие детеныши, которые пока не понимали значения этого рева.

Большинство зверей убегало от этого раздирающего нервы концерта. Но некоторые подползали ближе (любопытство брало верх над страхом) и с изумлением смотрели на этот обряд, такой старый и вечно новый. Он был таким непохожим, на этот раз более сложным, чем помнили Руума-Хум или Лиходон. Он будет иным и в следующий раз, хор всегда изменяется, подходя к необъяснимому, невообразимому концу.

Это было за два дня до окончательной подготовки больших запасов для второй попытки добраться до Дома гигантов. Два дня для приготовления к смерти, которая миновала их в битве с акади, так думало большинство братьев Борна.

Он трижды совершал поступки, которые для других были лишь мечтой детства. Но это не могло изменить мнения его товарищей о его сумасшествии. Они, в том числе Лостинг, полагали, что его особая храбрость — тоже составная часть сумасшествия. Они высказывали почтение к Борну, но не восхищение. Кто же будет восхищаться сумасшедшим.

Борн чувствовал только их равнодушие, не ощущая подлинного отношения, поскольку никто не говорил ему в лицо о сумасшествии. Это еще больше сводило его с ума, но в другом смысле. Он до предела наточил топор и нож, и был очень сердит.

Он вернулся со схватки с грейзером. Он вернулся от демона небесного корабля. Он возвратился от акади. И он вернется со станции гигантов и принесет все чудесные вещи, которые они обещали ему. Может быть, может быть тогда, наконец, Брайтли Гоу увидит смелость, и отвагу, и ум там, где все видят

только умопомешательство. Она поймет, что в Борне больше ума и отваги, чем мощи и силы.

И всех охотников только Лостинг по своим личным причинам идет с ним. Разве Борн не спас жизнь других? Правильно, считали они, но это тем более не причина, чтобы покинуть своих спасенных братьев. Лостинг, которого Борн раньше мог не видеть неделями и месяцами, будет сопровождать его. Борн был доволен помощью великого охотника, но на людях подтрунивал над ним.

— Ты думаешь, я иду на смерть. Тогда зачем же ты идешь со мной? — усмехнулся он, прекрасно зная причину.

— Некоторые говорят, лес защищает сумасшедших, — начал Лостинг. — Если это так, он на самом деле спасет тебя. И я такой же ненормальный, как и ты. Разве любовь — не вид умопомешательства?

— Если так, мы точно оба сумасшедшие, — согласился Борн, застегивая пряжку на плаще. — А они все правы, я самый сумасшедший.

— Запомни, Борн, ты не убедишь меня остаться. Или я увижу как ты умрешь, или я вернусь с тобой.

Борн посмотрел на двух великанов, разговаривающих с вождем.

Оба согласились принять в подарок водонепроницаемые плащи, хотя они и настаивали, что будут носить под ними свое изодранное в клочья одеяние. Когда Борн стал спорить с абсурдностью сохранения таких лохмотьев, они отвечали, что боятся простудиться. Это остановило Борна, ведь кто знает, какие странные болезни бывают у великанов.

— Они многому научились, когда жили среди нас, — заметил он, — хотя каждый все еще неуклюж как ребенок. По крайней мере сейчас они спрашивают, прежде чем трогать, смотрят, прежде чем идти.

— Что ты думаешь о них, Борн? — спросил Лостинг.

— Мы должны постоянно следить, чтобы они не навредили себе, прежде чем мы дойдем до их станции-Дома.

— Я не об этом, — поправил его Лостинг. — Я имею в виду, нравятся они тебе как люди?

Борн пожал плечами.

— Они очень разные. Если все, что они говорят, правда, они могут принести нам пользу. Если нет, — лицо его приняло

уклончивое выражение, — это будет история для наших внуков.

Одновременно у них в умах появился образ одной молодой женщины. Разговор прекратился. Не следует начинать долгое путешествие со схватки. В мире будет достаточно борьбы, прежде чем они достигнут цели. С этим согласились оба.

Многие в поселке пришли к ним с добрыми пожеланиями и подарками, хотя никто не встречался с Борном взглядами. Они уже давным-давно вернулись к своим ежедневным делам по добыванию пищи и заботам о Доме.

Когда они выходили из Дома, только один единственный фуркотик смотрел им вслед. Густой шар из меха — детеныш Сув. Этот образ напоминал Борну другого ребенка, вернувшегося в мир.

Он опустил глаза.

Космический корабль великанов — скаммер — был оснащен хорошим дальномером, новым радиолокационным маяком, блоком радиовещания и автоматическим устройством наведения по лучу. Но все это оборудование было разбито и искорежено. Единственное, что взяла с собой Логан со скаммера — это компас. Она вынула крошечный черный диск с четким циферблатом и еще раз мысленно поблагодарила тех разработчиков, которые установили компас в крошечных наборах жизнеобеспечения. Логан надеялась, что на этой планете нет никаких магнитных аномалий. В конце концов им не говорили об этом. Борна же мучили различные сомнения. Ведь подобное путешествие было самоубийственным, потому что они только со слов гигантов знали, куда идут. Борн старался не думать о том, что они четко не представляют, где находится станция. Это портило его настроение. Кроме того, он считал, что даже если у них нет ясного представления, им все равно не стоит отсиживаться в безопасном Доме и упускать возможность случайно наткнуться на станцию-Дом великанов. Борн не знал, что может ожидать и его, и Лостинга на загадочной станции. В эту минуту его не очень волновало, как освоиться среди новых людей.

Прошло уже много дней, с тех пор как они покинули Дом. И хотя позади уже было много ночевок, основными чувствами в душе Борна были не тоска по родине и опасения, что ждет впереди. Он ощущал скорее какую-то смесь скуки и напряжения, — скуки из-за каждодневного открытия, что новый

кусок мира похож на тот, что был вчера, и напряжения из-за неизбежного чувства, что завтра все может измениться.

Через неделю пути гиганты стали вести себя гораздо лучше, задавали вопросы, когда встречали новое для себя растение или обитателя леса. Спокойными были отношения и с Лостингом.

Охотники продолжали смотреть друг на друга со смесью ненависти и уважения. Эти чувства исключали одно другое и это держало отряд в ровном и спокойном состоянии. Оба знали, что не было ни времени, ни места для выяснения отношений. Со взаимной кровавой разборкой надо было подождать до славного возвращения.

Как и предсказывал Борн, специально созданная для джунглей прочная ткань одежды великанов начала рваться под натиском леса. Кохома и Логан каждый день радовались своим зеленым плащам. Хороший плащ: защищает своего хозяина от врагов, укрывает от ночного дождя, служит подстилкой и имеет еще множество назначений.

С каждым днем, прошедшим без событий, великаны становились увереннее. Учитывая их невероятную неуклюжесть при преодолении лесных троп, Борн полагался исключительно на удачу.

— Будь я проклята, — заметила Логан своему помощнику, указывая наверх и вправо. — Там клочок чистого неба или у меня галлюцинации?

Борн с Лостингом двигались впереди и ни один из охотников не обращал большого внимания на беседу великанов.

Кохома посмотрел в указанном направлении. Он увидел что-то похожее на кусок голубого неба, испещренный пушистыми белыми облаками.

— В лесу должен быть другой проход, похожий на тот, что сделал наш скаммер.

Они поспешили в эту сторону.

В эту минуту Лостинг обернулся, чтобы убедиться, что их подопечные в безопасности.

— Остановитесь!

Борн шел немного впереди Лостинга. Услышав крик, он обернулся и сразу же понял причину беспокойства охотника.

— Все в порядке, — уверенно ответила Логан. — Я знаю о небесных демонах из собственного опыта.

Она покачала головой и улыбнулась.

— Мы зашли в лес слишком далеко, а этот проход очень узкий, чтоб на него мог сесть даже самый маленький летательный аппарат. Мы в безопасности.

Она прошла еще пару шагов в сторону чистого голубого овала.

Лостинг опять закричал и в спешке пытался объяснить, но великаны не останавливались. Зная, что спорить с Кохомой и Логан бесполезно, Борн уже бежал вслед за ними. Пока он прыгал по веткам, его снаффлер гремел и стучал у него за спиной. На ходу Борн пытался выпутать топор из петли. Два упрямых гиганта были уже почти Там. Борн видел уже легкую рябь по краям голубизны, но все еще никак не мог справиться с топором.

К счастью, фуркоты тоже обнаружили опасность. Руума-Хум и Джелливан (фуркот Лостинга) были здесь. Мощные челюсти мягко, но твердо сомкнулись на прочной ткани плаща. Логан завизжала, Кохома кричал. Фуркоты не выпускали из пасти плащи великанов, не давая им двигаться.

Борн на всякий случай вынул топор. Не так-то часто за всю полную опасностей жизнь приходилось ему испытывать такое сильное волнение. Сердце охотника, не унимаясь, колотилось в груди.

Вряд ли один топор спас их всех от клаудера. Эта хищная тварь успела бы убить одного, если не двух гигантов.

Подошел Лостинг с уже приготовленным топором. Вместе они изучали овальный кусок неба и облаков, не обращая внимания на двух сердитых гигантов, только что освободившихся из пасти фуркотов. Руума-Хум и Джелливан, отпустив плащи Логан и Кохомы, отдыхали неподалеку. Борн кивнул Руума-Хуму. Старый фуркот фыркнул и с Джелливаном исчез в кустарнике.

Охотник смотрел на Логан, пока она пыталась расправить запутавшийся плащ. Ее лицо вспыхнуло.

— Какой вред от того, что мы еще раз посмотрим на небо, Борн? Все еще боишься наземных демонов? Быть может, для тебя это ничего не значит, но у нас над головой уже две недели был только зеленый полог. Просто взглянуть на обычное небо — даже если оно слегка зеленоватое — это удовольствие для нас. Паниковать как сейчас просто из-за...

— Я пойду на этот риск и разрешу тебе смотреть на ваш

Верхний Дом, когда мы будем достаточно высоко, — спокойно ответил Борн.

— Ну, это когда еще будет! Что тут плохого? Это еще один выход в другой природный мир, отличающийся от вашего.

Борн покачал головой. Следует быть спокойным с этими гигантами, настраивал он себя.

— Ты не увидишь никакого неба и облаков, — ровным голосом начал Борн. — Ты могла бы встретиться с отдыхающим клаудером, когда он готовится к охоте. Вы оба стали бы для него куском мяса.

Если бы ситуация не была столь смертельно серьезной, Борн посчитал бы выражение лица Логан забавным. Она перевела смущенный взгляд на кружок «неба», изучая плывущие по нему облака, потом взглянула на Кохому, который пожал недоуменно плечами.

— Борн, я не понимаю. Разве есть такое животное, которое сидит у этих расщелин и ждет, что кто-то выйдет в открытый космос? Я не могу представить что-либо подобное.

— Здесь нет открытого космоса, — твердо ответил Борн. — Смотри.

Они встали за толстыми растениями — суккулентами — и ждали. Десять, двадцать минут молчания, в конце которых гигантами овладело нетерпение. На двадцать пятой минуте маленький брайя — животное размером со свинью, с четырьмя ногами и четырьмя лапами — подошел, копаясь в растительности в поисках съедобных кореньев.

И вновь Борн увидел вибрацию у края неба. Кохома и Логан тоже заметили какое-то движение воздуха.

Брайя подошел к пространству под небом. Когда он оказался точно в центре, небо, облака и все прочее упало. Дрожащий клаудер напоминал толстый матрац, наполненный сотнями ресниц. Они буквально окутали животное, которое только раз взвизгнуло. Клаудер подергался минуту-две потом расслабился.

Через пять минут края ресниц вытянулись. Клаудер опять вскарабкался на свое уютное местечко, обгладывая всю окружающую растительность, чтобы расчистить себе место. Он опять стал устраиваться на этом месте, на четыре метра выше ближайших растений. Снизу брюхо распластавшегося клаудера сияло такой голубизной, что походило на часть неба с облаками. Логан ущипнула себя за щеку, чтобы убедиться, что она

не спит. Она никак не могла прийти в себя. Несколько костей, слишком твердых даже для пищеварительных соков клаудера, были обглоданы им дочиста.

— Камуфляж, да. Защитная мимикрия, да, — прошептала Логан. — Но плотоядное животное, имитирующее небо...

Кохома тоже был испуган, особенно когда понял, что мог бы оказаться на месте брайя, если бы не вмешались фуркоты.

Борн вздохнул и обернулся.

— Я не знаю, как это объяснить, но небо — это небо, а клаудер — это клаудер. Ходить под его брюхом — значит лишиться жизни.

Они опять вернулись на прежнее место. Пристыженные Логан и Кохома шли следом, тревожно оглядываясь назад на притягательный бледно-голубой круг.

— Пока ты думаешь, что эта экосистема уже изучена, — пробормотал Кохома, — все хищники и их жертвы узнаны и описаны, что-то совершенно невиданное в это время щелкает над твоей головой. Хищники, имитирующие небо! В следующий раз, я думаю, Борн предупредит нас о том, что имитирует пустоту!

Прошло несколько недель. И путники достигли удобной пещеры в углублении скалы. Пещера со стенами из деревьев была достаточно большой и свободной. Все шестеро уместились в ней, Борн и Лостинг жестом показали двум гигантам остановиться. А сами осторожно подошли к изобилующей пещерами скале, оружие было наготове. Непохоже, чтобы такое хорошее, прочное убежище пустовало.

Но тем не менее это оказалось именно так. Ни Руума-Хум, ни Джелливан не обнаружили никаких следов. Войдя в пещеру, охотники увидели только очень старый навоз и много сухостоя, который можно было использовать для костров.

В эту ночь яркое пламя осветило пещеру, ее темные стены, состоящие из переплетения деревьев и коры. Борн изучающе смотрел на гигантов. Под успокаивающим действием огня и надежного укрытия он впервые за несколько дней был расположен к разговору.

— Я почти готов поверить, что вы на самом деле пришли из другого мира.

Выражение лица Кохомы не изменилось, но Логан выглядела довольной.

— Это большой шаг, Борн, и очень важный. Я не удивля-

юсь, что вы его сделали. Из ваших людей вы наиболее восприимчивы, наиболее чувствительны к переменам, к новым идеям. Это будет вам необходимо в будущем.

Она пошевелила палкой угли в костре, прислушалась к журчанью ручейка.

— Знаешь, Борн, когда твои братья встретились с нами — людьми из другого мира, то кто-то из вас должен был понимать нас. Иначе могла бы произойти трагедия.

Логан спокойно взглянула на Борна.

— Я рада, что этим человеком оказался ты. Лучшего и желать нельзя. Когда ты спас меня и Жана от летающего демона, я поняла, что ты сможешь помочь нам и в главном — вернуться Домой.

Лостинг слушал и ничего не говорил. Его уважение к смелости Борна было настолько же велико, как и неприязнь к нему. Он прижался к Джелливану и слушал, что будет говорить Борн в ответ Логан.

— Мир, откуда вы пришли, не производит очень привлекательного впечатления, — отвечал Борн и жестом попросил Кохому не спешить с возражениями, — но это дело личного выбора. Несомненно, то же самое вы чувствуете и по отношению к нашему миру. Это не имеет значения.

Борн сделал паузу, нагнувшись вперед, чтобы выделить последние слова.

— Я хотел бы знать, — продолжал он, — если вы так довольны своим собственным миром и другими мирами, о существовании которых вы знаете, то почему вы, так ненавидя наш мир, оказались здесь?

Его лицо внезапно озарилось отсветами огня, и выглядел он вовсе не примитивно.

Кохома и Логан переглянулись.

— Есть две причины, Борн, — наконец сказала она. — Одну понять просто; другую, я думаю, ты поймешь со временем. Я не знаю, сможет ли понять это вождь Сэнд или шаман Ридер. Она повертела в руках палку, отбросила раскаленный уголек в залитый дождем уголок пещеры. Уголек зашипел под теплыми каплями дождя.

— Вам придется познакомиться с таким явлением, как деньги, и со связанной с ними торговлей. Все это станет вам понятно на станции. Когда ты увидишь все это своими глазами, то не будешь удивляться, почему я неохотно рассказы-

ваю сейчас подробности. Я только скажу, что ты и твой народ будете иметь значительную выгоду, так же как Жан, я и наши друзья.

— Другая причина менее значима для одних людей, более важная для других — любопытство. То же, что двигало тобой, когда ты спустился посмотреть на наш скаммер. То же двигало тобой вопреки другим мнениям, вопреки совету всех твоих братьев, когда ты решился на поиски нашей станции. Именно это качество — любопытство — влечет людей и транксов от звезды к звезде.

— Кто такие транксы? — спросил Борн.

— Этот народ тебе понравится, Борн, — она посмотрела в темноту. — Они очень любят этот мир, гораздо больше, чем мои люди.

— А на вашей станции есть эти транксы? — неожиданно спросил Лостинг.

— Нет. Никто из них не входит в нашу — она заколебалась — фирму, или группу, организацию, племя, если вам угодно.

Она ярко улыбнулась.

— Вам все станет понятнее, когда мы окажемся на станции.

— Я уверен, что так и будет, — задумчиво согласился Борн, глядя на пляшущие языки огня. Позже, когда он завернулся в плащ и прижался к Руума-Хуму, его охватило нетерпение и сильное желание оказаться среди других людей.

10

Никто не знает, как бесшумно может двигаться фуркот. Руума-Хум двигался так, когда его разбудил запах, такой сильный, что даже Борн, самый чуткий из спящих, не мог проснуться. Джелливан пошевелился во сне, когда Руума-Хум подошел ко входу в пещеру. Он высунул голову наружу, посмотрел своим пронизывающим взглядом, часто мигая под дождем. В запахе он не мог ошибиться, но полезно было удостовериться. Он обхватил дерево передними лапами, потом средними, а затем задними и покачался на стволе. Плотные мышцы работали в унисон, когда он карабкался по стволу. Это было тяжелее, чем найти дорогу в густой растительности, но

ему было важно проверить свое подозрение. Волосы за его ушами вставали дыбом по мере того, как он все сильнее и сильнее ощущал угрожающий запах. От некоторых острых ощущений у фуркотов длинные волосы вставали дыбом.

Долгий вертикальный подъем был утомителен даже для выносливого Руума-Хума. Он понял, что источник этого ужасного запаха далеко вверху, но спускается вниз. И тут Руума-Хуму стало ясно, почему их прекрасное убежище было пустым: это было дерево силверслит.

Развернувшись, он двинулся обратно сквозь ветви и лианы, рывками и прыжками преодолевая метр за метром. Фуркот нарочно старался двигаться шумно, чтобы привлечь чье-нибудь внимание. Вдруг тому, кто рыскает неподалеку, достанет глупости поинтересоваться, в чем дело, и выйти на разведку. Тогда силверслит, может быть, отвлечется на случайно подвернувшуюся мелкую добычу, и он выиграет несколько драгоценных минут. Времени у них было мало. Силверслит двигался медленно, уверенно, как бы дразня предполагаемую добычу. Фуркот же прибавил скорость. Он шумно ворвался в пещеру, чтобы сразу разбудить Борна и Лостинга. Джелливан предостерегающе зарычал, но тут же расслабился, почуяв знакомый запах. Тяжело дыша Руума-Хум остановился перед ними. Влажный мех его поблескивал в отсветах углей.

— Будите остальных, — пропыхтел он.

Лостинг отправился будить великанов, а Руума-Хум тем временем зашептал что-то Джелливану на фуркотском наречии, тот поспешил к выходу из пещеры и, остановившись там, уставился вверх.

— Что такое? Что еще стряслось? — сонно проворчал Кохома, когда Лостинг затряс его. Логан же уже сидела и ждала объяснений.

— Нам необходимо срочно уходить отсюда, — сказал им Борн.

Потуже завязав накидку на шее, он начал собирать свои вещи. Лостинг занялся тем же самым.

— Это дерево силверслита, этим и объясняется то, что нам не пришлось драться за убежище. От него все держатся подальше, и нам не мешало бы. Хотя откуда нам было знать? Неоткуда. Но от этого, тем не менее, не легче.

— Ясно, — устало ответила Логан. — Еще одна поганая тварь. Борн, а что такое силверслит и что нам теперь делать?

— Бежать, — твердо ответил Борн.

Толстой палкой он стал подгребать тлеющие угли к выходу из пещеры.

— Дождь их затушит.

— Что, прямо среди ночи?

— Пойми, Тими Логан, это не я придумал. Ведь здесь силверслит. Нам остается только бежать и петлять, петлять и бежать, и тогда, если нам повезет, он устанет и оставит нас в покое.

— Так что, он будет нас преследовать как акади, — поинтересовался Кохома. Вся серьезность положения дошла наконец-то до его сонного ума.

— Нет, не как акади. По сравнению с силверслитом акади переменчив как, как... — он замялся в поисках подходящего сравнения, — ...как желание женщины. Стоит силверслиту учуять на своем дереве запах чужака, как он будет преследовать его, пока не съест. От акади можно оторваться, а от силверслита нельзя. Кроме того, в отличие от акади, силверслит не спит.

— Ну, уж это точно легенда, — настаивал Кохома, неуклюже заворачиваясь в плащ. — В природе не существует теплокровного существа, которое не спит, да и из холоднокровных тоже мало кто обходится без отдыха.

— Вот уж насчет температуры крови, этого я не знаю, — прокомментировал Борн, направляясь к выходу из пещеры. — Я даже не знаю, есть ли у него кровь. По крайней мере, никто его крови до сих пор не видел. Да что я тебя уговариваю... — И Борн, как это ни странно, улыбнулся. — Я тебе вот что предлагаю, когда устанешь бегать от него, ты просто остановись и рассмотри хорошенько, что за зверь такой силверслит, который разбудил тебя посреди ночи.

— Хорошо, мы верим тебе, — согласилась Логан, пытаясь поудобнее укутаться в плащ. — Приходится верить после всего того, что мы здесь увидели. Хотя, может быть, эта тварь просто живет в другом жизненном цикле, измеряющемся неделями, вместо дней. Сколько-то недель бодрствует, а потом сколько-то недель спит.

— Силверслит никогда не спит, — с ударением повторил Борн.

Решив наконец, что не стоит спорить с теми, кто ничего не принимает на веру, Борн просто коротко указал им на выход.

Лостинг приготовила целую связку факелов. Но им еще нужно было отыскать шарообразные листья, которые защитили бы пламя от дождя, а времени на это не было. Оставалась только одна надежда, что это весьма распространенное растение еще встретится им, а пока придется двигаться в темноте.

— Быстро, — зарычал Руума-Хум с фуркотским нетерпением. — Он нас чует.

— Джелливан, — шепнул Лостинг.

Фуркот зацепился за лиану, спрыгнул с нее на ветку соседнего дерева, растущую пониже, потом еще на одну и дальше. Оттуда он оглянулся. Глаза его светились где-то в темноте внизу. И это будут единственные путеводные огни в этом лесу. Следующим отправился Лостинг, за ним Кохома. Прежде, чем ухватиться за лиану, Логан оглянулась на Борна.

— Я думала, что ночью путешествовать опасно.

— Очень опасно, — согласился тот. — Но оставаться здесь равносильно смерти.

— Просто хотела убедиться, что это не проверка какая-то, — загадочно ответила она, повернулась и спрыгнула с лианы на ветку.

После некоторых колебаний Борн шепотом спросил у Руума-Хума.

— Сколько у нас времени?

Фуркот задумчиво посмотрел на дождь.

— Он обыщет каждый уголок пещеры, а затем пойдет следом.

— А если мы попробуем с ним сразиться, у нас никаких шансов, старина? — спросил Борн.

Руума-Хум хмыкнул.

— Борн — безумец. Сразиться с силверслитом. Даже с детенышем — нельзя. А этот не детеныш. Взрослый. Большой. Очень большой.

Борн несогласно проворчал и тоже посмотрел вверх. У него появилась еще одна мысль. Мысль была пугающая, но ничего другого он предложить не мог. А времени на рассуждения не оставалось.

Может быть, им удастся немного оторваться от силверслита, но совсем избавиться от него — невозможно. Не удастся «скинуть его с хвоста». И сразиться с ним нельзя. Рано или поздно усталость замедлит их продвижение, остановит их, и неутомимый убийца прикончит их к своему удовольствию. Но

делиться своими предположениями с другими Борн не хотел и быстро последовал вслед за остальными прочь с дерева.

Какое-то время люди двигались в тишине, затем услышали отдаленный гром. Гром был вызван резким сотрясением воздуха, но не электрическими зарядами.

— Он обнаружил, что нас нет, — объяснил Борн Логан в ответ на немой вопрос. — Теперь он будет несколько минут вслух выражать свое негодование по этому поводу, после чего отправится за нами.

— Скажи мне Борн, — сказала Логан, стараясь не отставать от смутного силуэта Лостинга, пробивающего себе путь сквозь густую растительность. — Если силверслит никогда не успокаивается до тех пор, пока его жертва не будет убита, то откуда же стали известны его повадки и то, как он выглядит? Ведь ты знаешь, как он выглядит.

На разговоры с великанами всегда уходило слишком много энергии, но Борн как всегда вежливо ответил.

— Есть предание о том, как силверслит напал на группу из двадцати или тридцати человек. Они разбежались во все стороны. И даже силверслит не может уследить за таким количеством запахов, потому что некоторые успевают выветриться. Поэтому некоторые выжили и рассказали об этом монстре.

— То есть, ты хочешь сказать, что даже двадцать или тридцать таких, как ты, и еще столько же фуркотов не могут сразиться с одним силверслитом? — не унималась Логан.

— Слишком большой, слишком сильный, — сказал ей Борн.

— А я думала, этим вашим ядом джакари можно убить кого угодно.

— У силверслита слишком толстая кожа, — объяснил Борн. — Кроме того, яд джакари действует на... — он порылся в памяти, подбирая нужное слово, — на нервную систему.

— Так почему же он тогда не может воздействовать на силверслита? — спросил Кохома. — Ведь есть же у него какие-то уязвимые точки.

— Вот догонит нас, тогда и покажешь их мне, — проворчал Борн. — Кроме того, у силверслита нет нервной системы.

В сознании Логан еще могло уложиться, что какое-то существо может не спать, не отдыхать, но только не это.

— Ну уж, Борн, — сказала она с уверенностью в превос-

ходстве своих знаний, — у каждого животного есть нервная система.

— Разве?

— Животное не может быть без нервной системы, Борн, — продолжала настаивать на своем Логан.

— Неужели?

— Но уж, во всяком случае, должен быть у него какой-то рудиментарный мозг и центральная двигательная система.

— Да что ты?

Логан сдалась.

Кохома не обращал внимания на их разговор. Он по-прежнему размышлял над тем фактом, что этот зверь способен вышибить мозги из тридцати фуркотов. И не удержался от вопроса:

— Послушай, а что во всем этом правда, а что было преувеличено теми, кто выжил из этих двадцати или тридцати? Ведь совершенно естественно, что им захотелось представить неуязвимым того, кто обратил их всех в бегство.

Борн собрался было ответить, но вмешался Руума-Хум.

У фуркотов не было принято встревать в разговор между людьми. Руума-Хум прибег к этому, чтобы поберечь нервную энергию Борна, поскольку она ему еще понадобится.

— Дерево силверслита, — мягко пророкотал он, — это единственная в мире вещь, которой сторонятся акади. А теперь пусть великаны замолчат и следят за дорогой.

Полученной информации хватило, чтобы Логан и Кохома даже не обратили внимание на то, что им распоряжение отдало животное. Еще долго они молча размышляли о том, что услышали.

Борн тем временем вернулся к своей прежней мысли и стал так и эдак обыгрывать ее в голове. Борн пытался отвязаться от этой мысли, но она прочно заняла место в его сознании и стояла на пути всех остальных мыслей, подобно колонне дерева силверслита. На какое-то время ему удалось забыть о ней и он принялся ругать себя за то, что ему не удалось распознать истинную природу дерева. Такое огромное, сухое, манящее убежище. Такое пустое, такое покинутое.

— Дурак! Дурак из дураков, — ругал Борн себя вслух.

— И я тоже, — проворчал Лостинг.

Но Борн его даже не слышал.

— Ну, не ругай себя, Борн. Ты же сказал, что определить это невозможно, — сказала ему Логан.

— Нет. Если бы силверслит был тогда ниже, Руума-Хум его обязательно бы учуял. Но он был высоко, очень высоко, почти на самой макушке, вероятно. Он занимался адской охотой.

— Адской охотой? — переспросила Логан.

— Ну да, ловил в ночном небе летающих демонов. Сбивал над лесом летунов, подобных тому, который напал на ваш скаммер, когда он упал.

— О-о, — пробормотала женщина. — Еще одна отрезвляющая мысль.

— А нас, — продолжал Логан, — он учуял только тогда, когда начал спускаться, тогда его Руума-Хум и унюхал.

Наконец на дороге, среди деревьев, им попались шарообразные листья. Их увидел Джелливан, и они с Руума-Хумом стали на страже, пока Борн и Лостинг срезали и приготавливали их. Хотя если силверслит нападет, они вряд ли смогут сохранить людям хотя бы пару минут жизни. Немного огненной пыльцы, и вот у них уже есть настоящий свет. Это немного приободрило Кохома и Логан. Теперь они, по крайней мере, видят, куда идут. В это же самое время Логан поделилась с Борном новой тревожной мыслью.

— А не сделает ли это нас более легкой добычей для прочих здешних хищников.

— Какое это теперь имеет значение. Силверслит слишком близко. Ни один ночной зверь не осмелится даже приблизиться сюда, учуяв его. Они тоже побегут. Ты же заметила, какая тишина.

Логан прислушалась и поняла, что имел в виду Борн. Обычные ночные звуки — все эти посвисты, пощелкивания, гудения, перемежающиеся изредка глубоким ревом, — всего этого не было, только постоянное «кап-кап». Это непрекращающийся дождь, да вклинивающийся изредка далекий шепот заблудившегося ветерка. Они двигались в неестественной тишине.

— Он приближается, — шепнул вскоре Руума-Хум. — Медленно, но приближается.

— Прости, прости меня, Борн, — вдруг заговорила Логан, — задыхаясь, переводя дыхание. — Я не знаю, что откажет мне раньше, ноги или глаза.

— В таком случае, — сказал Борн, тяжело вздыхая, приняв решение, которое он откладывал с часу на час, — лучше уж начать сейчас.

— Что? — удивленный вопрос был произнесен Лостингом.

— Начать спускаться на другие Уровни.

Ни Лостингу, ни великанам не было теперь дела до того, что чудовище, сидящее у них на самом хвосте, может услышать их голоса.

— А что толку спускаться на нижние Уровни? Ведь мы просто лишимся дневного света, когда наступит день. Кроме того, силверслит легко догонит нас и там, — добавил Лостинг. — Он будет гнаться за нами вечно, ты же знаешь это, Борн.

Борн внимательно посмотрел на своего союзника и соперника.

— Даже в Ад?

Тут Кохома и Логан в первый и последний раз услышали, как фуркот издает какое-то подобие удивленного рыка. Лостинг был слишком ошеломлен, чтобы ответить Борну, и тот продолжил.

— Я не собираюсь тут задерживаться и спорить с тобой, Лостинг. Не только с тобой, но и со всеми. Я спускаюсь на Седьмой Уровень, что бы там не ждало, если силверслит не отстанет от нас раньше.

— Там ждет смерть, — вздохнул фуркот Джелливан.

— Смерть ждет здесь, мой добрый друг, — напомнил Борн. Снова взглянув прямо на Лостинга, он продолжил. — Или нам не известно, что сделает с нами силверслит, когда поймает? А так мы, по крайней мере, найдем какой-то другой способ умереть.

— Борн, но ведь ты сам говорил, что спуститься в Нижний Ад — верная смерть, — сказала Логан.

— Оставаться здесь — еще более верная смерть. Может быть, силверслит не пойдет за нами туда, потому что живет он здесь — наверху мира. Хотя с тем же успехом он может жить среди своих сородичей там, на дне. Мы ведь не знаем ничего про это. Так что, по крайней мере, у нас есть шанс. Кроме того, я совершенно не собираюсь заставлять кого-либо из вас спускаться вниз вместе со мной.

Борн решил, что сделает так, как считает нужным, а остальные поймут, что он поступает мудро, и последуют за

ним. Он всегда так делал, и в этот раз все снова сработало. Борн начал спускаться в глубины невидимого, вгрызаться в еще более зловещую, более черную темноту. И остальные последовали за ним, все до одного, но не из уважения к его величайшей мудрости, как думал отважный охотник. Они последовали за ним потому, что в момент кризиса потерявшие уверенность люди последуют за любым, кто объявит себя вожаком. И в этом отношении Лостинг проявил себя таким же человеком, как Логан и Кохома.

Возникали и исчезали корневища и лианы, склоненные вниз ветви деревьев, паразитические побеги размером с секвойю. Одно из таких деревьев распустило тысячи толстых, переплетенных, воздушных корней. Ими они и воспользовались, чтобы с еще большей скоростью опуститься сразу еще на много метров.

Пятый Уровень остался позади, и они оказались на Шестом. В этих местах коричневая, белая и темно-красная растительность преобладала над зеленой. И вот они уже миновали середину Шестого Уровня, спустились сквозь его дно и попали в мир призраков, в мир такой тьмы, что казалось даже пламя факела в страхе льнет к породившему его дереву, в мир оснований Деревьев-Колонн, с основаниями огромными, как звездные корабли. Со всех сторон вздымались массивные многогранные опоры. Повсюду в беспорядочном буйстве росли яркие грибы, размером со складские помещения, поражавшие непристойными, гротескными очертаниями. Среди них копошились мелкие фосфоресцентные твари, прятавшиеся от света факела. Здесь уже не существовало ни утра, ни вечера, ни дня, ни ночи, лишь вечная тьма, которой не ведомы ни солнце, ни луна. И хотя фосфоресцирующие грибы и их извивающиеся сородичи достаточно освещали окружающее пространство, факелы гасить не стали. Они давали более чистый, более ясный свет, чем тот, в котором мерцала здешняя флора и фауна. Желтые, красные, белые огоньки вспыхивали со всех сторон. Призрачное, эфемерное сияние.

Наконец они остановились у основания ребристой наклонной опоры, служившей последней лестницей на поверхность. Тут в густой рощице росло нечто, похожее на оранжевые деревца, нечто, что никогда не познает внутренней логики и волшебства фотосинтеза. Здесь они спустились на землю, на Седьмой Уровень, в Нижний Ад.

Однако, похоже, что и здесь была дорога вниз, на какой-то следующий уровень, поскольку вблизи земля оказалась мягкой, липкой и мокрой. Погуще воды, пожиже грязи. Болезненно дыша, Логан остановилась и посмотрела вверх, туда, откуда они пришли. Опора ствола, по которой они спустились, казалась темной черно-коричневой скалой. Она растворялась в темноте, где видны были только тусклые отблески далеких грибов. Ничто не указывало на то, что всего в двухстах метрах над ними простирается мир света и зеленой жизни, пульсирующий, шелестящий от света и дождя. Влажность вокруг стояла такая, что, казалось, вот-вот задохнешься, и тем не менее лишь изредка самая настойчивая капелька дождя долетала сверху, оттуда, где еще была ночь. Все остальные растворялись или застревали где-то наверху, поглощаемые сотнями миллионов бармилиад и других водозадерживающих растений. И эти редкие капли единственные напоминали им, что они все еще живы, что они не умерли и что где-то далеко наверху все еще существует живой, зеленый мир.

Борн тоже смотрел вверх вдоль поверхности дерева, твердой как гранит.

— Он продолжает приближаться, — сказал Руума-Хум, потянув носом воздух, — но уже медленнее, гораздо медленнее, даже осторожно.

— А у нас нет времени на осторожность. — Борн повернулся к Логан и Кохоме и указал на болотную зыбь, простирающуюся вокруг их крошечного сухого островка. — Я об этой поверхности ничего не знаю, но тем не менее нам придется уйти отсюда, прежде чем гнев силверслита не превзойдет его осторожность.

Текли долгие, драгоценные секунды, и четверо людей размышляли над проблемой. Логан поймала себя на том, что водит рукой вверх-вниз по одному из оранжевых стволов, растущему из того самого места, где подножие дерева уходит в воду. Более всего эти деревца напоминали ярко-оранжевые камыши, хотя к тростниковым они, несомненно, не имели ни малейшего отношения.

Она достала костяной нож и попробовала, из чего они сделаны. Дерево резалось, хотя и довольно тяжело. Древесина его была плотная, а вовсе не пористая или водянистая. Но ведь у них есть топоры.

— Борн, посмотри, ты ничего не сможешь найти, что могло

бы послужить нам веревкой? Лозу какую-нибудь или еще что. По-моему из этого получится вполне приличный плот — это такое приспособление для путешествия по воде — если мы их свяжем в два ряда.

Люди с такой скоростью принялись за работу, что только чудом можно объяснить, что никто из них не потерял руку или ногу при строительстве плота. Будучи срезанным, каждый оранжевый ствол испускал запах, отдаленно напоминающий запах тухлого лука.

Строительство шло вовсю, когда появились Борн и Руума-Хум с мотками какого-то липкого, серого водного растения, которыми они увешали себя. Логан и Кохома сложили, удерживая так называемые бревна, и объяснили Борну и Лостингу, как и где связать их. Тем временем Джелливан и Руума-Хум несли вахту наверху.

Периодически оттуда доносились их гортанные предупреждения о том, что силверслит по-прежнему приближается и по-прежнему все с той же неестественной медлительностью. Никому даже не пришло в голову задуматься над тем, чего опасается чудовище. Зато Логан совершенно неожиданно спросила:

— Борн, а ведь мы не испросили разрешения у Эмфола или как его там, у них, — она указала на поваленные деревья. — Разве это не противоречит твоей вере или нравственным законам, или еще чему-то там.

— Они не моего леса, не моего мира, — Борн посмотрел на все вокруг с отвращением. — Это такого рода жизнь, к которой я чувствую только отдаленное сродство, у меня с ними не может быть эмфола. Тут не с чем быть эмфолу.

— Все готово, — робко объявил Кохома, тем самым прервав расспросы Логан.

И хотя она была очень заинтригована этой загадочной вещью, под названием эмфол, выжить было гораздо важнее.

Тут сверху донесся крик.

— Быстро, Борн. — Это кричал Руума-Хум. — Он нас видит. И теперь двигается очень быстро.

Через несколько секунд к ним уже присоединились оба фуркота. Шерсть у них на шее стояла дыбом, и они неотрывно смотрели вверх. Логан тоже посмотрела вверх, как впрочем и Кохома, но по-прежнему ничего не было видно.

Пошвыряв на борт убогое снаряжение, оба фуркота взоб-

рались на плот. По крайней мере не возникало проблем с местом. Плот был достаточно большим, чтобы выдержать вдвое больше людей и фуркотов.

Кохома, Борн, Логан и Лостинг — все вчетвером принялись отталкивать плот шестами из оранжевого дерева. Плот не отчаливал.

— Руума-Хум, Джелливан, — скомандовал Кохома, — сдвиньтесь на дальний конец плота!

Фуркоты подчинились и в этот раз. Когда люди оттолкнулись, плот мягко сполз в коричневую жижу и отчалил.

Первым делом Кохома измерил глубину грязи. Самодельный шест ушел вглубь целиком вместе с кулаком. Вброд они бы здесь не прошли. Из-за того, что жидкость была густая, гребли они медленно, но благодаря густоте жидкость хорошо держала на плаву самодельный плот. Все гребли с остервенением. Единственным, что замедляло их продвижение, было то, что Лостинг и Борн не имели ни малейшего представления об искусстве гребли. Но они быстро научились. С нарастающей скоростью плот отплывал все дальше и дальше от берега.

Во тьме над головой простирался невидимый, черный свод. Казалось, будто они молчаливо плывут в каком-то невероятно огромном темном соборе. На небольших клочках сухой земли, на стволах поваленных, мертвых и живых, деревьев росла густая растительность, но здесь не было того яростного стремления к открытому пространству, поскольку здесь не было нужды бороться за место под солнцем.

— А где то дерево, по которому мы спустились, — спросила Логан. Она повернулась назад и всмотрелась в тьму.

На некотором удалении все казалось совершенно одинаковым, поскольку свет от фосфоресцентных грибов был слабый, и видимость была очень маленькая. И тут Логан увидела такое, что сразу поняла, по какому стволу они спустились. А также, что такое силверслит. И закричала.

У основания ствола остановился силверслит, точнее его передняя часть. Остальная часть его тела простиралась далеко вверх по дереву и исчезала в темноте на неизвестном расстоянии. Тело его в диаметре составляло не меньше пятой части самого Дерева-Колонны, да и сам он похож был на оживший лес, поскольку на цилиндрическом теле его извивались тысячи, растущих как бы сами по себе гибких щупалец, цвета растертой слюны. Щупальца протягивались, переплетались,

извивались в воздухе. Голова его казалась воплощением ужаса, творением какой-то искривленной природы. Сама она была шарообразная, на ней пульсировали многочисленные бесформенные рты, во все стороны ощерившиеся серыми зубами. Вокруг каждого рта росли в кажущемся беспорядке длинные щупальца. И весь этот отвратительный лик был в произвольном порядке испещрен черными пятнами. Должно быть, глазами. Силверслит издавал низкие мурлыкающие звуки, противоестественно мягкие, потом они вдруг изменились и перешли в пронзительный высокий органный регистр, от которого холодные мурашки прошли по телу Кохомы и Логан. Голова чудовища сама по себе простиралась на много метров над водой. Она медленно покачивалась из стороны в сторону, обнюхивая поверхность. Потом голова поднялась. И хотя черные провалы смотрели во всех направлениях, Кохома почувствовал, что смотрят они сейчас прямо на них.

— Господи, Боже мой, он нас увидел, — вскричала Логан.

— Только не это, только не сюда, — стонал Кохома.

— Замолчите! И, как его... гребите! — прорычал Борн, — хотя и сам был напуган не меньше, чем великаны. По его лбу струился свежий пот.

Люди уже по-настоящему далеко отплыли на плоту и были на открытой воде. Но силверслит погнался за ними даже в Ад, и Борн чувствовал, что он не собирается отказываться от добычи. Громко мяукая, он стал спускаться вниз.

Тело его казалось бесконечным, оно все спускалось и спускалось по стволу Колонны толчкообразными движениями, а хвоста все еще не было видно. Силверслит даже не пытался поплыть. Вместо этого он вытянулся влево до основания следующего крупного дерева. Борн в отчаянии смотрел, как чудовище обвивает второе дерево и начинает тянуться к третьему. Он понял, что таким образом силверслит очень скоро безо всякой опасности для себя проглотит их, слизнет с плота, и ему даже не придется коснуться воды. То же самое понял и Лостинг, и они начали отчаянно искать щель, дупло, проем в основании одного из огромных стволов, где можно было бы укрыться. Хотя силверслит настолько силен, что запросто разорвет даже эти огромные деревья, чтобы добраться до них.

И тут позади плота раздался негромкий, хлюпающий звук, как если бы ребенок наступил в кадку с салом грейзера. Вода расступилась и исторгла колоссальное, невероятных размеров,

бездушное тело. Оно было столь велико, что в это было невозможно поверить. Все пространство между ними и деревом, от которого они отчалили, оказалось занято этой тушей.

Это чудо-юдо не обратило на них ни малейшего внимания, как Борн не обратил бы внимания на листик, упавший ему на голову в лесу. Чудище их просто не заметило. Следом из воды показались многосуставные лапы с клешнями размером с деревья и как крюки обхватили вытянутое туловище силверслита. Между этих смертоносных лап на какое-то мгновение мелькнул единственный, огненный глаз гиганта. Он был больше скаммера, на котором прилетели великаны. Та часть тела бегемотища, которая показалась из-под воды, явила глазу людей безумный гибрид святости и святотатства, ибо чудище было инкрустировано самоцветами — изумрудами и сапфирами, топазами и турмалинами, которые блестели переплетающимся узором. Люди не в силах были смотреть на его красоту, величие, ужас. Все упали ничком и плотно вжались в оранжевые бревна и серые веревки, а плот заходил ходуном на волнах, поднимаемых от битвы гигантов.

Борн понятия не имел о том, как плавать, и пытался постичь тайну колышущейся воды. Наконец он решил, что уж лучше бы его съели. Казалось, что прошло несколько часов, прежде чем волнение наконец успокоилось.

Когда, наконец, Борн смог поднять голову, первым делом он увидел, что Руума-Хум и Джелливан стоят бок о бок на хвосте плота. Фуркоты, не отрываясь, смотрели на воду. Борн с трудом встал на четвереньки. Теперь позади плота ничего не было. Лишь тишина. Тишина, да далекие мерцающие контуры бесформенных грибов и личинок, светящихся собственным холодным светом. Далекий тихий звук пузырей, будто ребенок дует в воду. Ничто не выдавало, что еще совсем недавно здесь был силверслит и порождение ада, которое вышло, чтобы схватиться с ним.

Логан села в полном нервном и физическом истощении. Она убрала волосы, падавшие на глаза, и попыталась успокоить сердцебиение, но безуспешно. Борн какое-то время смотрел на нее, потом нашел свое весло, которое он бросил между двумя бревнами, и принялся грести.

— В какую сторону, Жан Кохома? — спросил он. — Жан Кохома, в какую сторону? — повторил он.

Кохома достал компас, но понял, что рука его слишком

дрожит и он ничего не может разобрать. Тогда он взял левой рукой запястье правой и внимательно вгляделся в люминесцентный циферблат.

— Лучше... Лучше давай-ка немного правее, Борн. Немного, еще... Еще...

— Лостинг, ты чего не гребешь? Ну же. Давайте грести все вместе.

Они заставляли себя не думать о том, над чем они сейчас проплывают, что может пробудиться в этих глубинах от прикосновения их весел. К тому же они настолько устали, что им было почти все равно. Логан легла на спину, на пахучие бревна и стала смотреть вверх на крошечный мир, который образован сияющими грибами, растущими вверх ногами на нижней стороне ветви над головой.

— Кто бы мог предположить, что в Аду так красиво. — Тут выражение лица Логан изменилось, и внезапно она через плечо посмотрела на Кохому. Тот сидел позади нее, обхватив голову руками, и весь дрожал. — Жан, если мы встретим другой плот, то давай спросим у его капитана, куда плыть, даже если с ним будет трехглавый пес.

— Мне не нравятся собаки, — ровным голосом ответил Кохома. По его голосу можно было подумать, что он воспринял услышанное всерьез.

Здесь не бывает рассветов, и ничто не могло принести успокоение в души крошечной горстки людей и фуркотов, плывущих на оранжевом лоскутке среди деревьев-башен под черным небом, усеянным неким подобием звезд.

То, что по всем понятиям должно было быть утром следующего дня, принесло им на протяжении пятнадцати минут два нападения. Они ничего не видели до тех самых пор, пока на них не напали. К счастью, ни один из нападавших не был по размеру больше человека. Им не доводилось больше встречаться хотя бы с чем-либо близким по размеру к вооруженному колоссу, который напал на силверслита.

Первый удар пришел с воздуха. Его нанес четырехкрылый летун, на вооружении у которого был полный рот зубов, похожих на иглы. Он беззвучно спикировал на плот из переплетения воздушных корней огромного дерева. Лостинг с его быстрой реакцией опытного охотника успел предупредить всех об опасности. К счастью, с первого захода летун полностью промахнулся и снова взмыл вверх, заскрипев на вираже, как

старик. Оба охотника тут же взяли снаффлеры, чтобы отразить второе нападение. Но воспользоваться оружием им не довелось. Встав на задние лапы, Руума-Хум сомкнул мощные передние на крыле нападавшего, и летун, заклекотав, свалился на плот. Длинные челюсти отчаянно защелкали, пока наконец Джелливан одним мощным ударом когтистой лапы не размозжил ему череп.

Не успели путники скинуть с плота труп первого нападавшего, как нечто, напоминающее ананас на шестнадцати длинных тонких ножках, попыталось взобраться на плот. На карабкающиеся конечности со всех сторон обрушились топоры, и кончилось все тем, что покалеченный корнеплод нырнул обратно в ил.

«Внутренние огни могут быть предназначены для привлечения особей того же вида противоположного пола в целях спаривания, — размышляла Логан. В точности как определенные виды глубоководных рыб на Земле и на Реплере. Кроме того, они могут притягивать и хищников».

— Борн, Лостинг, погасите-ка ваши факелы.

Охотники с сомнением поглядели на нее. Человек ночью в Аду, да без света. Не останется никакого шанса выжить перед лицом врага.

Но Логан и Кохоме удалось-таки уговорить их. Охотники с сожалением сняли защитные шары и опустили факелы в воду, но не раньше, чем приготовили два свежих. Воспользоваться ими не пришлось.

Без света факелов глаза их быстро приспособились к менее яркому освещению, исходящих от фосфоресцентных форм жизни вокруг. Этого было вполне достаточно, чтобы определить свой курс между стволов гигантских деревьев, поддерживающих верхний мир. И никто на них больше не нападал.

Еще несколько часов проплыли они на плоту, и тут Борн обнаружил, что хочет пить. Он опустился на колени и склонил голову к темной поверхности воды.

— Стой, Борн, — закричала Логан. — Ведь она же наверняка...

— Могла бы и не беспокоиться, — Борн сморщил нос от отвратительного запаха.

Никаких ученых степеней у него не было, никакого знания биохимии тоже, но ему достаточно было понюхать воду, чтобы

определить, что она совершенно не пригодна для питья. Так он и сказал всем остальным.

— Не удивительно, — прокомментировал Кохома, и поглядел наверх. — Ведь здесь столько бактерий! Только подумайте, сколько тонн... тонн!.. уже полуразложившихся животных и растений падают на каждый квадратный километр поверхности. И это ежедневно. А теперь вообразите, что здесь со всем этим делается при такой ужасной жаре. И дождь каждый день. Можно сказать, что этот мир стоит на естественном море жидкого навоза и перегноя, шут его знает, какой глубины.

— Очевидно, что эти деревья, несмотря на огромное потребление, не могут управиться со всеми осадками, — задумчиво поддержала Логан. — Она откинулась на плот и стала смотреть на ствол, который они оставляли справа по борту. В диаметре он чуть-чуть не дотягивал до межзвездного грузового корабля. — Хотелось бы мне знать, как эти полукилометровой высоты росточки качают воду с поверхности на такую высотищу.

— А мне бы чертовски не хотелось, — неожиданно прервал ее Кохома, — прогрести на этой штуковине мимо станции, прежде, чем мы снова поднимемся наверх. Ведь направление мы знаем, а вот определить, на сколько мы продвинулись за день... — Борн и Лостинг знают, как оценить расстояние. — Кохома только улыбнулся. — Конечно, знают. На тропах Дерева, но не здесь, — он указал на плот. Потом повернулся к Борну. — Как ты думаешь, не лучше ли у нас будут шансы в кроне, чем здесь внизу, если мы, конечно, будем потщательнее выбирать дупло, в котором остановимся на ночлег.

— Да я с самого того момента, как мы отчалили от места жительства этого чудища, подыскиваю подходящую дорогу наверх, — ответил охотник.

— Но нам в любом случае вскоре придется подниматься в мир. Видишь, он указал вперед и вниз.

А Лостинг продолжал мрачно грести, внимательно осматривая мрачные корни и основания деревьев, выискивая место, где они могли бы начать взбираться наверх. Кохома и Логан посмотрели вниз, а Борн постучал пяткой по бревну, раздался полый звук, после этого он поднял ногу повыше и изо всех сил топнул по бревну. Нога провалилась по самую

лодыжку, а когда он достал ее, из пролома хлынула желтовато-коричневая жижа.

— Что ты там говорил по поводу воздействия бактерий и разложения, Жан? — иронично проворчала Логан. После этого она снова повернулась лицом к проплывающему мимо пейзажу, похожему на сон. — Борн прав, если мы в скором времени не причалим, этот плот растает прямо под нами.

Липкая густая жижа, покрывавшая поверхность, уже лизала им ноги, когда Лостинг обнаружил путь, ведущий наверх. Древесный мыс был образован изогнутым утолщением большого корня, который горизонтально выступал в воду, прежде чем исчезнуть под ее поверхностью. Корень этот плавно изгибался, переходя в центральный ствол, что избавляло от необходимости предпринимать вертикальную атаку на сотни метров вверх.

Изрядно потрудившись веслами, путники причалили шаткое судно к твердому древесному берегу. И очень вовремя, потому что вместо того, чтобы упруго стукнуться о корень, передняя часть плота просто развалилась от удара. Быстрое обследование показало, что плот выдержал бы еще не более километра. Почти все бревна прогнили по меньшей мере наполовину. К еще более разрушительным последствиям мог привести тот факт, что большая часть серых перевязей, которыми был скреплен плот, исчезли. Останься они еще немного на плоту, и все могло кончиться его мгновенным, а не постепенным расщеплением. Бревна просто рассыпались бы, поскольку их больше ничего не связывало.

После того, как они поднимутся по удобному плавному помосту, который образует огромный изогнутый корень, появятся сучья и утолщения, которые позволят им двигаться вверх, но во всех случаях дорога будет сильно отличаться от их быстрого спуска.

Кохома вслух высказал то, что Логан думала про себя.

— И что, мы здесь будем взбираться?

— Люди умеют летать, — проговорил Борн. — Но, к сожалению, лишь в одном направлении — вниз. Боюсь, что придется. Мы с Лостингом пойдем первыми и будем отыскивать самую простую дорогу, настолько легкую, что даже ребенок сможет по ней взобраться. А вы пойдете за нами. — После этого охотник обернулся к фуркотам. Джелливан при его сло-

вах зевнул. — Идите сразу за великанами и не давайте им падать, — приказал он.

— Понял, — хмыкнул Руума-Хум. — Будем идти сразу за ними, будем о них заботиться.

Тяжелый череп еще раз обернулся, чтобы посмотреть назад. В туманном фосфоресцирующем свете тускло блеснули клыки.

— Быстрее, сюда кто-то идет.

Если у Логан или у Кохомы и возникло желание предложить поискать другой путь для подъема, может быть, менее отвесный, то короткое предупреждение Руума-Хума развеяло все их сомнения, и они поспешно последовали по избранному маршруту.

— Нас ведь никто не трогал с тех пор, как мы загасили факелы, — пропыхтела Логан. — С какой стати сейчас на нас кому-то внезапно нападать? Я думала, что мы здесь стали для всех совершенно неприметными.

— Просто у тебя глаза к здешнему свету привыкли, — крикнул ей Борн. — А ты посмотри как следует на себя.

Логан посмотрела на свои плохо слушающиеся ноги и от неожиданности резко вздохнула. Она сияла, как тысяча крошечных лазеров: ноги, ступни, тело — все было покрыто пурпурными, желтыми огоньками, которые жили, казалось, сами по себе. Логан вытянула руки перед собой, и у нее на глазах светоносное нашествие расползлось по рукам. Потом она заметила, как легкое, едва заметное, будто перышком, покалывание распространяется по лицу, и она отчаянно начала тереть глаза, нос, рот. Паника отпустила женщину лишь тогда, когда поняла, что легкое, как перышко, прикосновение таковым и остается.

Борн теперь тоже светился, и Лостинг. Логан увидела, как на нее смотрит Жан и его лицо тоже покрыто мириадами огоньков, как и ее собственное. А позади светом струились Руума-Хум и Джелливан. Где-то позади раздался такой стон, что дрожь побежала по позвоночнику. Люди и фуркоты удвоили усилия. На самом-то деле подъем, с технической точки зрения, не представлял собой большой сложности, просто он очень сильно действовал на нервы и изматывал.

Логан казалось, что они взбираются уже много дней, а не часов. На какое-то время стало гораздо темнее, когда фосфоресцентные грибы, личинки, а также мхи стали попадаться все

реже и реже. Но еще через дюжину метров первый свет пробился сверху, пока еще слабый, робкий проблеск пробивающегося далекого солнца. И тут же приобретенная иллюминация оставила их. Едва видимые простым глазом огоньки зашевелились, потекли и начали растворяться, поднимаясь облачком с кожи. Крошечные, невероятно крошечные насекомые, живые светлые точки. Тот единственный, леденящий душу стон уже давно растворился, остался вдали, но ничего удивительного, что они внезапно стали привлекательны для кого-то, ибо миллиарды светлячков, которые постепенно собрались на них, превратили движущихся людей и фуркотов в сияющие силуэты на фоне тьмы, яркие, мерцающие маяки, призывно зовущие светочувствительных хищников. «Еще один симбиоз», — размышляла она. — «В этом мире их сотни и сотни, самых неожиданных».

Они поднимались в область все более и более густой растительности. Это были уже не грибы, а какие-то доисторические предтечи настоящих растений, и вот уже появились первые бледные тени, которые отбрасывал настоящий солнечный свет, и это было как ответ на молитву. Сначала они взбирались по корням, свисавшим с самых крупных паразитических деревьев, по самым старым лианам, потом по корням более мелких деревьев паразитов и кустарников, и наконец, они достигли первых листьев — огромных дисков, едва тронутых зеленью. Некоторые были по пять, шесть метров в диаметре, они были созданы, чтобы ловить малейший лучик солнечного света свыше. Грибы здесь тоже вовсю процветали, но уменьшились до дружелюбного, неугрожающего размера, не то, что кошмарные колоссы Седьмого Уровня. Гигантские папоротники, плющи, глубокий мох по-прежнему вытесняли здесь цветущие растения.

— Пожалуйста, давайте здесь остановимся, — умолял измученный Кохома, устраиваясь на широкой лозе, увитой ромбовидным плющом. — Ну хоть на минутку.

Логан рухнула рядом с ним. Борн кинул вопросительный взгляд на Руума-Хума. Фуркот внимательно смотрел на проделанный ими путь, его длинные уши склонились вперед. Он прислушивался, а потом повернулся.

— Никто не крадется, никто не преследует. Опасность миновала.

Прошло, как показалось Кохоме, всего несколько секунд,

и Борн встал и попробовал следующий свисающий корень. Оставшись доволен, он стал карабкаться вверх по этой спиралевидной структуре. Лостинг последовал за ним, охотничья трубка билась о накидку. Кохома взглянул на свою спутницу, пробормотал что-то, чего Борн все равно не понял бы, и пустился следом. Логан вздохнула, встала и попыталась немного расслабить затекшую шею. Выяснилось, что это приводит только к напряжению других мускулов. Она ухватилась за корень и начала карабкаться. Руума-Хум и Джелливан выбрали другую дорогу.

Еще несколько часов тяжелого подъема привели их к тому, что можно было бы назвать туманным полумраком, где, наконец, можно было смотреть, не прищуриваясь.

В этот раз наступил черед Логан объявить во всеуслышание, что она больше не может сделать ни шагу. Борн и Лостинг посовещались о чем-то, глядя на двух великанов, рухнувших на ложе из прямоугольных листьев, таких толстых, что они были похожи на коробочки.

— Ну и хорошо, — сказал им Борн. — Здесь мы и переночуем.

— Переночуем? — удивился Кохома. — Но ведь, когда силверслит согнал нас с того дерева, была ночь.

— Пора бы уже научиться определять время по свету, — сказал ему Борн. — Солнце уже умирает, а не расцветает. Мы были в пути остаток той ночи и почти весь следующий день. У нас почти не осталось времени на приготовление огня и убежища.

— Постой, а откуда ты знаешь, когда солнце садится, а когда встает?

Борн обвел рукой окружающий лес.

— Тут достаточно эмфола.

— Да ладно уж, — недовольно сказал Кохома. — Верю тебе на слово, Борн. — Тут выражение его лица переменилось. — А вы с Лостингом собираетесь поохотиться или нам опять придется удовлетвориться этими подметками, которые вы называете сушеным мясом?

Борн доставал топор.

— Нет времени охотиться. Или ты предпочитаешь свежее мясо крову?

— Нет уж, спасибо, — вмешалась Логан. — Уж лучше пусть будет тепло и сухо. Времени вам хватит?

— Тут много мертвых ветвей и умирающих листьев, — сказал им Борн. — К тому же мы сейчас так низко в мире, что вода просочится только поздно ночью. Кроме того, эта область все еще мало знакома нам. Ведь это Шестой Уровень. Что-то из растительности мы знаем, а что-то нет. То же самое можно сказать о звуках и, вероятно, о тех, кто их издает сейчас. Не самое лучшее время для охоты.

— Будем есть то, что принесли с собой, — сказал Лостинг. — А завтра сумеем добраться до Третьего Уровня, и там поохотимся на свежатинку, поищем фрукты и мясные орехи. А сейчас довольствуйтесь тем, что есть.

— Понимаешь, — объяснил Кохома, — ты только не подумай. что я жаловался или еще что... — Он вспомнил, что здесь они оказались благодаря безрассудству и любопытству Борна, а вовсе не Лостинга. — Просто все ухудшающееся качество нашего рациона за последние недели явилось потрясением для моих внутренностей.

— А для нас, по-твоему, то, что мы едим, это что — пиршество? — напомнил ему Борн.

Они с Лостингом отправились на поиски зеленых листьев, похожих на огромные подносы, которые показывали признаки нездоровья или умирания.

Кохома откинулся и лежал, развалившись, в листве, пока двое охотников не исчезли за густой зеленой стеной. После этого он перевернулся и посмотрел на Логан, которая деловито сверялась с компасом.

— Ну и как курс?

Она пожала плечами.

— Более или менее верно Жан. Ты же знаешь, сам об этом говорил, станция должна быть прямо по курсу.

— Но у нас три возможности пропустить ее. Мы можем пройти ниже, правее или левее. — Кохома затеребил лист, на котором сидел. — Ох и не нравится же мне это наше путешествие низом, черт его возьми. Да что тут поделаешь!

— Да что такое, Жан? Неужели тебе все это неинтересно?

— Интересно? — он недобро поцокал языком. — Одно дело изучать туземные отклонения со скаммера, под защитой лазерной пушки, и другое дело, вместо того, чтобы заносить новых зверей в каталог, быть ими заживо съеденным. Это мне совершенно не по душе. Скоро у нас будет еще одна проблема, понимаешь ли!

— О, у тебя полно для меня сюрпризов, — воскликнула Логан.

— Я говорю серьезно. Если мы не хотим рисковать тем, чтобы пройти мимо станции, нам придется убедить наших провожатых держать путь у самых макушек деревьев. В нашем путешествии на плоту их чувство расстояния оказалось сбитым, и я думаю, мы сможем уговорить их быстро подняться на самый верх мира.

— Да, ведь правда, станция стоит на открытом месте. А Борн, как и весь его народ, — продолжила Логан, — смертельно боится неба. Хотя, — добавила она задумчиво, — не так сильно как поверхности. А поскольку поверхность мы успешно изучили в нижнем Аду, может быть, теперь Борн не будет так противиться подъему. Не забывай, Борн ведь не знает, что станция расположена на самом верху Первого Уровня. Он, может быть, почти поверил, что мы пришли из иного мира. По-моему в его воображении скорее уложится это, чем то, что здесь, в этом мире, мы добровольно избрали местом жительства их Верхний Ад.

Кохома покачал головой.

— И все-таки, хотелось бы мне понять, что это за дела такие с этим эмфолом. Похоже на то, что это какое-то отклонение растительности, помогающее приспосабливаться.

Логан кивнула.

— Разве неудивительно, что поддержку и сверхъестественную помощь они черпают вокруг, потому что внизу у них Ад и вверху Ад, и получается, что они зажаты посредине, как в сэндвиче, — улыбаясь проговорила Логан. — Естественно, что развитие их пошло по нецивилизованным путям. Это очень плохо в своем роде. Борн, вожди Сэнд и Джойла и еще несколько других, они ведь у них своего рода знать.

Кохома хмыкнул и перевернулся.

— Самая большая ошибка, в которую может впасть сторонний наблюдатель в этом мире, — романтизация примитива, — иронично заметил он. — А в случае с этими людьми даже вышесказанное неверно, поскольку они не просто первобытные люди. Они — лишь выродившиеся, регрессировавшие потомки нашего народа.

— А скажи-ка мне, Жан, — прошептала Логан, — это и в самом деле вырождение, регресс, или это — прогресс? Восхождение, но просто по другому, чуждому нам пути.

— А? Что ты сказала?
— Ничего, ничего. Я устала, только и всего.

11

Трапеза состояла из жестких сушеных фруктов и еще более жесткого сушеного мяса. После нее был запланирован отдых. Но измученная своими вопросами Логан подошла к Борну. Охотник отдыхал рядом с огнем, прислонясь спиной к туловищу спящего Руума-Хума. Лостинг уже спал в дальнем конце их временного убежища. Да и Борн уже задремывал, неловко завернувшись в коричневый плащ.

Логан же очень хотелось разрешить один важный вопрос.

— Скажи мне, Борн, ты и твой народ верите в Бога?

— В Бога или в богов? — переспросил охотник. На вопрос он совсем не обиделся.

— Нет, в единого Бога. В единый, всемогущий, всевидящий разум, который направляет все события во Вселенной, все исчислил и у которого на все свой замысел.

— Но ведь это подразумевает отсутствие свободы воли у человека, — ответил Борн, в который уже раз поразив Логан весьма умным ответом.

— Некоторые с этим смирились, — заметила она.

— А я ничего этого не принимаю, как и те, кого я знаю, — ответил Борн. — Этот мир слишком богат и разнообразен, чтобы кто-то один мог все это исчислить. А ты говоришь, есть и другие миры, столь же сложные, как и наш. Нет, мы во все это не верим.

«Со всем этим уже можно спокойно отправляться к Хансену», — подумала Логан.

А Борн продолжал:

— Все это плохо. Вера в существование единого Бога подразумевает определенный набор этических и нравственных принципов, на которых можно основывать определенные правила жизни. Духовная же анархия делает работу с людьми гораздо сложнее. Тут уже не призовешь высшую силу в качестве ограничивающего фактора.

«Да, ну и проблема для Хансена и прочих ксеносоциологов, которых компания захочет послать для работы с народом Бор-

на», — подумала Логан. Она собралась было уходить, но потом передумала. Если бы ей удалось заронить хотя бы одно рациональное зерно в сознание Борна.

— Борн, а тебе не приходило в голову, что нам в пути сопутствует невероятная удача?

— Я бы не назвал ночевку на дереве силверслита удачей.

— Но ведь мы спаслись от него, Борн. И, кроме того, еще десяток, да нет, не один десяток раз мы могли погибнуть, а мы даже без серьезных ранений обошлись. Так, обычные синяки и шишки.

Борн задумался. А потом проговорил:

— Я — великий охотник. Лостинг — хороший охотник, а Руума-Хум и Джелливан мудры и опытны, так почему, собственно, нам не справиться со всеми этими трудностями? Вот мы и справились.

— И ты не находишь это странным, ведь никто из ваших людей не уходил из дома дольше, чем на пять дней. Я имею в виду тех, кто уходил и вернулся.

— Но ведь мы еще даже до цели не дошли и тем более не вернулись.

— Это верно, — признала Логан, пятясь к месту своего ночлега. — То есть, по-твоему, это не предполагает участия руководящей, направляющей силы, подобной Богу, того, кто всегда знает, что для тебя будет хорошо и следит за тобой.

Борн торжествующе посмотрел на нее.

— Никто нас не защитил, когда на напали акади. Но я подумаю над тем, что ты сказала, — и он отвернулся от Логан.

Итак, заронить семя ей удалось. Довольная этим и подумав, что Хансен наверняка похвалит ее за проделанную работу, Логан завернулась в плащ и закрыла глаза. На станции не было миссионеров, которые отблагодарили бы ее. Да и деятельность станции вряд ли бы освятила церковь.

Равномерный звук крупных дождевых капель, просачивающихся на этот уровень через миллионы листьев и лепестков, стеблей и сучьев, складывался в убаюкивающий ритм на крыше навеса из листьев, и Логан, наконец, удалось заснуть.

— Нам нужно подняться на самый верх Первого Уровня, Борн, — настаивала Логан на следующее утро.

Борн качал головой:

— Ходить по небу слишком опасно.

— Нет, нет, — в отчаянии продолжала Логан. — Мы не

будем высовывать головы в открытое небо. Мы вполне можем оставаться в добрых двадцати пяти метрах от него, — и она перевела это расстояние на относительную шкалу Уровней. — Ни один небесный демон не спикирует на нас через такую толщу листьев, которые будут выше нас.

— На Первом Уровне полно своих опасностей, — продолжал настороженно возражать Борн. — По размерам они, конечно, меньше, чем те, которые живут на Уровне Дома. Но они движутся быстрее, их труднее обнаружить и убить.

— Послушай, Борн, — попытался объяснить Кохома. — Если мы будем ходить так низко, мы можем вообще потерять станцию. Ведь она построена, подобно нашему скаммеру, из материалов, установленных вверху леса, но сильно в него не углубляется. Если мы проскочим мимо, а затем будем возвращаться и искать, то можем так запутаться в направлениях, что никогда не найдем свой дом. После этого мы можем годами скитаться в этих джунглях. — Для пущей доходчивости Кохома схватил компас и потряс им перед лицом Борна и Лостинга, будто они могли понять его устройство. — Видите, наш указатель направления. Лучше всего он работает во время первого поиска. Но с каждой новой неудачей от него все меньше и меньше толку.

В конце концов, как и предполагала Логан, Борн уступил. У него было всего два выхода: либо согласиться с их доводами, либо отказаться от продолжения пути. После всего, что все они уже пережили, казалось маловероятным, что Борн выберет второе.

Итак, люди продолжили восхождение. Теперь они про-двигались постепенно, не по убийственной для мышц вертикали, а по наклонной. Таким образом, они продвигались не только вверх, но и вперед по Пятому Уровню, затем по Четвертому, Третьему. Логан чувствовала, как аборигенам не хочется покидать это уютное, знакомое для них окружение ради опасности и неизвестности, которая ждет их наверху. Но они с Кохомой успели так хорошо познать Мир, что ни один из охотников и не пытался обманом убедить их, что они уже достигли верхнего уровня.

И вот путники уже на Втором Уровне, где солнечный свет такой яркий и желто-зеленый, что большей части растительности он достигает напрямую, а не отражается от зеркальной лозы, где день уже настолько ярок, что вполне можно поду-

мать, что ты где-то в глубине северного смешанного леса на матери Земле.

Логан и Кохома воспрянули духом, в то время как Борн и Лостинг все более и более настораживались.

И вот они на Первом Уровне. Вошли в буйство яростно окрашенных цветов, изваянных, очерченных и раскрашенных природой, будто опьяневшей от своей собственной красоты.

Логан подумала, что любой из ботаников, которых не выпускали со станции и которым разрешали лишь изучать образцы, добываемые экипажами скаммера, дал бы руку на отсечение ради возможности побыть сейчас здесь. Но правила компании этого не допускали, ими учитывалась непредсказуемость природы этого мира. Рисковать ботаниками было непозволительно.

Все основные тона и оттенки смешивались, перетекали один в другой, придавая всему самую экзотическую окраску. Логан прошла мимо багрового цветка диаметром в полметра. Пигментация была столь интенсивной, что местами багровый цвет переходил в темно-лиловый, на лепестках были ярко-аквамариновые прожилки, а сам цветок покоился на блестящих, золотистых листьях. Пьяное буйство просматривалось не только в цвете, но и в форме. Один из цветов похвалялся лепестками, произрастающими в виде переплетенных, многочисленных спиралей розового, бирюзового и миндального цвета. Кохома окрестил это растение вполне подходящим названием «клоун». Были цветы, которые ощетинивались суставчатыми пиками, от зеленых стеблей отпочковывались зеленые цветы, а с зеленых ветвей свисали зеленые гроздья. Попадались цветы, внутри которых росли цветочки поменьше, цветы с оттенком дымчатого кварца, цветы с прозрачными лепестками и запахом карамели. И среди всего этого блеска, не уступая ему в эволюционной изощренности, роилось множество представителей уже скорее фауны, чем флоры. Все это ползало, прыгало, скользило, жужжало подобно ожившим снам, проносилось перед взором двух онемевших пилотов скаммера.

Борн был прав, представители верхней фауны были меньше своих нижних собратьев, но двигались быстрее. Некоторые мелькали на их пути так быстро, что глаза едва улавливали их. Охотникам и собирателям плодов пришлось бы здесь работать в четыре раза больше, чтобы добыть то же количество пищи — слишком высока была здесь естественная конку-

ренция, а также, по словам охотников, высока была и опасность.

Видимо, именно этим объяснялось то, что потомки оказавшихся здесь в результате космической катастрофы людей предпочли оставить этот рай ради менее живописных, но зато более безопасных мест. Кроме того, Логан с безопасной станции доводилось наблюдать могучие ночные грозы, и она решила, что еще одной причиной, побудившей этих людей спуститься вглубь, были ужасные погодные условия верхних Уровней.

Не последнюю роль играл в этом и шум. На Первом Уровне можно было оглохнуть. В основном, судя по всему, его производили огромные колонии небольших шестилапых существ, доходящих человеку примерно до колена. В длину они были с полметра, казались очень хрупкими и очень быстро перемещались по тонким ветвям, цепляясь за них шестипалыми лапами. Защищенные панцирем тонкие конечности произрастали из пушистого, цилиндрической формы, тела, заканчивающегося с одной стороны длинным, похожим на хлыст хвостом, а с другой стороны тупым рылом, на котором красовались три глаза и упругая тонкая мембрана, которая, похоже, служила ухом. Это были своего рода птицы-пересмешники этого мира, шестилапые чудики, способные извлекать любые звуки от самого высокого посвиста до красивых басовитых раскатов. Они сопровождали людей целыми стайками, и пока путники шли по тропам из переплетенной лозы, чудные твари без конца осыпали их неразборчивыми оскорблениями и предложениями. Иногда, когда кто-нибудь из фуркотов угрожающе рычал, шестилапые бросались врассыпную, но едва их природная, общинная храбрость снова брала верх, как они снова появлялись вдоль дороги, и весь этот раздражающий шум и гам начинался снова. Отвязывались шестилапые только тогда, когда им самим наскучивало.

И все же сама собой напрашивалась еще одна причина, по которой жизнь внизу казалась предпочтительнее: даже здесь на расстоянии в много десятков метров под кронами деревьев ветви и побеги были гораздо тоньше, чем внизу, они были неудобны в качестве дорог. Соответственно тоньше были и лианы, а значит, все чаще Логан и Кохоме приходилось пользоваться руками, а не ногами, чтобы перебираться с одного места на другое. Но когда Борн спросил, не устали ли они и

не хотят ли спуститься немного пониже, туда, где будет идти проще, оба, заскрипев зубами и утерев пот со лба, покачали головами. Уж лучше истратить весь остаток сил здесь, чем подвергаться риску пропустить станцию, пройдя под ней.

Так что путь продолжали на том же Уровнѐ, лишь изредка спускаясь пониже, когда верхний участок леса становился совсем редким, так что даже Борну становилось тяжело передвигаться. Но едва крона Дерева снова сгущалась, как они опять поднимались почти под самое небо.

Этим вечером дождь пошел рано. Впервые с тех пор, как разбился их скаммер, оба великана насквозь промокли прежде, чем охотники смогли возвести подходящее убежище. Здесь не было сотен метров листвы, защищавшей от прямого дождя, и они испытали всю силу ночного потопа. Количество и силу низвергавшейся с неба воды великаны предвидели, потому что уже наблюдали подобные грозы со станции. Что их удивило, так это шум. Станция обладала по-настоящему хорошей звукоизоляцией. Логан и Кохома вприпрыжку спустились на добрые тридцать метров в надежде хотя бы чуть-чуть защититься от него, но даже здесь лес рокотал и содрогался, здесь был настоящий крепкий ветер, не то что потерянный унылый ветерок, который бывает на Уровне Дома. Сквозь водопад, дождь и вой ветра звучали оглушительные раскаты грома, и ничто не могло защитить от них.

Логан чихнула и грустно подумала, что первые колонисты неизбежно погибли бы здесь от пневмонии, если бы не спустились на более защищенные нижние Уровни. Логан не знала, что высокая влажность и постоянная жара не позволили бы здесь серьезно простудиться.

Но когда на следующее утро в жарком влажном мареве взошло солнце, оба великана по-прежнему были промокшими до костей. Под заботливым руководством Борна и дружеской опаской Лостинга в течение нескольких следующих дней Логан и Кохоме пришлось переучиться заново. Борн не преуменьшал опасности мира, расположенного почти под самым небом. Единственное — здесь методология убийства отличалась особой гибельностью благодаря неприметности. Если бы не советы и защита Борна, Лостинга и фуркотов, оба великана погибли бы в первый же день.

Ярче всего в сознании Логан запечатлелась угроза, исходившая от ярко-желтого фрукта. Он имел форму песочных ча-

сов и был размером с грушу. Куст, на котором росли подобные плоды, был усыпан цветами, источавшими запах весеннего нектара. Борн указал остальным на то, что токкеры и другие плодожорки тщательно избегают этого куста.

— А что, эти плоды горькие на вкус? — спросил Кохома.

Борн покачал головой.

— Нет, на вкус они великолепные, кроме того, они очень питательны и освежают силы уставшего путника. Тут вся опасность связана с отделением плода от находящихся внутри него семян.

— Ну, это проблема всех фруктов, — заметил великан.

— Но особо сложна эта проблема с плодами приветника, — сказал им Борн и, протянув руку, небрежно сорвал один плод.

Логан заметила, как он долго и пристально смотрит на него. «Снова эмфол», — подумала она.

— Ни одно животное в мире этой проблемы не разрешило, — продолжал охотник, поворачивая и как бы взвешивая в руке привлекательный, безобидный на вид плод. — Только люди.

Борн осмотрелся и нашел наконец неподалеку торчащую из куста длинную и тонкую засохшую ветку. Аккуратно отклонив ее у основания, он заточил ножом один конец. После этого проткнул острием фрукт, обращая особое внимание на то, чтобы не попасть в центр. Положив пронзенный фрукт на сук, он с помощью ножа сделал многочисленные надрезы на той стороне фрукта, которая была дальше от палки. После этого он поднял плод на палке высоко над головой и принялся стучать той стороной, где были сделаны надрезы, о выступ дерева. На шестом ударе раздался взрыв, столь неожиданной силы, что Логан и Кохома пригнулись.

Слева раздалось громкое рычание, из колючих кустов высунул голову Руума-Хум. Увидев, что никто не пострадал, он презрительно хмыкнул по поводу столь глупых мероприятий и тут же снова исчез в зарослях. Борн опустил палку и показал плод великанам. Вся его левая сторона, на которой были сделаны надрезы была напрочь снесена, будто внутри была вмонтирована небольшая бомба, что в общем-то и соответствовало действительности.

— Вот таким образом приветник распространяет по миру свои семена, — пояснил Борн.

После этого он поделил остаток фрукта на дольки и вручил

их Кохоме и Логан. Логан с опаской положила свою дольку в рот: недавняя демонстрация остудила ее аппетит. Однако, едва почувствовав на языке вкус этого фрукта, она сразу же избавилась от всяких сомнений и принялась с наслаждением втягивать сок. Он был исключительно вкусным. Сахарный и в то же время слегка кисловатый, подобно грейпфруту или лимону.

— А что в итоге случается с семенами? — спросила Логан, когда от фрукта уже ничего не осталось.

Вместо ответа Борн повел их куда-то вверх и налево. Там он внимательно осмотрел ствол близлежащего дерева и показал им пальцем. Пилоты подошли вплотную и стали рассматривать. На стволе кучным, аккуратным узором располагалось с дюжину маленьких дырочек, на несколько сантиметров проникавших в глубь твердой древесины. И если внимательно заглянуть в них, то на дне можно было увидеть маленькое темное семечко. На нем было шесть острых гребешков. Семена были около полусантиметра в диаметре, включая гребешки.

При помощи ножа Борн выковырял одно из них. Логан протянула было руку, но Борн оттолкнул ее. Неужели за все это время она так ничему и не научилась в этом мире. Логан и Кохома с интересом стали рассматривать семя. При ближайшем изучении оказалось, что каждый из шести гребешков был острым, как бритва, и заканчивался по краям микроскопическими, похожими на рыболовные, крючками.

— Теперь понял, — тихо сказал Кохома. — Эти семена укореняются в деревьях, но как же они распространяются? Значит, этот плод усыхает до такой степени, что благодаря внутреннему давлению семена разлетаются сами.

— Такого не может быть, Жан, — возразила Логан. — Если фрукт высыхает, то откуда взяться такому давлению?

— Нет, — Борн покачал головой. — Приветник укореняется не на растениях. Бывает, что какое-то животное стареет или заболевает и теряет рассудок или, может быть, от голода захочет съесть приветник. И тогда...

Борн развернулся и направился дальше. Логан немного задержалась, чтобы еще раз взглянуть на кучный узор, где семена пробурили дырки в плотном дереве, после чего последовала за охотником.

— Так вот, животное пытается съесть такой плод, вгрызается в мякоть, пока наконец не протыкает внутренний мешок,

находящийся под давлением, и тогда весь этот заряд выстреливает ему прямо в морду, — мрачно теоретизировал Кохома. — Если зверю повезет, то семена сразу убьют его. В противном случае, судя по всему, животному приходится дожидаться смерти от потери крови. После чего его труп служит готовым источником питательных веществ для этого милого кустика.

— Да, Жан, растения в этом мире добились равноправия с животными. Нет, беру свои слова обратно, они добились превосходства. Животных здесь меньше, они меньше по размерам, они беззащитны. А я то все думала, почему предки Борна так быстро утратили цивилизованные навыки. Теперь-то я поняла. Как можно постоянно бороться с лесом?

Через несколько дней путников ждало открытие, которое в своем обычном флегматичном тоне возвестил один из фуркотов.

— Панта, — окликнул их Руума-Хум.

Оба фуркота сидели на краю большой ветки. Борн воспрянул духом. Панта — это своего рода вмятина в Мире, большое открытое пространство.

— Конечно, — поспешно добавил он, всматриваясь в выражение лиц великанов, — это вполне может быть естественная панта. Их около полудюжины в двух днях пути от Дома. — Борн снова повернулся к Руума-Хуму. — А она большая?

— Большая, — тихо ответил фуркот, — а посередине штуковина из металла для топоров, похожая на небесный корабль.

Все три глаза Руума-Хума внезапно уставились на Логан. Не зная почему, она отвела взгляд и пристально посмотрела на Борна.

— Станция, иначе и быть не может.

— Скорее — и, повернувшись, Борн вприпрыжку бросился вперед.

Логан пришлось ограничить его энтузиазм.

— Не так быстро Борн. Ведь там есть вещи, ну вроде нашего компаса, которые защищают станцию от вторжений хищных обитателей леса и небесных демонов. Ни одно постороннее существо не может попасть туда.

— Даже силверслит? — неуверенно спросил Лостинг.

— Да, Лостинг, даже силверслит, — подтвердила Логан.

Но охотник не унимался.

— Что, на ваш Дом-станцию, когда-нибудь нападал силверслит?

Логан пришлось сознаться, что нет, но она с упорством продолжала настаивать, что даже это гигантское животное не устоит перед мощной лазерной пушкой или объемным взрывом. Оба охотника были вынуждены сознаться, что понятия не имеют, что значат эти волшебные слова. Кохома с плохо скрываемой улыбкой заверил их, что это оружие гораздо более мощное, чем яд шипов джафари.

— Что ж, в таком случае, демоны вашего Мира, должно быть, гораздо сильнее, чем демоны нашего Ада, — признался Борн. — Иначе, зачем бы вам такое оружие?

— Так и есть, — призналась Логан, не сподобившись, однако, разъяснить, что в данном случае демоны, которых она имеет в виду, — внешне обычные люди.

Кроме того, поскольку теперь до станции было рукой подать, ей очень не терпелось провести эксперимент, о котором она мечтала все это время. Логан пристально посмотрела на Руума-Хума.

— Ну, хорошо, — сказала она. И после этого добавила командирским тоном. — Веди нас к панте, Руума-Хум.

Какое-то время фуркот смотрел на нее странным взглядом, после чего повернулся и засеменил через зеленые заросли впереди. Борн ничего не сказал. Может быть, для него этот случай ничего не значил, но Логан и Кохома увидели, что фуркоты подчиняются приказам не только людей из племени Борна, но и всех других. А это может оказаться самым важным в сглаживании определенных проблем.

И вот еще несколько лиан, несколько двухметровой высоты листьев, пара сучьев, отодвинутых в сторону, и они стоят на краю того, что более всего похоже на огромный зеленый круг, вымощенный зеленым, бежевым и коричневым. Дно панты состояло из макушек сотен тысяч деревьев, куплей и эпифитов, срезанных для того, чтобы оградить станцию защитным рвом, который, собственно, представлял собой открытое пространство, лишавшее потенциального нападающего всякого укрытия.

А в середине всего этого зеленого амфитеатра возвышалась собственно станция, покоящаяся на макушках трех Деревьев-Колонн, растущих друг рядом с другом. Их вполне хватало, чтобы выдерживать вес всей станции. Сама же она состояла из одной-единственной большой металлической постройки,

завершающейся скошенным куполом. На макушке был большой пузырь из прозрачного пластика. Вокруг всего сооружения шло широкое крыльцо, ограниченное плетеным забором, доходящим человеку до груди. На каждую из четырех сторон света от станции простирался крытый переход, заканчивающийся пузырем из дюраля и пластика. В каждой из этих ружейных башен помещалась лазерная пушка с узким округлым стволом. Установленные независимо друг от друга, эти пушки способны были создавать такой обстрел, что одновременно три из них могли взять на прицел любого, кто приблизится ближе, чем на двадцать метров к станции.

Любой незаинтересованный наблюдатель, ознакомившись с этим устрашающим расположением огневой мощи, без труда вычислил бы, что этот скромный форпост науки ожидает нападения, причем массового, со стороны окружающего его леса. На самом-то деле пушки эти были предназначены не только для защиты от нападения местных хищников. Создатели станции более всего опасались небесных демонов, поскольку те атаковали на большой скорости, за ними стоял разум и вооружены они были предписаниями, приказами, установлениями и правилами. Вышеозначенных следовало гораздо больше опасаться, чем зубов и рыка плотоядных.

На половине высоты между днищем станции и макушками срезанного вокруг нее леса была расположена сеть из толстых высоковольтных кабелей, окружающая каждое из Деревьев-Колонн, на которых покоилась станция. Кабели находились под таким напряжением, что у любого хищника, случайно ускользнувшего от электронных глаз следящей системы, пропало бы всякое любопытство по отношению к станции.

Выслушав все эти объяснения, Борн спросил о назначении плоского металлического диска, установленного справа от них. Пятый крытый переход чуть более широкий, чем остальные, соединял диск со станцией. Диск был установлен на срезанной макушке дерева поменьше, но достаточно большого, чтобы выдержать его вес.

Борн не распознал в продолговатом предмете, покоящемся на этой металлической платформе, старшего сородича скаммера великанов. Естественно, челнок существенно отличался по форме и размерам, и ни один из охотников не смог понять его назначения, равно как и назначение сетчатых решеток и антенн, которые выступали по бокам станции и над наблюда-

тельным куполом вверху. А позади башен с вращающимися лазерными пушками и металлическими переходами, позади двойного ряда сетчатого ограждения и галерей находились жилые помещения, лаборатории, кабинеты администрации, интендантские склады, центр связи, которому позавидовал бы любой оператор на планете с многомиллионным населением, помещение для скаммеров и ремонтные доки, концентратор солнечной энергии и электростанция, плюс уйма второстепенных помещений, ниш и комнат. Даже случайный гость с минимальным внепланетным опытом в мгновение ока понял бы, какие безумные расходы потребовались на создание этой первой станции.

— Ну, наконец, — сказала Логан.

Теоретически все было настолько заранее продумано и протестировано, что никоим образом автоматическое оружие не должно было включиться на уничтожение прежде, чем тщательно не исследует, что это за тело и кому оно принадлежит. Но это теоретически. А практически у Логан не было случая лично удостовериться в этом. Теперь он предоставился.

К станции надо было пройти траншеей. Логан вышла из-за зеленой стены на открытое пространство и сделала несколько шагов по направлению к станции. Два обрубленных дула тут же повернулись в ее сторону. Как она надеялась в этот момент, что тот, кто сейчас сидит на вахте у компьютера, не заснул, не напился, не решил поупражняться в стрельбе по первой попавшейся мишени. Прошли долгие секунды, ничего не случилось. Логан махала рукой, хлопала в ладоши. Кохома напряженно ожидал, а Борн и Лостинг настороженно глядели в открытое небо и не спускали рук со своих охотничьих ружей.

В сознание Борна настойчиво стучались другие мысли. Сбылся наяву полусон. Вот он Дом-станция великанов, он существует, стоит перед ним, найдет ли он там все обещанные ему чудеса, в этом еще предстоит убедиться.

Борн чувствовала какое-то беспокойство. На станции, вне Дерева, они окажутся беззащитными и вся надежда будет лишь на яд джакари, а вовсе не на обещания. Видно было как в их сторону поспешили с осторожностью человеческие фигурки. Они приближались. Логан заглянула себе под ноги и увидела дорожку, несомненно одну из многих, которая протянулась от станции в их сторону прямо над лесом. О существовании подобных трапов ее бесспорно информировали, но в

сознании это не осело, поскольку раньше ей и в голову не приходило, что когда-нибудь придется воспользоваться таким трапом.

У людей было ручное оружие и одеты они были точно в такие же серые костюмы, в которых Борн впервые увидел Кохому и Логан. Когда они приблизились, глаза их от изумления расширились. Их было трое. Тот, кто был впереди, встал перед Логан и медленно с головы до ног обвел ее взглядом. На лице его читалось наполовину истеричное, наполовину удивленное выражение.

— Тими Логан? Черт меня побери! — Он медленно покачал головой. — Мы давно уже потеряли связь с вашим скаммером. Мы посылали разведотряды, и они ничего не нашли. А какие мы поминки по вам справили. Жалко тебя там не было.

— Ну уж извини, Сал.

— Ну у тебя и видок, будто ты в аду побывала.

— Да, лучше пожалуй и не скажешь. — Логан обернулась и окликнула остальных, стоящих в зарослях. — Все в порядке. Эй! Выходите все!

Из-за макушек деревьев вышел Кохома. После того, как появились Борн и Лостинг, мужчина с седыми бакенбардами и раздвоенным подбородком потерял дар речи.

— Вот это да! — наконец выдавил он.

Поймав взгляд Логан, Сал убрал в кобуру оружие, и снова уставился на охотников. Борн с трудом заставлял себя не переминаться с ноги на ногу под этим оценивающим взглядом. Но ему самому было любопытно поглядеть на трех новых великанов. Самый крупный из них, тот, кого Тими Логан называла Сал, мало отличался от Кохомы, хотя и был чуть выше и массивнее. Два других великана ростом были с Логан, но один из них был женщиной.

— Самые настоящие пигмеи. — Сал вопросительно смотрел на Логан.

— Местные жители, — улыбнулась она ему в ответ. — У них слишком много общих черт с нами, чтобы это можно было списать на разные пути эволюции. До конца, конечно, нельзя быть уверенными, пока их тщательнейшим образом не обследуют в медицинском центре. Но за исключением нескольких незначительных отличий, могу поклясться, что все проверки покажут, что они такие же люди, как мы с вами. Мы с Жаном решили, что это потомки экипажа одного из межзвездных ко-

раблей, потерявшегося много веков назад. Может быть, даже до установления Содружества. Кстати, они разговаривают на отменном земном английском, хотя и немного шепелявят.

Сал продолжал неотрывно смотреть на Борна и Лостинга.

— Похоже на то. Из первых колонизаторов многие попадали не туда, куда летели. Могли бы еще и еще тысячи лет не повстречаться, если бы не ваш упавший корабль. Незначительные отличия... Ты имеешь в виду пальцы ног и их размер?

Логан кивнула.

— Да это, и приобретенная защитная окраска. Понимаешь, мы с Жаном все это время таскались по тому самому Аду, который ты предположительно упомянул. И все эти недели я занималась тем, что мысленно готовила себе все, начиная с бифштекса и кончая мятным чаем после обеда. И с тех пор, как мы вылетели, я ни разу не принимала настоящую ванну.

— О, и еще бы переодеться! — с жаром добавил Кохома. — Господи, пошли чистое белье!

— Хансен будет очень рад вашему возвращению. Вот бы посмотреть, как изменится лицо у старика, когда вы войдете с вашими двумя новыми друзьями. Это же просто бесценно!

— Лучше бы тебе посмотреть на него, — поддержал разговор Кохома, — когда мы ему расскажем о тех открытиях, которые мы там сделали. Надо бы тебе тоже выбраться, прогуляться там, Сал. Иначе ты ничего не узнаешь об этом мире.

— Да-а. Все-таки, если не возражаете, все эти пешие прогулки я бы оставил специально для вас, неисправимых энтузиастов, — и Сал дружелюбно пихнул Кохому. — А об этих не расскажешь?

— Извини, Сал. Это тайна первооткрывателей, что ли.

— Я просто любопытствую, Жан. Я вовсе не покушаюсь на ваши премиальные. Да к тому же, как я смогу что-нибудь доказать, а? Ну, все равно очень рад, что вам выдалась удачная прибыльная прогулка. Понимаете, на старика давит начальство, по крайней мере так говорят, с тех самых пор, как Цинг-Ан покончил с собой.

Кохома и Логан, несмотря на всю усталость, были шокированы.

— Как? Поки покончил с собой? — шепнула Логан, назвав биохимика по кличке.

— За что купил, за то и продаю. Нирчауз, ну знаете — это такой бык из охраны, который у профессора был в приятелях — так вот, он последним видел его в живых и доложил, что тот был чем-то подавлен, но навряд ли в суициадальном настроении. А он пошел в разнос и взорвал все в своей лаборатории. Конечно, когда оказываешься в такой зависимости от всех этих глупостей, как Цинг Ан, неизвестно, что может взбрести в голову. Компания осознанно идет на определенный риск, нанимая подобных людей. Но на этот раз риск не окупился.

— Жаль, — пробормотал Кохома. — Мне этот парень нравился.

— Всем нравился.

Последовала неловкая тишина. Все были поглощены собственными мыслями и полностью сознавали, что каждый из них оказался в этом мире исключительно по причине какой-то своей слабости: денег, наркотиков или чего-то, о чем вообще лучше не упоминать. Каждый раз, стоило этой теме всплыть на поверхность, как ее старались поскорей утопить. Обсуждение подобного по всеобщему согласию избегалось. Все шли молча. И тут, наконец, до Логан дошло чего, вернее кого, не хватает. Повернувшись к Борну, она спросила.

— А где Руума-Хум и Джелливан?

— Они оба сказали, что им будет неуютно за пределами леса, — искренно ответил Борн. — Они не любят открытого пространства. Кроме того, ты не говорила, что хочешь, чтобы они пошли с нами.

— Ладно. Не важно, — Логан с тоской оглянулась в сторону изумрудного, испещренного цветами пейзажа. — Вот бы похвастаться перед Хансеном парочкой всеядных шестипалых в качестве домашних животных. Он пришел бы в восторг.

Логан так этого хотелось, но она была уже на полпути к ванне и бифштексу. Не будет же она теперь возвращаться в джунгли! Всему свое время. Всеядные? Она почему-то решила, что фуркоты всеядные. А ведь если подумать, она ни разу не видела, чтобы хоть один из них что-то ел. Ах да, ведь Борн говорил, что они чувствуют себя неуютно в определенных ситуациях. Вероятно, им нравится есть в уединении, точно так же и любовью они предпочитают заниматься вдали от чужих глаз. И все равно очень странно, что она ни разу не видела, как хотя бы один из них ел что-то.

Дальнейшие размышления были прерваны выкриком Борна: он первым заметил демона.

— Лостинг, зенит!

Снова Логан испытала шок, услышав слова, которые не очень-то подходили к образу жизни Борна.

Лостинг глянул вверх и тут же вытащил свой снаффлер. Только тут Логан увидела крошечное коричневое пятнышко у себя над головой. Таких пятнышек всегда было много и они держались поодаль от станции. Вероятно, в этот раз Борн каким-то образом уловил их недружелюбное движение. И он был прав.

Пятнышко стало вполне различимым силуэтом, таким, которого ей никогда в жизни не хотелось бы видеть. Широкие крылья, лапы с когтями, длинные челюсти, оснащенные острыми, как бритва, зубами. Ей так и не удалось до конца подавить улыбку на губах. Улыбку превосходства при виде того, как охотники торопливо нацеливают примитивные духовые ружья.

— Да не волнуйтесь вы, Борн, Лостинг. Успокойтесь и смотрите.

Борн вопросительно посмотрел на нее, но все-таки справился с собой и опустил ружье, подавив естественное желание — зарядить и выстрелить.

Логан изучала пикирующего демона. Он спускался по все сужающейся спирали, рот его был широко раскрыт. Ей не было видно, какое именно из орудий станции прикрывало именно этот участок неба, пока небосвод у них над головой не прорезал красный луч, направленный из одной из башен со вращающимися лазерными пушками. Небесный демон, ярко вспыхнув, исчез, превратившись в облачко дыма и кучку пепла.

Борн и Лостинг безмолвно смотрели вверх, туда где всего несколько секунд назад был демон, пытавшийся напасть на них. В точно таком же безмолвии Логан, Кохома, Сал и двое других смотрели на Борна и Лостинга.

— Это своего рода очень усовершенствованное охотничье ружье, Борн, — объяснила наконец Логан. — Ну, как тебе объяснить... Оно как бы использует свет и им убивает.

Борн обернулся и указал на сферическую башню, где была расположена пушка.

— Там?

— Правильно, — сказал Кохома. — И еще есть. Они расположены вокруг станции. Благодаря этим пушкам и электрическому заграждению мы здесь в полной безопасности.

— Вспомни, Борн, — возбужденно сказала ему Логан, когда они пустились дальше по направлению к станции, — как твои братья устраивали оборону при нападении акади. А систему оружия, подобную этой, — она указала на неподвижную теперь башню, — можно установить вокруг твоего поселка и защитить Дом. И вам больше не придется беспокоиться из-за акади, из-за силверслитов и из-за всего остального.

— Но ведь придется стрелять очень быстро и очень быстро ее поворачивать на таком маленьком расстоянии, — заметил Лостинг.

— Ну, это не проблема, — самоуверенно разъяснил Кохома. — Достаточно расчистить большое пространство вокруг Дома, вот как это сделали мы, и установить приличную систему обнаружения. В таком случае ни один хищник даже близко не подойдет незамеченным.

— Расчистить пространство? — переспросил Лостинг.

— Ну да, понимаешь, срубить всю близко расположенную растительность. Так я собственно и предполагал сначала сделать, чтобы остановить акади. Просто оставить несколько ветвей, чтобы они служили своего рода перекидным мостом. Это же очень просто. А мы дадим вам инструменты, сходные по действию с нашим световым оружием, и работа по расчистке будет очень несложной. Только скажите, и мы вам их запросто отдадим. Ну а вы, надеемся, будете помогать нам находить дорогу в вашем Мире и обнаруживать кое-какие вещества. За это вы, вообще, заработаете наше доброе расположение на все времена.

— Срубить, — пробормотал Борн, — расчистить пространство.

— Да, Борн, — Логан выглядела озадаченной, а что тут не так. — А что тут не так? Ведь сначала можно сделать эмфол, а потом...

— Да нет, — лицо охотника просветлело, — просто столько чудес, и все разом. Мне стало чуть-чуть не по себе. Мне бы очень хотелось узнать чуть-чуть побольше о таких вещах, как световое оружие, защитные системы и что нам нужно сделать, чтобы получить их.

— Ну, последнее мы не вправе решать, Борн, — сказала Логан. — Мы — маленькие служащие большого концерна, работающие на этой станции. В деталях все решит человек по имени Хансен, ты скоро с ним встретишься. Но, по-моему, не составит большого труда выработать соглашение, которое принесет пользу обоим нашим народам, тем более после всего, что ты сделал для Жана и для меня лично.

Их уже ждал лифт. На нем они поднялись сквозь ворота в электрической решетке на нижний этаж станции. Когда они проезжали мимо решетки, вечно любопытный Борн спросил о ее устройстве. Кохоме пришлось попотеть. Однако после того, как он сослался на молнию, оба охотника, похоже, удовлетворились.

Лифт доставил Борна и Лостинга в мир новых чудес. Первое, что их поразило, была неожиданная, почти физически ощущаемая перемена цветовой обстановки. Преобладавшее повсюду зеленое, кое-где расцвеченное яркими красками и всеми оттенками коричневого, внезапно сменилось серебристым и серым, белым и голубым, из которого состоял этот новый мир. Единственное, что здесь было зеленым — тощий ряд кустов паразитов, растущих в длинном глубоком вазоне, который служил разделительной полосой между секциями коридора. Борн сразу увидел, что кустарник не в порядке. Цветы на нем были большие и яркие, но листья подвявшие и не повернутые к солнцу, как должно было бы быть. Но времени у него хватило лишь на беглый взгляд. Слишком много нового нужно было увидеть и попытаться понять. Столько новых великанов, и все спешат куда-то, занятые всевозможными необъяснимыми делами, бегают туда-сюда по коридору. А некоторые в одежде, которая выглядят еще более странно, чем серые костюмы Логан, Кохомы и Сала.

К ним подошел какой-то человек и шепотом обратился к тому, кого они называли Салом. Борн, однако, совершенно отчетливо услышал его.

— Хансен хочет немедленно увидеть двух местных. Он у себя в кабинете. — Он взглянул на Логана и Кохому. — И вас тоже.

Логан застонала.

— Нельзя ли нам сначала хотя бы немного помыться? Андрэ, ну ты же не представляешь, что нам пришлось пережить за последние месяцы.

— Знаю. Но вы-то Хансена тоже знаете. Приказ есть приказ, — и он беспомощно пожал плечами.

— Черт возьми, лучше уж сразу с этим покончить, — проворчал Кохома.

— А этот человек, Хансен, — спросил Борн, когда они подходили к внутреннему лифту, — он — вождь вашего племени?

— Не вождь и не племени, — объяснила Логан с некоторым раздражением, вызванным в первую очередь приказом, а не вопросом Борна. — Эта станция — Дом людей, которые заняты общей охотой, но устроена она совсем иначе, чем ваш дом. Знаешь что, считай, что наша станция — это группа охотников, вышедшая за добычей, а мистер Хансен — вожак охотников. Лучше я объяснить не сумею. Я не очень уверена, что смогла бы объяснить тебе, что такое корпорация, даже если бы у меня был целый месяц.

— Мне и этого достаточно, — ответил Борн, когда они свернули и пошли по белому, ярко украшенному туннелю. — Хансен это тот, кого мы можем просить о световых пушках и других чудесах для нашего народа.

— Ты правильно понял, Борн. Я знала, что ты поймешь, — с радостью заявила Логан. — Помоги нам исследовать твой Мир и найти несколько вещей, которыми вы сами не пользуетесь, и взамен мы с радостью дадим вам все эти чудеса. Это старинный принцип моего народа и твоих предков.

«Все это чуть-чуть незаконно в данный момент», — подумала она, но вслух не сказала.

— А что за человек ваш вожак?

— Все зависит от того, откуда ты, — загадочно ответила ему Логан. Она, по-видимому, объяснила бы ему и больше, но они уже подошли к двери, и Сал знаком приказал им замолчать. Он открыл дверь и сам остался снаружи, в то время как все четверо путешественников вошли вовнутрь.

Хансен сидел за узким изогнутым столом, и создавалось впечатление, что он надет на нем, как огромный пластмассовый пояс. Стол был завален мотками ленты, кассетами, стопками бумаги, десятками отдельных сводок в переплете из искусственной кожи. Стены были отданы полками с книгами и кассетами. Дальняя стена комнаты была целиком занята окном от пола до потолка, из которого прекрасно была видна панорама пампы и задыхающегося позади нее леса.

Когда они вошли, Хансен сидел уставившись на экран телевизора, установленного на гибкой стойке.

— Минуточку, пожалуйста. Жан, Тими, я очень рад, что вы живы. — Хансен говорил не оборачиваясь. Голос его был мягкий, подбадривающий. И поза только подчеркивала полноту этого уже немолодого человека. Ростом он был немного выше Борна. Зачесанные назад и ниспадающие прядями до самых плеч волосы приоткрывали лоб с большими залысинами, который, казалось, был сделан из темной замазки. За исключением густых, жестких усов, прилипших к верхней губе, как впавшее в зимнюю спячку насекомое, волосы его были совершенно седыми. Несмотря на то, что работал кондиционер, он потел.

На самом-то деле первое, на что обратил внимание Борн, едва войдя на станцию, был откровенно искусственный, неестественный холод. Даже самыми холодными ночами в этом мире редко бывало так холодно.

Затянувшееся ожидание не тяготило ни одного из охотников, они были полностью заняты осмотром комнаты и ее содержимого. От внимательного Борна не ускользнуло почтительное молчание, с которым Кохома и уставшая, нетерпеливая Логан ждали, когда вожак обратит на них внимание.

Наконец Хансен нажал на кнопку телевизора и оттолкнул его от себя. Экран на гибкой стойке захлопнулся и Хансен повернулся к посетителям. Правая рука его покоилась на подлокотнике кресла, а левой он потирал без конца потеющий лоб. Хансен выглядел уставшим. Он и был уставшим. Управление этой станцией преждевременно состарило даже столь опытного и закаленного руководителя, каким был Хансен. Без конца что-то выходило из строя, а заменить было нечем, поскольку корабли с припасами не рисковали лететь сюда из-за боязни законов Церкви и Содружества. А если ничто не выходило из строя, то обязательно возникал какой-нибудь «немеханический» кризис. Возникало такое впечатление, что стоило кому-то из его людей ступить на поверхность этого Мира, как их тут же жалили, кусали, кололи и всяческим другим образом травмировали представители здешней флоры и фауны. Кроме того, Хансен до сих пор не оправился от потери продляющих жизнь экстрактов из древесных наростов и Цинг-Ана, единственного человека, который что-то об этом знал. «Эх, если бы только этот бедный маньяк не проявил та-

кую тщательность в уничтожении своих записей». Известие о самоубийстве биохимика и сопутствовавшем ему уничтожении всего, что касается так называемого эликсира бессмертия, произвело тяжелое впечатление на начальство Хансена. Вообще, все вышло очень плохо. И все-таки Хансену удалось слегка улыбнуться, когда он осмотрел с ног до головы вернувшихся членов экипажа скаммера. Душевный подъем, вызванный возвращением Логан и Кохомы, был как нельзя кстати.

— А уж совсем смирились с вашим исчезновением, — сказал Хансен. — Я ушам своим не поверил, когда охрана доложила, что на краю леса стоят люди, — уголок его рта дернулся при воспоминании об этом. — Вы мне причинили столько неприятностей, знали бы вы. Теперь мне придется запросить обратно все бумаги, касающиеся вашей кончины, запросы о вашей замене и все такое прочее. Ох, и хлопот же вы доставите бюджетно-финансовому отделу.

— Ну, уж простите, шеф, — сказала Логан, улыбаясь в ответ начальнику.

— Ну, — выдохнул Хансен, откидываясь в кресле и складывая руки на брюшке. — А теперь рассказывайте мне, что это за аборигены пришли с вами.

— Они спасли нам жизнь, — ответила Логан, как само собой разумеющееся. — И боюсь, сэр, что никакие они не аборигены. Насколько мы можем судить, это потомки колониального корабля, который где-то заблудился и в конце концов застрял здесь. Они уже успели утратить память о своем происхождении, все знания времен Содружества и до Содружества и практически все технологические навыки. У них развился рудиментарный первобытно-общинный строй. А в результате наши друзья — Борн и Лостинг — совершенно убеждены, что они являются уроженцами этого мира.

— А вы совершенно убеждены, что это не так?

— Совершенно верно, сэр, — вставил Кохома. — Слишком много общих черт. — Топоры, сделанные из того же сплава, из которого делают наши космические суда и многое другое. Тот же самый язык, хотя у них и развилось собственное наречие. Та же структура семьи и...

— Да, да, — прервал его Хансен, махнув рукой. — И жизнь вам спасли, верно. И сюда вас привели, сквозь этот укоренившийся Ад, который там царит. Как далеко, говорите, вы зашли? — Хансен с любопытством покосился на Логан. Она

назвала точную цифру и начальник станции присвистнул. — Так вот значит всего вчетвером и столько километров сквозь это, — он кивнул через плечо в сторону окна.

— Да, сэр, вчетвером, да еще пара домашних животных, — уточнила Логан.

— Они очень смелые ребята, сэр, раз отважились на такое, — продолжал Кохома. — Ведь до этого случая никто из племени дальше, чем на пару километров, от своего поселка не удалялся.

— Да, все это очень мило, но совершенно невероятно, — недоверчиво проговорил Хансен.

— Временами я и сама не понимаю, — ответила Логан. — Шеф, а можно мне сесть, пожалуйста, а то я немного устала.

Хансен сокрушенно покачал головой.

— Совсем забываю обо всем. Извините меня, Тими.

По его вызову в дверях появился Сал.

— Соломон, принесите какие-нибудь стулья. Для всех.

Стулья принесли. Борн и Лостинг, посмотрев на своих спутников-великанов, тоже неуклюже пристроились на стульях.

— В общем, — подытожила Логан, — мы все вынесли благодаря удаче и умению этих двоих, — она указала на охотников. — Борн и его соплеменник знают лесной мир, ведь они там живут в самом настоящем смысле этого слова. Их поселок располагается на одном-единственном Дереве.

— Ваша и их приспособляемость превосходит все, о чем мне когда-либо приходилось слышать, — сказал Хансен.

— Если откровенно, — сказала Логан и бросила оценивающий взгляд на Борна, — то, по-моему, главная заслуга в этом принадлежит Дереву, хотя народ Борна вряд ли с этим согласится.

Борн не рассердился на ее слова. Разве это стыдно, признаться, что ты хуже собственного Дома? После стольких дней жизни на Дереве. После стольких часов непрерывных объяснений великаны, похоже, так ничего и не поняли, и судя по тому, что ему удалось краем уха услышать здесь, в их собственном Доме-станции, едва ли когда-нибудь что-нибудь вообще поймут. Легкость, с которой они говорят о вырубке, о расчистке пространства... А ведь они совсем недавно об этом упоминали. Это оставило у Борна чувство непроходящей тоски. Он снова посмотрел на седого старика.

— Ну, похоже, вы заслужили награды, — проговорил тот. — Тут не ограничишься одной благодарностью, мистер... Борн. — Он по-отечески улыбнулся. — А скажите мне, Борн, Лостинг, чего бы вам хотелось.

Борн глянул на своего спутника. Большой охотник повертелся на своем стуле и шепнул:

— Чем быстрее мы уйдем из этого холодного, жесткого места и вернемся домой, тем для нас будет лучше.

Борн кивнул и снова повернулся к Хансену.

— Мне тоже больше всего хотелось бы вернуться Домой. Но сначала мне хотелось бы побольше узнать о световом оружии и электрической лозе и обо всем подобном.

Хансен склонился вперед и в упор посмотрел на немигающего охотника.

— Кто же из вас абориген, Борн? Хотя, какая разница. Чем более вы примитивны, тем проще будет вести с вами переговоры. Что касается современных систем вооружения, об этом мы немножечко подумаем. Я думаю, что все будет в порядке, вы их получите, как только нам удастся выработать соглашение о сотрудничестве. Такое, что даже комар носа не подточит.

— Наше оружие может принести им очень большую пользу, сэр, — вставил Кохома. — Они на наших глазах столько людей потеряли в лесу, что...

— Я знаю об этом, Жан. — Хансен не хотел больше никого слушать, он полностью сконцентрировался на Борне. — Так вот, Борн, то место, где мы находимся, называется первичный разведпост, первый Дом моего народа в этом мире. На его обустройство потребовались очень большие расходы. И то, что он здесь — великая тайна, поскольку ставки очень велики. Сохранились ли у вас представления, Борн, о том, что такое шахта, что такое фабрика, что такое завод?

Лицо Борна не дрогнуло, выражение не изменилось.

— Так, вижу, что не сохранилось. Тогда, давайте, я попробую объяснить. Мы можем очень многое, мы делаем материал, из которого изготовлена эта станция, мы делаем пластик, из которого изготовлен этот стол. Но мы можем не все. А в этом мире, насколько нам удалось определить, содержатся кладовые совершенно бесценных вещей, и, заполучив такие вещества, можно... понимаете ли, можно сделать жизнь лучше, лучше для всех. Для вас и для нас. И ваша помощь в

разработке богатств этого мира была бы неоценима. Она сильно упростила бы нашу задачу. — Он перевел дыхание. — в частности, мы здесь обнаружили вещество, с помощью которого...

— Извините, сэр, — начальника прервал человек по имени Сал, который так и оставался в кабинете. — По-вашему можно...

Хансен махнул рукой.

— Борн, по-вашему, вернется на свое Дерево и первым делом по межзвездной связи пошлет доклад ближайшему кораблю мирных сил Содружества? — докончил Сал.

— Кроме того, — продолжил Хансен, снова обернувшись к Борну, — я верю в откровенность. Я хочу, чтобы наши новые друзья поняли важность того, о чем я говорю. Из сердцевины нароста одного дерева, Борн, которое растет в вашем мире, можно извлечь препарат. — Борн никак не реагировал. — Дело в том, что наросты на деревьях растут для того, чтобы выработать противоядие против чуждых инфекций и паразитов, и даже формируются они вокруг инородных вкраплений. И если мякоть из сердцевины конкретного нароста должных образом обработать, то появляется жидкость, которая, судя по всему, обладает способностью продлевать человеческую жизнь. Вы как насчет этого, Борн? Вам не хотелось бы прожить в два раза больше?

— Не знаю, — честно ответил Борн. — А с какой стати?

— С какой стати, действительно? — Хансен встал и хлопнул ладонями по столу. — Ну, на сегодня хватит философии. Хотите еще посмотреть станцию?

— Очень хочу.

Лостинг же просто проворчал себе под нос, выражая полное безразличие.

— А вы двое, — обратился Хансен к Логан и Кохоме, — отправляйтесь в свои апартаменты. Их, правда, уже убрали, но я прослежу, чтобы ваши личные принадлежности вернули на место. Вам предоставляется двадцатичетырехчасовый отпуск с бесплатным пользованием услугами, магазином и буфетом. Скажете сержанту Байндеру, что в течение следующих трех приемов пищи у вас карт-бланш и заказывайте, что хотите.

— Спасибо, сэр, — сказали оба хором.

Хансен кивнул в сторону густого леса вокруг станции.

— Будете благодарить меня, когда снова окажетесь там, и будете снова сидеть и думать, кто это грызет вам лодыжку и как его убить. А о ваших друзьях я позабочусь. — Хансен обошел вокруг стола и дружески пожал плечо Логан. — Ну а теперь идите и гуляйте на всю катушку. А после этого, если медики найдут вас в порядке, очень надеюсь уже завтра, вы осмотрите и примете новый скаммер и приступите к выполнению своих обязанностей.

12

Пока они путешествовали по этому дому чудес, Борн успел заметить, что все великаны повинуются Хансену так, как у них повиновались бы вождю Сэнду или Джойле. Из этого он сделал вывод, что Логан преуменьшила роль этого человека, как вожака в делах охоты, поскольку власть его была более высока.

Хансен показал им жилые помещения, где обитали сотрудники станции, средства связи наверху в куполе из плексового сплава, благодаря которым станция была в курсе того, что происходит в многочисленных скаммерах, летающих над окрестным лесом, приемное помещение, в который скаммеры возвращались, чтобы разгрузить привезенные карты, сводки и новые местные материалы.

— А что это там вот за скаммер такой, — спросил Борн, показывая на челнок, покоящийся на платформе. — Почему он настолько отличается от остальных по форме и настолько больше их по размеру.

— Это не скаммер, Борн, — объяснил Хансен. — Это челнок. Он предназначен для того, чтобы добираться на нем отсюда до транспортных кораблей, находящихся в космосе. Это такое место, которое расположено выше вашего Верхнего Ада. Большие транспортные корабли, которые летают к другим мирам, могут путешествовать только в пустоте.

— А как можно путешествовать в пустоте?

— Для этого делают маленький искусственный мир из металла, вроде этой станции, и погружают в него пищу, воду и воздух.

Двое охотников стойко вкусили чудеса буфета, где местные белки смешивались с пищевыми красителями и ароматизато-

рами, после чего видоизменялись так, чтобы их форма и вкус удовлетворяли пищевые запросы великанов.

Выслушав это объяснение, Борн снова загорелся любопытством.

— Да, теперь я понимаю. А какую местную пищу вы используете, чтобы получить вашу?

— О, какую придется. У нашей аппаратуры очень большие возможности. Мы посылаем скаммеры, оборудованные специальной собирающей техникой, и они возвращаются с необходимыми животными и растительным сырьем.

— А можно мне посмотреть, где происходит это чудо?

— Конечно, конечно, — и Хансен увлек их за собой из столовой в производственные помещения. Там он показал им хоппер, где растения и животные местного происхождения смешивались с дорогими инопланетными питательными веществами, витаминами, ароматизаторами.

Борн внимательно рассмотрел листья ветвей и кустарников. Большая часть растений, которые великаны собирали себе в пищу, были просто небрежно ободраны, будто они не живые. И ничто из того, что было собрано, не было подгнившим. Все листья, ветви, плоды были здоровыми, среди них не было засыхающих или умирающих. Великаны не эмфолили, они просто брали то, что им нужно, без оглядки, легко, слепо. Лицо Борна сохраняло дружелюбное выражение, но мысли его были далеко не радужными.

После этого Хансен проводил охотников в комнаты отдыха, где даже Лостинг был ошарашен чудесами, предназначенными для развлечения на досуге. А вслед за этим похождением, специально предназначенным для того, чтобы впечатлить местных жителей, они отправились в лаборатории, где проводились исследования местных плодов, которые привозили из многочисленных полетов скаммеры.

Борна и Лостинга представили работникам станции, мужчинам и женщинам, занятым напряженным непонятным трудом.

— Маккей, — окликнул Хансен высокую худую женщину, одетую в темный лабораторный халат. Волосы у нее на голове были уложены в высокую копну.

— Хелло, шеф. — Голос у женщины был низкий. Темные глаза смотрели пронзительно. Она внимательно оглядела

охотников. — Интересно. Значит, говорите местные. Что ж, похоже, похоже.

— Если уж на то пошло, это Борн и Лостинг — великие охотники, — высокопарно представил их Хансен. — Джентльмены, это Ган Маккей, одна из наших лучших... Как... как вы их называете Борн?.. Ах да, шаманов. Это одна из наших лучших шаманов.

— Я слышала, что Жану и Тими удалось вернуться. Это они им помогли? — спросила Маккей.

— У вас будет возможность ознакомиться с их докладом, как только они достаточно оправятся для того, чтобы представить его, — заявил Хансен. — А сейчас мне хотелось бы, чтобы вы показали нашим друзьям то, что вам с Изидом удалось добыть из этих раковин.

Маккей кивнула, и охотники в сопровождении Хансена проследовали за ней по узкому проходу между скамьями, заставленными высокими, блестящими, туго притягивающими свет приборами, пока наконец не достигли дальнего конца стола. По одну его сторону стояли три больших ящика, сделанных из того же прозрачного материала, что и окна станции. Они были доверху наполнены ветвями чаги. Борн заметил, что ветви были сорваны с совершенно живых кустов и были в полном цвету. Каждая из них была тяжело усыпана цветами с красной каймой и белой горловиной, но теперь они уже начали заметно увядать.

Женщина по имени Маккей открыла маленький ящичек и осторожно достала небольшой пузыречек.

— Здесь очищенный экстракт более чем двух тысяч цветов. — Она отвернула крышечку и предложила пузырек Хансену.

Тот отказался.

— Борн, а вы? — Маккей протянула пузыречек к Борну и объяснила, что нужно понюхать из открытого горлышка.

Борн так и сделал. Запах, поднимавшийся оттуда, был запахом чаги, только во много-много раз усиленным. Охотника закачало, но выражение его лица не переменилось.

— Я с этим знаком, — сказал он.

Маккей, казалось, была разочарована и повернулась к Хансену за поддержкой.

— Знаком. И это все, что он может сказать?

— Не забывайте, Ган, Борн живет среди этих ароматных цветов, он среди них ежедневно охотится.

Маккей что-то пробормотала про себя и заперла пузырек обратно в ящик.

— Зачем это делается? — спросил Борн Хансена, когда они переходили в следующую лабораторию.

— Должным образом очищенная и выстоянная, эта настойка в сочетании с другими лекарствами и стабилизирующими препаратами послужит основой нового сорта... — Хансен опять замялся, не зная, как объяснить охотнику это неловкое понятие.

— Все равно не понимаю, для чего можно использовать такое? — недоумевал Борн.

— Борн, этим будут пользоваться женщины, чтобы сделать себя более привлекательными, чтобы казаться более красивыми.

— Они любят запах смерти?

— Что это значит, Борн? — поинтересовался Хансен, несколько обескураженный замечанием охотника.

Он пытался с сочувствием относиться к совершенно естественному для дикаря отсутствию понимания. Но, похоже, его объяснение едва ли что прибавило Борну. А ведь Борн пытался уразуметь, честно пытался. Как и Лостинг. Но чем дальше шли они по этому дому, чем больше видели работу его обитателей, тем чуднее и непонятнее становилось им все окружающее.

Вот, к примеру, видели они три больших ящика, набитых цветущей чагой. Ветви были без эмфола, сорваны со здоровых, зрелых растений, и еще тысячи ветвей будут сорваны таким же образом только ради того, чтобы сделать маленький флакончик концентрированного запаха чаги. Ради чего? Ради того, чтобы излечить больного или накормить голодного? Нет, это будет сделано ради развлечения и развлечения такого рода, которое выходит за рамки понимания двух охотников. На понимание всего этого у Лостинга ушло немногим больше времени, чем у Борна. Однако, когда и Лостинг осознал в чем дело, он был гораздо менее склонен скрывать свои чувства, чем его товарищ.

— Но это же ужасно!

Хансен к тому времени уже полностью успокоился и вос-

становился после всплеска эмоций Борна и уже был готов к повторному нападению.

— Я прекрасно понимаю вашу точку зрения, и в то же время я абсолютно убежден, что вы способны увидеть перспективы, которые это дает на будущее. Разве нет? — Хансен перевел взгляд с Лостинга на Борна. — А вы?

— Плохо не то, что вы срываете ветви и цветы чаги, плохо то, как вы их срываете, — медленно ответил Борн. — Вот если бы вы срывали чагу с эмфолом...

— Это слово я слышал от Логан, но я не знаю, что оно значит, Борн.

Охотник пожал плечами.

— Это не то, что нельзя объяснить. Просто человек либо эмфолит, либо не может этого сделать.

— Как же нам поступать? — спросил Хансен.

— Если вы крадете у чаги молодой побег, то тем самым вы крадете будущее у ее рода. Ведь родительское дерево все равно со временем погибнет.

— Да, Борн, но ведь в лесу, должно быть, очень много кустов чаги, — очень тихо, до странного тихо возразил Хансен. — Ведь ничего не случится, лес обойдется без нескольких.

— А вы обойдетесь без ног, без рук?

И тут на лице Хансена проступило понимание.

— Вижу. Стало быть, вы настолько заботитесь о растениях. Я просто не понимал, как сильно вы из-за таких вещей переживаете. Конечно же, мы сделаем все, что можем, обещаю вам. Естественно, мы же не хотим собирать цветы, если самому растению от этого плохо.

— Да, — осторожно согласился Борн.

— Тем более, это для нас вещь совершенно второстепенная, вовсе не обязательная, — сказал Хансен, жестом успокаивая Маккей, на лице которой появилось удивленное выражение. — Ведь от этого прибыль — совершенно незначительная, и без нее мы легко обойдемся.

Хансен повел охотников к следующей и последней лаборатории.

— И еще, Борн, мне хотелось показать вам самую последнюю и, быть может, самую главную вещь. Именно здесь могут пригодиться ваши знания, как местного человека. Именно в этом вы можете нам по-настоящему помочь. Речь идет об особом наросте на деревьях, из которого получается экстракт,

продляющий жизнь. — Они свернули за угол. — До сих пор нам удалось обнаружить всего два подобных нароста, несмотря на то, что мы очень активно вели поиски. Дерево, на котором образуются такие наросты, встречается часто, а вот сами наросты очень редки. Мои лучшие эксперты по растениям сказали мне, что до крайности редки. То ли деревья эти обладают необыкновенным здоровьем, то ли образование наростов — это нетипичный для этих деревьев способ борьбы с инфекциями и паразитами. Я не знаю. Но вот если бы вы смогли найти для нас обильный источник таких наростов, Борн, то я твердо обещаю вам, что тогда мы очень крепко прислушивались бы к вашей точке зрения на тот счет, какие растения можно срывать, какие оставить в покое.

Хансен был восхищен своим изысканным профессионализмом и искусностью, с которой он, подобно хирургу, орудовал скальпелем обмана.

Пройдя мимо двух крупных, спокойных мужчин, они вошли в комнату, чуть большую по размеру, чем та, в которой они были перед этим. Как и все прочие лаборатории, эта была наполнена приборами необъяснимого назначения, изготовленными великанами.

Хансен невзначай представил охотникам темного, мрачного человека по имени Читагонг и вечно возбужденного Цембес.

— Как дела идут, джентльмены? — спросил он.

Откликнулся, естественно, Цембес. В голосе его звучала смесь нервного возбуждения и уверенности в себе.

— Вы ведь читали наш первый доклад два дня назад, сэр. Там, где мы объясняли, почему с нашей точки зрения Ву соскочил с катушек.

— Я имею обыкновение читать все, что выходит из стен этой лаборатории, даже заказы на обед. У меня еще все не уложилось до конца, но я понимаю, почему и как человек с привычками Цинг-Ана мог столь остро отреагировать на неправильное истолкование факта. Тем более, что его нарост проявил ту же самую антропоморфную мимикрию, какую проявляет и этот новый.

— Именно так думаем и мы, сэр. Вот он здесь.

Двое исследователей в белых халатах провели их к большому рабочему столу, расположенному в дальнем конце комнаты.

Под яркими люминесцентными лампами, расположенными наверху, обманчиво тускло сияла свежая краска. Нарост аккуратнейшим образом был разрезан точно посередине, половинки были отделены друг от друга. Одна была прислонена к стене позади стола, а другая зажата в тиски. На столе блестела россыпь металлических и пластиковых инструментов, похожая на полчище серебристых пауков, сползающихся на рассеченные половинки древесного нароста. Маленькие кусочки внутренности нароста были иссечены и помещены в контейнеры самых разнообразных размеров. От всего этого создавалось впечатление беспорядочной, но в то же время кропотливой научной деятельности, которую внезапно прервали.

На срезе хорошо был виден внешний слой черной коры, за которым шел первый слой древесины, похожей на красное дерево. Чем глубже, тем он становился светлее, наконец принимал оттенок, похожий на светлое розовое дерево, но где-то после полуметра древесина превращалась в нечто не похожее ни на что когда-либо произраставшее на земле. Узорчатые черные линии сплетались, удерживая жуткого вида красновато-желтую массу. Там, где черные нити переплетались, образовывались неправильной формы серые узлы. А в самом центре нароста помещалось несколько яйцевидных вкраплений пунцово-коричневого цвета, как семена недоспелого яблока. Именно здесь плотнее всего сплеталась иссиня-черная паутина. Но самыми загадочными были многочисленные вкрапления полос и пятен какого-то белого вещества, расположенные в кажущемся беспорядке по всей внутренности нароста. Некоторые из них казались твердыми и гладкими, другие, казалось, вот-вот рассыпятся в пыль.

Борн прекрасно знал, что это за нарост, хотя впервые видел его загадочную внутренность, как и Лостинг.

— Так вы отсюда добываете ваш эликсир жизни? — спросил Борн.

— Именно так, — ответил Хансен. — Видели вы где-нибудь у себя в лесу такие наросты?

— Видели.

Читагонг и Цембес тут же, оба разом набросились на охотников с расспросами.

— Где? Сколько? А как они растут: по одному на дереве или по-многу? А какого они были размера, когда вы их

видели? А какого цвета? А вы уверены, что они были той же самой формы? А структура коры была такая же или другая?

— Спокойно, спокойно. Я совершенно уверен, что наши друзья могут отыскать в лесу такие деревья, стоит им только захотеть. Ведь правда, Борн, — прервал Хансен химиков.

— Мы знаем, где растут такие деревья. На одних нет наростов, на других их много. — Двое ученых тут же яростно зашептались между собой. — Сколько вы хотите таких наростов? — спросил Борн.

Тут уже настал черед Хансена запрыгать от возбуждения.

— Сколько хотим? Столько, сколько сможем найти. Из одного можно добыть довольно много препарата. Но ведь в Содружестве столько стареющих людей... Я думаю, что едва ли есть столько наростов, чтобы удовлетворить потребности хотя бы малой доли желающих. Все, что вы способны найти для нас, мы все используем. А взамен... Взамен вы получите от нас все, что захотите, Борн.

— Мы не будем делать этого, — внезапно громко закричал Лостинг, схватившись за топор, висевший у него на бедре. Он отступил на несколько шагов. — Борн сошел с ума, пусть он делает, что хочет, а я не буду.

— И я не буду, Лостинг, — зло ответил Борн. — Это правда, я подвержен заговору и схожу с ума, особенно если рядом люди, которые не любят думать.

— Что он хотел этим сказать, Борн? — спросил Хансен. Теперь его тон был далек от отеческого. — Вы должны понять мое положение.

Борн резко обернулся и в последний раз попытался заставить вождя великанов понять их.

— Вы должны понять, что мы живем с этим миром. Не в нем, не на нем, но с ним. — Борн отчаянно искал слова, способные выразить трудные понятия. — Мы ничего не берем у этого мира, только то, что он дает нам даром, даем нам с радостью. Мы берем от него только там, где можно и когда это можно. Нельзя жить с миром и брать от него в любое время и в любом месте, где это удобно лично вам. Иначе со временем мир умрет, и мы вместе с ним. Вы должны понять это. Вы должны уйти. Мы не смогли бы помочь вам, если бы даже и захотели, ни за какое ваше световое оружие, ни за какие другие чудеса. Этот мир вам не подходит. Вы его не эмфолите, и он не эмфолит вас.

Хансен глубоко вздохнул.

— Мне очень жаль, Борн. Очень жаль. Потому что, понимаете ли, это не ваш мир. Вы с другой планеты, но здесь произошла ваша эволюция. Как бы вы не лелеяли ваши предрассудки относительно эмфола и всего прочего, вся ваша здешняя родословная простирается вглубь на, самое большее, несколько сотен лет. У вас здесь не больше прав, чем у нас. Нет, у вас здесь даже меньше прав, чем у нас, потому что со временем мы оформим должным образом документы на владение этим миром и на использование всего, что здесь есть. Но если вы не будете вмешиваться в нашу деятельность здесь, то мы не будем трогать вас и ваш народ. Нам бы хотелось, чтобы взаимоотношения между нами были как можно более дружескими. Но если это невозможно, — он пожал плечами, — что ж, мы готовы сделать все необходимое, чтобы обеспечить себе должные условия для работы. Но мне все-таки хочется верить, что мы с вами найдем общий язык.

— Вы больше не найдете ни одного из этих наростов. Без нашей помощи. Это точно, — ответил Борн на эту пространную речь.

— Нет, ну что вы. Это займет больше времени, будет стоить дороже, но мы их найдем, Борн. Они стоят затрат, понимаете ли. Более того, я все-таки не до конца убежден, что утеряна перспектива нашего с вами сотрудничества, придется испробовать некоторые другие доводы. — Хансен покачал головой. Еще бумажная работа. Еще задержки. Наверху будут недовольны. — Он обернулся к двери и крикнул охранников. — Сантос, Ники.

Двое охранников тут же вошли с пистолетами наготове.

— У нас должны быть пустые помещения из вновь отстроенных, как раз в том крыле, которое у нас до сих пор не занято. Проследите, чтобы два наших новых помощника получше там устроились. Они проделали очень долгий путь, и им нужен хороший отдых. Им нужно хорошо поесть. Придумайте для них какую-нибудь хорошую программу.

Лостинг выхватил нож.

— Устал я от этого места и от этих великанов. Я здесь больше не останусь. — Он бросил взгляд на Хансена. — А с тобой я больше говорить не буду.

Как только нож был выхвачен, Борн увидел, как один из

охранников направил на Большого Охотника ручное оружие с прозрачным кончиком.

— Стой, Лостинг. Не надо. Мы должны послушаться того, что нам говорит вождь Хансен. Нам на самом деле нужно все хорошенько обдумать.

— Сумасшедший. Предатель.

— Не время играть мускулами, Лостинг, — резко сказал Борн. — Очень трудно принимать решения, если ты мертв. Вспомни-ка небесного демона и красный луч.

Лостинг глянул на двух мужчин, закрывших выход, потом на Борна, выражение его лица переменилось, глаза опустились.

— Да, Борн, ты прав, нам следует все обдумать, — он медленно убрал нож обратно в ножны из листьев кожаного дерева.

Хансен выдавил одобрительную улыбку.

— Я уверен, что после того, как у вас будет некоторое время на размышления, вам в гораздо более ясном свете представится все, что вы увидели и услышали. Кроме того, вы оба очень устали и так возбуждены. Борн, Лостинг, вы побывали в очень странном месте. Конечно, вы не привыкли к тому, что увидели на этой станции. И за последние полчаса вам довелось узнать больше, чем представители вашего народа увидели за сотню лет. Я в этом уверен. Не удивительно, что вы столь эмоционально отреагировали вместо того, чтобы повести себя разумно. Расслабьтесь, наешьтесь досыта, — он жестко посмотрел на Борна. — А после этого мы снова обо всем этом поговорим.

Борн кивнул и улыбнулся в ответ.

«Как хорошо, что вождь Хансен не видит насквозь его мысли, подобно тому, как машины видят насквозь Верхний Ад».

Двое вооруженных великанов повели их в просторную удобную комнату — удобную по меркам великанов. Что касается охотников, то для них помещения и мебель, находящаяся в них, показались жесткими, угловатыми и гнетущими. Борн ощупал постель, стул, длинный узкий стол и в конце концов предпочел усесться на полу, скрестив ноги. Лостинг оторвал взгляд от щели под дверью, на которую он пристально смотрел, и обратился к Борну.

— Они все еще стоят там. Зачем ты меня остановил? Крас-

ный луч, не красный луч. Все-таки я по-моему легко мог убить их обоих и перерезать глотку толстому.

— Ты и двух шагов не успел бы сделать, — мягко возразил Борн. — Может быть, ты даже и убил бы одного...

— Я помню про небесного демона, помню, — раздраженно отпарировал Лостинг. — Именно это вынудило меня поступить вопреки моим чувствам, хотя по-моему, так или иначе, на роду у меня написано отправиться вслед за тем небесным демоном. Единственное, что я точно знаю — я скорее умру, чем буду помогать этим чудовищам.

— Я тоже, — с горечью сознался Борн. — Великанша Логан была права. Она действительно не могла нам всего объяснить. Чтобы понять, нужно было увидеть. Теперь я кое-что знаю, но не до конца. Дело в том, что меня охватила здесь сильная печаль. В них чего-то не хватает, Лостинг, они не завершены. И какая жалость, что они не осознают собственной ущербности. Но по своему незнанию они могут принести нам огромную беду. Вероятно, нам следует крепко подумать над этим. Ведь мы не можем сражаться с красным лучом великанов. Скоро вождь Хансен снова захочет с нами поговорить. И в этот раз, может быть, уже не так вежливо. У великанов очень странные способы убийства. И вождь Хансен намекнул, что у них есть столь же странные способы уговаривать. Если они не уговорят нас, а это им не удастся, то я не верю, что они отпустят нас обратно домой.

— Я сдерживался исключительно из уважения к тебе, — проворчал Лостинг. — Потому что ты так часто оказывался прав в подобных делах. Так что же ты медлишь сейчас?

— Дай мне время, Лостинг. Дай мне немного времени. Действовать в этот раз надо осторожно и правильно.

Лостинг что-то неразборчиво пробормотал и уселся, прислонившись спиной к двери. Достав свой охотничий нож, он принялся сосредоточенно точить его о металлический пол.

— Ладно, ладно, думай, размышляй, враг мой, но если ты ничего не придумаешь к тому времени, как они снова придут за нами, я убью Хансена, вождя. Потом пусть зажарят меня на своем красном луче.

Борн задумчиво покачал головой.

— Неужели ты ничего не видишь, Лостинг? Неужели твой первый гнев застил тебе глаза? Убийство Хансена-вождя не поможет. Тогда Сэнд и Джойла вернутся в мир, мы изберем

новую пару, а великаны просто изберут нового Хансена-вождя. — Слова теперь текли легко и свободно. — Нет, мы каким-то образом должны убить их всех и разрушить это место.

Гнев Лостинга перешел в недоумение.

— Убить их всех? Да мы даже одного из них не можем убить ради того, чтобы спастись самим. Как мы можем убить их всех?

— Убей машины великанов, и великаны умрут сами. Но сначала мы должны выбраться отсюда.

— С этим я не спорю, — хмыкнул Лостинг. — Но дверь заперта, а это, — он ткнул металлический пол ножом, и тот со звоном отскочил, — это гораздо прочнее, чем даже железное дерево.

— Ты все мыслишь своими мыслишками, охотник, — Борн скрестил ноги и принялся оценивать пол. — Дай миру время, и мир сам даст ответ.

— Сумасшедший, — шепнул Лостинг.

Стояла ночь. На станции было тихо. Ее обитатели спали, пережидая долгую, сырую ночь. Единственными движениями были движения сотрудников охраны, которые сидели за пультами сканирования и экранами систем наблюдения, охватывающими лес. За пределами станции восемь человек из отдела Соломона Карбока управляли поворотными пушками. За отсутствием сигналов тревоги, эти отдельные представители вооруженных сил корпорации придумывали себе несмертельные развлечения, чтобы убить время. В одной из будок личный состав развлекался партией в криббедж. Играли они на доске, вырезанной умельцами с Хивихома из бериллового дерева. Парочка в башенке, расположенной по соседству, с головой ушла в разбор описаний увеселений, которые поджидают отдыхающих в одном из океанских миров, расположенных в десятках парсеков отсюда. В третьей башне двое артиллеристов противоположного пола активно предавались уклонению от служебного долга.

Службу свою они все считали полувоенной, поскольку станция на военном положении не находилась, хотя их начальник, Карбок, придерживался противоположной точки зрения. Однако никакого карательного эскадрона миротворческих сил не предвиделось. Ничто не предвещало появления

в небе над головой армады конкурентов, а через расчищенное от макушек деревьев пространство леса ничто не смогло бы приблизиться, не включив одновременно с полсотни сирен. А посему восемь наводчиков пребывали в состоянии расслабленной полуготовности и развлекались, кто как мог в тишине и уединении ночного дежурства, совершенно уверенные в собственной безопасности под защитой ангелов хранителей, начиненных медными и серебряными проводами.

А внутри станции двое язычников планировали заговор с целью лишить этих артиллерийских богов положенного им напряжения. Специальная электроника заглушала в обитателях станции тоску по дому. И когда, наконец, уснул последний из праздношатающихся, станция погрузилась в полную тишину. Ничьи шаги не раздавались в коридорах, слышно было только, как то здесь, то там замыкалось или размыкалось реле, приглушенно гудели неутомимые механизмы, да тихонько шептались необходимые для жизни кондиционеры. В остальном стояла полная тишина.

И поэтому некому было удивиться внезапно появившейся в полу посередине коридора маленькой дырочке. А даже, если бы кто-нибудь и проходил мимо, то скорее всего вовсе не обратил бы внимание на то, что на станцию вдруг начали проникать отзвуки грома. Потом металлический лист пола был отогнут с легкостью фольги, и проем заметно расширился. С близкого расстояния можно было бы заметить под полом дыру в метровом слое феррокрита.

Из проема показались две мощные лапы и принялись расширять его, пока он стал настолько большим, что в него могли бы пролезть даже несколько человек. Следом появилась квадратная крупная голова с задранными вверх клыками, поблескивающими в тусклом ночном освещении. Подобно фонарям, осматривая пустой коридор, сияли три глаза. Потом голова исчезла и из проема донеслись гнусавые звуки, похожие на разговор. Потом раздался короткий рык, и разговор оборвался. Из дыры в коридор, как паста из тюбика, скользнули две крупные, покрытые густым мехом фигуры.

Джелливан еще раз оглядел незнакомую обстановку и слегка поежился от прохлады, разлитой в воздухе. Руума-Хум же был слишком занят другими делами, чтобы обращать внимание на холод.

— Великанов не слышно, великанов не видно, — пробор-

мотал Джелливан на гортанном, скрежещущем языке фуркотов.

— Но их тут много за этими стенами, — осторожно ответил Руума-Хум. Он еще раз потянул носом воздух, чтобы окончательно и безошибочно убедиться в том, что здесь присутствует этот едва уловимый, но нужный запах, затем сказал: —Сюда.

Вжимаясь в металлические стены, прячась в тень, фуркоты бесшумно проследовали по коридору, а потом свернули за угол в другой коридор. Еще один поворот, и тут они отпрянули при виде сидящего у последней двери великана. Великан, однако, не шелохнулся.

— Он спит, — уверенно прошептал Джелливан.

— А запах именно оттуда и идет, — согласился Руума-Хум.

И выйдя из-за угла, они направились к двери. Под ней Руума-Хум обнаружил щель и прильнул к ней тремя ноздрями, вдыхая запах того, кто за ней.

А за дверью все так же неподвижно сидел на полу Борн. Услышав снаружи тихое посапывание, он резко открыл глаза. В дальнем конце комнаты спал вытянувшись на полу Лостинг, но едва Борн пошевелился, как он проснулся.

— Что такое? — спросил Лостинг спросонья.

— Тихо.

Борн на четвереньках подполз к двери. Прильнув лицом к полу, он потянул носом, после чего тихо шепнул:

— Руума-Хум?

С той стороны послышался утвердительный хрюк.

— Открой дверь, как можно тише, — прошептал Борн. — Там охранник.

Фуркот зарычал.

Тихий их разговор в конце концов разбудил стражника. Тот хоть и спал, но службу нес исправно. Проснулся он моментально, предполагая, что узники станции решились на побег. К чему он не был готов, так это к виду ухмыляющегося Джелливана, приоткрытая клыкастая челюсть которого демонстрировала ряд блестящих зубов, дыша ему прямо в лицо. Стражник упал в обморок.

— Умер? — поинтересовался Руума-Хум.

Джелливан хмыкнул в ответ.

— Спит как мертвый, — и оба фуркота принялись расс-

матривать дверь. — Как же она открывается? Это совсем не такая дверь, как у нас дома.

Из-за запертой двери послышался голос Борна.

— Руума-Хум, там рядом с тобой есть ручка, такая примерно, как на охотничьей трубке, ее нужно опустить, а потом потянуть на себя. Изнутри мы этого сделать не можем.

Большой фуркот тщательно исследовал выступ. Схватив ручку зубами, он повернул ее согласно инструкциям Борна. Тот, однако, забыл сказать, что ручку надо поворачивать до упора, но не дальше. В темноте раздался громкий металлический звук.

— Она оторвалась, Борн, — сообщил Руума-Хум, выплевывая изо рта металл.

Лостинг встал и на пару шагов отступил в глубь комнаты.

— Все! С меня хватит. Пойдем, если хочешь. — И не давая Борну времени, чтобы опомниться, он приказал. — Ломай дверь, Джелливан, немедленно.

Джелливан встал на задние лапы, почти касаясь головой потолка коридора, и обрушился на дверь одновременно передними и средними лапами. Раздался стон, сопровождающийся скрежетом разрываемого металла — примерно такой звук, как от ручки, только на этот раз гораздо громче. Литая металлическая дверь согнулась посередине и рухнула в комнату, повиснув на искореженной нижней петле.

Борн и Лостинг перепрыгнули через барьер и последовали за фуркотами по системе пересекающихся, изогнутых коридоров, которую никто из них не помнил. Отовсюду стали доноситься отдаленные ругательства и выкрики, словно они попали в гнездо чуллакии.

Тут же в дальнем конце коридора, подобно дурному сну, возник человек. Он бросился к ним, по пути хватаясь за пояс. И несмотря на то, что челюсть у него отвисла от удивления, он начал вытаскивать что-то небольшое и блестящее. Руума-Хум походя двинул его лапой. Этот ловкий удар сбил человека с ног, и он осел вдоль стены. Когда они сворачивали в следующий коридор, он все еще корчился на полу.

Фуркот угрожающе прорычал:

— В этом месте просто не обойтись без убийства.

Он хотел было вернуться и прикончить стражника, но Борн запретил ему, и они побежали дальше.

— Только не сейчас, Руума-Хум. Эти твари убивают, не задумываясь. Не стоит и нам перенимать у них это.

Руума-Хум еле слышно выругался, но ослушаться не посмел.

Вскоре они достигли широкого коридора, опоясывающего станцию. Борн и Лостинг уже держали топоры наготове, но никакой нужды в них не было. Станция по-прежнему в основном спала, и здесь еще никто не знал, что это за отдаленный шум.

Еще через минуту они были у дыры, которую Руума-Хум и Джелливан проделали в полу станции. Первым в нее нырнул Руума-Хум, Борн прыгнул следом ногами вперед, за ним Лостинг, замыкал шествие Джелливан.

Подобно рою встревоженных пчел вокруг станции замигали беспорядочные огни, зазвучали сирены. Во внешних башнях ленивые реплики сменились отчаянными прокля-тиями, а операторы пушек бросились к орудиям уничтожения. Бдительные, привычные глаза, человеческие и электронные, принялись обшаривать пространство вокруг станции, досконально обследовать неизменную стену леса. Но во всем этом насквозь просвеченном участке не было обнаружено ничего угрожающего, не появилось ничего неожиданного.

И тут что-то возникло на экранах мониторов, заполнив собой приличных размеров кусок в области обстрела северной башни. Женщина-стрелок тут же включила электронный сенсорный прицел и дала залп. Этим залпом был успешно уничтожен рой насекомых, вылетевших из леса на манящие огни станции. Обитатели станции не находили себе места, пока центральные детекторы не сообщили, что именно было уничтожено.

Хансен, все еще с сонно моргающими глазами, путаясь в полах халата и приглаживая волосы, шел в сопровождении охранника к дыре в полу.

— Сантиметр дюраля, а под ним метровой толщины фундамент из армированного бетона, — удивленно сказал кто-то из немногочисленных собравшихся.

При виде Хансена все расступились. Увидев размеры лаза, он с трудом согнал с лица выражение полного недоверия.

— Я не думал, что у них есть такие совершенные орудия.

— А у них и нет.

Все повернулись, чтобы посмотреть, кто это ответил. Это

была Логан. Она присоединилась к собравшимся, и теперь, придерживая волосы, чтобы они не лезли в лицо, исследовала внутренность провала. Выражение лица у нее было сосредоточенное.

— Судя по всему, это сделали фуркоты, — заключила она.

— Все ясно, — произнес Хансен. — А что такое фуркот, Логан?

— Это подручные животные, с которыми живет народ Борна. Шестилапые всеядные. По крайней мере, мы решили, что они всеядные. — Логан снова посмотрела в дыру. — Когда наступила ночь, а их старшие товарищи не вернулись и не послали за ними, они, видимо, решили разузнать все сами.

— Интересно, — только и выдавил из себя шеф станции.

Подоспевали все новые люди и сообщения. Толпа разрасталась. Через некоторое время принесли оборудование и назначенный шефом «доброволец» спустился в лаз. Чтобы подтвердить требуемую Хансеном информацию, ему долго ходить не пришлось. Напряженно слушая и кивая, Хансен внимал докладу исследователя. После того, как он закончил, Хансен похлопал человека по спине и вернулся на край дыры. Теперь вокруг нее толпились лишь главы отделов — люди типа Карбока и Бланшфорда.

— Ну, и кто-нибудь из вас имеет представление о том, куда ведет эта дыра? — потребовал Хансен. Повисла напряженная тишина. Горе тому работнику, который, высунувшись, даст неправильный ответ. — Так что, никто из вас не знает, где мы стоим? — Все озадаченно переглянулись. — Дыра уходит сквозь фундамент прямиком в один из трех стволов, на которых установлена наша станция. Судя по всему, это дерево не цельковое, — продолжил Хансен, выражения его лица и все нарастающего гнева хватило, чтобы его подчиненные сжались от страха. — Так вот, похоже на то, что есть какое-то местное животное, которое роет ходы в таких деревьях. И этим самым фуркотам достаточно было обнаружить один такой ход, ниже уровня, на котором мы расчистили лес, и прямиком по этому ходу они прошли прямо под дно нашей станции и сделали подкоп. Прямо у нас под ногами, леди и джентльмены. — Голос его немного упал. — И плевать они хотели на наши мониторы и наши пушки, плевать они хотели на защитные экраны высокого напряжения, которыми окружены эти стволы. Это мне

понятно. Но вот, что меня озадачивает: как они узнали, что на все это им можно плевать?

Тут к собравшимся присоединился Кохома.

— Это не совсем животные, сэр. Они умеют немного говорить, достаточно для того, чтобы поддержать разговор. Я сам с ними разговаривал. Правда, они говорить не очень любят, насколько я понима...

— Заткнись, идиот, — сказал начальник станции очень тихо, и это было хуже, чем если бы он крикнул. И после этого он прошипел: — А еще хотят, чтобы я вел нашу подпольную деятельность в этом враждебном мире. Да еще с таким экипажем, как вот эти.

— Извините, шеф, — тихо произнес глава инженерного отдела. — Не угодно ли вам, чтобы я привел людей заделать эту штуковину, — и он указал на лаз.

— Нет, я не хочу, чтобы вы приводили людей, чтобы они заделывали эту штуковину, — яростно передразнил Хансен инженера, который уже сам был не рад, что лебезил перед начальником.

— Карбок! Где Карбок?

— Да, сэр. — От толпы отделился начальник службы безопасности станции.

— Оставьте этот проем как есть. Установите прямо над ним пушку и приставьте к ней расчет из четырех человек. Через каждые четыре часа расчет менять. — Он задумчиво вытер руки о коричневый халат. — Может быть, им хватит наглости и вернуться тем же самым путем. Тогда никаких разговоров с ними, после того, как мы потеряли одного человека. Ничего, мы еще отыщем этот их Дом. Там мы их живьем зажарим.

— Сэр, — нерешительно обратился Карбок, — наблюдатели на башнях немного растеряны. Они не знают, какую цель им высматривать. — Пару смуглых коротышек в сопровождении... — Карбок оглянулся через плечо в направлении Логан и прищелкнул пальцами. — Как эти штуковины выглядят?

— Шестилапые, — объяснила она Карбоку, — темно-зеленый мех, три глаза, длинные уши, из нижней челюсти растут короткие толстые клыки. В несколько раз крупнее человека.

— Достаточно, — сказал Карбок.

Кивнув Хансену, он по-военному сделал поворот кругом и

строевым шагом направился отдавать распоряжения своим людям.

— А скажите-ка мне, — принялся допытываться Хансен у Логан, — у вас не складывалось впечатления, что этот ваш друг, Борн, не одобряет цель нашего присутствия на этой планете?

— Да мы просто не вдавались в подробности нашей деятельности здесь, шеф, — ответила Логан. — Кроме того, зачастую его вопросы и ответы можно было истолковать неоднозначно. Но поскольку все это время он был занят тем, что спасал нашу жизнь, мне казалось не очень уместным вступать с ним в спор о смысле нашей деятельности. Я считала нашей основной задачей вернуться сюда целыми и невредимыми.

— И тем не менее, несмотря на то, что вы не знали, как он отреагирует, вы позволили ему оставить этих двух полуразумных животных на свободе, чтобы они устроили спасательную экспедицию, — резко проговорил Хансен.

Тут уж не сдержалась Логан.

— А что я должна была сделать? Притащить их на себе? Мне в то время казалось, что лучше оставаться с Борном и Лостингом в дружеских отношениях. Фуркоты прекрасно видели, что может сделать лазерная пушка, а ни один из умников Карбока почему-то не выявил этих проходов в опорных стволах. Откуда я могла знать, что...

— Но вы могли настоять, чтобы он, как хозяин, взял животных с собой.

— Вы так и не поняли. — Логан старалась объяснить как можно доходчивей. — Он фуркотам не хозяин. Это совершенно самостоятельные полуразумные существа с довольно-таки развитым интеллектуальным уровнем. А с людьми они просто сотрудничают, сосуществуют, потому что им так хочется. А не потому что их приручили. Если им, например, хочется остаться у себя в лесу, то ни Борн, ни кто другой не затащит их сюда никакими уловками. — Тут Логан многозначительно посмотрела на дыру в полу и на искореженный вокруг нее металл. — Или вы полагаете, что с ними можно спорить?

— Вы обладаете даром убеждения, Тими. Да, я сам виноват, я слишком многого от всех ожидаю. И хуже всего, что эти ожидания чаще всего оправдываются. — Хансен задумчиво посмотрел в темную глубину тоннеля. — И все-таки мне

хотелось бы найти какой-нибудь способ избежать конфронтации. Только не подумайте, что мне жалко будет убить несколько аборигенов. Мы так и так преступили закон, обосновавшись здесь.

— Это не аборигены, сэр, — напомнила ему Логан. — Это потомки выживших...

Хансен склонил голову набок и гневно глянул на нее, после чего сказал жестким голосом.

— Тими, там в двенадцатом радиусе, я видел, лежит младший инженер службы обеспечения по имени Хаури с изуродованным лицом и сломанной спиной. Сейчас он уже мертв. И что касается меня, то теперь Борн и Лостинг, равно как и все их собратья, которые испытывают по поводу нашего пребывания здесь одинаковые с ними чувства, являются туземцами, к тому же настроенными к нам враждебно. А у меня есть долг перед людьми, которые вверены мне. И я предприму все шаги, необходимые для того, чтобы защитить их. Кстати, вы случайно не смогли бы найти дорогу к их посёлку, Дому, как они его называют?

Логан задумалась.

— Принимая во внимание все те повороты и крюки, спуски и подъемы, которые мы предприняли на пути, я в этом сильно сомневаюсь. Без помощи Борна не удастся найти. Наш скаммер давно уже укрыт свежей растительностью. Но даже если мы обнаружим его, не знаю, сможем ли найти оттуда дорогу к их Дому. Вы же понятия не имеете, сэр, — взмолилась она, — каково это — передвигаться пешком по их миру. Там ведь верх от низа не отличишь, не говоря уже о горизонтальных направлениях. А здешние хищники, системы защиты, развившиеся у флоры...

— Можете всего этого мне не рассказывать, — Хансен сунул руки в карманы халата. — Я участвовал в расчистке места для этой станции. Ну что ж, в таком случае придется нам все-таки попытаться взять одного из них живьем, если они вздумают вернуться.

— Прошу прощения, сэр, — сказал Кохома. На лице его застыло изумленное выражение. — Вернуться?! Да по-моему Борн только и думает о том, как бы скорее добежать до своего Дома и организовать сопротивление нам и предупредить своих сородичей.

Хансен грустно покачал головой и снисходительно улыбнулся.

— Вряд ли вам когда-нибудь удастся подняться по службе выше разведчика, Кохома.

— Сэр, — вмешалась Логан, — по-моему вы не совсем справедливы по отношению...

— То же самое касается и вас, Логан. Это касается вас обоих. — Голос Хансена угрожающе притих и из него полностью исчезло напускное отеческое выражение. — Вы оба виноваты. Виноваты в том, что недооценили своих подопечных. Может быть, тут сыграло роль то, что из-за их маленького роста вы почувствовали свое превосходство над ними. А может быть, все дело в том, что вы почувствовали себя представителями цивилизации более развитой технологически. Впрочем, причина не имеет значения. Вы, наверное, до сих пор думаете, что это вам удалось уговорить Борна пуститься в такой путь. Вы, наверное, считаете, что вам удалось оставить его в полном неведении, относительно истинного предназначения станции. А вместо этого посмотрите-ка что случилось! С какой стати, по-вашему, Борн больше всего заинтересовался современным оружием? Чтобы отбиваться от здешних хищников? Клянусь своей жизнью — нет! Исключительно ради того, чтобы со временем говорить с нами на равных! Теперь же, — продолжил он, — ему известно устройство и расположение защитных систем нашей станции, ее план, он имеет грубое представление о нашей численности, видел насколько мы, на самом деле, изолированы от помощи извне. А кроме того, он разгадал наши намерения и решил, что они противоречат его. Нет, не думаю я, что такой человек бросится за помощью. Он по меньшей мере еще раз попробует огрызнуться сам.

Кохома выглядел побитым.

— Все это не имело бы ни малейшего значения, — продолжил Хансен, — если бы он по-прежнему сидел взаперти у себя в комнате, под стражей. Мне просто больно убивать такого полезного человека, как этот Борн. Тут вся беда в духовной связи, которую они, похоже, чувствуют по отношению к каждому цветку, каждой травинке. Ведь они ставят благополучие растений чуть ли не выше собственного, как раз этого вам и не удалось уловить. Да ведь для этого вашего Борна та деятельность, которой мы здесь собираемся заниматься, является поводом для объявления нам едва ли не священной войны.

Да клянусь своей пенсией, он сейчас сидит где-нибудь там, в лесу, на каком-нибудь обожествляемом кусте и обдумывает планы, как попроще и побыстрее справить богохульников в ад. А теперь расскажите-ка мне поподробнее об этих их фуркотах, — и Хансен ткнул носком покореженный металл вокруг отверстия. — Один труп и этот пролом на станции являются для меня достаточным доказательством их физической силы. А насколько они неуязвимы?

— Ну, они тоже состоят из мяса и костей. Насчет костей, правда, не знаю, — поправился Кохома. — Но они так же смертны, как и мы. Мы сами видели, как несколько из них погибли при нападении разбойничьего племени местных убийц по имени акади. Самое опасное, когда они начинают швыряться орехами.

Хансен очень странно посмотрел на Кохому, но решил продолжить расспросы.

— А какое у них есть оружие?

— Ну, у них есть такие трубки, они их называют снаффлерами, что-то вроде больших пневматических ружей. Они стреляют отравленными шипами, а в остальном мы видели только самые примитивные приспособления. Ножи, копья, топоры, ну и тому подобное. Тут волноваться не о чем.

— А вот вы лучше вспомните, Жан, когда вам таким примитивным приспособлением перережут глотку. Дубинкой можно с таким же успехом убить, как и самым современным снарядом. Еще что?

Логан неуверенно улыбнулась.

— Разве только им удастся натравить на нас силверслита.

— Кого, кого?

— Это гигантский здешний зверь, живущий на деревьях. Метров пятьдесят в длину, ползает на нескольких сотнях ног, а рожа у него такая, что прятаться от нее побежишь в ад. Если верить Борну, то он бессмертен, убить его нельзя.

— Ну спасибо, порадовали, — едко ответил Хансен. — Вдохновляет, дальше некуда. — Он собрался уходить, потом еще раз повернулся к ним. — Правда имеется возможность, что вообще ничего не произойдет. Так что будем продолжать функционировать в обычном режиме, только с повышенными мерами предосторожности. Я не могу позволить себе сидеть и ждать, пока наш любитель родной природы заявит о своих намерениях. Завтра утром вы оба, как обычно, доложите о своей

готовности. Примете новый скаммер и получите новое задание.

— Есть, сэр, — упавшим голосом ответили Логан и Кохома.

Хансен глубоко вздохнул.

— А мне, вот, теперь придется еще один доклад писать. Еще более неприятный, чем всегда. Убирайтесь с глаз долой, оба.

Кохома хотел что-то сказать, но Логан предостерегающе взяла его за руку и поволокла прочь.

Хансен продолжал отдавать распоряжения. Один за другим люди разошлись. Каждому было поручено выполнение собственного задания. И начальник станции остался один. Он стоял и смотрел вниз в дыру. Очень долго, до тех самых пор, пока не прибыл расчет с пушкой. Когда они принялись устанавливать мощное, изящное оружие на треногу, Хансен развернулся и прошествовал в сторону своего офиса, пытаясь по дороге хотя бы приблизительно представить себе, в каких словах объяснить безымянному начальству, каким образом на территорию станции ворвались два аборигена и пара больших шестилапых котов. Директор будет недоволен. Да, совершенно определенно ясно: недоволен.

13

Под большим резным листом панпану, служившим им убежищем от непрекращающегося лесного дождя, сидели человек и фуркот. Сидели они на тантанакле и держали военный совет. Хансен был совершенно прав: для Борна и Лостинга, Джелливана и Руума-Хума действия великанов были поводом для объявления войны.

— Мы можем укрыться в деревьях ниже уровня, где они убивают. — Голос фуркота очень резко выделялся на фоне постоянного шума дождя. — И перехватывать их, когда они выйдут.

— Это в их-то небесных лодках под названием скаммеры? — возразил Борн. — Не иначе, как нашими снаффлерами.

— Соберем братьев, — устрашающе прорычал Руума-Хум.

Борн печально покачал головой.

— У них зоркий глаз и очень дальнобойное оружие, Руума-Хум. Надо придумать что-то еще.

Воцарилась тишина, нарушаемая только плеском воды и тихими шорохами где-то внизу. Наконец полуприкрытые глаза Борна широко открылись и он обратился к лесу.

— Корни, корни. — Остальные в надежде уставились на него. А он снова замер. — У меня есть идея, с чего начать, — наконец возвестил он, не глядя ни на кого. — Она скребется у меня в мозгу подобно випу, поджидающему добычу у выхода из норы. Корни, тут вся суть в корнях. — Борн встал в полный рост, потянулся. — Где кроется сила великанов, откуда берутся чудеса, приписываемые им?

— Ну конечно же, из Ада, — пробормотал Лостинг.

— Но из какого Ада, охотник? Наш мир черпает силы из Нижнего Ада, а эти великаны, судя по тому, что они рассказывают, черпают силы из Верхнего Ада. Корни их заключены в небе, а не в земле. И в мир наш они вторглись сверху, выкопав в нем яму, а мы вторглись к ним снизу.

— А как это можно подкопаться, — вслух удивился Лостинг.

Вместо ответа Борн подошел к краю укрывающего их листа панпану и долго смотрел на теплый дождь.

— Нам нужен грозоход.

Он обернулся и вопросительно посмотрел на Руума-Хума.

— Через сколько дней следующий большой дождь?

Фуркот поднялся и встал рядом со своим человеком. Тупая морда высунулась в ночь, по ней сразу заструилась вода. Он глубоко потянул носом, вдохнул могучим ртом.

— Через три дня, Борн, может, через четыре.

Грозоходы попадались не очень редко, но и не часто, и росли на большом удалении друг от друга. Но спустившись на Третий Уровень, охотники обнаружили серебристо-черный ствол одного из них, вздымавшийся в лесу по ту сторону от станции. Это было не слишком близко от открытого пространства. Его длинные, похожие на цепи листья, свисали аж до Шестого Уровня, так что их вполне хватит, чтобы дотянуть до самого верха. Существовал только один способ обращения с листьями грозохода — руки, ноги, лапы надо было обмазать

густым слоем лайонта, и тогда можно было не подвергая себя опасности вытянуть свисающие на сотни метров, сплетенные листья и свернуть их в мотки. После того, как они это проделали, Лостинг спросил, вытирая руки от липкой густой смолы:

— И все-таки я не понимаю, зачем это?

— А ты помнишь сеть, сплетенную великанами из какой-то лозы, через которую мы проходили. когда они провели нас в свою станцию-дом? Помнишь, как Сал-великан объяснил нам, чем она питается. Она ест молнию. А я как-то видел, как круто настолько обожрался плодами нисшанды, что лопнул. И внутренности его оказались размазаны по всей ветке, на которой он сидел. Не знаю уж, кто из нас больше удивился, круто или я, но зрелища этого я не забуду, пока дышу. Вот нечто подобное я и надеюсь сделать.

Лостинг, казалось, был разочарован.

— А не кажется ли тебе, что этим мы можем только укрепить корни великанов, сделать их еще сильнее?

Борн пожал плечами.

— В таком случае, испробуем что-нибудь еще.

Несмотря на все беспокойство и нетерпение Лостинга, грозу, которая разразилась на третью ночь, они переждали. Борн понял, что оказался прав, когда на четвертый вечер Руума-Хум, потянув носом воздух, прохрипел:

— Чую дождь и ветер, и много грома сегодня ночью.

— В таком случае нам надо пошевеливаться. Если гроза обрушится на нас, то нас не спасет даже смола лайонта.

Едва он произнес эти слова, как упали первые крупные капли дождя. Лес зашумел. Почти в полной темноте они направились к станции, держась чуть ниже расчищенной области, усеянной электронными датчиками, светоусилителями и смертоносными красными лучами. У них было три серебристых листа. По одному с превеликим трудом тащили фуркоты, а один вместе волокли Борн и Лостинг. Густо вымазанные лайонтовой смолой, они шли разматывая мотки, и оставляя за собой все удлиняющиеся черные полоски, пока не оказались около черной стены одного из стволов, поддерживающих станцию. Борн коснулся его, посмотрел. Дерево уже начало умирать из-за того, что лишено было листоносной кроны и из-за заражения сердцевины. Все четверо медленно стали подниматься, держась неподалеку от колоссального ствола.

Они уже слышали раскаты грома, а все еще далекие молнии

рассекали небо, делая его похожим на растрескавшуюся под жарким летним солнцем грязь. Борн уже насквозь промок. Руума-Хум был прав: сегодня ночью будет сильный дождь. Черная смола помогала им оставаться незамеченными, когда они выбрались на открытое пространство. Ветер и сюда доносил дождевые брызги, но все-таки под защитой брюха станции было относительно сухо. И это было как нельзя кстати, поскольку здесь не было подходящих лиан и вьюнов, по которым можно было бы подниматься. Им приходилось взбираться с тяжелыми листьями по вертикальному стволу.

И хотя служба безопасности бдила по-прежнему, но те, кто следил за мониторами и сканерами, хотя на этот раз не отлынивали от своей работы, не могли заметить крошечных пятнышек, двигающихся вверх по одному из стволов. Вся система защита станции была нацелена вверх, а не вниз. Еще одной ошибки Борн избежал, выбрав для подъема не то дерево, по которому Руума-Хум и Джелливан спасли его, а другое. Тот ствол по-прежнему привлекал пристальное внимание.

Борн подождал, пока все собрались непосредственно под металлической сетью, закрывавшей подъем. Теперь молнии разрезали ночное небо одна за другой. Нужно было торопиться. Прямо над ними сеть потрескивала и искрила при каждом атмосферном разряде.

Борн кивнул. Вдвоем с фуркотом они быстро накинули три серебристо-черных листа на разные участки сети. Когда лист коснулся металла, Борн затаил дыхание. Несколько искорок и все.

— Вниз! Прочь Быстро! — скомандовал он фуркотам.

А внутри укрепленного пункта в глаза третьему инженеру станции, находящемуся на дежурстве, бросилось какое-то необычное движение. Он нахмурился и подошел к приборам, стрелки которых неожиданно скакнули. В целом ничего страшного не было в зарегистрированных приборами колебаниях электрического тока, но с другой стороны таких колебаний вовсе быть не должно. Все было рассчитано так, чтобы даже самая сильная гроза не вызывала никаких повреждений. Он подумал было, не разбудить ли старшего инженера, но решил, что не стоит испытывать характер этого достойнейшего человека. Может быть, все дело в какой-нибудь мелкой неисправности самого записывающего оборудования. У трансформатора была тенденция шалить и иногда чуть повышать

напряжение. Списать происшедшее на нормальные колебания напряжения, вызванные работой солнечной батареи, было нельзя. Ведь стоит ночь. Регистрирующие микросхемы продолжали одна за одной проверять операционные. Инженер по-прежнему продолжал искать источник неполадок.

И тут страшной силы молния ударила настолько близко, что звук грома проник сквозь звукоизоляцию станции. Произошло одновременно несколько вещей. Мощнейший электрический разряд ударил в дерево, которое было расположено в лесу к югу-востоку от станции, но лес даже не шелохнулся, в нем ничего не вспыхнуло, не загорелось. Крона дерева, в которое ударила молния, не треснула, не обуглилась. Совсем наоборот. Голая макушка грозохода всосала молнию, как ребенок молоко через соломинку. Начиненное металлом дерево содрогнулось под ударом, но отнюдь не пострадало от колоссального электрического напряжения, распространившегося по его уникальной внутренней структуре. Небольшое защитное напряжение, которое дерево поддерживало в обычном состоянии, в одно мгновение возросло в тысячи миллионов раз. При обычных обстоятельствах весь этот заряд немедленно рассосался бы по всей округе немедленно уйдя в почву через сложную, разветвленную корневую систему грозохода, благодаря чему в ней образовалось бы большое количество оксидов натрия, обильно удобривших питательный слой земли.

Но в этот раз нечто другое притянуло на себя всю силу могучего атмосферного удара, направило ток по защитному экрану, образованному длинными, омертвевшими листьями дерева. Бедный, озадаченный инженер так никогда и не узнает, что его датчики и приборы все зарегистрировали правильно, так и не определит источника этих загадочных первых флуктуаций силы тока.

Борн не знал, чего он хотел. Он просто надеялся, о чем и поведал Лостингу, напитать защитные сети, охранявшие станцию так, чтобы они лопнули. Вместо этого все эти решетки взорвались, как фейерверк, в следующую же долю секунды вслед за оглушительным ударом молнии в грозоход.

В течение нескольких секунд решетки дымились и светились, как горящий магний, затем оплавились и превратились в обгоревший шлак. По всему затемненному пространству раздались отдаленные хлопки и взрывы. Внутри станции разом вспыхнуло множество ярчайших огней, кото-

рые были хорошо видны даже кучке ошеломленных наблюдателей, укрывшихся на краю стены леса. Это вспыхивали и взрывались модуляторы, не способные справиться с невероятной перегрузкой. Аккумуляторные батареи просто расплавились как лед, лишив станцию энергетического резерва. Под напряжением в тридцать миллионов вольт в генераторную сеть станции ворвался ток силой в сто тысяч ампер, расплавил или закоротил каждый кабель, каждый провод, каждую розетку, каждую лампочку, каждый прибор внутри. Но все перекрыл невероятной силы взрыв, прозвучавший на дальней стороне станции. Это главный трансформатор вместе с солнечной электростанцией целиком вылетели сквозь стену.

А следом сквозь ровный ритм безразличного ночного дождя послышались крики и стоны перепуганных, смятенных и обгоревших людей, но плача умирающих слышно не было. Те, кого убило, подобно инженеру, погибли моментально.

Лостинг ринулся было вперед.

— Давай кончим их.

Борн остановил его движением руки.

— У них по-прежнему может быть красный луч, который убивает прежде, чем успеешь зарядить снаффлер, охотник.

Лостинг показал на покореженные, дымящиеся оружейные башни.

— Пушки внутри, может быть, и можно было починить, но проку от них все равно никакого: все механизмы, включая поворотные выгорели дотла.

— Да не эти, — пояснил Борн, — а маленькие, которые великаны носят как топоры на поясе, они могут до сих пор работать. — Он уселся на мокрую ветку и посмотрел на небо. — Отгадай, кого привлекут к утру яростные и необычные звуки, доносящиеся со станции, а, охотник? Подумай хорошенько, кого может навлечь на себя разом кричащая толпа людей?

Лостинг покопался в памяти и глаза его радостно расширились.

— Плавунов. Только не бунов, а фотоидов.

Борн кивнул.

— Они их, наверное, уже разбудили.

— Но ведь великаны здесь давно, и они, наверное, уже видели плавунов-фотоидов.

— А может быть и нет, — возразил его товарищ. — Скам-

меры у них летают тихо, а фотоиды попадаются редко. Лишь достаточно крупная для фотоида жертва способна привлечь его, создав столько шума. Кстати, я об этом не задумывался.

Лостинг сел и обхватил руками колени.

— А какое, впрочем, это имеет значение. Фотоиды прилетят, увидят, что добычи нет, и улетят.

— Вполне может быть, что и так, Лостинг, но ты подумай о том, как на это отреагируют великаны. Как Логан с Кохомой впервые отреагировали на меня? Как они реагировали на наш Мир? Они боятся, не понимая, Лостинг. И я думаю, что они и так уже до смерти перепуганы. Посмотрим, как они отреагируют на фотоидов...

Хансен ходил и пинал обломки дымящегося металла и плексового сплава, которым был усыпан весь пол. Он исследовал огромный пролом в стене на том месте, где раньше была электростанция. Лужа затвердевшего шлака, вот и все, что осталось от сложного, дорогого оборудования. Оно не сломалось, оно исчезло.

Появился крайне утомленный Бланшфорд. Как и все, он не спал уже много часов.

— Хочу знать все, — вздохнул Хансен.

— Все, что питается электричеством, либо сгорело, либо расплавилось, сэр, — горестно доложил начальник отдела. — Ни единой схемы, ни единого выключателя, ни единого включенного в сеть прибора здесь не осталось. Нам придется заново строить всю энергетическую систему.

Хансен на несколько минут задумался над тем, что услышал, а потом спросил:

— Удалось обнаружить, что стало причиной происшедшего?

— Мамула утверждает, что да. Только это, понимаете, уже такая наглость. Стоит вам только посмотреть.

Вместе с ним Хансен прошел через станцию, мимо бригад измученных работников, занятых расчисткой обугливших секций пола и стен. Вскоре они подошли к пропускному пункту, откуда открытый лифт доставлял исследователей к макушкам срезанного внизу леса. Лифт, естественно, тоже сгорел, но кто-то уже успел соорудить из обугленных проводов самодельную лебедку.

В данный момент лифт был занят. Он висел на полдороге между станцией и миром зелени внизу. Висел на том самом уровне, где когда-то была защитная сетка. Хансен уставился вниз, сквозь дыру. В том месте, где решетка была прислонена к дереву, по стволу до сих пор продолжали стекать струйки расплавленного металла. Воздух был наполнен запахом обгоревшей коры.

— Ну как, видели, шеф? — спросил Бланшфорд.

Хансен прищурился о яркого солнышка и всмотрелся пристальнее.

— Ничего я не увидел.

— Посмотрите вот там, немного левее и внизу, там, где работает Мамула со своими людьми. И еще две штуки есть, их сейчас за стволом не видно.

Начальник станции смотрел с недоверием.

— Вы что имеете в виду вон ту серебристую цепочку, которая тянется над макушками деревьев?

— Только это не цепочка. По крайней мере, она не металлическая. Это лист или множество сплетенных листьев.

— Ну и что?

— Мамула считает, что их подложили на сетку перед грозой этой ночью. Мы выслали отряд. Мы надеялись, что два наших приятеля этой ночью покажутся. Но этого не произошло. И они проследили, куда ведут эти листики. Все три листа ведут резко вниз, в лес, метров на пятнадцать, а потом уходят к юго-востоку, где присоединяются к родному дереву, которое стоит метрах в тридцати от нашей вмятины. — Бланшфорд повернулся и показал в нетреснувшее окно.. — В той стороне. Это одно из наиболее тонких деревьев. Крона у него голая, а само оно по большей части черное и серебристое, все — и кора и листья. На нем почти нет ни коричневого, ни зеленого. Так, только мелкие побеги. — Он заглянул в блокнот, который всегда имел при себе. — Разведотряд возглавляла женщина по фамилии Стивенс. Согласно ее докладу дерево само по себе находится под смертельным напряжением. Все живое, что прикасается к его листьям, немедленно гибнет. Мамула теоретически предполагает, что когда в это дерево попадает молния, что и произошло этой ночью, заряд по большей части уходит в землю. Для поддержания защитной системы этого дерева достаточно небольшой доли заряда. Поблизости таких

деревьев больше нет, но он говорит, что если мы поищем, то обязательно найдем еще где-нибудь.

— Я все понял. Значит эти немногочисленные деревья служат громоотводами для других деревьев и защищают лес от ночных гроз. Только вот, — Хансен едва не сорвался на крик, — этой ночью заряд был направлен не туда, куда нужно.

— Не заряд, сэр, разряд.

Хансен окончательно помрачнел.

— Не удивительно, что здесь выжгло всю электрику. Ну и, конечно, никто ничего необычного перед этим не заметил.

На Бланшфорда было жалко смотреть.

— Нет, сэр. Карбон до сих пор честит кого-то из своих людей.

— А вы говорили! Да уж, от этого нам станет намного легче. Дело-то сделано, черт его возьми!

Хансен замолчал и отшвырнул ногой скрученный обрывок кабеля.

— А что по этому поводу Марчисон говорит?

— Марчисон погиб, сэр.

Хансен тихо выругался.

— Хорошо. Мамула будет за старшего.

— Да, сэр. Он считает, что со временем ему удастся восстановить часть силовых линий, примерно двадцать процентов проводки и схем. Они у нас есть на складе. Но нам потребуется совершенно новая электростанция.

— Да это любому дураку понятно. Там, где была старая, нет ничего, кроме дыры, в которую скаммер может вылететь.

— Главный блок солнечных батарей разбит, его нужно будет заменить. Центральная система кондиционирования воздуха полностью уничтожена, а это, между прочим, очень неприятная вещь, — докладывал Бланшфорд.

— Между прочим, — с отвращением отозвался Хансен. — Что между прочим? Что у нас осталось?

Бланшфорд снова быстро глянул в стопку торопливо написанных докладов.

— У нас осталось все ручное оружие и четыре автономные пушки. Совершенно, кстати, исправные. Так что мы далеко не беззащитны. Мамула заграбастал единственный исправный трансформатор со склада и все маленькие батарейки. Это позволит работать холодильным установкам госпиталя. Что касается еды, то сухих пайков у нас больше, чем достаточно.

— А со связью что?

— Отрубилась, конечно. Но на челноке работает и транссивер и все остальное. У него ведь все бортовые системы в порядке, — продолжал Бланшфорд.

— Эх жалко, что у нас челнок, а не боевой корабль Содружества. Когда должен прибыть следующий грузовой корабль?

— Через две с половиной недели, сэр, согласно расписанию.

Хансен кивнул. И через ближайшую дверь вышел на крыльцо, которое по-прежнему опоясывало станцию.

— Две с половиной недели — повторил он, облокотившись на трубу ограждения и всматриваясь в далекую, шелестящую зеленую стену, в коричнево-зеленые макушки деревьев внизу. — Итак, две с половиной недели первоклассно оборудованная космическая станция, которая согласно разработке, должна противостоять всему, включая нападение боевых кораблей Содружества, должна будет каким-то образом отражать поползновения двух полуголых охотников в набедренных повязках, ублюдочных религиозных фанатиков, убогих потомков горстки заблудившихся колонистов...

— Да, сэр.

Хансен резко повернулся на голос и набросился на вновь пришедшего.

— Неужели ваши люди не могут с этим справиться, Карбок. Или, может быть, мы уступаем им числом?

Карбок вытянулся по стойке «смирно».

— Приходится, сэр, обходиться тем, что я имею. В частности, у меня такой персонал, который позволила себе купить компания.

Намек был ясен.

— Есть такие вещи, Карбок, которые даже родная компания купить не может.

— Если хотите, сэр, я соберу отряд и сам возглавлю погоню. Мы можем обшарить все по периметру станции, пока...

— Ну, ну, Карбок, — оборвал его Хансен.. — Мне тут жертвенные агнцы не нужны. Ваше самоубийство ничего не решит. Вы же их среди этой флоры и фауны вообще не увидите. А они всех ваших людей перещелкают по одному. А то и вовсе будут держаться от вас подальше и подождут, пока вас прикончит лес. — И он снова повернулся к изумрудному океану. — Все-таки я никак не могу понять, что толкнуло их на такое насилие. Ну то, что они пожелали убежать — понятно,

то, что они захотели доставить нам неприятности — понятно, но атаковать... То ли они ужасно уверены в себе, то ли ужасно злы на что-то. Я знаю, что Борн не одобряет наши намерения, но наклонностей человекоубийцы я в нем не заметил, чего-то нам не достает. Эх, хотелось бы мне с ним еще разок поговорить, просто, чтобы выяснить, чем же мы его так сильно спровоцировали?

— А мне бы хотелось перерезать его тощую глотку, — резко ответил Карбок.

— Ну, я думаю, что это у вас рано или поздно получится, Карбок. Да я, собственно, и не рассчитываю, что мне удастся поговорить с ним прежде, чем вы его поймаете.

Карбок немного расслабился, но голос у него по-прежнему был напряженный.

— Сэр, я тридцать лет провел в Вооруженных Силах Содружества, прежде чем понял, что эти тридцать лет потратил впустую. С тех пор я вот уже четыре года служу в компании директором службы безопасности специальных проектов. Если этот пигмей появится на расстоянии вытянутой руки от меня, то могу поспорить на административный сертификат, что я сверну ему шею прежде, чем он успеет пикнуть.

— М-м, я готов поставить на это гораздо больше, Карбок. — Хансен взглянул на небо. — Ну и жаркий же опять денек... Матерь Божья! А это что еще такое?

Голова Карбока повернулась, и он тоже посмотрел в бледное зелено-голубое южное небо.

К станции подплывали три силуэта, каждый из них размером был с пол-станции.

— Пушки в башнях у нас работают?

— Нет, сэр, — ответил Карбок, все еще глядя на необычное явление. — Но у нас есть переносные.

— Установите их в куполе. Оставьте несколько человек следить за опорными стволами, а всех остальных поднимайте сюда. Да, оставьте охрану у дерева с тоннелем. Я не хочу иметь никаких неожиданностей с той стороны, пока мы занимаемся с этими. Шевелитесь!

По порушенной станции гулко разнеслись приказы. Каждому, у кого был исправный пистолет, приказано было явиться в купол. Вопросов «зачем» не возникло ни у кого. Три плавуна-фотоида даже и не пытались закамуфлировать свое приближение. Среди тех, кто столпился под окнами купола с

убранными теперь панелями из плексового сплава, были Логан и Кохома. Под куполом уже были установлены три лазерные пушки, направленные в небо.

Хансен заметил появление двух разведчиков, жестом отдал распоряжение Карбоку и подошел к ним.

— Вы когда-нибудь видели таких?

Логан внимательно посмотрела на раздутых монстров, совершенно очарованная.

— Нет, шеф, никогда. И не помню, чтобы Борн упоминал о них.

— А ваш пигмей часом не может ими каким-нибудь образом управлять, — спросил Карбок.

Логан задумалась.

— Нет, не думаю. Если бы они были опасны и в то же время управляемы, Борн призвал бы их для нашей защиты, когда мы двигались на уровне макушек деревьев.

Плавуны представляли собой огромные газовые баллоны более или менее яйцевидной формы с колеблющимися, похожими на паруса плавниками на спине и по бокам. Плавно взмахивая этими выростами во всю длину тела, они лениво перемещались в воздухе. Сами газовые баллоны были бледно-голубые и полупрозрачные, сквозь них явственно просвечивало солнце. Под каждым баллоном была какая-то эластичная органическая масса, похожая на резину, испещренная складками, похожими на мотки кабеля, оттуда свисали короткие толстые щупальца, блестевшие на солнце подобно зеркальной позе, которую Логан хорошо запомнила за те недели, пока они были в лесу. Они все состояли из поворачивающихся, колеблющихся органических призм, преломлявших свет и разлагавших его в спектр, из-за чего вся тварь похожа была на огромный воздушный шарик, гоняющийся за радугой. А ниже этой сияющей, блистающей поросли спускались более длинные щупальца. У них был более естественный вид. Они были того же бледно-голубого оттенка, что и газовые баллоны, и покрыты были тускло поблескивавшей слизистой оболочкой.

Фотоиды продолжали дрейфовать по направлению к станции, а кучка ученых, сгрудившихся у разрушенного транссивера дальней связи, жарко дебатировала по вопросу о том, что же это — растения или животные.

— Оружие к бою, — скомандовал Хансен.

До настоящего момента существа не предпринимали ниче-

го, что можно было бы расценить как враждебные действия, но уже от их невероятного размера становилось не по себе. Зловещая же тишина, с которой они надвигались, окончательно доканывала нервную систему.

— Если они приблизятся на двадцать метров, открывайте огонь, — сказал Хансен, — но не раньше.

Начальник службы безопасности кивнул.

Один из плавунов направился прямо к ним, зловеще поигрывая в воздухе длинными развевающимися щупальцами. Однако он остановился перед самой критической чертой, установленной Хансеном и завис. Несмотря на то, что у чудовища не было видно ничего, хотя бы отдаленно напоминающего орган зрения, Хансен не мог избавиться от ощущения, что их изучают. Чудовище продолжало висеть на месте, а огромные плавники плавно покачивались помогая ему сохранять равновесие. Напряжение в куполе и во всей станции достигло предела.

Тут кто-то закричал, и все перевели взгляд вниз в сторону. Два других плавуна подплыли к самому челноку, последней сохранившейся связи с компанией, со всей Вселенной. Длинное щупальце опустилось и обвилось вокруг носа челнока. Как бы из любопытства, оно без видимых усилий потянуло челнок. Раздался скрежет и челнок подвинулся. Тут луч ослепительно яркого света, толщиной не больше карандаша прорезал пространство, отделяющее людей от любопытного плавуна. Карбок подпрыгнул и завизжал на расчет переносной лазерной пушки.

— Кто открыл огонь? Я не отдавал приказа!

Лазерный луч просто-напросто прошил насквозь газовый баллон и вышел с другой стороны. От неожиданности плавун немного потерял высоту, но тут же вернулся в исходное положение. От того места, куда попал лазерный луч, пошел легкий дымок. Послышался легкий едва различимый свистящий звук, который можно было принять за легкий вздох. И тут плавун стал резко подниматься, забыв выпустить челнок. Послышался отчетливый звук лопающихся один за другим, подобно струнам пианино, канатов. Тут кто-то выстрелил из пистолета, открыли огонь остальные пушки. Карбок носился среди своих подчиненных, но из-за захлестнувших, казалось, всю станцию звуков его не было слышно. Одна за другой рубиновые вспышки пронзали тела плавунов. Всякий раз, когда крас-

ный луч попадал в газовый баллон, раненый плавун терял высоту, потом тут же снова надувался и снова набирал ее. Если же луч попадал в заросли щупалец, то он просто отражался от зеркальной поверхности коротких и покрытых слизью длинных щупалец.

В надежном укрытии из зарослей поющей гребенчатой лозы Борн прошептал спутникам.

— Уж больно они терпеливы, эти фотоиды.

— А вдруг они не захотят драться? — заволновался Лостинг.

Сзади раздалось рычание Джелливана:

— Злость приходит к фотоидам медленно, но длится долго.

Наконец, раздраженные то ли назойливыми уколами лазерных лучей, то ли шумным мельтешением мелких фигурок внизу, плавуны начали реагировать. Их короткие, похожие почти на кристаллы, щупальца зашевелились и стали складываться в сложные узоры, инстинктивно образуя защитные редуты, поскольку снизу их продолжали покусывать красные лучи.

Солнце стояло высоко и светило жарко. Но во вновь образованной системе щупалец солнечный свет фокусировался и еще раз фокусировался и усиливался, сновал от щупальца к щупальцу, как от линзы к линзе, и собирался в мощные пучки органическими линзами столь совершенной природы, что человеческий глаз показался бы по сравнению с ними топорной работой. Наконец два ближайших плавуна послали в направлении станции солнечные лучи невероятной концентрации.

Налево и направо стены станции были сделаны из ячеистого алюминия, а не из дюраля. И там, куда попал солнечный свет, он расплавился, и лучи стали жечь все, что внутри.

Хансен бросился прочь из купола, также поступили Кохома, Логан и большинство других сотрудников. Наверху остался один Карбок со своими людьми. Он поносил их за неисполнительность и неумелость. Ему даже в голову не пришло, что газовые баллоны плавунов состояли из отдельных отсеков. И уж откуда ему было знать, как быстро эти отсеки восстанавливаются и заполняются свежим газом, вырабатываемым в только что регенерировавших стенках клеток. Карбок отказывался признать бессилие, в данном случае, лазерных пушек, которыми запросто можно сбить челнок или большой самолет. Он отказывался расписаться в собственной беспо-

мощности даже тогда, когда мощный многократно усиленный световой луч, пущенный третьим плавуном, ударил в купол, расплавил твердый плексовый сплав, расплавил собственно пушки, расплавил или сжег опоры, стулья, покрытия пола, инструменты.

То, что он проиграл, Карбок понял только в последние минуты, сгорая вместе с последней пушкой и ее расчетом.

Рассвирепевшие плавуны-фотоиды не улетали еще полчаса. Они плавали туда-сюда вдоль станции, они продолжали играючи посылать световую энергию в ее развалины еще долго после того, как последний жалкий красный лучик возник из дымящихся руин. Наконец они устали. Что бы у них там ни было вместо мозгов, но оно насытилось.

Фотоиды оставили станцию как оспой испещренную пробоинами, охваченную изнутри пожаром и отплыли к югу, откуда собственно и появились.

— А теперь пойдем и кончим их, — прорычал Лостинг.

— Погоди, — успокоил его Борн. — Там кто-нибудь мог остаться. Давай подождем, пока огонь закончит работу фотоидов и умрет солнце.

Как это зачастую случалось, ночной дождь начался в этот день еще до наступления темноты. Поэтому, когда они вошли в разоренный остов станции, то не нуждались ни в каком освещении. Отовсюду струилась вода. Капли шипели и испарялись, попадая на перегретый металл. Местами под ударами фотоидов оплавились стены коридора. Остывающий металл потрескивал и коробился. Во внешний коридор охотники вошли с заряженными снаффлерами наготове, хотя ни тот ни другой не ожидали обнаружить среди этих дымящихся развалин что-нибудь живое.

— Даже необходимая смерть неприятна, печальна, — заметил Борн, морщась от всепроникающего запаха обгорелой плоти. — Это не то место, где стоит долго задерживаться.

Лостинг согласился и указал вдоль прохода, огибающего станцию.

— Я пойду в эту сторону, а ты в ту. Встретимся на том конце. Чем быстрее мы с этим покончим и отправимся домой, тем будет лучше.

Борн согласно кивнул и пошел в свою сторону. Лостинг дождался, пока тот исчезнет из виду, и пошел за Джелливаном.

Трупов попадалось много. Большинство было похоронено

под обломками или оплавившимся металлом, либо сгорело практически дотла. Лостинг оценивал урон, который способны нанести фотоиды. А ведь ему довелось наблюдать как любопытный фотоид потрогал щупальцем толщиной с дерево спящего охотника, после чего оставил его досматривать сны и дружелюбно отправился дальше. Другой же раз ему довелось видеть, как обычно миролюбивый гигант пришел в ярость, когда испуганный даевердон оттяпал ему полщупальца. Фотоид незамедлительно разнес в щепки всю верхнюю часть дерева, на котором жил хищник, после чего поймал и зажарил напавшего.

И все-таки, до чего же ему хотелось, чтобы был какой-то иной выход. Они обследовали то, что раньше было дальним концом помещения для скаммеров. Быстрые разведывательные диски теперь трудно было узнать. У большинства прозрачные купола были разрушены, а изящные корпуса превратились в растекшиеся по полу металлические лужи. Вместе с ними расплавились останки двух великанов. Они так и сидели в круглой кабине и кости их белели на фоне металла.

Если бы великаны не сопротивлялись так долго, фотоиды, скорее всего, быстро бы устали и уплыли в сторону своих южных гнездовий. А вместо этого перепуганные неуклюжие великаны сражались до последнего, хотя их красные лучи оказались до смешного бессильны против нервной системы прозрачных фотоидов.

Неожиданно Джелливан зарычал и прыгнул вперед. Фуркот учуял запах, но слишком поздно. Запах гари забивал все остальные. В верхней точке прыжка красный луч ударил его точно между глаз, и он безмолвно бесформенной кучей рухнул на пол. Лостинг вскинул снаффлер и выстрелил прежде, чем фуркот упал. Раздался характерный мягкий «пшик» лопающегося семени. В темноте неподалеку кто-то вскрикнул, и наступила тишина.

Из-за погнутой, вздыбленной секции пола возникла пошатывающаяся фигура. Это была Логан. Уронив пистолет, она обеими руками пыталась вырвать шип джакари из своей правой груди. На ее рубашке стало расползаться небольшое пятнышко крови. Она тупо уставилась на Лостинга. Охотник перезарядил трубку.

И тут второй луч ударил его сбоку, прошил кожу, кости, нервы, внутренние органы. Обычно шока от столь сильных по-

вреждений бывает достаточно, чтобы убить на месте. Лостинг, однако, не был обычным человеком. Он упал на колени и медленно завалился налево. Он был все еще жив и обеими руками схватился за правый бок. Снаффлер со стуком упал на влажный металлический пол.

Логан удалось сделать пару заплетающихся шагов вперед, и она попыталась что-то сказать скорчившемуся на полу телу. Губы и язык ее двигались, но звуков не получалось. Потом глаза ее затуманились под действием мощного нервного яда, и она упала как подкошенное дерево. Женщина лежала совершенно неподвижно, будто сломанная кукла. Одна рука была неестественно изогнута.

Из неосвещенного тоннеля неподалеку осторожно вышли две фигуры. Кохома подошел к неподвижному телу Логан и встал рядом с ней на колени. Хансен же, едва взглянув на нее, направился к Лостингу. За ним, не нащупав пульса, зло выругался пилот-разведчик.

— Добрался он-таки до тебя, бедная Тими.

Начальник станции приближался к Лостингу, не сводя с него пистолета. В темноте наполненного смертью коридора громко разносилось дыхание охотника. Хансен лишился значительной части своей одежды и всех бюрократических замашек, он тяжело дышал.

— Прежде, чем я убью тебя, Лостинг, скажи — зачем?

— Борн был прав, — тяжело выдавил охотник. С поврежденного бока полное онемение начинало распространяться по всему его телу, заволакивать сознание. — Он же говорил тебе... Вы берете, не давая... Берете без спроса... Берете чужое и не возвращаете... Вы не эмфолите наш мир.

— Это не ваш мир, Лостинг, — устало сказал Хансен.

Кохома внезапно задумался над чем-то. По крайней мере, так показалось, потому что он начал бормотать об эмпатической фолиации и насильственной эволюции.

— Просто ты не хочешь этого признать, очень плохо. — Хансен обернулся и окликнул. — Марта, Афеллоу, проверьте его животное.

Из бокового прохода появились мужчина и женщина. У него был мачете, у нее пистолет, чтобы лишний раз не рисковать, женщина выпустила еще один заряд в голову фуркота. Но Джелливан и так был мертв, мертвее не бывает.

— Да будь оно все трижды проклято, — вдруг взревел Хан-

сен. В нем наконец слилось воедино гнев и отчаяние. — Бессмысленно! Ведь все это бессмысленно! — И он жестом обвел все вокруг, после чего снова обратился к Лостингу. И голос его был полон горя от сознания понесенных потерь.

— Неужели ты не видишь, вы нас не остановили. У меня осталось четверо, — он глянул на неподвижное тело Логан. — Нет. Трое.

Каждое слово давалось Лостингу ценой острой, адской боли, пронзавшей все тело. И с каждым новым словом он поражался тому, что ему все-таки удавалось его произнести.

— Вы все... мертвы. Все ваши... небесные лодки... разрушены. Большой челнок... тоже. И оружие ваше... умерло. И ваши стены... и сети... Грозоход... их всех убил... А теперь лес... доберется... до вас.

На лице Хансена проступила жалость.

— Нет, Лостинг. Вы предприняли хорошую попытку и она вам почти удалась. Но у нас полно еды, а вода здесь льется с неба целую ночь. Я знаю, как быстро растет эта крона, и может случиться, что она полностью закроет станцию, прежде, чем прилетит спасательный корабль. Ты совершенно прав. Наш челнок не может больше летать, но все его внутренние системы проверены, и они функционируют, включая средства связи. Эти пузыри с призмами вряд ли еще раз вернутся. И навряд ли на нас нападет кто-нибудь еще, способный разрушить корпус корабля. Да, этот лес может похоронить нас под водопадом зелени, но наши сигналы бедствия все равно будут приниматься. Некоторым людям вы доставили массу неприятностей и хлопот. Они, конечно, не порадуются, но они заново отстроят эту станцию, заново отстроят все и начнут все сначала. И все ради эликсира бессмертия. Ты даже представить себе не можешь, на что пойдут люди, чтобы добыть его. И мы не повторим прежних ошибок, но в другом полушарии этой планеты, подальше от вашего племени. И у новой станции будут воздушные патрули, оружия будет в три раза больше. И к тому же работающая автономно энергетическая система. Пространства мы расчистим в четыре раза шире и в два раза глубже. Нет, прошлых ошибок мы не повторим. Ты храбрый человек, Лостинг, но ты проиграл. Какая жалость. И почему нам было не подружиться.

— Осквернили... мгл, — прошептал Лостинг.

Хансен склонился пониже, по-прежнему не сводя с охотника дула пистолета.

— Что ты сказал, я не расслышал?

— Дай вам... волю... вы бы все... украли, — прохрипел охотник, — даже... человеческую душу, даже... запах цветка.

Хансен медленно и грустно покачал головой.

— Не понимаю я тебя, Лостинг, и вообще не знаю, смогли бы мы друг друга понять.

Так он и качал головой, когда джакари, выпущенная из снаффлера Борна, вонзилась ему в шею.

Кончилось все мгновенно. Руума-Хум завалил парочку, склонившуюся над трупом Джелливана, а топор Борна остановил Кохому, прежде чем великан успел поднять пистолет. Поверженных великанов охотник искромсал, пожалуй, даже мельче, чем это было необходимо. Кровь, вытекавшая из их искромсанных тел, иссякла раньше, нежели его ярость.

Измученный и опустошенный он подошел и склонился над трупом того, кто был для него самым ненавистным человеком в мире. Руума-Хум стоял рядом с Джелливаном и обнюхивал его. Но никакой надежды для павшего фуркота не было. Они были очень хорошо сложены, но все равно были уязвимы. Луч, выпущенный рукой Логан, прошел сквозь мозг. Тонкая темно-зеленая струйка сочилась из небольшой ранки на лбу и пачкала светло-зеленый мех. Лицо поверженного охотника было искажено болью, вовсе не физической.

— Не везет... Лостингу... не везет... Ты всегда... выигрываешь... Борн. Всегда... Борн впереди... Лостинга... на слово,.. на поступок... Несправедливо... несправедливо. Так много смерти... Зачем?.. Зачем?..

— Ты знаешь зачем, — неуклюже пробормотал Борн. — Ведь это болезнь. Новый паразит пришел в мир, напал на нас. Чтобы вырезать его... он убил бы Дом. А ты спас Дом, охотник, — голос его надломился. — Я люблю тебя, брат.

Борн опустился рядом и предался печальным образам, в то время, как Руума-Хум уселся на задние лапы и горевал вместе с плачущим небом. Так они и просидели, пока не пришел новый день и вместе с ним свет. Когда Борн с Руума-Хумом пустились в обратный путь, первая волна никем не обижаемых каббловв, вьюнов и воздушных корней успела сгладить совсем еще недавно острые края вырубки.

Два тела, человека и фуркота, были надежно закреплены

на спине Руума-Хума. Конечно, тащить на себе всю дорогу до дома такую ношу было нелепо, но ни Борну, ни Руума-Хуму и в голову не пришло, что можно вернуться без них. Борн хорошо запомнил последние слова Хансена-вождя, когда он подкрался уже достаточно близко, чтобы убить его, произнесенные той последней ночью под дождем. Слова эти были ложью. Едва ли великаны осмелятся построить новую станцию где бы то ни было в Мире. По крайней мере не теперь, после того, как вся их работа была поглощена целиком, без остатка, безмолвно, необъяснимо. А если даже и попытаются, то здесь они не найдут тех наростов, которые ищут. Им даже не удастся установить свое легкое оружие и доставить металлы. Племя проследит за этим. И другие племена будут предупреждены. Весть о них разнесется.

Брайтли Гоу, которая увидела их первой, поприветствовала по возвращении, когда они еле живые от усталости и изнеможения ввалились в поселок. Но она недолго пробыла с ними после того, как увидела тело Лостинга. К своему удивлению, Борн понял, что ему это все равно. После этого он спал два дня, а Руума-Хум на день дольше.

Вся история была рассказана Совету.

— Мы сделаем все, чтобы они не пришли. Мы не позволим им больше напустить свою болезнь на Мир, — объявил Сэнд, когда повествование было окончено.

Ридер и Джордан согласились.

Теперь осталось сделать последнее. В последующую ночь люди взяли факелы и вместе с детьми отправились в лес с телами Лостинга и Джелливана. Для этого они отыскали величайшее дерево из Тех, Кто Хранит, самое высокое, самое старое, самое сильное. Дерево это было последним пристанищем для самых чтимых из вернувшихся домой. Презрев великую опасность, исходящую от полночных небесных демонов и разбойных обитателей крон, процессия взошла на Первый Уровень. Пропели торжественную песнь, и слова в этот раз выходили печальнее, чем раньше. После этого тела обработали маслами и травами и бок о бок положили в дупло. Сверху их прикрыли гумусом, восстановили органический покров. Лостингу понравилась бы хвала, которую вознесли ему. Долго говорили и превозносили его бесстрашие и искус-

ство охотника, силу и твердость характера. Говорили все, собратья охотники, Сэнд, Джойла и Борн, больше всех Борн. Он говорил так долго, что его пришлось остановить. Все было кончено.

Церемония завершилась. Мужчины и женщины в сопровождении детей стали спускаться по спирали вниз к Дому. По обе стороны от них шли молчаливые фуркоты. А могучее То, Кто Хранит, возвышалось до самых плачущих облаков. И вот уже во всепоглощающей темной зелени исчез огонек последнего факела, остался только темный лес, зеленый и безродный. Кто знает, что за мысли родятся в этих малахитовых глубинах?

Через два дня у основания Тех, Кто Хранит созрел бутон, лопнула его тугая кожица и оттуда показалось изумрудное существо, тянущееся всей своей влажной шелковистой шерсткой к слабым лучикам света. Моргнули и открылись три крошечных глазика и маленькие клычки показались у уголков все еще мокрого, ни разу не открывавшегося рта. А потом крошка зевнул и принялся охорашиваться. Сопротивляясь и извиваясь, оторвались от раскрывшегося бутона последние зеленые корешки и тут же, превратившись в мех, улеглись на спине, впитывая солнечные лучи. В крошечном тельце начался процесс фотосинтеза. Мурлыкая от радости встречи с необъятным миром, крошка фуркот огляделся и увидел яркие глаза, глядящие на него из дневного полумрака.

— Я — Руума-Хум, — заявило то разумное, что скрывалось за этими глазами. Пойдем со мной к братьям и к людям.

Совсем еще слабенький, но с каждым шагом обретающий уверенность фуркотенок пошел вслед за старшим по направлению к свету. Далеко-далеко вверху новорожденный младенец припал к груди матери.

При последнем вторжении, вызванном похоронами Лостинга, в глубинах величайших из Тех, Кто Хранит проснулись силы. Дерево отозвалось и обволокло два тела густым древесным соком, чтобы оградить и охранить уязвимые органические ткани. Сок быстро затвердел, образовав непроницаемый барьер, сквозь который не могли уже пробраться ни бактерии, ни тли. В одной из верхних ветвей потекли и заработали соки смолы и странные жидкости. Они растворяли и добавляли, воссоздавали и сохраняли, оживляли и перерождали. Мельчайшие частицы вновь пришедших перетекали к

новому дополнению из других ветвей, растворялись и вымывались кости, плоть и бесполезные органы, все это исчезало и на их месте образовывалась сеть из терпеливых темных волокон, древесных нейронов. И прежние нервные окончания человека и фуркота подсоединялись к этой обширной сети. Новые питательные вещества стали поддерживать подвергнувшуюся метаморфозе клеточную структуру. Процесс вживления Лостинга и Джелливана в душу и разум Тех, Кто Хранит, занял целую вечность и вообще ничего не занял. Мир леса работает неустанно, движутся соки, создаются новые вещества, в новую область поступают стимуляторы. И вот реакция произошла. Лостинг и Джелливан стали чем-то большим, стали великими. Они стали частью общего разума Тех, Кто Хранит, который в свою очередь не больше, чем одна-единственная доля огромного, великого мозга леса, ибо лес владычествовал над Миром без имени. Он изменялся, он развивался и рос, он умножал сам себя. И когда Мира достигли первые люди, он понял, что они сулят и чем угрожают. Лесу хватило силы и упругости, плодовитости и разнообразия. И вот теперь он прибавляет к своему разуму медленно, терпеливо, так, как умеют только растения.

Лостинг, чувствуя, как растворяется последний след ненужной теперь индивидуальности, чувствуя, как он сливается с великим разумом, образованным десятками людей и множеством Тех, Кто Хранит, и все это прошито и связано неисчислимыми сознаниями рождающихся от дерева фуркотов, возликовал.

— Нет, Борн, не ты выиграл, — победоносно воскликнул он, и величие поглотило его. Уже исчезла и зависть и все другие чувства, поскольку он стал частью великого целого. И все человеческие настроения и эмоции отпали, как мертвый кокон. Разум леса стал еще чуточку больше, и скоро он придет к завершению замысла. И тогда ни люди, ни кто другой не смогут вот так прийти и убивать и рубить безнаказанно. А потом, со временем, он перекинется через пустое пространство, которое он теперь уже начал смутно ощущать.

В лесу Борн эмфолил вместе со свежепробившимся зеленым росточком, и вместе с ним улыбнулся тому, какой хороший день. Он взглянул на любимое свое странное небо и даже не понял, как далеко он смотрит.

Вселенная, берегись ребенка в зеленом!

ВНУТРИ СЕБЯ

1

Это не Бог, в тысячный раз говорил себе Мартин Ористано, приближаясь к машине, это только инструмент, орудие, предназначенное служить человеку.

Никогда еще он не был так тесно связан с машиной за последние сорок лет жизни. Являясь старшим программистом и оператором уже целое десятилетие, Мартин все еще не мог подавлять в себе трепет и страх, входя в офис. Обманчиво простая клавиатура ждала его прикосновений, команд. Двойные видеодатчики поймали стереооптическое изображение Ористано. В инфракрасном излучении он воспринимался как тепловой поток. В комплексе имелось множество входных устройств, но только через одно можно было связаться напрямую с логическим центром. Только несколько человек знали код и имели доступ к новейшей клавиатуре. Очень немногие считались благонадежными и имели разрешение на вход в это помещение, что являлось большой привилегией. Главным образом поэтому Мартин Ористано, стал известен широким кругам. Его опасались больше, чем Президентов, Премьеров и Верховных руководителей, правивших народами.

Конечно, Президенты и Премьеры мало что могли сделать и служили лишь шахматными фигурами для правительств, как это происходило в течение многих сотен лет с королями и королевами Англии. Талант администратора такого рода больше не требовался.

Коллигатар очень внимательно относился к таким деталям. Очень добрый, совершенно безразличный к политическим страстям, неподкупный, но в то же время, сочувствующий, способный на сострадание, он мог выносить основные административные решения, свободные от пагубного влияния ненависти и старых обид. Он не руководил, а только предла-

гал. Его предложения не имели силы закона. Не должны были носить.

Общество больше не жило в страхе перед своими вождями. С того момента, когда оно стало совершенным, Коллигатар освободил его строителей от этого и от многих других страхов. Однако, было вполне естественным, что некоторые боялись силы, заключенной в машине, и тех, кто следил за ее функционированием.

Таким образом Мартин Ористано знал почему его боялись. Это беспокоило его время от времени, поскольку он являлся одним из самых мягких и умных людей.

Мартин должен был быть таким. Никто другой не мог занять пост старшего программиста, какими бы огромными техническими способностями он не обладал. Перед назначением в течение одиннадцати лет Мартин подвергался психологическим тестам, которые были в сотни раз труднее, чем любые уже сданные им технические экзамены. Власти не имели возможности повлиять на занявшего один из самых важных гражданских постов, хотя и сам Коллигатар был сконструирован с защитой от ошибок и от вмешательства человека, движимого злыми или чисто личными побуждениями.

Поэтому Мартин ловил на себе косые взгляды во время каждого своего появления на публике. Они приходили с ближайшей территории. Пусть люди лучше боятся его, простого человека, чем машину.

Река Реус охлаждала Коллигатар и его поддерживающие устройства. Водный поток из озера Люцерн обеспечивал питание. К югу от сооружения вздымались в небо громадный массив ослепительно блестящих Альп и высочайший горный кряж под названием Тоди. На Юго-Западе Бернес Оберланд гнездился в Юнгфрау на четырехстах метрах над уровнем моря.

Основная часть Коллигатара находилась глубоко внизу под мощным гранитным склоном горы Юриростока, скромной, но производящей глубокое впечатление вершиной.

Стоя в носовой кабине катера и глядя на поверхность озера, Мартин поежился, но от чего-то более прозаичного, чем благоговейный страх.

Был ранний октябрь. Скоро большая часть Швейцарии покроется альпийским снегом. А Мартин будет вынужден

переехать из большого, комфортабельного дома в Люцерне на зимние квартиры, расположенные глубоко в горе.

Несколько пассажиров бросили быстрые взгляды на массивную фигуру, застывшую около иллюминатора. Многие знали, кем был этот человек. Семидесятилетний, угловатый как в юности, с седыми волосами, зачесанными назад больше для удобства, чем ради моды, он оставался узнаваемым и в профиль и в фас.

Угловатость досталась ему по наследству. Все, даже жена Марта, утверждали, что он слишком мало ел, чтобы помочь своему телу справиться с ежедневными стрессами. Мартин не мог обмануть их объяснениями, что давно адаптировался к этим стрессам и что считает еду в лучшем случае монотонным действием. Такая адаптация являлась одной из причин его назначения старшим программистом.

На самом деле этот титул назывался не совсем правильно. Мартин почти не занимался программированием. Больше подошло бы название «старшая сиделка», подумал он, сняв пальто и пиджак и повесив их на древнюю вешалку из дуба, стоящую за дверью.

Мое отношение к этому офису, решил Мартин, такое же, как к предыдущему, но нужно нечто большее. Для прессы, по крайней мере. Коллигатар и обслуживающие его люди всегда беспокоились о реакции средств массовой информации. Это продолжалось даже теперь, когда основной страх перед возможностями машины рассеялся.

Определенно, офис не производил особого впечатления. Здесь было много растений — забота Анны. Секретарша Мартина имела в этом большие способности и могла бы вырастить тропическую орхидею в снегу. Потом здесь было огромное количество сов — большая керамическая с желтыми глазами, каменная, бумажная, которую внучка Мартина сделала в школе. Несколько сов было взято также из коллекции его жены. Ористано не мог отказаться от подарков любимой женщины. Репортеры, которым посчастливилось проникнуть в этот кабинет, принимали птиц за символы жизненной позиции Мартина. Они очень расстроились бы, узнав, что на самом деле старший программист больше любил аистов.

Офис должен быть чем-то большим, чем-нибудь представляющим электронное чудо, которое гудело глубоко в горах. Возможно, длинный тоннель с иллюминаторами высотой в не-

сколько дюжин метров и с бесконечными рядами ярких, мигающих огней. Это произвело бы впечатление на зрителей.

Но ничего похожего здесь не было. Только мягкий ковер под ногами, приглушенный свет и станция с рядами видеоэкранов и клавиатурой.

Комплекс состоял из множества одинаково обставленных комнат и мало чем отличавшихся от кабинета Мартина. На двери висела табличка, а в коридоре дежурили незаметные охранники. Для большого количества охраны необходимости не было. Труднопроходимые пояса безопасности находились снаружи горы.

Мартин сказал: «Гутен таг», нажав на кнопку и начиная утреннюю работу. Голосовой датчик проверил образец его голоса и мгновенно опознал хозяина. Это была часть маленького модуля, который тем не менее периферийно соединялся с самим Коллигатаром, как каждая, даже самая крошечная деталь внутри горы. Такие связи создавали интересные контрасты: Коллигатар с поразительной точностью мог предсказать подземные толчки в Китае и число метеоритов, которые должны были вспыхнуть над Карпатами на следующей неделе.

И еще он мог сварить чашку хорошего кофе.

— Что хотели бы вы сегодня на завтрак, сэр? — Низкий голос модуля был не таким ровным, как искусственный голос логического центра Коллигатара. Однако, это говорила часть машины.

— Баварский кофе, — ответил Ористано, присаживаясь. Он уже позавтракал дома.

Машина могла великолепно обеспечить его едой. Некоторые техники остались бы жить внутри комплекса на весь год, наслаждаясь тем, как Коллигатар выполняет любое их пожелание, но существовали законы, запрещающие такое, хотя и добровольное заключение.

Люди нуждались в реальном мире, хотели они жить в нем или нет.

Мартин вздохнул, откинулся в кресле и прислушался к звуку струйки кофе, стекающей в кружку в нише справа. Он расслабился и стал с удовольствием смотреть на огромный голографический экран. Из-за него помещение казалось загроможденным оборудованием, но Ористано настоял на том, чтобы экран установили.

Ощущение глубины воспроизводилось прекрасно, когда изображение медленно перемещалось слева направо. За полчаса произошел поворот на 360 градусов, и движение началось сначала. Ористано никогда не уставал от этого зрелища, и никогда не менял изображение, хотя из своего офиса имел доступ к тысячам разных сцен.

На голографическом экране был пляж Парижа, берег бухты Полинезийского острова Хуахине. Пальмовые деревья, голубое небо, полуразрушенные кратеры вулканов, белый песок и прозрачная вода, сверкающая, резко контрастирующая с предзимним пейзажем на берегу. Иногда появлялись медленно плывущие скат или акула.

Мартин неохотно повернулся посмотреть на список, появившийся на центральном мониторе. Советское правительство запрашивало параметры выращивания ржи для района нового, Узбекистана. В деле было задействовано несколько гибридов семян и специалисты, как обычно, спорили до хрипоты, какой из них лучше.

Решение данного вопроса требовало детального сравнения последних анализов почвы района, разновидностей насекомых и возможности наводнений; предсказаний погоды на ближайшие полгода; информации о психологическом состоянии как каждого колхозника, так и каждого частного фермера; сведений о состоянии техники и запасных частей; плюс несколько тысяч факторов, включая огромное множество тех, которые на первый взгляд не имели никакого отношения к делу.

Ористано принял запрос с привычным одобрением. Коллигатару требовалось меньше пяти минут, чтобы провести анализ задачи. Конечно, он не мог приказать Советскому правительству твердо придерживаться этого решения. Это было просто предложение.

Прозвучало длинное обращение Департамента Безопасности Соединенных Штатов. Несколько озабоченных генералов представили новую статистику, показывающую увеличение ядерного вооружения Советов. Коллигатар спокойно проверил данные и выдал тысячу графиков, опровергающих обвинение. Он внимательно следил за арсеналом 5 супер держав. Подозрения генералов США, Советского Союза, Латино-Американского Союза и Великого Восточно-Азиатского содружества обеспечивали военных работой. Люди все еще чувствовали необходимость содержать армии, чтобы следить

друг за другом. Коллигатар ухитрялся справляться с этими приступами паранойи.

Кофе для Мартина был готов, великолепный, как всегда. Микропроцессор отлично знал его вкусы. Мартин начал медленно пить, одновременно просматривая строчки информации.

ЮАР и Восточно-Африканская Федерация опять повздорили. На этот раз из-за новых границ, которые разделяли то, что когда-то было португальской колонией Мозамбик. В последние десятилетия такие споры могли решаться Мировым Судом. Теперь же все вопросы от посевов ржи до положения белых медведей на Аляске решал Коллигатар. Ему требовалось принять решение, которое удовлетворило бы обе стороны... по крайней мере на этой неделе.

Затем появится новое требование или вызов, и Коллигатар будет вынужден рассматривать каждую деталь ситуации, начиная с завоеваний зулусов, и выносить совершенно новое решение, настолько часто и вежливо, насколько требует проблема. Такая игра держала многих политиков при деле.

Пришло также сообщение от жены Мартина, которая напоминала ему, что они собирались пообедать с той милой молодой парой из Турина на следующей неделе. Ористано сдвинул брови, пытаясь представить лицо нового итальянского посла в Европейском экономическом сообществе. Оно, как-будто ускользало из его памяти, но он запомнил жену посла, которая была одета более соблазнительно, чем подобало женщине ее положения.

Ористано обрадовался предстоящей прогулке. Образ сердитого, вечно бормочущего техника, жертвующего своей человеческой природой ради машины, не для него. Он любил беседу, вкусную еду и вино. Мартин не устыдился и с восхищением взглянуть на молоденькую жену дипломата, в то время как Марта наблюдала за ним и посмеивалась над его самонадеянностью.

Самой популярной шуткой в комплексе недавно стал факт, что за первые шесть недель работы новый итальянский посол засвидетельствовал свое почтение не одному, а двум папам — одному в Риме, другому в Люцерне. Разве не принимал Ористано слово прямо от электронного божества?

Неправда, терпеливо поправлял шутников Мартин. Бог приказывал, а Коллигатар только предлагал.

Он закончил просмотр информации на мониторе и не увидел больше ничего, заслуживающего внимания. О, опять это дело о правах на рыбную ловлю в Эгейском море. Эти сумасшедшие албанцы! Мартин представил, есть ли где-нибудь люди, которым ничего не нужно от Коллигатара?

Не было сомнения, что аргумент албанцев будет отвергнут снова, но его присутствие в файле раздражало Ористано. Кто-то должен был перехватить этот запрос на нижнем уровне. Мартин переправил его Бургессу.

Он стряхнул пыль со своей рубашки. На ней были четыре кармана и еще шесть на брюках. И все они оказались заполненными. Ористано делал записи. Заметки на бумаге являлись анахронизмом в электронном мире, но Мартин лелеял свои капризы.

Он также был «вооружен» парой часов — по одному на каждом запястье. Правда, часы на левой руке являлись не часами, а дистанционным терминалом, связывающим его с офисом, а оттуда с логическим центром. Мудрость поколений на левом запястье, размышлял Мартин, показывала, что ремень из акульей кожи требовал замены.

Разве не смешно, думал он, если бы ремень порвался во время заплыва через озеро, утонул, и какая-нибудь хищная рыба проглотила бы мудрость поколений.

В течение следующих сорока пяти минут жизнь и мир продолжали бы существовать по-прежнему. Затем все начало бы сходить с ума.

Слабое жужжание привлекло внимание Мартина. Над клавиатурой замигал красный огонек. Ористано стоял очень близко к голографическому экрану, блаженствуя в тепле и наслаждаясь южным тихоокеанским солнцем.

Продолжая бормотать, он вернулся к своему креслу и нажал кнопку. Сложная клавиатура служила в основном чтобы принимать строчки и цифры, трудные для ввода с помощью микропроцессора или устной команды.

А теперь Мартин использует синтезатор. Он всегда получал удовольствие разговаривая с Коллигатаром. Ористано сам запрограммировал голос, перебрав миллионы вариантов, пока не получился мягкий мужской тенор. Он имел легкий акцент. В нем слышались потоки невероятно приятного спокойствия. Гость из Франции, который имел какое-то отношение к кино, однажды сказал Ористано, что этот голос напоминает ему го-

лос давно умершего английского актера Рональда Колмана. Странно, но Ористано достал один из фильмов с этим актером, и посмотрел его в своем офисе.

Да, голос Колмана действительно напоминал голос Коллигатара, за исключением некоторой холодности из-за механического воспроизведения.

— Добрый день, Коллигатар.

— Доброе утро, Мартин, — ответила машина.

— Я увидел огонек на пульте и услышал твой вызов. Обычно ты не обращаешься ко мне. Что-нибудь не так?

— Да, Мартин. Мне следовало бы подать сигнал тревоги сразу как ты пришел, но я подумал, что ты будешь более спокойным, если сначала займешься утренними делами, выполнишь рутинную работу перед тем, как приступить к чему-то необычному.

Как похоже на машину, подумал Ористано, отложить все касающееся ее, чтобы человек успел насладиться утренним кофе.

— Значит, случилось что-то необычное?

— Да. Садись, Мартин, если хочешь.

Ористано не хотел садиться.

Если было возможным, чтобы проблема оказалась не серьезной, он с удовольствием встал бы перед успокаивающим голографическим экраном. Но сообщение машины встревожило его. Мартин сел в кресло и в ожидании уставился на двойные видеодатчики.

— Опасность, — сказал ему Коллигатар. Ористано одновременно смутился и задумался. Ведь мир был полон опасностей. Землетрясения в Китае, извержения вулканов в высоко активном Северо-Американском районе Тихого океана, авиакатастрофы в Бразилии и эта гибель маленького парома около Хоккайдо. Теперь катастрофы происходят почти ежедневно, хотя их стало меньше с тех пор, как появился Коллигатар. Например, нет больше голода и количество автодорожных происшествий на дорогах мира значительно снизилось. Но сейчас все выглядит по-другому.

— Опасность, — сказал Коллигатар, — касается меня.

После этой фразы Ористано сел очень прямо.

В интонации механического голоса не произошло никаких изменений; ничто не подчеркивало отвагу в этих нескольких

словах. Никакого повышенного тона не требовалось. Ористано и так сильно встревожился.

Это не являлось первым случаем, конечно. Были прецеденты. Финаклионы, религиозные фанатики, стремящиеся заменить своими суевериями знания. Но никто не подходил к комплексу Коллигатара ближе, чем вершина горы, даже африканские безумцы с украденной плутониевой бомбой. Этот случай был ничем иным, как иронией судьбы. Каким-то образом преодолев дюжины защитных поясов и датчиков, все они попали в снежную лавину. Сейчас опасность была особенной, раз Коллигатар прервал свою работу и обратился к старшему программисту.

Ористано стал внимательно слушать.

— Опасность грозит не только мне, но и будущему всего человечества.

Хорошая способность все преуменьшать, подумал Ористано. Как он спокоен. Точно так же, как я. Но внутренности ему тоже так же выворачивает?

— Детали, — произнес Ористано. — Откуда исходит опасность?

— Не знаю, — ответила машина.

Первое заявление расстроило Ористано. Теперь же он был более чем расстроен, он был потрясен. За сорок лет работы с Коллигатаром из простого лаборанта превратившись в старшего программиста, Мартин не мог вспомнить ни одного случая, когда на простейший вопрос машина отвечала ему: «не знаю».

Он подумал, не вызвать ли свидетеля, чтобы убедиться, что слух ему не изменил. Могла ли проникнуть в программу какая-нибудь уклончивость? Если это была шутка одного из подчиненных...

Машина не могла читать мысли, но была способна сопоставлять такие факторы, как визуальный образ, кровяное давление, расширение зрачков и другие детали.

— На самом деле это не шутка, Мартин. Угроза, о которой я говорю, реальна.

— Я понимаю. Хорошо, если ты не знаешь откуда она исходит, скажи, какова ее природа?

— Не знаю.

Ористано начал отчаиваться, но продолжил выяснение.

— Как угроза проявит себя?

— Я не знаю, Мартин. — В синтезированном голосе послышались нотки грусти.

Ористано начал подниматься из кресла.

— Думаю, пора вызывать главный штат.

— Нет, Мартин. Еще не время.

Ористано заколебался, не решаясь встать из кресла. Благодаря регулярным тренировкам, ежедневным заплывам, погружениям в холодную воду озера Люцерн и хорошим генам, он был в прекрасной форме. Мартин очень редко вспоминал о своем возрасте. Сейчас это случилось. Он заставил себя снова опуститься в кресло. — Ты сказал мне, что чувствуешь угрозу себе и всему человечеству.

— Да, — ответил Коллигатар.

— Но ты не знаешь природы этой угрозы, ее источника, или как она себя проявит.

— Правильно.

— И ты все-таки считаешь, что созывать главный штат еще рано?

— Тоже правильно. Потерпи, Мартин.

— Ты должен иметь какие-то данные об этой угрозе, иначе ты не смог бы определить, что это является угрозой.

— Очень жаль, Мартин, но у меня нет твердых данных, чтобы сообщить тебе. Однако я должен попросить тебя принять мою оценку. Я интуитивно чувствую угрозу.

«Я интуитивно чувствую». Ористано сел и стал обдумывать слова машины. Не существовало вопросов о том, что Коллигатар обладал сознанием, хотя его отношение к человеческому сознанию оставалось темой дебатов среди теологов, философов, физиков и кибернетиков. Когда ее спрашивали, машина реагировала на вопрос двусмысленно, не в состоянии высказать что-нибудь более глубокое, чем «я интуитивно чувствую, значит я существую». Хоть и хитроумное, но это заявление не могло быть принятым всерьез.

Конечно, Ористано, хорошо знакомый с километрами логических цепей, знал лучше всех, на что была способна машина. Но Мартин не очень беспокоился об этом. Его гораздо больше интересовала мораль Коллигатара. В этом он был уверен.

Ористано сидел молча, пока последствия удара, нанесенного первыми словами машины, не прошли, и его сердце стало стучать ровнее.

— Я был бы прав, решив, что опасность неминуема?

— Да. Она близка, но у нас еще достаточно времени, чтобы защититься.

— Как? Как, по-твоему, я смогу бороться с опасностью, когда ты не можешь определить ее природу, источник и противников?

— Вы, люди, одержимы временем. Запомни, что, когда я говорю о времени, мое представление о нем значительно отличается от вашего.

— Не читай мне лекций.

— Я не мог бы осмелиться на это. Просто напоминаю тебе, что когда я говорю, что у нас достаточно времени для защиты, этого достаточно, чтобы переубедить тебя.

Да, подумал Ористано, если прекратится цепь этих «я не знаю».

— Пожалуйста, еще чашку кофе, — попросил он.

— Баварского? — спросил модуль.

— Нет, турецкий. Самый крепкий, какой только ты можешь сделать.

— Да, сэр.

— Угроза, — сказал Коллигатар, — невероятно извилиста и чрезвычайно хитроумна. Я не уверен, что преступники сами не сознают, насколько они умны. Это может быть умышленным, попыткой смутить нас.

— Значит, их больше, чем один.

— Гораздо больше, нужно сказать. Эта-то сложность и страшна. Их замысел настолько тонок, что, вероятно, до конца не ясен самим создателям. В нем слишком изысканная логика. Если они сами не могут предсказать, как их угроза проявит себя, этого не могу ни я, ни любая защищающая меня служба.

— Мне кажется, что если бы ты мог принять на себя это очень трудное дело, то разобрался бы в делах.

— Я хотел бы, чтобы простой дедукции было достаточно, чтобы сорвать маску с лица угрозы, Мартин, но сейчас не тот случай.

Ористано провел пальцем по своим губам. Его мозг работал с предельной нагрузкой. Если природа угрозы слишком сложная или неясная для Коллигатара, не было никакого смысла бороться с ней.

Он почувствовал полную беспомощность. Недостаток информации всегда вызывал у него такие ощущения. Мартин

удивился бы, если бы Коллигатар чувствовал себя сейчас так же. В нем были запрограммированы эмоции, чтобы он лучше понимал людей, но Ористано не мог вспомнить, находилась ли среди них тревога.

— Что мне делать?

— Проявлять терпение, которым ты прославился среди коллег, Мартин. Будь терпеливым и жди. У нас есть и другая работа. Люди зависимы от нас каждый день, в смысле получения пищи, здоровья и мира. Мы должны не только делать вид, что все в порядке. Мы должны сделать так, чтобы все было в порядке.

— Вот почему ты не хочешь, чтобы я собирал штат?

— Одна из причин. Они являются блестящей группой, один или двое, в некотором смысле даже превосходят тебя, правда, без твоих административных способностей.

Мартин кивнул, представляя, кто из штата мог превосходить его. Мак Реди? Нет, конечно, не он. Навотски? Возможно.

Его мысли мелькали в беспорядке, и это было неприятно.

— Ты должен понять, что мне будет трудно продолжать работать, словно все идет по-прежнему. Особенно после твоего заявления.

— Я знаю, но мы должны. Будь уверен, Мартин, я буду держать тебя в курсе дела по мере его развития.

— Очень хорошо. Нужно ли принять какие-нибудь дополнительные меры безопасности?

— Никаких. Насколько я могу предположить, штурм будет направлен не на меня... Лично.

Коллигатар имел в своей программе элементарное чувство юмора.

— Значит, никакой дополнительной охраны?

— Никакой. Это может насторожить наших противников. Они закамуфлируют свои намерения. Это может стать смертельно опасным.

— Я понимаю. Мне будет очень тяжело работать, зная то, о чем ты рассказал мне.

— Уже близко зима, — сказала машина. — Я могу пред сказать несколько ранних бурь в Центральной Европе. Это послужит мне причиной переехать на зимние квартиры пораньше, по крайней мере до тех пор, пока угроза не минует.

Ористано не смог скрыть слабой улыбки.

— Но ты уже предсказал теплую зиму для этой части континента.

— Верно. Правда удается мне лучше, чем уклончивость. Такова специфика человека. Ложь обеспечит тебе необходимый предлог.

— Я подумаю, — Марта расстроится, если он отменит обед с итальянским послом. Неудобно! Впрочем, вечер с симпатичной женой дипломата подождет.

— Я посмотрю. Учитывая серьезность угрозы, я согласен, что мне лучше находиться все время рядом с тобой.

— Это было бы удобно, — произнесла машина, хотя было трудно понять, сказала она это, чтобы польстить или успокоить Ористано. Ежедневно практикуясь в международной дипломатии, Коллигатар стал искусным льстецом.

— Мы подождем и разберемся в проблеме. Мы не подадим вида, что происходит что-то необычное, пока не придет время действовать.

— Надеюсь, ты не будешь откладывать это до последней минуты?

— Не планирую, Мартин. Самосохранение во мне запрограммировано. Я здесь, чтобы служить человечеству, и выполняю эту работу со всей серьезностью. Уверяю тебя, я приму все необходимые меры, чтобы сохранить себя для выполнения задачи. Это цель моей жизни.

Ористано улыбнулся и кивнул.

— Я замечаю твою настойчивость, Мартин. Это отличает тебя от других: твоя способность работать со мной все время в согласии. Однако я должен сказать тебе, Мартин, что не могу обещать последнего, поскольку опасность не похожа на те, с которыми мне уже приходилось встречаться.

Ористано сидел молча, пока механический повар не объявил, что кофе готов. Взяв чашку, Мартин напугался. Его пальцы тряслись. Это было невероятным. Нервы старшего программиста всегда отличались прочностью, как у хирургов, футбольных вратарей и тибетских лам.

Коллигатар ничего не заметил, и Ористано унял дрожь в пальцах.

Но только в пальцах.

2

Эрик Эббот разглядывал свой гамбургер и раздумывал, как много в нем элементов с Юпитера. С тех пор, как власти Мирового Космоса начали разработку органических соединений на Титане, чтобы восполнить недостаток земных протеинов, постоянно ходили слухи, будто настоящие органические продукты накачивались искусственными веществами, производными метана. Некоторые остряки стали называть получаемые результаты воздушными бургерами или безвоздушными бургерами.

Действительно, только компетентный химик мог с уверенностью сказать, сколько в густой сочной лепешке, покоившейся между двумя булочками, было мяса, сколько соевых протеинов, сколько планктона, сколько метана и титановой органики. Это приводило людей в замешательство.

Эрик сидел с Чарли, Адриенной и Габриэллой. Они на пять минут раньше улизнули с работы. Габриэлла наловчилась использовать зеркальные компакт-пудреницы, чтобы одурачивать лазерный глазок на циферблате часов. Когда она отражала лазерный луч к источнику, тот начинал передавать ложные сигналы головному компьютеру, который ускорял ход. Требовалось, чтобы работники, покидали офисы строго по расписанию. Габриэлла никому не рассказывала о своем трюке. Если все девочки в офисе начнут делать то же самое, очень скоро вся компания станет уходить с работы на пять минут раньше. Внутренней охране не потребуется много времени, чтобы выяснить причину такого явления.

Поэтому Габриэлла пользовалась своим трюком только изредка. Он позволял им занять хороший столик в Эль-Палацо. На противоположной стене у бара висел огромный экран. Кто-то превратил его в канал местных новостей. Диктор Мариан Маршалл с улыбочкой перечисляла случившиеся за день катастрофы. Никто не обращал на нее особого внимания, и канал вскоре переключили. Приближалось время начала футбольной трансляции.

Эрик лениво потянулся к своему пиву, и поспешно отдернул пальцы. Он случайно прикоснулся к переохлажденному металлическому бокалу, затем поднял его специальной ручкой и отхлебнул.

Друзья Эрика оживленно обсуждали ситуацию в Восточной

Африке. Хотя он и находил их разговор интересным, но тема не захватывала его. Тем не менее он не был замкнутым человеком. Просто ему не удавалось подбирать слова без какой-либо цели.

Они сидели за лучшим в Эль-Палацо столиком, и Эрик взглянул в широкое, искусно изогнутое окно. На западе солнце погружалось в Калифорнию, поджаривая отдаленные серебристые вершины Колорадских гор. Ресторан находился на сто четвертом этаже Селвер-Билдинг, вид из него открывался потрясающий. Если только вы не являлись ненавистником пустыни, ибо в этом случае картина показалась бы вам просто однообразной.

Эрику вид нравился свое безлюдностью. В Финиксе не осталось пустоты. По мере того, как верхние этажи небоскреба медленно вращались, западные горы уступали место ярким огням Каса Гранде. У Южного вокзала огни города сливались с огнями муниципального района Таксон.

Всходила луна, сегодня почти полная, струящая свой свет на Долину Солнца. За исключением центрального делового района, Финикс оставался на равнине во время своего расширения. Прекрасное место для жизни. Можно любоваться видом, как сегодня, и не чувствовать себя похороненным, выходя на улицы. Зданий в сто этажей и выше было немного. Здесь человек не чувствовал себя как в Нью-Йорке, Чикаго или Атланте.

По крайней мере так Эрику говорили. За исключением пары отпусков в Колумбии и деловых поездок на Восток, он никогда не бывал восточнее Альбукерка.

— ...и говорю вам, — Адриенна старалась говорить авторитетно, так, чтобы ее высокий, дрожащий голосок звучал убедительно, — они никогда не решат этот вопрос, пока федерация не откажется от своих притязаний на все территории к югу от Замбези.

— Ой, перестань, — возразила Габриэлла. — Ты же знаешь, что югафам плевать на все это. Там же ничего не осталось, кроме нескольких старых алмазных шахт.

— Знаю, но дело в принципе, — упорствовала Адриенна.

— Вы обе понимаете, — по-мужски твердо заявил Чарли, — что дело не в том, чего хочет та или иная сторона. Если будет указание из Швейцарии, обе группы заткнутся.

— Не знаю, — Габриэлла поиграла своим бокалом. — Фе-

дерация в последнее время становится чертовски воинственной. Если решение будет не в их пользу, я не удивлюсь, когда они выступят и захватят спорную землю.

Адриенна казалась шокированной. Ее было легко потрясти.

— Я слышала, как многие ораторы от Федерации посылали Коллигатара к черту публично, — продолжала смуглая девушка. — Это меня вовсе не удивляет.

— Зато меня это очень удивляет, — Чарли затушил окурок. — Они никогда не допустят этого. Вот увидите.

— А как электронный мозг это предотвратит, умник? — Спросила Габриэлла. — У него нет ни армии, ни оружия.

— Все зависит от того, что считать оружием, — тихо проговорил Эрик.

— Что? — переспросила Габриэлла. Она на какой-то момент совсем забыла об Эбботе.

— Информация — тоже оружие. Не нужно никаких угроз. Ты никогда не слышишь об угрозах, исходящих от Швейцарии. Мозг просто перестанет отвечать на вопросы Федерации. И это быстро их отрезвит. Они не смогут соперничать с соседями, которые будут продолжать получать ответы. Ни в рыболовстве, ни в добыче ископаемых, ни в производстве, ни в чем.

— Эрик прав, — быстро согласился Чарли, чтобы не упустить случая присоединиться к победителю. — Как Федерация будет продавать свой кофе, например, если не будет иметь информации о спросе и предложении, или даже просто прогнозы?

Габриэлла сдала свои позиции, но не окончательно.

— Я все же думаю, это возможно. Все зависит от того, как сильно они хотят получить эту территорию.

Чарли выглядел чрезвычайно довольным собой.

— Никоим образом, леди, ни этот кусок земли, ни закон не стоят хорошей капли ГПН. Увидишь, Федерация будет пыхтеть и фыркать, пытаясь получить от каффоеров все, что можно, но не рискнет пренебречь инструкциями Машины.

— Посмотрим, — воинственно проговорила Габриэлла.

Гул в зале усилился. Игра началась. Сегодня «Скорчеры» играли с «Филадельфией», и Френк Олуэй, телекомментатор, никак не мог наладить микрофон. Шумовой фон связан с резонированием аппаратуры с аэрокондиционной системой стадиона Каса Гранде. Не смотря на взошедшую луну, сна-

ружи в раскаленном солнцем бассейне Соноран-Десерт было больше ста градусов*.

Эрик и Чарли развернулись на своих стульях, а девушки начали шептаться между собой. Все они являлись страстными болельщиками. Их столик находился на помосте, возвышавшемся так, что с него открывался прекрасный вид не только из окна, но и на один из четырех огромных экранов, свисавших с потолка в центре зала.

Мимо проплыла официантка, и Эрик рассеянно заказал еще один гамбургер и жаркое, наблюдая сзади за Габриэллой. Девушка была, несомненно, привлекательна и, если верить Чарли, серьезно им интересовалась. Немного агрессивна, правда.

Габриэлла проследила взглядом за официанткой и оглянулась.

— Право, Эрик, не понимаю, как в тебя столько влезает. кто бы столько же ел и не толстел.

Утешительно ли это? — подумал он. Казалось, Эрик ел гораздо больше, чем кто-либо из его друзей, но в весе никогда не прибавлял, хотя и не утруждал себя физическими упражнениями. Это преимущество хорошего обмена веществ, думал он. Именно так ему и сказал доктор, когда Эрик спросил его во время ежегодного осмотра, который каждый в «Селверне» проходил в обязательном порядке. Просто его тело сжигало калории быстрее, чем у других. Время от времени он чувствовал себя виноватым, особенно когда позволял себе дорогостоящие блюда или роскошные десерты к ужасу своих сидящих на диете друзей.

Однажды Эббот выиграл для Чарли пари, умяв у Оскара Тейлора восемь кусков торта с шоколадным кремом. И это после плотного обеда. Удивлен был не только проигравший пари. Поразились все работники ресторана. Вдобавок Эрик отличался великолепным общим здоровьем, никогда не знал, что такое простуда или весенний грипп. Он не понимал, как это при умеренной заботе о себе можно получить простуду в таком жарком месте как Финикс.

---

* По Фаренгейту

— Я слежу за собой, Чарли, — заявил Эббот однажды своему ближайшему другу. — Быть здоровым не сложно.

— Да, но есть ведь и посторонние факторы. Надо избегать сопливых ребятишек, возвращающихся из школы домой, домохозяек, идущих с рынка, вышедших на прогулку стариков: у всех могут оказаться бациллы. В чем же твой секрет. Большие дозы витамина С?

Эрик покачал головой.

— Нет, просто забочусь, слежу за собой.

— Держу пари, стоишь часами перед зеркалом. — Оба засмеялись.

Когда составы команд на экране сменились картиной поля, к голосу комментатора присоединились крики людей, сидящих в нижних рядах. Кастиль только что ввел мяч и побежал обратно к отметке сорок. Хорошее начало. Зрители выпивали и смотрели матч в хорошем настроении. Всех охватил гладиаторский пыл, когда в незанятом углу ресторана произошла вспышка. Сначала никто не обратил на нее внимания, но когда свет усилился, разговоры быстро стихли. Тишина распространялась по залу, как волна тревоги, пока не остались только звуки ретрансляции, а голоса самых рьяных болельщиков не зазвучали вдруг визгливо и истерично, полные фальшивого энтузиазма. Взгляды хозяев и служащих одновременно переметнулись с экрана на необычное явление.

Те, кто сидел поближе и подумали об отступлении, отказались от него и остались на месте. Еда лежала на тарелках нетронутой, а лед таял в высоких бокалах и толстых кружках.

То, что появилось в ресторане, начало плавно и гибко двигаться по полу. Оно перемещалось с текучей грацией ароматного масла, ползущего по стеклу. Высокая, стройная фигура, высотой семь с половиной футов, прочная и устойчивая, несмотря на явное отсутствие скелета. Существо окружало колышущееся сияние, в котором курился дымок, что напомнило Эрику свет автомобильных фар, пробивающихся сквозь потоки дождя.

Тело было желтым, белея к краям. Кружащийся сияющий кокон закрывал более мелкие детали ниже головы. Последняя выглядела яйцевидной и гладкой, за исключением тонкого разреза рта и широких плоских глаз на туго натянутой коже. Ни ушей, ни волос, ничего, чтобы хоть как-то охарактеризовать эту чужеземную расу. Длинные руки элегантно свисали

к еще более длинным ногам, и в равной степени удлиненные пальцы находились там, где должны были быть колени. Последние, однако, отсутствовали.

Существо двигалось текучей походкой, очень подходящей сверкающему существу с кожей, похожей на резину. Никто не знал, какова эта кожа на ощупь, поскольку трудно было решиться проникнуть за электрические щиты, чтобы пощупать ее.

В бело-желтых глазах, молчаливо осматривающих зал, виднелись маленькие черные зрачки. Они могли действовать не зависимо от тела, как у хамелеона, но не могли, как потом утверждала одна истеричная домохозяйка, вылезать из орбит и отважно двигаться по комнате, словно съемные телекамеры.

Эрик сразу понял, кто перед ним. И остальные в затихшем теперь ресторане тоже тут же узнали существо. Как и все, Эббот был зачарован. Он тоже впервые оказался рядом с сайраксом.

Гость остановился и уставился на экран, следя за футбольным матчем с вниманием старого болельщика. Первое потрясение после его появления улеглось, и в ресторане постепенно опять зазвучали разговоры. Однако неистовых криков, которые обычно сопровождали каждую игру, не было. Разговор звучал приглушенно, а репортаж на экране, казалось, громыхал в зале, не заглушаемый пьяными голосами.

Пища тщательно разжевывалась, а спиртное медленно потягивали вместо того, чтобы выпивать залпом. Внимание переходило от игры к пришельцу и обратно. Хозяева разглядывали сайракса со смесью страха, неуверенности и напряженного любопытства.

Хотя пришельцы и редко материализовывались вне Отведенной Зоны, но такие случаи встречались, и потому не было особых причин для панического страха. Люди знали сайраксов более ста лет. За все время нигде не зарегистрировали ни одного случая, чтобы кто-нибудь из них причинил человеку вред.

Они общались только с профессиональными ксенологами и политическими лидерами, да и то довольно редко. То, что сайраксы интересовались человечеством, было очевидным, но чужеземцы умалчивали о том, в чем заключался их интерес, и люди истолковывали это как отчужденность, снобизм или скрытность. Те, кому приходилось иметь с ними дело,

воспринимали сайраксов с вежливым недоверием. С другой стороны, пришельцы если и не делились информацией, то вели себя вежливо. сайраксы никогда не высказывали своих намерений, так же как и то, откуда они взялись, хотя было известно, что их родина находится весьма далеко.

Чужеземцы прилетели в странном корабле после путешествия неизвестной длительности, припарковываясь на орбитах Земли, Луны, Марса, Европы или Титана на неопределенные периоды времени, прежде чем исчезнуть так же тихо, как и появились. Возвращались ли они домой или просто продолжали полет, никто не знал. сайраксы не разговаривали, а проследить их курс следования было очень трудно.

Ученые утверждали, что пришельцы либо жили очень долго, либо же им удалось обойти некоторые фундаментальные законы физики, поскольку, как известно, скорость света все еще являлась непреодолимым барьером для путешествия на большие расстояния. Но сайраксы не имели внешних признаков возраста, и вынести серьезное суждение по этому вопросу не представлялось возможным.

Бульварные газеты однажды запустили «утку», будто главное правительство намеревалось похитить сайракса для исследования, но Эрик не принимал этот слух всерьез. Ни одно правительство не решилось бы на такой риск. Несомненно, пришельцы обладали технологией намного более развитой, чем у человечества, но отсутствие у них враждебности граничило с полным безразличием с момента первого контакта с людьми. Сомнительно, чтобы они остались такими же миролюбивыми, если бы одного из них похитили и поместили в камеру, хотя ни в чем нельзя быть уверенным, когда имеешь дело с такой загадочной и непостижимой расой.

Наконец сайракс оторвал взгляд от экрана и двинулся между столиками. Когда он приближался к одному из них, разговор за ним смолкал. Зал наполнился гулом приглушенных голосов и мимолетными взглядами, поскольку каждый старался рассмотреть гостя, делая при этом вид, что не обращает на него никакого внимания. Эрик не сомневался, что пришелец чувствовал всеобщее внимание, но никак на него не реагировал.

К удивлению всех, он остановился у одного из столиков и, ничего не спросив, взял один из бокалов. Тот был высоким и тонким. Сайракс проигнорировал специальную ручку и

схватил переохлажденный бокал, как видно, совершенно не чувствуя холода. Четыре длинных гибких пальца (их легко можно было бы назвать щупальцами подумал Эрик) дважды обвили прозрачный цилиндр.

Чужеземец деликатно отхлебнул половину содержимого. Никакой видимой реакции на сладкий алкоголь не последовало. Сайракс сделал паузу, словно раздумывая, затем осторожно поставил бокал обратно на стол и двинулся дальше.

Женщина, чей напиток попробовал пришелец, уставилась на свой бокал. Выражение ее лица подсказало Эрику, что она не станет его допивать. Испугаться сайракса было трудно. Он имел только гладкие, грациозные очертания тела, ни клыков, ни когтей, ни даже просто зубов, — ничего угрожающего, кроме, разве что размеров. Несмотря на последние, сайракс напоминал детскую игрушку, однако скрытая напряженность в ресторане оставалась. Эрик тоже это чувствовал, хотя и не так сильно, как очевидные ксенофилы.

Габриэлла наклонилась и прошептала Адрианне:

— Надеюсь, к нам он не подойдет!

— Я тоже.

Чарли сделал притворную воинственную стойку

— Черт, а какая разница? Они никогда никого не трогали. Не понимаю, чего все так всполошились? Мне кажется, наоборот, это интересно. Знаете, а нам повезло. Здесь ведь нет репортера. Если мы поспешим, то сможем заработать бабки. Ты взял с собой камеру, Эрик?

Тот покачал головой, наблюдая за движениями пришельца.

— А с чего мне ее с собой брать, Чарли? Я же не в отпуске.

— Верно, — поддержала его Габриэлла. — С чего бы кто-то потащил сюда камеру?

По отсутствию активности было ясно, что камеры ни у кого в ресторане нет.

— Ну, хорошо бы оно убралось, — проговорила Адриенна. — А то мешает смотреть игру и портит мне вечер.

— Ой, не надо, — возразил Чарли, слегка повысив голос. — Продолжай смотреть! Чем он тебе мешает? Экран загораживает?

Сайракс, казалось, прореагировал на эти слова, хотя сказать точно было трудно. Слишком плавно он двигался! Ни одного резкого жеста, выдающего эту реакцию, ни одного рез-

кого поворота головы. Но чужеземец изменил курс, и, повернувшись по плавной дуге, направился прямо к их столику.

— Черт бы тебя побрал, Чарли, — пробормотала Адриенна, пытаясь не замечать приближающегося пришельца.

— Да чего ты волнуешься?

Но когда высокое, сияющее существо стало приближаться, голос Чарли начал слабеть, словно порыв ветра, что прошелестел в ветвях и унесся дальше. К тому времени, когда сайракс оказался на расстоянии вытянутой руки от него, бравада покинула молодого человека окончательно. Он опустил глаза и тыкал и свою тарелку обожженной бамбуковой палочкой.

Взгляд гиганта остановился на Чарли, затем небрежно прошелся по остальной компании. Эрик храбро встретил его, размышляя, какие еще функции выполняет маленький рот этого существа. Странная для такого момента мысль, хотя и логичная.

сайраксы телепортировались только на короткие расстояния, следовательно, данный чужеземец должен был быть переправлен с космопорта близ Бакки. Этим космопортом пользовались лишь очень немногие корабли, большинство же следовало в Мохейв или еще восточнее в Метроплекс, но очевидно недавно произошло какое-то изменение. Где же напарник этого сайракса, подумал Эрик. Они никогда не покидали своих кораблей поодиночке.

Несколько лет назад поговаривали о том, чтобы установить ограничения на передвижение пришельцев Отведенными Зонами вокруг космопортов. Как правило, в таких разговорах не учитывался простой факт, что подобные ограничения просто нереальны. Нельзя же помешать движению существа, способного к телепортации. Да к тому же не имеющие никакого расписания визиты чужеземцев были нечасты и безвредны.

Один сайракс — исследователь — даже снял с дерева котенка маленькой девочки, как только ему торопливо объяснили смысл отношений между человеческим детенышем и пушистым четвероногим. Такой жест должен был бы породить некоторую симпатию к гостям, но не породил. Эрик и Чарли проболтали об этом много времени, как и их более изощренные знакомые. Было печально сознавать, что человечество так и не избавилось от примитивных страхов. К сожалению, молчаливые сайраксы, окутанные тайной, не сделали

ничего, чтобы ее развеять. И есть ведь типы, которые могут вынести все, кроме того, что их игнорируют.

Сайракс завершил осмотр их столика, повернулся и пошел-поплыл к бару в центре зала.

— Боже мой, — прошептала Адриенна. — Как вы думаете, не собирается ли он что-то заказать? Никогда не слышала, чтобы они говорили.

— Голос, как голос, — сказала Габриэлла. — Я слышала их на пленке. Просто голос, и только.

— Нельзя ли здесь за что-нибудь зацепиться? — Чарли занимался рекламой, и мысли о коммерции вечно крутились у него в голове. Представьте себе космическое объявление: «Бар, который поставляет внеземные напитки». У меня есть клиенты, готовые совершить убийство ради такой возможности.

Он мысленно уже потирал руки.

— Полцарства за камеру!

Сайракс молчал. Во всяком случае, он не делал никаких заказов, просто продолжал глазеть на экран, пока по нему носились футболисты размерами более чем в натуральную величину.

— Дружеский поединок, — пробормотал Эрик. — Любопытно, что он об этом думает?

— Удивлюсь, если этот тип вообще понимает, что происходит, — добавил Чарли.

— Трудно сказать. Хотелось бы мне посидеть и поговорить с одним из них, чтобы это выяснить. Многое выяснить.

— Насколько я понимаю, они не очень-то склонны к беседам, — сухо заметил Чарли.

Сайракс отвернулся от экрана и подошел к еще одному столику. Две пары с обычной тихой тревогой наблюдали за его приближением. Одна из женщин за столиком была особенно привлекательна и вовсе не стеснялась демонстрировать свои прелести. Кто-то у стойки бара отпустил сальную шутку, и в гуле голосов прозвучало несколько нервных смешков.

Внезапно сайракс исчез. Вспышка, «крак-крак» в воздухе, забавный запах горелого, и нет пришельца. Две женщины за столиком вскрикнули — никакого ужаса, просто выражение удивления. Происшествие закончилось. Визит длился менее пяти минут, но казалось, прошло несколько часов.

Прежде парализованные люди тут же начали двигаться,

ерзать на стульях, поправлять одежду. Некоторые направились в туалет, а другие торопливо заказывали выпивку.

«Филадельфия» завершила тридцатипятиярдовый прорыв и кто-то громко вскрикнул. Жизнь в ресторане вернулась в нормальное русло. Все завершилось суетой, возбуждением, смешанным с облегчением. Метрдотель схватил телефон, несомненно, связываясь с местной телекомпанией. Вскоре один или несколько репортеров появятся здесь и будут, как сумасшедшие, расспрашивать присутствующих.

«И какова же была ваша реакция на появление пришельца, мисс?.. Смотрите, пожалуйста, в камеру».

Одни будут лгать, другие скажут правду. Наиболее фотогеничные получат шанс появиться на экране. Эрик высоко оценивал шансы женщины за последним столиком. Для телетрансляции это среднее событие, и каналы новостей «пожуют» его пару дней, а затем все будет забыто.

Многое забылось уже во время игры. К перерыву между таймами Финикс выигрывал. Эрик прикончил второй гамбургер и жаркое. Теперь вся компания была занята мороженым. И тут разговоры в зале смолкли во второй раз. На экране появился Эулио Ортега. В ресторане воцарилось напряженное ожидание.

Каждую неделю во время перерыва в главной игре национальными студиями проводилась особая презентация имен тех счастливчиков, которых квалифицировали для Ворот. Это вызывало даже больший интерес, чем сама игра.

— Интересно, кто же на этот раз заполучит Ворота? — спросил Чарли.

— Да уж не ты и не я, — проговорила Габриэлла, крепко затягиваясь сигаретой. — Не понимаю, почему это вообще всех так волнует?

Но она так же, как и все остальные в зале, прилипла к экрану.

— Никогда не узнаешь, — возразил Чарли. — Они все время отбирают обыкновенных граждан. Кто-то же должен убирать мусор в колониях.

— Действительно так и есть, — вставила Адриенна, — но у них нет недостатка в рекламных агентах.

— Они основываются не только на профессии, — заспорил Чарли. — Иногда достаточно определенного психологического описания.

Габриэлла одернула его:

— Тише, они объявляют.

Но этот раз Ворота достались троим, о чем Ортега и доложил слушателям. Счастливчиками оказались Шейла Онлуйо из Найроби Кения, майор Онапура из Коломбо, Шри Ланка, и Атали Матайа из Тихоокеанской Конфедерации, Тонгалеву.

Раздалось несколько стонов притворного разочарования. Вероятность оказаться среди счастливчиков была ничтожно мала, хотя Чарли не ошибался, говоря, что выбрать могли каждого. Это напоминало самую обычную лотерею с традиционным концом-вознаграждением — поездкой в рай. Или точнее на Эдем и Гарден.

Сегодня все прошло мимо их региона. Ни одного североамериканца. Все, кроме последнего, представители Старого Света.

Ортега продолжал, сообщая краткие биографические данные трех счастливцев. Двое мужчин и одна женщина: первый — агротехник, второй — программист, третья — инженер-биоихтиолог.

— Как раз твои средние граждане, — заметила Габриэлла. — Первые попавшиеся. Так они всегда и делают.

Чарли пытался восстановить свою главенствующую роль в разговоре.

— Послушай, только не говори, что ты не помнишь, как шесть месяцев назад они подобрали ту задницу с улиц Чикаго?

— Какую задницу?

— Я помню, —весело проговорила Адриенна. — Он был просто лодырь и ханурик.

— Без работы? — подозрительно спросила Габриэлла.

— Нет, я тоже помню этот случай, — отозвался Эрик. — У него не было никакой профессии. Испаноязычный, неженатый, без близких родственников. Они отослали его с двумя транспортными работниками. Никаких дипломов или отличий в той группе.

— Вот видишь? — просиял Чарли и с триумфом посмотрел на Габриэллу. — Любого могут выбрать.

— Возможно, — неохотно согласилась она, — но это чертовски маловероятно. Может, они делают это только для того, чтобы поддерживать у всех надежду?

— Не лишено смысла, — заметил Эрик.

— Чушь. Просто они придерживаются определенных стандартов, — настаивал Чарли. — Слишком уж велика ставка.

— Это тоже отнюдь не малая ставка — поддерживать во всех нас, рядовых гражданах, уверенность, будто мы имеем такие же шансы урвать от небесного пирога, как и те, кто имеет три докторских степени.

— Ну... возможно. Только у меня дыхание не перехватило.

— Однако разве это не удивительно, — задумчиво проговорила Габриэлла, наклонившись вперед и испугав Эрика тем, что потерлась своим коленом об его. — Гарден и Эдем, райские миры, где фермеры собирают три урожая в год, где пейзажи захватывающей дух красоты, где круглогодично прекрасная погода. Никаких опасных животных, никаких источников загрязнения, о которых стоило бы беспокоиться, все удобства современного общества регулярно поставляются через Ворота... бесплатно. Я бы не колебалась ни минуты, если бы у меня появился шанс.

Она вдруг посмотрела Эрику прямо в глаза.

— А как ты, Эрик? Поехал бы?

— Не знаю, — неловко ответил он, остро ощущая трение колена под столом. — Думаю, да. Каждый согласился бы.

Это было правдой. Правительству не требовалось никого уговаривать. Едва ли кто отказался бы от Ворот. За сто пятьдесят лет работы Ворот произошло всего лишь два или три случая, когда выбранный отказался от предоставленной возможности. Чудаки. Все остальные поехали. Кто же откажется от бесплатной поездки на Эдем, если ему предложат?

Об этом каждый может только мечтать. Самые низкие из низких надеялись, что по каким-то невероятным психологическим причинам они окажутся избранными. У бедняка такие же шансы, как и у миллионера.

«Конечно же, я воспользовался бы такой возможностью», — сказал себе Эрик. Как бы то ни было, сейчас, судя по глазам Габриэллы и действиям ее ноги, имелись гораздо более реальные возможности. Казалось, он сможет получить кое-что помимо Ворот.

Церемонии в перерыве закончились, и игра возобновилась. Призрачные шансы попасть в Ворота были смыты возгласами болельщиков и голосом комментатора.

Вечер тянулся, и Эрик с интересом, если не с излишним энтузиазмом, отвечал на заигрывания Габриэллы. Она была

достаточно привлекательна и, как утверждал Чарли, действительно интересовалась им, хотя все еще казалась ему чуточку агрессивной. Время покажет.

Игра подходила к концу. Ко всеобщему удовлетворению Финикс на последней минуте вырвал победу.

Публика начала расходиться, и в ресторане остались только любители выпить. Местный Коллигатар передал сводку погоды. Затем последовали новости бизнеса. Эрик убрал свою ногу от ноги Габриэллы и встал.

— У меня завтра хлопотный и напряженный день.

— Да, да мы знаем, — проговорил Чарли, тоже вставая и отодвигая свой стул. — Мы видим заголовки. «Блестящий конспиратор ««Селверна»» работает целый день».

Компания рассмеялась.

— Да нет, я серьезно, — запротестовал Эрик. — На следующей неделе мне надо лететь в Гонконг.

— В Гонконг? — переспросила Габриэлла. — Восхитительно.

— Возможно, но не тогда, когда бывал там уже столько раз.

— Ты никогда не говорил мне, что компания посылает тебя за моря.

— Вы же знаете Эрика. Так он вам и скажет, — подмигнув Габриэлле, прокомментировал Чарли. — Он считает. что все, что он говорит о себе, звучит как бахвальство.

— Думаю, это не бахвальство. Просто бизнес, — возразил Эрик. — У «Селверна» там большой завод, готовящийся к выпуску новых кольцевых экранов. Они, как предполагается, начнут производиться в следующем году, и поскольку я проектировал дублирующий контур, мне нужно принять участие в его монтаже.

— Ну, — заявила Адриенна, — наверное, не далек тот день, когда ты перестанешь ходить сюда обедать с нами, рядовыми работниками. Сдается мне, тебя скоро повысят.

— Скоро? Как бы не так! — гордо заявил Чарли. — Практически все решено. Заместитель Главного Конструктора.

— Это не значит, что ты покинешь Финикс? — поинтересовалась Габриэлла.

— Нет, — ответил Чарли, раньше, чем Эрик успел открыть рот. — Просто переедет несколькими этажами выше. Вскоре ты сможешь ходить обедать по лестнице.

— Дай мне передышку, хорошо, Чарли?

— О чем ты хочешь подумать? Если серьезно, я считаю, что все это отлично. Хотелось бы мне поехать вместе с тобой. Никогда не был в Гонконге.

— Да, но ты должен поехать в Каракас. Я тебя туда запродам.

— С удовольствием, если справлюсь.

Габриэлла поднялась.

— Нам тоже пора. Я не собираюсь торчать здесь и слушать, как вы оба хвалитесь своими полными разнообразия жизнями.

— Можешь путешествовать вместе с нами, — тут же проговорил Чарли, используя любую возникающую возможность перехватить инициативу.

— Чарли... — предупреждающе произнес Эрик. Он заметил, что идея пришлась Габриэлле по вкусу. Его тревожила мысль, что девушка пытается завязать с ним длительные отношения, то есть как раз то, что ему вовсе не улыбалось.

— Может, соберемся завтра снова? — предложила Адриенна.

— Я — за, — отозвался Чарли, кивая на своего друга. — то есть, если талантливейший конструктор «Селверна» сможет оторваться от своей работы.

Они расплатились и прошли через зеркальный холл к лифтам.

— Право же, в этом что-то было, — заявила Адриенна. — Я хочу сказать, что прямо настоящий сайракс перед нами. Я его могла рукой потрогать.

— Он, вероятно, этого не позволил бы, — возразила Габриэлла, уставившись в стенку. — Я слышала, им не нравится, когда их трогают. Возможно, это связано с полем, которое они носят.

— Это не какое-нибудь защитное устройство? — спросила Адриенна.

— Нет, — ответил ей Эрик. — Я где-то читал, что это нечто вроде излучающего костюма, необходимого для поддержания нужного давления и атмосферы. По крайней мере, так утверждал автор статьи.

— Кажется вполне правдоподобным, — поддакнул Чарли, который всегда признавал разумные доводы, даже если его профессия этого не требовала.

Они расстались в холле, находившемся на уровне улицы.

Габриэлла украдкой поцеловала Эрика, пока Чарли ощупывал Адриенну. Она пыталась изобразить возбуждение. Мужчины окидывали девушек взглядами.

— Очень мило, — высказал свое мнение Чарли. — Может, как-нибудь на уик-энд покатаемся на лыжах?

— Да я даже понятия не имею о лыжах, Чарли.

— Я тебя научу. Тебе следует выезжать почаще. Ты в лучшей форме, чем я, и уж если я могу кататься, то ты и подавно.

— Мне бы твою уверенность.

— А мне бы твои мозги. Говоря о твоей хорошей форме, я не знаю, кто в компании управляет делами с кольцевым экраном. Что касается повышения, то...

— Сделаю, что могу, Чарли. Ты же знаешь. Хотя почему они прислушиваются к конструктору, понять не могу.

Эрик и Чарли выбрались на улицу. Час-пик прошел, пока они наслаждались ужином и футболом, но улицы все еще оставались полны людей, которые возвращались домой с работы.

Башни из стали и стекла были залиты светом. Доминируя над более низкими шпилями, возвышались маяк аэропредупреждения и лазерная радуга, которая венчала здание «Ассошиейтед Дайнемикс». Небоскребы были разумно расположены около центрального коридора, позволяя луне светить между ними. Они размещались по плану. То, что горожане могли ходить по улицам, не чувствуя себя подавленными окружающей обстановкой, приносило пользу их духовному здоровью.

На небольшом здании луч лазера носился по дисплею высотой в несколько этажей. Старомодные неоновые рекламные вывески висели на домах по обеим сторонам улицы.

Люди торопились в увеселительные заведения. Пары шли, держась за руки, одиночки искали, с кем бы встретиться глазами. Несколько кришнаитов задели Эрика и Чарли, проходя мимо. Они были одеты в одинаковые серые деловые тройки и шафранные накидки, завязанные сзади узлом. Харары на углу улицы приставали к прохожим и вручали свои листовки всем, кто соглашался их взять. Их истерия утихла, поскольку продолжалась уже около девяноста лет.

Взглянув на запад, молодые люди могли увидеть линию машин, медленно ползущих к шоссе Черного Каньона, продвигаясь по дюйму к Вэн Бьюрену. Владельцы сезонных билетов направлялись по домам в Флэгстаф, Пейсон, Юму,

Хавасу-Сити и Кингмен, а футбольные болельщики возвращались в Вегас и дальше на север. Нигде на было видно нищих. В толпе часто слышался смех.

Рестораны на первых этажах источали пряные и острые ароматы мексиканской кухни. Книжные магазины и художественные галереи обещали пищу для ума и глаз. Картина сильно отличалась от того, что было здесь пятьдесят лет назад.

Очень многое объяснялось деятельностью Коллигатара. Машина многое очистила и создала возможность большему количеству жителей наслаждаться прелестями жизни. Осталось несколько очень богатых семей, но потрясающая нищета прошлого была в основном искоренена. Жизнь на планете Земля являлась довольно приятной. Конечно, не сравнимая с двумя райскими мирами на планетах-колониях, но о таких высотах мечтали лишь немногие смертные. Большинство было удовлетворено своей жизнью.

И, как утверждал Чарли, всегда существовал шанс, что в какой-то день Власти выберут рядовых джо и джейн для восхитительного путешествия. Эрик никогда об этом не думал. Он не был мечтателем.

Станция Вэн Бьюрен находилась всего в нескольких кварталах. Молодые люди не обращали внимания на запрограммированные приветствия робокэбов и свернули по бульвару на восток. Когда целый день сидишь за конторкой и весь вечер за обеденным столом, лучше немного пройтись, чем втискиваться в трубокар.

Они пересекли Вторую улицу, когда перед ними появилась мощная машина с беззвучным электромотором. Сквозь лобовое стекло виднелись несколько пассажиров несмотря на то, что оно было затемненным. Все, кроме шофера, смотрели на экран. Яркие огни близлежащего отеля проникли сквозь стекло и осветили салон машины.

Вот тогда-то Эрик и увидел эту девушку. Все произошло очень быстро, а когда незнакомка повернулась к нему лицом, ему показалось, что смотрит сквозь него. Крошечное личико эльфа; огромные, преследующие глаза неопределенного цвета; маленький рот и волосы, откинутые назад свободной волной, ласкающие шею, словно золотисто-каштановое одеяло.

Потом машина свернула за угол. Эрик какое-то время показавшееся ему половиной вечности, стоял, открыв рот.

Затем он побежал.

3

Чарли старался не отставать, но тем не менее оставался все дальше и дальше позади. Испуганные прохожие разбегались в стороны от Эрика. Некоторые посылали ему вдогонку проклятия. Он их не слышал, так же как не слышал яростных криков своего друга.

Эббот завернул за угол и остановился. Машина исчезла в неизвестном направлении. Эрик разочарованно поискал ее глазами, но с ближайшего перекрестка она могла уехать в трех различных направлениях. Все что ему оставалось делать, это стоять и пытаться разглядеть машину поверх толпы. Некоторые прохожие посматривали на него подозрительно. Чарли тоже. Он тяжело дышал, догнав наконец своего друга.

— Что все это значит, черт побери? Тебе что, оса в штаны попала?

Эрик сперва даже не услышал его. Затем он оглянулся и тихо проговорил:

— Нет. Нет, я увидел кое-кого.

— Правда? Может быть, ты мне скажешь, кого именно? Друга, убийцу, мисс Вселенную? — Эббот продолжал молчать, и тогда Чарли саркастически добавил: — Ну намекни хотя бы: зверь, овощ или минерал?

— Гм, — глаза Эрика были прикованы к перекрестку в ожидании, не появится ли там еще раз та самая машина. — Это была девушка.

— Какая-то девушка! Она что, тебя пальцем поманила?

— Нет. Вовсе нет, — ответил Эббот и добавил задумчиво: — Я думаю, что она на меня посмотрела, но не совсем уверен.

— Извини, я ее не разглядел. А ты никогда не хотел попробовать себя в качестве полузащитника у «Скорчеров»? Ты бы им подошел.

— Как жаль, если я кого-нибудь сшиб, — пробормотал Эрик, вспомнив о тех прохожих, которых он так грубо распихивал во время своей безумной погони.

— Да ну, брось, — Чарли положил руку на плечо другу. — Я уверен, они уже все забыли, — он оглянулся. — По крайней

мере, должны были забыть. Но я не хочу торчать здесь и дальше, чтобы узнать это наверняка, — и Чарли потащил Эрика к метро. Тот шел медленно.

— Ну же, приди в себя, Эрик. Ты видел девушку. Прекрасно. Она исчезла. Забудь о ней.

— Я не могу забыть о ней, Чарли, — следующие слова он произнес вопреки своему рассудку. Он просто материализовал их, как сайракс.

— Кажется, я влюбился.

Молодой рекламный администратор остановился. Некоторое время он изучал тротуар, затем пристальным взглядом посмотрел на своего давнего друга. На его лице застыло искреннее удивление. Наконец, прищурив один глаз, Чарли произнес:

— Забавно, забавно. Ты меня разыгрываешь, да?

— Нет. Вовсе нет. Я серьезно, Чарли.

— Ну конечно.

— Я тебя уверяю.

Чарли нахмурился, криво усмехнулся.

— Нет, будь я проклят! Такие красавицы, как Габриэлла, прямо-таки вешаются на тебя, а ты можешь мечтать о каком-то там воображаемом лице, промелькнувшем в ночи. — Он поднял руку и сблизил большой и указательный пальцы так, что между ними осталось не более полутора миллиметров. — Вот сколько у тебя шансов увидеть это лицо когда-нибудь еще. Или, может быть, тебе тиснуть объявление в газету? — «Разыскивается девушка, которая в последней раз была замечена проезжающей через перекресток Вэн Бьюрен и Второй улицы в семь тридцать вечера восемнадцатого сентября». Несомненно она окажется страстной любительницей подобного рода объявлений. Она прочтет твое и немедленно тебе позвонит. Затем ты женишься, и вы заживете счастливо.

— Эх, Чарли, нет в твоей душе романтики.

— Как же нет, черт возьми! — ответил он. — Спроси Адриенну.

— Я же сказал, романтики, а не похоти.

— Слушай, — не унимался Чарли, — это не важно. То есть все было интересно и необычно. Из этого выйдет классная история, которую завтра можно будет рассказать в офисе, но только тебе нужно готовиться к поездке в Гонконг, а мне проектировать оформление вкладыша. В общем, я имею ввиду,

что все надо воспринимать в перспективе. Как насчет того, чтобы попустить стаканчик, прежде чем спускаться в подземку?

— Нет, Чарли, нет. Зачем ты будешь задерживаться из-за меня. Поезжай один.

— Какого черта? У тебя все еще чудаковатый вид. Я доставлю тебя домой. Я так и вижу репортаж в часовой программе новостей: «Выдающийся молодой конструктор «Селверн Инкорпорейтид» был обнаружен в четыре часа утра блуждающим по улицам Финикса в невменяемом состоянии. Последующее расследование показало, что он влюбился в лицо, замеченное им в толпе на улице. Письма и соболезнования направлять в санаторий Чэндлера», — Чарли подождал немного и затем заговорил снова, причем сарказм в его голосе пропал. — Что, она действительно была так хороша?

— Я никогда ничего подобного не видел, Чарли, — голос Эббота прозвучал с необыкновенной энергией. — Это не была красота кинозвезды. Это нечто иное. Что-то мечтательное и неземное, как будто с картин Пэрриш.

— Быть может, во сне она явится к тебе снова, Эрик. Но этого не произойдет, если мы сейчас же не уберемся отсюда, — Чарли посмотрел на часы. — А ты знаешь, что происходит в будни после восьми? Поезда в подземке начинают ходить с получасовым интервалом вместо десятиминутного. Я не собираюсь так долго торчать на станции. Я хочу добраться домой.

Эрик глубоко вздохнул и улыбнулся.

— Я тоже, — затем добавил извиняющимся тоном: — Ты прав во всем. Это было интересно, но увы...

— Я же говорю, из этого выйдет отличная история. Но я не буду ее рассказывать, если ты этого не пожелаешь.

— Какая мне разница? Давай, повесели ребят, — Эрик потянул друга за руку. Они пошли вверх по Вэн Бьюрен.

— Ведь это не будет иметь значения, даже если ты все-таки ее найдешь, — сказал Чарли в полной тишине. — Я тоже видел машину.

— Но ты не видел людей внутри.

— Нет не видел, но это была «Кадота», и управлял ею шофер вместо программы. Такая штука по карману только богатым людям. Ты, конечно, великолепный конструктор, и все такое. Но это имеет значение для таких девчонок, как

Габриэлла. А та таинственная девушка принадлежит, наверняка, не нашему классу. Ведь будет только хуже, если ты все же разыщешь ее каким-нибудь чудом, а она просто не обратит на тебя никакого внимания.

— Вероятно, это так, но кто тебе сказал, что любовь поддается логике?

— Значит, ты все еще влюблен в нее без памяти.

Эрик кивнул, слегка пожимая плечами.

— Потрясающе, — пробормотал Чарли. — Прекрасно. Габриэлла, того и гляди, прыгнет к тебе в постель, а ты вместо этого думаешь о женщине, которая мелькнула перед тобой долю секунды и даже тебя не видела. Разве после этого ты не похож на кандидата в сумасшедший дом?

— Подожди минутку, Чарли. В чем тогда прелесть жизни, если в ней нет таких вот отклонений от нормы? Что такое жизнь без исключительных исключений?

— Чувственная, удобная и приятная, — немедленно ответил Чарли. — По-другому я не могу на нее взглянуть.

— Ну и черт с ней, — неожиданно сказал Эрик, хлопая друга по плечу, и в свою очередь глядя на часы. — Мы все еще можем успеть на семь пятьдесят, если поторопимся, — и он ускорил шаг.

Чарли надеялся, что ему удалось спасти друга от этого необъяснимого, внезапного помешательства, но хотя Эрик больше не упоминал о случившемся, говорить с уверенностью было рано. Эббот обладал способностью хранить практически забытые вещи где-то на задворках своей памяти, а затем выуживать их оттуда на всеобщее обозрение в самый неожиданный момент. Действительно ли его покинуло это вечернее безумие, или, может быть, все это было частью хорошо продуманной шутки? Но об этом Чарли хотелось думать меньше всего.

Действительно, сложилось впечатление, будто Эрик обо всем забыл, пока они возвращались домой. Молодые люди говорили о бизнесе, о погоде, об играх в то время, как вагон на большой скорости скользил по магнетическому туннелю, проложенному под улицами, под автострадой Черного Каньона, строго на север к арке над каналом Аризона.

— Чарли?

— Что? — он ждал вопроса. В вагоне кроме них находились

еще восемь припозднившихся пассажиров, и было много свободных мест.

— Я знаю, что ты сканер.

— Ну и что из этого? — беззаботно ответил Чарли. Этим словом было принято называть тех, кто обладал почти идеальной памятью. Это была одна из причин, по которой он так быстро поднялся до рекламного департамента в «Селверн». Чарли мог воспроизводить цифры и чертежи с легкостью, недоступной его коллегам.

— Эта «Кадота». Быть может, ты запомнил ее идентификационный номер?

— Нет, с какой стати? — в ответе прозвучала легкая нотка неуверенности. — Почему ты решил, что я должен сканировать все проходящие машины?

— Потому что ты по другому не можешь. Ты это делаешь все время, помимо своей воли. Ведь ты запомнил модель.

— Ну и что? Просто на наших улицах не так часто можно встретить «Кадоту». Они почти также редки, как и «Роллсы»

Эрик внезапно повернулся и схватил друга за плечо. Выражение его лица было угрожающим.

— Я бы сам его заметил, но я смотрел на девушку. Я ни на что больше не мог смотреть после того, как увидел ее лицо.

Чарли поправил свой рукав.

— Возможно, я видел номер мельком. Часть его, во всяком случае.

— Ну давай же, не заставляй меня вытягивать его из тебя.

Видя, что Чарли продолжает сопротивляться, Эрик сел глубже на своем сидении и поднял руку.

— Обещаю, я не буду сходить с ума.

— До сих пор ты убеждаешь меня в обратном. Что, черт возьми, ты будешь делать с этим номером? Ты не полицейский, и полиция, разумеется, не станет снабжать тебя какой-либо информацией.

— Ну, дай мне этот номер... дружище.

— О'кей. Аризона, ЛЕФ 46672. Может быть, ты еще ожидал, что на этой «Кадоте» будет нацарапан торговый номер?

— Спасибо, Чарли. Тысячу раз спасибо.

Пальцы Эббота забегали по передатчику на его правом запястье. Далекий компьютер послушно провел информацию

через общую цепь в его домашний терминал. Только тогда, когда все было сделано, он позволил себе снова отдохнуть.

Больной, подумал Чарли, очень плох. Он мысленно пожал плечами. Не мое дело. Возможно парень придет в себя после хорошего, крепкого сна. Эрик был слишком благоразумным, чтобы бегать за какими-то призраками. Кроме того, на следующей неделе он уже будет в Гонконге. Пусть позабавится пару дней. Какой вред в том, что он хочет притворяться героем какого-нибудь сериала? У него столько же шансов найти свою ночную леди, сколько у них всех стать завтра вице-президентами компании.

Это было безобидное помешательство. Эрик мог неуклонно добиваться того, чего хотел, но не сходил с ума по этому поводу. Чарли хорошо это знал. Эббот был хорошим другом. У него всегда имелось наготове интересное замечание. Он всегда был рад посмеяться чужой шутке, не угрожал, никогда не пытался доминировать на вечеринке или в разговоре. И если ему оказывали предпочтение, то Чарли не обижался. Он не страдал от непомерных амбиций. Таинственные красавицы не для него. Чарли был вполне доволен, ограничившись канцелярской заводью «Селверн».

Вагон замедлил свой ход по тоннелю, и в динамике наверху прозвучал мелодичный женский голос:

— Мы приближаемся к станции «Нью Ривер-один».

Несколькими минутами позже они миновали «Нью Ривер-два», затем «Нью Ривер-три».

— Повторяю, это последняя остановка на «Нью Ривер». Следующая станция «Кэмп Верде».

Эрик и Чарли вышли. На крытой стоянке было припарковано несколько разнообразных вездеходных скутеров. Чарли кинул кейс на заднее сидение своего собственного транспортного средства, надел шлем и защитные очки, сам сел на переднее сидение и включил электромотор.

— Увидимся утром, приятель.

— Как обычно, — заверил его Эббот, подмигивая и проверяя исправность своего скутера.

Они разъехались в противоположных направлениях. Эрик наверх к своему маленькому дому на холме, Чарли вниз к кодо-комплексу для холостяков, который растянулся вдоль пересохшего русла реки.

Под монотонное гудение мотора Эрик размышлял о своем

друге. Чарли мог быть нахальным, иногда бесцеремонным, но очень редко несносным. И несмотря на его напускную грубость, он явно встревожился. Трудно было винить его за это.

Я просто должен все скрывать, думал Эрик. Нельзя заставлять Чарли волноваться за меня. Как Эббот мог осознать, что лицо, мимолетно виденное им этой ночью, так поразило его и отодвинуло далеко на второй план все остальные заботы? Башни, рестораны, переходы, потенциальные грабители, дороги, дела и приглашения Габриэллы, все это теперь превратилось в отдаленное воспоминание. Единственным близким и реальным осталось лишь бледное, волшебное лицо, промелькнувшее за покрытым копотью защитным стеклом. Большое и светлое, как луна в пустыне, оно все еще стояло перед его глазами.

По подъездному пути Эрик подъехал к дверям своего компактного сборно-разборного жилища. Внизу блестели огни Нью Ривер, редея в западном направлении.

Зайдя внутрь, он вылез из своего костюма, и осторожно повесил его в шкаф для чистки. Тот немедленно заработал, электростатически удаляя пыль и грязь. Эрик не включил экран и не взял книгу, как обычно делал раньше.

Вместо этого он прошел на заднюю веранду и сел там со стаканом ледяной воды в руке, глядя в ночь на залитый лунным светом Тейбл Меза.

Из кодо-комплекса донесся смех. Маленькие кубические строения были выкрашены в тот же оттенок красного цвета, что и песчаник, на котором они были построены. Эббот было подумал о том, чтобы спуститься и вместе с Чарли принять участие в этой полуночной болтовне, или, может быть, окунуться пару раз в искусственном водоеме в надежде забыть о том забавном положении, в котором он оказался.

Но ведь это была настоящая любовь, а как любовь может быть забавной? Странная мысль заставила его улыбнуться. Эрик отхлебнул холодную воду из стакана. Лицо незнакомки не покидало его ни на секунду. Мысленно он видел ее все так же отчетливо. Она взывала к нему, настойчиво тянулась, проникала в сознание. Призрак, привидение, сон, помешательство — неважно, как называть эту красоту.

Очевидно, Эрик должен был что-то предпринять.

В эту ночь он спал скверно. Лицо не исчезало. Снотворное помогало лишь на короткое время, и Эббот боялся, что ему

придется попробовать что-нибудь более сильное. Он беспокойно ворочался на холодном водяном матрасе и в конце концов сел на кровати за час до звонка будильника, чувствуя себя так, будто не спал вовсе.

Разговоры Чарли о помешательстве, и его личные наблюдения позволяли заключить, что некоторые сумасшествия обладали способностью возвращаться снова и снова, не давая ни минуты покоя своей жертве. Здравомыслие друга не могло помешать ему постоянно думать об одном и том же. Его сознание просто не оставляло ему другого выхода. Резкий звонок вывел Эрика из оцепенения. Сидя на кровати в безмолвной темноте, он забыл выключить будильник.

Измученный, Эббот протер глаза, прислушиваясь к шуму кофеварки, которая начала готовить ему утренний кофе. И программу он забыл изменить.

Но самым неприятным был не кофе. Скоро Эрик должен был одеться. Его ждали схемы, которые требовалось испробовать, образцы для утверждения, презентация, которую нужно было подготовить. Поездка в Гонконг обещала стать важной ступенью в карьере.

В ванной он ополоснул водой лицо и отметил, что глаза покраснели. Внезапно Эрику показалось, будто перед ним чье-то незнакомое лицо.

Вроде бы это был Эрик Эббот, возраст тридцать один год, ведущий молодой конструктор «Селверн Инкорпорейтид». Это должен быть он.

Вот мой дом, думал Эрик. Мой лучший друг живет у подножия холма, и его зовут Чарльз Симмс. А на работе у нас есть девушка, очень симпатичная девушка, которая, кажется, собирается лечь со мной в постель. Ее зовут Габриэлла Маркуэс. Во мне шесть футов и один дюйм росту и 185 фунтов весу, и это скорее благодаря хорошей наследственности, чем регулярным физическим упражнениям.

Я не помешан. Ведь это болезнь. Я всегда был здоров и телом и духом, и не собираюсь ничего менять.

Но как же тогда насчет этого незнакомца в зеркале? Мог ли он измениться неожиданно и не в лучшую сторону? Мог ли он стать чем-то чуждым прежнему Эрику Эбботу?

Чем больше Эрик смотрел, тем больше перемен находил в своем лице. Глаза расширились, ресницы удлинились. Черные волосы сделались более длинными и волнистыми, а шея ка-

кой-то змеевидной. Черты лица становились все более мягкими, и растекались, как пластик, до тех пор, пока в зеркале стало отражаться уже не лицо. Это была бесформенная, пульсирующая масса плоти, сплошное мясо и никакой души.

Эббот яростно отвернулся от зеркала и швырнул на пол флакон с лосьоном после бритья. Тот подпрыгнул на виниле, отскочил от шкафа и затих в углу. Зеленая жидкость заплескалась внутри. То же самое, похоже творилось, с кишками Эрика.

Он облокотился на раковину, внезапно ощутив, что нуждается в поддержке. Первый раз в жизни, сколько Эббот себя помнил, его тошнило.

Сумасшествие, это сумасшествие, думал он в исступлении. Наверно, Чарли прав. Это не может быть ни любовью, ни даже романтическим увлечением. Это вполне здоровые чувства, а я себя чувствую не слишком-то хорошо. Пора повзрослеть, пора выкинуть всю чепуху из головы и начать жить реальной жизнью.

Эрик добрался до полуоткрытого платяного шкафа и потянулся за галстуком. Его рука повисла над маленькой коробкой для украшений, но он отдернул ее, обернувшись, схватился за телефон и прижал трубку к уху. Некоторое время Эббот стоял без движения, затем энергично набрал номер восемьдесят четвертого этажа «Селверн Тауэр».

В ответ он услышал голос, и на экране появилось лицо. Эрик подумал о том, что хорошо бы отключить видеосопровождение. И не из-за того, что он не хотел, чтобы компьютер, принимавший звонки, видел его лицо. На этом этаже работали сотни людей.

Но зачем скрываться, подумал Эрик? Мне не от чего чувствовать себя виноватым.

Эббот имел больше прав взять наконец больничный, чем кто-либо другой в департаменте.

— Я вас слушаю, — обратился к нему приятный голос.

— Это Эрик Эббот, Проектный отдел, идентификационный номер 589433Д. Я себя неважно чувствую сегодня, — он представил себе удивленные лица своих коллег. Старина Эрик тоже человек, скажут они наверняка, затем начнут рассуждать о том, что все-таки его свалило. Насморк будет наиболее приемлемым предположением. В это время года в Долине Солнца часто простужались.

— Я не смогу прийти сегодня на работу, — поспешил сказать Эрик, пока не передумал. — Я ощущаю легкое недомогание, и температура у меня несколько повышена. Вероятно, простуда.

— Хорошо, мистер Эббот, — вежливо сказал компьютер. — Может быть, вы желаете, чтобы вашу работу вам прислали на дом?

— Да. Да, пожалуйста, — он не должен был притворяться, будто болен серьезно, а не то они стали бы настаивать на посещении доктора компании.

— Назовите, пожалуйста, код.

Эрик набрал свой рабочий код на панели телефона. Затем заработал терминал, встроенный в стену спальни, сообщая о поступлении информации.

Вся операция заняла пару минут.

— Спасибо, — сказал он компьютеру.

— Прошу прощения, мистер Эббот, но известна ли вам хотя бы предполагаемая дата вашего выхода на работу?

— Пока нет. Я позвоню и сообщу во второй половине дня. К этому времени постараюсь установить диагноз и соответствующие ему предписания.

— Очень хорошо. Надеюсь, завтра вы будете чувствовать себя лучше.

— Благодарю вас, — сказал Эрик и вздохнул с облегчением, когда линия отключилась.

Ну вот, я сделал это. Я действительно решился и сделал. Удивительно, как это легко все получилось. Разумеется они не будут ничего проверять. Эббот для этого был слишком безукоризненным работником. Несколько дней прогула останутся незамеченными.

Включенный терминал продолжал мигать, привлекая к себе внимание. Эрик проигнорировал его, так как не собирался сидеть весь день за работой. Его голова была занята другими вещами. Он просто не мог сосредоточиться на работе, или на чем-либо другом, не избавившись от этого...

Ну же, будь честен сам с собой, дружище.

...помешательства!

Это не должно занять слишком много времени. Чарли уже говорил, что найти девушку нет никаких шансов. Эрик прошел в спальню и в раздумье опустился на край кровати. Он был достаточно умным и сообразительным человеком, но

единственный случай, когда ему пришлось столкнуться с подобной проблемой, произошел тогда, когда они с приятелем обсуждали дальнейшее развитие сюжета телесериала.

Все, что имелось в его распоряжении, это идентификационный номер машины, в которой ехала девушка. Значит, в первую очередь необходимо было выследить машину и узнать, кто ее владелец. Но лимузин могли взять напрокат.

Местное Транспортное бюро должно быть в курсе. Полиция, конечно, могла все разузнать, но не стала бы давать информацию постороннему. Вероятнее всего, она принесет ему больше огорчений, чем сведений.

А как в таком случае поступают в фантастических романах или телесериалах? Эрик сел за стол перед терминалом. Сначала он убедился, что переведенная к нему работа занесена в память, а потом связался с областной информационной службой Финикса.

Последовал длинный список частных бюро расследований. Но как выбрать приличную фирму? Вряд ли полиция даст какие-либо рекомендации.

Все, что имело приписку Инк. или Лтд., должно было представлять из себя большие концерны со множеством служащих. Их Эрик отбросил сразу. Ему хотелось внимательного отношения. Существовали также опасения, что его не примут всерьез.

Далее в списке следовало объявление, гласившее: «Частная, старательная, надежная служба, лицензия имеется, двадцать лет в Долине Солнца».

И имя Поликартос, и номер телефона. Эббот ввел их в память. Желтые страницы исчезли, а номер и имя остались зафиксированными в глубине экрана. Поколебавшись некоторое время, он все-таки набрал номер.

Вот я уже всерьез занимаюсь этим делом. Удивительно. Поскорей бы они там ответили, поскорей бы с этим покончить.

— Поликартос слушает, — раздался голос на том конце линии. Сам отвечает на звонки, подумал Эрик. Это может оказаться как хорошим, так и плохим признаком. Внезапно его заинтересовало, что такое Поликартос, имя или фамилия? Но дело заключалось не в этом. Как он заметил, видеосопровождение отсутствовало.

— Меня зовут Эрик Эббот, мистер Поликартос. Я думаю, что нуждаюсь в услугах вашей службы.

— Вы думаете? — видео внезапно включилось, и Эрик увидел перед собой пожилого человека, сидящего за узким столом. Человек был смуглым, аккуратно и чисто выбритым. Позади него находился маленький, не попадавший в фокус, кабинет. Но все равно можно было заметить, что помещение содержалось в полном порядке.

— Ну, так в чем же состоит ваше дело, мистер Эббот? Вы хотите нанять меня, или будете продолжать думать?

— Прошу прощения, — зная, что сыщик изучает его, Эрик старался казаться более уверенным, чем был на самом деле. — Я действительно хочу нанять вас. М-м, каковы расценки?

— Зависит от того, для чего я вам понадобился.

Идиот, сказал сам себе Эрик.

— Мне нужно, чтобы вы кое-кого для меня разыскали.

Человек кивнул со скучающим видом.

— Хорошо. Есть ли у вас какая-либо информация?

— Только лишь марка автомобиля — «Кадота» — и лицензионный номер.

— Это все? — Эрик кивнул. — Не могу обещать вам много при таких данных. Даже компьютер не в состоянии работать на пустом месте.

— Знаю. Но я просто надеюсь, что вы сделаете все возможное.

— Я всегда делаю все возможное, — ни тени улыбки. — Кто в машине... Я полагаю, что тот, кто находился в машине... что его вы и хотите найти?

— Это женщина. Молодая женщина. Думаю, возраст ее может быть между восемнадцатью и двадцатью восемью годами.

— Это значительный промежуток.

— Я видел ее лишь мельком.

— Находился ли в машине кто-нибудь, кроме нее?

— Несколько человек. Возможно, шофер.

— Угу. Вы уверены, что это была «Кадота»?

— Да. Ее трудно с чем-нибудь спутать, — Эрик сообщил время, идентификационный номер и другую информацию, которую мог вспомнить.

Сыщик занес все в свой терминал.

— Можете ли вы описать эту женщину?

Эрик выполнил просьбу с точностью, которая удивила его самого. Но об ее спутниках он не мог вспомнить ничего.

— Ну что ж, мистер Эббот. Я допускаю расчет по обычным

кредитным карточкам. За час работы беру пятьдесят долларов плюс все необходимые издержки.

— Необходимые издержки, — пробормотал Эрик.

— У меня нет времени торговаться с вами, мистер Эббот. Могу только сообщить, если это как-то улучшит ваше настроение, что расследование не будет очень долгим. Либо я смогу довольно быстро разыскать вашу женщину, либо вовсе не смогу этого сделать.

— Довольно быстро, — Эрик безуспешно попытался скрыть нотки волнения в своем голосе. — А довольно быстро, это как?

— Когда я что-нибудь узнаю, тогда и будет довольно быстро. Какую кредитную карточку вы используете? — Эрик сообщил сыщику свой личный номер. — О'кей. Мне нужен ваш домашний телефон. Я полагаю, вы не хотите, чтобы я звонил вам на работу.

— Нет, лучше домой. Так значит, никаких проблем?

Поликартос так ни разу и не улыбнулся.

— До свидания, мистер Эббот. Буду держать с вами связь.

Экран погас.

Не слишком разговорчивый тип, подумал Эрик. Он продолжал сидеть перед терминалом, будто тот снова мог потребовать его внимания в любую минуту. В конце концов Эббот поднялся. Ничего больше не оставалось, кроме как ждать. Он сам подивился тому, в каком напряжении находился.

Можно было бы заняться работой в конце концов. Но его болезнь, несомненно, вызвала живое участие в офисе, и он вполне мог устроить себе выходной.

Зная, что розыски уже ведутся, Эрик сумел несколько обуздать свое помешательство. Он решил было позвонить и рассказать обо всем Чарли, но потом передумал. Тот являлся его ближайшим другом, но все же среди его не самых лучших качеств было неумение хранить какие-либо секреты. Пусть он лучше думает, что Эрик приболел.

Затем Эббот все-таки взялся за работу. Она пошла на удивление успешно. Хотя, конечно, имелись вещи, которые Эрик мог сделать только в офисе, имея для этого соответствующие приспособления. Поздно вечером раздался звонок. Он уже лег в постель, подумав, что Поликартос позвонит завтра, но ответил.

Появилось видеоизображение, но разглядеть что-либо не

представлялось возможным. На том конце было слишком слабое освещение. Эббот все же сумел различить очертания сыщика.

— Не ожидал, что вы свяжетесь со мной так быстро, — сонно пробормотал он, — или так поздно. Что вам удалось выяснить?

Поликартос выглядел как-то странно. Он казался нервным, взволнованным, и явно чем-то обеспокоенным. Таинственный вид словно уменьшал его размеры. Когда сыщик ответил, его голос прозвучал резко. Не угрожающе, но так, будто Поликартос внезапно сам испугался своих слов.

— Забудьте об этом деле, мистер Эббот.

Эрик прогнал навалившуюся сонливость и попытался сосредоточиться.

— Что? Что вы говорите? В чем дело?

— Ни в чем, — твердо ответил Поликартос. — Просто забудьте об этом. Вы показались мне симпатичным молодым человеком. Послушайте меня, забудьте об этой женщине, забудьте о машине, которую вы видели, забудьте обо всем этом, о'кей? Ведь вы ее больше не видели. Только один раз тогда, верно?

— Точно. И именно поэтому я нанял вас.

— О'кей, вы меня наняли. А я даю вам совет вместо информации. Иногда и то, и другое бывает равноценно. Вы никогда не видели «Кадоту», о'кей? Вы никогда не видели лицензионного номера, вы никогда не видели никакой молодой леди, и тогда вы будете вполне счастливым молодым человеком.

— Подождите-ка минутку. Я заплатил за...

— Ваши деньги будут вам полностью возвращены. Я знаю ваш счет. Мне они не нужны, мистер Эббот, и меня не интересует ваше дело.

Звук и видео отключились.

Пораженный, Эрик сел на край кровати, глядя на замолкнувший телефон в своей ладони. Сквозняк, гулявший по комнате, обдувал его обнаженное тело.

Первой мыслью было связаться с другим сыщиком, более надежным. Только Поликартос тоже показался ему надежным. Он рассматривал просьбу Эрика, как рутинное дело. Но произошло, очевидно, что-то такое, что заставило его изменить свое мнение, что-то необычное. Напрашивался неизбежный вывод. Сыщик что-то выяснил.

Эрик набрал номер, но на этот раз попал на автоответчик:

— Поликартоса нет, — объявил тот. — Если вы оставите свое имя и номер телефона, то он свяжется с вами, как только вернется.

Эббот перезвонил, и повторял эту операцию несколько раз, но все время с одинаковым результатом.

Тогда он подошел к терминалу и запросил главное управление Финикса. В списке Поликартос не значился. Но это могло быть его имя, а не фамилия. В конце концов это мог быть его псевдоним. Но Эрик не имел возможности это выяснить.

На следующее утро ему не оставалось ничего другого, как выйти снова на работу. С Поликартосом связи не было. Все утро он размышлял, что ему делать дальше. Но идеи большим разнообразием не отличались. Эббот знал телефон Поликартоса. Также ему был известен адрес его офиса.

Ничего не поделаешь, Чарли придется есть свой ланч в одиночестве.

4

Офис Поликартоса находился на пятнадцатом этаже старинного, неопределенного вида строения, относящегося, вероятно, к середине двадцатого века, на Тридцать третьей улице. Эббот приказал робокэбу ждать своего возвращения. Машина просигналила о своей готовности, счетчик остановился. Эрик поспешил внутрь здания.

Он поднялся наверх на единственном лифте, без особых трудов нашел интересующий его офис и очень удивился, когда дверь, выслушав его имя, сообщила:

— Поликартос здесь, — и распахнулась, приглашая войти.

В первой комнате находились два кресла, кушетка, стопка журналов полугодовой давности и несколько пыльных искусственных растений. Пятнадцать минут, двадцать, полчаса прошли в ожидании, забрав без остатка тот час, что был отведен Эрику на ланч. Он встал и подошел к внутренней двери. Одностороннее стекло, скорее всего. Эббот подергал ручку. Заперто.

— Поликартос, вы знаете, что я здесь, а я знаю, что вы здесь. Ваша дверь меня впустила.

Может быть, у него в кабинете есть черный ход? Нет, вряд ли.

— Я хочу поговорить с вами всего одну минуту, Поликартос. Вы мне многое должны. Я не знаю, существует ли в вашей профессии кодекс чести, но думаю, что в добавок к выплате вы должны мне кое-что разъяснить.

Дверь оставалась запертой.

— Прекрасно. Сейчас я иду в полицию, а затем в Бюро Улучшенного Бизнеса. Я уверен, вы им подходите. — Он повернулся к двери спиной и направился к выходу.

Эрик не собирался разыгрывать из себя дурака перед полицией, но ожидаемого эффекта он добился.

Лицо Поликартоса появилось за приотворенной дверью. Эрик с удивлением обнаружил, что этот человек был всего лишь около пяти футов ростом, но зато отлично сложен.

— О'кей, Эббот: Только говорите потише. На этом этаже кроме меня работает множество людей, и я дорожу своей репутацией в их глазах. Если вы и дальше собираетесь мне надоедать...

— А я могу быть очень настойчивым.

— ... тогда лучше входите.

Внутренний офис Поликартоса был неожиданно аккуратен и чист. В углу стоял архивный стеллаж, кроме него в кабинете имелись два раздельных компьютерных терминала, пластиковый стол, который Эрик видел по телефону, и все та же вездесущая искусственная растительность. Окно выходило на двухэтажный магазин скобяных изделий и на склад пиломатериалов. Жалобный визг пил постоянно слышался сквозь шум движения.

Поликартос шлепнулся в кресло и умоляюще протянул руки.

— Чего вы от меня хотите, Эббот? — уважительное «мистер» было опущено.

— Информацию, за которую я вам заплатил, — твердо сказал Эрик. — Или вы будете утверждать, что ничего не выяснили? Это с вашим-то двадцатилетним опытом вы не смогли выследить машину по данному вам лицензионному номеру?

Глаза Поликартоса остановились на уровне живота Эрика, затем поднялись вверх.

— Слышали ли вы то, что я сказал вам прошлой ночью, Эббот? Я посоветовал вам бросить заниматься этим делом.

— Вы были похожи на героя плохой пьесы, Поликартос. А я не поклонник плохих пьес.

— Это не пьеса, плохая или хорошая, Эббот. Это реальная жизнь. — Он вздохнул. — Наивный романтик!

— Я не нуждаюсь в вашей опеке, Поликартос.

— О'кей, мудрый мальчик. Тогда я прочту вам лекцию. — Он встал и оперся руками о стол. Сыщик пытался выглядеть зловещим, но его нервозность уничтожала весь эффект.

— Забудьте об этом, умоляю вас. Вам нечего делать рядом с этой женщиной.

Эрик ощутил волнение.

— Значит, вы что-то раскопали! Скажите мне. Я заплачу вам. Я заплачу вам вдвойне.

Поликартос медленно сел и покачал головой.

— Ну почему вы, молодые, так глупы и упрямы!

— Да я упрям, но не глуп, — ответил Эрик.

— Вы убеждаете меня в обратном, — сыщик помедлил секунду, прежде чем повернуться к левому терминалу.

— О'кей, дайте мне вашу кредитную карточку. — Эрик немедленно протянул ему то, что он просил. Поликартос вставил ее в принимающее отверстие и включил экран, позаботившись о том, чтобы цифры, появившиеся на экране, были достаточно крупны и Эрик мог их различить. Сумма заставила Эббота побледнеть, но он ничего не сказал.

После того как операция с деньгами была закончена, Поликартос подождал еще некоторое время, затем опять покачал головой и вернул карточку своему клиенту.

— А для чего вам все-таки надо это знать, молодой человек?

— Это мое личное дело. Вы ведь рекламируете себя как «частного» сыщика.

— Да. Только не умничайте здесь, пожалуйста. Вы уже и так достаточно меня разозлили.

Он повернулся на вращающемся кресле и включил другой терминал. На этот раз экран был скрыт от глаз Эрика, хотя он очень хотел посмотреть на него. Тем не менее Эббот оставался на своем месте, поскольку не сомневался, что сейчас любое резкое, неожиданное движение может побудить Поликартоса снова все забыть. Он сдерживал свое любопытство и ждал.

Поликартос заговорил, не глядя на него, сосредоточившись на экране.

— Знаете, что я думаю? Я думаю, что, быть может, вы слишком глупы или слишком наивны, чтобы пострадать от этого. Поэтому сообщу вам добытые сведения. Вы, значит, хотите что-нибудь разузнать о женщине в той машине? — Он кивнул вместо ответа на этот риторический вопрос. — Я знаю, кто она. Она не отсюда.

— А откуда? — настаивал Эрик.

— Упрямец, — пробормотал Поликартос. — Упрямец и глупец. Нуэво-Йорк, дальний Восток.

— Это не так уж необычно.

— Конечно. Необычность тут ни к чему. Кроме того, вы заплатили мне за обычную информацию.

Эрик пропустил колкость мимо ушей.

— Кто она, чем занимается... Она замужем?

— Ее зовут Лайза Тембор. Она модель, или же была ею. Тут я не очень уверен. Но не это является ее занятием сейчас.

— Но тогда что же? Чем она занимается?

Поликартос ухмыльнулся.

— У ее занятия множество названий, мой недалекий друг. Некоторые назвали бы ее профессиональным компаньоном, некоторые партнершей, некоторые частной собственностью некоего частного лица или лиц, которые заботятся о невмешательстве в свои дела и не позволяют совать туда нос всяким чужакам.

А кому или чему точно она принадлежит, я узнать не смог. У меня сложилось впечатление, что копать дальше небезопасно. Может быть, это правительство, может, промышленность, может, мафия. Нити часто обрываются.

— Я думаю, их трудно перепутать.

Поликартос разочарованно покачал головой.

— Вы, действительно, так наивны?

— Просветите меня в таком случае.

— Не в этот раз.

— Я заплатил вам достаточно.

— От чего я, кажется, должен был отказаться. Деньги — это моя слабая сторона. Я не должен был даже пускать вас в этот офис, я не должен был говорить вам того, что я уже сказал. И я вам больше ничего не скажу. Больше мне просто не-

чего сказать. Идите и зовите полицию, если чувствуете себя обманутым.

— Не понимаю, — уныло пробормотал Эрик. — Моя просьба не кажется мне слишком сложной. Я думаю, что вы сделали минимум требуемого, успокоили свою совесть и теперь выгоняете меня.

— Если уж на то пошло, то я сделал гораздо больше, чем требовалось, Эббот. Но я вижу, мне не удастся вас переубедить.

Сыщик замолк, в раздумье глядя на черный терминал. Когда он заговорил снова, в его голосе послышалась мягкость и даже какая-то отеческая теплота.

— Послушайте меня, молодой человек. Я собираюсь преподать вам урок жизни. У этой жизни есть такая сторона, о которой вы даже не подозреваете. И лучше бы вам, наверное, оставаться в неведении. Я был в этом бизнесе долгое время. Люди живут по определенным правилам. Большая часть общества живет по написанным правилам. Но некоторые все же предпочитают неписанные. Есть те дела, которые люди могут делать, и те, которые не могут, есть вопросы, которые вы можете задать, и есть вопросы, которые лучше держать при себе.

— Когда многим, ранее весьма полезным людям задаешь один и тот же вопрос и все они либо советуют тебе попробовать сделать что-либо биологически невозможное, либо смотрят на тебя как на идиота, либо предлагают тебе заткнуться, либо не отвечают на телефонные звонки, то все эти обстоятельства убеждают тебя, что лучше принять данные советы и передать их своему клиенту. Именно этим я сейчас и занимаюсь.

Поликартос откинулся на спинку кресла, и оно заскрипело.

— Идите домой, мистер Эббот. Забудьте об этом деле, идите домой.

Эрик обдумал слова, сказанные ему сейчас сыщиком. Все это было не важно. Он уже давно начал действовать не слишком логичным образом. Он не мог даже думать ни о чем другом, кроме как о погоне за ускользающим от него лицом, глядевшим из-за непробиваемого стекла «Кадоты».

Кстати о хороших советах: один раз не обратив на них внимания, вы оставляете в стороне логику и здравый смысл, и уже ничто не может удержать вас от преследования своей цели.

Эббот постарался скрыть свое разочарование.

— Знаете что, ведь так или иначе я все равно доберусь до этой женщины.

Поликартос помедлил с ответом.

— Я требую, чтобы вы ушли отсюда, мистер Эббот, — тихо произнес он наконец. — Если вы не уйдете, то на этот раз полицию придется вызвать мне.

Эрик уперся руками в стол и наклонился вперед.

— Все, что мне нужно, это поговорить с ней. Один раз. Я не буду упоминать вашего имени ни при каких обстоятельствах.

— Я не собираюсь играть с огнем.

— Но я вас к этому и не призываю.

Сыщик вздохнул и в упор взглянул на своего бывшего клиента.

— Никогда не видел я людей, столь стойких в своих заблуждениях и столь глупеющих от любви. Тем больше мне жаль вас. Поверьте знающему человеку, это пройдет.

— А я не хочу, чтобы это проходило. — Эрик почти закричал. — Я хочу с ней встретиться! — Он залез в карман и вытащил свой бумажник. Поликартос ничего не сказал, но глаза его заблестели при виде этого бумажника, сделанного из прекрасно имитированной кожи. Эббот извлек оттуда еще одну кредитную карточку и кинул ее на стол.

— Взгляните сюда. Вы знаете мои возможности. Они значительны. Я хорошо зарабатываю, и делаю это уже на протяжении многих лет. Но до сих пор я тратил очень мало. Вы получите столько, сколько захотите.

— У вас нет той суммы, которую я могу захотеть, мистер Эббот.

Мозг Эрика отчаянно работал.

— У меня есть другие доходы — муниципальные облигации, акции. Они могут быть переданы без юридического заверения. Вам стоит только сказать, и я переведу их на ваше имя. — Он указал на карточку. — Это только начало.

Поликартос даже вспотел. Он долго молчал, затем схватил карточку конвульсивным движением, сунул ее в правый терминал, внимательно глядя на экран, в то время как Эрик стал составлять черновик их соглашения. Затем сыщик вернул карточку ее владельцу.

— Вы слишком доверяете человеку, который может и не оправдать вашего доверия. Почему вы так уверены, что, за-

брав ваши деньги, я не решу оставить вас с носом и ничего вам не расскажу, мистер Эббот?

— Так же, как и вы, я занимаюсь своим делом довольно долгое время. Благодаря этому я могу распознать профессионала как в своей области, так и в остальных.

Поликартос коротко кивнул.

— Итак, вы сумасшедший молодой человек, Эббот. Сумасшедший. И, возможно, я тоже слегка сошел с ума.

Эрик улыбнулся.

— Именно поэтому мы и поладили, не так ли?

Сыщик поглядел на соглашение.

— Большие деньги, мистер Эббот. Предупреждаю вас, это может стоить вам почти столько, сколько вы думаете.

— Плевать. Только достаньте мне ее адрес. Это все, что мне от вас надо. Всего лишь один адрес.

— Всего лишь. — Поликартос все еще боролся с собой, все еще колебался.

— Вы ведь уже приняли мою карточку, — сказал Эрик, стараясь подтолкнуть его.

— Но я еще ничего не потратил, не извлек из нее никакой пользы. Она для меня еще только лишь знаки, цифры в электронном файле.

— Но вы ведь хотите их потратить?

— Да, — неохотно ответил Поликартос. — Я хочу взять ваши деньги. Очень хочу.

— В таком случае мы составим контракт? Вы достанете мне ее адрес?

Поликартос указал на терминал.

— Никаких контрактов. Только слова. Нажми на кнопку, и они пропали. И вы не сможете прицепиться ко мне юридически.

— Я и не собираюсь этого делать. У нас будет другой контракт. Вы понимаете, о чем я.

— Да, понимаю. — Сыщик взглянул на него с любопытством. — Мне кажется, вы занимаетесь не своим делом, мистер Эббот. Как вы мне сказали прошлый раз? Чем вы занимаетесь? Инженер-конструктор? Делаете начинку для компьютеров?

— Что-то в этом роде.

— Возможно, вам следовало бы лучше продавать их, вместо того, чтобы конструировать. Вы хорошо торгуетесь, мистер Эббот.

— Ну так значит, вы позвоните мне? — Эрик торопился покинуть офис прежде, чем неуверенный сыщик успеет передумать снова.

— Да, я позвоню вам. Если сумею выяснить то, что вам надо. Очень трудно было добыть то малое, о чем я вам рассказал.

— Вы ведь знаете ее имя. Знаете, на кого или на что она работает. — В мозгу Эрика не укладывалось сообщение Поликартоса, что девушка является чьей-то собственностью. Прекрасное лицо не может кому-то принадлежать.

— Послушать вас, так все кажется так просто, мистер Эббот. Но это не так. Возвращайтесь к своему конструированию. Я посмотрю, что смогу сделать.

— Это все, о чем я вас прошу. У вас есть мой телефон. У меня также есть свободно принимающий терминал. Не думайте, будто вы должны общаться со мной только лишь с глазу на глаз.

— Я не думаю. И вообще я не знаю, почему я вас слушаю.

— Из-за денег, разумеется.

— По крайней мере, вы не законченный романтик.

— Я просто не столь далек от реального мира, как вам кажется.

— В таком случае, вы, возможно, еще не безнадежны. До свидания, мистер Эббот.

Эрик быстро вышел, не говоря больше ни слова.

Он хотел снова позвонить на работу и сказаться больным на следующий день, но мысль просидеть весь день перед терминалом, ожидая связи с Поликартосом, выглядела абсурдной. Как и мысль сидеть и пытаться сконцентрироваться на работе. Он пошел в офис, там поболтал с Чарли за ланчем и обсудил с ним какие-то пустяки по дороге домой.

Войдя к себе, Эрик упорно сопротивлялся желанию помчаться скорей в спальню и проверить терминал. Когда же в конце концов он сдался, то обнаружил дневной файл пустым, за исключением пришедшего счета за электричество. Быстрая проверка показала, что никто больше не пытался связаться с ним в этот день.

На следующее утро Эббот позвонил в офис Поликартоса и нарвался на вежливого и совершенно непроницаемого электронного секретаря. Он звонил все утро с работы, не заботясь о том, что подумают коллеги насчет личных звонков, посто-

янно занимающих линию компании. Эрик имел довольно высокое положение, чтобы не обращать на это внимания. По крайней мере, он так думал.

— Что с тобой происходит? — спросил его Чарли, когда они сели завтракать на втором уровне кафетерия. — Она тебя отшила?

— Что? — сказал Эрик, внезапно смутившись. — Кто меня отшил?

— Эй, полегче, старина. — Чарли сделал защитное движение руками. — Умерь свой пыл.

Пыл, подумал Эрик? Разве я говорил пылко? Вовсе нет. Но лучше будет подыграть ему. Он изобразил притворное страдание, замахав руками.

— Она похищена у меня принцем Руритании. Сейчас я собираю команду наемников-головорезов, чтобы найти и вернуть ее!

Такой ответ удивил Чарли больше, чем любые горячие отрицания. Он неуверенно засмеялся.

— Рад это слышать. А то я уже было начал волноваться за тебя, старик. Я действительно думал, что собираешься наделать кучу глупостей.

Эрик отхлебнул ледяного чая.

— Я думал о ней пару раз с тех пор, но, конечно, не так серьезно, чтобы начать что-нибудь предпринимать. Тут уж ничего не поделаешь, верно? Увы, она превратилась в смутное воспоминание.

Как просто, оказывается, врать. Как на компьютере. «1» это «да», «0» это «нет». Правда — «1», неправда — «0». Если бы все было на самом деле так просто.

Чарли легко поверил другу.

— Ну и отлично. Кстати, я видел тут эту девчонку из бассейна. Как ее звали?

— Габриэлла, — напомнил ему Эрик.

— Да, Габриэлла. Я встретил ее в лифте. Она спрашивала о тебе.

— Интересно.

Чарли нахмурился.

— Ты действительно уверен, что не сохнешь больше по той незнакомке? Ты ведь явно чем-то обеспокоен.

— Поездкой моей, — поспешил уверить его Эрик. — Она

будет очень многообещающей. Может, после я даже стану главным конструктором.

— Да, знаю. Разве это не удивительно, в твои-то годы? Поэтому я и не хочу, чтобы ты забивал себе голову всякими сумасшедшими идеями.

— Я вовсе ее не забиваю, — сказал Эрик с преувеличенным достоинством в голосе. — Мне кажется, помешался-то именно ты. Ведь именно ты заводишь все эти разговоры.

Чарли неожиданно пришлось перейти к обороне.

— Я всего лишь проявляю дружескую заботу. Ладно, забудь об этом. Ведь ты уже забыл?

— Не совсем. — Не следовало быть слишком категоричным. — Иногда я все еще вижу ее лицо.

Иногда, подумал Эббот. Да я не могу избавиться от него ни на минуту. Даже во сне.

Но вслух он сказал совсем другое.

— О нем приятно вспоминать. Знаешь, когда посмотришь, скажем, пьесу, части ее остаются с тобой еще на некоторое время. Но это не помешательство, а скорее задумчивость.

Чарли кивнул и посмотрел на часы.

— Ну, я закончил. Осталось еще пятнадцать минут. Как ты насчет сыграть в «Космическую Зону» или в «Гонки»?

Эрик покачал головой.

— Мне еще рано играть в игры.

— Как хочешь. Может, мне тоже взять десерт?

— Почему бы нет, — сказал Эрик, благодарный своему другу за то, что тот, похоже, забыл о таинственной женщине.

Разговор за куском пирога перешел на новости дня. Чарли не упоминал больше о девушке в автомобиле. Хорошо бы он не делал этого и в дальнейшем. Эрику было достаточно предыдущих бесед с другом о ней.

Миновал полдень, а периодические проверки домашнего терминала так и не давали признаков связи с Поликартосом. Мысли Эрика все больше отвлекались от работы.

Я рехнулся, сказал он сам себе. То же самое сказали бы ему любые психиатры. Однако это нездоровое состояние, помешательство или сдвиг пока никак не отражались на его работе. Но если так будет продолжаться и дальше, то это, несомненно, скажется. Сейчас все же было пока не время начинать сомневаться в своей компетентности. Приближалась презентация в Гонконге.

Сегодня четверг. Что если и завтра Поликартос не даст о себе знать? Интересно, работают ли частные сыщики по выходным?

Эрик решил, что времени упускать не следует и покинул офис. Что касалось их с Чарли обычных совместных возвращений домой, то он предоставил ему самостоятельно придумать причину отсутствия друга.

Через некоторое время Эббот уже сидел в робокэбе, слушая собственный, но какой-то незнакомый голос, отдававший машине команды.

Напротив большого супермаркета Бойбуотер им пришлось задержаться из-за уличных работ. Эрик заметил, что проклинает машину. Она, конечно же, не обратила на это внимания, вежливая, как всегда. Когда робокэб наконец высадил его около старого офисного здания, он обнаружил, что бежал бегом весь короткий путь до конторы сыщика.

Нет, я все-таки ненормальный, сказал себе Эрик. Может, Поликартоса здесь нет, а если у него и появилось что-то для меня, то он передал это прямо мне домой. Сыщик, наверно, будет недоволен, что я ворвался к нему без предупреждения. Чего доброго, еще решит, будто его клиент опасен для общества. Чарли наверняка подумал бы именно так, если бы мог сейчас видеть Эрика.

Но он ничего не мог с собой поделать. Он не мог замедлить свой бешеный бег и прогнать преследующий его образ. Ему было наплевать, что подумает Чарли, или его начальник, или доктора компании. Эббота не интересовал никто, кроме девушки, чье лицо стояло у него перед глазами.

Наконец-то он оказался на нужном этаже и побежал к офису Поликартоса. Когда Эрик позвонил в дверь, дыханис у него уже восстановилось.

— Мистера Поликартоса нет, — ответил ему мягкий механический голос. — Если вы хотите ему что-нибудь передать, скажите это, пожалуйста, в принимающее устройство.

Так и есть, сказал себе Эрик. Зря потратил время. Теперь ему придется давать какие-то объяснения в своем офисе, а все ради чего? Он уже было повернулся, чтобы уйти, но что-то заставило его задержаться и проверить все еще раз.

Эббот заглянул в глазок, вделанный в толстую дверь. Благодаря оптическому эффекту все внутри казалось размытым пятном, но это было освещенное пятно. В приемной горел свет.

Экономный сыщик вряд ли имел привычку оставлять его, покидая помещение.

Нахмурившись, Эрик попытался позвонить еще раз, но выслушал в ответ все то же синтезированное сообщение. Он знал, что большего от этой двери не добьется, и тщательно обдумал ситуацию. Ручки у двери, разумеется, не было. Поликартос не отличался старомодностью.

Как работает эта дверь? Эббот осмотрел плоское запирающее устройство. Оно не было похоже на то, которое охраняло его собственную дверь. Хороший инженер всегда имеет с собой кое-какие инструменты, необходимые в его ремесле. Эрик не являлся исключением.

Из миниатюрного кейса, который Эббот всегда носил в кармане рубашки, он извлек цилиндр с насечкой и тонким гибким металлическим наконечником. Последний как раз вошел в щель между дверью и косяком. Эрик опустил его ниже к замку и коснулся устройства. Последовала короткая вспышка голубого света и легкое сотрясение. В результате короткого замыкания замок щелкнул, и дверь открылась.

Эббот глубоко вздохнул и вошел в первую комнату. Если Поликартос все еще находился здесь, он вполне мог теперь вызвать полицию и избавиться от своего настойчивого и явно неуравновешенного молодого клиента. Эрик еще раз дотронулся до замка своим инструментом. Еще одна вспышка, и дверь затворилась снова. Нельзя было допустить, чтобы какой-нибудь случайный уборщик обнаружил взлом, проходя мимо.

В офисе Поликартоса все так же горел свет. И неудивительно, ведь было уже довольно поздно. Сверху донеслось гудение, и крошечный видеомонитор над второй дверью повернулся, изучая гостя. Эрик не обратил на него никакого внимания и постучал.

— Поликартос? Это я, Эрик Эббот. Вы здесь?

Ответа не последовало. Он помедлил одно мгновение, затем снова пустил в ход свой инструмент. Взлом все равно уже был совершен, и одним замком больше, одним меньше, уже не имело никакого значения. Снова произошло замыкание, и дверь кабинета отворилась. Заглянув внутрь, Эрик увидел макушку головы Поликартоса над спинкой кресла. Сыщик сидел к нему спиной.

Эббот ощутил приступ гнева. Он не мог выносить пренебрежения к себе.

— Интересно узнать, почему вы не впустили меня? Вы что же, собираетесь брать мои деньги и ничего не делать? — Сыщик ничего не ответил. — Ну же, Поликартос, вы должны объясниться. Или вы думаете, что я вот так позволю над собой издеваться?

Эрик крутанул кресло к себе. Поликартос не сопротивлялся и не пытался его остановить. Он уже больше не мог этого сделать.

Маленькая дырочка в затылке была почти незаметна, замаскированная волосами, зато отверстие во лбу хорошо различалось прямо над правой бровью. Тонкая струйка засохшей крови спускалась в глаз. Картина была волнующей.

Полиция, мелькнула первая мысль Эрика. Она может оказаться здесь в любую минуту. Но снизу не доносилось никакого шума. Ни рева моторов полицейских машин, ни воя сирен. Все было нормально, за исключением маленькой дырочки в голове Поликартоса.

Кто-то разбил оба терминала, и одна из клавиатур валялась на полу, словно капризный ребенок хотел сломать непонятную ему игрушку. Кому это было нужно, и зачем? Несомненно, кто-то залезал в банк данных, в архив терминалов. Но что он там искал? Какая информация ему требовалась? Очевидно, что Поликартос не помогал ему в поисках. В результате пострадали и он, и машина.

Эрик произвел быстрый профессиональный осмотр терминалов. Оба теперь были мало пригодны для работы. Рассматривая их, он пытался осмыслить ситуацию.

Все вполне объяснимо. И очень легко объяснимо. Граждане, с которыми работал Поликартос, без сомнения, имели весьма сомнительную репутацию. То, что человек подобной профессии умер насильственной смертью, не было особенно удивительным.

Главная забота Эббота сейчас заключалась в том, чтобы покинуть место преступления, прежде чем он окажется во все это вовлеченным. Ничего не нужно трогать. Нельзя оставлять никаких следов своего присутствия здесь. Пусть тело найдет кто-нибудь другой. Эрик с удовольствием уступит ему свои права.

Он прикасался к терминалам и к креслу Поликартоса.

Отпечатки пальцев. Эббот протер все влажной тряпкой, позаимствованной в туалете. Проделав эту операцию, Эрик подошел к терминалу с разбитой клавиатурой. Возможно, здесь хранилась информация, которую искали налетчики, или же кто-то просто случайно выместил свой гнев именно на этой машине? Может, Поликартос был должен кому-то? Тогда где-нибудь должен находиться файл, помеченный «Поликартос. Закрыто»..

Хватит предположений. Пора уходить. Тут Эрик вспомнил о причине своего визита. Он так и не получил того, за чем приходил. Он вспомнил, с какой неохотой Поликартос согласился взяться за его дело. Вспомнился ему также и явный страх сыщика. Ведь что-то должно было породить этот страх. Видимо, Поликартос выяснил что-то и решил скрыть от Эрика.

Эббот остановился в нерешительности, колеблясь между здравым смыслом и желанием разгадать эти загадки. Терминалы притягивали его. Не в силах сопротивляться, он вернулся и принялся изучать кабельную связь. Она казалась неповрежденной. Обойдя вокруг стола, Эрик оттолкнул кресло Поликартоса в сторону. Тут же ему пришла в голову мысль обернуть концы пальцев туалетной бумагой.

Нетронутая клавиатура быстро отозвалась на его прикосновение, и терминал осветился. Изображения на нем, конечно же, не было. Эрик извлек из одного кармана крошечный кабель, подключил его к терминалу на своем запястье. Несколько стандартных активизирующих кодов вызвало кайму вокруг фосфоресцирующего экрана. Теперь задача состояла в том, чтобы подобрать личный код. Если посетители Поликартоса тоже приходили за информацией, то их попытки обойти защиту, поставленную сыщиком, вряд ли увенчались успехом.

Решение проблемы заняло у него полчаса. Код оказался удивительно запутанным. Кто бы мог подумать, что кому-то вроде Поликартоса понадобится столь хитроумная разработка, более того, что он разорится на ее приобретение.

Даже самые опытные информационные воры вряд ли смогли бы проникнуть в этот код. Но Эрик был не просто знаком с подобными вещами, он потратил большую половину своей жизни, разрабатывая такие штуки. Для него это было скорее упражнение, чем испытание.

Изображения на крохотном экране пошли в нужной после-

довательности. Найти то, что нужно при помощи ключа было делом двух секунд.

ФАЙЛ ЭББОТ, ЭРИК.

Далее шла простая статистика: его кредитоспособность, личная информация, он уже забыл, что давал ее Поликартосу; затем «Лайза Тембор, агентство «Магдалена», Нуэво-Йорк; адрес; номер, который мог быть телефонным. Эрик перевел всю информацию к себе домой.

Кроме этих данных он не нашел ничего нового. Либо Поликартос больше ничего не узнал, либо предпочел не помещать новую информацию в файл. Конечно же, в той информации, которую Эрик получил, не было ничего устрашающего. Может, сыщик все время ломал перед ним комедию?

Неважно. Эрик узнал то, что хотел: адрес, и даже более того, телефонный номер, хотя и не имел никаких подтверждений, что они принадлежат Лайзе Тембор.

Удивительно, но он уже искал предлоги, для того, чтобы отказаться от поездки в Гонконг на следующей неделе. Жуткая нелепость. Возможно, после этого ему больше никогда не представится такого блестящего случая. Может, добраться до Нуэво-Йорка, встретиться с девушкой, обуздать свое помешательство, вернуться в Финикс и все же поспеть в понедельник рано утром на суборбитальный?

Этого будет вполне достаточно, сказал себе Эрик. Просто встретиться с девушкой. Это должно разрешить его проблему. Значит, у меня есть проблема? Да, отрицать факт становилось все труднее и труднее. Хорошо еще, что он был способен осознать, что сходит с ума. Чарли описал бы его состояние в более красочных выражениях.

Эрик сбросил свой файл, восстановил защитный код и лишний раз убедился, что не оставил отпечатков пальцев на клавишах. Содержимое другого терминала его не интересовало. Несомненно, тот хранил в себе все виды информации, за которую можно убить: флиртующие мужья, растраты, криминальные сведения. Все это было грязно и низко. Где-то в файлах второго терминала находилась информация, стоившая Поликартосу жизни.

Ну что ж, это его не касалось. Может, это слишком жестокосердно, но Эббот ничего не чувствовал по отношению к несчастному детективу. Он никогда не питал особой любви к

Поликартосу и ощущал ответную неприязнь. Конечно же ему было жаль, что тот умер. Ему вообще было жаль, когда кто-нибудь умирал. Смерть сыщика являлась не более чем неприятной новостью.

Еще раз оглянувшись вокруг, Эрик убедился, что оставляет офис в том же виде в котором его нашел. Даже Поликартос сидел под таким же углом к окну. Затем Эббот осторожно вышел, убедившись, что и внутренняя, и внешняя двери остались по-прежнему запертыми.

Он уже было вздохнул с облегчением, направляясь к лифту, как вдруг на его пути появился человек. Незнакомец вышел ему навстречу из-за угла.

5

Человек не улыбался и не хмурился. Выражение его лица казалось пустым и холодным. Он был выше и тяжелее Эрика. Эббот привык к тому, что всегда оказывался на пару дюймов выше, чем его друзья.

— Прошу прощения, — сказал незнакомец очень вежливо и сдержанно, — но я просто не мог не заметить, что вы только что вышли из офиса мистера Поликартоса.

— Мистера Поликартоса? — пробормотал Эрик. Значит, «Поликартос» была все же фамилия. Интересно. — Я этого не знал.

Незнакомец проигнорировал это замечание и спросил вежливо:

— Что вы там делали?

— У меня было к нему дело, — Эрик нахмурился, — и я не думаю, что оно вас касается. Вы должны знать, что Поликартос частный сыщик. Частный.

— Какое дело у вас было к нему?

— Послушайте, я же сказал вам, — повторил Эрик, отступая на шаг назад. — Это вас не касается.

Он натолкнулся на что-то спиной и оглянулся.

Человек, который загораживал ему путь к отступлению, был больше и внушительнее на вид, чем тот, который задавал вопросы. Выражение его лица выглядело столь же безразличным. Оба человека были опрятно, даже вызывающе

опрятно одеты, будто приличием и обыденностью своей одежды хотели смягчить устрашающее впечатление от своего присутствия.

— Как ваше имя? — опять последовал вопрос первого. Незнакомец позади Эббота хранил зловещее молчание.

— Слушайте, — огрызнулся Эрик, — мне это уже начинает надоедать.

Голос первого человека прозвучал с оттенком скуки.

— Не усложняйте дело, о'кей? У моего друга и у меня выдался тяжелый день. Не нужно заставлять нас делать его еще тяжелее.

— Я не пытаюсь делать его тяжелее, — честно ответил Эрик, стараясь на придавать значения унижению.

— Хорошо. Тогда будь хорошим мальчиком и расскажи нам, что ты делал в кабинете Поликартоса. — Человек заглянул в холл. — Я полагаю, замок еще работает. Ты нам должен также рассказать, как ты попал в его офис. Вероятно, тебе позарез что-то было нужно. Взламывать двери не очень хорошая привычка.

Эрик неуверенно поглядел на него.

— Вы оба полицейские?

— Возможно.

— Прекрасно, тогда покажите мне ваши удостоверения, и я отвечу на ваши вопросы.

— Боюсь, мы не станем тратить на это время. Нам придется выйти за границы наших полномочий.

Первый кивнул едва заметно, и человек стоявший позади ловко и сильно скрутил Эрику руки за спиной. Незнакомец, задававший вопросы, внимательно оглядел коридор, и был явно обрадован, что тот оставался по-прежнему пустым.

— Слушай, слизень, у меня нет времени стоять здесь с тобой и спорить. Сейчас ты нам скажешь, что ты делал в этом офисе, как попал туда и зачем. Может быть, для нас это окажется интересным, а может, и наоборот. Я нахожу твой чрезмерный интерес к сыщику интригующим, и у меня есть инструкции.

Эрик оставался спокойным.

— Имеете привычку расспрашивать всех, кто приходит в офис Поликартоса?

— Нет. Только тех, кто заходит внутрь. Как видишь, ты нам вполне подходишь. Но сперва скажи свое имя, — и он

добавил ласковым тоном. — Имя-то по крайней мере ты можешь назвать.

— Я вам ничего не скажу. Во всяком случае до тех пор, пока не узнаю, кто вы такие. Если ваш друг меня не отпустит, то я позову на помощь.

Голос его собеседника понизился.

— Возможно ты и закричишь, но это будет продолжаться не долго. Мне нужны ответы, и я не хочу этого делать, поверь. Во всяком случае, послушайся моего совета, не кричи, — он внимательно посмотрел в лицо Эрику. — Джоан.

Одна рука, держащая Эббота, разжалась и принялась ощупывать его карманы в поисках бумажника. Какой вред будет, если я им все расскажу, тревожно подумал Эрик? Скажу им все, что от меня требуют, и имя тоже. Но другая его половина сказала: нет, пусть догадываются обо всем сами. Однако он не хотел неприятностей, а у него их было уже две, и обе выше головы.

Джоан тем временем извлек бумажник Эрика, просмотрел его содержимое, не заинтересовавшись однако ни деньгами, ни кредитными карточками. Закончив осмотр, он закрыл его, аккуратно положил назад в карман, и заговорил в первый раз.

— Это он.

Задававший вопросы казался слегка удивленным.

— Забавно. Я никогда бы не подумал.

— О чем вы? Что все это значит? Что вы имеете в виду? Почему я это «он»?

— Мы тебе расскажем об этом... позже. А теперь я думаю, тебе надо пойти с нами.

— Куда? В полицейское отделение? Но вы до сих пор не предъявили своих удостоверений.

— Не создавай проблем. И не пытайся кричать.

— Слушайте, ведь вы не полицейские, не так ли?

— Разговорчивый, — покачал головой задававший вопросы. — Присмотри за ним, Джоан.

— Хорошо. Пошли, слизень.

Великан повел Эрика по коридору, сжимая одну его руку за спиной, и давя на нее с такой силой, чтобы дать ему понять, что он может сделать, если захочет.

— Мне не по вкусу разговорчивые, — сказал задававший вопросы, шагая впереди.

— Это не важно, — сказал Джоан, — Все они все равно кончают одинаково.

Эрик внезапно становился. Давление на руку опасно усилилось, но он выдержал.

— Я не пойду с вами, ребята, пока вы не объясните мне, что все это значит.

Странно. Эббот не мог припомнить, чтобы когда-нибудь испугался до такой степени.

— Объяснения не по моей части, — последовал ответ. — Моя работа — добывать и доставлять.

— Как у собаки?

— Да, совсем как у собаки, — незнакомец не рассердился. — Обычно мой хозяин хлопает меня по загривку и кидает мне заслуженное угощение. Отличное угощение. Так что давай вперед тихо и без шума, о'кей?

Но куда, лихорадочно подумал Эрик? Кто эти люди и чего они от меня хотят? Только что в офисе он видел труп. Быть может, убийство на их совести? Похоже. И если он что-нибудь очень быстро не предпримет, то в новостях завтра появится еще одно сообщение.

«Тело инженера компании «Селверн» найдено в канале Аризона... По предварительной версии, самоубийство».

— Я вам сказал, что не пойду с вами, пока не узнаю, что происходит.

— Я слышал, — ответил ему задававший вопросы. — Заткни его, Джоан, и пошли скорей.

Давление на руку Эрика еще усилилось. Теперь стало действительно больно. Вторая рука противника зажала ему рот.

Я не должен идти с ними, отчаянно думал он. Я закончу, как Поликартос. Я должен что-то сделать!

Его тело, казалось, забежало вперед. Рука, зажимавшая его рот, мешала дышать. Своей свободной правой рукой Эббот схватил запястье Джоана и яростно дернул. Хватка ослабла. Но он не отпустил руку, а дернул еще раз, в результате чего человек, называемый Джоаном, взлетел в воздух. Шокированный Эрик отпустил его руку. Великан, ударившись о дальнюю стену, сбил несколько пластиковых украшений и в полной прострации сполз на пол. Он пробормотал что-то и заморгал.

Тот, который задавал вопросы, находился к ним спиной и не видел этой сцены. Когда же он обернулся, то увидел стояв-

шего перед ним Эрика. Его напарник лежал у стены в неудобной позе. Незнакомец в недоумении посмотрел на Эббота.

— Что произошло, черт возьми? — пробормотал он, переводя взгляд с Эрика на своего помощника и обратно.

— Я поскользнулся, — прорычал Джоан, поднялся на ноги и прищурился. В этот момент он был похож на маленького льва. — Я, наверное, поскользнулся, и парень опрокинул меня. Карате, дзюдо или что-то вроде этого.

— Ты, я вижу, все-таки хочешь неприятностей, а парень?

Эрик тяжело дышал. Он чувствовал, что его голова была удивительно светлой. Мысли текли независимо от тела. Такого с ним раньше не случалось. Эббот чувствовал, что с любопытством наблюдает за собственным телом, как будто оно принадлежит вовсе не ему, а какому-то герою телесериалов. Оно не вышло полностью из-под контроля, но теперь почему-то действовало более самостоятельно, чем обычно. Эрик стал отступать вниз по коридору.

— Эй вы оба, не подходите ко мне.

— Вперед, Джоан, — сказал задававший вопросы. — У меня нет времени на игры.

— Какие уж тут игры, — громко рявкнул Джоан. — Ты сам напросился, слизень.

Вытянув руки, он бросился на Эрика.

Поведя обманный прием левой рукой, великан сделал резкий выпад, правой рукой целясь Эрику в солнечное сплетение. Не зная, что делать дальше, тот инстинктивно выставил вперед левую руку, стараясь отвести удар. Произошло столкновение. Джоан вскрикнул, отдернул свою руку и прижал ее к груди. В глазах его заметалась боль. Эрик в восхищении глянул на свою ладонь.

— Я же говорил вам, парни, что не хочу никаких неприятностей, — он указал в направлении холла. — Вам в ту сторону, а мне в другую. И разойдемся по-хорошему.

Задававший вопросы не слушал его и уже достаточно насмотрелся на схватку. Рука незнакомца исчезла в кармане куртки и через секунду появилась вновь, держа что-то маленькое и блестящее.

Парализующий пистолет, или еще хуже, пинган. Дырка в голове Поликартоса внезапно возникла перед глазами Эббота, похожая на темный тоннель.

— Нет, не надо! — закричал он и кинулся на противника.

Эрик засунул его руку, державшую пистолет, обратно в карман и старался удержать ее там, безосновательно полагая, что может быть тогда выстрел не причинит ему вреда. Раздался странный хруст. Противник закричал, потому что Эббот сломал ему в локте руку. Он отпрянул к стене, стараясь не упасть, а Эрик по инерции ринулся вперед и вскоре обнаружил, что валит пострадавшего на пол. Кончилось это тем, что Эббот оказался сидящим на груди задававшего ему вопросы человека.

— Черт, о, черт! — кричал тот, ворочаясь и извиваясь под Эриком. — Джоан, сними его с меня. Он сломал мне руку, черт!

Напарник незнакомца навалился на Эббота сверху. Одна рука схватила его за подбородок, а другая надавила на затылок. Эрик ощутил, как кровь зашумела у него в ушах. Он попытался встать, с силой толкнул навалившегося противника, затем развернулся и швырнул его так, что тот врезался в потолок. Но вместо того, чтобы упасть вниз, он пробил нижний слой стекловолокна, пластик, дерево и металлические подпорки и застрял там, вонзившись в крышу. Ноги несчастного болтались, как оборванные провода.

Эрик слез с того, кто задавал ему вопросы, и тот начал кататься по полу, сжимая сломанную руку. Захваченный болью, он не заметил того, что произошло с его напарником.

— Я... я извиняюсь, — пробормотал Эрик. — Я не понимаю, что произошло.

— Уберите его от меня! — кричал противник. — Джоан, убери его от меня!

Эрик побежал по коридору.

— Пожалуйста... я не понимаю, что случилось... я...

Он понесся изо всех сил. Холодный пот выступил у него на лбу. Эббот добежал до лифта и помчался вниз по лестнице, перемахивая через несколько ступенек. Один раз он упал и прокатился кубарем целый пролет, прежде чем смог снова встать на ноги. Его куртка была порвана, и кровь сочилась из царапины, оставленной одним из ногтей Джоана в тот момент, когда Эрик катапультировал великана в направлении потолка.

Наконец Эббот вырвался из дома на улицу и жадно вдохнул в легкие свежий воздух. Некоторые прохожие остановились, глядя на него. Заметив, что он привлек к себе всеобщее

внимание, Эрик пошел прочь, поправляя куртку и изо всех сил стараясь скрыть прорехи на ней.

Хорошо еще, что не было толкучки. По мере удаления от коммерческого центра города прохожих и робокэбов становилось все меньше. Большинство людей ездило на личных транспортных средствах.

Я безумен, у меня был бред, подумал Эрик. Чарли оказался прав.

Эббот не находил событиям последних нескольких минут лучшего объяснения. Он даже не мог их до конца осознать. Он не был особенно сильным человеком, по крайней мере, никогда себя таковым не считал, никогда не старался есть здоровую пищу, выдерживать всяческие диеты и никогда не принимал участия в спортивных соревнованиях. Физическим упражнениям он предпочитал чтение. Конечно, несмотря на это, он всегда находился в хорошей форме, но вряд ли мог бы потягаться со штангистом.

— Эй, сэр, вы в порядке? — спросил его какой-то подросток. В одном ухе у парня торчал наушник. До Эрика донеслись слабые звуки электронной музыки.

Он споткнулся и изменил курс.

— Да, я в порядке, спасибо. Я просто упал только что. Но ничего серьезного.

— Вы уверены?

— Да, да. Уверен.

Эббот ускорил шаги, стараясь не спотыкаться и чувствуя взгляд подростка на спиной. Парень пожал плечами и снова погрузился в музыку.

Прекрати привлекать внимание посторонних, зло сказал себе Эрик. Он заметил, что остановился рядом с забегаловкой быстрого обслуживания, и зашел внутрь.

— Что желаете, сэр? — спросила его молодая женщина за стойкой.

Ресторан был почти пустым. Для вечерней сутолоки время еще не наступило. Это очень подходило Эрику.

Он побежал глазами меню.

— Запеканка «Лорена», пожалуй, звучит неплохо. И салат, пожалуйста.

— Чем вам заправить салат, сэр?

— Не знаю... ну, беконом.

— Одну минуту, сэр.

Эббот подождал заказ, занял дальний столик и попытался вести себя как обыкновенный посетитель.

Схватив вилку, он приступил к запеканке. Она была тонкая и безвкусная, но это не имело значения. Вряд ли Эрик даже осознавал, что он ест. Он не чувствовал усталости и, казалось, вовсе не пострадал. Того же нельзя было сказать о тех двоих, которые пытались его задержать.

Что это? Похищение? Ребята не были полицейскими, и хотели увести его с собой силой. Конечно, похищение. А он, значит, сломал руку тому, кто его допрашивал, переломил ее в локте, как спичку. А тем, что был покрупнее, пробил потолок. Да, точно, так все и было.

Эббот приложил руку ко лбу и ощутил на нем капли пота. Он поглядел на запеканку так, будто ответ мог лежать в ней между грибами или кусочками бекона в салате. Но ничего подобного там не оказалось. Сплошной «Чедер».

Нет, это уже не смешно, сказал себе Эрик. Как он это сделал? Ведь он это сделал, и сомнения в этом быть не могло. Пробил человеком потолок, а ведь Джоан весил побольше пушинки. Эббот не помнил, как у него все получилось, он помнил лишь результат.

Взглянув на свою левую руку, Эрик пошевелил пальцами и сжал их в кулак. Никаких признаков супермускулов он не обнаружил. Вообще ничего, что привлекло бы внимание футбольного вербовщика. Был ли он когда-нибудь атлетом? Нет, Эббот не мог такого припомнить. Не играл ли он в футбол в высшей школе? Эрик с изумлением осознал, что не может вспомнить. Фактически, он даже не мог вспомнить, посещал ли когда-либо вообще высшую школу. Кажется, он не мог вспомнить ничего из того что происходило за последние десять лет.

Эббот задрожал. Постепенно память вернулась. Мгновенная амнезия, усиленная шоком.

Что со мной происходит?

Эрик заметил, что две пожилые женщины, сидящие за столиком на другом конце зала, смотрят на него. Как только он обратил на них внимание, они тут же отвернулись.

Пытаясь скрыть выражение своего лица, Эрик уставился на стол. Чарли был прав, гораздо более прав, чем думал сам. С его другом случилось что-то неладное и серьезное. Следующей мыслью Эббота было желание обратиться к врачу. Но к

какому именно? Как доктор воспримет его историю? Как отнесется к Эрику, когда он расскажет ему, что закинул на потолок стокилограммового противника.

Ведь должно же быть этому какое-то объяснение. Не может не быть. Существует множество историй о том, как матери поднимали автомобили с задавленных детей, и всякие слабаки весом в девяносто фунтов разбрасывали огромные камни, высвобождая заваленных товарищей. Обыкновенные люди показывали экстраординарную силу. Адреналин может творить чудеса. Разумеется, с Эриком произошло то же самое.

Внезапно он почувствовал себя намного лучше, и обнаружил что может уже различать вкус пищи. Эббот захватил целую вилку салата. Конечно, это единственное возможное объяснение. Неожиданный прилив адреналина. У него появилась та исключительная сила, которая появляется у людей в момент стресса.

Найдя разумное объяснение происшедшему, он смог отложить его на время и подумать о том, о чем совершенно забыл. Что этим двоим было от него нужно? Что-то, настолько необходимое, что они хотели увезти его силой. Что они могли найти в файлах Поликартоса, чтобы убить его?

Затем в памяти возникли слова Джоана. «Это он». Они давали основание предполагать, что парни ждали именно его, Эрика Эббота. Но зачем? Как это связано со смертью Поликартоса? А в том, что связь была, сомнений не возникало.

Информация. Кому-то требовалась информация. Смертельно опасная информация. Поликартос предупреждал его, чтобы он держался подальше от той женщины. Лайза Тембор. Не волнуйся насчет этого, сказал Эрик сам себе. Выкинь из головы.

Придут ли они за ним снова? Эббот с беспокойством оглянулся на улицу и осмотрел ресторан. Он сидел почти один, если не считать тех двух леди и человека в электрокостюме, который ел за самым дальним от него столиком. Значит Джоан и тот, второй, приходили одни. Но что будет, когда они доложат своему начальству, что их планы оказались сорванными? И еще как. Что они будут делать дальше? Единственной приятной для него мыслью во всех этих догадках была мысль о том, как двое нападавших на него будут объяснять побег своей жертвы.

Жертва. Странно говорить так о себе. Это слово использо-

валось в дешевых романах. Он не должен думать о себе подобным образом. Он, Эрик Эббот, инженер-конструктор «Селверн Инкорпорэйтид», и вовсе никакая не жертва. К своему удивлению, он обнаружил, что больше ничего не боится. Все, что Эрик сейчас ощущал, это непомерное любопытство.

Кто-то оказывал большое покровительство Лайзе Тембор. Хотя Эрик видел ее только однажды и мельком, он смог это понять. Но покровительствовать до такой степени? Бессмысленно. Какая-то загадка. Эрику всегда нравились загадки. Это была одна из причин, по которой он стал замечательным конструктором. Эббот разбирался как в практических аспектах инженерного дела, так и в теоретических.

Нападение на него, смерть Поликартоса, таинственная девушка, ее неизвестный защитник: он не мог оставить эту загадку неразрешенной. Но отныне Эрик собирался стать более внимательным, более осмотрительным. Он потревожил чье-то спокойствие невинными расспросами, и ему ответили кузнечным молотом. Да, с этих пор ему придется быть гораздо осторожнее.

Что ж, ведь Эббот мог быть умным. Когда страх и смущение стали проходить, к нему в некоторой степени возвратилось его первоначальное возбуждение. Если бы он не мог перехитрить кучу обыкновенных разбойников, то не заслуживал бы своего звания разрешителя проблем.

А что касается Гонконга, «Селверну» просто придется обойтись без него. Присутствие Эббота на конференции имело большее значение для его собственного будущего, чем для будущего компании. Его отсутствие вызовет неприятные вопросы, но с этим он мог справиться.

Ему бросили вызов, а Эрик являлся не таким человеком, чтобы не принять его. Пусть они подсылают к нему других вроде Джоана и того, кто задавал ему вопросы. Они его не найдут. Ни дома, ни на работе. Он будет держаться на один шаг впереди них, пока все не выяснит, пока не найдет девушку, которой так основательно увлекся. Потом он, вероятно, исчезнет. Когда уже нечего будет остерегаться, противники, пожалуй, оставят его в покое.

Эрик принялся за ранний ужин с новым энтузиазмом.

6

Фройлих барабанил пальцами по подлокотнику дивана и пытался не смотреть на постоянно меняющийся морской пейзаж, занимавший противоположную стену. Как обычно, офис Ористано был островом мира и спокойствия в Коллигатар-комплексе, зеркальным отражением самого Старшего Программиста. Несмотря на то, что им говорили, он не замечал видимого отличия Ористано, не мог разглядеть никаких изменений в его наружности доброго дедушки.

Дюрапати сидела на стуле. Ее белый деловой костюм был безупречен. В рассеянном свете искрился ее небольшой рубин. Она выглядела такой же смущенной, как чувствовал себя Фройлих. Ему было приятно сознавать, что он не одинок в своем эмоциональном состоянии.

— Мне хотелось бы знать некоторые детали, — проворчал он.

Ористано тихо рассмеялся. Первое, о чем всегда спрашивал Третий Программист, это об информации.

— Мне бы самому хотелось, Эмиль. Как и машине.

— Чего я не понимаю, — сказала Дюрапати Поннани своим тоненьким, но твердым голосом, — так это почему он отказался принимать экстраординарные защитные меры, если считает, что существует экстраординарная угроза.

— Я пробовал объяснить, — терпеливо ответил Ористано. — Столько неопределенности в самой природе угрозы, когда и где она себя проявит, что он думает, как бы необычные меры не оказались больше губительными, чем защитными. Он не хочет спугнуть того, кто за этим стоит.

Фройлих пожал плечами. Плоть на его пухлых руках заколыхалась. Он был любителем жареной пищи и темного пива и обходился без физических упражнений. Его мускулы перешли в мозг.

— Я не собираюсь спорить с машиной, но ты должен понять наши чувства, Мартин. С одной стороны у нас эта мелодраматическая угроза, а с другой отказ предпринимать что-либо по этому поводу.

— Не что-либо, — Ористано показал на пачки листов, которые каждый из них получил. — Вот некоторые примеры:

Фройлих беспокойно заворочался и даже не взглянул на бумаги. Он уже запомнил их содержание.

— Этого едва ли достаточно.

— Знаю. Я сомневался, пока мне не надоело. А Коллигатар рекомендует нам именно это. — Заметив, что беспокойство собеседников не утихло, Мартин Ористано добавил: — Я не хочу сказать, что это дело пугает и смущает меня так же, как вас обоих.

— Смущает, да, — отозвалась Дюрапати. — Я не убеждена, что нам есть чего бояться. Пока.

Ористано прижал палец к губам.

— Ты предполагаешь, что Коллигатар заблуждается? Что нет никакой угрозы?

— Это не приходило тебе в голову? — она пристально посмотрела на него.

— Я рассматривал такую возможность, — признался Мартин. — Но отказался от нее после проверки, к своему удовлетворению. Могу показать вам записи. Коллигатар может проявлять многие эмоции. Паранойи среди них нет.

— Откуда мы знаем? — спросила Дюрапати. — Раньше никогда не существовало машины подобной Коллигатару. Мы все подлежим регулярным проверкам на устойчивость. Кто проверяет машину? Сто лет изменений и модификаций, двести лет непрерывных операций в попытках решить все ежедневные проблемы человечества: кто скажет, что это не повод для ментального срыва?

— Техники, осмотры и программы стабильности, — ответил Ористано, — и все показывают, что все в порядке, все правильно, ничто даже не намекает на такие неполадки в логическом устройстве. Раз нет никаких следов срывов, следовательно, предполагаемая угроза существует.

— Мне просто хотелось бы получить больше информации, — сказал Фройлих.

— Если бы информация являлась доступной, то необязательно было бы устраивать наше маленькое совещание, Эмиль. Как и те меры, которые ты определил в своих заявлениях. Тебе это известно.

— Известно, — Фройлих подавил отрыжку. — Но ко всему этому трудно привыкнуть, Мартин. Очень трудно привыкнуть к мысли, что Коллигатар может испугаться. Мы привыкли считать его... wartig... всемогущим.

— Он первым стал бы отрицать это. И он не испуган. Оза-

бочен, да. Страх больше подходит тем из нас, у кого менее линейный образ мышления.

— Конечно, мы сделаем так, как предлагает машина. — Фройлих поднялся с дивана. — Мы всегда поступаем, как она нам предлагает, и это всегда оказывается лучшим вариантом.

— Для этого Коллигатар и предназначен. Чтобы все сводилось к лучшему.

— Он иногда спрашивает нас, — Фройлих скомкал свои бумаги. — Заявляет, будто существует какая-то апокалиптическая угроза, а потом говорит, чтобы мы занимались делами, как обычно. Мы просто люди.

— Коллигатар всегда принимает это к сведению, Эмиль. Ты знаешь.

— Иногда мне хочется, чтобы у искусственных мозгов были свои искусственные люди, — сказала Дюрапати. — Тогда многое бы упростилось.

— До этого мы пока еще не дошли. Когда-нибудь, Дюра.

— Всегда это «когда-нибудь». Есть так много возможностей, — она взглянула на стену, думая о том, наблюдает ли сейчас за ними машина, даже если Мартин задействовал все секретные циклы. — Мы еще очень многого не знаем о нашем собственном создании. Оно слишком большое, чтобы его понять. В нем могли бы происходить такие вещи, о которых нам ничего не известно.

— И все-таки оно никогда нас не подводило. Ему еще предстоит принять неправильное или вредное решение.

— С инструкциями нет никаких проблем, — сказал Фройлих. Ему не нравились философские наблюдения. В его каталоге антипатии они стояли сразу после вареной капусты. — Если машина не хочет поднимать тревогу, она позаботится и о том, чтобы не сделали этого мы. Ты уверен, что она не недооценивает угрозу?

— Да, — ответил Ористано. — Уверяю тебя, Коллигатар относится к ней самым серьезным образом, учитывая классификацию твоих инструкций.

— И большой приоритет ограниченным действиям, — заметила Дюрапати. — Это выглядит противоречиво.

— Я уверен, машина знает, в чем дело. Как всегда, — напомнил ей Ористано.

— Знаю. Иначе это могло бы очень раздражать.

— Ты думаешь, она утаивает информацию?

— Конечно, нет. Это было бы совсем бессмысленно.

— Хорошо бы разобраться с этим, — сказал Фройлих. — У меня полно других дел.

— У меня тоже. Ты будешь держать нас в курсе происходящего, Мартин?

Он кивнул, провожая их до двери.

— Как только я что-нибудь выясню, тут же сообщу вам. — На прощание Ористано добавил специально для психомониторов: — В любое время можете на меня рассчитывать.

Никто не отозвался. Они об этом уже знали. Система проверок и балансов давала гарантию, что никто, даже Старший Программист, не мог использовать систему для личных целей. Сама машина этого не позволила бы. Она могла распознать отсутствие равновесия в тех, кто ее обслуживает, так же быстро, как и в собственных схемах. Сконструированный, чтобы обеспечить благоденствие человечества, Коллигатар не позволит себя использовать не по назначению. Он сразу же прекратил бы работу.

Потребовалась сотня лет, чтобы довести охранную систему до такого совершенства. Она постоянно изменялась, а проверялась ежедневно. Инсценированные попытки вредительства предпринимались через неравные промежутки времени. Машина всегда их распознавала, предупреждала об опасности и отказывалась сотрудничать со злоумышленниками.

И все-таки слова коллег не давали Мартину покоя. Ористано уважал Фройлиха, и Поннани. Могла она быть права? Могли оказаться в машине неразличимые неполадки? Мог Коллигатар видеть угрозу там, где ее не существовало? Как заметила Поннани, машина была громадной и постоянно изменялась. Не страдала ли она какой-нибудь манией? Не настоящей паранойей, разумеется, а чем-то менее серьезным?

Для такого богатого информацией устройства отсутствие подробностей было тревожным фактом. Ключевой вопрос заключался в том, объяснялась ли эта неопределенность искренним незнанием или чересчур осторожной неуверенностью? Если Коллигатар боялся допустить это, то в таких обстоятельствах могли возникнуть проблемы самого разного рода.

Если произошла какая-то серьезная поломка в самом Коллигатаре, если угроза исходила изнутри, а не из таинственных внешних источников, тогда перед людьми сто-

яла проблема, гораздо более серьезная, чем та, на которую намекала машина.

Теперь от Ористано зависело выяснение причин и их устранение.

А что если так и есть? Как будет реагировать Коллигатар на известие, что проблема находится в нем самом?

Машина говорила об «угрозе» очень осторожно, осмотрительно. Ористано собирался быть не менее осмотрительным. Трудно играть в шахматы, когда не видишь фигур противника.

Где лежала *настоящая* опасность? В Коллигатаре или вне его? Оба варианта несли различные проблемы. Ни один из них не даст Мартину уснуть спокойно. Но для этого он и находился здесь.

Пренебрегая устным контролем, Ористано обратился к клавиатуре. Несмотря на высокую ступень совершенства, которой достигли инженеры в распознавании и реакции на голос, иногда встречались трудности с двусмысленностями фраз, с разницами в интонациях. Когда его пальцы бегали по клавишам, неясность и недопонимание между машиной и человеком были невозможны. Работа Мартина была такой же точной, как у Фройлиха, такой же обширной, как у Поннани.

Он подумал о том, как прошел обед с итальянским послом, о вечеринке по случаю дня рождения своей внучки. Однако сейчас было не время для таких приятных, домашних тем. Так или иначе, где-то таилась опасность.

Как станет реагировать машина на постоянные пробы и запросы? Она могла задействовать определенные защитные механизмы, чтобы защитить себя. Использует ли Коллигатар когда-нибудь их против человеческого существа? Против него, например?

Выяснение этого также являлось работой Ористано. Он оставит своим коллегам необходимые подсказки вдоль всего электронного следа, по которому так деликатно двигался.

Фройлиху хотелось подробностей. Дюрапати хотелось Нирваны. Мартин Ористано хотел спасения.

Но не для себя.

7

Эрику показалось, что он слишком долго ждет поезда. Эббот не привык ездить в подземке, когда не было часа пик. В конце концов один состав прибыл на станцию, и Эрик смог немного расслабиться. Его единственными спутницами были две пенсионерки с покупками из Черного Каньона. Они сели в передней части вагона, стали болтать, не замолкая ни на минуту и не обращая на своего спутника никакого внимания.

Порыв перегретого воздуха встретил Эрика на выходе у Нью Ривер. Полуденная жара тоже была тем, к чему он не привык. Короткая приятная поездка на ожидающем АТС привела его домой. Знакомая обстановка помогла ему расслабиться еще больше.

Эббот долго просто сидел, уставясь на пустой экран на стене в спальне, и размышлял. Наконец он встал и снял с себя изорванный, замызганный костюм. Эрик оставался в глубокой задумчивости, пока его тело наслаждалось гидромассажем в ванне. Ничего не болело и не ныло, синяков не было видно. Странно. *Должны* быть синяки и боль. Не болела даже левая рука, которую так жестоко заломили за спину.

Просто повезло, сказал себе Эрик. В следующий раз может не повезти.

Он накинул халат и налил себе полный стакан мятного чая со льдом из холодильника, размышляя о том, что делать дальше.

Часом позже Эббот уселся у своего терминала и подключил телефон. Сначала послышался какой-то машинный разговор, потом экран расчистился, и на нем появилась миловидная женщина в очках.

— Почему вы просите об отпуске, мистер Эббот?

— По личным обстоятельствам. В последнее время я плохо себя чувствую, — как будто вспомнив, он добавил: — Семейные неприятности.

— Понимаю, — женщина набрала что-то на клавиатуре вне поля зрения Эрика и снова с любопытством посмотрела на него. — Вы должны уехать из Финикса в следующий понедельник на конференцию и семинар, посвященный новой микроэлектронной схеме LEG 6744K и кольцевому оптическому применению.

— Я знаю, — Эрик осторожно подбирал слова. — Боюсь,

что в моем теперешнем состоянии от меня не будет пользы. Шираз может поехать вместо меня, или Гонсалес.

Ни Шираз, ни Гонсалес не были бы так же эффективны, как он, но они не смогут и навредить.

— Смерть в семье? — спросила женщина на экране.

Эрик ничего не сказал, потупив глаза. Она отметила что-то еще.

— Здесь говорится, сэр, что за все время работы в «Селверне» вы ни разу не брали отпуска по болезни до недавнего времени.

— Это правда, — он почувствовал внезапную благодарность своему здоровью и самоотверженности. Много раз у него было искушение взять отпуск, чтобы уехать за город или поиграть в мяч. Теперь он радовался, что всегда отказывался от приглашений.

Отношение контролера резко изменилось.

— В данных обстоятельствах, даже не зная о природе ваших затруднений, я думаю, мы можем позволить вам взять отпуск, сэр. Сколько дней вам нужно? — одна рука повисла в воздухе, чтобы отметить его ответ.

— Я не уверен, — Эббот не мог сказать: «неопределенный срок», но не хотел быть и слишком точным. — Не очень долго.

— Неделя? — спросил контролер. — Две недели?

— Право, я не могу сказать. Вы знаете, насколько могут затянуться семейные дела...

Женщина сочувственно кивнула.

— Я отмечу неопределенный срок, сэр, и когда вам станет известно, пожалуйста, известите офис.

— Благодарю вас, — с признательностью произнес Эрик. — Безусловно, я так и сделаю.

Он хотел вернуться на работу.

— Мы закончили, сэр. С этой минуты вы в официальном отпуске. Надеюсь, вы решите свои личные проблемы с минимальными неудобствами.

— Я тоже, — честно сказал Эббот.

Изображение исчезло с экрана. Эрик повернулся на стуле. Он был свободен. Он поступил наилучшим образом. Если бы Эрик обратился с просьбой прямо с работы, могли бы возникнуть лишние вопросы. Разумеется, Чарли начал бы изводить его расспросами о причинах, а сейчас ему не хотелось давать никаких объяснений. Нет, так лучше. Пусть они дога-

дываются, что у него на уме. Чарли мог догадаться. Габриэлла могла надуть губы, но он не будет слушать ни того, ни другую.

А что касается задержки его карьеры, об этом он позаботится позже. Несомненно, его до настоящего времени незапятнанная репутация поможет ему. Эрик не собирался беспокоиться. Сейчас все было неважно, кроме Лайзы Тембор.

Ее лицо стояло у него перед глазами: ожерелье стробоскопических воспоминаний. Никому не нужны проволочки, и лучше было бы не откладывать. Поехать в Нуэво-Йорк и както отыскать ее. Если бы он поспешил, то мог бы даже вернуться вовремя, чтобы успеть на завершение конференции в Гонконге. Ничто не могло его остановить.

Только... один человек был мертв, а двое пытались похитить Эрика, и он до сих пор не знал, зачем. Не будут ли они его ждать? Эббот сомневался в этом. Если они следили за ним, то могут ждать его завтра у Селверн-Тауэр. Эрик ухмыльнулся. Им придется подождать.

Мнение Чарли не давало ему покоя. Любой нормальный человек, поразмыслив о сегодняшних событиях, стал бы держаться подальше от Лайзы Тембор. Если это означало, что он ненормальный, ему нравилось такое ощущение Сумасшествие, подобное любви положительно его веселило. Жизнь была обычной. Только изредка она устраивала подлинные сюрпризы, а ему достался самый замечательный. У Эрика имелось твердое намерение довести все до конца, к чему бы это не привело. Даже если был риск кончить, как Поликартос.

Как можно так влюбиться, лишь мельком увидев лицо? Разве этого достаточно, чтобы человек забросил всю свою прежнюю жизнь? Конечно, если ему удастся встретиться с ней, она, возможно, позовет полицию. По меньшей мере, это положит конец наваждению.

Мир был полон знаменитостей, личностей, которые очень отличались в личных отношениях от того, какими казались с расстояния. Косметика и хирургия могли творить чудеса. Девушка могла не понравиться Эрику. Если ему повезет, он сможет смыться, назад к своему земному существованию, не вызвав гнева ее друзей.

Жизнь обещала перемены, если не что-то большее. Эббот насвистывал, собирая сумку и нагружая чистый костюм потенциально полезными устройствами. Все равно, сколько

его не будет здесь, день, неделю или месяц. Ему всегда нравилось путешествовать налегке и с хорошим настроением.

Эрик стал набирать номер службы путешествий и заколебался. Если за ним наблюдали, и его действия оказывались на экране, это могло насторожить кое-кого. Лучше доехать на подземке до аэропорта и там купить билет. С деньгами не будет затруднений. У Поликартоса не оказалось времени закрыть счета.

Эббот закрыл терминал и запер дом. Он подумал, не сообщить ли соседям о своем отъезде, но решил этого не делать. Незачем впутывать их в это дело. Пусть его посетители только догадываются, что происходит.

Оставив АТС, чтобы еще больше смутить любопытных, он направился к станции. Скоро Эрик уже сидел в пустом вагоне, который со свистом несся к Аэропорту Небесной Гавани. Подземка мчала его сквозь дремоту. Теперь он был просто наблюдателем, а не участником. Чувство отстраненности снизило его хорошее настроение.

Внезапная мысль заставила Эббота выйти из подземки, прежде чем он добрался до аэропорта. Сделав крюк на такси, Эрик приехал в небольшую торговую фирму, специализирующуюся на электронике. Владелец не помнил его, но по предъявлении удостоверения, позволил ему воспользоваться своим помещением и услугами.

Там Эббот принялся за работу с совершенно легальным оборудованием, совершая нечто в высшей степени нелегальное. Только эксперт мог подделать такое личное и защитное, как кредитная карточка. Требовалась значительная ловкость, чтобы напечатать другое имя и номер счета на карточке, не изменив определенных молекулярных структур так, чтобы пользователь все так же мог снимать деньги с первоначального счета.

От пяти до десяти лет тюрьмы, вне зависимости от того, насколько искусно выполнена работа, даже если это была его собственная карточка. В некотором смысле в этом заключалась часть приключения, и Эрик всегда мог вернуть карточке первоначальный вид, когда закончит. Дилетанта не стоило и подпускать к такой работе, но Эрик не был дилетантом.

А теперь пусть противники попытаются отыскать его! Они обнаружат, что, судя по отелям и ресторанам, Эрик Эббот исчез. Может, он перестраховался, но у него не было никакого

желания встречаться второй раз с двумя людьми, которые выследили его у офиса Поликартоса. Адреналин не мог остановить дротик с транквилизатором.

В аэропорту не возникло никаких трудностей, и когда сверхзвуковой транспорт поднялся в воздух, Эрик совершенно расслабился. Место у окна давало возможность изучать новые зеленые квадраты и круги с высоты в сотню тысяч футов.

Его первый взгляд на Нуэво-Йорк стал чем-то вроде реакции. Дело было в экране. Он принес такие виды в каждый дом. В реальности не было таинственности.

Сам аэропорт, однако, оказался потрясающим. В сравнении с Терминалом Джерси Флэтс Небесная Гавань в Финиксе выглядела весьма провинциально.

Здесь не оказалось сидящих в засаде громадных фигур, который набросились бы на Эббота, когда он спустился с трапа с сумкой в руке. Никто не побеспокоил его, когда Эрик вместе с толпой шел по направлению к транспортной станции. Выражаясь театрально, по-видимому, ему удалось совершить бегство, не оставив следов.

Ведь он мог бы пойти прямо к Лайзе Тембор и пригласить ее на обед, и никто не вмешался бы! Бедный Поликартос не был достаточно осторожен, вот и все. В действительности, у Эрика все еще не имелось доказательств того, что смерть Поликартоса находилась в какой-то связи с Лайзой Тембор и теми двумя типами.

Его первой мыслью было пойти в агентство моделей, чей адрес он нашел в папке следователя. Но, кажется, не было оснований действовать так решительно. Лучше сначала привыкнуть к чужому городу.

Подземка быстро доставила Эббота в деловой район. Агентство находилось на Северной 133-ей улице, Гарлем-тауэр, Комплекс Восемь. Он выбрал скромную гостиницу, довольно далеко от места своего назначения, в верхней части города рядом с Центральным Парком. Цены ужасали.

В номере были чистая кровать, вездесущий телеэкран, приличная ванная и полное отсутствие вида из окна. Это Эрика не беспокоило. Он был не на отдыхе. Остаток дня Эббот провел, разъезжая на такси по улицам, слушая ровный синтезированный голос, рассказывающий ему о местных достопримечательностях, и даже не остановился около Восьмого Комплекса.

Он великолепно пообедал, поел соленого печенья в Центральном Парке, провел половину следующего дня в Музее Естественной Истории. Прошло три милых, безмятежных дня. Потом Эрик почистил костюм и приготовился.

В этот раз он отпустил такси около Гарлема-Восемь. Восьмидесятиэтажный шестиугольник являлся частью комплекса из восьми одинаковых башен, стоящих на площадке, похожей на парк. Это был дорогой, престижный, коммерческий район.

Агентство «Магдалена» занимало весь семидесятый этаж. Даже вестибюль свидетельствовал о хороших средствах. Кафель блестел позолотой, все сверкало обилием стекла, а двери, ведущие в приемную, были выгравированы репродукциями работ Муча и Эрте.

Эрик чувствовал себя не в своей тарелке. Офисы «Селверна» были комфортабельными, но предназначались, чтобы производить другое впечатление. Он привык к рациональной, деловой обстановке, а не к показному великолепию ради самого великолепия.

Кожа у девушки в приемной была такого же цвета, как стол из орехового дерева. Она выглядела стройной и красивой, но, мысленно высказал догадку Эрик, не достаточно стройной и красивой. Разумеется, девушка и рядом не стояла с тем волшебным образом, который он видел в Кадоте и лелеял в памяти.

— Чем я могу вам помочь, сэр? — она оглядела лучший костюм Эрика. Или, может быть, она оценивала его. Эббот не был похож на тех, с кем ей приходилось иметь дело каждый день: недостаточно красивый, чтобы искать представительства, недостаточно нелепый, чтобы работать агентом. В любой момент, подумал он, девушка могла спросить, не посыльный ли перед ней.

Не выйдет, сердито сказал себе Эрик. Действуй так, как будто ты знаешь, что делаешь, даже если не знаешь.

— Я здесь, чтобы узнать, нельзя ли занять одну из ваших моделей. Для серии телевизионных рекламных роликов, — он улыбнулся ей лучшей улыбкой, какую смог изобразить.

Его оценка в ее глазах поднялась на несколько пунктов.

— Понимаю.

Эббот не был уверен, что девушка поверила ему, но не сомневался, что она не собирается ошибаться.

— Могу я спросить ваше имя и какую компанию вы представляете?

— Джон Фразьер, — сказал он без колебания. — Я от «Селверна».

Еще на один пункт выше.

— Одну минуточку, пожалуйста, мистер Фразьер, — она показала рукой в сторону золотистого диванчика конца девятнадцатого века.

Эрик принял приглашение присесть и стал листать журналы, лежавшие на столике. Они не заставляли думать, в них было больше снимков, чем слов. Фотографии при ярком солнечном свете, фотографии при свечах, фотографии при звездах. Его изумляло, каким разным бывает человеческое тело и как оно может застывать во времени при сотрудничестве глаза и машины.

Эббот приятно проводил время, когда появилась женщина и приветствовала его. Ее волосы были серебряными с белокурыми прядями, и он не мог сказать, какие натуральные, а какие крашеные. То же самое можно было сказать о выражении лица. Женщина выглядела очень милой, утонченной, эльф, выкованный из нержавеющей стали. Эрик сразу же насторожился, когда она пожала его руку.

— Мистер Фразьер? Меня зовут Джоан Кэндлвейф. Пройдемся со мной, пожалуйста.

Он отложил журналы и последовал за ней.

Окна ее кабинета выходили на парк внизу и на третью башню Гарлема. Женщина непринужденно села за рабочий стол. Скорее даже не села в него, так как вход за ней закрылся, а оказалась в пластиковом пончике с плоским верхом.

— Чего-нибудь выпьете, мистер Фразьер? Фруктовый сок, кофе, чай, цикорий, минеральная вода, безалкогольные напитки, вино?

— Спасибо, нет.

— Хелейн сказала, что вы представитель «Селверна».

— Да, это так.

— В Нуэво-Йорке их представляют Теркел и Брайтон.

— Я с побережья. Так сказать, из дома, — Эрик заговорил конспираторским тоном. Он был благодарен общению с Чарли за свои познания в рекламе, и он продумал свою речь во время идиллической поездки вокруг Манхэттена.

— Мы ищем кого-то с особенной внешностью, с

исключительной внешностью, для серии реклам новой партии потребительской электронной продукции на мультиканале. Предварительные обсуждения уже начались и в Гонконге, и в Финиксе. Нам нужен кто-то с воздушной, далекой красотой, очень футуристичной.

Эббот продолжал раскрывать долгий список других воображаемых требований к воображаемому открытию. Тем временем Кэндлвейф внимательно слушала.

Упомянув «Селверна», он пошел на риск, но ему нужно было представлять что-нибудь. Что ж, лучше, чем его родная компания? Эрик знал ее и, благодаря Чарли, кое-что о работе агентств. если дама захочет проверить его, она обнаружит, что Джон Фразьер действительно работает на Селверн Финикс. Фразьер был начальником Чарли. Пока женщина не требовала фотографий, Эрик должен был постараться обмануть ее, по крайней мере, в течение нескольких дней.

Его хорошо отрепетированная речь, очевидно, подействовала на нее. Перед ней сидел человек, который знал, чего хочет он и его компания.

— Все ищут исключительного, кого-то с особенной «внешностью», мистер Фразьер. Мне не нужно этого вам говорить. Находить такие лица — вот что делает наш бизнес таким интересным. У нас есть несколько леди, которые могут подойти под ваше описание, — она дотронулась до скрытых выключателей.

На противоположной стене открылся видео-экран, а из стола появился компактный проектор. Женщина стала просматривать голограммы в коробке.

— Это необязательно, — сказал Эрик. У него не было намерения провести остаток дня в этом кабинете, рассматривая изображения прекрасных женщин, которые для него ничего не значили. — Мы уже провели тщательные поиски и остановились на одной многообещающей модели. Я знаю, что ее представляет «Магдалена». Извините меня. Вероятно, я должен был упомянуть об этом раньше.

— Ничего, — Кэндлвейф удалось хорошо скрыть свое удивление. — Это делает мою работу гораздо проще, не правда ли? Я рада, что вы выбрали нашу модель. Конечно, пока мы не обсудим детали ее найма, я не могу гарантировать, что она будет с вами работать. О ком вы подумали? О Веронике? Сента Кросс?

— Лайза Тембор. — Эрик сделал вид, что сверяется с записной книжкой.

Женщина нахмурилась.

— Тембор? Я не... ах, да, конечно, я помню ее. Она работала с нами, но очень недолго. Сожалею. Она была очень популярна, но у меня сложилось такое впечатление, что девушка без души относилась к работе, рассматривала ее как развлечение, что-то вроде отдыха. Странная. Жаль, она могла бы стать одной из лучших.

— Больше она с вами не работает?

— Уже долгое время, я боюсь.

— Очень жаль.

— Мне так же. Я не знаю, почему она уволилась. Мы делали все возможное, чтобы убедить ее, что у нее большое будущее у «Магдалены». Странное дело, но девушка не хотела работать моделью. Мы думали, наши конкуренты сделали ей более выгодное предложение, но, по-видимому, это не так.

— Вы уверены?

— Вполне, мистер Фразьер. В нашем темном мирке все становится известным из сплетен, понимаете? Как только кто-нибудь меняет агентство, новость сразу же становится общественным достоянием. Нет, мисс Лайза Тембор не перешла в другое агентство ни здесь, ни за границей, иначе мне стало бы об этом известно. Она действительно ушла из бизнеса, — Кэндлвейф холодно улыбнулась. — Нашла себе какого-нибудь престарелого поклонника или кого-то еще, чтобы он о ней позаботился. Думаю, для некоторых это самая легкая карьера.

Эрик ничего не ответил на то, что подразумевала женщина. Это могло быть правдой. Он вспомнил слова Поликартоса.

— Минутку, — проговорила Кэндлвейф, просматривая папки, нашла, что искала, и вставила в проектор.

Крошечный аппарат загудел, и в комнате потемнело. Красивые лица и тела заполнили экран на стене, нечеткие из-за большой скорости перемотки. Постепенно она замедлилась, и фигуры стали видны в полный рост, в трех измерениях.

Пальцы Эрика вцепились в стул. Это она. У него не было ни тени сомнения с самого первого ее расплывчатого появления. Это была она.

— Да, я помню Лайзу, — проворковала Кэндлвейф. —

Очень тихая девушка, в чем-то почти дитя, а в чем-то вполне взрослая. Казалось, она точно знала, чего хочет и как этого добиться. Получив от «Магдалены» все, она потребовала и получила освобождение.

Я не шучу, когда говорю, что мы делали все возможное, чтобы удержать ее с нами. Мы делали ей предложения, которые получают очень, очень немногие начинающие модели, они даже не мечтают о них. Девушка была равнодушна к деньгам так же, как и к профессии. Странная леди. В ней действительно было что-то. Ваши люди не прошли мимо этого, как и наши. Все прекрасно видно на ее голограммах.

Все прекрасно видно на улице, в проезжающей машине, с волнением подумал Эрик.

— Великолепные модели индивидуальны, — продолжала женщина. — Тембор не отточила свой талант, но в ней была уникальность. Как я уже сказала, она могла стать одной из лучших.

Раздался тихий щелчок. Видение на стене пропало, проектор затих.

— Я не буду спорить с вашей оценкой, — наконец произнес Эрик.

— Мне хотелось бы заинтересовать вас другими нашими моделями. Например, юная леди из Западной Африки, Сара Ноба, которая замечательна и обладает в большой степени похожим телосложением... хотя она не та девушка, конечно. У нас есть и другие известные модели, например...

— Ничего не имею против других ваших сотрудниц, — торопливо сказал Эрик, — но прежде, чем мы пересмотрим список заново, мне хотелось бы попытаться убедить Лайзу Тембор поработать с нами. Селверн — одна из самых больших корпораций в Северной Америке. Может быть, обещание такой известности...

— Тембор интересовалась известностью еще меньше, чем деньгами, — сказала Кэндлвейф.

— Мы можем предложить ей хорошую сделку. Если мне удастся убедить ее, разве не стоит это затраченного труда? Она вернется в отчий дом, подобно блудному сыну.

— Конечно, это было бы замечательно. К сожалению, ничего не могу для вас сделать, мистер Фразьер, и не могу дать вам адреса Лайзы Тембор. Здесь мы очень серьезно относимся к личной жизни наших моделей. Я уверена, вы по

своему собственному опыту знаете, что мир полон эксцентричных и неуравновешенных людей. Я не говорю о вас, естественно, но не должна нарушать правила. Самые привлекательные мужчины и женщины часто становятся мишенями для невероятных оскорблений.

Эббот хотел было ответить, но женщина еще не закончила.

— Если бы вы были председателем правления «Селверна», или Сони, или Дженерал Электрик, или Рено, я все рано не могла бы дать вам адрес Лайзы Тембор. Я могу сама установить с ней контакт и рассказать о любом предложении, которое вы хотите ей сделать, но, откровенно говоря, думаю, мы оба зря потеряем время. Сомневаюсь, что вы можете предложить ей что-нибудь, чего мы уже не предлагали.

— По крайней мере, вы могли бы сообщить ей о том, что Селверн проявил к ней интерес, — неубедительно произнес Эрик. Насвистывать было опасно. — Если бы это ее заинтересовало мы бы обсудили детали. Я буду в Нуэво-Йорке еще пару дней.

Он сказал это только ради формальностей. Лайза Тембор явно навсегда бросила работу модели. Но нужно было дойти до конца.

— Прекрасно. Если она выразит желание обсудить дальнейшие детали, мы могли бы обсудить встречу. Как вас найти?

— Никак. Я в постоянных разъездах, но пока здесь. Сегодня друзья завтра, родственники. Понимаете? Что если я загляну к вам, скажем, в следующий вторник?

— Очень хорошо. К тому времени у меня уже будет ответ. Я посоветовала бы вам связаться с вашими людьми на западе и сообщить им об этом разговоре. Тогда мы смогли бы заняться настоящим делом.

Женщина поднялась и перегнулась через стол, чтобы пожать его руку. В это время Эббот с испугом и удивлением заметил в ее глазах что-то еще. Ее рукопожатие было не совсем деловым.

— А если вы сегодня вечером не заняты, мы могли бы вместе пообедать? Я знаю чудесный перуанский ресторан, в котором подают замечательный huachinango asado.

— Мне очень жаль, — поспешно сказал Эрик — но я уже обещал.

— Понимаю, — она была явно разочарована. — Может

быть, как-нибудь на следующей неделе? Тем временем я посмотрю, нельзя ли связаться с мисс Тембор.

— Это все, что я могу просить. И обещаю, если «Селверну» с ней не повезет, мы еще раз просмотрим ваш список.

— Довольно честно. Надеюсь, вы хорошо проведете время в Нуэво-Йорке, мистер Фразьер.

— Спасибо. Я так и сделаю.

Мозг Эрика неистово работал, когда робокэб ехал обратно в гостиницу. У Эббота было много времени на раздумья, поскольку машина сделала намеренный крюк.

Совершенно очевидно, что он не получит адреса Лайзы Тембор ни от Джоан Кэндлвейф, ни от кого другого в агентстве. Эрик мог бы подкупить нерадивую сотрудницу. Например, девушка в приемной должна была иметь доступ к необходимым документам, но она также могла оказаться честной работницей и ценить свою службу в таком престижном концерне. Эббот опасался нарваться на полицию и потому не должен был так рисковать. Не тогда, когда выдавал себя за другого и подделывал кредитные карточки. Во время своего визита он искал следы сигнализации, ничего не заметил, но не сомневался, что она существовала. Еще он не сомневался, что мог бы с ней справиться, как и в случае с Поликартосом. Эрик не собирался вламываться к Уинстону или Константину.

Самым трудным было проскользнуть мимо охранников, находящихся в вестибюле здания. Около полуночи он вошел в подъезд и направился к лифтам. Работник службы безопасности косо посмотрел на него и отвернулся, когда посетитель, как и ожидалось, нажал кнопку третьего этажа. Там помещался ночной Сычуаньский ресторан.

Двери лифта откроются прямо в ресторан. У Эрика не было намерения столкнуться нос к носу с улыбчивым метрдотелем. Он остановил кабину между вторым и третьим этажом и быстро изменил программу лифта. Подъем продолжился мгновение спустя, и в самом деле кабина остановилась на третьем этаже. Но открылись не передние двери, а задние, выпустив Эббота в длинный служебный коридор.

Система безопасности покажет, что лифт действительно остановился на третьем этаже, но не сообщит, какие двери открылись. Вскоре кабина уже спускалась вниз, отвозя поздних посетителей в вестибюль или на подземные стоянки.

Эрик повернул и пошел по пустому, слабо освещенному

коридору. Здесь не было наблюдательных камер. Короткий проход привел его к пожарной лестнице, и он стал подниматься на семидесятый этаж. Эрик не мог воспользоваться лифтами. Служебные могли так же тщательно просматриваться, как и лифты для публики.

В коридоре на семидесятом этаже тоже не оказалось камер. По-видимому, обитатели здания были вполне уверены в охране на первом этаже и индивидуальных предупреждающих устройствах. Немногие нарушители имели опыт Эрика в электронике. Матовые двери агентства ни на минуту его не одурачили, хотя система, которая вполне могла быть выпущена на одной из дочерних компаний «Селверна», являлась элегантной и хитроумной. Прекрасные стеклянные панели функционировали, как огромные, плоские фиброоптические системы. Непрерывный сигнал направлялся через обе двери от крыши к полу. Любое несанкционированное вмешательство тут же вызвало бы тревогу.

Эббот не имел намерения взламывать двери. Ему понадобилось несколько минут, чтобы определить местоположение замочной скважины, спрятанной в притолоке с левой стороны. С полным карманом миниатюрных специализированных приспособлений он не боялся никаких трудностей, чтобы обойти открывающую схему.

От одного прикосновения двери легко разошлись в стороны, и Эрик позаботился о том, чтобы закрыть их за собой. Электрический фонарик помог ему добраться до кабинета Кэндлвейф. Он не удивился, когда обнаружил, что тот заперт, хотя и защищен гораздо более простым устройством, чем фиброоптическая система, охранявшая вход.

Быстро отыскав нужную папку, Эббот вернул к жизни экран терминала, просмотрел активных клиентов, нашел резервную папку и вскоре увидел имя Лайзы Тембор. Там был ее манхэттенский адрес, который он ввел в свой ручной терминал на запястье. Потом Эрик закончил работу, закрыл терминал Кэндлвейф и встал, чтобы уйти. На все ушло меньше получаса, считая с того момента, когда он вошел в вестибюль здания. Человеку нужны план действий, несколько скромных навыков и немного удачи.

Поэтому ужасным потрясением для него оказалось появление двоих в униформе, спокойно ожидающий Эббота в приемной. Один свободно держал в правой руке пистолет, пока

другая отдыхала на том самом стуле, возле которого Эрик недавно проглядывал глянцевые журналы.

— Судя по звукам, вы ничего не поломали, — сказала женщина, сидевшая на стуле, — так что мы решили подождать вас.

— Послушайте, я все объясню...

— Все взломщики начинают объясняться, — мужчина взмахнул пистолетом. — Давай-ка спустимся. Неохота зря тратить время.

Ошарашенный Эрик стоял без движения, пока женщина быстро и профессионально обыскивала его. Она на мгновение заколебалась, с восхищением глядя на необычные инструменты, но оставила их в его плаще, поскольку хотела сохранить доказательства.

Когда они вышли, Эббот постарался проникнуть в секрет дверей, удивляясь, что же он мог проглядеть. Эрик был уверен, что отключил сигнализацию.

Женщина сзади заметила его взгляд и тонко улыбнулась.

— О, вы прекрасно справились с дверями. Ловкая работа. Но вы пропустили ковер.

Эрик оглянулся через плечо, однако не заметил под лохматым ковром никаких выпуклостей.

— Он чувствителен к давлению, — продолжала она, — вот почему я не боюсь упоминать о нем. Вы не можете миновать его, даже если будете знать, что он там. Стоит только сделать шаг и тут же поднимется тревога. Чтобы обойти ковер, вам понадобилось бы совсем убрать его, так как проволока проходит не под ним. Она в него вплетена.

Бросив последний взгляд, Эрик увидел редкие серебряные нити среди зеленых и синих.

— Ковер подключается к стенам, — объяснила охранница, очевидно наслаждаясь его смущением. — Во всех Гарлемских Башнях используют такие ковры. Чего я не могу понять так это, что вы хотели там украсть?

— Не огорчайся, — сказал ее напарник. — Пусть с этим разберутся психокопы.

Теперь, когда прошел первый шок после ареста, Эрик почувствовал, как в нем начинает зарождаться паника. Повод для взлома и проникновения не смягчит приговор судьи. Обнаружения поддельной кредитной карточки хватит, чтобы погубить его карьеру и обеспечить заключение на долгий срок.

Они направились к лифтам. Над центральным ярко горела световая решетка. Остальные застыли в темноте. Чтобы спасти себя, у Эрика было лишь несколько секунд, и он действовал скорее инстинктивно, чем обдуманно.

Его ход захватил врасплох переднего охранника. Эрик не выглядел слишком угрожающе, и испуганная поза была достаточно искренней. Пистолет отлетел. Женщина от толчка упала на спину и стала доставать собственное оружие, чтобы выстрелить.

Но Эббот уже был в кабине лифта и неистово нажимал на кнопки. Ответа не последовало.

Женщина устало обратилась к нему.

— Зря теряешь время, парень. Ты что, думал, что мы оставим для тебя лифт? Ты можешь спуститься только с нами.

Эрик яростно нажал кнопку, чтобы закрыть двери. Панели сразу же сдвинулись. Он держал выключатель, тем временем тыча пальцем в дюжины номеров этажей.

Снаружи раздавался настойчивый стук, кулаки колотили по металлу. В кабину доносились приглушенные голоса. Они уже были злыми, а не раздраженными.

— Открывай, парень! Ты только зря тратишь наше, да и свое время.

Эббот нажал номер 80 и был награжден гудением мотора, когда лифт стал подниматься. Заблокированы были только нижние этажи. А почему бы и нет? В другом направлении нельзя убежать.

Эрик слышал голоса преследователей, затихающие внизу, под кабиной.

— Спускайся, парень! Будет хуже!

Он проигнорировал их. Он мог выйти на любом этаже между семьдесят первым и восьмидесятым, но не спуститься вниз. Несомненно, они поставят людей на каждой лестнице теперь, когда стало известно, что нарушитель свободно передвигается по зданию. То же касалось и каждого лифта, включая служебные.

Двери разъехались в стороны, чтобы выпустить Эрика на верхний этаж, потом закрылись. Лифт загудел. Его вызвали вниз. Скоро на этаже будет полно работников безопасности. Тревога покатилась по всему комплексу.

У Эрика все еще были с собой инструменты. Он мог бы войти в другой офис, где, вероятно, нет ковра, чувствительно-

го к давлению, но это только оттянет момент его пленения. Быстрый осмотр открыл пожарную и служебную лестницу. Эрик стал подниматься, вместо того, чтобы спускаться. На вершине сдвоенных лестничных пролетов был очень простой замок.

В ночном воздухе ощущался ужасный холод. На юге виднелись башни Хобокена, на востоке — темная полоска Лонг Айленд Саунд. Сзади пульсировало обогревательное и охладительное оборудование. Рядом темнел шпиль Шестой Гарлемской Башни, а немного дальше — Второй. Эббот стоял, переводя дух и собираясь с мыслями, пока не услышал внизу голоса.

— Он должен быть где-то здесь... мы обыскали весь проклятый этаж... никого нет...

Сейчас их насчитывалось уже больше двух. Этого и следовало ожидать.

— Нельзя дать ему убежать... может оказаться неустойчивым психически... будьте осторожнее...

На этот раз они возьмут его. Эрик стал осматриваться не зная, что еще сделать, чтобы отсрочить неизбежный конец. Конец всего. Его карьеры, будущего, шансов на то, чтобы встретиться с Лайзой Тембор. Всего.

Слабый голос закричал:

— Вот он!

Треск, укол в правое плечо, и Эббот побежал вокруг внешнего служебного хода.

Внезапно перед ним из темноты возникли две фигуры. Обе стояли на коленях, поднимая руки и пистолеты.

— Стойте на месте, мистер. Игра окончена.

Эрик бросился между двумя массивными холодильными агрегатами. Звуки шагов и голоса раздавались с дальней стороны, приближаясь. Скоро путь к отступлению будет отрезан. Он кинулся в сторону между механизмами. Ровный гул отдавался у него в голове.

Эббот не мог позволить им захватить его. Не сейчас, когда он находился так близко к своей цели. Лицо Лайзы Тембор стояло у него перед глазами, не мелькнувшее видение, а сотня разных видов, образ, углубленный и умноженный голограммами Кэндлвейф, которые он увидел в ее кабинете. Эрик встретится с ней, с Тембор, встретится, и никто и ничего его не остановит.

— Он побежал туда! — два парализующих луча прогудели сзади, не попав в цель. Потом удивленный голос крикнул: — Не делай этого!

Барьер, окружающий крышу башни, был меньше шести футов в высоту. Разбежавшись быстро, как только мог, Эббот прыгнул. Его правая нога попала на барьер, и мускулы сократились в толчке. Несколько неотчетливых криков и изумленных громких вздохов донеслось до него.

Пространство. Он несся по пространству, молотя руками и ногами в воздухе. Восемьдесят этажей. В тысяче футов внизу был сад, окружавший Гарлемский Комплекс.

Эрик падал и падал на землю, выгнув тело дугой, пока не увидел деревья и огни далеко внизу.

8

Казалось, он ударился гораздо раньше, чем должен был. Мгновение оцепенения, а потом Эрик стал тяжело переваливаться через барьер. Тот был точно так же, как первый, через который Эббот только что перебрался, но с одним значительным отличием: он окружал крышу Гарлема Шесть.

Скоро Эрик стоял рядом с другим холодильным оборудованием, прислушиваясь к такому же рокоту и вглядываясь в темноту и в дюжину изумленных лиц, казавшихся маленькими из-за большого расстояния. Он сделал это. Он не знал, как, но сделал это. Только его ловкий трюк имел сейчас значение.

Эббот посмотрел на решетчатую ограду. От высоты у него закружилась голова. Он отвернулся и, спотыкаясь, направился к тому месту, где должна была располагаться дверь на лестницу, сбил замок и бросился вниз, не решившись воспользоваться лифтом.

Остолбенение, которое нашло на Эрика Эббота после того, как он перелетел через бездну, оставило его, но продолжало сковывать его преследователей. Никто не двинулся с места, чтобы связаться с центральной охраной. Все глаза завороженно смотрели на противоположную крышу. Пропасть между башнями простиралась почти на девяносто футов. Никто не

мог сделать такой прыжок, и все же беглец только что проделал это, проделал без зеркал или каких-нибудь других приспособлений.

Минуту назад преследователи загнали его в ловушку и уверенно наступали на свою жертву. Теперь их уверенность пропала. Эрик надул их. Несмотря на неудачу никто не выразил желания продолжать погоню.

Прошло несколько драгоценных минут, прежде чем один из них догадался связаться с коллегами внизу. Еще больше времени ушло на то, чтобы объяснить им, что произошло. К тому времени Эрик Эббот, перепрыгивая разом через четыре-пять ступеней, спустился до третьего этажа Гарлема Шесть.

Он попытался вспомнить планировку Восьмой Башни. В конце каждого коридора находились окна. Шестая башня была такой же. Эббот добрался до одного из них, справился еще с одним замком и выдавил толстое стекло.

В сорока футах внизу старый платан протягивал к ночному небу тяжелые сучья, густо покрытые листвой. Были хорошо видны несколько прохожих далеко справа, наслаждающихся плеском фонтанов и запахом ночных цветов. Эрик глубоко вдохнул и прыгнул.

Несколько веток обломилось под его весом, одна ударила по щеке, но крови не было. Он зацепился, начал карабкаться вниз, задержался на крупном суку внизу, заглянув в вестибюль. В нем двигались силуэты, но нельзя было определить, кто это: посетители или встревоженный персонал.

Эббот спрыгнул на землю и отряхнулся. Это был второй костюм, испорченный в поисках Лайзы Тембор. Теперь ему следовало купить подходящую одежду.

Его хорошее настроение продержалось недолго. Он был напуган, жутко напуган. Не своим арестом, а своим спасением.

В Финиксе он списал побег от двух типов, которые стремились допросить его, на внезапное повышение адреналина в крови. Такое поверхностное объяснение не могло сойти в случае с его прыжком с крыши Гарлема Восемь. Ничто не объяснит этого. Факт оставался фактом. Еще более ужасало Эрика то, что он был доведен до того, чтобы попытаться совершить это. Эббот перепрыгнул через бездну, имея возможность поступить по-другому.

И все-таки было похоже, что его тело, если не мозг, все время знало, что он может совершить такой прыжок. Эрик

заставил себя идти спокойно и небыстро по направлению к 135-ой улице, критически размышляя о себе. Руки, ноги, все тело выглядело нормальным, выглядело, как обычно.

Что со мной происходит? Что, черт возьми, случилось?

Он чувствовал тот же беспорядочный ужас в Финиксе, когда пробил прочный потолок гораздо более крупным противником. Теперь бело еще хуже.

Прошло десять минут, когда рядом с ним остановился пустой робокэб.

— Подвезти, сэр? — заискивающе произнес механических голос.

— Да. Да, спасибо, — Эббот бросился к открытой дверце, тяжело плюхнулся на сиденье, рассеянно назвал гостиницу, как во сне вытащил из кармана бумажник и проверил его содержимое.

Все было там, все, что определяло личность Эрика Эббота. Идентификационная карточка, поддельная кредитная карточка, водительские права, медицинская страховка, множество официальных и полуофициальных документов. Кем он был... но не чем.

«Что я такое?» — настойчиво кричал голос в мозгу.

Они проехали квартал, и Эрик не увидел огней, которые превратили ночь в день около Гарлемского комплекса. Не увидел небольшой армии охранного персонала, вышедшую из всех восьми башен, чтобы обыскать дорожки и укромные места, где мог укрыться раненый беглец.

Безрезультатная охота продолжалась до самого утра. Преследователи не нашли ни Эрика Эббота, ни Джона Фразьера, ни того человека, который совершил невероятный бросок с одной башни на другую. Они не нашли их, потому что все трое сидели в маленьком гостиничном номере в центре Манхэттена, пытаясь разобраться в себе.

Эрик долго простоял под горячим душем, под каскадом водяных струй. Он не был ранен. Замечательный прыжок не переутомил ни один мускул. Вода смыла пот и грязь, но не воспоминания.

Может быть, мне лучше убраться домой, подумал Эббот. Убраться, пока не сошел с ума, пока не случилось еще чего-нибудь похлеще. Чего-нибудь еще? Чего, например? Ни в чем не было смысла.

Зря только уходит время на такие мысли. Он не уедет до-

мой сейчас, в опасности его психическое здоровье или нет. К чему беспокоиться о каком-то незначительном непостижимом происшествии, когда у тебя есть адрес Лайзы Тембор.

Ее не предупредят. По полу кабинета Кэндлвейф не были разбросаны документы, ничто не указывало на цель вторжения Эрика. Компьютерная картотека будет выглядеть нетронутой. Проверка покажет, что ничего не пропало.

Несомненно, что люди, которые гнались за ним, все еще пытаются объяснить себе побег незнакомца. Он даст местной службе безопасности больше, чем достаточно, пищи для размышлений, и без выяснения его личности или мотивов. Охранники скажут, что никакое человеческое существо не может совершить такой прыжок. Никто, кроме машины, кроме робота. Эббот принялся хихикать.

Выйдя из душа, он вытерся и прошел в спальню. В верхнем ящике единственного шкафчика лежали его бумажник, школьное кольцо, ключи и инструменты. Один из последних был довольно острым. Эрик раскрыл его и обдуманно провел им по бедру. Это причинило боль, и кровь, выступившая на месте пореза, была красной и настоящей.

Я не механизм, подумал он. Спасибо небесам за небольшие одолжения. Но это не изменило того обстоятельства, что его тело было полно сюрпризов. Впереди еще хватит времени, чтобы со всем этим разобраться.

Достали ли они его фотографию? Если да, то она к полудню будет во всех полицейских участках. Двигайся быстрее, держись подальше от расследований и предположений. Двигайся быстрее и избавься от этого наваждения прежде, чем оно убьет тебя.

Встречи с Лайзой Тембор будет достаточно. Если бы Эрик смог увидеть ее, они бы приятно поболтали. Безусловно, на этом все и кончилось бы. Разве не так кончались все наваждения, сталкиваясь лицом к лицу с реальностью? Эббот не думал, что то обстоятельство, что он влюбился в девушку, очень ее поразит, и если они в конце концов встретятся, тревожное чувство может покинуть его. На самом деле у нее могут оказаться фальшивые зубы, или она вообще покажет себя невыносимым человеком. От нее может пахнуть. Она просто может быть неприятной. Многого не понадобится, чтобы исчезла иллюзия, в которую Эрик ее облачил.

Он проверил свой ручной терминал и те сведения, которые

достались ему так недавно и с таким большим трудом. Там был адрес Лайзы Тембор. Волнение и предчувствия начали прогонять его страх. События выглядели сумасшедшими, но над сумасшествием витала романтическая аура.

Была середина утра, когда робокэб высадил Эббота в престижном районе Ист Ривер. Поблизости в небо устремились 220 этажей Башни Валиса, дома, где жили дипломаты и представители шоу-бизнеса квартала. Тембор пребывала в более скромном здании.

Эрик хорошо позавтракал, отоспался и оделся в свежий костюм. Войдя в вестибюль, он вздохнул с облегчением. Вместо людей-охранников там работала электронная система безопасности. Люди-охранники были не в моде в жилых зданиях, их слишком легко подкупить. Нельзя подкупить и машину, но специалист мог запутать ее по-другому.

Селверн продавал подобные защитные системы, и хотя Эрик не участвовал в их разработке, основы были ему знакомы. Две видеокамеры в десяти футах над полом наклонились и уставились на него.

— Цель вашего визита, пожалуйста.

— Я из агентства моделей «Магдалена». Хочу поговорить с его бывшим работником, мисс Лайзой Тембор.

— Мисс Тембор живет по Ист Риверсайд Двенадцать, — сообщил голос. — Если вы представите свое удостоверение, сэр, я объявлю вас.

— Спасибо, — Эрик говорил со спокойствием, которого не чувствовал.

Достав карточку, тщательно подготовленную предыдущей ночью, он опустил ее в приготовленное отверстие. Она была пустая, но не для машины. Машина проглотила ее.

На ней не значилось агентство «Магдалена». Эббот не знал, как ввести его. Карточка содержала данные, которые должны были одурачить систему. Он стоял, потел и ждал. Казалось, машине понадобилось ужасно много времени.

Наконец карточка снова появилась.

— Спасибо, мистер Лоусон. Я объявлю вас.

— Не нужно. Мисс Тембор все равно меня не узнает.

Естественно, нет, раз он не был ее коллегой. Посмотрев на него, она сможет свериться с агентством, а это положит конец всему. Скрывая телом свое движение, Эббот сунул в отверстие вторую карточку.

— Очень хорошо, сэр. Можете подняться.

Карточка осталась в машине. Замысловатая медно-стальная скульптура, которая загораживала вестибюль так же эффективно, как любая решетка, с гулом растворилась, чтобы впустить его. Сердце Эрика колотилось, когда он нажимал кнопку с номером 12 внутри обшитого деревом лифта.

Эббот вошел в круглое помещение, прекрасно меблированное, с обоями из ткани. Из приемной вели четыре двери. Он подошел к четвертому номеру и нажал кнопку звонка. Из-за двери послышался перезвон, за которым последовал еле слышный голос:

— Минуту.

Раздался щелчок. Расцепились магнитные замки. Дверь раскрылась примерно на фут, и из-за нее выглянуло лицо такой красоты, что сердце Эрика чуть не остановилось. Кожа была цвета кофе с молоком.

— Что вам угодно?

— Меня пропустила система безопасности при входе, — промямлил Эббот, ища дополнительного предлога своего присутствия. — Меня зовут Джеймс Лоусон. Я из агентства.

— Из агентства? — девушка изысканно нахмурила брови. На ее лице играла симфония неуловимых движений.

— Из агентства «Магдалена». Вы когда-то работали с ними.

— Ах, да. Это было так недолго. Я не понимаю, — у Эрика хватило ума ничего не сказать. Дверь отодвинулась еще немного. — Вы лучше бы вошли, мистер...

— Лоусон. Благодарю вас, — никогда еще два слова не значили больше в его жизни.

Пол и потолок были изогнуты, образуя вместе со стенами большой овал. Далеко внизу за окном лежала Ист Ривер, и башни возвышались над водой. Комната не имела прямых углов. Вся она целиком была уставлена безопасной мебелью с мягкими закруглениями и покрашена белой эмалью. Круглые скульптуры украшали пол, На стенах висели удивительно разноцветные картины в круглых рамах. Изобилие хрусталя...

В бело-хрустальной комнате темнокожая Тембор казалась бирманским рубином в ожерелье алмазов. Может, эффект был намеренным, может, ей просто нравится белый цвет, но результат ошеломлял. Девушка едва ли в нем нуждалась. Она смело могла бы позволить себе и комнату в китайском стиле.

Тембор показала на ближайший диван.

— Присаживайтесь, пожалуйста.

Эрик сел, стараясь не смотреть на нее слишком долго, разглядывая мебель, ковер или собственные ноги. Прежние надежды на то, что при встрече наваждение рассеется, исчезли под наплывом эмоций. Теперь она ничего не могла сделать, чтобы умерить его любовь к ней. Девушка оказалась именно такой, какой он ее воображал себе, и даже еще красивее.

— «Du bistwie eine Blume, so hold und schoen und gein».

— Простите? — она подошла к хрустальному бару.

— Старинная поэзия, — пробормотал Эббот. — Это означает: «Твоя красота, как цветок, прекрасна и чиста».

Лайза остановилась, налила в стакан минеральной воды и смущенно взглянула на гостя. Выражение ее лица было очаровательным.

— Очень мило с вашей стороны, но не кажется ли вам, что вы несколько забегаете вперед? Непрофессионально.

— Меня зовут не Лоусон, — беспомощно выпалил он. — Я вообще не знаю, как меня зовут. Теперь я ни в чем не уверен.

Не так, все не так! Ты испугаешь ее. И все-таки, она, казалось, не нервничала, когда глотнула из стакана и снова посмотрела на Эрика.

— Какие интересные вещи вы говорите. Вы, похоже, интересный человек, мистер Кто-бы-вы-ни-были.

— Эббот. Эрик Эббот. По крайней мере, им я был последние две недели. Теперь уж я не так уверен. Не уверен во всем, кроме, — он удивился, как легко это выговорилось, — того, что люблю вас.

Эрик не мог вообразить себе, как Лайза отреагирует на такое заявление. Шок, удивление, смущение из-за любвеобильного притворщика, который каким-то образом сумел пробраться к ней в дом. Он не ожидал ее реакции. Она положила в стакан пару кубиков льда, достав их из кинетической скульптуры. Эрик задумался, можно ли вообще удивить эту девушку.

— С этим вам не повезло, мистер Эббот.

В ее голосе звучало настоящее сочувствие. Глаза Лайзы были печальными и загадочными. Она стояла у бара. Ее тело виднелось сквозь прозрачный хрусталь. Девушка продолжала наблюдать за Эбботом, оставаясь совершенно спокойной и, по-видимому, не напуганной его присутствием.

Эрик внезапно подумал о том, что ей постоянно приходится

иметь дело с вторжениями подобного рода. Даже сейчас могла уже работать бесшумная сигнализация, вызывая телохранителей или работников безопасности снизу.

— Я говорю серьезно, — он поднялся. — Я люблю вас каждым атомом моего существа, Лайза.

— Не хотите чего-нибудь выпить?

— Нет, черт возьми, — Эббот шагнул к ней. — Я знаю, что выгляжу сумасшедшим. Я и сам так думаю. Я видел вас один раз, в машине, в Финиксе.

— В Финиксе, — прошептала она, и это выглядело приглашением. — Да, я была там совсем недавно.

— В машине, — повторил Эрик. — С той минуты, с того взгляда я полюбил вас.

— Конечно, вы полюбили, — в интонации девушки не было насмешки. — Вы ничего не могли с собой поделать.

— Нет, не мог, — он колебался. — Я не первый мужчина, который заявляет вам такое, правда?

Лайза смотрела на него печально и почти извиняясь.

— Нет, их было очень много, мистер Эббот.

— Пожалуйста, зовите меня Эриком.

— Если вам нравится. Не имеет значения. Совсем не имеет значения.

— Вы думаете, для меня все это игрушки? Никогда за всю свою жизнь я не был более искренним. Я никогда не говорил этого другой женщине.

Она посмотрела на него с большим интересом.

— Это делает вас необычным. Вы не выглядите отшельником. Вы хотите сказать, что никогда не любили другую женщину?

— Не так, как сейчас. Нет, никогда.

— Я удивлена. Вы привлекательный мужчина.

— Сказав, что я ничего не мог с собой поделать, вы казались очень уверенной в себе.

— Эрик, время многому меня научило. Я знаю, вы не могли контролировать свои чувства. Если бы вам это удалось, вас бы не было здесь. Вы не первый, и не будете последним. Я всегда живу с этой печалью, окруженная людьми с грустными лицами.

Эббот не хотел ее слушать. Он жаждал обхватить ее руками и прижать к себе крепче, чем кого-либо в своей жизни. Еще рано. Время едва ли было подходящим. Хотя Лайза казалась

абсолютно сдержанной, Эрик не хотел встревожить ее, чтобы заставить позвать на помощь, которая, он был уверен, находилась под рукой... если уже не в пути.

— Я не против того, что я не первый. Встретив вас теперь, я понял, как это невероятно. Но я хотел бы быть последним.

— Это невозможно.

— Вы могли бы любить меня. Вы *могли бы*.

Потом Эббот действительно взял девушку на руки, плавно поднимая ее от пола с силой, которой в себе не подозревал. Он двигался очень быстро.

Она была удивлена, если не потрясена.

— Пожалуйста, опустите меня.

— Простите, — Эрик отпустил ее и отвернулся. — Я не хотел напугать вас. Я очень старался не напугать вас с той самой минуты, когда вы меня впустили.

— Я не испугалась, — сказала Лайза, потом прелестно улыбнулась. — Нет, это неправда. Я испугалась. Вы не выглядите таким сильным. Даже если я и не тяжеловес.

— Я сам себя удивляю с недавних пор, — пробормотал он, поднял глаза и встретился с ней взглядом. — Я проехал через всю страну, чтобы встретиться с вами, Лайза.

— Приходили люди с других планет, чтобы повидать меня, — по ее интонации он понял, что девушка не гордилась подобным достижением. — Меня удивляет то, что вам удалось встретиться со мной в моем собственном доме, а не на улице или в офисе.

Она склонила голову, пытаясь взглядом проникнуть под оболочку человека, стоявшего перед ней. Лайза была похожа на темного маленького воробья, подумал Эрик, когда стояла там, споря сама с собой.

— Вы особенный человек, мистер Эбб... Эрик. Интригующий. Это необычно. Большинство мужчин, которых я свела с ума, пытались интриговать. Но их поведение было очень легко предсказать. Они не удивляют меня. А вы меня удивляете.

Легко предсказать, подумал Эрик. В течение прошлой недели он этим совсем не отличался. Он был каким угодно, только не предсказуемым.

— Вы хотите услышать что-то необычное, — произнесла Лайза после короткого молчания. Каждое слово обрушивалось на Эббота, как топор. — Нелепо, конечно, но я думаю,

что могла бы полюбить вас. Это было бы более, чем удивительно. Это было бы поистине замечательно.

Она отвернулась от него и подошла к сводчатому окну с видом на реку. День был пасмурный. Для среднеатлантического региона прогноз погоды Коллигатара предсказывал мелкий дождик.

Эрик последовал за девушкой и осторожно положил руки ей на плечи. Она не сопротивлялась. Не прислонилась к нему, не вздохнула, но и не сопротивлялась. Он с трудом сдерживал себя.

— Если вы думаете, что это возможно, почему не позволить этому случиться?

— Я не сказала, что это возможно, — ее голос был смущенным и огорченным. — Я только сказала, что это могло бы случиться, но на самом деле невозможно. Мне нельзя любить. Запрещено.

Девушка повернулась, подняла глаза на Эрика, и в первый раз ее хрупкая уверенность дала трещину. В первый раз настоящая Лайза Тембор взглянула на него ясными, умоляющими глазами.

— Я хочу, чтобы вы поняли кое-что, Эрик. Любовь для меня запрещена. Я могла бы лечь с вами в постель. Думаю, что мне даже хотелось бы этого. Быстрая, механическая и непрочная любовь. Но ту любовь, о которой вы говорите, я не могу испытать.

— Он сказал, что думает, будто вы можете принадлежать кому-то, — неожиданно для себя пробормотал Эрик.

— Что? Кто сказал?

— М-м... Знакомый. Теперь все равно. Вы принадлежите кому-то? Вы замужем?

Девушка покачала головой.

— Нет. Это еще одна вещь, которая мне не разрешена.

— Вы хотите сказать, что вас держит человек, который вас не любит?

— Никто не держит меня, Эрик. Мужчины, с которыми я развлекаюсь, выбираются для меня. Мой голос ничего не значит, — она криво улыбнулась. — Такова моя работа.

Нет, сказал себе Эрик. Он не считал себя наивным, но это невозможно. Она слишком свежа, слишком чиста, чтобы быть частью этого бизнеса.

— Вы же не любовница богача?

— Нет.

— Что-то вроде девушки по вызову? — ему было все равно, так это или не так, но он должен был знать.

Ее ответ удивил его.

— Нет. Это не похоже на то, что вы думаете.

— А как еще думать, когда третий человек подбирает вам любовников?

— Дело не в деньгах, Эрик. Я делаю это для... Я не могу рассказать вам.

— Вы говорите, это ваша работа? — он не хотел, чтобы его слова прозвучали так резко, и поспешил смягчить тон. — Простите меня. Я просто пытаюсь понять.

— Я не обиделась. Я сама сказала так, а не вы. Тут нечего стыдиться. Моя работа важна. Но она исключает возможность длительных отношений с каким бы то ни было мужчиной. Вы должны это понять.

— Я хочу понять только вас, женщину, которую я глубоко люблю.

— Не говорите так, — произнесла Лайза сердито, выскальзывая у Эббота из рук. — Не говорите мне этого! Это невозможно, вы что, не слышите? Для вас и для меня.

— Вы сказали, что у вас важная работа, — проговорил он тихо, пробуя иную тактику. — Не понимаю. Важная для кого? Для мужчины или мужчин, которые принуждают вас к связям? Это я мог бы понять.

— Меня не то, чтобы принуждают. Это...

— Знаю, ваша работа. Вы ее сами выбрали, такую работу?

Девушка избегала его взгляда.

— Некоторым образом.

— Вам бы не хотелось бросить ее?

— Не знаю. Я никогда об этом не думала.

Что-то очень странное и злое имело власть над этой девушкой, решил Эрик. Ему все труднее становилось держать себя в руках.

— Ну-ка, подождите минуту. Мы живем в свободном обществе. А вы говорите, как какая-то рабыня.

— Это двусмысленный термин.

— Правда? Я всегда считал его довольно точным. Вы сказали, что думаете, что могли бы полюбить меня.

— Я не знаю! Не знаю! — вдруг закричала Лайза. — Зачем

вы сюда пришли? Почему вы запутываете меня? — она была на грани срыва, но Эббот решил не отступать.

— Мне кажется, кто-то должен поговорить с вами. Мне кажется, вас обманули и долгое время играли вами, как игрушкой.

Она снова взяла себя в руки.

— Вы нравитесь мне, Эрик Эббот. Вы мне очень нравитесь. Не знаю, почему, но это так. Я сошла с ума, позволив себе такое. Помогите же мне. Не причиняйте мне боль.

— Я причиняю вам боль? Чем?

— Тем, что вы здесь. Тем, что говорите все это. Это довольно мучительно. Если бы я позволила себе влюбиться в вас, было бы в сто раз мучительнее. Почему вы не верите мне, когда я говорю, что мне нельзя иметь продолжительные отношения с любым человеком? Пожалуйста, уходите... сейчас. Вам опасно здесь оставаться.

Эрик проигнорировал угрозу. Пройдя через все, зайдя так далеко, он не собирался легко отступить под влиянием одних только слов. С открытой ненавистью или неприязнью Эббот мог бы совладать. В самом деле, он готовился принять это. Но странная противоречивость девушки, ощущение, что ее против воли однажды заключили в клетку и продолжали удерживать, озадачили его и разозлили. Вдруг Эрик захотел помочь ей, захотел подарить ей свою помощь больше, чем любовь.

— Это неправильно, — сказал он твердо. — Неправильно, что кто-то другой заправляет вами, какова бы ни была причина. Так жить нельзя.

— А я так живу, — просто ответила Лайза, показывая на комнату. — Не такая уж плохая жизнь.

Эббот гневно махнул рукой.

— Это ничто. Личная свобода — все! Скажите, как я могу вам помочь? Скажите, как я могу освободить вас из этой тюрьмы? Потому что это тюрьма, вне зависимости от того, сколько удовольствия вы получаете, находясь в ее стенах. Любовь не стоила бы ни гроша, если бы я не попытался освободить вас.

— Уходите, просто уходите.

— Если вы не девушка по вызову, значит, у вас нет сутенера. Почему вы не можете любить меня, Лайза? Скажите, почему? Кто управляет вашей жизнью, кто распоряжается вашими чувствами?

— Вы не понимаете.

— Вы продолжаете так говорить. Конечно, я не понимаю. Помогите мне понять, Лайза! Я хочу понять.

— Это не так просто. Есть некоторые вещи, которые вы не примете, как бы я ни старалась вам объяснить. Запутанные обстоятельства выше вашего понимания. Есть кое-что, чего я сама не понимаю. А среди всего, я совсем не понимаю, почему меня так влечет к вам. Это должно быть невозможным.

— Почему? Вы сказали, что на меня не противно смотреть.

— Это совсем не то. Предполагается, что я вообще *не способна* любить мужчину... так. Предполагается, что это не в моей природе. Это... все усложняет.

Эрик громко рассмеялся не в состоянии справиться с собою.

— Пожалуйста, не смотрите так на меня. Я не упрекаю вас. Значит, вас ко мне влечет. Если вы пытаетесь прогнать меня, то вы неправильно взялись за дело.

— Опять двусмысленность. Я думала, что легко отделалась от них. Пропадите вы пропадом, Эрик Эббот! Кто вы такой, и почему вы устраиваете черт знает что из моей жизни?

Он вздохнул.

— Иногда сложности ведут к пониманию, — Эббот подошел к дивану и сел, погружаясь в мягкую белизну. — Я младший инженер корпорации Селверн. Скоро буду старшим. Я работаю в области микроэлектроники, практического и теоретического конструирования и применения. Вы могли бы называть меня проектным контролером. Я обладаю способностью схватывать кажущиеся несвязанными аспекты конструкции и соединять их вместе, могу и сконструировать части головоломки, и объяснить, как они собираются.

Мне тридцать один год. Я никогда не был женат или помолвлен, хотя и не являюсь девственником. Мои родители умерли, когда я был еще маленьким.

— Сочувствую вам, — сказала девушка.

— Спасибо. Я никогда не знал их. Я посещал Аризонский Университет и Колумбийский Международный Технологический Институт. У меня три ученых степени и очень хороший оклад, — он обвел рукой щедро украшенную комнату. — Недостаточный, чтобы позволить себе такое, но более, чем достаточный, чтобы обеспечить семью.

Мне говорили, что я приятный собеседник с нормальным чувством юмора и не плох в постели. Я прилежный в работе,

отзывчивый с друзьями и милостивый с врагами. Я не Президент Всемирного Совета, не старший программист, не телезвезда, но думаю, что мог бы стать хорошим мужем для вас. Вот, кто я такой.

Лайза медленно, печально качала головой.

— Эрик, бедный, милый, странный Эрик. Ты еще и хороший коммивояжер, и довольно скромный. Но ничего не изменилось бы, если бы ты был телезвездой или Президентом Мирового Совета. Я все равно не смогла бы выйти за тебя замуж.

— Но ты могла бы полюбить меня. Ты уже это сказала.

Ее руки сжались в маленькие кулаки.

— Не знаю. Я не предназначена для любви. Она будет помехой в моей работе. Я всю жизнь потратила на то, чтобы научиться не любить.

— Опять осложнения? — Эббот поднялся с дивана. — Послушай, Лайза. Ты говоришь, что полюбишь меня. Скажи мне это, и все изменится. Я обо всем позабочусь. И больше не будет мужчин, которых ты не любишь, не будет приказов, которым ты не хочешь повиноваться. Поверь мне.

— Почему я должна тебе верить? Кто ты такой, как ты думаешь? Ты не сказал одной вещи, которая заставила бы меня поверить, что ты можешь что-нибудь сделать, — Лайза внезапно посмотрела мимо него на входную дверь. — Пожалуйста, уходи. Ты говоришь, что любишь меня. Если это правда, то ты уйдешь.

— Почему так всегда говорят? — проговорил Эрик с удивлением. — Во всех пьесах, романах, телесериалах. Почему всегда говорят именно так? Я не уйду, если ты не согласишься встретиться со мной еще раз, — он пристально смотрел на нее с болью в душе. Девушка стояла у окна, и рассеянный свет очерчивал ее силуэт. Совершенство и блаженство, мечта всей жизни, ставшая реальностью. — Скажи мне, что я могу прийти вечером, и я немедленно уйду.

— Тебе не следует. Ты не должен. Это уже доставляет мне мучения. А кончится тем, что ты будешь мучиться еще больше.

— Пусть. Это мои проблемы. А что касается того, что я причиняю тебе боль, то ты сама виновата. Я не удивляюсь после всего того, что ты рассказала мне о своей жизни. Мы можем поговорить об этом вечером, — внезапная неприятная

мысль промелькнула в его в голове. — Ты ждешь кого-то? Тебе нужно «работать»?

— Нет, — сказала она с неожиданным сильным желанием разубедить Эрика. — Нет, тебе не нужно об этом беспокоиться. Не сейчас, не сегодня.

Он вздохнул с облегчением, и темное облако исчезло у него из головы. Было бы мучительно не получить подтверждения.

— Хорошо.

Лайза проводила его до дверей.

— Я хотела бы, чтобы ты не возвращался, — в ее словах не было стали, той силы, которая чувствовалась в ней раньше.

— Мы обо всем поговорим вечером, — сказал Эббот, — и не волнуйся, Лайза. Все будет в порядке, вот увидишь. Это я тебе обещаю.

— По твоим словам все выходит легко и просто. Жизнь не такая простая, как ты думаешь, Эрик. Она бесконечно сложнее, чем ты можешь вообразить.

— Признаюсь в своем невежестве вместе с любовью, — сказал он с улыбкой. — Вечером ты сможешь меня просветить.

— Ты невозможен. Ты ничего не слышишь, и у тебя совершенно нет здравого смысла.

— Похоже на влюбленного мужчину, не так ли? Если тебе это поможет, Лайза, то я тоже не понимаю, почему ты на меня так действуешь. Но разве не в этом заключается любовь?

— Не знаю, — прошептала она. — Я никогда по-настоящему никого не любила.

— До сегодняшнего дня, — сказал Эрик, порывисто обнимая ее.

Поцелуй тянулся дольше, чем ожидал он, и, разумеется, дольше, чем ожидала Лайза. Когда они наконец оторвались друг от друга, в ее глазах мелькнуло что-то новое и чудесное. Все еще оставались неуверенность, старые запреты и правила, но теперь они смешались со слабой надеждой, желанием верить Эрику, как никогда раньше она еще никому не верила. Эббот ясно это увидел и понял, что не сможет ее отпустить. Нет, никогда.

9

Всю дорогу назад к отелю Эрик прошел пешком, пренебрегая робокэбами и общественным транспортом, наслаждаясь мелким дождиком. Он не чувствовал его. Он не чувствовал ничего, кроме радости и восторга перед жизнью.

Лайза нашла его привлекательным, сказала так много. Призналась,что могла бы полюбить его. В самых смелых мечтах Эббот не воображал, что их встреча приведет к такому результату. Там, где он был готов найти безразличие или недоверие, оказались теплота и любовь. Если тот короткий взгляд в Финиксе взял Эрика в плен, то присутствие девушки навсегда заключило его в тюрьму.

Больше Лайза не была блекнущим, далеким видением. Теперь она стала настоящим человеком, со своими страхами и волнениями. Они только усугубили его чувства. Перед ним был человек, который не только нуждался в любви, которую он таил в душе всю свою жизнь, но и в его помощи и защите. Девушкой управляли, в этом не было сомнения. Но кто? Этого Эрик не знал. Это не имело значения. Имело значение только то, что он не был ей безразличен. Он уцепится за этот интерес и подождет, когда придет любовь. Обязательно придет.

Время шло мучительно медленно, но Эббот заставил себя следовать расписанию, которое составил. Чем они займутся сегодня вечером, кроме разговоров? Может быть, он смог бы вытащить ее из этой бело-хрустальной кельи? Ужин? Несомненно, она уже ужинала в самых элитарных ресторанах Нуэво-Йорка.

А что девушка скажет о нижних уровнях Сорок Второй улицы? Когда-нибудь она бывала там? Покупала когда-нибудь хот-дог на холодной улице? Или румаки в корзинке? Вечером Эрик попытается выяснить.

Он был полон разных планов и едва мог удержаться от того, чтобы не побежать, когда вошел в гостиницу. Несмотря на голод, Эббот прошел мимо кафетерия. Прежде чем предпринять что-нибудь еще, он собирался достать новый костюм, который приобрел, чтобы заменить им погибший во время его необъяснимого побега из Гарлемской Башни.

Костюм ждал, опрятный и чистый, на своей вешалке. Эрик достал его из шкафа, положил на кровать, повернулся, чтобы пойти в ванную, но заколебался. Что-то было не так с брю-

ками. Он внимательно осмотрел их, но ничего не обнаружил. Только когда Эббот провел пальцами по штанине и сложил ее, его эйфория испарилась, а возбуждение сменилось мрачными предчувствиями.

Работу делал специалист. Она была очень хитроумна, почти неразличима для глаза. Первоначальный лазерный шов был открыт. Проверив вторую штанину, Эрик увидел, что с ней обошлись так же. Нити удалены и поспешно скреплены снова. Ткань была негибкой. Через полчаса все следы вмешательства пропали бы.

Проверка пиджака открыла то же самое. Не имелось никаких внешних повреждений или следов, только ощущение жесткости в материале, где он должен был быть мягким и гибким.

Зачем кому-то обыскивать швы его одежды? Эббот стоял и таращился на костюм, который неожиданно запах чужим присутствием, потом принялся за тщательную инспекцию комнаты. Его туалетные принадлежности, по-видимому, остались нетронутыми, за исключением бритвы. Он дважды брился после того, как в последний раз ее чистил. Там должны быть волосы. Но их не было. Кто-то сделал еще одну ошибку.

Эрик внимательно осмотрел всю ванную, но больше ничего не нашел, потом направился в спальню. Где всего логичнее искать?

Он начал с кровати, ничего не заметил, и переключил внимание на маленький столик и стулья. Они были чистыми, как и экран, и задник единственной картины, висевшей на стене.

Эрик нашел то, что искал, в оконной раме. Крохотное, меньше ногтя, и толщиной примерно с десятицентовик. Четыре дюйма почти невидимой проволоки отходили от приспособления и крепились к внешней стороне алюминиевой рамы.

Это была чудесная миниатюрная вещица, и Эббот задумался о том, какая компания ее производит. Разве не смешно будет, если под микроскопом он обнаружит где-нибудь на устройстве марку «Селверна»? Да уж, смешно! Эрик, возможно, даже участвовал в разработке каких-нибудь его схем. Но сознание того, что ты приложил руку к созданию этого жучка, не утешало.

Еще один был прикреплен к осветительному прибору, свисавшему с потолка. Крошечные антенны взбирались вдоль

светового элемента и заворачивались вокруг трубки. Но самый главный сюрприз ожидал Эббота, когда он во второй раз проверил стол. Эрик проглядел его во время первого осмотра, потому что искал что-то другое.

К гостиничному бювару были прикреплены две ручки. Это выглядело довольно экстравагантным для такого скромного учреждения. Обе были одинакового синего оттенка, но на одной виднелось название гостиницы, а на другой — нет. Они абсолютно подходили друг к другу, только у ручки без печати не было пера. После внимательного осмотра обнаруживались крошечные пластиковые линзы. Эрик взял в руки миникамеру и подумал о том, не смотрит ли за ним кто-то на другом конце. Если так, то не поднимет ли тревогу внезапное движение подсматривающего устройства?

Он положил ручку, чувствуя сильное побуждение броситься вон из номера, вон из города.

Да, убираться отсюда, рычал громкий голос у него в голове. Теперь вниз, не обращая внимания на лифты, которые могут быть полны хозяев жучков в комнате. Раскрыв его, вероятно, они хотели бы встретиться с ним лично.

Но кто они такие? Кто-то прилагал огромные усилия, чтобы совершенно оградить от постороннего вмешательства личную жизнь запутавшейся и, Эббот был уверен, очень несчастной молодой женщины. Кто-то, имеющий доступ к сложным технологиям и большие деньги.

Он снова подумал о преступном обществе. Они так же быстро осваивали современные технологии слежения, как правительство и частная промышленность. Но обычно их методы не были такими же утонченными. Конечно, что Эрик знал о настоящем дне? Он был младшим конструктором, законопослушным гражданином, вся информация доходила до него с телеэкрана.

Как же они проследили его до самого номера? Если они наблюдали за ним все время, то должны были знать, когда Эрик уехал из Финикса, могли проследить за ним до Нуэво-Йорка. Но идти по его следу здесь — это казалось невозможным, с тех пор, как Эббот начал пользоваться поддельной кредитной карточкой. То, что они нашли его так быстро, означало, что им доступны общегородские поисковые возможности и у них огромные ресурсы. А почему бы не встретиться напрямую? К чему это мошенничество с жучками в его номере?

Впрочем, теперь неважно. Эрик выбежал на улицу и стал пробираться сквозь полуденные толпы. Пешеходы не обращали на него внимания. Люди в Нуэво-Йорке всегда торопились.

Не видя никаких намеков на преследование, Эббот в конце концов перешел на шаг. Может, они следили за ним посменно? Он заметил, что стал пристально разглядывать всех, кто слишком долго смотрел на витрины магазинов или на что-то другое на улице. Да, разные мужчины и женщины, чтобы наблюдать за ним через каждые три-четыре квартала, целые отряды, чтобы контролировать его местонахождение.

Но зачем? К чему такое пристальное внимание? В нем не было смысла, совершенно никакого смысла. Лайза Тембор действительно оказалась красивой, да, уникальной, даже больше, чем он ожидал, но вряд ли ей требовалась такая защита.

Не возбудил ли Эрик ревность какого-нибудь невообразимо состоятельного промышленника, который хотел оставить девушку для себя? И все-таки Лайза намекнула, что у нее были связи со многими мужчинами. Даже если так, какой вред могла бы принести пара встреч с неким невинным влюбленным инженером с Юго-Запада?

Что-то не складывалось. Несколько деталей не укладывались, как надо. Обычно такие загадки были простыми для Эрика, который удивлял друзей на вечеринках своей сверхъестественной способностью в считанные минуты разгадывать самые сложные новые игры или головоломки. Причудливый талант, годный только на то, чтобы развлекать приятелей и делать жизнь немного легче. Теперь он подвел Эббота. У него не было никакого понятия о том, что происходит.

Так вот как чувствуют себя те, за кем охотятся?

Он повернул за угол и проскользнул в ресторан под прикрытием толпы, так как было обеденное время. Охотятся... это слово было как будто из дешевого сериала. Что бы там ни было, Эрик больше чувствовал себя запутавшимся, чем преследуемым. Разберись во всем по порядку, сказал он себе.

Если преследователи нашли его гостиницу, то, похоже, они знали о его визите к Лайзе. Девушка оставалась в неведении, он был уверен, иначе она хоть словом намекнула бы ему. А не это ли Лайза пыталась сделать каждый раз, когда просила его уйти? Эрик сомневался.

Он расслабился немного, устроившись на стуле за угловым столом. Что она чувствовала к нему? Эббот решил верить тому, что увидел в ее глазах, когда они расставались, а не словам. Любовь была возможна. До тех пор, пока он цеплялся за эту надежду, никто и ничто не выгонит его из города.

Кто-то стоял перед столиком. Эрик сразу не понял, что это не официант.

Приземистый, смуглый, неопределенного возраста человек. Ему могло быть тридцать пять... или пятьдесят пять. Его черные волосы курчавились и были зачесаны назад со лба и висков, бакенбарды коротко острижены и посеребрены сединой, как и тонкие, сильно напомаженные усы. Пухлые щеки и нос картошкой придавали ему схожесть с Санта Клаусом в послеиовогоднее утро.

Он говорил с сильным, похожим на средневосточный, акцентом. Каждое слово было похоже на своего хозяина. Его одежда выглядела аккуратной и непримечательной.

— Как поживаете, мистер Эббот? Меня зовут Кемаль Тархун, — мужчина кивнул на пустой стул напротив Эрика. — Вы разрешите мне присесть?

Посетители и официанты кружились позади незваного гостя. Эрик не мог определить, кто из них и сколько были настоящими, а кто находится в штате незнакомца. Очевидно, человек заметил его взгляд.

— Не беспокойтесь, мистер Эббот. Я один. Вы можете уйти, если желаете, но помните, что я нашел вас здесь. Было бы затруднительно, но не невозможно найти вас где-нибудь еще.

Эрик неискренне ему улыбнулся и подумал о том, что лучше бы ему иметь в таких делах побольше опыта.

— Должно быть, вы ошибаетесь. Меня зовут Джон Фразьер.

— Должно быть, я действительно ошибся. Я думал, вас зовут Джеймс Лоусон. Или и Джеймс Фразьер, и Джон Лоусон? Слишком много вымышленных имен могут стать обузой и привлечь внимание, вместо того, чтобы отвести его.

Эрик держал в поле зрения дверь.

— Простите. Я новичок в этих делах.

— Тогда примите мои поздравления. Для новичка вы отлично справляетесь, — Тархун во второй раз кивнул в сторону стула. Эббот рассеянно махнул рукой.

— Да, садитесь, — сказал он с отвращением. — Как вы меня нашли?

— Вы можете подделывать многие вещи, мистер Эббот. Ваше имя, вашу кредитную карточку... — Эрик начал подниматься, и Тархун поднял руку. — Успокойтесь, пожалуйста. У меня нет намерения пересказывать ваши шалости властям Нуэво-Йорка или другим заинтересованным лицам.

Эббот нахмурился.

— Значит, вы не из полиции?

— Нет, — человек попытался льстиво улыбнуться, но его лицо не было к этому приспособлено.. — Единственная вещь, которую вы не можете изменить, или, вернее, не изменили, это ваше лицо.

— Мне оно нравится. Оно, может, и не самое лучшее, но хорошо гармонирует со всем остальным.

Тархун кивнул понимающе, словно прослушивая пленку разговора, слышанную уже много раз.

— Вы доставляете нам трудности. Не потому, что у вас это хорошо получается, а потому, что вы двигаетесь быстро, очень быстро. Что нас заставило приглядеться к вам в первый раз, так это два весьма поврежденных джентльмена, которые неудачно попробовали помериться с вами силой еще в Финиксе. Должен сказать, вы не выглядите специалистом по самообороне.

— Я не специалист. Мне повезло.

— Принимаю. По правде говоря, меня не очень интересует, что случилось. Неуклюжая парочка. Как только они достаточно оправятся, я их уволю.

— Те двое работают на вас? — быстро спросил Эрик.

— Нет, не совсем.

— В каком смысле «не совсем», черт возьми? Или они работают, или нет.

— Не совсем, — повторил человек с приводящей в бешенство уверенностью.

Эрик пропустил фразу мимо ушей.

— Если вы не коп, так на кого же вы работаете? И чего хотите от меня?

— Я ничего от вас не хочу, мистер Эббот. То есть, я хочу самого малого. Скажите мне, однако, почему вас интересует Лайза Тембор?

Эрик надеялся, что этот вопрос не возникнет, отчаянно же-

лал, чтобы Тархун интересовался им по какой-нибудь другой причине. Дело было плохо. Логика все равно вас настигала, как бы вы ее не избегали. Незнакомец говорил медленно, но был таким же непроницаемым, как вакуум.

Эрик рассмотрел несколько вариантов ответа, но отбросил их все. Зачем впутываться в крупные неприятности? Раз он не смог одурачить этого человека своими вымышленными именами, зачем еще пытаться обмануть его более сложной ложью? Можно просто сказать ему правду.

— Я влюбился в нее.

Тархун сел и посмотрел на него задумчиво.

— Это самое интересное. Я подозревал, знаете ли, но вам не следовало делать этого.

— Простите. Тогда бы жизнь для всех была гораздо проще.

— Согласен. Разве вы ничего не хотите заказать? — он подтолкнул меню через стол. — Я плачу.

— Спасибо. Кажется, я потерял аппетит.

— Жалко. Тут неплохое местечко, если вы остановитесь на закусках и будете избегать основных блюд. Хотя баклава у них дрянная.

— Тархун — смешное имя.

— Моя семья была неравнодушна к специям. У меня есть сестра, которую зовут Корица. Мне и братьям повезло больше. Вы не можете любить Лайзу Тембор.

— Забавно. Она сказала мне то же самое.

— Она сказала вам правду. Я симпатизирую вам, мистер Эббот. Сейчас я должен попросить вас упаковать вещи и возвратиться в Финикс, позабыв обо всем.

Все, что сказала Лайза, повторил незнакомец, подумал Эрик. По крайней мере, он не упомянул о взломе и чудесном побеге из Гарлемских Башен. Возможно, они еще не связали его с этим. Но могут. У двоих работников безопасности было время хорошенько разглядеть его прежде, чем он сбежал. Вероятно, те ребята сумели бы его опознать.

Все говорило о том, что Тархун не соврал насчет того, что он не полицейский. Ни одного слова об аресте. Действительно, он не проявил к этому интереса. Иначе были бы не угрозы, а ультиматум.

— Вы уверены, что рассказали мне все, мистер Эббот? Вы проделали весь путь от Финикса до Нуэво-Йорка, потому что с первого взгляда влюбились в Лайзу Тембор? Это серьезный

вопрос и серьезное дело. Я не готов принять вашу версию о простом случае пост-подростковой щенячьей любви.

— А вы не думаете, что это для меня тоже серьезно? — Эрик почти закричал в полуправедном гневе. — Вся моя жизнь перевернулась с ног на голову.

— Если вам будет от этого легче, то знайте, что вам удалось перевернуть с ног на голову и несколько других жизней заодно со своей. Важных жизней.

— Отлично. Послушайте, я все еще не понимаю, что здесь происходит. Что такого важного в том, что я влюбился в Лайзу Тембор? Что в этом такого невозможного?

— Это заблуждение, мистер Эббот.

— Не с моей точки зрения.

— Ваша точка зрения в этом деле не имеет никакого значения.

— Ах, правда? А чья?

— Об этом вам не нужно беспокоиться. У вас хорошая работа в «Селверн Корпорейшн».

— Ну и что? — огрызнулся Эрик.

— Большие корпорации не любят аберрации. Я знаю. Мне постоянно приходится иметь с ними дело. Почему бы вам не вернуться в Финикс, мистер Эббот? Возвращайтесь к своим друзьям, к своей работе, пока она у вас есть.

Наконец прямая угроза. Вопреки логике, она принесла облегчение Эрику. Этот человек почти стал ему нравиться. Питать к нему неприязнь было гораздо легче.

— Вы погубите мою карьеру безо всяких объяснений, только потому, что я влюбился в Лайзу Тембор?

Тархун торжественно кивнул.

— Боюсь, мне придется, мистер Эббот. Без колебаний.

— Понимаю, — Эрик, казалось, размышлял. — Я поражен. Поражен вашей уверенностью в том, что вы можете это сделать. Такое дело потребует значительных связей и на высоком уровне. Компания уважает мою работу.

— Уверен, что так и есть, — Тархун старался, чтобы в его тоне не звучало покровительственных нот. — Но не так, как уважает мнения, которые есть у меня в запасе.

— Я верю вам. Я вам скажу кое-что. Я вернусь домой.

Тархун не пытался скрыть своего облегчения.

— Это будет гораздо лучше для вас и для всех, кто с этим связан, мистер Эббот.

— Если, — добавил Эрик, — Лайза Тембор скажет мне в лицо, что никогда в жизни она больше не захочет меня видеть.

Радость Тархуна исчезла.

— На одну только минуту я подумал, что собираетесь стать благоразумным, мистер Эббот. Вам нельзя встретиться с ней еще раз.

— Почему нельзя?

— Потому что судьба Лайзы Тембор уже предрешена, и в нее не включены дополнительные встречи с младшим конструктором с Юго-Запада. Она должна выполнять свою работу.

— Тут мне не все ясно. Что за работу она выполняет?

— Это еще одна вещь, которой не нужно себя обременять. Послушайте, мистер Эббот. Я искренне сожалею о том, что приходится держать вас в неведении, но это необходимо. Так же необходимо, чтобы вы ничего не знали и возвращаясь домой.

Эрик покачал головой.

— Мне никогда не нравилось оставаться в неведении. Для меня очень важно знать, что происходит вокруг.

— Только не в этом случае, мистер Эббот. Для вас гораздо лучше ничего не знать.

— Кто планирует судьбу Лайзы?

— Законный вопрос, но на него я тоже не могу ответить. Хотелось бы дать вам больше информации...

Но вы даете информацию, холодно подумал Эрик. Он мог бы подумать о возвращении домой, мог бы, если бы не одна штука. Слова Тархуна намекали на угрозу, которая нависла не только над ним самим, но и над Лайзой. Пропади он пропадом, если оставит девушку с такими типами, как Тархун, или те, кто подкрались к нему в Финиксе.

— Мы понимаем ваше смущение и огорчение, мистер Эббот. Я могу сообщить вам, что мы готовы заплатить за ваш билет до Финикса. Мы даже можем объяснить ваше отсутствие вашим работодателям таким образом, что вы нисколько от этого не пострадаете. Так будет лучше, чем если вы сами вернетесь. Мне передали, что вы отменили очень важную деловую поездку, чтобы приехать сюда. Мы можем все это уладить для вас.

Власть, деньги, информация: эти люди имели доступ ко всему, нервно подумал Эрик. С кем же он связался?

— Для чего вам все это? Потому что вы такие славные ребята?

Тархун не обратил внимания на сарказм в голосе собеседника.

— В сущности, мы можем быть чрезвычайно славными ребятами. Все, чего мы хотим, это избежать любых трудностей.

Читай, «гласности», сказал про себя Эрик. Наконец, прямой ответ. Преступники ненавидят гласность. Это единственное оружие, против которого у них нет защиты. Незаконная деятельность объяснила бы многие вещи: смерть Поликартоса, грубое обращение с Эриком в Финиксе, способность подкупить должностные лица или программистов «Селверна». Он подумал о том, что этот человек, возможно, готов затолкнуть его в машину, ожидающую у ресторана, и отвезти в укромное местечко, где можно использовать менее вежливые способы убеждения.

Лайза может быть против воли любовницей какого-нибудь важного негодяя, или даже хуже. Эббот высказал это предположение Тархуну.

Он не ожидал веселого ответа. Если Тархун лгал, то у него это выходило очень убедительно.

— Ваши выводы забавны, мистер Эббот, хотя услышать запутанный порядок ваших предположений, исходя из которых, вы действуете, думаю, мне не следовало бы так удивляться. Вы должны извинить меня.

— Вы должны извинить меня тоже, — вдруг сказал Эрик гневно. Казалось, у его оппонента в руках все карты, а он устал быть джокером.. — Я никуда не еду. Меня не интересуют ваши билеты в один конец, ваши угрозы или ваше подразумеваемое всемогущество. Давайте, устройте мне увольнение. Это всего лишь работа. С моей квалификацией я смогу устроиться и в другом месте.

— Вы так считаете? Куда бы вы не обратились, везде найдете наши отзывы в персональных картотеках.

— На это вы меня не поймаете. Простите мне мою гордость, но я не думаю, что у вас столько связей. Я слишком хорошо делаю свою работу, а она представляет собой довольно большую ценность. Вы не можете подкупить или запугать всех производителей усовершенствованной электроники в мире Кроме того, есть еще социалистические демократии и внезем-

ные независимые колонии на Марсе, Луне или Титане. Знаете еще что? Даже если бы вы могли причинить мне неприятности, я все равно не уехал бы назад. Я не люблю, когда на меня давят, мистер Тархун.

— Двое в Финиксе в этом убедились. Есть и другие способы давления, мистер Эббот.

— Не на меня. Вы не заставите меня убраться из Нуэво-Йорка и не заставите разлучиться нас с Лайзой.

— Вас с Лайзой, я не ослышался? Вы действительно думаете, что любите эту женщину, не так ли?

— Мне не нужно об этом думать.

— Может вы и правы. Может, это настоящая любовь. Не мне решать...

Он замолчал на мгновение, а когда заговорил снова, его манера вести себя претерпела коренные изменения. Вместо требовательной и угрожающей, она стала почти умоляющей.

— Мистер Эббот, вы производите на меня впечатление славного малого. Luften... Пожалуйста, продолжайте устраивать свое замечательное будущее. На этой планете пять миллиардов людей. Два с половиной миллиарда из них — женщины. Несомненно, среди них вы сможете найти другую, в которую влюбитесь, как в Лайзу Тембор. Вы привлекательны, умны, прилично зарабатываете. Хотелось бы мне так жить в вашем возрасте. К тому же, вы мне нравитесь.

— Это уж точно.

— Нет, проклятье, вы мне *действительно* нравитесь. Ваше упорство делает вам честь, вы проявили искренность и храбрость. Мне не хотелось бы видеть, что такие качества пропадут напрасно. Все равно, любите вы Лайзу Тембор, или она каким-то образом полюбит вас. Имеет значение только то, что это не все равно для других. Не все равно людям, с чьими желаниями надо считаться. Людям, которые не захотят понять вас, как это делаю сейчас я.

Возвращайтесь-ка домой, мистер Эббот. Забудьте про Лайзу Тембор. Оставьте при себе ваши воспоминания и продолжайте жить. Прежде, чем я встретил свою теперешнюю жену, я был серьезно влюблен несколько раз. Каждый раз я с уверенностью считал, что погибну, если разлучусь с женщиной, которую любил в тот день, в ту неделю, в тот месяц. Жизнь совсем не такая, мистер Эббот. У вас есть выбор. Сделайте его правильно.

— Не учите меня жить, Тархун.

— Почему бы нет? Я успел повидать в жизни гораздо больше вас, Эрик Эббот. Вы могли бы найти менее понимающих наставников. Приняв то, что вы можете быть влюблены в Тембор, почему нельзя принять, что вы можете ее разлюбить? Немного усилий с вашей стороны, немного мучений, и все будет забыто, — он серьезно посмотрел на молодого инженера. — Мы могли бы сделать больше, чем просто оплатить ваш билет до дома. Мы могли бы предоставить вам значительную финансовую компенсацию за ваше, — Тархун лишь слегка улыбнулся, — эмоциональное расстройство.

— Вы не можете силой прогнать меня, поэтому пытаетесь сделать это деньгами.

Тархун откинулся на спинку стула, покачивая головой.

— Вы так и не позволите мне помочь вам, верно, мистер Эббот? Вы намерены продолжать свое путешествие в неизведанное, даже если это значит переступить через границу.

— Даже так, — согласился Эрик, медленно кивая.

— Я вас не понимаю. Вы занимаетесь делом, в котором каждый рабочий день нужны логика и здравый смысл. А в личных делах вы поступаете наоборот.

— Я люблю Лайзу Тембор, — сказал он просто.

— Послушайте, мы только что... — Тархун сам себя оборвал. — Что бы я не говорил, вы не передумаете, верно?

— Я все думал, когда до вас это дойдет.

— У меня была надежда, — пробормотал он. — Упрямец, какой упрямец!

— Полезное качество. Другие конструкторы взбесились бы от своей неспособности решить определенную проблему. Со мной никогда такого не случалось, — Эрик тонко улыбнулся. — Видите, я поступаю в соответствии с качеством, которое помогло мне достичь успеха.

— С меня хватит, — Тархун встал, и Эрик напрягся. — Приятного аппетита, мистер Эббот. Я сказал вам, я не полицейский.

Он говорил раздраженно, из-за себя или из-за Эрика, определить было трудно. Может на обоих. Тархун обращался к себе в не меньшей степени, чем к Эрику.

— Я старался. Я сделал все, что мог. Они будут разочарованы, но я бессилен. Теперь это не в моих руках. Не могу сказать, что мы мило с вами побеседовали, мистер Эббот, но

разговор, разумеется, получился увлекательным. Больше я ничем не в состоянии вам помочь.

— Мне не нужна ваша помощь. Не так ли вы помогли Поликартосу?

— Кому? — Тархун нахмурился, потом вспомнил. — Ах, да. Я думаю, во всем виноват он. Мне сыщик не нравился. Мне нравитесь вы.

— Вы приказали его убить?

— Мне пора, мистер Эббот. Вы уверены, что я не могу купить вам билет до Финикса? Первым классом?

— Не сейчас, — сказал Эрик с поддельной непринужденностью. — Приходите через пару недель. Может, вы сможете купить мне два билета.

— Самое печальное в том, что вы действительно верите, будто у вас есть какие-то надежды. Вы сошли с ума, если любите Лайзу Тембор. Как бы вы не любили ее, она не может полюбить вас.

— Поживем-увидим. Сегодня утром она была в моих объятиях, и все казалось возможным. Я не жду, что вы поймете это, Тархун, поскольку несмотря на вашу внешнюю общительность, старательно выработанную, вы гораздо хладнокровнее меня.

— Прощайте, мистер Эббот. Приятного аппетита, — он повернулся и направился сквозь толпу на улицу.

Эрик долго сидел за столом. Никто не подошел к нему, чтобы наполнить стакан или прогнать с места. Ресторан не имел черного хода, и в любом случае будет безопаснее выйти на оживленную улицу, чем убраться на какую-нибудь темную аллею, где его могли похитить без помех и свидетелей.

Он провел остаток дня, бродя по Музею Науки и Промышленности, сталкиваясь с группами шумных школьников, слушая вполуха покровительственные разглагольствования экскурсоводов, когда те пытались объяснить строение крылышек насекомых или костей динозавров своим зачарованным подопечным.

Ближе к вечеру Эббот вышел из старого каменного комплекса, не решаясь дождаться темноты. Он не думал, что за ним следят, но из предосторожности несколько раз пересаживался в подземке и менял кэбы.

Теперь в каждом лице ему чудилась враждебность. Эрик с подозрением смотрел на каждого, кто случайно глядел в его

сторону. Наблюдали ли за ним до сих пор? Вряд ли они решат оставить его в покое, но Тархун говорил так двусмысленно, что Эббот не мог быть ни в чем уверен. Может, он ждал, решив дать Эрику последний шанс передумать? Или Эббот принимал желаемое за действительное?

Он мог быть уверен только в одном. Его свобода ограничена, и часы сочтены. Тогда лучше не застревать на параноидальных мыслях.

10

Никто не проявил к нему враждебности, когда он вышел из подземки и зашагал через последний квартал к дому Лайзы. Никто не пристал к нему и в вестибюле. Еще раз Эрик почувствовал благодарность электронному привратнику, чья память распространялась только на жильцов и постоянных посетителей. Он не чувствовал страха, приближаясь к плоской светящейся стене со стереоскопическими глазами.

— Чем могу помочь вам, сэр? — голос был таким же приятным и вежливым, как и в прошлый раз.

Эббот с усилием скрыл свою нервозность.

— Мне нужна Лайза Тембор.

— Как вас объявить?

— Эрик Эббот.

Машина обработала его данные, так как в ее памяти, несомненно, не было этого имени.

— Подождите минуту, сэр, пожалуйста.

Эрик повернулся и уставился на стеклянный вход в здание. Он ждал, что в любую секунду ворвется Тархун в сопровождении мускулистых, до зубов вооруженных, с бесстрастными лицами людей, чтобы препроводить его в аэропорт. Волнение было усилено паузой. Казалось, машине понадобилось гораздо больше времени, чем необходимо, хотя эта проволочка, возможно, только у него в голове. С тех пор, как он ушел из музея, мир замедлил свой ход. Каждый шаг приходилось делать, как в жидком бетоне, каждое слово говорилось в два раза медленнее.

Откуда-то издалека донесся голос электронного привратника.

— Простите, сэр. Мисс Тембор не желает, чтобы ее беспокоили.

— Она это сказала? — спросил Эрик тупо. Все мысли о дипломатии вылетели из головы. Все равно с машиной это было бесполезно.

— Да, сэр, она сказала.

— Попытайтесь еще раз, пожалуйста. Лайза Тэм-бор, — он добавил кодовый номер.

Короткая пауза, потом:

— Простите, сэр, она не желает, чтобы ее беспокоили.

— Скажите ей, что я не уйду, пока не увижу ее.

— Как вам угодно, сэр, — еще одно долгое ожидание, и ответ: — она просит вас уйти, сэр. Я не оборудован, чтобы принудить вас, но должен добавить, что она просит об этом ради вашей собственной безопасности и благополучия.

— Скажите ей, что меня заботит ее безопасность, а не моя. Я не уйду, пока не увижу ее.

Интересно, личности, слоняющиеся у главного входа, тайно наблюдают за ним, или это просто прохожие, остановившиеся под навесом, чтобы спрятаться от мелкого дождика, который начал моросить? Эрик не сводил глаз с дверей.

— Она просит меня еще раз предложить вам уйти, сэр.

— Я не уйду.

— Тогда мне дана инструкция пропустить вас.

— Ну так пропустите.

— Хорошо, сэр. Лифты...

— Я знаю, где они.

Декоративная решетка раздвинулась, чтобы впустить его. Ожидая лифта, Эббот не спускал глаз со входа. Однако в кабину он вошел, не заметив преследования.

Я зашел очень далеко, сказал себе Эрик. Так далеко. Дайте мне увидеть ее еще раз, снова прикоснуться к ней, и ничто, ничто не разлучит нас!

Что за странные мысли для трезвого, спокойного инженера-конструктора. Он хотел подтолкнуть лифт, чтобы он двигался быстрее, и обнаружил, что опирается на дверь, когда кабина остановилась. Эббот осторожно заглянул в круглое фойе и увидел, что там никого нет. Никто его не ждал.

Двери стали закрываться. Он выскочил из лифта, быстро прошел по толстому ковру, чтобы нажать кнопку звонка у двери Лайзы. Снова мгновения потянулись бесконечно. опять

Эрик стал бояться, что зашел так далеко, только чтобы в последний момент получить отказ.

Ему не стоило беспокоиться. Замок щелкнул и дверь отодвинулась. Эббот быстро шагнул через порог со страхом, что даже в этот момент протянется рука, схватит его за воротник и вытолкнет вон. Дверь тихо закрылась за ним.

Он сразу увидел доказательство глубокой внутренней борьбы на утонченном лице Лайзы. Она выглядела измученной, усталой, но не сердитой. Очевидно, его присутствие было для нее тяжелым испытанием. Девушка очень хотела прогнать Эрика.

— Тебе не следовало возвращаться, — сказала она, подтверждая его мысли. — Эрик, тебе не следовало возвращаться.

Эрик, повторил он про себя с удовольствием. Все еще Эрик, а не мистер Эббот. Мистер Эббот — больше никогда.

Он прошел вслед за Лайзой в гостиную. В широком окне сверкал дальний берег Ист Ривер.

— Я не мог не вернуться, Лайза, — Эрик потянулся, чтобы привлечь девушку к себе. Она отпрянула, взволнованная, встревоженная. Он с усилием заставил себя сдержаться.

Эббот был совершенно не подготовлен к такому приему с ее стороны.

— Все неправильно! Ты *не можешь* любить меня!

— Мы уже обсуждали это, — спокойно сказал он. — Я люблю тебя. И думаю, что ты тоже меня любишь.

— Нет! Я не люблю тебя! Не люблю. Это невозможно. Это запрещено.

— Это *возможно*! — выкрикнул в ответ Эрик. — Что значит запрещено? Ерунда, бред. Теперь нет рабов. Или ты говоришь — произнес он с внезапной догадкой, — о каком-то формальном контракте?

— Что-то вроде этого, — пробормотала Лайза, понижая голос и не глядя на Эббота.

— Ну что ж, если это все, что тебя беспокоит, я возмещу неустойку. Какова бы ни была сумма, не беспокойся. У меня готовый кредит и превосходное положение. Мне плевать, сколько нужно заплатить. Мы вместе сожжем этот контракт и развеем пепел по воздуху.

Она печально покачала головой.

— У тебя нет таких денег.

— Ты удивишься, когда узнаешь о моих средствах.

— Нет, Эрик, у тебя нет таких денег. Ни у кого нет столько денег.

Ее спокойная покорность выбила Эббота из колеи.

— Должны же быть другие способы. Контракт можно разорвать по суду. Особенно, если есть возможность показать, что он был подписан по принуждению.

— Но меня не принуждали.

— Может и нет, — сказал Эрик неохотно, — но ты, несомненно, живешь сейчас под принуждением. Разве не так?

— Пожалуйста, не расспрашивай меня, Эрик, — Лайза безвольно опустилась на диван. — Я так устала. Все это тяжело для меня. Я запуталась. Я больше не знаю, что думать. Ни в чем не вижу смысла.

— Отлично! — он сел рядом с ней, взял ее руки в свои. На этот раз она не пыталась высвободить их. — Ты устала, запуталась, не знаешь, что делать. Скажи-ка, на что это похоже?

— На что?

— На то, что кто-то полюбил.

— Ты невозможен. Ты ничего не слушаешь. Я пытаюсь спасти тебя, а ты не слушаешь. Я предполагаю, что ты не можешь ничего с собой поделать. Но другие всегда прислушивались к голосу разума. Иногда на кого-то приходилось тратить времени больше, чем на остальных, но не столько.

Эрик проигнорировал скрытый смысл слов девушки.

— Я не хочу ничего с собой делать. Лайза, не знаю, насколько хорошо тебя прикрывают, изолируют, защищают или что бы там ни было, но мне примерно ясно, что здесь происходит. Тобой управляют, тебя запугивают. Ты имеешь право жить собственной жизнью, и никакой бумажный листок не может отнять его у тебя. Ты можешь делать все, какого бы черта тебе не захотелось. Значит, и влюбиться тоже. Никакой контракт не должен этому мешать.

— Ты не знаешь, — сказала Лайза с величайшей серьезностью. — Ты не можешь понять, что это невозможно. У тебя нет всех относящихся к делу фактов, Эрик.

— Тогда дай мне их. С фактами я спокойно могу иметь дело.

— Интересно, — прошептала она. Впервые со времени своего прихода, ему показалось, что он различил подобие улыбки. — Если бы ты мог, тебя бы здесь не было.

— Любовь неблагоразумна, Лайза. Скажи мне одну вещь и забудь про все остальное. Ты любишь меня?

— Я... не могу, — она не смотрела на него. — Это запрещено.

— К черту все запреты! — Эббот сжал ее запястье. — Ты... любишь... меня? — когда девушка не ответила, он поставил вопрос по-другому: — Скажи мне, что ты не можешь любить меня.

— Эрик, *я не могу*. Не могу! Но я думаю... думаю, что должна, — ее голос срывался, полный удивления от нечаянного признания. — Я думаю, что люблю.

Он пересел немного ближе к ней.

— Это все, что имеет значение, Лайза. Это все, что я хотел знать. Забудь о своем прошлом, о настоящем. Мне все равно, что ты делала, или где ты была, или под чем ты подписалась. Если ты любишь меня, все уладится как нельзя лучше.

— Нет, Эрик, — прошептала девушка. — Этого недостаточно, — она была явно испугана, и не только за него. Теперь Лайза, казалось, боялась и за себя.

— Этого достаточно. Поверь мне. Поверь в меня, в нас.

Эббот привлек ее к себе. Когда их губы соприкоснулись, она слилась с ним. Больше не было замкнутости, недоверия, сдержанности. Лайза положилась на Эрика.

— До чего трогательно.

Влюбленные резко обернулись. В сводчатом дверном проеме стоял Тархун.

— Трогательно и глупо, — сначала он прислонился к косяку, но теперь выпрямился.

Эрик не очень удивился, увидев его здесь. Тархун вошел в гостиную. За ним в комнату протиснулись несколько крупных мужчин. Двое встали у главной двери, а остальные поспешили загородить вход на балкон. Они уверенно заняли позиции и ждали дополнительных указаний от своего босса.

— Так значит, это все вы, — сказал Эрик. — Значит, это вы держите...

Тархун покачал головой.

— Нет, я только наемный работник, мистер Эббот. Как и мисс Тембор. Я не думал, что до этого дойдет, но вы настойчиво продолжали совать свой нос в дело, которое вас не касается. В дело, до которого лично вам нет никакого дела. Не знаю, как с вами поступить. Что бы вы предложили?

Он поспешно поднял руку, когда Эрик, казалось, был готов ответить.

— Нет, — его глаза сузились, взглянув на женщину, которая прижалась к Эрику. — Идите в спальню, мисс Тембор.

Она встала и кротко ответила:

— Да, сэр.

Разинув рот, Эрик попытался ее удержать.

— Нет, Лайза, ты не должна.

Выражение ее лица было таким же скорбным, как у раненого ламантина.

— Я должна, Эрик. Я пыталась объяснить тебе. О, как я пыталась! — в голосе слышалась боль за них обоих. — Но ты не слушал меня.

— Лайза! — крикнул Эббот.

Она не оглянулась, но поспешила в спальню и захлопнула за собой дверь. Внутренняя гидравлика поглощала шум.

Все в комнате смотрели, как она уходила. Теперь они обратили менее восхищенные взгляды к Эрику. Он остолбенело сидел на диване, уставившись на закрытую дверь.. Не существовало слов, чтобы описать его душевные муки.

Разве Лайза только что не призналась в своей любви к нему? Ну, почти, так или иначе. Разве только что он не держал ее в объятиях? Девушка отвечала ему, физически и эмоционально. Это *было* возможно!

Какую власть имел над ней Тархун и те, на кого она работала. Боль Эббота превратилась в гнев. Наркотики? Может, они держали ее на каком-то сильнодействующем наркотике, и она боялась потерять единственный надежный источник его поставки. Или может, это какой-то хитроумный гипноз. Существовали способы контролировать человеческое существо, о которых не рассуждали на телевидении.

Эрик встал, его пальцы сжимались и разжимались.

— Как вам это удается? — процедил он сквозь зубы. — Как вам удается заставлять ее повиноваться? Что ваши люди с ней сделали?

Тархун не обратил внимание ни на один вопрос. Он уже не был так любезен, как в ресторане.

— Вы вполне удовлетворены, мистер Эббот? Вы побывали на маленьком рандеву? Вам оно понравилось? Надеюсь, что так. Вы за него заплатите. Сколько и каким образом, мне

неизвестно. Не я принимаю решения. Но что-то должно быть сделано, чтобы уничтожить тот вред, который вы причинили.

— Послушайте, если дело в деньгах...

Тархун невесело усмехнулся.

— Деньги. Почему средний гражданин всегда думает о деньгах? Peductio ad absurdum.Это не вопрос денег. И никогда им не был? Нет, вы устроили неприятности людям, которые предпочитают, чтобы дела шли гладко. Самое худшее — это то, что вам удалось запутать и огорчить молодую женщину, — он махнул рукой в сторону закрытой двери спальни. — Это доставит проблемы многим людям. Хотелось бы знать, как вам удалось. Они захотят узнать.

— Вы же наблюдали, — спокойно сказал Эрик. — Вы следили с тех пор, как я сюда вошел.

— Да, я следил. Вы думаете, я плохо справляюсь со своей работой?

— И вам понравилось? — злобно спросил Эббот.

— Ничуть. Но не могу сказать, что мне это и не понравилось. Такова моя работа. Я хотел бы, чтобы вы это поняли. Мне платят не за то, чтобы я делал оценки, мистер Эббот. Я просто выполнял указания. Как и мои подчиненные.

Четверо мужчин, которые проследовали за ним в гостиную, слегка пошевелились, подтверждая его слова.

— Это не пара невежественных бандитов, мистер Эббот, как те, с которыми вы столкнулись в Финиксе.. Не думаю, что вы представляете для них проблему. Ради вашего здоровья, я не советовал бы вам с ними связываться.

Эрик слушал, но не слышал. Он не мог оставить Лайзу в обществе этих людей, не попытавшись освободить ее, каким бы отчаянным, каким бы безнадежным не было положение. Эббот подумал о том, чтобы броситься к двери в спальню. Впустит ли его Лайза? Поможет ли она ему? Учитывая ее поведение и то, как девушка реагировала на приказание Тархуна, он сомневался в этом.

Она сказала, что Эрик запутал ее. Тархун только что заявил то же самое. Любит она его или нет? Или, может, Лайза просто произнесла эти слова ради Тархуна? Триумф, который Эббот испытал минутой раньше, был равнодушно затоптан ногами. Он почти надеялся на предстоящую бессмысленную драку. Он с удовольствием примет боль, которая может заглушить хотя бы немного ту, что чувствовалась сейчас.

— Вы интересный человек, Эрик Эббот, — проговорил Тархун, — но недостаточно интересный, чтобы занимать меня и дальше. У меня есть другие дела, о которых нужно позаботиться. Я должен был раньше догадаться, что вы фанатик, и взять вас прямо в ресторане.

— Вы бы этого не сделали, — отозвался Эрик. — Слишком много свидетелей.

— Возможно. Вы быстро учитесь, мистер Эббот. Но это не принесет вам пользы. Я предлагал вам безопасный выход, практически умолял вас уехать. А вы не послушались.

— И что теперь? — спросил Эрик. — Я кончу, как Поликартос?

— Не знаю. Надеюсь, что нет. Сначала будет множество вопросов. После... Я не знаю. С этого момента ситуация не в моих руках. Я не несу за нее ответственности. Вы отвечаете за все, что бы не случилось. У вас было несколько шансов выбраться из той ямы, которую вы сами себе выкопали, а вы настаивали на том, чтобы копать еще глубже. Могилу или просто метафору, мне неизвестно.

— Лайза, — позвал Эрик. — Лайза, выйди.

— Вы профессионал, — пробормотал Тархун. — Вы понимаете мое положение.

— Лайза, ну, выходи же!

Внезапно Эбботу пришло в голову, что в спальне могут находиться другие люди. Они могли заткнуть ей рот кляпом, могли не пускать ее. Определить это не представлялось возможным. Существовала только закрытая дверь, и люди Тархуна двигавшиеся в его сторону, намереваясь взять жертву с четырех сторон. Эрик шагнул на диван, пытаясь охватить взглядом сразу их всех.

Тархун выглядел разочарованным; его подчиненные беззаботными. Эрик вдруг решил, что сейчас произойдет одно из двух: или он каким-то образом сумеет спастись и дойдет до самой кульминации происходящего, или эти четверо выбьют из него душу.

— Ну, давайте, — сказал он ободрительно, дразняще, делая одной рукой непристойный жест.

— Сейчас начнем, — сказал один из наступавших невыразительным, неприятным голосом.

— Вы пойдете с нами тихо и послушно, мистер Эббот? —

спросил другой. — Это ваша последняя возможность. Мы не хотим причинять вам вреда.

— Но я хочу причинить себе вред, — осклабившись, ответил ему Эрик. — Ну-ка, попытайтесь напасть на меня. Может я сумею достать одного или двоих из вас прежде, чем вы меня увезете.

— Я так не думаю, мистер Эббот, — говорящий посмотрел на Тархуна. — Этот парень рехнулся, вы видите?

— Думаю нет, Жером, но, как я уже сказал ему, анализ не в нашей компетенции. Постарайтесь сохранить его в целости, насколько это возможно, ладно?

— Как скажите, сэр.

Тот, кого называли Жеромом, сейчас был ближе всего к Эрику. Он быстро шагнул вперед и дотянулся до его правой ноги. Другие двинулись мгновением позже, хорошо тренированная команда, быстро сужающая кольцо вокруг жертвы.

— Не доставляйте себе лишних неприятностей, мистер Эббот, — посоветовал Жером, дотрагиваясь до ноги Эрика.

Тот резко опустил кулак, намереваясь сбросить руку, схватившую его. Раздался приглушенный хруст, отвратительный для такого слабого звука. К чести Жерома следует сказать, что он не закричал. Его лицо исказилось, и бедняга схватился за разбитое правое запястье. В то же время остальная троица прыгнула на своего противника.

Эрик попятился по дивану. Две крепкие руки замкнулись на его шее. Тем временем другая пара рук пыталась удержать его руки и ноги.

Он слепо ударил. Один из мужчин отлетел, хлопнувшись о потолок, и повис, как орел, с распростертыми руками, погруженный в волокнистый изоляционный материал, как муха в янтарь, тупо таращась на пол. Или потолки здесь были тоньше, чем в старых зданиях в Финиксе, или удар получился сильнее. Эрик не знал. Он не знал ничего, кроме того, что должен убираться отсюда и от этих людей, чтобы спасти Лайзу.

Голова Эббота дернулась назад, когда человек, который схватил его за горло, сильно рванулся. Эрик судорожно попытался устоять против давления. Голова наклонилась вперед, и человек, пытавшийся перекрыть ему дыхание, перелетел через него, через диван, вертясь,как тряпичная кукла. Раздался ужасный грохот, когда тело пробило стеклянные балконные

двери. Повсюду разлетелись осколки, и несколько секунд комната была наполнена летающими алмазами, перемешанными с кровью. У Эрика создалось ощущение, будто он двигается внутри калейдоскопа, полного яркого, цветного разрушения. Люди вокруг кричали. Наступило время карнавала, и рядом с ним были Чарли и Габриэлла.

Они катались на аттракционе, который назывался «Луны Сатурна», в маленькой пластиковой машине, имитирующей отсутствие гравитации, могли выглядывать в прозрачное акриловое окно и видеть огни пышной ярмарки. Механизмы, дети, уличные торговцы и гуляющие наполняли пространство с беспорядочным звоном колокольцев, таким же резким, как яркая белизна вдалеке, бросавшаяся в глаза.

Человек, пробивший балконные двери, исчез. Должно быть, он вскрикнул, когда падал с восьмидесятого этажа к Ист Ривер.

Один из оставшихся бандитов отчаянно висел на Эрике в то время, как Жером поднял свою здоровую руку. Его кулак просвистел в сторону носа Эрика, намереваясь, видимо, разбить кость и вдавить ее осколки в мозг.

Где-то в далекой белизне Эрик подумал, что слышит голос Тархуна:

— Не убивайте его!

Но Жером больше не слушал своего босса. Насмешливая вежливость и черный юмор пропали, разрушенные до основания, как стеклянные двери и двое других человек.

Рука дотянулась до него. Она, несомненно, должна была убить Эрика. Вместо этого он почувствовал лишь незначительное неудобство где-то в центре лица. Его переносица не сломалась, даже не погнулась.

Жером отпрянул, потеряв дар речи. Эрика стало тошнить от кровавой бойни, развернувшейся вокруг. Кровь капала на белый ковер из человека, все еще висящего на потолке. Эббот потянулся, стащил последнего противника со своей спины и бросил его в отступающего Жерома. Столкнувшись, оба налетели на хрустальный бар. Бокалы посыпались с полок, бутылки опрокинулись, разбрызгивая золотистую жидкость. Автомат с вином переключился на позицию «Открыто», и на пол стал литься ровной струйкой кларет, менее порочный, чем кровь, с которой он перемешивался.

Что-то ужалило Эббота в левую ягодицу. Он резко обер-

нулся, чтобы увидеть сильно изменившегося Тархуна, стоявшего сзади. Эрик выдернул шприц для подкожных впрыскиваний, который работал от давления. В нем не было иглы. Он был похож на игрушку. Эббот сдавил его пальцами, шприц сломался в руках. Это было забавно, потому что он был сделан из пластика с повышенной прочностью. Эрик автоматически подумал о том, что в эти дни нельзя доверять ни одному производителю.

Тархун наблюдал за ним, не отводя глаз. Эббот продолжал стоять на диване и улыбаться. Выражение неуверенности на лице Тархуна сменилось выражением ужаса. Его самообладание исчезло.

— Теперь я уйду, — спокойно сказал ему Эрик. — Я не беру с собой Лайзу, потому что запутался, не знаю, что делать, и не хочу, чтобы ей причинили боль. Но вы не сможете разлучить нас. Не сможете.

— Ты должен лежать на полу, — бормотал Тархун. — Ты должен лежать полумертвым, без сознания. В этом шприце было достаточно TLC, чтобы свалить сотню человек. Почему, черт возьми, ты не потерял сознания? — он говорил, как будто обвиняя. Эрик чувствовал себя почти извиняющимся. Его полусонное состояние продолжалось, когда он сошел с диванных подушек. Действительность была каким-то добрым воспоминанием.

— Теперь я уйду, — заявил Эббот. Дверь была заперта снаружи. — Ловкий трюк, — сказал он Тархуну, который уставился на него широко раскрытыми глазами. — Как вы это сделали?

Тонкая струйка слюны стекала из угла рта Тархуна. В этот момент он уже не выглядел уверенным и искушенным в житейских делах.

— Ты должен быть без сознания, — опять повторил Тархун.

Эрик не мог найти ответа на этот повторяющийся вопрос. Он положил ладонь на ручку и рванул дверь. Внутри что-то застонало. Ручка была приварена, как и петли. Наконец, громко щелкнув, подался замок.

Удивленные проклятия послышались из вестибюля, когда он вырвался из двери и рикошетом отлетел от противоположной стены. Теперь дверь откроется нормально, подумал Эрик и вышел.

Там ждали еще три человека. Они с удивлением увидели, что его не сопровождают. Из-за спины Эрика Тархун внезапно стал кричать:

— Без рук! Не пытайтесь дотронуться до него! Пристрелите, пристрелите его!

При этих словах люди настороженно отпрянули и вытащили небольшие пистолеты. Эрик жизнерадостно прошел мимо них и нажал кнопку вызова лифта, ничуть не беспокоясь о том, что происходит. Ничего не могло случиться, иначе это уже давно бы случилось, не так ли? Он захихикал, но поспешил подавить смех. Позади трое человек смущенно смотрели, как Эббот ждал лифта.

Крохотные булавки вонзились в его спину и ноги. Мускулы шеи дернулись. Входя в лифт, он не обратил на это внимания. Сзади опять раздались проклятия. Эрик повернулся в кабине и в последний момент успел увидеть три испуганных лица. Двери с гулом закрылись, и кабина начала спускаться.

Он потратил некоторое время на то, чтобы вытащить подкожные дротики из спины, размышляя о том, что мельчайшие дырочки могут быть даже не видны на его новом костюме. Эрик поднес один из шприцев к свету, увидел остатки голубой жидкости и праздно подумал о том, что бы это могло быть. Такой же нарколептик, который всадил в него Тархун? Какая разница? Все равно он не оказал на него никакого действия.

Наверху Лайза Тембор неподвижно лежала на своей кровати. Пока до нее доносился грохот драки, она прятала лицо в ладонях и плакала.

Потом случилось неожиданное: наступила тишина. Еще более неожиданный спокойный голос Эрика: «Теперь я уйду». Вот когда слезы перестали литься, чтобы смениться первым смущением, а потом отчаянной, поднимающейся надеждой.

Может быть, в этот момент она поняла, что действительно любит его, каким бы невозможным это ни казалось. Эта мысль противоречила всему, что знала, всему, чем была девушка. Но она существовала.

— Я люблю тебя, Эрик, — сказала Лайза, потому что хотела услышать, как сама говорит это, и потому что понимала с такой же уверенностью, что больше никогда не увидит Эрика Эббота.

Ей могли приказать уйти в свою комнату и оставаться там, но они не могли заставить ее не думать и не чувствовать. По

крайней мере, Лайза сохранила в себе это удивительное чувство, эту запрещенную, невозможную любовь. Будет приятно жить с ней, даже если она не сможет остаться с Эриком.

Это было невозможно, как она говорила ему.

Потом девушка услышала, как кричит и вопит Тархун. Он был встревожен, и это доставило ей удовольствие. Лайзе никогда особенно не нравился Тархун, хотя тот всегда вел себя с ней любезно и уважительно. Ей не нравился никто из тех, на кого она работала, даже если это считалось глупым и вредным, как говорили психологи. На самом деле, это скорее было равнодушие, чем активная неприязнь. Девушка не имела оснований для ненависти. Совсем никаких оснований.

В вестибюле остались только двое. Тархун должен был в конце концов собраться с мыслями, чтобы позвонить вниз.

Забавно, что они посчитали это необходимым, рассудил Эрик. Три линии обороны, просто на всякий случай. Тархун не оставлял противнику ни одного шанса.

Декоративная решетка, отделявшая лифты от внешнего вестибюля, была закрыта, запирая Эббота внутри здания. Он не знал, мужчины или женщины те двое, с которыми ему пришлось встретиться лицом к лицу, потому что не мог разглядеть их. Все костюмы для охранников общественного порядка были снаряжены шлемами с односторонним стеклом.

Люди медленно повернулись к Эрику. Да, их проинформировали о его побеге. Костюмы были серебристыми с красными полосками. С завываниями они покатились к нему, крошечные серводвигатели в броне и ножные соединения, мгновенно реагирующие на мускульные движения тел, находящихся внутри. Металлические пальцы потянулись к жертве.

Эрик смотрел новости и видел подобные костюмы в действии. Один человек в таком облачении мог разогнать или вывести из строя целую толпу. Оператор внутри костюма был защищен от оружия как новейшего, так и примитивного, а серводвигатели давали ему силу, достаточную, чтобы управляться не только с людьми, но и с машинами.

Когда Эрик бросился мимо первого, второй протянул руки, чтобы обхватить его за талию. Стальной трос появился из-под правой руки, чтобы несколько раз обернуться вокруг беглеца.

Отпрянув назад, Эббот потянул за него. В его полусонном состоянии это потребовало значительных усилий. Костюм для охраны общественного порядка вместе со своим оператором

поднялся в воздух. Было так просто использовать его в качестве цепа, молотя по другому противнику. Из-под звуконепроницаемого костюма не доносилось никаких криков, так что Эрик дубасил им, пока не разошлось несколько швов и не смялся металл.

Он уронил костюм на землю, и тот стал протягивать металлические пальцы к его лицу. Эббот схватил их свободной рукой и стал гнуть. Серводвигатели заскрипели, и горючее стало бить струей на безупречно чистый мраморный пол вестибюля. Потом они взорвались. Эрик отпустил костюм. Тот безвольно упал, истекая смазочными материалами.

Другая рука теперь вцепилась в плечо Эрику. Моторы жужжали от перегрузок. Его кости должны были переломиться. Но вместо этого он чувствовал лишь небольшое давление. Эрик лениво стал колотить по костюму голой рукой, пока тот не упал.

Подняв оператора с костюмом за трос, он раскрутил его над головой. Несчастный набирал скорость, словно булыжник на веревке, пока вестибюль не наполнился ревом, как от вертолетного пропеллера. Эббот намеревался бросить костюм в запертую решетку. Вдруг улица перед главным входом наполнилась голубыми вспышками и красными огнями, и он увидел, как дополнительные полицейские отряды по борьбе с нарушителями общественного порядка спешат к зданию. Некоторые были облачены в такие же костюмы, которые Эрик только что вывел из строя, а тем временем другие несли тяжелое вооружение.

Вместо того, чтобы кинуть костюм в решетку, он немного повернулся и бросил его в сторону стеклянной стены высотой в два этажа, которая ограничивала дальний конец лифтового отсека. Пролетев с ужасающей скоростью, тяжелый груз сорвался с троса и врезался в толстое стекло. Панели с оглушительным грохотом обрушились на прочный пол.

Теперь Эрик услышал крики и вопли позади себя, когда бросился к отверстию. В его сторону направились пистолеты и раздались выстрелы. Что-то ужалило правый бок сначала один раз, потом второй. Эббот не обратил на это внимания и прыгнул.

Он не мог сказать, как далеко унес его прыжок. На двадцать футов, тридцать, сто или еще больше; он не мог ничего определить, паря в темноте, молотя по воздуху руками и но-

гами... Эрик описал длинную дугу и обнаружил, что кто-то украл землю. Вместо травы, декоративных камней или гравия были только еще несколько секунд падения.

Потом он пробил слой волнистого черного льда.

Прохлада Ист Ривер подействовала возбуждающе на его организм. Страх и удивление уступили место решительности. Эббот неистово рванулся вверх и, пробив лед, глубоко вздохнул.

На другом берегу возвышающиеся стены света безразлично смотрели на него. Сделав на воде медленный круг, он мельком увидел то здание, из которого убежал. Эрик приводнился на порядочном расстоянии от берега. Отклонив голову назад, он увидел, что огни зажглись, может быть в половине квартир. Где-то там, наверху, Лайза. В следующий раз ему придется планировать их свидание с гораздо большей осторожностью, продумывать все более тщательно. Придется подумать о многом.

Голоса на берегу, громкие и расстроенные, привлекли его внимание. Дрейфуя и размышляя, Эббот решил, что так можно причинить вред своему здоровью. Преследователи последовали за ним через дыру, проделанную им в стеклянной стене, и теперь обыскивали сады, через которые он перепрыгнул. Мощные прожекторы прощупывали подрезанные кусты и деревья, ползли по стене здания. Никто не обнаружил силуэта на воде. Но это скоро произойдет.

Глубоко вдыхая и выгибая спину, как дельфин, Эрик нырнул и поплыл вверх по реке. Вода, обтекавшая его тело, была чистой и прохладной, успокаивающей и неугрожающей. Он всегда считался хорошим пловцом и сейчас двигался вперед, пока его легкие не оказались в опасности.

Когда Эббот в следующий раз высунул голову в ночной воздух, откашливаясь и выплевывая воду, то не увидел погони. Фактически, сама башня осталась вне поля его зрения. Он проплыл под водой гораздо большее расстояние, чем рассчитывал.

Эрик повторил погружение и миновал еще какое-то расстояние, пока не убедился, что находится далеко от центра города в верхней его части, а потом направился к берегу. Там не было ни доков, ни промышленных зданий. Манхэттен весь состоял из жилых кварталов и офисов. Никто не видел, как Эрик карабкался на выложенный камнями берег.

Он сидел, деля место с любопытными крабами, и восстанавливал дыхание. Другой, настоящий холод сменил речную прохладу. Было жизненно необходимо побыстрее избавиться от мокрой одежды.

В Парке, граничащем с рекой, в основном росли аккуратные клены и вязы. Эббот догадался, что находится недалеко от 102-ой улицы. Держась за руки, мимо него прогуливались парочки, и он нырнул в кусты. Однажды мимо тихо проскользнула полицейская машина, дребезжа электрическим двигателем. Полицейские не выглядели ни мрачными, ни встревоженными. Не слышно было и сирены. Чем больше Эрик об этом думал, тем меньше ему это казалось невероятным.

От кого бы ни получал Тархун приказы, он не хотел гласности. Нижние полицейские чины, может, даже не будут поставлены в известность о вечерних событиях.

Потом Эббот заметил пьяного, распростертого на траве под парковой скамейкой. Пьяница не был ни бездельником, ни мошенником, просто гражданином, злоупотребившим спиртным вдалеке от домашнего очага. Он оказался немного выше Эрика. Когда Эббот приблизился, человек промямлил что-то о своем проклятом шефе. Из среднего звена управления, подумал Эрик. «Селверн» был полон таких серых личностей.

Эббот колебался. Мысль о том, что ему следовало сделать, волновала его гораздо больше, чем тот переполох, который он устроил в башне. Человек не сделал ему ничего плохого. Но Тархун и полиция не оставили ему большого выбора.

Так что Эрик подошел к пьяному и мягко сказал:

— Прошу прощения, но я должен это сделать.

Человек вытаращился на мокрое приведение и разинул рот. Вероятно, он думал, что видит собутыльника. Определенно, Эрик не был похож на грабителя.

Человек не сказал ничего, когда Эббот положил указательный палец ему на горло и осторожно надавил. Бедняга стал отбиваться. Встав позади него, Эрик увеличил давление, одновременно удерживая пьяного в неподвижности еще одну минуту. Это все, что понадобилось, чтобы тот тяжело плюхнулся на руки Эбботу.

Положив его на траву, Эрик начал с плаща, затем снял брюки и белье. Личные вещи он аккуратно положил подле хозяина. Эббот хотел было так же поступить и с его бу-

мажником, но передумал, достал наличные и засунул их в свой собственный, еще сырой бумажник. Чем больше действия будут похожи на обычное ограбление, тем меньше вероятность того, что кто-нибудь свяжет их с личностью беглеца. Кредитные карточки он оставил. Они были бесполезны для обыкновенного вора.

Костюм оказался великоват и свободно висел на долговязом Эрике, но не настолько, чтобы привлекать внимание посторонних. Эббот подвернул рукава и подтянул манжеты. Так наряд выглядел лучше. Ночью разница не должна быть слишком заметной.

Как только откроются магазины, он подыщет себе новый комплект одежды, который подойдет ему. У него все еще была с собой кредитная карточка, хотя Эрик не знал, безопасно ли ее теперь использовать. Тархун уже показал свое умение получать информацию.

В одном Эббот был уверен: он не мог возвращаться в гостиницу. Теперь за ней будут так же старательно следить, как и за квартирой Лайзы.

Эрик связал свою старую одежду в узел; оставив своего невольного благодетеля храпеть голым на траве. Через полквартала находилась общественная ночлежка. Несколько юнцов скакали вокруг фонтана в скандальных одеяниях: мальчишки в платьях, девчонки в костюмах, каждое лицо покрыто бесполым гримом. Они выкрикнули несколько юношеских непристойностей, но, в общем, не обратили на Эббота внимания. Фонтан был ярко освещен, а они находились не в том настроении, чтобы задевать прохожих. Эрик был благодарен им за невнимание. Ему не требовались лишние проблемы.

Он засунул старую одежду в мусоропровод и нажал выключатель. Раздался приглушенный плеск и шум, когда труба внизу всосала изобличающие улики, отправляя их в дополнение к нескольким миллионам тонн отходов к мощным заводам-сжигателям.

Отныне ему придется стать чрезвычайно осмотрительным в своих передвижениях. В следующий раз, когда их пути пересекутся, Тархун не будет любезничать. Если Эрик не попытается еще раз увидеться с Лайзой Тембор, ему, может, удастся ускользнуть из города и вернуться к своей прежней жизни. Прежней жизни. Его будущее было решено. Он должен вер-

нуться за Лайзой, и Тархун, вероятно, знал это не хуже, чем сам Эббот.

Сколько еще желание Тархуна избегать гласности будет удерживать его от того, чтобы поставить в известность национальные власти? Эрик мог бы составить лучший план действий, если бы знал это. Конечно, теперь его посчитают убийцей. Или нет? Все, что он сделал, он сделал для самообороны (или сопротивляясь аресту?). Прошедший час был путаницей криков, быстрых движений и беспорядочных мыслей. Может, он никого не убил. Но, разумеется, покалечил многих.

Эрик вышел из парка, ориентируясь на маяки светофоров на оживленной Первой Авеню.

Посмотрев вниз на свои руки, он медленно повернул правую ладонь вниз и взглянул на костяшки пальцев. На них не было ни единой царапины. Даже ногти не обломались. Эббот сжал пальцы, потом медленно разжал. Несомненно, обыкновенная рука. Его рука, гладкая и без мозолей. Та же, с которой он вырос.

Внезапно у Эрика закружилась голова. Рядом находился фонтанчик с питьевой водой. Края были гладкие, из зеленого пластика, медный кран золотился в свете вечерней улицы.

Ради эксперимента он взял кран и сильно потянул. Ничего не произошло. Тот не сдвинулся с места. Нахмурясь, Эббот глубоко вздохнул и потянул его обеими руками. Ничего.

Угрозы не было, решил он. Ничто не заставляло адреналин спешить к его мускулам (хотя Эрик больше не отрицал, что в этом должно участвовать нечто значительно более мощное, чем адреналин).

Погоня. Они гнались за ним! Ему нужно обороняться, нужно спасти себя и Лайзу. Они собираются схватить его, увезти, сделать с ним что-то ужасное, а с ней поступить еще хуже!

Эббот потянул кран опять. Цемент с хрустом потрескался, и кран вышел из своего гнезда, таща за собой медную трубу. Та прорезала тонкий цемент и пластик, как фортепианная струна могла бы прорезать плоть. Вода начала просачиваться, а потом бить фонтаном из деформированных участков трубы.

Эрик бросил кран и поплелся по улице.

Что со мной происходит? подумал он Что со мной происходит? Сумасшедший дом. Невозможно быть способным делать такие вещи. Он вызвал в памяти сцену, когда раз-

махивал тяжелым костюмом для подавления общественных беспорядков вместе с его оператором над головой, как ковбой вертит лассо. Невозможно, невозможно! Неужели все это действительно произошло, или все ему приснилось?

Эббот методично попытался реконструировать последний час своей расшатавшейся жизни. Он пошел, чтобы увидеться с Лайзой. Тархун помешал им. Он сбежал, вырываясь от всех, кто хотел удержать его. Ни один человек не мог оказаться способным устроить такое.

Эрику захотелось позвать на помощь, опуститься на колени прямо на улице и взывать к небесам о помощи, но он не посмел так рисковать и привлекать к себе внимание. Вместо этого он продолжал идти, подняв голову и направляя шаг, чтобы слиться с ночной толпой, переходя на пешеходную дорожку вдоль Первой Авеню.

Это невозможно. Следовательно, этого не было. Довольно просто. Эрик постарался не думать о недавних событиях. Он был уверен в своем психическом здоровье. Он не сошел с ума. Просто влюбился. Новый гостиничный номер, новая одежда, немного еды, и самочувствие станет гораздо лучше. Эббот поплотнее завернулся в плащ.

Вряд ли полезно заострять внимание на неправдоподобном, не говоря уже о невозможном. На мгновение, следовательно, он допустит, что невероятные события не происходили. Эрик сразу почувствовал, как замедлился пульс. Попробуй ненадолго сконцентрироваться на главном: еда, убежище, одежда. А потом Лайза.

Никто не оглядывался на фигуру в висящей одежде, бредущую по авеню. Это был Нуэво-Йорк, и каждый вечер по его улицам ходили гораздо хуже одетые горожане. Может быть, некоторые заметили странную улыбку этого человека, но подобный взгляд, удивленный и отстраненный, был таким же обычным для города. По крайней мере, человек не слонялся бесцельно, а направлялся куда-то.

Полицейский патруль тоже не обратил на него внимания, А почему бы нет? Ничто не указывало на то, что они не заметили самого опасного человека в городе.

Эрик Эббот, конечно, не считал себя опасным. Нет, он любил, и это было прекрасно. В любви нет ничего опасного.

11

В том, что это центр управления и сомнений возникнуть не могло. Но занимались здесь не управлением кораблями и станциями, запускаемыми в глубины космоса. Тут имели дело исключительно с информацией, с байтами, снующими туда-сюда из глубин дюрайростока во всемирную сеть и обратно. Облепившие вершину горы спутниковые антенны соединяли центр управления со спутниками связи Коллигатара во множестве висящими над головой. Все функционировало гладко и говорило о могуществе электроники и человека.

Каждое рабочее место было обустроено согласно вкусам и прихотям оператора, работавшего на нем. На одном красовалась высокая цельнодеревянная ручная поделка из Центральноафриканской Федерации. На другом стояла композиция из сухих цветов родом из Тихоокеанского Союза. На третьем — цепочка с колокольчиками ручной работы из республики Инуит. Рабочие места свидетельствовали не только о вкусах, но и о происхождении каждого из операторов.

Поднимаясь на помост, Ористано ощутил приглушенную, спокойную гордость за то, как функционирует самая совершенная в мире компьютерная станция. Все шло как положено. Дежурный персонал сидел на своих местах. Одни спали, другие просматривали тексты. Авральной работы на их долю практически не выпадало — настолько эффективно стала со временем работать система.

Все шло как положено, или все-таки не все.

— Господин старший?

Ористано обернулся направо.

— Что такое, Фронтенак?

Сотрудник сунул под нос Старшему Программисту ворох распечаток.

— Да снова австралийцы, сэр.

— Так, так, — тот пробежал глазами распечатки, но мысли его были далеко.

— Так что там?

— Жалуются. Мол обделили их площадями при ловле планктона.

Ористано вздохнул. «Не пора ли, — подумал он, — учреждать переходящую ленту самому склочному народу».

— На мой взгляд нормальные цифры. А чем они недовольны?

— Да вот говорят, что выделенные им для сбора урожая площади не учитывают прогнозов о крайне суровой грядущей зиме в южном полушарии.

— Черт бы их побрал! — тихо выругался Ористано. Сотруднику же он сказал: — Передайте представителю Австралии, что погоду мы только предсказываем. Мы ей не управляем. Пока, по крайней мере. Скажите ему, что для крилеуборочного флота действуют одни и те же ограничения и что площади и предполагаемый улов рассчитываются согласно тысячам переменных, из которых погода лишь одна.

— Им это не понравится, — упрямо сказал помощник. — Опять, скажут, обижают южное полушарие, не желают считаться с проблемами Океании.

— Они так всегда говорят, — устало ответил Ористано. — Не успокоятся, пока мы им не соберем вещи и не переведем Центр Управления Коллигатаром в их Крайстчерч.

— Мне им так и передать, сэр?

— Нет, конечно же нет, Фронтенак, — раздраженно сказал Ористано, — но увидев, что задел подчиненного, тут же поспешил смягчить тон. — То есть, я хочу сказать, чтобы вы придумали какой-нибудь разумный ответ. Проявите дипломатический подход, как всегда. Проинформируйте их, что Коллигатар еще раз вернется к изучению этого вопроса. А дальнейшее будет зависеть от выводов, к которым он придет в результате дополнительных расчетов.

— Но сэр, ведь это успокоит их только временно.

Ористано сделал рукой умиротворяющий жест.

— А больше и не надо. Я за это время столько всяких других дел успею утрясти. Просто сделайте так, чтобы они месячишко еще мне в глотку не вцеплялись, ладно?

— Силь ву пле. Да, сэр. — И забрав распечатки, служащий оставил Ористано в покое.

«Будто других дел у меня мало», — сердито думал Мартин, возвращаясь в свой кабинет. Над его столом безмолвно мигала красная лампочка. «Вот, вот, — подумал он, — то Коллигатар, то жена. Вечно им чего-то надо. Требуют. Ладно, у этого хоть мозги есть».

Ористано явно был несправедлив к своей супруге Марте. Он уселся в кресло.

— Порядок. Я здесь, можешь выключать. — Лампочка неожиданно погасла. — Ну что там? Опять какие-нибудь опасности?

Сарказму Коллигатар был не подвержен. По крайней мере, делал такой вид. Он вежливо сказал.

— Нет, Мартин, это та же самая опасность, которая беспокоила нас все это время.

— Все это время, хорошо. Это ведь уже много недель продолжается, — Ористано пытался скрыть нетерпение. — Одно дело оповестить о каком-то готовящемся ужасном злодеянии и поставить всех на ноги, чтобы дать ему достойный отпор. Другое дело требовать, чтобы все поддерживали себя в состоянии готовности, в то время как день за днем ничего не происходит.

— Мне удалось узнать кое-что новое с тех пор, как мы последний раз говорили на эту тему.

— Очень хорошо. И что это за «кое-что новое»?

— Ничего конкретного.

— Ясное дело, — вздохнул Ористано. — Не хватало еще, чтобы ты что-то конкретное разузнал.

— Намеки, предположения, обертона, взаимосвязи также бывают достаточно значимы, Мартин.

— Я вовсе не собираюсь принизить значение твоей работы. Выдай мне всю новую информацию в файл для изучения. Я просмотрю ее, когда будет время.

— День тяжелый? — спросила машина с искренней озабоченностью.

— Как обычно.

— Что, снова австралийцы беспокоят?

— Ты подслушал? Да с этим я уже разобрался.

— Ведь данный случай гораздо важнее, чем рыболовецкие споры.

— Ты что, хочешь сказать, якобы я недостаточно серьезно воспринимаю опасность, о которой ты говоришь? — Ористано внутренне собрался. Дело в том, что машина подвергала обработке интонации и выражения лица Мартина и делала из этого определенные выводы. — Я очень, очень встревожен этим. И не я один. Но ты должен понять, нам всем очень трудно. Мы здесь трудимся в поте лица над самыми насущными проблемами, поэтому не можем быть, подобно тебе, озабоченными

чем-то одним. Тем более, что до настоящего момента никаких признаков явной угрозы системе не появлялось.

— В таком случае, Мартин, тебе должно быть приятно слышать, что я наконец обнаружил очаги, от которых исходит угроза и на которые следует обратить внимание.

Ористано выпрямился в кресле.

— Самое время.

Интересно, что испытал он скорее облегчение, чем тревогу.

— Тебе следует уведомить международную наблюдательную сеть, чтобы они проследили, не имеют ли место проникновения или попытки проникновения со стороны не уполномоченных на это сотрудников в терминалы вспомогательной службы Коллигатара в следующих городах: Бомбей, Киото, Сингапур, Брисбен, — а то австралийцы шумят, а все без дела — Антофагаста, Богота, Нуэво-Йорк, Метротекс, Мадрид, Милан и Киев.

Машинально занося названия городов в текущий файл, Ористано нахмурился.

— Тебя что-то в этом тревожит Мартин?

— Ничего себе список. Я думаю, какие расходы понадобятся, чтобы установить особое наблюдение в стольких пунктах. Ты считаешь, опасность существует во всех этих городах?

— Во всех и ни в одном. Я по-прежнему нахожусь в процессе вычисления того, где в действительности произойдет серьезное нападение.

— Нападение? Следовательно, ты накопил уже столько мелких признаков, что вырисовывается возможность акта физического насилия против системы.

— Это уже перешло из области возможного в область вероятного. Что же касается расходов, то я уже исключил из списка ряд мест, где вероятность вторжения существует, но низка. Очень сожалею, но более точным я быть не могу.

«А я и подавно, подумал Ористано. — И тем не менее, какое облегчение иметь дело с чем-то реальным, а не со сплошными кибернетическими галлюцинациями. Это поможет поддержать моральный дух личного состава. Одно дело сказать, что угроза существует, и все, а другое дело поднять на ноги службу безопасности в Мадриде. Пришло-таки время чего-то реального, а не одних предположений».

— Интересно, а почему ты исключил Центр?

— Угроза сюда не направлена, по крайней мере, пока.

— Следовательно, это все, что ты считаешь нужным.

— Пока да, Мартин. Если я почувствую, что требуются дополнительные шаги, я тебя тут же уведомлю.

— И то хорошо, — у Ористано вдруг возникло внезапное, не характерное для него желание, поскорее вернуться в общество людей.

Он разыскал миниатюрную программистку из Бихара.

— Опять неприятности с этой непонятной угрозой? — спросила Дюрапати.

При тусклом освещении в коридоре шлифованный рубин у нее в носу, казался почти черным.

— Боюсь, что да. Придется теперь ставить на ноги терминалы вспомогательной службы по всему миру.

Она покачала головой, и волосы зашелестели по тонкому шелку рабочего сари.

— Но не может же это вечно продолжаться. Мартин, скажи, неужели ты еще веришь в серьезность этой так называемой угрозы.

— А с чего бы тогда машина подняла тревогу?

— Потому что она чувствует, что ты сомневаешься, я сомневаюсь, все сомневаются, а ей очень хочется оправдаться за весь этот переполох, который подняла. Коллигатар объявляет тревогу, вероятно, с единственной целью — укрепить себя в заблуждении, за которое слепо цепляется.

Ористано одобрительно посмотрел на женщину. Они находились в рабочем коридоре, украшенном так, чтобы сделать его похожим на тоннель на острове Кауаи из группы Гавайских островов. С папоротников и эпифитов капала вода, и трудно было поверить, что на самом деле они не в этом тропическом раю. Однако над головой у них лежало несколько тысяч метров гранитной толщи, а над ней холодные просторы Альп.

— Так ты все-таки продолжаешь настаивать, что с центральной логической системой Коллигатара что-то не в порядке?

— Ну, настаивать на чем-то я не могу. Пока. Но по-моему пора бы тебе приказать провести независимое исследование. Особенно следует позаботиться, чтобы машина ничего не заподозрила. Расследование должно быть замаскировано под обычные профилактические работы. По-моему это просто не-

обходимо сделать — Она замолчала и посмотрела на него. — И очень многие сотрудники со мной согласны, Мартин.

— Очень хорошо. Честно сознаюсь, я и сам об этом подумывал. Тебе и карты в руки — организуй независимое исследование, а я все улажу по сети.

Мысли Ористано направились в другое русло.

— Понимаешь, Коллигатар настолько молод, что мы, несмотря на все годы работы с ним, еще не знаем его по-настоящему. Он постоянно развивается и электронно, и умственно. И проверки следует производить на регулярной основе. Действия его становятся все более изощренными, а это требует, соответственно, все большего искусства от операторов.

— Нам необходимо следить за каждым шагом, Мартин. Я понимаю, что вряд ли мы чем-нибудь встревожим его. Но каждый шаг следует делать с максимальной осторожностью.

— И поэтому, Дюра, я поручаю тебе разработать программу проверок, которая будет отличаться именно этим.

— Обязательно сделаю, Мартин. — Она протянула крошечную ручку и взяла его за локоть. — Я знаю, Мартин, как тяжело далось тебе это решение. Ведь вся ответственность за то, чтобы самый важный для человечества инструмент функционировал гладко, лежит целиком и полностью на твоих плечах. Чего-чего, а такой ответственности я не хотела бы.

Марта находилась далеко, а ладонь, сжимавшая его локоть, была такая теплая, нежная, и Ористано так долго уже проторчал безвылазно внутри этой горы. Даже просто кивнуть было тяжело.

— Спасибо за заботу, Дюра. Как хорошо, что хоть кто-то тебя понимает. Кроме этой проклятой машины, конечно.

— Мы все всё понимаем, — сказала женщина. Не дождавшись отклика, она убрала руку. — Если что потребуется, ну скажем, поговорить еще разок, то рассчитывай на меня.

— Спасибо, очень ценю. Только я пока что держусь.

— Понимаю, — сказала Дюрапати, одарив Мартина своей редкостной улыбкой.

Она напомнила ему некоторые из тропических цветов, которые распускаются лишь раз или два в год. И цветок ушел, изящный и хрупкий, завернутый в тонкое сари.

Вернуться в мыслях к делам стоило неимоверных усилий. Значимость того, что они решили сделать с машиной, тяжело давила на Ористано. Беспокойство носило чисто субъективный

характер. Но, с другой стороны, за все время управления Коллигатаром не случалось ничего подобного. И всю обратную дорогу до кабинета Мартина грызли сомнения.

«Как отреагирует машина на такую проверку? Ведь она озабочена угрозами извне. Не расценит ли она копание в собственных внутренностях как внешнюю опасность?»

«Чепуха! — твердо сказал он сам себе. — Просто ты слишком много телеужасов насмотрелся. Не может быть, чтобы Коллигатар воспринял свое изучение, как угрозу». Все-таки Ористано понимал, что сказал Дюрапати истинную правду. Слишком много всего происходило в миллиардах и миллиардах логических элементов, из которых состоял Коллигатар. И понимали они далеко не все.

С каждым годом возникало все больше и больше задач, связанных с машиной, и расширение ее элементной базы едва поспевало за запросами. «Так неужели они все-таки не успели? Неужто возможно такое, что под немыслимым грузом всех проблем человечества у машины произошел умственный срыв?»

Дюрапати имела право высказать вслух такое предположение. Он же, как главный управляющий программным обеспечением, такого права не имел.

Этот страх ему придется держать при себе, по крайней мере в ближайшем будущем. Причин для паники нет. Он по-прежнему уверен в своих людях и собственно в Коллигатаре. И если корень проблемы действительно кроется внутри машины, то ее обнаружат и исправят. Можно подумать, Коллигатару плохо будет от постановки диагноза. Да ведь дело в самой машине. Это объяснит загадочную природу угрозы. Но на себя Мартин всего этого взять не может. Если рассматривать электронный мозг как сложную клетку, то он — всего лишь часть структуры эндоплазмы, проводник между ядром, коим является Коллигатар, и бурлящей протоплазмой Человечества.

Чудо, что он еще не надорвался под таким напряжением. А как собственно иначе? Поэтому он и главный управляющий программным обеспечением. Уж кто-кто, а сотрудники это знают. Ористано подозревал, что машина тоже знает. И он не был намерен кого-нибудь разочаровывать. У Коллигатара могут быть проблемы, но своих главный программист никому не выдаст.

Тело все еще жгло от прикосновения Дюрапати. Мартин

заставил себя думать о другом. Пищи для размышлений было предостаточно.

Расположившись в подвальном баре, Эрик почувствовал себя гораздо лучше. Бар был достаточно большой, чтобы незнакомец мог в нем затеряться, и достаточно глубокий, чтобы скрыть большинство звуков, доносящихся с улицы. Бармен обслуживал с полным безразличием. В точности как продавец отдела одежды в большом универмаге, торгующем в кредит. Был правда неприятный момент, когда кассовый аппарат как будто задумался, принимать кредитную карточку Эббота или нет, но достаточно скоро выплюнул ее, как ни в чем не бывало. Властям потребуется еще какое-то время, чтобы вычислить и заблокировать новую карточку.

И вот он сидит в совершенно новом костюме, приличествующем где угодно. Во внутренних нагрудных карманах у него пакеты с инструментами, а кошелек раздувается от наличных, которых Эрик умышленно поменял побольше. Так оно и лучше.

Остальные пожитки нужно было бы оставить в Финиксе, поскольку отель в Нуэво-Йорке теперь для него недостижим. Ясное дело, что люди Тархуна не намерены сидеть сложа руки и ждать, пока он появится перед ними собственной персоной.

Над баром вовсю грохотала телекомедия. Люди больше, чем в натуральную величину, спотыкались друг о друга, падали. Все это сопровождалось смехом громче натурального. Сюжета сериала Эббот не знал. Комедии он не жаловал. На досуге любил смотреть спорт, документальные фильмы, изредка концерты. Что думали о происходящем другие выпивающие, понять было трудно. Некоторые просто тупо смотрели на экран. Если показываемые хохмы их и веселили, то внешне они этого никак показывали. Изредка на усталых лицах появлялась неуверенная улыбка, будто очередная шутка или кульбит вызвали отклик в центральной нервной системе лишь спустя пару минут после того, как канули в историю.

Парочки, устроившиеся за столиками или в кабинках выглядели поживее. Затянувшемуся фильму они предпочитали разговор. Слова перемежались брошенными украдкой взглядами и прикосновениями.

Эрик завидовал им. Завидовал их безопасности, тому как

они умели смиряться со своим местом в жизни и порядком вещей. Они знали кто они, откуда и где будут следующим утром. Когда-то и он жил с подобным ощущением собственной безопасности и уверенности в завтрашнем дне, но теперь, похоже, мало в чем был уверен.

Коньяк начинал согревать, и Эрик попытался воссоздать события последней недели. Он проделал ряд невероятных поступков, после чего ухитрился проделать и ряд невозможных. И теперь был уверен лишь в одном: что по-прежнему любит Лайзу Тембор.

О том, как прошлой ночью ему удалось смыться, Эббот вообще, к своему удивлению плохо помнил. Только пока все это происходило, тень пролегла между его глазами и разумом. Не сомневался Эрик лишь в одном: при любом разумном объяснении хода событий он должен был погибнуть уже несколько раз.

Но этого не произошло. Более того, паника покинула его. Эббот был уже по ту сторону паники. «Я не сумасшедший, — раз за разом повторял он себе. — Я мыслю и воспринимаю окружающее разумно. Но я и не супермен. Если я не сумасшедший и не супермен, то кто тогда? Во всяком случае, не робот». В этом Эрик был определенно уверен.

В качестве эксперимента он попробовал приподнять столик, на котором стоял его стакан. Столик был привинчен болтами к полу и даже не шелохнулся. Это лишний раз доказало то, что Эббот уже доказал себе при помощи фонтанчика. Выдающиеся способности и невероятная сила проявляются в нем исключительно в моменты крайнего стресса. Какая-то внутренняя причина наделяет его тело в случае угрозы дополнительной мощью.

Каким образом свалилась на него эта замечательная способность, оставалось полной тайной. Поскольку Эрик был не из тех, кто морочит себе голову неразрешимыми проблемами, он решил отложить эту загадку до лучших времен.

Определенно можно было сказать только одно: в чем бы эта замечательная способность не заключалась, он ею обладал. Ему довелось воспользоваться ею три раза в двух городах. Так можно ли рассчитывать на нее, если снова возникнет кризис? Он не знал. Каждый раз как будто снова бросаешь кости, а ставка две жизни. «Как так случилось?», — подумал Эрик.

Но это тоже вопрос на будущее. А в данный момент он был

полон переживаниями настоящего. Настоящее заключалось в Лайзе, в том, каково ощущать ее в своих объятиях, как при каждой их встрече душа его словно перетекает в нее. На данный момент это само по себе было достаточным побуждением. Все остальное подождет, пока Эрик не убедится, что девушка в безопасности.

Экран над стойкой погас. Раздалось несколько недовольных возгласов среди тех, кто был всецело поглощен комедией. Экран замерцал и на нем возникло лицо популярного местного «новостюка». В верхнем левом углу появилось еще одно изображение. Эрик узнал человека, и ему сразу стало холодно. Это была его старая фотография, сделанная для удостоверения компании. Он, конечно, с тех пор порядком изменился, но фотография, несомненно, его.

«Добрый вечер, последние новости тридцать третьего канала. Перед вами фотография Эрика Эббота, жителя Нью Ривер, Аризона, Северная Атлантика, который, как полагают, в настоящее время находится в нашем городе и разыскивается властями по обвинению в совершении нескольких серьезных преступлений. Эббота считают виновным в недавних беспорядках в шикарном кодо-комплексе в Истсайде. Он предположительно вооружен и очень опасен. Тех, кто видел этого человека или знает о его местонахождении, настоятельно просим немедленно сообщить в городскую полицию».

«Другие новости на сегодня. Японский император объявил об удвоении экспорта риса из сферы процветания..».

Эрик дальше не слушал. Медленно, стараясь не привлекать к себе внимания, он повернулся на вращающемся стуле так, чтобы оказаться спиной к центру зала. Похоже, мало кто из посетителей обратил внимание на объявление.

Достаточно ли устарела фотография, чтобы ему можно было продолжать разгуливать по общественным местам? Да, морщин теперь у него прибавилось. В былые дни он носил бороду, хотя проку от этого мало. Полицейский компьютер ее успешно устранил, и на экране его показывали без бороды.

Эббот заставил себя прикончить бренди, после чего вышел, не говоря ни слова. На улице снова уже моросило. а у него не было по-прежнему ни зонта, ни плаща. А зонт бы не помешал, под ним хорошо скрывать лицо.

Найти низкопробный отель оказалось делом нетрудным. Эрик выбрал не в самом центре и подальше от рек. Рас-

плативши наличными, он поднялся в номер и сразу же запер дверь на два замка, после чего несколько часов провел в кропотливом труде, под яркой лампой снова изменяя свою кредитную карточку. Лишь после того, как документ был готов и надежно убран, Эббот позволил себе лечь.

Спалось ему гораздо лучше, чем он ожидал. Усталость победила тревогу. Что бы там ни помогло ему спастись из обиталища Лайзы, это же самое не позволяло ему пренебрегать запросами собственного организма.

Когда Эрик проснулся, день был уже в самом разгаре. Воспользовавшись встроенным каталогом оптофона, он выяснил, где расположен ближайший нужный ему магазин. Оказалось — недалеко, тем более по нуэво-йоркским меркам. Увертываясь от наезжающих такси, он прошел эти полмили пешком.

Хозяин был сама обходительность. И вскоре Эрик вернулся к себе в номер. Никто не обратил на него внимания, но он знал, что нужно что-то предпринимать. На безразличие граждан вечно полагаться нельзя. Рано или поздно благодаря постоянно публикуемым портретам какой-нибудь придурок его узнает и укажет полиции.

Работа с гримом оказалась штукой тяжелой, и Эббот впервые пожалел, что практически не принимал участия в любительских спектаклях компании. Наконец усы были прилажены на место, после этого он долго травил волосы, пока наконец не стал настоящим нордическим блондином. При помощи накладного грима лицо можно было изменить полностью, но Эрик решил не рисковать. Никакого опыта работы с подобным материалом у него не имелось, а плохо выполненный фальшивый нос привлечет больше внимания, чем настоящий.

Зайдя в парикмахерскую, он коротко остриг свои белые теперь волосы, а когда наконец посмотрел на себя в зеркало, там по прежнему отражалось лицо Эрика Эббота, но только если присмотреться. Он остался доволен.

Весь остаток дня он размышлял о том, как снова вступить в связь с Лайзой, причем просто увидеться с ней недостаточно. Ему каким-то образом нужно было вызволить ее из этой позолоченной тюрьмы.

Богатые улицы города подсунули ему под нос лавку для астрономов-любителей. Полки там были завалены всем,

начиная от миниатюрных радиотелескопов для любителей поглазеть на Орион, кончая толстыми томами таблиц, классифицирующих метеориты по ударной силе.

— Хотите что-то купить? — с надеждой спросил человек за прилавком.

— Мне нужен телескоп.

— Понимаю. Какого типа, сэр?

— Небольшой, складной.

Продавец кивнул, будто с такими заказами ему приходилось сталкиваться ежедневно. «А может, так оно и есть, — подумал Эрик. — Только намерения у покупателей другие».

— Такой, чтобы в карман пальто помещался?

— Ну, это вообще здорово, — сказал Эрик, надеясь, что непроизвольно проступившая на его лице гримаса сойдет за мирную улыбку.

— На небесные тела хотите посмотреть? — подмигнул продавец.

Эрик замялся не зная, что ответить. Но в тоне продавца звучало скорее понимание, нежели обвинение.

— Да, что-то вроде того.

— Понимаю, понимаю. Дело, конечно, ваше, но согласно городскому закону, я должен проинформировать вас, что если вас застанут в пределах города смотрящим в этот телескоп под углом меньше, чем шестьдесят градусов, это будет являться административным правонарушением.

— Мысль понял.

— Ну и хорошо.

Продавец отвернулся, открыл шкаф магнитным ключом и принялся рыться на полках. Наконец он достал небольшую трубу из темного сплава, диаметром не больше дюйма.

— Вот сэр, пожалуйста. Как раз то, что нужно. Очень легкий, бликов не дает. Оптика складная. Увеличение около двадцати восьми. Проверено электроникой.

— На слух как раз то, что нужно, — и Эрик принялся рассматривать подзорную трубу будто понимал в них толк.

— Ну, а если вы собираетесь предпринять настоящее серьезное наблюдение, — сказал продавец, доставая трубу гораздо больших размеров, спаренную с цилиндром, — то у этого Квелмара разрешающая способность в десять раз выше. Кроме того, у него есть встроенный ультрафиолетовый лазерный

видоискатель. При обычном использовании лазер, естественно, засечь невозможно. Кроме того, — добавил он заговорщическим тоном, — через адаптер его можно подключить к обыкновенной камере.

— Очень хорошо, — заверил его Эрик. — Но я все-таки предпочел бы маленькую модель.

— Как пожелаете, — продавец с трудом подавил разочарование, что не удалось продать дорогой прибор. — Это обойдется вам в двадцать девять девяносто пять плюс налоги.

Эрик расплатился наличными и вышел, спрятав телескоп размером в палец, в карман пальто.

Воспользовавшись вновь измененной кредитной карточкой, он, расслабившись, позволил себе пообедать. Это была его лучшая трапеза с тех пор, как он покинул Финикс. Эббот сидел в кинотеатре и смотрел голофильм, пока ему не стало невыносимо. От ожидания, а не от фильма. Тогда он вышел и стал бродить по улицам до самой полуночи.

Час колдовства, подумалось ему. А почему бы и нет? Эрик нисколько не удивился бы, если бы во мгновение ока обратился в тыкву.

Оказавшись по соседству с Лайзой, он стал передвигаться осторожнее, стараясь держаться в тени и избегая редких ночных прохожих, дабы не привлекать внимания к себе.

Снова пошел дождь, и приобретенный им зонт на самом деле помогал скрывать лицо.

Никакого особого скопления полицейских машин поблизости от кодо на Ист Ривер не наблюдалось. Это представлялось разумным. С какой стати им было спугивать его, если бы у него хватило глупости вернуться? Проникать в башню Лайзы в намерения Эббота не входило. Может быть, он и глупо себя ведет, но все-таки не как последний дурак.

Если бы ее кодо выходило прямо на реку, ничего бы не вышло. К счастью оно было расположено так, чтобы помимо реки открывался и вид на город. На входе в башню-кодо в полуквартале ниже по течению был поставлен такой же электронный консьерж, как и в доме Лайзы. Единственно, что голос был женский, а скульптурная решетка в прихожей более современного дизайна. В этот раз Эрик прибегнул к другой уловке, чтобы обмануть голос и попасть к лифтам.

Поднимаясь наверх, он рассматривал и попытался сосчитать в изобилии расположившиеся вокруг башни Лайзы

расплывчатые фигуры. Там были садовники и рабочие, электрики и прогуливавшиеся влюбленные, не обращавшие, похоже, ни малейшего внимания друг на друга. Эрик был уверен, что все они только и дожидаются, чтобы появился он собственной персоной.

В его намерения входило их полностью разочаровать.

Наконец, лифт остановился. Эта башня была на несколько этажей выше, чем башня Лайзы. Потайной замок наверху служебной лестницы без труда поддался на его уговоры, и, заставляя себя не срываться на бег, Эрик вышел в ночную прохладу.

12

Над ним, тихонько урча, громоздились еще три этажа систем отопления и воздушного кондиционирования. Вся эта серая масса, казалось, жила собственной жизнью. Щелкали реле панелей обслуживания, мигали лампочки индикаторов, все функционировало как положено, и не было никаких признаков того, что где-то здесь прохаживался какой-нибудь техник-смотритель.

Эббот старался избегать малейшего риска и по самым затемненным местам тихо проскользнул к краю крыши. Добравшись до защитного ограждения, он улегся на живот. Кто знает, вдруг какой-нибудь наблюдатель там, внизу просто со скуки решит направить свой лучеискатель на крыши соседних небоскребов.

Вынув из кармана складной телескоп, Эрик раздвинул его на полную длину и высунул за проволочную сетку ограждения. На высоту девяноста этажей звуки города доносились приглушенно и слабо. Место расположения кодо Лайзы, казалось, навсегда впечаталось в мозг Эббота, и отыскал он его без труда.

Продавец не соврал — телескоп был хорош. Эрик прекрасно видел лоджию и высокие прозрачные окна позади. Он восхитился, как быстро успели заменить стекло. К несчастью занавески были задернуты. Эббот выругал себя за то, что совершенно забыл о такой возможности.

Сквозь занавеси пробивался свет. Пару раз ему даже пока-

залось, что он видит силуэт, проскальзывающий там, внутри, нечеткий, неясный. Эрик наблюдал больше часа. Свет не выключали. Так что не он один не может уснуть этой ночью.

От реки поднимался туман, Эрику стало холодно.

Итак, все в порядке, Лайза там. Ключевой вопрос теперь: одна она там или нет? Если не одна, то насколько пристально за ней следят? Если у нее есть хотя бы свобода перемещения из комнаты в комнату, то у него появляется возможность связаться с ней ровно настолько, насколько нужно.

Сложив телескоп, Эббот убрал его обратно в карман и встал, чтобы как следует осмотреться. Вскоре он нашел то, что искал — техническую бытовку. И опять замок недолго сопротивлялся его инструментам. В бытовке Эрик обнаружил ремонтное оборудование, мотки световодов, батареи для поддержания работы техники в случае временного отключения энергии и стеллажи с десятками инструментов. Несколько наиболее полезных для него он прихватил, пока искал телефон.

Сняв трубку, Эббот с облегчением услышал гудок. В таких местах всегда есть опасность, что аппарат напрямую подключен к какой-то линии связи, но этот телефон был городской. Набрав полные легкие воздуха Эрик затаил дыхание и набрал номер Лайзы, мысленно благодаря себя. что у него в первый же приход хватило ума заметить и запомнить ее номер телефона.

С тревогой ожидая, он сквозь тьму смотрел на дом. После нескольких гудков раздался знакомый голос, нерешительный и мягкий.

— Алло.

— Лайза. Ты можешь говорить?

— Это ты? — Ей достало сообразительности не называть его по имени.

— Да.

— Ты где?

— В надежном месте. Пока.

— Но где? Где именно? Скажи мне, и я приду. Я бы и той ночью за тобой пошла, но меня не пустили.

— Так я и подумал. А где Тархун?

— Он в другой комнате со своими людьми. А я в спальне. Они сюда ко мне не заходят. — После паузы она добавила: — Ты очень многих переполошил.

— Но ведь это не входило в мои намерения, Лайза. Я стараюсь, насколько возможно, никого не трогать. Они сами делают это невозможным для меня.

— Мне надо с тобой увидеться. Нам нужно поговорить. Скажи, где ты, и я к тебе приду. Я ведь могу улизнуть ненадолго. Ненадолго они меня выпустят.

Тревожно. Что-то насторожило Эрика в ее голосе. Он вспомнил тепло ее тела, когда она прижималась к нему, но даже тогда девушка была не уверена, смущена, сомневалась в собственных чувствах. А теперь вдруг такая решительность. Конечно, у нее было время на то, чтобы разобраться с собственными мыслями. Но за последние несколько дней в Эбботе вдруг проявились такие инстинкты, о которых он раньше даже и не подозревал. Вместе с телефоном Эрик вышел из бытовки в легкий ночной туман, посмотрел через край крыши.

— Знаешь, в парке у реки большой платан, вот на нем я и укрылся. И теперь сижу и разговариваю с тобой по радиотелефону.

— Вот и чудесно. Я им скажу, что мне нужно немного подышать. На несколько минут они меня отпустят. Ты дождешься меня?

— Конечно, я тебя дождусь. Неужели не помнишь, что я сказал тебе, как раз перед тем, как Тархун со своими парнями накинулись на меня у тебя в гостиной.

— Конечно, помню. — В трубке раздались короткие гудки.

Эрик достал телескоп и принялся наблюдать за парком внизу. Там зашевелились чересчур даже быстро, сразу после его звонка. Темные силуэты рассыпались веером и сразу же окружили дерево, которое он назвал, а прогулочный катерок, одиноко плывший по реке, неожиданно изменил курс и направился прямо к берегу. Следом за ним устремились отдельные моторки.

Прошла пара минут, и все дружно ринулись брать дерево приступом. По ветвям, подобно светлякам, забегали лучи фонариков.

Компьютерная имитация голоса была хороша. Лучше Эбботу слышать еще не приходилось. Он клюнул бы на удочку, и не вина операторов, что этого не произошло. Компьютер способен был в совершенстве сымитировать лишь голос Лайзы, но никак не ее эмоции. Кроме того, девушка обладала совер-

шенно особенной манерой делать паузу, прежде чем сообщить что-то важное, и это также оказалась не соблюдено.

Окончательный же прокол случился, когда Эрик попросил ее вспомнить, о чем он ей сказал вчера, когда его настигли парни Тархуна, прежде чем загнать ее в спальню. Ни о чем особенном Эббот ей не говорил.

Но ведь если у нее нет возможности говорить по телефону, то вполне вероятно, что и в кодо ее больше нет. Тархун со своими наемниками хочет разлучить их. Совершенно очевидно, что они стремятся разлучить их. Но куда же ее переместили?

Эрик быстро вернулся в бытовку и повесил трубку, после этого направился к лестнице. Отдаленный шум заставил его насторожиться.

Шаги людей, гулко отдающиеся на металлической лестнице, перешептывания. Он бросился назад и отступил на дальний край крыши. Вскоре они потоком хлынули с лестницы и стали веером растекаться. Тут были городская полиция, люди в аккуратной гражданской форме и еще какие-то в полувоенной форме с тяжелым оружием. Вчерашнее бегство Эббота явно произвело впечатление на преследователей, на тех, конечно, кто выжил.

Он продолжал отступать по крыше, пока крыша внезапно не кончилась. Ему было слышно, как они переговариваются, видно как зажегся свет в технической бытовке, раздалось несколько резких хлопающих звуков.

Двое вошли в бытовку, и когда они попали в полосу света, Эрик увидел, что лица у них как у насекомых. Противогазы. Следовательно у них есть усыпляющий газ, а то и еще что покруче. Выйдя из бытовки, двое покачали головами.

Эрик подумал, не взобраться ли на крышу технических сооружений высотой в несколько этажей. Вдоль металлических бортов шло много вертикальных трапов, но в любую минуту по ним же сможет взобраться и полиция, если они еще не там... Он понадеялся, что обманет их, неверно указав, где находится, но противники его, однако, были не дети. И в то время как одни окружали и обыскивали платан, другие отслеживали откуда поступил звонок.

От металлической сетки ограждения спине было холодно. Преследователи приближались. Скоро кто-нибудь из них увидит, как он стоит здесь, в тумане.

Эббот склонился через ограждение и исследовал стену здания. Она была облицована каким-то декоративным пластиком под мрамор. «Интересно, — подумал он, — что со мной сделают, если поймают?» Не то, чтобы его очень волновало, отправят ли его обратно в Финикс, примутся ли исследовать его мозги или просто разрежут, чтобы посмотреть, что у него внутри и из-за чего он так завелся. Поскольку Эрик обладал научным складом ума, последнее и ему самому было интересно. Правда, не до такой степени, чтобы возглавлять собственное вскрытие. Тем более, что он почему то подозревал, что ему самому посмотреть-то и не дадут.

Наконец окончательно отбросив всякие мысли, Эббот перепрыгнул через ограждение и оказался висящим на высоте девяноста этажей над Ист-Ривер-парком, вцепившись пальцами в металлическую сетку ограждения. Туфли его были очень хорошо приспособлены для хождения по мостовой и больше ни для чего. Сцепление из-за тумана у них было отвратительное. Придется полагаться лишь на собственные руки. И вдруг оказалось, что пальцы у него будто сделаны из стали. Эрик как муха пополз вниз по стене небоскреба. Пальцы с легкостью удерживались за малейший выступ.

В одном месте ему попался кусок стены, где пластик износился и стал совершенно гладким. Он со злостью ударил по стене согнутыми пальцами и увидел, как они вошли в покрытие по второй сустав. В дальнейшем, если ему не за что было уцепиться, Эрик делал в точности то же самое.

Он сомневался, что полиция станет обследовать отвесные стены здания, но тем не менее спустился вниз на десять этажей, прежде чем решил, что находится в достаточной безопасности, и боком подполз к окну. В этой башне лоджий не было. Эббот постучал в стекло, а когда никто не откликнулся, выдавил его и проник внутрь.

Кодо было темным и пустым. В течение нескольких минут он позволил себе перевести дыхание, пренебрегая опасностью того, что могут вернуться хозяева и обнаружить его.

Стараясь оставить все как было, Эрик воспользовался ванной и привел в порядок лицо, умылся, вытерся. После этого он съел первое, что подвернулось под руку в холодильнике, вышел и запер дверь снаружи.

В холле было пусто, никакой пышной обстановки, создающей домашний уют и подобной той, в доме Лайзы. Пустой

лифт доставил его на четвертый этаж. Не будучи уверенным, что они не следят за главным входом, Эббот не стал рисковать и через техническое окно снова вылез на боковую стену здания.

Отсюда до земли было уже совсем близко. Какое-то время он понаблюдал за улицей, укрывшись в зарослях пирокантуса. Там во множестве стояли служебные машины, а также машины без опознавательных знаков. Средних размеров толпа зевак предусмотрительно мешала полицейским патрулям. С этой самой толпой ему и удалось без труда смешаться.

Предосторожность его была излишней. Полиция и не думала смотреть за происходящим на улице. Все их внимание было нацелено исключительно на кровлю, находящуюся высоко высоко вверху, где, как они полагали, происходят настоящие события.

Эрик углубился в парк, заставляя себя идти помедленнее. Он был уже на полпути к первой авеню, когда раздался голос.

— Эй, там!

Эббот замешкался, не зная, то ли броситься бежать, то ли обернуться и нападать. Один этот оклик мог навлечь на него целую орду преследователей.

К нему приблизился полицейский в форме и раздраженно произнес.

— Здесь проход запрещен, гражданин. Вы что разметку не видите?

— Извините, — осторожно вымолвил Эрик. — Я задумался и, видимо, случайно...

— Ну ничего, — полицейский теребил наушник от рации. вставленный в ухо — ясно было, что он ему мешает — и электрической дубинкой показал в сторону улицы. — Проходите, не задерживайтесь.

— Спасибо. Извините, — Эрик развернулся и пошел.

Может быть, этот коп не следил за событиями, связанными с Эриком Эбботом. Может, у него здесь свое особое задание. А может, он просто сейчас о своей подружке думает. Неважно. Какое Эрику дело до него? Главное не тронул.

Выходя по пешеходной дорожке из парка он заметил тонкий шнур, которым парк был огорожен. Полиции, однако, здесь не было, лишь таблички и канаты ограждения. Перешагнув через шнур, Эббот слегка ускорил шаг, пока наконец не

оказался в окружении людей, вышедших прогуляться и подышать свежим речным воздухом.

Несколько часов после этого он бесцельно шлялся по городу, то и дело останавливаясь. чтобы удовлетворить внезапно разгулявшийся аппетит. И пытался решить, что делать дальше.

Узнать, куда Тархун дел Лайзу, было невозможно. Она с равным успехом могла находиться в другом кодо в том же самом здании или в соседней жилой башне. Но с таким же успехом ее могли вообще вывезти из Нуэво-Йорка. Выяснить это можно было только столкнувшись непосредственно с Тархуном, о чем, естественно, не стоило и думать.

В отчаянии Эрик топнул ногой по тротуару и даже не очень удивился, когда увидел, что по нему пошли тонкие трещины. Быстро оглядевшись, он убедился, что никто за ним в этот момент не наблюдал. Придется научиться сдерживать чувства. Их всплеск по-прежнему пробуждал в нем что-то загадочное и устрашающее. А уж привлекать к себе внимание ему сейчас хотелось меньше всего.

За помощью обратиться было не к кому, некому было довериться, не у кого было узнать ответы на вопросы, которые так отчаянно мучили его.

Но есть ведь и другие способы получения информации. Нет никакой необходимости лично встречаться с вероятными друзьями и открытыми врагами. Эббот зашел в бар и направился к телефону. Как только он опустил монету, зажегся справочный экранчик. Несколько быстрых нажатий на клавиатуру и появился нужный ему адрес.

И вот Эрик снова на улице, и уже не слоняется бесцельно. Теперь он твердо знает, куда идти. С мыслями о Лайзе он принялся проталкиваться сквозь толпу.

Станция была расположена в центре города, в подвале Административного здания округа, неподалеку от Бэттери. Надземные этажи закрылись на ночь, но подземные лифты по-прежнему работали, перевозили людей.

Он спустился на десять этажей вниз, сквозь толщу гранита и вышел из лифта в длинный коридор. Народа там было немного. Было уже очень поздно, или еще очень рано, смотря по тому, как строить свой день. Жажда знаний не иссякает в любое время суток. Некоторые посетители были совсем сонные, другие напротив очень бодрые и выспавшиеся.

Эббот встал в одну из самых коротких очередей, и вскоре его пропустили в другой коридор поуже. Мягкий ковер скрадывал шаги. По обе стороны прохода стояли длинные ряды застекленных будок. Он пошел вдоль левого ряда, пока не нашел будку, стекловолокно которой светилось ярко-зеленым. Войдя внутрь, плотно прикрыл за собой дверь. Стекло сразу же окрасилось в пурпур.

Устроившись в удобном, регулируемом кресле, Эрик первым делом нажал кнопку отключения звука. Не то, чтобы он очень боялся, что кто-нибудь станет подслушивать, но ему было спокойнее иметь дело только с визуальным отображением информации на дисплее, который можно было загородить от любопытных глаз туловищем.

Экран отозвался на первое же прикосновение к клавиатуре.

«Добро пожаловать на местный терминал вспомогательной службы Коллигатара. Благодаря современным чудесам науки и связи, вы — простой гражданин — обладаете равными со всеми жителями планеты правами и можете воспользоваться обширными хранилищами знания, на которых основывается власть Коллигатара. Ваши запросы будут обработаны нуэвойоркским вспомогательным центром».

«Пожалуйста, вставьте вашу личную кредитную карточку в прорезь, которая расположена слева от вас, и не вынимайте до окончания сеанса связи. Оплата с вашего счета будет взиматься в зависимости от сложности задаваемых вами вопросов и времени, которое понадобится на их обработку. Терминал нуэво-йоркского вспомогательного центра Коллигатара к вашим услугам». Точка в конце последнего предложения замигала зеленым.

К собственному удивлению Эрик обнаружил, что его охватила тоска по дому. Терминал совершенно не отличался от того, что стоял у него в спальне в Нью Ривер. Правда этот был поставлен менее удобно, и дизайн у него был более практичный: клавиатура и экран были выполнены из более грубых материалов, но в целом — в точности такой же. А то, что материалы более грубые... Так ему приходится выдерживать сотни рук простых граждан, столько пролито газировки и растаявшего шоколада от оставленных без присмотра детей.

Совершенно определенно его измененную карточку уже каким-то образом отлавливают, а если так, то власти могут

узнать о его присутствии здесь. Конечно все это может не иметь ни малейшего значения, если у него хватит времени для того, чтобы извлечь то, что ему нужно из банков данных машины. Лучшим вариантом было бы получение ответа без использования имен Эрик Эббот и Лайза Тембор. Нужно сделать так, чтобы вопрос выглядел как можно обыденнее и безличнее.

«Мне нужно узнать, где находится мой друг», — ввел он запрос.

«Воспользуйтесь общей справочной», — немедленно выдала машина. — «Если имени вашего друга нет в списке, то я также не имею права выдать вам информацию».

«Вопрос не в том, есть ли имя моего друга в списке, — продолжил Эрик. — У меня имеются причины считать, что этот человек может находиться за пределами города. Она была вынуждена срочно уехать и не смогла оставить адрес».

«В таком случае, я едва ли способен помочь, гражданин, — вспыхнули на экране аккуратные буквы. — Если ваша подруга не проинформировала вас о месте назначения, то маловероятно, что я смогу это сделать».

«У вас может быть больше информации, касающейся ее передвижения», — ввел Эрик и задумался. Бессмысленно дальше ходить вокруг да около. Он быстро ввел имя Лайзы, ее адрес и номер телефона.

«Мне нужна любая информация относительно местоположении этой женщины и/или ее передвижениях, которые вам известны, — добавил он. — За подробностями может иметь смысл обратиться к файлам нуэво-йоркского департамента полиции».

«Если вопрос имеет отношение к файлам полиции, я ничем не могу вам помочь, — ответила машина. — Однако я сделаю все необходимые запросы».

Эрик нервно ждал.

Интересно, в скольких местах заданный им наобум вопрос включит сигнал тревоги? И если это произойдет, сколько времени у него остается, чтобы ускользнуть из этого подземного сооружения, прежде чем сюда прибудут люди Тархуна.

На экране светилось: «Вопрос изучается». Когда ожидание затянулось уже на пять минут, он окончательно разнервничался и поймал себя на том, что то и дело смотрит вдоль длинного коридора. При появлении двух полицейских у него

внутри все упало. Но они вошли в кабинку, расположенную несколькими секциями раньше его, и извлекли оттуда пьяного, который, судя по всему, решил проспаться в тепле и уединении терминала Коллигатара.

Вероятно, пьяный воспользовался известной уловкой и задал машине неразрешимую задачу. Тем временем проверяющие программы обнаружили, что кто-то занимает кабинку безо всякого дела, и обратили на это внимание службы безопасности. Собственно, поэтому кабинки и были сделаны из прозрачного материала. Законному посетителю скрывать нечего.

Эббот подождал еще пару минут и набрал.

«Может быть, запрос вызвал какие-то сложности?»

Машина немедленно ответила:

«Вы предоставили очень мало информации, следовательно, требуется большой объем дополнительных исследований».

Эрик решил было еще копнуть, потом передумал.

Больше полицейские не появлялись. Тут до него дошло, что несмотря на то, что он уже очень долго бодрствует, спать ему совершенно не хочется. Видимо, внутреннее напряжение поддерживает тонус организма.

Тут на экране замигали буквы, и Эрик снова обратился к нему. Надежда, однако, быстро перешла в смятение. Он знал, конечно, что машина снова может расписаться в собственном бессилии, но был шанс, что она выдаст какую-нибудь полезную информацию. А случилось ни то и ни другое. Горящее на экране предложение гласило:

«Пройдите на шестой уровень в кабинку Б».

Эббот на мгновение задумался потом спросил.

«А что относительно местонахождения Лайзы Тембор? Или мне иначе сформулировать вопрос?»

В ответ засветилось то же самое сообщение.

«Пройдите на шестой уровень в кабинку Б».

Неужели он все таки запустил какой-то сигнал тревоги. Не пытаются ли они выманить его из этого оживленного коридора, чтобы потом схватить вдали от глаз невольных свидетелей.

А как еще это понимать? Ясное дело, не скажет же машина в наглую: «Пройдите на шестой уровень в кабинку Б, где на вас поставлен капкан, и где мы сможем тихо и мирно вас арестовать». Но ведь ответ и так сводится к этому. Иначе получается полная бессмыслица.

«Была не была», — решил он и набрал.

«Это имеет отношение к моему запросу о месте нахождения Лайзы Тембор?»

Машина ответила с завидной краткостью.

«Да».

Эрик встал и извлек кредитку. А вдруг они и не заподозрили, что он в очередной раз изменил ее? Он вышел из кабинки. На пути к лифтам за ним никто не следил. Входя в первый подъехавший лифт, Эрик все еще не знал, что предпримет. Можно было нажать верхнюю кнопку и снова раствориться в суете раннего манхэттенского утра, а можно было последовать на первый взгляд невинному указанию машины. Рука его зависла над пультом и почти импульсивно нажала на кнопку шестого уровня.

Кабинка начала подниматься, а Эббот все не мог решить, не передумать ли в последний момент и не отправиться ли наверх. Когда двери раздвинулись он почувствовал такое же напряжение, как во все критические моменты этой ночи. Но там его не поджидало никаких отрядов вооруженной полиции. Вместо этого он оказался в круглые сутки спешащем по своим делам служебном этаже. На какое-то мгновение ему показалось, будто он у себя в Финиксе выходит на одном из похожих как две капли воды этажей «Селверн-Тауэр».

Перед ним простирался широкий коридор с ковровой дорожкой. Просторное помещение было разбито на кубические модули при помощи подвижных перегородок метра два высотой. За каждой из них за беззвучной техникой трудились люди. Поскольку на его появление никто не обратил внимания, Эрик пошел по коридору. В одном из больших отсеков он увидел группу людей, работающих за большим экраном, размером примерно полтора на полтора метра. Экран был вмонтирован в пол. Работники водили по нему карандашами и тихо спорили о каких-то соотношениях. В некоторых отсеках стояли терминалы, сходные с тем, каким Эббот только что пользовался четырьмя этажами ниже.

Пока он стоял и озирался, чья-то бабушка подошла и положила ему руку на плечо. У нее были красивые зеленые глаза и голос, исполненный сознания собственной значимости.

— Могу я вам помочь, молодой человек.

Эрик попытался изобразить на лице подобие улыбки.

— Извините пожалуйста, у меня была тяжелая ночь.

— Похоже, — она пристально посмотрела на него. — А где ваше место? По-моему, вы не из моего подразделения.

— Я вообще ни из чьего подразделения. Я гражданский. — А с чего это он взял, что этой женщине можно верить? И мысленно махнув рукой, Эрик продолжил: — Я только что поднялся сюда с десятого уровня.

— Понятно, гражданин. Но это никак не объясняет, почему вы здесь оказались. У нас на этом уровне никаких общественных служб нет.

— Я сделал запрос из общественной кабинки, а машина мне сказала отправляться сюда, на шестой уровень в кабинку Б.

Женщина нахмурила брови.

— В кабинку Б, вы уверены?

— Да, мэм.

На протяжении этой вежливой беседы Эрик готов был в любой момент сорваться и убежать.

— Ну это нам недолго проверить.

Она провела его по коридору через несколько боковых проходов. В отличие от кубических модулей вокруг, кабинка Б имела потолок. Кроме нее Эббот заметил еще только две целиком замкнутых будки. Одна из них оказалась занята. Стены у будки были толстые и непрозрачные, крошечный терминал был встроен в массивную дверь.

— Введите запрос, в ответ на который получили последнее указание, — приказала ему женщина.

Эрик воспользовался терминалом. На миниатюрном экране вспыхнуло единственное слово: «Допуск». Старушка пожала плечами и странно посмотрела на него.

— Значит не зря вы здесь. Что же это у вас за вопрос такой? — Она была слишком благовоспитанна, чтобы подглядывать. — Должно быть, очень важный вопрос. Сюда только с самыми важными вопросами посылают, — женщина еще раз пожала плечами. А Эрика так и подмывало спросить ее, с какой начинкой она печет пироги. — Не мое, конечно, дело, — она сделала рукой приглашающий жест. — Если потребуется какая-либо помощь, здесь к вашим услугам самые квалифицированные техники.

— Спасибо, я управлюсь.

Эббот благодарно улыбнулся, вошел в кабинку и услышал, как дверь за ним автоматически защелкнулась. Клавиатура и

дисплей были совершенно идентичны тем, которыми он пользовался внизу. Более современные по дизайну, может, чуть более изысканные, чуть менее простые. Усевшись поудобнее, Эрик ввел те же самые вопросы, что и раньше, только сослался дополнительно на номер кабинки на десятом уровне, из которой посылал вопрос.

— Здравствуйте, — сказал ровный голос. Эрик даже подпрыгнул и уставился на терминал, у которого только что отключил звук. Или ему показалось, что отключил. — Да, я знаю, что вы выключили аудио, — сказал голос. — Не тревожьтесь, пожалуйста. В этой кабинке есть независимые аудио и видео устройства. Я предпочитаю не тратить время на утомительный процесс набора вопросов на клавиатуре и считывания их.

— Кто это? С кем я говорю?

— Ну, могли бы и догадаться. Я-то знаю, кто вы. Вы, Эрик Эббот.

— Минуточку. Вы ошибаетесь. Вы же считывали мое имя с кредитной карточки. Меня зовут Марк Куртис.

— Пожалуйста, не тратьте время на мелочные препирательства, — спокойно сказал голос.

«Если это голос машины, — яростно подумал Эрик, — то как же он чудесно обработан».

— Вы прекрасный техник, но даже вы работаете не идеально. У вас недостаточный опыт в незаконных модификациях.

«Что это? Намек на юмор?»

— Кто это? Служба безопасности? Городские власти?

— На самом деле, нет. Это голос центрального Коллигатара.

— Что? Из Швейцарии.

— Да. Я беседую с вами по спутниковой связи.

Эрик весь обмяк. Будучи инженером и разработчиком, он испытывал к власти Коллигатара даже большее уважение, чем рядовой гражданин, и обнаружив, что разговаривает с самым сердцем пронизывающей всю планеты сети, был настолько ошеломлен и подавлен, что даже на какое-то время забыл о несчастьях, приведших его сюда.

— Я не понимаю, почему вы так заинтересовались моим вопросом. Я ведь просто пытаюсь разыскать женщину.

— А я заинтересовался по собственным причинам.

— У вас всегда есть собственные причины?

— Вы обладаете чувством юмора. Это хорошо, — и тут словно гром среди ясного неба. — Где вы родились?

— Прошу прощения?

Что это? Какая-то изощренная жестокая шутка? Неужели это власти над ним так издеваются? Тут Эббот хотел позвать на помощь, но передумал. Он решил продолжить игру в надежде узнать что-нибудь интересное.

— Место вашего рождения?

— Если это действительно Центральный Коллигатар, то доступ к такого рода информации вам получить очень легко.

— Проверка никогда не повредит.

— Хорошо. Финикс, точнее Чандлер. Это пригород. Все свою жизнь я прожил в большом Финиксе.

— Скажите, как звали ваших родителей.

Эрик забарабанил пальцами по бесполезной клавиатуре.

— Послушайте, но ведь это бессмысленно. Я пытаюсь отыскать женщину, которую люблю. Ряд людей не хочет, чтобы я ее отыскал. — Интересно, сказал ли он что-то новое для Коллигатара?

Как и большинство граждан, Эббот был уверен, что машина знает все, что хочет знать. Но она ведь даже не упоминает о событиях последней недели, а вместо этого она задает ему вопросы о совершенно обыденных вещах, о фактах его жизни, которые и так уже занесены в десятки банков данных, разбросанных по всей Североамериканской федерации.

Эрик ответил на вопрос и в награду получил следующий.

— Где вы работаете?

Покачав головой, Эрик устроился в кресле и продолжил ответы на самые банальные вопросы. Рост и вес, цвет волос и глаз, имена друзей, любимые фильмы. Часто ли ходит на симфонические концерты? Какие болезни перенес в детстве? Отношение к политике, религии, экономике, своей работе и еще десятки таких же. И наконец.

— А что вы чувствуете в настоящий момент?

— Я плохо уловил суть вопроса.

— Прямо сейчас, сидя в кабинке Б, как вы оцениваете в целом ваше состояние?

— Я утомлен, растерян, встревожен, а в остальном нормален и здоров.

— А физическое состояние?

— Примерно то же самое. Кое-где ушиблен и поцарапан.

У меня выдались два тяжелых денька, но обошлось без переломов и разрывов мышц.

Последовала долгая пауза. За ней:

— Значит вы — Эрик Эббот.

— Это что, шутка такая? Да вы и так все знаете из пятидесяти независимых источников.

— Проверка никогда не...

— Не помешает, вы говорили. Да.

— Так вы хотите узнать про Лайзу Тембор?

«Нет, решил Эрик, это не Центральный Коллигатар. Не говоря уже о том, что тот вряд ли стал бы беспокоиться из-за проблем единственного человека, озабоченного поисками своей возлюбленной. Не стал бы Центральный Коллигатар тратить дорогостоящее время аж из самой Европы, чтобы просто убедиться, восемьдесят или девяносто килограммов весит он сейчас».

Просто кто-то загнал его в угол и теперь разыгрывает, хотя это вряд ли люди Тархуна. Те бы уже не удержались и просто набросились бы на него.

— Где она? — спросил Эббот. Полезного ответа он услышать не ожидал. Какая-то часть его вдруг добавила: — Я люблю ее.

— Это не имеет отношения к делу. Эрик Эббот, вам рекомендуется вернуться домой, в Финикс, заняться своей работой и забыть о Лайзе Тембор.

— Странно, но мне это уже говорили.

А может быть, это все-таки Тархун? Может, он все еще надеется на то, что приказ, исходящий от машины, позволит скинуть со своего загривка инженера, понаделавшего столько хлопот.

— Я в курсе, что такую инструкцию вы уже получали. Вы должны вернуться домой, Эрик Эббот. Этот приказ не таит в себе злого умысла.

«Приказ, — подумал Эрик, — это вам не совет».

— Лайза Тембор служит выполнению задачи, а ваше присутствие этому препятствует. Если вы сейчас направитесь домой, против вас не будет предпринято никаких мер.

— В самом деле? А как насчет бесплатного билета?

— Об этом я ничего не знаю.

— Ну, давайте же, — он устал от игры. — Ведь ваш агент службы безопасности по имени Кемаль Тархун обещал

отвезти меня домой за бесплатно, если я оставлю Лайзу в покое.

— В таком случае. я предлагаю вам связаться с этим человеком и узнать, остается ли в силе его предложение. Это может быть ваш последний шанс. Сеанс окончен.

Эрик рванулся вперед.

— Стойте, вы что же направили меня сюда только для того, чтобы повторить... — он осекся.

Экран погас. Мигали только лампочки, показывающие, что устройство по-прежнему под напряжением. Тут уж, что ни предпринимай, ответа от него не добьешься.

— Будь я проклят, — выругался Эббот.

Он вышел из кабинки, даже забыв на некоторое время, что снаружи его может ждать полиция, но там оказалась только та пожилая служащая, которая привела его сюда. Было ясно, что она решила его дождаться. Теперь женщина с интересом смотрела на него.

— Знаете ли, это такая привилегия. Я вам завидую.

— Завидуете в чем? — с отсутствующем видом спросил он.

— Как!? Такая привилегия. Поговорить с Центральным Коллигатаром, — выражение лица у нее было извиняющееся. — О чем именно вы с ним говорили, это конечно же, ваше личное дело. Но зачем скрывать, с кем здесь выходят на связь, когда это и так все знают.

— А, стало быть и вы с ними заодно.

— С кем, с ними? — женщина, казалось, смутилась.

— Ладно, я сам выход найду.

— Конечно, найдете. Если я еще чем-то могу быть вам полезна...

— Спасибо. Вы и так уже достаточно сделали.

Направляясь в сторону лифта он спиной ощущал ее взгляд.

«Ну и что теперь? Что еще предпринять?» То они грозят убить, то вдруг начинают повторять старые предупреждения. Логика подсказывает, что теперь его снова попытаются убить.

Ничего Эрик не узнал, кроме того, что Тархун ухитрился наложить лапы даже на нуэво-йоркский терминал вспомогательной службы Коллигатара. Невзирая на слова старушки, Эббот по-прежнему отказывался верить, что говорил с Центральным Коллигатаром.

В лифт он входить не стал, вместо этого принялся слоняться по просторному помещению и читать таблички на отсеках, в

которых работали люди. В конце концов Эрик оказался у капитальной стены, прочел надпись на переборке модуля и заглянул в отсек.

— Извините, я из «Новостей» восьмидесятого канала по поводу журналистской сети.

Служащий, сидящий внутри отсека безразлично оторвал голову от работы.

— А что такое?

— Мне нужна кое-какая информация. Я специализируюсь на новостях об убийствах.

— Ну и что? У вас что-то не так с терминалом в офисе?

— Ну, вы же знаете, как сети работают, — сказал Эрик уверенным тоном, прекрасно понимая, что этот человек малейшего понятия не имеет о том, как работают сети. — Сплошные перехваты. Другие журналисты крадут информацию, узнают источники. Есть у вас тут кто-нибудь, кто работает с источниками информации полиции.

— Конечно.

Если бы тот человек был более подозрительным, то безусловно встретил бы этот вопрос с настороженностью, а не с желанием помочь. А может, он просто устал. Ведь теперь раннее утро и конец ночной смены. Трудно быть подозрительным, когда думаешь лишь об одном — как бы лечь поспать.

Он даже документов никаких не спросил, просто решив, что раз Эрик здесь, то право на это у него есть.

— Вам нужен Энджело Варгес из отсека восемнадцать шестьдесят пять.

— Спасибо. Премного благодарен.

Отсек восемнадцать шестьдесят пять был расположен в другом конце помещения по соседству с несколькими пустующими, ожидающими прибытия дневной смены. Эрик походил вокруг, пытаясь решить, получится ли то, что он задумал. Стоит или не стоит рисковать — это был для него вопрос решенный. Все другие идеи у него иссякли, и это посещение он рассматривал как свой последний шанс.

Войдя в отсек, Эббот прикрыл за собой дверь и увидел средних лет человека, который устало поднял на него взгляд.

— Чем могу быть полезен, гражданин?

— Вы Энджело Варгес?

Служащий кивнул, и лысый череп его блеснул под светом лампы.

— Вы работаете с полицейским руководством Нуэво-Йорка?

— Случается. Хотя, впрочем, я с ними тесно не сотрудничаю, просто у меня есть допуск. Если вам нужен действительно сотрудник полиции, то лучше зайдите в соседнюю секцию.

— Нет, спасибо. Мне хватит того, что у вас есть допуск. Я из «Новостей» восьмидесятого канала. Мне нужна кое-какая информация по недавним исчезновениям, о без вести пропавших. Вы можете мне помочь?

— Вероятно, — Варгес многозначительно посмотрел на свои пальцы и обнаружилось, что не мешало бы их как следует помыть.

— Пятьдесят баксов. Идет?

Варгес кивнул и многозначительно улыбнулся.

— Видеоряд нужен?

— Нет, мне хватит сведений. Я отнюдь не хочу компрометировать свои источники.

— Очень мило. Предъявите ваш пропуск на станцию, и сразу же приступим.

Эрик был готов к такому удару. Он запустил руку в карман пальто.

— А это у вас такой код для вызова?

— Где? — Варгес повернулся в сторону экрана.

В этот самый момент Эрик выхватил длинный тонкий металлический инструмент и приставил его сзади к шее сотрудника. Кожа у того казалось нежной. Слишком сильно нажимать было опасно.

— Эта длинная игла действует совершенно бесшумно. Если вы пикнете или тронете хоть что-то отдаленно напоминающее сигнализацию, даже если вы просто будете чинить мне какие-то препятствия, то живым из этого отсека не выйдете. Я достаточно ясно выразился.

— Очень ясно, гражданин. Только спокойнее. У меня трое детей и добрая жена. Не совершайте сумасшедших поступков, пожалуйста. Хорошо?

— Я не Поколоко, дружище. Но если ты хоть чуть-чуть подействуешь мне на нервы, я тебя проткну. Понял?

— Хорошо, хорошо, только успокойтесь, пожалуйста. — Варгес был близок к истерике.

— Я тебя убью, — повторил Эрик, сам поражаясь, какой у

него получается ледяной тон. — И добуду интересующую меня информацию где-нибудь еще.

— Господи, я же сказал, что сделаю все, что все могу, — тихо простонал Варгес. — Но поймите, я не главный. Главный в соседнем помещении.

— Я знаю. Но ты ворочаешь информацией, уймой информации.

— Да, это так. Что вы хотите знать? Вы мне только скажите, и я сделаю.

Этому человеку хотелось только одного — дать Эрику необходимую информацию и избавиться от него. И для Эрика это было хорошо. Ему хотелось уйти отсюда так же, как Варгесу хотелось от него избавиться.

Эрик произнес последнюю угрозу.

— И без штучек. В кодах я разбираюсь. Если ты наберешь сигнал тревоги, и я замечу, это будет для тебя концом. Больше предупреждать я не стану.

— О'кей, о'кей, — Варгес плохо соображал. Казалось, он вот-вот расплачется. — Не собираюсь я погибать из-за каких-то глупых данных. Говорите скорее, что вы хотите узнать.

Эббот убедился, что служащий сделает все, что может. А что ему, собственно, нужно? Как только Эрик уйдет, он может включить хоть полдюжины тревог, предотвратить всякий урон, который мог бы нанести его гость при помощи похищенной информации. Только вот в намерения Эрика не входило, чтобы его упреждали.

— Женщина по имени Лайза Тембор, проживавшая по адресу, — и он, задумавшись на секунду, припомнил ее адрес и телефон.

— Ну, и что мне с этим делать? — нервно спросил служащий.

— Она либо покинула город, либо переехала. У меня есть причины подозревать, что сделала она это не добровольно. Попробуйте отыскать по этому имени хотя бы что-нибудь, связанное с недавними перемещениями, поездками, передвижениями. Что-нибудь.

Варгес кивнул и взялся за работу.

Эрик внимательно наблюдал за ним, но не обнаружил ничего необычного в том, как сотрудник проводит поиск. Острый инструмент он по-прежнему держал рядом с шеей Варгеса.

— Ничего, — сказал тот наконец. — Она преступница или еще кто-нибудь в этом роде?

Эрик не ответил.

— А к транспортной информации у тебя отсюда доступ есть?

— Понимаете ли, у меня есть доступ только к делам, связанным с полицией.

— А полиции часто бывает необходимо знать, когда и куда направились люди.

— В таком случае мне придется набрать код доступа в ту область, которая не входит в сферу моих обычных полномочий.

— Я бы на твоем месте рискнул это сделать.

Варгес пожал плечами и ввел необходимые запросы. На экране появилось слово «Открыто».

— Дальше что?

— Проверь весь транспорт, движущийся за пределы Нуэво-Йорка. Метро, автобусы, самолеты, суборбиталы, все.

— Хорошо.

Если ее увезли на личном транспорте, то ничего найти будет нельзя, и Эрик это знал.

К немалому его удивлению на экране появился формальный ответ.

Вот оно. «Тембор Лайза, компания Люфтэйр, беспосадочный рейс в Лондон». Оставалась, правда, еще возможность, что сведения касаются другой Лайзы Тембор, но фамилия была недостаточно распространенной, и Эббот сильно в этом сомневался. Кроме того, время отлета совпадало идеально, так же как и стиль: первым классом.

— Теперь посмотри, не вылетел ли тем же рейсом Кемаль Тархун. — На этот раз компьютер не выдал ничего. — Тогда поищи его в банках данных полиции. — Снова ничего.

— А может, его не существует? — робко спросил Варгес. — Не может ли он быть плодом вашего воображения?

— Если бы так.

Варгес в надежде произнес:

— Ну что, все? Теперь вы от меня отвяжетесь?

— Да. Секундочку, — и Эрик сделал неуловимое движение свободной рукой.

Сотрудник и заметить не успел, как пальцы Эббота схватили его за глотку. Варгес попытался сопротивляться, но

Эрик совсем недавно сражался с людьми гораздо более крепкими, и этот для него был не противник. Глаза бедняги закатились, и он обмяк в кресле.

Теперь Варгес, вероятно, минут двадцать пробудет без сознания, а из-за двери любому прохожему будет казаться, что он просто спит. Эрику же двадцати минут вполне достаточно, чтобы убраться из этого здания.

Эббот бесшумно вышел из отсека и аккуратно прикрыл за собой дверь. Засады в коридоре не было.

Когда Варгес придет в себя, он прежде всего поставит в известность охрану. Те будут весьма озадачены. Заподозрить они смогут лишь, что некий незнакомец отправился в Лондон за какой-то женщиной. А если повезет, то насмерть перепуганный Варгес не сможет даже вспомнить имени Лайзы.

Конечно, Эрику придется начать все с начала в Лондоне. Но тогда, по крайней мере, он будет в одном городе с ней. А они вряд ли ожидают увидеть его там. Если ему удастся быстро убраться отсюда, он сможет получить долгожданную передышку, ведь разыскивать его будут именно в Нуэво-Йорке.

Эрик быстро проследовал сквозь череду проходов, и не столкнулся с пожилой начальницей, которая встретила его при входе сюда, за что был весьма благодарен судьбе. Он уже успел овладеть искусством сливаться с окружающими. Ни один из программистов или операторов даже не поднял взгляда, когда он проходил.

Лифт доставил его в людный главный холл. Несколько торопливых шагов, и вот он снова на улицах города. Раннее утро. Первые сотрудники дневной смены торопливо бегут по улицам, чтобы раствориться в чреве поджидающих их, выстроившихся в ряд небоскребов.

До ближайшей станции метро было всего несколько шагов. Убедившись, что в его вагоне полицейских нет, Эрик расслабился и урвал себе несколько минут драгоценного сна. Способность засыпать где и когда угодно была из тех, за которые он всегда был благодарен судьбе. Через полчаса подземка высадила его у аэропорта Лонг Айленд. Эббот уже чувствовал себя почти свежим.

Ближайший рейс на Лондон отправлялся через сорок минут. При покупке билета сирена на его кредитку не среагировала. Оставшееся до отлета время он прохаживался по аэропорту, зашел в зал игровых автоматов, посмотрел кино,

выпил разбавленного джина и слегка позавтракал. Эрик уже предвкушал как на борту самолета ему удастся поспать подольше.

Стюардесса попалась яркая, молодая и профессиональная. Она спросила, не нужно ли ему чего. Он махнул рукой, и она отошла с улыбочкой. Ему хотелось спать и больше ничего.

Сначала двигатели грохотали достаточно громко, отрывая летающее крыло от взлетной полосы и поднимая его над Атлантикой. Вскоре они поднялись выше зоны более медленного коммерческого движения. На какое-то мгновение на глаза Эрику попался прогулочный дирижабль, лениво проплывающий от побережья Новой Англии. На его округлых боках виднелись яркие полосы и узоры, копия древней картины Пикассо. Уже через десять минут они достигли верхних слоев стратосферы, где включились малошумящие ракетные двигатели, разгоняя летающее крыло до крейсерской скорости, в пять раз превышающей скорость звука.

Он закрыл глаза и расслабился в мягком сидении. Скоро они будут в Лондоне. Там ему придется найти себе место поразмышлять над тем, как выследить Лайзу и ее похитителей в городе, который не уступает по размеру Нуэво-Йорку.

У него была какая-то холодная уверенность, что все получится. Отыскать единственного человека в городе с населением в двадцать миллионов больше не казалось ему безнадежным делом. По крайней мере, он оторвался от Тархуна и его приспешников. Они могут теперь месяцами прочесывать Нуэво-Йорк и так и не узнают, что он сбежал.

Со временем, они, конечно, отследят его кредитку, выяснят, что Эрик купил билет в Лондон. Но он надеялся, что к тому времени их с Лайзой духа в Лондоне уже не будет. И с этой милой сердцу романтичной мыслью Эббот уснул.

13

Изабель Джордан нагнала Ористано в коридоре.

— Что еще за совещание такое, Мартин? Почему нас среди дня отрывают от работы?

— Не ко мне вопрос, — ответил он ей. — Машина во всем виновата.

Когда они вместе подходили к конференц-залу, женщина заметила, как собираются остальные.

— Надо же, весь персонал собрали. Все двенадцать человек. Тебе не кажется, что это из ряда вон?

— Обстоятельства из ряда вон, — Ористано потер глаза. Он очень устал, очень соскучился по Марте. Прошло уже несколько недель, как он последний раз был за пределами горы, и теперь очень скучал по виду холодных озер и свежих снегов.

— А ты не знаешь, что он хочет сказать?

— Нет.

Они свернули за угол. Анира Чиэлита, споривша я о чем-то с Фройлихом, чуть понизила голос, когда их нагнали главный управляющий со своей спутницей.

— Ясное дело, это все та самая угроза. Правильно?

Мартин кивнул.

— Может, в этот раз будет что-нибудь конкретное, такое, с чем мы справимся. Может, он из-за этого нас созывает.

— Не рассчитывай. — На лице Джордан было мрачное выражение. Это придавало ей несколько разъяренный вид, что являлось скорее следствием ее высокого роста, чем проявлением истинных чувств. В свое время она была капитаном сборной Северной Америки по баскетболу, выступавшей на Олимпийских играх и на голову возвышалась над всеми сотрудниками. — Неужели ты по-прежнему веришь в существование реальной угрозы, Мартин?

— Приходится верить, поскольку машина говорит именно это.

— Я не спрашиваю тебя, что на этот счет думает машина, Мартин. Я спрашиваю, что ты думаешь?

— Иззи, я просто не знаю. Мне известно одно. Мы провели независимые исследования функционирования логических систем машины и никаких отклонений не выявили.

— А я вот слышала о кое-каких подозрениях, относительно возможности кибернетической паранойи. Глупо, конечно.

— Дюрапати считает, что это невозможно.

— Конечно, она так считает. Но должно же быть какое-то объяснение, почему машина работает как поломанная. Ну вот, собственно, и пришли.

Они вошли в конференц-зал. Небрежно кивнули парс вооруженных охранников, стоящих у входа. Телекамера тут же среагировал на их появление.

Чай, кофе и прочие напитки можно было получать по индивидуальным транспортерам, расположенным под каждой секцией овального стола. Дальнюю стену занимало голографическое изображение весенних Альп, что придавало комнате дополнительный объем. Две боковые стены занимали экраны. Каждая составная часть основного стола была оснащена комплектом оборудования для связи, а также крошечным раскладным компьютерным терминалом.

Как только все расселись по местам и успокоились, комната наполнилась звучанием знакомого голоса.

— Очень рад вас видеть. И очень рад, что всем удалось прийти.

— Будь он неладен, сейчас опять какую-нибудь чушь сообщит, — проворчал с места доктор Сиакван.

Сиакван никогда не славился радостным мироощущением, зато был очень умен. Больше всего в жизни он гордился тем, что знает самые непристойные ругательства на языке индейцев майя, и пользовался ими направо и налево, будучи уверен, что во всем мире его способны понять не больше, чем четырепять человек. Благодаря этому он в равной степени поливал как друзей, так и врагов.

— Мне полдюжины отчетов надо подписать в течение следующих... — тут доктор с красноречием, достойным Аристофана, посмотрел на часы, — полутора часов. А время уходит.

— Смею вас заверить, доктор Сиакван, — примирительно сообщил Коллигатар, — что разойдемся мы очень скоро. А собрал я вас всех потому, что имею очень важное сообщение, которое мне не хотелось бы доводить до вашего сведения по обычным каналам. Вы все осведомлены, что мне угрожает серьезная опасность и что в течение некоторого времени я занимался исследованием этого вопроса.

Все промолчали. Раздалось, правда, несколько невежливых плохо скрытых стонов. Изабель Джордан уже включила свой терминал и едва ли слушала даже в вполуха: она играла в сложную математическую игру.

— Теперь я могу сказать, что понял природу угрозы и, вероятно, определил, откуда она исходит.

Тут уже все обратились в слух. Даже доктор Сиакван проявил, кажется, интерес вместо негодования, а Изабель Джордан забыла про игру.

— Так говори скорее, — сказал Ористано.

— Правда, есть многое, в чем я еще не вполне уверен, от меня ускользают некоторые детали, из которой составлена эта головоломка, но картина в целом для меня сложилась. Нет нужды беспокоить вас до тех пор, пока она окончательно не уляжется...

— Если нет нужды нас беспокоить, — сказала Джордан, — то была ли такая уж необходимость созывать нас всех сюда, чтобы проинформировать об этом факте.

— Я решил, что это поднимет ваш дух. Я сознаю, что именно эта проблема последнее время тяготила многих из вас. Угроза по-прежнему существует, но теперь я нахожусь в таком положении, что могу начать разбираться с ней самостоятельно.

К прежним стонам добавились усталые вздохи.

— Я продолжу отслеживать все дальнейшее развитие событий, имеющих отношение к этому, и по мере получения мною дополнительных фактов буду продолжать оповещать вас. Тем временем вы можете вернуться к исполнению ваших основных обязанностей, будучи успокоенными сознанием того, что события, наконец, берутся под контроль.

— Это никак не отразится, — спросил один из сотрудников, — на проводимых нами в настоящее время проверках вашей логической системы, не так ли?

— Никак не скажется, — ответил Коллигатар. — Конечно же, вы должны продолжать проверки доктор Новотский, пока не получите требуемых результатов. Я с радостью помогу вам и вашим коллегам всем, чем смогу.

— Это хорошо, потому что мне хотелось бы провести еще ряд исследований.

— Уверен, что вы их проведете. Благодарю всех за внимание и заботу.

Голос умолк, и одновременно отъехала в сторону, открывая проход, входная дверь.

К выходу никто не поспешил.

— Вопросы есть? — поинтересовался Ористано, вставая.

— Едва ли, дох шиех, — проворчал Сиакван, направляясь к двери. — Проклятье! Опять время потеряли.

Дюрапати подошла к Ористано.

— Тебе не кажется, что он все это время с нами играл, Мартин?

Он покачал головой.

— Коллигатар не умеет играть. Он слишком хорошо сознает ценность своего времени.

К ним присоединился Новотский.

— Извините, — начал он было по-русски. — Извините, товарищи, но мне вдруг пришло в голову: а не является ли все это тестированием нас на умственную устойчивость? То есть, может быть, машина нас проверяет?

— Я ничего не могу сбрасывать со счетов, — холодно ответил Ористано. — Но с таким предположением лично я, Алекс, не согласился бы. Я верю в машину. Следовательно, я должен также верить в существование угрозы. И точно так же я верю Коллигатару, когда он говорит, что все возвращается под контроль. Не знаю, как вам, а мне от сегодняшних известий стало намного легче.

— Эх, мне бы так, — и Новотский направился к выходу, оживленно разговаривая с Дюрапати Поннани.

Ористано побеседовал с каждым, прежде чем сотрудник уходил, словно пастор после воскресной службы. Сам он ушел последним. Дверь заперлась. Свет погас. Конференц-зал опустел, за исключением неявного присутствия в нем машины. Коллигатар взвешивал увиденное и услышанное, оценивал взгляды, выражения лиц, даже позы, в которых сидели его коллеги-люди.

Несмотря на ворчание, ушли они менее напряженные и более уверенные. А почему бы и нет? Даже самым недоверчивым из них, даже самому чуткому Мартину Ористано не пришло в голову подумать, что впервые за двести лет Коллигатар соврал персоналу, обслуживающему власть.

— Леди и джентльмены, пристегните, пожалуйста, ремни. Мы подлетаем к Лондону и начинаем снижение.

Эрик напрягся. Ему не терпелось возобновить поиски Лайзы. В полете у него имелось немного времени на размышления, и он решил, что лучшим способом попытаться напасть на ее след было повторить посещение местного терминала Коллигатара и задать те же самые вопросы, которые он задал в Нуэво-Йорке.

Эббот прислонился к холодному стеклу иллюминатора. Видно не было почти ничего. В это время года Британские острова обычно укутаны дождем.

«Не беспокойся, Лайза, — подумал он уверенно. — Не могут они навеки спрятать тебя от меня. Я не позволю им разлучить нас. Если потребуется, я весь мир обойду следом за тобой. Я даже покинуть его готов ради тебя».

Взлетной полосы лайнер коснулся почти незаметно. Визг ракетных двигателей, включенных на реверс, почти не оглушал. По салону прошел стюард, уговаривая всех оставлять ремни пристегнутыми до полной остановки самолета. Его, как всегда, никто не слушал. Лайнер подогнали к зданию аэровокзала и остановили. Эрик, как и другие пассажиры, хмуро смотрел на мокрый от дождя асфальт.

— Небольшая задержка, леди и джентльмены, — пилот даже не пытался скрывать раздражение в голосе. — Возникли какие-то сложности с подачей трапа. Мне сообщили, что через пару минут его починят. Не толпитесь, пожалуйста, в проходах. Ждите спокойно, пока подадут трап.

Эрик откинулся на спинку сиденья и начал просматривать предлагаемый для чтения в полете журнал. Когда бегущая строка стала повторять то же самое по второму разу, он захлопнул крошечный экранчик, вмонтированный в ручку кресла.

Ему не терпелось поскорее встретиться лицом к лицу с похитителями Лайзы. Дразнящее чувство собственной неуязвимости, хотя и таило в себе опасность, но было восхитительным. Он отдался этому чувству, поскольку это было лучше, чем испытывать постоянный страх.

По ближнему к нему проходу женщина вела из переднего ресторана маленькую дочку. Совершенно неожиданно, лицо женщины приняло странное выражение. Она постояла с таким видом, будто съела что-то кислое, и вдруг бухнулась на колени. Когда она завалилась набок, ближайшие пассажиры кинулись было ей помогать.

Маленькая дочка успела прокричать: «Мама! Мама!» и склониться над потерявшей сознание женщиной. Тут ее собственные глаза закатились, и она упала поверх матери. Следом попадали пассажиры, вставшие с мест, чтобы помочь ей.

Прогрессирующий в передних рядах всеобщий коллапс вел к неотвратимому устрашающему заключению. Не успев даже толком что-то сообразить, Эрик уже вскочил с места и помчался в хвостовую часть самолета. По обе стороны прохода один за другим обвисали в сиденьях другие пассажиры. Изо

всех сил он старался не вдыхать отравленный воздух, лицо его покраснело. Эббот знал лишь одно: ему необходимо немедленно выбраться из салона.

Он уже добрался до хвостового аварийного выхода и потянулся к ручке двери, но тут и до него добрался газ, скосивший остальных пассажиров. Какое-то время Эббот стоял, пошатываясь, пытаясь ухватить ускользающую ручку, но она дразнила, танцевала прямо перед его носом, никак не желая оставаться на месте. Глаза слезились. Из последних сил он конвульсивно попытался вцепиться в ручку, но промахнулся и пальцы его лишь прошили внутреннюю обшивку корпуса самолета. Сам же титановый сплав снаружи лишь слегка погнулся.

И тут же на него обрушилась мертвая тишина.

Прежде, чем открылась передняя дверь, прошло еще пять минут. Вошли какие-то люди и направились вдоль рядов, осматривая каждое неподвижное тело. Пассажиров, упавших в проходы, поднимали и усаживали на пустые места.

Вошедшие были полностью защищены герметичными костюмами из серебристого эластичного материала, а на головах у них красовались прозрачные колпаки. Костюмы эти были предназначены не только для защиты от отравляющих веществ, но и от множества других опасностей.

Они представляли собой боевые пехотные комплекты и выдерживали прямое попадание из лучевого оружия, а также из мелкокалиберного огнестрельного. Кроме того, их оснастили разрядными устройствами, и достаточно было нажать кнопку, чтобы они оказывались под защитным напряжением в несколько тысяч вольт. Напряжение регулировалось в зависимости от того, нужно ли убить или парализовать на некоторое время того, с кем облаченный в такой костюм человек вступает в соприкосновение.

В данный момент эти разрядные устройства не были задействованы, но пальцы ворвавшихся в самолет людей нервно подрагивали, готовые в любой момент нажать на спасительную кнопку.

— Я его не вижу, — сказал командир взвода.

Видимо ему казалось мало той защиты, которую предоставляет боекостюм, поэтому в руке у него блестел еще электрический пистолет. Он, как и костюм, был подсоединен к комплекту батарей, закрепленному на спине человека.

Командир перешагнул через неподвижно лежащую девочку лет десяти-одиннадцати.у

— Чарлин, возьмите с собой Хабиба и осмотрите салон первого класса.

— Но он ведь летел не первым классом, — возразила женщина, шедшая позади.

— Знаю. Он мог доплатить прямо на борту и пересесть туда.

— Мы не имеем права рисковать. И будьте, пожалуйста осторожны.

— Да какой тут риск, — воспротивилась женщина. — Они тут все теперь на двадцать четыре часа в полном отрубе, и он тоже.

— Не понимаю, к чему все эти предосторожности. И вообще, зачем такой чертов переполох подняли из-за какого-то одного беглеца.

— Вы что, сообщений из Нуэво-Йорка не слышали?

— Конечно слышали, — отозвался смуглый мужчина, стоявший неподалеку от женщины. — Но это же не значит, что все правда, или ты наших американских друзей не знаешь? Они всегда склонны все преувеличивать. Это у них пунктик такой — романтизировать преступления.

— Наши обязанности, Хабиб, заключаются не в том, чтобы навешивать ярлыки. Наш долг — выполнять приказы.

— За собой последи, сержант, — и Хабиб с женщиной ушли выполнять поручение.

На борту тем временем появлялись все новые люди. Все как один одетые в серебристые костюмы, они продолжали тщательно обследовать лайнер, двигаясь вдоль рядов и постепенно приближаясь к хвостовому отсеку.

— Я тут кое-что подслушал, — обратился к сержанту подвижный коротышка из вновь прибывших. — А что это за история такая с этим парнем? Ведь когда пресса узнает, денег не оберешься расплачиваться. Подумать только, целый самолет вырубить ради одного человека.

. — Пресса ничего не узнает, — сказал сержант. — Если, конечно, некоторые не начнут распускать свои длинные жирные языки. Вот тогда точно придется платить. Им.

— Да не смотрите вы на меня так, сержант, — сказал спрашивающий. В это время он как раз поправлял в кресле старика, который неуклюже свесился набок. — Вот этот по-

моему руку сломал. Он теперь в больницу попадет. И как все это останется в тайне?

— Не наше дело, — сказал сержант. — Пусть у шефа и у службы безопасности аэропорта об этом голова болит. А наше дело, слава богу, маленькое: найти этого дурика, и все.

Через несколько минут они его нашли.

— Смотри-ка, он похоже к аварийному выходу рванул, — догадался один из блистательных, особенно в смысле костюма, полицейских.

— Этот поганец, похоже, чертовски надолго умеет дыхание задерживать.

— Недостаточно надолго, — сержант задумчиво осматривал неподвижное тело Эрика Эббота. — «А ведь и некрупный вовсе», — подумалось ему. — Но сделал все, что мог и даже больше, — сказал он, оглянувшись вдоль прохода.

— Да. Его билет на восемнадцатое место. А он аж до сорок четвертого ускакал, это при такой-то отраве. Любой другой глазом не моргнет — вырубается.

— А может, он просто из сортира выходил, — предположил кто-то из бобби.

— Может быть. Нам-то откуда знать? — сержант посмотрел на часы. — Пора выгружать его отсюда. Нам остается только звезды благодарить. что погода такая говенная, иначе бы нас из здания аэропорта засекли.

Он наклонился и подхватил Эббота за ноги.

— Вечно мне более тяжелая работа достается, — проворчал бобби, стоявший рядом с ним.

— Это потому, что я — сержант, а ты всего лишь младший сержант. Должна же быть от этого какая-то польза.

Вдвоем они поволокли обмякшее тело по проходу. Остальные командос прокладывали им путь, вслух пытаясь осмыслить происходящее.

— Тоже мне бандит, взглянуть не на что, — выругался один. — Столько беготни и ради чего?

— Да уж, — согласилась Чарлин, вернувшаяся из салона первого класса, чтобы посмотреть на процессию. — А ведь симпатичный парень, черт возьми, только странный какой-то.

— Посмотрел бы я на тебя, если бы ты с ним в Нуэво-Йорке столкнулась. Если они, конечно, не свистят.

— Посмотрела бы я на их лица, когда они узнают, как мы с ним легко разделались.

Все дружно хохотнули и поволокли обвисшее тело вниз по трапу.

Эббота погрузили в стоящий рядом фургон без всяких опознавательных знаков, внутри его поместили на носилки и тут же крепко привязали. После этого руки и ноги арестованного закрепили дополнительными ремнями. Две женщины в белом снимали показания деятельности его жизненных органов. У них наготове были шприцы, чтобы, если вдруг он проявит какие-либо признаки пробуждения, тут же продлить его сон.

Под шум дождя двигатель фургона завелся почти неслышно. Позади торопливо покидали самолет полицейские и боевики, многие из них еще по дороге к автобусу отстегнули прозрачные шлемы. Они тихо переговаривались, довольные тем, что операция прошла столь тихо.

Говоря словами одного из них: «Много шума из ничего».

14

Он тонул в глазу Лайзы. Глаз был ярко голубой, будто вспышка. По-новому голубой, по-ледяному голубой, глупо голубой, как он сказал как-то раз. Не голубизна удивляла, удивляло, что глаз целиком из воды.

Он упал в него откуда-то сверху, беспомощно размахивая руками, суча ногами, беспорядочно крутясь в полете, пока наконец не ударился о глазную гладь и не погрузился сразу метров на десять. Отчаянно барахтаясь, он устремился назад к воздуху, пока не вынырнул наконец на поверхность глаза.

После этого он до боли в мышцах греб к берегу, изо всех сил устремляясь к высокому откосу плоти, опоясывавшему жидкость. Глазная гладь серебрилась в свете луны, сияющей высоко над головой. Слышно было, как слезы накатывают на далекий берег, и солеными брызгами вздымаются в углах этого офтальмологического океана и падают в небо, на мгновение заслоняя серп луны.

Устав плыть, он перевернулся на спину и решил немного отдохнуть. Тут его взору открылось огромное веко, хрупкие черные ресницы, изгибаясь, исчезали в ночи, напоминая остов сгоревшего в пожаре иноземного здания. Ресницы слегка подрагивали. Она плакала.

Что удивительно: даже в темноте вода оставалась ярко-голубой. Это была та чистая голубизна, которую видно через арктические паковые льды. Он знал, как тяжело ей дается не моргать, дабы не сокрушить его, и постарался плыть быстрее, как можно быстрее. Но вода была густая. Она обволакивала, не пускала. Он устал, так устал, что тогда не выдержал и моргнул сам.

Ночное небо исчезло, и вместо него появилась неясная водянистая мгла. Эббот не стал целиком открывать глаза навстречу ей, лишь приоткрыл крошечную щелочку, достаточную чтобы убедиться, что он пришел в себя и находится в полном сознании.

Вокруг слышались голоса, гулко разносящиеся в воздухе. Незримые тени произносили неясные слоги. Эббот тихо лежал, прислушивался, подглядывал, и пелена постепенно спадала с глаз.

Что-то вроде больницы. Итак, он в какой-то больнице. Но это не просто больница, поскольку на окнах металлические решетки. Выяснилось, что не поворачивая головы, Эрик может взглянуть на свое тело.

Он увидел, что грудь его перепоясана ремнями, а чуть-чуть пошевелив ногой, убедился, что и там путы. Один ремень прихватывал бедро, другой колено, третий голень, а четвертый закреплял лодыжку.

По соседству стояли еще койки. Большинство из них были заняты людьми, голоса которых он смутно слышал. Некоторые сидели. Многие лежали. Свет давали длинные люминесцентные трубки, помещенные под высоким потолком. Стены казались скорее не выкрашенными, а эмалированными в бледно-голубой цвет. Создавалось впечатление, что это сплошной пластик, но Эрик знал, что на самом-то деле это краска.

Двое или трое кричали в полный голос, но смысла в этом улавливалось не больше, чем в предыдущем шепоте. Изредка у изножия его кровати мелькали люди в белом, не обращая на него ни малейшего внимания. Были среди них и мужчины и женщины. На белой униформе красовались красные нашивки. Они напомнили Эбботу стальные прутья, которыми были закрыты высокие окна.

Прошло еще какое-то время, и у его кровати появилось двое новых. Как только он определил, что они направляются

к нему, он тут же закрыл глаза и постарался застыть в полной неподвижности. Он слышал над собой их дыхание, кожей ощущал их взгляды у себя на лице.

— Вы в самом деле думаете, что эти ремни необходимы? — спросил вдруг женский голос.

— Не знаю, доктор, — ответил мужчина. — Когда его сюда поместили, со мной не посоветовались.

— Мне это кажется излишним, — сказала женщина. Тревога, проявившаяся в ее голосе была скорее профессионального, нежели человеческого свойства. — Я вообще не понимаю, какой вред может причинить человек, который до такой степени накачан всякой химией.

— Согласен, доктор. Конечно, это добавляет работы дежурной сестре, но ведь инструкции они нам дали совершенно не двусмысленные.

— Какая трата времени и денег. — Последовала короткая пауза, после которой Эрик услышал, как дважды пропищал наручный терминал. — Да в него столько топаломина и эндозита-Б вкачали, что можно целый взвод солдат обезвредить. Это ведь само по себе опасно для здоровья.

— Я говорил, — сказал мужской голос. — Но им, похоже, дела нет, восстановятся ли у него двигательные функции или не восстановятся. Они просто хотят, чтобы он был живым, но все время пребывал в бессознательном состоянии.

— Ладно, не переживайте, Чарльз, — сказала женщина. — Показания мы все время снимаем, так что выкарабкается как-нибудь.

— Может и выкарабкается, но я не вижу никаких медицинских показателей, чтобы подвергать его тело инъекциям в таком объеме. Ведь это граничит с полной токсикацией. Не дай Бог, что случится, а нам потом отвечать.

— Ничего не случится, Чарльз, — успокаивающе сказала женщина. — Да и во всяком случае, он ведь не гражданин Европы. Сегодня к девяти вечера прибудет бригада из Северной Америки и примет его. Так что скоро мы сбагрим парня и больше не увидим.

— Это верно, но я вот все думаю о нем, — вслух размышлял мужчина. Последовала долгая пауза, после чего он сказал: — Интересно, что же можно, черт возьми, натворить, чтобы заслужить такое обращение. Интересно, из-за чего за ним охотились?

— Ни малейшего представления, Чарльз. Да мне, в общем-то, все равно. Может, он убийца, может, просто воришка какой. Не нам судить, наше дело лечить. Но если честно, то я ваши опасения разделяю. Поскорей бы уж его от нас забрали.

— А мне наплевать, что он сделал, мне просто противно, что человека вот так связывают.

— Его это не беспокоит, Чарльз. Он ведь вообще ничего сейчас не чувствует. Вы же сами знаете.

Они еще поговорили, употребляя по большей части специальные медицинские термины, не знакомые Эрику, после чего ушли.

«Интересно, сколько сейчас времени», — подумал он. Сквозь зарешеченные окна проникал тусклый свет. Через какое-то время Эббот аккуратно приоткрыл один глаз.

Итак, за ним прибудут сегодня вечером. Кто прибудет? Бригада из Северной Америки. А в составе бригады наверняка Тархун или его посланцы. Они заберут его отсюда, отправят обратно в Нуэво-Йорк. А что дальше? Он понятия не имел, и даже вообразить себе не мог. Да и желания узнать, что с ним там будет, у него не было ни малейшего, поскольку он не может позволить, чтобы противники снова проложили целый океан между ним и Лайзой.

Как же они его вычислили? Может кто-то в аэропорте узнал его по описанию, составленному по словам служащего, услугами которого он воспользовался в нуэво-йоркской терминальной службе? Эрик припомнил, как приземлился самолет, как пилот раздраженно объявил, что высадка задерживается, как женщина с дочкой шли по проходу и вдруг упали безо всякой на то причины, как он бежал, отчаянно бежал к заднему выходу, не вдыхая ничего, ничего не чувствуя, как отчаянно потянулся к ручке. Бесспорно, средство, которым они воспользовались, было без запаха, мощным и быстродействующим.

А очнулся он уже здесь. Где здесь, неясно. С таким же успехом Эббот мог находиться на континенте, а вовсе не в Лондоне. Однако, выговор у окружающих, по большей части, английский.

Каким-то образом ему необходимо ускользнуть отсюда. Сначала ускользнуть, а потом найти Лайзу. Хорошо, что окна зарешечены, это скорее информация, чем препятствие. Скорее всего, какой-то тюремный госпиталь.

Эрик попытался сесть, и выяснилось, что он практически не может шелохнуться. Ремни, которыми он был привязан, были более, чем крепкими. Мускулы же отказывались ему повиноваться. Эббот заставил себя расслабиться и задумался над возникшей проблемой. Прежде его никогда не накачивали лекарствами до такой степени, и возникающие при этом ощущения показались ему интересными. Ступни и ладони ничего не чувствовали, остальные же части тела лишь слегка потеряли подвижность.

Странные вещи способен вытворить мозг, подвешенный где-то между явью и смертью. Представить себе, как можно будет встать, выпрямиться и снова пойти, и сознание тут же немного прояснилось, а зрение стало четче. Представить себе, что именно нужно изменить для того, чтобы снова можно было пойти.

Сначала необходимо очистить тело от химии, которую в него закачали. Просто удалить ее из кишечника не получится, поскольку она уже растворена в крови, значит надо разрушить молекулы этих соединений, порвать химические связи. Непосильная задача в пределах кровяных телец. Тут требуется что-то более сложное и более неявное. По мере того, как Эббот лежал без движения и размышлял над проблемой, он ощутил, что силы прибывают, почувствовал, что все больше и больше мышечных волокон слушаются его.

Он уже разбирал, о чем говорят вокруг. И произношение у них бесспорно английское, стало быть он в Британии. Может быть, конечно, и не в Лондоне, но все-таки где-то неподалеку от древней стены императора Адриана, а это уже само по себе вдохновляет.

Лежа на койке с плотно закрытыми глазами, Эрик чувствовал только одно — что он снова становится самим собой. На сознательном уровне он, конечно, не мог быть уверен, что сложные наркотики, введенные в его тело, разрушаются. Один раз ему пришлось особенно постараться не шевелиться, когда появился какой-то врач.

Эрик почувствовал, как в его правую руку входит игла и понял, что ему снова делают инъекцию. На какой-то момент его сознание опять помутилось, и он испытал полузабытое чувство, будто плавает в голубом ночном озере.

Но в этот раз Эрик уже был готов, что ему сделают укол, и не позволил себе провалиться в сны. Он понял: врача сопро-

вождают еще двое. Невероятных усилий стоило ему побороть желание приоткрыть глаза и посмотреть на своих тюремщиков.

— Тот самый, — голос был незнакомый с ярко выраженным американским акцентом.

— Он, — это была женщина-врач, уже приходившая к нему раньше. Насколько раньше, Эббот понятия не имел.

— А на вид вовсе не страшный.

— Вот и мы так подумали, когда его к нам вкатили.

Тут лицо Эрика освежил прохладный ветерок. Скорее всего, кто-то провел ладонью у него над лицом.

— Нет, вы посмотрите, кто здесь лежит, — сказал Чарльз. — Я вообще не понимаю, что это за чушь. Вот, скажем, там у нас Мак-Реди, слева на третьей койке, убийца-рецидивист. Но ему ни седативных не колют, не привязывают. А если это буйный, то его не сюда надо было помещать. Тогда его место в психиатрическом отделении, в блоке Ц.

— Насколько я понял из того, что мне говорили, — раздался голос американца, — это никакой не психопат, просто он чертовски опасен.

— Очевидно, кто-то так считает, — сказала женщина-врач. — Побыстрее бы нам от него избавиться.

— Я вас понимаю. Если он вдруг начнет вас беспокоить...

Раздался смешок Чарльза, скорее ироничный, чем веселый.

— Вот уж не похоже. Взгляните, как его накачали.

— И тем не менее. В тех докладах, которые я получил, сплошь самые крутые предостережения.

— Если случится что-либо непредвиденное, немедленно свяжитесь со мной.

— Хорошо, — сказала женщина. — Ваши люди где расположились, в Ньюлин Билдинг?

Эрик был уверен, что от радости подпрыгнул и тем самым выдал себя. Но, видимо, в этот момент они за ним не наблюдали, а может, просто не заметили. Он попытался успокоить сердцебиение, больше всего боясь, что внезапное учащение пульса привлечет их внимание.

— Ладненько, я пошел, — сказал американец.

— Ну и мы тоже, — произнес Чарльз. — Послушайте, а не могли бы вы сказать, что этот парень натворил?

— Вот уж извините, — американец был любезен, но непоколебим.

— Должно быть, что-то из ряда вон, — пробормотал Чарльз.

— Должно быть, — нейтральным тоном согласился американец.

Эрик прислушивался к этой беседе, пока их голоса окончательно не растворились в тишине. Подобно рекламной вывеске стояли перед его глазами слова «Ньюлин Билдинг». Теперь он знает, куда направиться и с чего начать. Более того, он знает голос американца, запомнил его не хуже, чем название здания. Даже в магазинной толчее он вычленит этот голос из шума толпы, ведь этот голос способен навести его на след Лайзы.

Тут Эрик заколебался. Ведь незнакомец не сказал, где расположен Ньюлин Билдинг. Может быть, в Лондоне, а может, в Глазго, Манчестере или Портсмуте. Во всяком случае, если бы это здание находилось в другом городе, то, совершенно определенно, человек упомянул бы об этом. Эрику стало лучше. Несомненно, здание и госпиталь находятся в одном месте.

Главным вопросом для него было — куда направиться, и ответ на это он получил.

Тело его представляло из себя настоящий химический завод и продолжало успешно очищаться. Через два часа Эббот уже чувствовал себя на удивление свежим. Казалось, события последних часов, не говоря уже о событиях последних недель, не возымели на него никакого кумулятивного эффекта.

Он отважился на эксперимент и попробовал поднять левую руку. Она легко послушалась, и сдерживал ее только ремень. Какой-то ремень не пускает его к возлюбленной, к Лайзе! Какое отвратительное, бесчеловечное обращение. Поймали как зверя, усыпив, и продолжают обходиться как со зверем. Рассвирепев, Эрик дернул рукой.

Раздался тихий хлопок, и ремень лопнул. Он не должен был лопнуть. Он был сделан из углеродистого волокна с мягкой подкладкой, чтобы не поранить тело. Волокно было прочнее стали, а лопнуло, как простая резинка. Эббот поднял правую руку, и хлопок повторился дважды, поскольку на ней было два ремня, у локтя и на запястье.

После этого он сел. Тут уже хлопки от лопающихся ремней трудно было сосчитать. Эрик ждал, пока из палаты выйдет медицинский персонал, но слишком долго медлить было нель-

зя. Обитатели Ньюлин Билдинга, без имен и без лиц, скоро придут за ним. Эббот улыбнулся. Ничего, через пару минут он избавит их от этой необходимости.

Внезапно, кто-то в палате громко пробормотал: «Нет, Кор, но ты только взгляни на него». Эрик решил, что это не иначе как убийца-рецидивист со сломанной ногой. Остальные голоса оживленно зашептали, а один все время повторял какую-то фразу на неизвестном ему иностранном языке.

Эрик наклонился, сорвал остальные ремни и сел на кровати. Он сладко потянулся, чувствуя, как по мускулам будто разливается огонь.

Рядом с кроватью стояла высокая тумбочка. Заглянув в нее, Эрик с восторгом обнаружил, что в ней находится одежда, в которой он находился на самолете, причем выстиранная и поглаженная.

Первым делом Эббот заглянул в карманы. Кошелек был на месте, а в нем удостоверение личности и кредитная карточка. Полиция, бесспорно, сняла себе копии с них. Инструментов не оказалось.

Он скинул больничный халат и оделся как можно быстрее. Покончив с этим, не поленился причесаться, поправить воротничок. Накладные усы с него сорвали, но эта утрата его не особенно огорчила. От них очень чесалась губа.

Когда Эрик спокойно направился к двери, один из сопалатников ухмыльнулся ему со своей кровати.

— Не так-то все просто, дружище.

Ни говоря ни слова, Эббот протянул руку к двери. Панель была металлическая. На уровне глаз в ней виднелось небольшое окошко. Сама же дверь была надежно заперта.

Встав рядом, Эрик дождался прихода дежурной медсестры. Когда та вошла, он тихонько выскользнул из палаты. Медсестра его даже не заметила. Но сразу за дверью сидел охранник. Он с интересом взглянул на неожиданно вышедшего, прилично одетого джентльмена.

— Доктор Уильямсон, — дружелюбно представился Эрик, радуясь, что пока находился в бессознательном состоянии, его успели побрить.

— Уильямсон? — недоверчиво нахмурился охранник. — При мне сюда не входил никакой доктор Уильямсон.

— При вас, конечно. Я вошел при предыдущем охраннике. Я тут уже довольно долго.

— Долго не то слово, дружище. Я ведь уже четыре часа на дежурстве. Какой охранник?

— Ну как же, вон тот джентльмен, — сообщил Эрик, указывая вдоль коридора.

Когда охранник повернул голову, чтобы посмотреть в указанном направлении, Эрик ударил его по шее. Он надеялся, что не слишком сильно, но в целом это его мало волновало. Сейчас ему было не до благотворительности.

Охранник согнулся пополам и рухнул, довольно беззвучно. Оружия у него не было, дабы избежать излишнего риска в случае, если дело дойдет до нападения.

Эрик бросился по коридору и, натолкнувшись на следующую преграду, не задумываясь нажал на кнопку вызова, расположенную рядом с дверью. В этой двери не было предусмотрено даже окошка.

— В чем дело, Харрис? — раздался голос из динамика. Телекамера, расположенная над головой, вне досягаемости, повернулась в сторону Эрика. — Как? Это не Харрис?!

— Ну конечно же нет, — Эрик вежливо улыбнулся прямо в камеру. — Я — доктор Уильямсон.

— У меня в списке нет никакого Уильямсона, — ответил голос.

— Я всю ночь провел у постели тяжелобольного, спросите у ночного дежурного. Или, хотите, я вам свое удостоверение покажу, — и он артистично полез в карман, якобы за удостоверением.

— А почему вы без Харриса?

— Вы про охранника, что ли? — Эрик кивнул головой в сторону короткого прохода. — Задремал бедняга. Уж больно мне его тревожить не хотелось.

— Да черт с ним. Не беспокойтесь, доктор, я ваше удостоверение сам посмотрю.

Раздалось жужжание, и тяжелая металлическая дверь отъехала в сторону. Эрик прошел вперед и оказался лицом к лицу с человеком, держащим в руке электрошоковый пистолет. Дуло было направлено прямо ему в живот.

— Понятия не имею, кто ты такой, приятель, — воинственно сказал охранник. — Но сейчас мы это проверим.

Другой охранник, сидящий за столом, поднял брови и сказал:

— Постой, постой, да ведь я его знаю. Это же импортный с седьмой койки.

— Что за чушь! — сказал ему Эрик. — Я доктор Мэттью Уильямсон. Я прекрасно знаю, о каком заключенном вы говорите, но как можно меня с ним спутать! К тому же он привязан.

Охранник за столом был помельче. Он на мгновение задумался, потер лоб.

— Да, точно. Он привязан... И все-таки вы так похожи, — мужчина потянулся к трубке телефона.

— Да я и сам заметил, — сказал Эрик, делая шаг в сторону охранника за столом. — Подождите, сейчас я вам предъявлю...

Коротышка, казалось, ничего не весил. Но Эрика уже трудно было чем-то удивить. Он запустил маленьким охранником в большого. Тот успел выстрелить лишь один раз. Эрик ощутил укол в плечо, но в целом от заряда увернулся.

И тут же пустился вперед по людному коридору, расталкивая одетых в белое врачей и медсестер, а также удивленных посетителей. Через пару минут стали раздаваться сигналы тревоги. Свернув за угол, Эббот вынудил себя перейти на шаг, ведь в тюрьме бегущий человек смотрится так же подозрительно, как лягушка среди цапель.

Позади него раздались шум и выкрики, и, наконец, неизбежное: «Вот он!» Тут же послышались выстрелы, и на этот раз не только из электрошокового оружия.

Он снова побежал. На его пути возник охранник и попытался направить на него дуло своего ружья. Эрик на ходу ударил его кулаком, но чуть сильнее, чем ему хотелось бы. Охранник перелетел через стол и врезался в окно. Благодаря тому, что стекло было армировано стальной проволокой, несчастный не выпал наружу, но продолжать погоню уже не смог, поскольку своим ударом Эрик сломал ему позвоночник.

Увидев открытые двери, он рванул наружу. Его поразило, что несмотря на низко нависшие тучи, солнышко грело. А следующим шоком для него явились укрепленные главные ворота, служившие единственным выходом с огражденного высокой каменной стеной тюремного двора. Рядом с воротами стояла вышка, а на ней люди, старательно нацеливающие что-то длинное и металлическое на поросший травкой дворик между стеной и госпиталем. И еще целая группа охранников

стояла, собственно, на травке у ворот, предаваясь оживленной дискуссии. Пока что они его не заметили.

И вот что странно, когда Эббот резко свернул и побежал налево, мысли его, в основном, были заняты погодой. Какая сырая, жалкая страна! Где та Англия бесчисленных цветов, поющих птиц, о которой он так часто читал? На бегу он успел заметить, что в его сторону несутся трое на мотоцикле с коляской. Они что-то кричали, но слова утратили всякий смысл.

Ему некуда бежать. Погоня подступает сзади и с боков, а впереди лишь каменная стена, которую лбом не прошибешь. Эббот прикрыл лицо руками, пригнул голову и сжал зубы.

Будто приглушенный взрыв раздался в его ушах. Эббот споткнулся, и вдруг оказалось, что он уже бежит по открытой местности позади стены. Перед ним поле, а неподалеку стена деревьев. Он успокоился и побежал к лесу размеренными широкими шагами.

А позади ближайшие преследователи, трое охранников на мотоцикле, вынуждены были остановиться. Вместо того, чтобы продолжить погоню, они медленно подошли к пролому в стене. Та была очень толстая, особенно у основания, а сверху увенчана тремя рядами колючей проволоки под напряжением. Дыра же получилась неправильной формы с зазубренными краями. В воздухе все еще носилась цементная пыль. Люди недоверчиво ощупали неожиданно возникший пролом.

— Ну же, — сказал старший, по прежнему сжимая оружие. — Давай скорей за ним, а то уйдет.

— Сам давай за ним, Макс, — говоривший ощупывал края пролома.

— За ним, я сказал! Видишь, заключенный убегает, — и он указал в сторону леса неподалеку.

Третий охранник задумчиво покачал головой и проговорил с непривычной для себя серьезностью.

— Ты не совсем правильно выразился, Макс. Убегать то, конечно, убегает, но только это не заключенный. Ты посиди, подумай.

Капрал по имени Макс вдруг стушевался, поймав себя на том, что и сам неуверенно посматривает на дыру.

— Там ему кто-то снаружи помогал, они сюда какую-то бомбу заложили с дистанционным управлением, а, может, с часовым механизмом, а, может, и не бомбу, а мину.

Третий покачал головой.

— Нет, это не мина, Макс. Это не бомба. Тут вообще никакого взрыва не было. Просто он пробил стену, и все.

— Да, если бы был взрыв, мы бы слышали, — сказал второй.

— Просто она взорвалась, как раз в тот момент, когда он достиг стены, — с отчаянием предположил капрал.

— Без толку, Макс. Если бы это было так, то он бы погиб при взрыве, а мы, все трое, стоим и смотрим, как парень скрывается в лесу. И ведь как бежит. Просто марафонец какой-то. Если хочешь, подай на меня рапорт, — и развернувшись, охранник направился к мотоциклу.

— Ты как знаешь, а я за этим не погонюсь, если оно сквозь стены проходит. Ни за страх, ни за совесть, ни за короля нашего паршивого.

Капрал по имени Макс стоял в проломе и размышлял, как быть. Двадцатилетний опыт, приобретенный на службе, ничего не подсказывал. «В таком случае, — решил он, — следует дождаться старшего по званию. Да, дождаться старшего по званию. И пусть он отдает приказы». И остается только надеяться, что старший по званию прикажет всем считать, что ничего не было, что никто не проламывал себе путь на волю сквозь монолитную бетонную стену.

Когда Эрик вышел из леса, сирены уже давно умолкли. Перед ним раскинулась картинная деревенька. Начался легкий дождичек, из-за которого он затосковал по зонту, купленному в Нуэво-Йорке.

Деревенька была маленькая, и станции подземки в ней наверняка нет. Поэтому он с благодарностью воспринял явление автобуса, и сел в него. В салоне никто даже не оглянулся на вошедшего пассажира, и он устроился на последнем сиденье.

Теперь, если ему только удастся добраться до станции подземки, преследователи замучаются его отыскивать. Если бы только Эрик знал, в какой форме сейчас находились преследователи, он бы так не волновался.

Ну хорошо, заключенный совершил побег из тюремного госпиталя. Такое пусть редко, но случается. Но то, каким образом был совершен побег, привело всех в полнейшее замешательство. Тархун, конечно, не удивился бы, но его-то в госпитале не было, и некому было дать разъяснения потерявшей покой администрации.

Автобус довез пассажиров до какого-то города и оста-

новился. На ближайшей станции подземки Эрик с облегчением обнаружил, что находится всего в трех минутах езды от центра Лондона. Деньги у него были. Он успел их наменять в аэропорте, прежде чем сесть в самолет, вылетающий из Нуэво-Йорка. И даже быстрее, чем надеялся, Эббот уже делал пересадку на станции Хаммерслит. После этого подземка доставила его на Пиккадилли, где он на всякий случай сделал еще одну пересадку и вышел на Сент Джеймс. Кредитной карточкой Эрик решил не пользоваться, если только не возникнет крайняя необходимость. И на наземном транспорте добрался до Национальной Галереи. Там он целый час искал лавку по продаже художественных инструментов. Наконец нашел, после чего переключился на поиски магазина для электронщиков-любителей. И не успело стемнеть, как у него уже был новый комплект инструментов вместо того, что выкрали из нагрудного кармана.

Еще час в пустынном читальном зале библиотеки, и у Эббота была готова новая кредитная карточка, соответствующая реально существующему в Британии адресу, который он почерпнул в справочнике по Бирмингему. «Хоть это-то их затормозит», — мрачно подумал он.

Из галереи Эрик направился на Оксфорд-стрит, где приобрел новый комплект одежды: дождевик и новый зонтик. Старая одежда отправилась в общественный мусоропровод, а сам Эрик — в справочную кабинку.

Оказалось, Ньюлин Билдинг расположен на полдороге между Тауэром и Гринвичем, на берегу Темзы, среди прочих офисных небоскребов.

Эббот взял робокэб, и прежде чем остановить его неподалеку от Ньюлин Билдинг, несколько раз объехал вокруг, внимательно высматривая, не стоят ли на тротуарах группы крупных мужчин, изо всех старающиеся сделать вид, будто им ничего не надо. Если известие о его побеге и дошло сюда, никаких дополнительных мер безопасности предпринято пока не было.

Ньюлин Билдинг представлял из себя тридцать этажей из стекла и металла, возвышающихся над темной гладью древней реки. Лондон был очень похож на Нуэво-Йорк, но пахло тут почему-то иначе.

Здесь ли Лайза? Или ему придется выбивать сведения о том, где она из английских пособников Тархуна?

Автоматического дежурного в здании не было, вместо него стоял круглый столик с надписью «Информация». Рядышком слонялся пожилой охранник. Но вместо того, чтобы следить, что за бизнесмены такие входят и выходят из здания, он смотрел исключительно на часы. Большинство служащих расходилось. Время вечернее, и до конца рабочего дня было недалеко.

Эрик подошел к столику, за которым сидела миловидная девушка.

— Чем могу служить, сэр?

— Да вот, подружку ищу.

— Она здесь работает?

— По-моему, — мешкать было нельзя. — Ее зовут Лайза Тембор.

Девушка сверилась со справочником, нахмурилась и ответила:

— Извините, сэр, в Ньюлине не работает никто по имени Лайза Тембор.

«Не так-то все просто», — сказал он сам себе.

— А как по поводу человека по имени Кемаль Тархун?

Девушка еще раз просмотрела файл.

— Извините, сэр, даже похожего ничего нет.

Эббот хотел было описать Тархуна, но вместо этого переключился на более приятный образ.

— Эта женщина по фамилии Тембор... Она чуть выше вас. Исключительно красивая. У нее смуглая кожа и очень экзотический вид. Да, и голубые глаза, — в этой стране весьма, по большей части, бледных граждан Лайза должна была резко выделяться. — У нее очень большие глаза. Она очень стройная, но не тощая.

— Имя такое мне незнакомо, — дежурная замялась. — Но, по-моему, я видела женщину, о которой вы говорите. — Эрик впился пальцами в край стола так, что твердый пластик прогнулся. К счастью дежурная этого не заметила. — Она прошла наверх вместе с мистером Бростоу. По-моему, он из Канал Импортс. — Девушка посмотрела список. — Да, Канал Импортс. Спросите о ней там.

— А как мне найти Канал Импортс?

— Двадцать восьмой этаж. Комнаты с шестнадцатой по тридцатую.

— Мистер Бростоу. Спасибо вам огромное, вы мне очень помогли.

— Добро пожаловать, сэр. Всегда рада.

Эрик направился было к лифтам, но в последний момент передумал и отправился вверх по пожарной лестнице. Всю дорогу мозг его судорожно работал: «Это слишком, надеяться, что Лайза там! Это слишком, рассчитывать, что удастся вырваться вместе с ней отсюда, после всего того, что случилось». Он рассчитывал, что удастся найти того, кто осматривал его в госпитале, через него выйти на Тархуна или кого-то из его высокопоставленных помощников, и только потом на Лайзу.

Но если ее перевезли в Англию, то почему бы ей не быть здесь? Почему ей не быть в этом здании? Он вспомнил, как она подчинилась приказу Тархуна у себя в кодо в Нуэво-Йорке. А не произойдет ли то же самое, если дело дойдет до схватки? Почему он так уверен в ее поведении?

И вот Эрик уже на двадцать восьмом этаже и смотрит вдоль коридора, застеленного густым ковром. Из кабинета в кабинет прошмыгнули два строго одетых типичных бизнесмена. Он стоял у выхода с лестничной клетки, и ему было хорошо видно пространство у лифтов. Никакой охраны там не было.

С самым что ни есть небрежным видом Эббот пошел по коридору и стал осматривать номера комнат. Добравшись до комнаты номер шестнадцать, он принялся расспрашивать секретарей. Никто ничего не слышал о Лайзе Тембор. Но то, что сработало внизу, хорошо сработало и здесь.

— Да, по-моему, я видел девушку, которую вы описываете, — сказал молодой человек, сидящий за узким столиком. — Я как раз возвращался с обеда.

— А в какой комнате? — Этот вопрос Эрик задал, может быть, чуть резче, чем ему хотелось бы, и поэтому поспешил смягчить его улыбкой.

— Вы знаете, вот что странно, там, в конце коридора, есть две двери, одна слева, другая справа, и они не пронумерованы. По-моему, именно там я ее и видел. Она из одной из этих дверей выходила. А почему странно, так просто я все время считал, что это кладовки. Ну, понимаете, всякое списанное оборудование там хранится и прочее. И уж они совершенно точно не соединяются ни с одним из офисов Канал Импортс.

— Спасибо огромное, — поблагодарил Эрик.

— Только вы туда не попадете — они всегда на замке, —

молодой человек с извиняющимся видом улыбнулся. — Я знаете ли сам пробовал, чисто из любопытства.

— Хорошо, — сказал ему Эрик. — Я знаю, что делаю.

— Будьте осторожны, — посоветовал ему молодой человек. — Все-таки любопытство до добра не доводит.

— Мне чужого добра не надо, — на ходу ответил Эрик, устремляясь по коридору.

В полном соответствии со словами секретаря по обе стороны находились две ненумерованные двери. Рядом с ними не видно было ни звонка, ни переговорного устройства, только углубленные под пластиковую облицовку ручки. Но теперь его не остановила бы даже бронированная дверь, не говоря уже о секретной. Эббот одновременно налег на дверь плечом и дернул ее в сторону. Металл громко запротестовал, но хрустнул и подался.

Эрик вошел внутрь, и оказался в узком проходе. По обе стороны его были пустые кабинеты, в которые он поочередно заглядывал. Пару раз появились какие-то личности, безразлично посмотрели на него и исчезли за звуконепроницаемыми дверями.

Одну за одной Эббот принялся открывать их. Вламываясь, он извинялся, улыбался и быстро удалялся. Совсем уже было отчаявшись, Эрик открыл очередную дверь, за которой неожиданно оказался вовсе не кабинет. Он стоял на пороге просторной, удобно обставленной комнаты. Напротив окна, выходившего на Темзу, стояла кушетка, а на ней сидела хрупкая девушка. От одного ее вида дрожь охватила его до самых кончиков пальцев.

Он тихо прикрыл за собой дверь. «Ей нравится смотреть на реку, — сказал себе Эббот. — Надо нам будет поселиться где-нибудь с видом на реку».

Прежде, чем Эрик успел что-либо сказать, Лайза ощутила, что он здесь, и медленно обернулась. Не веря себе, она прикрыла рот рукой, и немыслимые глаза ее еще больше расширились.

— Эрик, — шепнула девушка. — Эрик...

— Здравствуй, Лайза.

Он подошел к кушетке, настороженно поглядывая налево и направо. Вот наконец они наедине.

— Но ведь тебя здесь не может быть, — и тут же совер-

шенно иным тоном, — они сказали мне, чтобы я забыла о тебе, что я тебя никогда больше не увижу.

— Они иногда ошибаются, — пробормотал Эббот. — В очередной раз удивляюсь, кто же это те самые «они»?

Тело его двигалось как будто по собственной воле, и самым естественным казалось обойти вокруг кушетки и сжать Лайзу в своих объятьях. Жадная готовность, с которой девушка прижалась к нему развеяла последние из закравшихся сомнений. Все мучения и боль последней недели, все допросы, стычки, поиски, все это было начисто смыто слезами. Ее слезами у него на плече.

— И все-таки я не понимаю, — кончиком пальца он нежно отер ее слезу, — в Нуэво-Йорке Тархун велит тебе убираться в свою комнату, и ты подчиняешься, будто автомат. Даже не выйдешь взглянуть, что со мной случилось.

Лайза снова повернулась к реке.

— Я не хотела видеть, потому что знала, что с тобой случится.

— Но вот так просто уйти, не попрощавшись. Почему?

— Потому что иначе я не могла, — просто ответила она ему. — Тархун — один из моих боссов. Мне приходится его слушаться.

— Отныне — нет. Больше — никогда.

Девушка с грустью покачала головой.

— Тебе просто такое говорить, Эрик, — в ее голосе прозвучала злость, скорее на себя, чем на него. — Ведь ты по-прежнему ничего не знаешь.

— Но ты все еще любишь меня?

— Какой глупый вопрос. Конечно, я люблю тебя. Так не должно быть, и я не знаю, откуда это, но люблю.

— А для меня все просто. Я люблю тебя, потому что так должно быть. Вот и все.

Она посмотрела мимо него по направлению к двери.

— Как ты нашел меня здесь?

Эрик был слишком измучен и не смог удержаться от бахвальства.

— Ну это вовсе не трудно. Прилетел на самолете. Отдохнул чудесненько на казенной койке, проделал несколько физических упражнений, и вот я здесь.

«Какой смысл вдаваться в подробности, если она все равно в это не поверит», — подумал он.

— А теперь ты уйдешь отсюда, уйдешь от Тархуна, от других твоих боссов, отправишься со мной.

— Куда?

— В Финикс, конечно. Мы поженимся.

— А потом, Эрик?

— Обустроимся, обзаведемся детьми.

— Детьми? — слово это прозвучало очень странно из ее уст, будто это нечто такое, о чем она никогда не задумывалась. — Да, я полагаю, что при определенных условиях, такое возможно.

«Очень странная формулировка», — подумал Эббот. Но тут же ринулся дальше.

— Все это на самом деле возможно.

— Конечно, почему же нет, — сухо сказала Лайза. — Я устроюсь на чудесную работу по соседству с твоей. Мы будем жить долго и счастливо. У нас получится классическая пригородная семья.

— А почему бы и нет, сама подумай, — сказал он ей. — Ведь очень часто самые простые решения отнюдь не самые худшие. Особенно если все вокруг, судя по всему, посходили с ума. Что касается Тархуна и всех этих его боссов, то я уже придумал, как мы от них избавимся. Мы прямиком отправимся в крупнейший лондонский пресс-центр и выложим телевизионщикам все, как есть.

А когда о твоей истории узнают несколько миллионов людей, черта с два люди Тархуна осмелятся выкрадывать тебя и переправлять в другую страну, а меня упрятывать неизвестно куда, чтобы я и словом не обмолвился.

От этой мысли Лайза немного повеселела.

— Весьма здраво и вполне возможно. Я почему-то об этом никогда не задумывалась, — и видеть, как она освобождается из пут апатии, как бабочка из кокона, было подобно чуду. — Еще и не такие штуки проходили, — добавила девушка.

— Только не со мной, — раздался голос позади.

Эрик обернулся и застыл.

Загораживая проход, в дверях стоял Тархун.

15

Опять Тархун. Когда-нибудь они избавятся от него? Или Эрику навеки отведена роль Валджаана при Тархуне? Ведь это несправедливо, черт возьми, просто несправедливо.

— Ну уж нет. На этот раз ты нас не разлучишь.

— Извини, Эббот, вынужден. Работа такая, понимаешь. — Эрик заметил позади Тархуна группу людей в защитных масках. Такая же маска висела и на шее их предводителя. — Теперь мы не позволим себе роскоши дать тебе очнуться. Один раз кто-то ошибся, но мои люди этой ошибки не повторят.

Не успел он договорить, как Эрик увидел полетевшие из-за спины Тархуна ампулы. Ударяясь о пол и мебель, они разбивались, и находящаяся внутри жидкость моментально с шипением испарялась. Тархун уже нацепил противогаз. Одновременно в комнату ворвались люди и нацелили свое оружие, отнюдь не электрошоковое, как подметил Эрик, на одну единственную цель.

Никаких нежностей, никаких шансов. На него были нацелены самые обыкновенные огнестрельные автоматы. Он понял, что они намерены убить его, невзирая на то, что это нанесет непоправимый урон психике Лайзы. Эббот понял это не только по тому, какое оружие на него нацелили, но и по выражению глаз мужчин и женщин, окруживших его. Он понял по тому, как закричала Лайза рядом с ним.

Рука ее была по-прежнему зажата в его руке, и он почувствовал, как его пальцы непроизвольно сжимаются. Когда грянули очереди, девушка закричала снова.

Странно, но ему показалось, будто он снова услышал также и крик Тархуна.

А потом стало темно, тепло и тихо.

«Так вот она какая, смерть, — подумал Эрик. — Она и в самом деле безболезненная, мирная. В точности, как говорят священники. Даже хор ангелов раздается вдали. Действительно, а как же иначе?»

Он никогда не считал себя особенно религиозным человеком, но, услышав хор ангелов, почти не удивился. Жизнь была полна сюрпризов, а теперь вот, и смерть.

Что-то теплое и податливое прижалось к нему. Он мгно-

венно узнал Лайзу. Значит их убили вместе. Наконец они вместе. Победил-таки Тархун. Хотя Эрик сильно сомневался, что убийство Лайзы входило в его намерения. Мысль о том, что негодяй опростоволосился, погрела его даже после смерти.

Потом стало сухо, прохладно. В воздухе запахло плесенью. Это поразило Эббота нелогичностью. Странно, что ему так крепко удается прижимать Лайзу к себе. Темнота, голоса ангелов, все это сливалось в гармоничный образ, все это можно было предполагать. Но вознесение на небеса никак не увязывалось с сухостью и запахом плесени.

Отпустив Лайзу, он убедился, что стоит на ногах и вполне может ходить. Кроме того, Эрик осознал, что дышит. Это также показалось ему неправильным. Ведь, когда умираешь, отпадает нужда во всем бренном, в частности, в необходимости дышать.

Он сделал пару шагов вперед и наткнулся на что-то твердое. Это был холодный необработанный камень.

Нет, слишком многое не увязывается.

— Эрик, что с нами случилось?

— Я... Я не знаю. Мы попали куда-то еще. Я подумал, что нас убили люди Тархуна...

— И я тоже. Но только я почему-то не чувствую, что умерла.

— Двусмысленное высказывание, — пробормотал он.

Постепенно глаза привыкли к темноте. И стал свет, только не свыше, а справа. Свет был слабый, чуть желтоватый и совсем не божественный.

— По-моему, Лайза мы все-таки не в Ньюлин Билдинге. Но и на Канзас тоже не похоже. — Эббот засмеялся, но смех отозвался таким зловещим эхом, что он тут же умолк. — А ты слышишь, ангелы поют?

— Слышу какое-то пение. Ты тоже?

Эрик кивнул, совершенно забыв, что девушка не может этого увидеть. Они пошли по направлению к свету.

Постепенно глаза их все больше привыкали к темноте. Свет, по направлению к которому они шли, тоже постепенно усиливался, и Эрик увидел, что они находятся под низким изогнутым сводом какого-то зала. Стены и потолок были сложены из неотесанных каменных блоков. На многих из них красовались выдолбленные надписи, некоторые были расписаны или как-то иначе украшены.

Не отпуская руки Лайзы, он свернул немного правее, откуда, как ему показалось, свет лился ярче. Над головой у них продолжал петь небесный хор. У одной массивной каменной плиты Эббот остановился и разобрал надпись. Буквы в скале были выдолблены, может, и древние, но английские и вполне понятные.

Здесь покоится полковник Джон Санторп.
Пал смертью храбрых во славу своего Короля
во время мятежа в американских колониях
3 марта 1775 года
в возрасте 33 лет

— А мне всегда почему-то казалось, что гробницы расположены не на небесах, а на земле, — как бы сам к себе обратился Эрик.

Теперь уже Лайза первая рванулась к свету и повлекла его за собой.

— Конечно же, конечно же, Эрик. Но где мы? И что стало с Тархуном и его людьми? И как мы вообще сюда попали?

— Вопросов много, а ответов мало, — смущенно пробормотал Эрик. — И вообще похоже, что наверху жизнь, а не ангелы.

Вскоре они оказались в коридоре, куда сверху проникал солнечный свет. Потолок там был низкий. Торопливо пройдя в конец коридора, они обнаружили винтовую лестницу, сложенную из камня. Чем выше Эрик с Лайзой поднимались по ней, тем громче становился хор голосов.

Лестница вела в небольшую комнату с запертой на засов дверью. Тот легко поддался под напором Эрика, и они попали в буйство цвета и звука, выбравшись, наконец, из подземных катакомб.

Они стояли в боковом нефе. Вдалеке, под богато выложенным мозаикой и расписанным куполом репетировал церковный хор. Эрик и Лайза стояли и смотрели, а хормейстер вдруг остановил пение и раздраженно отчитал фальшивящего тенора. Музыка возобновилась. Эрик наконец-то признал в ней «В неведомый край» Вильямса. Настрой у хора был прямо-таки ангельский, но исполнение выдавало в них грешных мирян.

Эрик не узнал места, в котором они оказались, но Лайза

хорошо подготовилась к вынужденному путешествию в Англию.

— Да мы же в Соборе Святого Павла, — восторженно воскликнула она. — Но как мы здесь очутились?

Эрик ее почти не слушал. Он затих в благоговейном трепете перед величием постройки, в которой они оказались.

— Красотища какая! — только и шепнул он. — Сколько я о нем слышал. Не ожидал, что придется увидеть.

— Ладно, некогда нам туристов изображать. Как мы здесь очутились, и смогут ли они погнаться за нами сюда?

Глаза ее бегали по сторонам. Казалось, она боится, как бы из-за ближайшей мраморной колонны не выскочил Тархун.

— Странно, — пробормотал Эрик, снова всецело обращая свое внимание к ней, — я почувствовал полную дезориентацию. Это был скорее психический скачок, нежели физический.

— Да, у меня тоже сложилось такое впечатление, — сказала она ему. — Но это ведь описание, а не объяснение.

— А какая разница? — спросил Эббот, испытав вдруг крайнее оживление и легкость. — Он снова обхватил Лайзу руками. — Я же сказал Тархуну, что больше он нас не разлучит, и он не смог этого сделать.

Поцелуй длился до тех пор, пока оба не почувствовали, что им не хватает дыхания.

— Тебе больше не придется волноваться из-за Тархуна. Я позабочусь об этом.

— Какой ты наивный, Эрик. Ты такой чудесный и таинственный, красивый и загадочный, но такой наивный. Он нас найдет. Он всегда может нас найти. В этот раз нам каким-то образом удалось ускользнуть из его лап, но это только на время.

— Мир большой, — возразил Эрик. — А кроме того, есть ведь колонии на спутниках. На Луне, на Ганимеде, на Титане.

— Какое это имеет значение? — мягко возразила девушка. — Он меня отыщет. Ведь это его работа.

— Кончай-ка ты про его работу и про него самого, если ты меня, конечно, любишь.

— Я не могу любить тебя, но люблю.

Они вышли из нефа и сели на свободную скамью. Внутри огромного собора в благоговейном молчании прохаживались

туристы. Глаза их были устремлены вверх. Кое-кто прислушивался и удовлетворенно кивал в такт пению хора.

— Когда ты начинаешь такое говорить, — не унимался Эрик, — ты сама становишься похожей на Тархуна. Что тебя с ним связывает? Сначала я думал, что он главарь какой-то шайки, потом решил, что он — подручный такого главаря.

— Таких вещей больше не существует, — возразила ему Лайза. — Коллигатар такого не допускает.

— Но слухи-то ходят, — возразил Эрик. Задавая свой следующий вопрос, он поймал себя на том, что не может заставить себя заглянуть ей в глаза. — А ты, случайно, не любовница какого-нибудь богатого политика или дельца?

— Нет, — на лице у Лайзы появилась удивленная улыбка, но девушка была совершенно серьезна. — Тархун работает на правительство. Но он не имеет отношения к исполнительной власти. Это начальник своего рода службы. В его задачу входит устранение различных препятствий на пути одного очень важного проекта.

Эрик нахмурился.

— А какое это имеет отношение к тебе? Ты что, каким-то образом участвуешь в проекте?

Она протянула левую руку, ласково погладила его лицо.

— Бедный, милый, таинственный Эрик, я так люблю тебя. Ты ничего не понимаешь. Я тебе с самого начала говорила, что ты не поймешь, — она нехотя отвела его руку. — Эрик, я и есть этот проект. И я не могу любить тебя, потому что я не для этого разработана.

Мысли Эббота бешено цеплялись одна за другую. Предположения возникали и тут же разбивались вдребезги, как хрупкое стекло.

— Ты говоришь какую-то бессмыслицу, Лайза. Ну хорошо, ты участвуешь в каком-то государственном проекте. Это я еще могу понять. Значит, ты говоришь, что ты разработчик...

— Эрик, пожалуйста, выслушай меня. Мне и так тяжело. Я — сама проект. Я — не разработчик, я... я — разработка. Я приманка, Эрик.

— Приманка? — Он, открыв рот, уставился на нее, окончательно зайдя в тупик.

— Ты не знаешь, что такое приманка? Это такая наживочка, которую помещают на рыболовный крючок. Надо мной трудились с величайшей тщательностью. Мне рассказывали,

что моим созданием занимались ведущие биоинженеры мира. Меня было очень сложно разработать. Понятия о красоте сильно различаются в разных частях мира, а я должна была выглядеть привлекательной для мужчин всех континентов.

— Уж в этом тебе не откажешь, — прошептал Эрик.

— Да пойми, Эрик, я — артисон, искусственный человек, вроде топси, Эрик. Меня совсем недавно вырастили.

Эббот тихо сидел рядом с ней, ощущая ее тепло, зная как она хороша, и не хотел верить ей. Но Лайза говорила с такой убежденностью...

Приходилось верить девушке на слово. Даже вообразить было трудно с какой стати ей могло прийти в голову придумать такую невероятную ложь, тем более сейчас, когда они только что вырвались из лап Тархуна. Ее можно было даже разрезать, заглянуть внутрь и все равно не узнать, правда это или нет. Сказать это мог бы только молекулярный биолог.

Изнутри, равно как и снаружи, Лайза Тембор совершенно не отличалась от человека. Слишком совершенная. От обычным образом зачатого человека ее отличали лишь некоторые таланты или способности, которые решили заложить в нее разработчики. Дар соблазнять, скажем.

Мимолетного взгляда из проезжающей по улице Финикса машины оказалось достаточно, чтобы нарушить весь привычный ход жизни Эббота, да так, что он несколько раз был на волоске от смерти. Вполне можно поверить, что она приманка.

Лайза сложила руки на коленях и скрестила пальцы.

— Всемирному Объединенному Космическому Управлению — ВОКУ — требуются люди вполне определенного склада, не просто ученые, а с определенным складом ума. Они необходимы, чтобы поддерживать должный баланс народонаселения в колониях, расположенных за Воротами в Гардене и Эдеме. Мне сказали, что меня разработали исключительно для того, чтобы я своим видом привлекала людей этого умственного типа. У них возникает непреодолимое желание безнадежно влюбиться в меня, — она криво усмехнулась. — Это своего рода тест: влюбится ли в меня мужчина. А по твоему, Эрик, как отбирают людей для Гардена и Эдема?

— С помощью лотереи, — вяло промямлил он. — У каждого есть шанс...

Смех у нее вышел добрый, с налетом грусти.

— Лотерея! Да неужели ты и в самом деле думаешь, что

ВОКУ станет отбирать людей, предназначенных для того, чтобы гарантировать дальнейшее выживание человечества посредством заселения колоний за пределами Солнечной Системы, исключительно доверившись случаю? Нет, конечно, кое-кого отбирают посредством лотереи, но исключительно для того, чтобы статистики и прочие не очень любопытствовали насчет реальной процедуры. На самом же деле, когда ВОКУ обнаруживает человека определенного склада, того, который им нужен, они помещают его в непосредственной близости от меня. Кстати, я не одна такая. Есть еще несколько наживок — женщин и мужчин. Если субъект должным образом реагирует на мое присутствие, то его вербуют.

— А как может кто-либо не отреагировать на тебя? — сказал ей Эрик.

— Ты судишь слишком предвзято. При создании в меня были заложены определенные сочетания внешних раздражителей, феромонов и прочих параметров, о которых я представления не имею. Я же не ученый. Я не знаю, каким образом воздействую на мужчин. Знаю только, что это случается.

Они продолжали сидеть и слушать, каждый погруженный в свои мысли. Эрик был благодарен хору за то, что тот иногда фальшивил. Это возвращало к реальности.

Наконец, он снова взглянул на Лайзу.

— Но все это не важно. Ничего не важно, поскольку ты любишь меня.

— Я тебя люблю, — сказала она, стараясь скрыть слезы. — Это не было в меня заложено, но я люблю. Я не знаю, как это получилось, но я люблю тебя. А ведь ты не можешь любить меня.

Он взял ее руки в свои ладони.

— Перестань говорить мне, что я могу, и чего не могу.

— Неужели ты не понимаешь, Эрик, ведь из-за этого переполошились Тархун и все управление. Тебе не положено любить меня. Ты появился откуда-то с улицы. Ты — случайность, аномалия. У тебя ум совершенно неподходящего склада.

— Тебе это Тархун сказал, да? — Лайза кивнула. — Я не сомневаюсь, что я появился неожиданно для них, но с чего они взяли, что мой ум не соответствует этим их чертовым критериям. Они же меня не тестировали.

— Тебя тестировали, Эрик. Тархун мне рассказал. Когда

все это началось, едва только ты стал преследовать меня, они первым делом связались с банком данных отдела кадров твоей компании. Изучили все твои тесты при поступлении на работу и последующие, и выявилось полное несоответствие, Эрик. Буквально по всем параметрам. Если бы ты подходил хотя бы по нескольким, Тархун совершенно иначе относился бы к тебе. Нет, конечно, со мной тебе остаться бы не позволили, но скорее всего тебя бы завербовали.

— В таком случае, у них неверные критерии, — сказал Эрик. — Поскольку я люблю тебя, и это факт бесспорный, совершенно очевидно, что они что-то упустили. Скорее всего, у них критерии неточные.

— Ну и что с того? Что было бы, если бы они решили завербовать тебя, отправить туда?

— Это точно. Тархун спит и видит, чтобы меня куда-нибудь отправить. Но боюсь, что не на Гарден и не на Эдем.

«Райские миры, — лениво подумал Эббот. — Ни налогов, ни сокрушающего бремени ежедневной работы. Все мечтают о них, все надеются попасть туда. А я — нет. Теперь уже — нет».

— Для меня это абсолютно ничего бы не изменило, Лайза. Ты прекрасно знаешь, поскольку они не разрешили бы взять тебя с собой.

— Нет, они бы меня с тобой не отпустили, Эрик. Я работаю здесь. Я для этого создана.

Он сильно встряхнул ее.

— Прекрати. Не могу я думать о тебе в таком ключе. Будто ты какая-то гора цифр и уравнений в компьютере инженера-разработчика. Ты не машина.

— Я машина, Эрик. Органическая машина, мы все такие. Просто у меня проработка более тщательная, более точное изготовление, чем у тебя. Меня выстраивали молекула за молекулой, Эрик, деталь за деталью. Вот как эту скамью, на которой мы сидим, или как купол. Кристофер Рэн от биологии создал мой образ на компьютере, Эрик, а химики-органики проследили, чтобы я была выращена в точном соответствии с проектом. И мне все это вовсе не обидно, я к этому уже давно привыкла и чувствую себя ничуть не хуже, чем все собравшиеся здесь. Да если уж на то пошло, то я чувствую себя гораздо лучше, чем они. И вовсе мне не обидно, когда всем этим милым людям, которые влюбляются в меня, говорят

правду. И они тут же забывают обо мне и отправляются в колонии. Ведь, любопытно, стоит им объяснить зачем все это, как они тут же перестают меня любить, — на лице девушки вдруг явственно проступило отчаяние.

Он поспешил заверить ее.

— Я никогда тебя не разлюблю, Лайза, ни капельки. Мне абсолютно наплевать на то, кто ты: робот, андроид или артисон. Ты — это ты, Лайза. Ты — это женщина, которую я люблю.

На этот раз она не стала сдерживать слезы и прижалась к нему.

— Мне это все на самом деле не обидно, — настаивала девушка. — Ты должен на самом деле поверить, что я на все это не обижаюсь. Никто из таких как я не властен по-настоящему над собственной судьбой. Что жизнь уготовила нам, то мы и делаем, как можем. Я делаю свое дело, дело для которого была предназначена.

— Твое предназначение — любить меня, — нежно сказал Эббот.

— Эрик, они найдут нас и отнимут тебя у меня.

Несколько человек обернулись и посмотрели на них. Но сразу же отвели глаза, встретившись взглядом с Эриком.

— Они заберут тебя и отправят на Эдем или Гарден, а то и еще хуже.

— Ничего такого они со мной не сделают, я же уже сказал, что ничто нас больше не разлучит.

Она отпрянула и уставилась на него.

— Ты меня не слушал, не слышал ничего, из того, что я тебе сказала?

— Каждое слово. Но ни одно из них ничего не меняет.

— Не меняет, говоришь? Для тебя, может быть, и так, — Лайза странно посмотрела на него. — Слышала я от них, каких дел ты понаделал. Нет, в лицо они мне не говорили, просто удалось многое подслушать. Тархун часто разговаривал по телефону в моем присутствии. Ты ведь невероятные вещи делал, нечеловеческие.

— Это я знаю. Не представляю, как я их делал. Это для меня такая же тайна, как и для Тархуна и его наставников. Да и какая разница? Самое главное, мы теперь вместе, и ничто не может нас...

Она прервала его, приложив палец к губам.

— Нет, Эрик, подожди. Это же очень важно. Во мне не была заложена способность вот так влюбляться, как я влюбилась в тебя. А несоответствующий нужному профилю мужчина не может влюбиться в меня, как ты. Я люблю тебя, ты любишь меня. Мне лишь одно приходит в голову, лишь одним я могу объяснить то, что происходит с нами. Объяснить, как тебе удалось сделать то, что ты сделал. Эрик, должно быть, ты и сам артисон.

Предположение это его не шокировало. Может она так и считает, но это неверно.

— Я не такой бестолковый, как ты думаешь, Лайза. Я это предположение уже изучал. Существуют вполне определенные тесты, и кое-какие из них я успел провести, пока меня оставили в покое, еще в Нуэво-Йорке. Артисоны ничуть не отличаются от людей по всем внешним данным, но надежные тесты существуют.

Она тревожно уставилась на него.

— Я не артисон, Лайза. Это первое, что пришло мне в голову, когда... — он замялся, — когда я начал выделывать то, на что ни один человек не способен. Я знаю, что во мне есть что-то особенное. Но я не артисон, я это проверил с помощью многих тестов. Доступа в лабораторию у меня, конечно, не было, зато у меня имелся доступ в нуэво-йоркскую библиотеку и местные аптеки. И ни один тест не сошелся, Лайза. Ни один.

— Так кто же ты такой, Эрик Эббот, — спросила она тихо. — Кто ты такой?

— Я не знаю. Не такой, как все, но и не такой, как ты. Я отличаюсь чем-то другим. Я инженер-разработчик, я знаю, как проводить и как интерпретировать полученные результаты. Я совершенно согласен, что это все бы объяснило. Мне, может быть, даже и хотелось бы этого. Но это не так. Я не артисон. Я могу больше, чем любой человек. Это определенно, но в чем здесь суть, я не имею ни малейшего представления. Да это и не важно. На самом деле неважно. Когда-нибудь мы все узнаем, а сейчас самое главное то, что мы любим друг друга. Неужели ты не можешь хотя бы сейчас согласиться с тем, что этого достаточно?

— Если ты согласен по-прежнему любить меня, узнав кто я такая, Эрик, то я тоже на все согласна. — Она оглянулась по сторонам. — А теперь нам пора подумать, пора начать планировать побег. Не из Лондона, а вообще из Британии. Я

понимаю, вечной свободы мы все равно не обретем, но ты сделал так, что мне захотелось попробовать. Со временем они все равно выследят нас, но на несколько дней, а может быть, недель возможно улизнуть. И это будет такое счастье, которое поможет мне прожить остаток дней. Я всегда смогу обратиться памятью к этим дням или неделям.

Глаза Лайзы сияли. Такой оживленной Эрик ее еще ни разу не видел.

— Мы их заставим за собой побегать. Так просто у них ничего не выйдет. Ты находишься в розыске, а я... я дорогостоящая продукция, которую очень трудно заменить. Давайка подумаем, как заставить их попотеть.

— Мы еще и не то придумаем, — уверил ее Эрик. — Вот ты все говоришь, что нет такого места, где мы сможем укрыться одни, куда руки у Тархуна не дотянутся. А я вот подумал хорошенько и понял, что есть. И мы о нем чуть не десять минут сейчас говорили. ВОКУ нуждается в колонистах. Так вот считай, что у него двумя колонистами стало больше.

Лайза с трудом подавила улыбку.

— Чудесная мысль, Эрик. К несчастью ничего не выйдет. Это невозможно. Конечно, то, что я влюбилась, тоже вещь невозможная. И то, что ты в меня влюбился, и то что мы сидим здесь и держимся друг за друга, а не лежим трупами там у реки. Наверное, мне не следует смущаться тем, что ты предлагаешь очередную невозможность.

— Конечно же, — сказал он ей, и глаза его радостно засияли. — Нам придется посидеть здесь еще несколько минут, прежде, чем мы приступим, — и Эрик поудобнее устроился на длинной скамье.

— Но зачем?..

На лице его появилось спокойное, благостное выражение. Под куполом парило пение хора.

— Мне всегда так нравился Вильямс...

Тархун привык действовать независимо от правительства, которое больше мешало, чем помогало. Перед центральной властью, которая относилась к региональным правительствам скорее как к неудобствам, он отчитывался, упоминая, как правило, лишь дела давно минувших дней.

Но несмотря на это, а, может быть, даже благодаря этому,

он с нетерпением ждал предстоящего разговора. Поездка по замерзшей поверхности Люцернского озера прошла в оглушительной тишине. Мотосани бесшумно скользили по льду, крупные снежинки таяли на окнах. А изломанно-величественные Альпы подобно бледным привидениям высились где-то за грозовыми тучами.

При входе в глубь горы царило обманчивое спокойствие. Громадная металлическая дверь тихо отодвинулась, и Тархун прошел внутрь. А там рядами стояли вооруженные бдительные охранники, внимательно следившие за каждым его шагом. Кругом царил целый водоворот целенаправленной деятельности. Сопровождающий вел его все дальше в глубину власти, а Тархун едва успевал увертываться от сломя голову несущихся куда-то по делам программистов и операторов.

Наконец, они пришли, и сопровождающий оставил его одного около двери. Это была самая обыкновенная дверь, похожая на десятки других, которые они проходили по дороге. Однако, при звуке голоса, пригласившего его войти, Тархун вздрогнул, что с ним редко бывало. Всякий достаточно информированный житель Земли узнал бы этот голос.

— Войдите, пожалуйста.

Он вошел.

Внешний вид пожилого мужчины, сидящего за столом в окружении нескольких экранов, вполне соответствовал голосу.

Тархун украдкой глянул на экраны. Информация, отображенная на них была для него совершенно непонятной.

«Какой у него усталый вид», — подумал Тархун. Правда, во время своих публичных выступлений он всегда казался уставшим, но никогда не был настолько измученным. Или при телеобращениях его гримируют?

— Я прибыл, сэр. Мне назначено. Тархун.

— Тархун? Ах да, вы из Северной Америки. — Ористано повернулся к нему на вращающемся кресле и протянул руку, не вставая. — Очень приятно. Садитесь, пожалуйста, — и он указал на стоящий по соседству диван.

Тархун сел и почувствовал себя спокойнее.

И хотя главный управляющий программным обеспечением выглядел очень внушительно, но казался он все-таки менее впечатляющим, чем он ожидал. Однако одного того, что олицетворял собой Мартин Ористано, было достаточно, чтобы внушить трепет кому угодно.

— Простите меня, сэр, но я все-таки не понимаю, почему мне было приказано вам доложить. Я не привык, чтобы меня отрывали от незаконченного задания, а особенно от такого, как то, которым я занимаюсь последний месяц.

— Я вполне знаком с трудностями, с которыми вы столкнулись, Тархун. И поверьте мне, я вам сочувствую.

Тот кивнул, ничуть не удивившись. ГУППО имеет доступ ко всему, что творится на планете.

— Стало быть дело здесь касается вещей еще более серьезных, чем те, о которых мы говорили.

— Намного более серьезных.

— Но я все равно не понимаю, зачем меня позвали сюда и оторвали от дела...

— Вас никто не отрывал от дела, Тархун. Оно по-прежнему возложено на вас. А сюда вас пригласили, чтобы поставить в известность. Сам Коллигатар заинтересовался подвигами этого вашего мистера Эббота.

— Мне это известно, — Тархун кивнул и беспокойно задвигался на диване — на его вкус тот был чересчур мягок, так и тянуло лечь и расслабиться.

— Я знал, что этот человек представляет из себя гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Я всем этим сообщениям не верил, пока он не ускользнул у нас прямо из рук в Нуэво-Йорке. А потом, когда он второй раз ускользнул от нас под Лондоном, а потом прямо у меня на глазах. Вам доложили, что он сделал?

— Как я уже говорил, я знаком со всеми деталями.

— Я в этом не сомневаюсь, сэр. Но одно дело читать доклады об этом на экране, а другое дело лично взглянуть на дыру в метровой толще бетона, которую твой противник проделал просто пройдя сквозь стену. И уж совсем другое дело видеть, как он растворяется прямо у тебя перед глазами, прежде, чем усыпляющий газ и десятки пуль успевают вонзиться в его тело. С чем я имею дело, сэр? Мне нужно знать, чего я могу ожидать от него в будущем.

— Я понимаю вас, Тархун. Но вы тоже со своей стороны должны понять, что это дело очень сильно встревожило многих высокопоставленных людей, включая меня. Я потратил на него гораздо больше времени, чем намеревался. И теперь, похоже, у нас остается мало времени.

— Времени пока достаточно, — раздался еще один голос.

Тархун окинул комнату взглядом, но никого не увидел, и тут волосы у него на затылке стали дыбом. Он понял, кто говорил.

Он — простой мальчик из бедной семьи, выросший на задворках Анкары, многого достигший в своем трудном деле. Ему здесь не место. Тут вокруг него задействованы силы, которые выше его понимания. Силы, которые захотят — используют его, а захотят — небрежно отшвырнут с холодным безразличием.

— Извините, ваша светлость, — и тут же он почувствовал себя дураком. Совершенно неправильное обращение. Но что, «Ваше Компьютерство» было бы лучше?

Машина не обратила внимания на его замешательство, это было обычным делом при первом разговоре с Коллигатаром.

— Называй меня просто Коллигатар, Кемаль.

Он немного расслабился, удивляясь, как это машина догадалась обратиться к нему просто по имени. Профессиональное любопытство очень скоро победило в нем ужас.

— Коллигатар, я слышал, что произошли определенные события, которых на самом деле не должно было случаться. И дело начинает приобретать абсурдный оборот. Кто такой или что такое этот Эрик Эббот, которого мне приказали захватить?

— Эрик Эббот очень опасен, Кемаль. И опасен он не только для программы «Приманка», забота о которой поручена вам ВОКУ. Он являет собой угрозу гораздо большему. И все, что происходило до настоящего времени, было призвано не более, чем ввести всех в заблуждение, замаскировать истинную природу этой угрозы. Долгое время я сам вынужден был удовлетворяться лишь подозрениями относительно истинной природы происходящего, одними лишь подозрениями. Нас очень хитро провели, и мы уже далеко успели зайти по ложному пути, но теперь я полагаю, что раскрыл их истинные намерения. Сейчас мы находимся в критической точке. Я мог бы избавиться от непосредственной угрозы, которую несет ваш Эрик Эббот. Но это достижимо лишь путем его уничтожения. Однако у нас есть, пусть и не стопроцентная, возможность обернуть происходящее себе на пользу. Обратить нравственные и физические минусы в плюсы. И я предпочел бы сделать именно так. Хотя это и связано с определенным риском.

— Я не знал, что Коллигатар способен рисковать.

— Я, Кемаль, если уж разбираться до конца, всего лишь

хорошо сделанная счетная машинка, я просчитываю вероятности и, исходя из этого, вношу предложения. И я хочу добиться, чтобы Эрик Эббот с наибольшей вероятностью не был в дальнейшем использован против нас. А если удастся направить события в нужное русло, то и гораздо большего.

— Нас?! — выпалил Тархун.

— Да, человечества и меня. Понимаешь, Кемаль, мы неразрывно связаны.

— Да, — тихо сказал Тархун, ничего не понимая.

— Промедление связано с определенным риском, — вставил Ористано. — Коллигатар пытается объяснить вам, что с другой стороны появляется неплохой шанс обернуть Эрика Эббота против тех, кто его использует.

— Вот уж не знаю, — сказал Тархун. — Меня он поразил своей крайней независимостью. По-моему, он вообще не настроен никого слушаться. И ничего, — добавил он со значением, глядя в телекамеру, расположенную в глубине комнаты.

— И в той самой независимости, о которой вы справедливо упомянули, Кемаль, скорее всего и лежит ключ к нашему успеху, — сказала машина. — Но действовать нам нужно быстро. Ты, Мартин, хочешь слушай, а хочешь займись своими делами, тебя это не касается.

Тархун приготовился. Одно дело получать приказы через компьютер и совсем другое дело получать приказы от компьютера. Но это ведь не просто компьютер, это Коллигатар.

Но обижаться было некогда. Скоро компьютер начал выдавать инструкции, и Тархун забыл о всяких обидах. Тут и в самом деле было, что послушать, столько в этом деле оказалось такого, о чем он и не подозревал.

16

Эрик почувствовал, как Лайза взяла его за руку. От ускорения ее тело прижалось к его, естественно, в пределах, отпущенных ремнями, которыми девушка была надежно привязана к сиденью.

— Ведь не получится, — шепнула она.

— Получится, — заверил он ее. — Должно получиться. Ведь пока все получается.

— Ну это оттого, что мы их в Лондоне совсем уж поразили. Хотела бы я все же знать, как у тебя это вышло.

— Я тоже, — Эббот слегка откинулся, чтобы не загораживать ей вид. — Давай лучше посмотрим в окошко, а то скоро прибудем. Ты когда-нибудь была за пределами планеты? — Она покачала головой, глядя мимо него в иллюминатор. — Я тоже. Это покруче, чем из Финикса уезжать.

Под ними была Земля, переливающийся бело-голубой электрический фонарь, сияющий на фоне черного космоса. А впереди пункт назначения и, если им очень повезет, полная безопасность.

Станция Ворота представляла собой не просто огромную орбитальную лабораторию. Это был самый большой по численности персонала комплекс, висящий над землей на геостационарной орбите, над той точкой, где атлантический меридиан пересекается с экватором. На борту станции светились тысячи огней. Она была похожа на горящую снежинку. Примерно такую форму она и имела.

Ветвящиеся рукава разбегались от центра станции во все стороны на километр и больше. Сверху и снизу от густонаселенных осей помещались многие квадратные километры солнечных батарей, составленные из ячеек аморфного металлического стекла, черпающие энергию от далекого солнца для нужд этого летающего города.

Но взгляды всех пассажиров были прикованы к одному единственному рукаву, который как раз появился в поле зрения. Все знали его по многочисленным телепоказам. Длинный и тонкий цилиндр, оканчивающийся ярким оранжевым утолщением, на конце которого была помещена огромная, диаметром в два километра, параболическая тарелка.

Это собственно и были Ворота.

Отправная точка. В основании гигантской вогнутой тарелки находился зал ожидания. И сразу же за ним — Ворота. Те самые, которые вели на Эдем или на Гарден, в зависимости от того, куда нацелен объект. Ворота, которые вели через еще никем не исследованные лимбы в райские миры, где молочные реки в кисельных берегах. Пятимерный туннель, ведущий сквозь Галактику, путешествие через который по-прежнему было гораздо лучше описано с философской, нежели с физической точки зрения.

Никто не понимал до конца, как функционируют Ворота,

почему они функционируют. Эта постройка явилась следствием одной из тех чудесных случайностей, из тех изысканно непреднамеренных открытий, которые случаются каждые несколько тысяч лет в науке.

Те, кто открыл физический эффект, приведший к возникновению Ворот, вовсе его и не искали. А обнаружив, только через несколько лет поняли, что они открыли.

Теперь же Ворота работали уже сто пятьдесят лет. С математической точки зрения их принципы действия так и остались необъясненными. Но тут все было как в случае со шмелем, который по всем расчетам не должен летать, потому что слишком тяжелый, а все-таки летает. Ворота позволили Человечеству протянуть две хрупкие нити к звездам и разрушить тиранию скорости света.

Звезда Барнарда, Альфа Центавра с легкостью оставались позади. Эдем и Гарден, находящиеся гораздо ближе к центру галактического диска, посредством сложного оборудования оказывались как бы по соседству. Если говорить о реальном времени, затрачиваемом на перемещение, то Гарден и Эдем были даже ближе к станции Ворота, чем Земля. Конечно, на Земле построить такие Ворота было невозможно. Сила тяжести и магнитное поле планеты препятствовали этому. Так что люди должны были прибегать к услугам тяжелых и медлительных кораблей, чтобы добраться до станции, в точности так же, как и до других колоний, расположенных в пределах Солнечной Системы.

Время от времени заходил разговор о строительстве вторых Ворот. Но неимоверные расходы делали это маловероятным, а с физической точки зрения это было и вовсе невозможно. Чтобы в работе первых и вторых Ворот не возникало помех, новую станцию, согласно расчетам, пришлось бы строить в нескольких триллионах миль за орбитой Плутона. Так что по крайней мере до тех пор, пока их принцип действия не будет понят до конца, Человечеству придется обходиться одними Воротами.

Но все это мало кого волновало, по крайней мере теперь, когда станция успешно функционировала уже полтора века. Вновь прибывшим пассажирам челнока никто не устроил радостной встречи. На ней не было таможенных чиновников. Она была открыта для граждан всех национальностей.

Движущаяся дорожка доставила их в большой, покрытый

куполом зал прибытия. Дети восторженно прыгали вокруг родителей, радуясь случаю поиграть при трех четвертях силы тяжести. Сквозь иллюминатор высотой в два этажа было видно привычно вращающуюся Землю.

Они устроились в небольшом элегантном ресторане, где Лайза первым делом вытаращилась на цены. Эрик же на них даже не взглянул, решив не жалеть своей податливой кредитной карточки, потому что скоро кредитка станет полностью бесполезной, сколько ее не меняй.

— И все равно, я не понимаю, как ты собираешься это сделать, — спросила она его позже вечером.

Вокруг них тускло светились огни движущихся дорожек. Несколько парочек и компаний прогуливались среди фонтанов и буйства роз, сильно выигрывавших от меньшей величины силы тяжести, и упивались видом Земли и звезд.

— Нам никак не удастся выдать себя за колонистов. Ведь прежде, чем допустить к Воротам, всех обследуют. Так что я вообще не понимаю, как ты даже до зала отправления собираешься добраться.

— По-моему, ты совершенно права, говоря. что нам даже за колонистов не удастся себя выдать, — сказал он ей, когда они свернули за угол. — Квоты очень жесткие, и последнее обследование, бесспорно, доскональное. Ты слышала историю об этом убийце? Как бишь его там... Грисс или что-то вроде этого. Он попробовал сделать это около десяти лет назад. Он решил, что стоит ему прорваться сквозь Ворота, как он будет свободен начать новую жизнь в полной безопасности. В этом он как раз не ошибся. Он, казалось, предусмотрел все. Добыл себе поддельную форму отбывающего, карточку-удостоверение, выучил всю процедуру, запомнил как на что отвечать. Жуткий потом скандал был. Засыпался он в самую последнюю минуту, уже после всех проверок и барьеров, потому что его не признал руководитель группы. Ведь колонисты по шесть месяцев проводят вместе, готовясь купить себе доступ к Райский Воротам, и слишком хорошо друг друга знают, чтобы среди них мог проскочить незнакомец.

— Так как ты собираешься это сделать?

— Мы не будем пытаться выдавать себя за колонистов, Лайза. Мы себя выдадим за обслуживающий персонал Ворот.

Она покачала головой.

— Ты что, думаешь, кто-нибудь подойдет и попросит нас их починить?

— А что, это я могу. Я ведь знаю, из каких частей они состоят и как действуют.

Она разинув рот уставилась на него.

— Откуда ты это знаешь?

— Компания в которой я работал, «Селверн», является одним из основных поставщиков запчастей для Ворот. Я последние десять лет только тем и занимался, что помогал разрабатывать новые более компактные детали для станции. Я, конечно, не знаю, как она работает от начала до конца, но этого никто не знает. Но чтобы одурачить ничего не подозревающего дежурного, я знаю достаточно. У меня своего рода фотографическая память. Я, Лайза, каждый проект, над которым работал, помню в деталях. Это, кстати, одна из причин того, почему я так продвинулся по службе. По бывшей службе, следует добавить. Так что зубы я сумею заговорить кому угодно. А ты будешь у меня как бы подручной, поэтому тебе ни на какие технические вопросы отвечать не придется.

— И ты полагаешь, это сработает? Ну хорошо. А дальше что?

— Сам проход сквозь Ворота занимает не более секунды, я надеюсь, что нам удастся просто рвануть к ним и проскочить перед самым носом у колонистов. Конечно, окончательно убедиться можно, только увидев своими глазами, как спланирован зал с Воротами. Если выяснится, что такой вариант не проходит, может быть, мне самому удастся запустить станцию. Посмотрим на месте.

— А как же охрана? Неужто они подпустят какого-то техника к главному пульту.

— Я думаю, что охрана находится за пределами зала отправления. Всякий, кто попал собственно на станцию, уже прошел все необходимые для безопасности проверки. А как только мы туда попадем, — он беспокойно замялся... — Ну, в общем, мне кажется, я справлюсь с любым физическим противодействием. За последние недели у меня это всегда получалось. Я не хочу никому вреда, и если повезет, может быть, обойдется и без этого, но они нас не остановят, Лайза.

— Твоими бы устами да мед пить. А что, если тебе не удастся настроить Ворота как надо?

Ответ его прозвучал так, как будто он говорит о чем-то само собой разумеющемся.

— Тогда мы погибнем, а Тархун останется в дураках, потому что так и так, разлучить нас ему не удастся.

Она обхватила его рукой за талию.

— С моей старой жизнью все равно покончено, Эрик. Так что или у нас будет совместная жизнь, или не будет никакой.

Он задумчиво кивнул.

— Мне тоже в жизни не к чему возвращаться. Все, что мне нужно, сейчас рядом со мной.

Они шли по кольцевому маршруту, постепенно приближаясь к радиусу, ведущему к Воротам. По станционному времени близилась полночь. Туристов становилось все меньше. Некоторое время Эрик и Лайза послонялись у единственного шлюза, ведущего к Воротам. Пока, наконец, не появился усталый техник, подходящих габаритов.

Попрощавшись с двумя охранниками, поставленными у выхода, он направился в боковой коридор, ведущий в жилые отсеки космического города и был немало удивлен, когда к нему подошла Лайза, выглядевшая потерянной и несчастной. По складу ума, ему несомненно не положено было влюбляться в нее, но обыкновенная похоть тоже чего-нибудь да стоит. А уж ее-то Лайза пробуждала в каждом здоровом мужчине.

Тенью следуя за парочкой, Эрик старался подавить в себе отвращение к тому, что должно произойти. «Но ведь это самое безопасное», — успокаивал он себя. В конце концов, Лайза сама его уговаривала, пока он не сдался.

Девушка и техник исчезли в квартире последнего. Не то, чтобы ее сильно тревожило неизбежное, поскольку всю свою жизнь, она только этим и занималась. И все-таки заснувшего вместе с ней на кровати техника Эрик пристукнул чуть сильней, чем требовалось.

Связав и заткнув рот кляпом, они заперли его в крохотной уборной. Эрик натянул на себя чистую служебную форму из шкафа и набил карманы всеми инструментами, которые ему удалось найти. Оставалось решить проблему формы и пропуска для Лайзы.

— А у тебя получится? — неуверенно спросила она. — Если нет, то ладно так и быть, я за двоих поработаю.

— Ты свое уже сделала. Пару месяцев назад мне бы такое

и в голову не пришло, а теперь, — уверенно заключил Эббот, — у меня все получится.

Поиски женщины с аналогичными желаниями заняли немного дольше, но внешняя привлекательность Эрика, помноженная на вновь обретенную им уверенность, не могли не навлечь на него скучающую представительницу противоположного пола.

Так они раздобыли униформу и пропуска, хотя предъявлять последние было крайне опасно. Эрик горячо надеялся, что, может, обойдется без проверки, и хватит только формы.

— Ну, а теперь? — спросила его Лайза.

По взаимному согласию, они ни словом не обмолвились о необходимых связях.

— Не можем же мы просто так взять и войти. Наверняка нас будут проверять самым тщательным образом.

— По-моему, формы хватит. Но я еще кое-что могу сделать. Мне за последнее время в таких делах много довелось поупражняться.

Не обращая внимания на лежащее на полу тело женщины-техника, Эббот уселся за ее рабочий стол и принялся орудовать только что добытыми инструментами.

Пропуска оказались не сложнее стандартных кредитных карточек. Задача их видоизменения могла поставить в тупик обычного вора, но никак не Эрика. Через час кропотливой работы пропуска уже полностью соответствовали своим новым владельцам. И все-таки он надеялся, что предъявлять их не потребуется.

Оставалось сделать только одно. Нарушив уже столько законов, Эрик без малейших колебаний проник с терминала в компьютерную сеть администрации космического города. Там он сделал новые записи. При внимательном рассмотрении, конечно, выясниться, что это фальшивка, но прежде чем какой-нибудь любопытный инспектор сверит здешние файлы с их копиями на Земле, они уже будут на свободе или на том свете. А пока что любая проверка службы безопасности подтвердит, что они — Марк Льюис и Сьюзен Калвер — техник-ремонтник и его помощница.

— Какое счастье, что этот убийца, Грисс, не обладал твоими талантами в области компьютеров и молекулярной химии, — заметила Лайза, когда они уже шли по тускло освещенному коридору.

— Так он ведь просто свою шкуру хотел спасти, — мягко ответил Эрик, — а у меня гораздо более сильные побудительные мотивы.

Несмотря на всю их предусмотрительность, подходя к первому пропускному пункту, они волновались. Избежать проверки было нельзя. Как обойдешь семь шлюзов? Ведь к Воротам ведет один-единственный коридор. Сам зал отправления был настолько защищен от вторжения, что даже служебного входа для одетого в форму персонала не было. Работал один-единственный бронированный шлюз, через который можно было попасть туда.

Двое охранников у шлюза выглядели очень уставшими. Смена кончалась. Ни один из них даже глаз не поднял на двух приближающихся техников. Чужая рубаха была тесна Эрику в плечах, и он постарался ссутулиться, чтобы скрыть этот факт. Они уже успели достаточно понаблюдать, как ведут себя около входа другие техники, и знали как вести себя.

— Пропуска? — усталого вида женщина-охранник протянула руку, в голосе ее звучала скука.

Как много зависело от этих двух пластиковых карточек. Кустарная работа Эрика сейчас подвергнется жесточайшей проверке по последнему слову техники. Это вам не простейшее устройство контроля, стоявшее в аэропорту и не кассовый аппарат в ресторане. Видимое спокойствие давалось с трудом.

Охранница вставила обе карточки в прорезь небольшой машины. Яркий луч осветил сначала лицо Эрика, потом Лайзы. Раздался щелчок и обе карточки были выданы машиной обратно и возвращены охранницей владельцам. Компьютерная сеть станции поддалась на фальсификацию.

— Проходите, — охранница с отсутствующим видом махнула рукой. — Ничего, ночь кончается. Скоро посплю.

Эрик прошел через электрические ворота, а Лайза следом за ним. Раздалось гудение, и тяжелые створки шлюза перед ними разъехались. Впереди появился длинный коридор, почти во всю ширину заполненный движущимися в обе стороны дорожками.

Достаточно было одного нажатия кнопки с пульта охранницы, чтобы весь этот коридор превратился в смертельную ловушку. Эббот с трудом поборол в себе жслание побежать.

Они встали на дорожку и она увлекла их вперед. Ничего

не произошло. До следующего поста проверки Эббот и Лайза добрались без приключений, хотя их все время так и подмывало оглянуться и посмотреть, не гонятся ли за ними.

От второго пропускного пункта в зал отправления Ворот поворачивать было уже поздно.

— Пропуска? Как зовут? — промямлил охранник.

Эрик чуть было не забыл свой последний псевдоним. Бдительная Лайза догадливо расшевелила его память.

— Ну же, Марк, не спи на ходу. Понятно, что рано, но мог бы и пошевеливаться.

Потом был третий пропускной пункт, четвертый и, наконец, пятый, последний. За пятым пропускным пунктом коридор расширялся и превращался в довольно просторную комнату. Впереди был зал отправления, а по бокам жилые помещение для колонистов. А за залом отправления находились Ворота.

Они пошли по направлению к ним, и тут как гром среди ясного неба грянул отчетливый голос из-за спины.

— Эй вы, двое. Минуточку.

Эрик так и замер, будто врос в палубу. Он изо всех сил пытался решить дилемму: то ли изо всех ног ринуться к Воротам, то ли обернуться и ударить. Пока Эббот сражался с этими двумя вариантами, из-за спины появилась лейтенант службы безопасности ВОКУ и представилась:

— Максин Зандман, — охранница с любопытством взирала на пришедших. — По-моему, я вас обоих раньше не видела.

Эрик наградил ее самой очаровательной улыбкой.

— Нас только что приписали к ремонтной службе Ворот. Мы с последним рейсом прибыли.

— И вот так прямо сразу и за дело?

— Да, я специалист по ремонту и обслуживанию системы подпространственной транспозиции. Тяжело, знаете ли, там если что не так, то сразу весь эффект нарушается. А потом копайся и голову ломай. А тут еще рань такая. — Эббот указал на Лайзу: — А это моя помощница. Стажер. От нее вообще толку не добьешься.

Лейтенант кивнула, ощущая на себе взгляды подчиненных. Не хватало еще перед ними опростоволоситься.

— Хорошо. Редко теперь встретишь человека, который горит таким энтузиазмом на работе.

— Стараюсь, как могу, — сказал ей Эрик, проходя мимо.

Едва они отошли за пределы слышимости, как Лайза шепнула ему.

— А что такое подпространственная транспозиция?

— Понятия не имею. Но готов поспорить, что лейтенант тоже не имеет. Так не станет же она сознаваться в этом перед всем своим взводом.

— А что если она решит что-либо проверить.

— Если решит, то у нас документы в порядке. А если дама захочет проверить нашу работу, то у нее целый час уйдет на чтение труднопонимаемых текстов, прежде чем она поймет, что я говорил полную чушь. А нас к тому времени здесь и близко не будет.

Они шли по людному залу отправления. Вокруг сновали десятки колонистов, переговаривались, читали, смотрели последние фильмы. Эрику попадались на глаза пары, одиночки, стремящиеся составить пары, озабоченные матери, пытающиеся уследить за возбужденными детьми. Те, кому предстояло скоро отбыть, просматривали в последний раз содержимое зеленых вещмешков. Эббот вспомнил, что более громоздкий багаж отправляют отдельно, вслед за людьми.

Впечатляющее зрелище. Столько знаменитых зеленых униформ, собранных в одном месте. И за каждым много тысяч надежд тех, кого не избрали.

«Все находящиеся в зале ожидания прошли дескональную проверку, прежде, чем попали сюда, но не такую дескональную, как мы», — мрачно подумал Эрик.

Из зала отправления к Воротам они прошли без труда. Сквозь последний шлюз технический персонал сновал туда-сюда беспрестанно. Охрана беспрепятственно пропускала их, справедливо полагая, что пяти контрольно-пропускных пунктов в коридоре вполне достаточно.

Изредка они ловили на себе взгляд кого-нибудь из ремонтников или мелкого начальства. Вот и все. На станции отправления трудилось несколько сотен специалистов, и, естественно, никто не знал в лицо всех своих сослуживцев. Что же касается ученых и инженеров, которые непосредственно управляли Воротами, то они полностью были поглощены работой и вовсе никого не замечали.

Первое время Эрик нервничал, когда на него кто-то смотрел, пока, наконец, не понял, что смотрят вовсе не на него. Конечно же, они привлекают внимание. И в этом нет ничего

необычного, поскольку с ним одна из самых прекрасных женщин планеты. Рабочая униформа не способна этого скрыть.

Заприметив незанятое рабочее место, оборудование которого было ему знакомо, он уверенно направился к нему. Отовсюду слышались разговоры колонистов. Было раннее утро, и Ворота как раз готовились к возобновлению работы после ночного перерыва. Эрик демонстративно раскладывал на своем рабочем столе инструменты, а сам размышлял над тем, как им все-таки удалось провести службу безопасности. Впрочем, ничего удивительного не было. В задачи службы безопасности входит лишь отслеживание только откровенно антисоциальных элементов, типа Грисса. Угрозы же саботажа просто не существует. Даже самые отпетые преступники с Земли не станут причинять ущерба Воротам, поскольку имеют шанс ими воспользоваться.

Сами Ворота на вид не были особенно внушительными. Скромная ниша, расположенная в дальнем конце зала, окруженная изогнутыми металлическими конструкциями и сотнями мигающих лампочек. А дальше — черная пустота. Там, гласила теория, находится тонкий слой нормального пространства, а дальше пространство свертывается во что-то совершенно не-Эйнштейновое, и на другом конце темного тоннеля брезжит свет далеких миров.

Эрик и Лайза легко вписались в деловитую суету. Выстроенные в колонну по одному, одетые в зеленое колонисты двигались по направлению к очерченному перед Воротами кругу ожидания. Каждые тридцать секунд по команде начальника пятеро из них делали одновременно шаг вперед и исчезали из этой части Галактики, чтобы вскоре очутиться Бог весть где.

Выглядело это весьма обыденно. Никаких тебе вспышек света и громовых раскатов от распада на части атомной структуры. Колонисты просто делали шаг вперед и исчезали. Просто таяли, как караван верблюдов в знойном мареве пустыни. Единственным звуком, которым сопровождался переход, было короткое злобное шипение распадающихся молекул.

Наблюдая за ними, Эрик не смог удержаться от мысли о том, есть ли среди колонистов такие, кто был вовлечен в программу посредством чар Лайзы. Он не стал спрашивать ее, не узнает ли она кого-нибудь из них. А сама девушка ничего на

этот счет не сказала. Но даже если и появится здесь ее старый знакомый, едва ли он заметит ее. Ведь она находится достаточно далеко от Ворот, а глаза каждого колониста были нацелены исключительно на черный тоннель, ведущий прочь.

Справа от Ворот за главным пультом стоял командующий и считывал показания с терминала. Каждые двадцать секунд он четким голосом выкликал: «Приготовились» и следом «Пошли». Интонации у него каждый раз были одни и те же, и взгляда от приборной панели он не отрывал.

Очень интересно было наблюдать за лицами колонистов в тот момент, когда они делали столь значительный шаг. Все вели себя по разному. Одни набирали полные легкие воздуха, другие зажмуривали глаза, кое-кто весело прыгал в провал, а некоторые кидались туда очертя голову. Пару раз дети разражались испуганными слезами, и тогда очередь замедлялась, дожидаясь, пока мать или отец не уймут ребенка, после чего движение возобновлялось.

Эрик и Лайза сосредоточенно занимались несуществующей работой, но по большей части их силы были направлены на то, чтобы в деталях запомнить процедуру перехода, ведь времени они имели не так уж много. Рано или поздно какой-нибудь начальник или бригадир заинтересуется, что именно с таким усердием чинят эти незнакомцы.

Эрик решил усесться за свободный терминал и задать кое-какие вопросы. Были вещи, которые ему очень хотелось узнать, прежде чем они отважатся на попытку. Пока он пытал компьютер, Лайза старалась обнаружить брешь в очереди колонистов. Скачок одновременно могли совершить только пятеро. Шестеро уже перегружали энергетическое поле и могли сгинуть все вместе.

Вся надежда была на появление спаянной группы из двух или трех человек. Привычный ход дела можно нарушить, только если какая-нибудь семья или компания попросит, чтобы им разрешили отправиться в путь всем вместе и без посторонних. Для командующего отправкой удовлетворить такую просьбу не составило бы труда. Очередь из-за этого почти не замедлилась бы. Кроме того, последнюю просьбу принято выполнять.

Эрик развлекался тем, что открывал кое-какие защищенные файлы. В этом деле он был знаток. Эббот не удивился, узнав, что принципиальное устройство Ворот крайне простое,

как, впрочем, и большинство величайших научных открытий. Вряд ли эта информация ему когда-нибудь пригодится. Он сомневался, что Эдем или Гарден обладают столь изощренной производственной инфраструктурой, чтобы там можно было воспроизвести Ворота. Не говоря уже о том, чтобы построить там орбитальную станцию. Все, что у них есть, они получают через Ворота в приемных станциях с той стороны.

От колонистов отделилась мать-одиночка с двумя детьми и принялась в чем-то убеждать командующего отправкой. Ее очередь приходилась на восьмую пятерку.

— Вот наш шанс, — возбужденно прошептал Эрик. — Одна мамаша не хочет отказать себе в удовольствии даже тут проскочить одна с детьми. Боюсь, что все-таки ей придется потерпеть небольшую компанию.

Лайза кивнула, отложила в сторону инструменты и окольными путями стала прокрадываться по направлению к Воротам. Эрик шел следом за ней, внимательно выискивая глазами того, кто мог помешать. Их перемещение ни у кого не вызвало вопросов.

Из динамика донеслось: «Приготовились».

Внезапно Эрик подумал: «У нас получится». И одновременно он не переставал удивляться, как и многие другие собирающиеся отправиться в столь далекий путь, что так мало открыто планет, пригодных для жизни человека. Всего две за два с половиной века поиска с помощью субсветовых дронов и самых современных телескопов. Ах, ну зато какая парочка эти Эдем и Гарден!

В отличие от других, за Воротами ему виделась не тьма, а лишь светлое спокойное будущее для них с Лайзой. Будущее, где они растворятся среди расслабленных неторопливых поселенцев, носителей высочайшего ума. И никто из представителей власти не потревожит их там, поскольку Ворота ведут лишь в одну сторону.

«Настоящие Райские Ворота, — подумал он, — точнее Врата: Высокоамплитудный Резонансный Аморфный Транспространственный Аппарат. Слава Аллаху, слава Иисусу, слава Йегове, Будде, Заратустре, а более всего слава физикам, которые натолкнулись на это поразительное искривление пространственно-временного континуума. Слава им всем. Вот оно, их с Лайзой спасение».

Мать-одиночка с двумя детьми шагнула в круг ожидания.

Оставалось только дождаться приказа командующего. Буквально в нескольких шагах стояли Эрик и Лайза, изготовившись к рвануться вслед за ними. И тут будто небо лопнуло огромным мыльным пузырем.

— ЭРИК ЭББОТ!

Голос был громкий и уверенный. Обладатель этого голоса, очевидно, привык, что приказы его исполняются беспрекословно и немедленно. Командующий и остальная команда привратников с любопытством обернулась на него. Эрик сделал еще один шаг в сторону Ворот и тут же услышал, как его имя было повторено еще громче. Он медленно обернулся к шлюзу, ведущему из зала отправки в зал ожидания. Отчаяние захлестнуло его.

Там стоял черный человечек в форме с нашивками майора сил безопасности и смотрел прямо на него. Вид у офицера был встревоженный. У него были седые бакенбарды, а в руке он сжимал устрашающих размеров пушку. В точности так же были вооружены, стоящие по бокам от него мужчины и женщины.

Ученые и инженеры переговаривались между собой, обсуждая небывалое вторжение. Очень скоро они переключили свое внимание с команды службы безопасности на парочку, которую держали на прицеле.

А за спиной у Эрика так нежно и маняще гудели Ворота. Оборудование было слишком сложным и дорогостоящим, чтобы вот так просто взять и захлопнуть людей. Командующий по-прежнему не давал матери с отпрысками завершающей команды: «Пошли». Но ведь команду «Приготовились» он дал. Так насколько важно дождаться второй команды! Имеет ли пауза между этими двумя словами решающее значение, или это просто церемония? Эрик этого не знал, а узнать было необходимо.

Ведь провал так близок. Решаться ли они? Ведь если упустить момент сейчас, то больше его не предоставится. К несчастью до Ворот не два и не три шага. Их успеют подстрелить по пути.

Конечно, он может одним прыжком покрыть очень большое пространство, недавний опыт ему это подсказывал. Но удастся ли это, учитывая, что придется тащить за собой Лайзу? Он может двигаться быстро, даже необъяснимо быстро, но не быстрее же поражающих лучей. Эббот пытался оценить, как рас-

положились и хорошо ли прицелились сотрудники службы безопасности, старался угадать, насколько они готовы немедленно открыть огонь, насколько твердо держат в руках оружие.

Ведь если удастся пересечь границу провала хотя бы ранеными, то по ту сторону им уже ничто не может угрожать. Он боролся с собой. На все это ушло гораздо меньше секунды.

— Я — майор Орема, — сказал коротышка-командир. — Начальник службы безопасности Ворот. Вы — Эрик Эббот, — он перевел взгляд, — а вы — Лайза Тембор. Вас разыскивают, чтобы задать вам несколько вопросов, и вы оба должны пройти за мной. Немедленно.

— Тархун, — выдавил Эрик. — Раз вопросы, значит Тархун.

Орема нахмурился, потом, казалось, что-то припомнил.

— Да, вспомнил, кто это такой. Нет, указание исходит не от него. Хотя и поступило через него. Вами интересуются очень важные люди.

«Лучше рискнуть, — решил Эрик. — Лучше неудачная попытка и смерть здесь, чем после такого долгого пути снова быть накачанным седативными препаратами и отправиться обратно на Землю».

— А если не Тархун, то кто? Куча людей озабочена только тем, как бы нас разлучить, будто это имеет какой-то смысл. Имею я, наконец, право узнать имена своих преследователей?

— Это не преследование Эрик Эббот. Я не знаком со всеми подробностями, я просто полицейский. Однако, меня проинформировали, и никто не говорил, что это нужно скрывать от вас, что вы будете доставлены в Цюрих, а оттуда к Центральным властям. Там вас будет допрашивать сам Совет Коллигатара.

В толпе пронесся ропот. И все обратили взоры на Эрика.

— А какое мне, собственно, дело до Коллигатара?

По лицу майора было видно, что он встревожен. Интересно, знает он о том, на что способен Эрик? Рассказывали ли ему?

«Если еще с ним попрепираться, решил Эрик никакого вреда не будет».

— Если хотите. чтобы я с вами сотрудничал, я требую объяснений.

Другой офицер наклонился к майору и что-то тихо прошептал ему на ухо. Выслушав, тот кивнул.

— Мне велено сказать, Эрик Эббот, что вас используют.

— Меня используют? Нет, нет, вы неправильно поняли. Это Лайзу используют, а я пытаюсь ее спасти.

— Речь не об этом, — ответил Орема. — Я в курсе, что она артисон, а не обычный человек.

В толпе зрителей снова зашептались.

— Ее-то, конечно, используют. Ее ради этого и создали.

Лайза не напряглась, не дрогнула. Ей это приходилось слышать не впервые. Майор уставился на Эрика своими крошечными пронзительными глазками, и было в них какое-то такое выражение, какого Эрик ранее никогда не видел. Ему вдруг стало неуютно, и он не мог понять почему.

— Но и вы, Эрик Эббот, не человек. И вас тоже используют.

Несмотря на всю тонкость момента и неустойчивость положения, Эрику удалось улыбнуться. Уж в чем, в чем, а в этом он докажет свою правоту, он поймает их на лжи.

— Я провел все положенные тесты. Я знаю, что последнюю пару недель делал... — Эббот замялся, — неестественные вещи, но я себя протестировал. Я не робот, не андроид, не артисон. Я знаю, что чем-то отличаюсь от других, но по какой-то иной причине. А насчет этого, я себя полностью проверил, и можете говорить, что угодно, но вы меня в обратном не убедите. И далее: мне совершенно наплевать, что Лайза — артисон, и ей, насколько я понимаю, это также абсолютно безразлично.

Внезапно ему показалось, что он понял, почему у главного полицейского такой странный взгляд. Его глаза выражали самый обыкновенный неприкрытый страх. Майор просто находился в состоянии ужаса. Бегло окинув остальных, Эрик понял, что в большей или меньшей степени перепуганы все сотрудники службы безопасности. Оружие у них в руках не дрожит, но в душе все они трясутся от страха.

Но почему? Конечно, за последнее время он явил миру потрясающие примеры того, на что способен. Но ведь сейчас они его загнали в угол, и вид у них должен быть победный, а не перепуганный.

— Нет, вы не робот, Эрик Эббот, и не андроид, и не артисон. Об этом меня уведомили, хотя, как я уже говорил, я

не ко всей информации имею доступ. Те сведения, о которых я говорю, поступили сюда, на станцию, непосредственно от Коллигатара. — Майор заколебался, и Эрик заметил, что палец его подрагивает на спусковом крючке пистолета.

«Он хочет убить меня», — с удивлением понял Эббот. Ему приказано доставить меня для допроса, но сам он предпочел бы убить меня прямо здесь. И тут Эрику показалось, что помимо страха на лице майора написано что-то еще. Неужели отвращение? Он потребовал уточнения.

— То, что вы сказали оставляет только одну возможность относительно того, кто я такой. Если я не артисон, не андроид, не робот, значит я — человек, с которым поступили несправедливо.

— Эрик Эббот, Коллигатар говорит, что вы созданы сайраксами.

17

«Очень расплывчато, — ошеломленно подумал Эрик. — Чтобы понять, кто из нас сошел с ума, формулировка должна быть четче. А так ничего не ясно».

Лайза смотрела на него. В глазах ее читалась полная растерянность. Она по-прежнему крепко сжимала его руку. Слова принадлежали не майору. Обвинение слетело с уст человека помоложе, стоящего позади майора. Эрик обратил внимание, что на нем белая униформа ученого, а не черная сотрудника службы безопасности.

— Эббот, меня зовут Жоао ди Убираба. Я из исследовательского подразделения станции Ворота. Я биоинженер, а вы, насколько я понимаю, инженер-разработчик, имеющий дело в первую очередь с микропроцессорами.

Эрик устало кивнул. А стоящая рядом Лайза слушала и смотрела во все свои огромные голубые глаза.

— Следовательно, у нас с вами примерно один образовательный уровень, и мы вполне сможем объясниться, — он покосился на полицейского. — Не обижайтесь, майор Орема.

— Считайте, что меня здесь нет, — пробормотал тот.

— Я связался с Коллигатаром на Земле,.. — начал Убираба.

Эрик его прервал.

— Но это же бред какой-то, я ничего не знаю ни о каких сайраксах. Какой я к черту агент Сайракса? Что это вообще за идиотизм?

— Тут все дело не в идиотизме, а в инженерии. Вы сами-то себе верите? Я вам говорю, что вы — разработка, что вас построили, в точности так же, как эти Ворота, как этот город на орбите, как эту женщину рядом с вами, — он кивнул в сторону Лайзы. — Хотя она и другой природы.

— Послушайте, я знаю, что я совершил несколько необычных вещей, — Эббот чуть было не сказал нечеловеческих, но в последний момент успел отказаться от этого слова. — Но ведь это не доказывает того, что вы сказали.

— В этом вы совершенно правы. Но если сопоставить несколько на первый взгляд никак не связанных фактов, то вырисовывается более общая картина, позволяющая сделать определенные выводы. Это как если составить вместе детали головоломки. Будучи инженером-разработчиком, вы должны это понимать не хуже меня.

— Но я ведь родился в Чандлере, штат Аризона в Северной Америке в...

Убираба поднял руку.

— Вот уж избавьте, уж что-что, а имплантировать воспоминания во всех красках и подробностях на Сайраксе умеют не хуже всего остального. Техника у них на высшем уровне, жаль только что своими секретами они ни с кем не делятся. Мне вкратце поведали о ваших, как вы сказали, необычных делах, Эрик. И они весьма впечатляют. Вы продемонстрировали весьма примечательные способности. Но как вы справедливо заметили, проявление крайней физической силы само по себе еще не является доказательством вашего внеземного происхождения. Однако никакой андроид, никакой артисон не смогли сделать то, что сделали вы, даже если бы его и разрабатывали как образец физической силы.

Дело в том, — продолжил Убираба, — что в Нуэво-Йорке, дома у мисс Тембор, когда вы устроили там рукоприкладство, помимо того, что вы пролили кровь других людей, вы оставили нам на память и немного своей. И, как и все остальное, оставшееся на месте погрома, она подверглась тщательнейшему изучению, в надежде почерпнуть что-нибудь о вас. У вас очень хорошая кровь, только она не естественная.

Эрик молча слушал, а внутри у него тем временем все кричало: «Хватай Лайзу и беги к Воротам. Прочь от этих сумасшедших с их убедительным бредом. Пока он не захлестнул нас обоих».

Но он не мог бежать. Его слишком захватила причудливая теория этого человека. Слишком силен в нем оказался инженер. Он стоял, заинтригованный возможностью объяснения необъяснимого. А что, собственно, если позволить себе абстрагироваться умом, непредвзято взглянуть со стороны, то слова Убираба оказались не лишенными своеобразного абстрактного смысла.

— В придачу к физическим возможностям, Эрик, вас наделили значительным, если не сказать невероятным независимым умом. Вот вы им и воспользуйтесь, поразмыслите над тем, что я сказал. А каким по вашему разумению способом вам удавался один невероятный побег за другим? В Нуэво-Йорке вы одолели целый батальон натренированных профессионалов, — люди Оремы беспокойно зашевелились. — В окрестностях Большого Лондона вы бежали из тюремного госпиталя, проломив бетонную стену. При этом вы были так накачаны лекарствами, что на дюжину тяжелоатлетов бы хватило. А на закуску остается ваше необъяснимое исчезновение из закрытого помещения в здании на берегу Темзы, что в Лондоне. На расстоянии двух метров от вас было шесть надежных свидетелей, которые в один голос утверждают, что вы просто растворились вместе с ней, в тот момент, когда по вам открыли огонь. Куда вы исчезли, Эрик? Как вы исчезли?

«Итак, он сконструирован. Творение Сайракса. И кровь у него хорошая, только не естественная. Совершенно определенно не естественная. И вовсе это не они сошли с ума, — подумал Эрик. — Я сошел. Либо я, либо весь остальной мир».

Посмотрев налево, он встретился взглядом с Лайзой, и сразу понял, что и она не может поверить в услышанное. Но самое главное, он увидел то, что хотел увидеть. То, что ему просто необходимо было увидеть. В ее глазах, на ее лице была по-прежнему написана любовь. Человек ли, андроид, артисон, вообще неизвестно что инопланетное, ей это было не важно. Кем бы ни оказался Эрик Эббот, Лайза Тембор любила его.

Катакомбы собора Святого Павла... Как же они там оказались? Восприняли спасение безо всяких вопросов, поскольку просто не имели времени на анализ. А раньше? Что было раньше?

ше, еще тогда, когда он жил нормальной и, казалось, приятной жизнью? Вечер в Финиксе, ресторан, появление сайракса. С каким безразличием и небрежностью осматривал тот посетителей и бар. Поведение его казалось совершенно естественным. Так зачем все-таки появился там этот сайракс? Понаблюдать за тем, как принято отдыхать у людей, или чтобы провести какую-то последнюю проверку. Проверку чего? Своей машины? И сразу вслед за этим события пришли в необратимое движение. Случайность? Совпадение? А может, просто-напросто проснулась спавшая в нем до этого времени программа?

Телепортация. сайраксы могут телепортироваться на небольшие расстояния, скажем с берегов Темзы в собор Святого Павла. Защитная реакция, запущенная инстинктивно той частью его «я», которая не совсем естественна. Так сколько в Эрике Эбботе от человека, а сколько от чего-то еще?

— У вас с артисоном номер четыре из серии Тембор, взаимная любовь, не правда ли? — ласково говорил далекий голос Убирабы. — По крайней мере, мне так говорили.

Эрик уставился на него. Ничего больше не существовало в комнате. Ни колонистов, ни подразделения службы безопасности с оружием, ни арены, ничего, неясно присутствовали только Лайза, он и Убираба. Остальные попросту прекратили свое существование, поскольку только Убираба знал ответ. Эрику он был необходим до боли.

— Да, у нас с ней любовь. — Он прижал ее к себе, и чуть не заплакал, когда она не стала отстраняться.

— Тогда давайте пойдем от противного, — сказал Убираба. — Я уверен, что Тембор номер четыре говорила вам, что для нее является невозможной любовь к человеку. Вы не находите странным, что она вас любит?

Эрик ничего не ответил. Ответить было нечего.

Убираба продолжал.

— А это ведь многое объясняет не правда ли?

— А зачем? Хорошо, пусть вы говорите правду, но зачем?

Тут биоинженер шепнул Ореме:

— По-моему, он совершенно искренне ничего не знает.

После этого он обратился к Эрику.

— Но это же совершенно очевидно. Ворота. Во всех науках сайраксы нас далеко обогнали, но они без конца пытаются по крохам собирать информацию, в надежде выведать когда-

нибудь у нас секрет Ворот. В этой отдельно взятой области физики мы не только не хуже их, мы далеко переплюнули все их достижения, благодаря удачной догадке со стороны невероятно везучих исследователей. Межзвездные корабли сайраксов более эффективны, чем любые, которые мы способны построить, но им по-прежнему требуются многие годы, чтобы добраться до Земли. По сравнению со Воротами, можно сказать, что они стоят на месте. И с тех самых пор, как они вступили с нами в контакт и узнали про Ворота, они не покладая рук трудятся, чтобы воспроизвести их, но у них ничего не выходит, поскольку открыты они были совершенно случайно. Станция имеет полевую защиту, а следовательно они не могут телепортироваться внутрь нее. А с чего вы думали у нас тут такие меры безопасности, Эрик? Ради того, чтобы не пущать наших земных иконоборцев? Нет, ради того, чтобы защитить Ворота. Это наше единственное преимущество над Сайраксом, и им больше всего хочется, чтобы его не стало. Они уже больше ста лет пытаются выведать тайну Ворот.

«А я ведь узнал, как работают Ворота, — неожиданно подумал Эрик, — считал записи в здешнем компьютере. Зачем? Ведь для того, чтобы воспользоваться Воротами, совсем не обязательно знать, как они работают. Достаточно было шагнуть через них. Зачем я предпринял это исследование?» По телу Эббота прошла дрожь. Дрожь от того, что ум его, наконец, осознал что к чему.

Биоинженер был прав.

Внезапно все окружающее предстало перед ним в совершенно ином свете. Он увидел и Орему, и людей, и Убирабу совершенно по-иному, будто окружающий мир слегка расфокусировался. Только он знал, что это неправда. Если кто и расфокусировался, так это он. Однако эмоционально он ощущал себя по-прежнему. Он не почувствовал себя марионеткой или придатком какой-то компьютерной программы. Он по-прежнему сознавал себя Эриком Эбботом, живущим всеми чувствами, мыслями и желаниями, и надеждами Эрика Эббота, каким он был раньше. Да, славно они его скроили, эти сайраксы. В работе над ним они явно достигли новых горизонтов в биоинженерии, не иначе, если он столько времени дурачил всех. Защитное поле, о котором говорил инженер Убираба не среагировало на него и пропустило на станцию Ворота.

В голосе и на лице биоинженера читалось сочувствие. Он видел, какая боль исказила лицо Эрика

— Я понимаю, как тяжело, должно быть, вам принять то, что я сказал, но если вам нужны дальнейшие доказательства, — он извлек что-то из-за спины.

Эрик весь напрягся, но в руках у биоинженера оказалось вовсе не оружие. Это был маленький треугольный металлический приборчик, на котором было несколько крошечных индикаторов и пара ручек управления.

Эрик смотрел во все глаза, а Убираба повернул сначала одну ручку, а потом другую. Весь зал наполнился шепотом.

— Вот, это несущая волна, Эрик, — он повернул прибор так, чтобы Эрику был виден сигнал, пляшущий в миниатюрном оптоиндикаторе. — Это вы, видите. Насколько я подозреваю, вы всегда были ходячим передатчиком. Мне сказали, что несущую на которой вы передаете, очень трудно поймать, почти невозможно без специального изощренного оборудования. Вы, Эрик, транслируете информацию, сами того не сознавая. Сейчас на орбите вокруг Земли кружатся два корабля сайраксов. Нет, они, конечно, расположены на других орбитах, по отношению к орбите станции, иначе все было бы уж слишком очевидно. Они далеко отсюда, но по эту сторону планеты. Так как по-вашему, на какой из них вы вещаете?

— Я не знаю, — пробормотал Эрик. Свободной рукой он коснулся головы с такой осторожностью, будто это бомба. — Я же не знал, что я это делаю. Я ничего не чувствую.

— Пожалуйста, выслушайте меня, — продолжил Эрик. — Может быть я и создание Сайракса. Но я совершенно независимое создание, не раб. Они не могли сделать меня рабом, иначе бы их план не сработал.

— А так сработал, — закончил за него Убираба. — Кажется мне, что вам удалось почти все, для чего они вас предназначали.

— Нет. Я на самом деле не завишу от них. А сюда я попал волей обстоятельств. Может быть, они этого и хотели, но действовал я сам по себе, совершенно сам по себе...

— И сами по себе узнали секрет Ворот. Правда вы его еще до сих пор не передали. А знаем мы об этом потому, что сумели расшифровать несущую, на которой они работают. Но секрет вы узнали. Вам это удалось при помощи терминала, — Убираба махнул рукой вглубь комнаты, — вон того. Мы уже

проверили, и это выяснили. Правда, никто понять не может как вам удалось так быстро взломать коды, но...

— Вы забываете, что я работал в компании, которая разработала многие из компонентов.

Убираба кивнул с удовлетворенным видом.

— Какая тщательность. Какая тщательность и какое терпение. Они даже мыслят в ином временном масштабе, чем мы.

— Так позвольте нам пройти сквозь Ворота, — взмолился Эрик. — Ведь все готово. Дайте нам секунду и отпустите нас на Эдем. Вы же знаете, что мы не вернемся. Ворота — это путь в безвестность, откуда нет возврата.

— Сайракс, вполне вероятно, прекрасно осведомлен, где находится Эдем, а корабли у них гораздо лучше, чем у нас. Они отправятся туда, заберут вас, и выкачают из вас всю информацию. Ведь они очень терпеливы.

— Но ведь тут одного терпения мало. Ведь даже их кораблю понадобится больше ста лет, чтобы добраться до Эдема, даже если они знают, где он находится. — Эрик не стал добавлять, что уверен, что они знают, где он находится. Просто осознал внезапно, что он это знает. А откуда знает? Видимо, это часть заложенного в него знания, информации, зарезервированной в глубинах его сознания, ожидающей момента, когда она потребуется. Интересно. что он еще такого знает, о чем не знает. — А я к тому времени умру, и... — тут Эрик умолк на полуслове, и лицо его приняло совершенно озадаченное выражение.

В голове у него зазвучал голос, легкий и тихий, настолько бесплотный, будто это не голос вовсе, а колебания эфира. Это не была телепатия. сайраксы не были телепатами. Больше было похоже, будто чье-то сознание обращается к его сознанию посредством микроскопических встроенных в мозг переговорных устройств. Он понимал все совершенно отчетливо. Голос был спокойный, вежливый и дружелюбный. Именно такой, каким должен быть голос лучшего друга. Голос пояснял Эрику, что ему необходимо сделать. Просто шевельнуть определенным участком мозга, легонечко толкнуть им здесь и так. И они с Лайзой будут немедленно телепортированы в полную безопасность сайракского корабля. И тогда они навеки будут избавлены от злодейских примитивных действий людей, и остаток своей жизни поживут в счастье и покое.

Сайраксы не видели ничего безнравственного в том, чтобы вознаградить устройство за хорошо выполненную работу.

«Ну же, толкай, — призывно убеждал голос. — Нажми чуть-чуть».

И в это самое мгновение крошечный монитор, который биоинженер показывал Эрику издал отчаянный электронный писк. Убираба и Орема одновременно закричали. Эрик так и не успел понять, что именно они закричали, поскольку целиком был поглощен тем, чтобы отреагировать. Реакция была инстинктивной и также требовала мысленного толчка. Это из глубин его мозга всплыла еще одна крупица, заложенной в него предусмотрительными сайраксами информации.

Но это был не толчок для телепортации. Он был направлен из Эрика на его врагов. И они все полегли, попадали один на другого, как оловянные солдатики.

Не слабый получился толчок, поскольку в тот момент, когда полегли все сотрудники службы безопасности, на станции Ворота зашкалили все до одного индикаторы. И на мгновение померкли огни. Колонисты бросились бежать. Матери подхватывали детей. Отцы пытались собой укрыть свои семьи от инопланетной штуки, стоящей рядом с Воротами.

Команда службы безопасности была хороша, и несмотря на всю мощь защитной реакции Эрика, пара из них успела все же выстрелить. Один заряд раскрошил потолочную панель, прежде чем был остановлен толстой стеной станции. Несколько членов команды службы безопасности дергались как подопытные лягушки. Биоинженер лежал прямо поверх Оремы. Эрик знал, что их паралич продлится недолго, точно так же, как и то, что он не смертелен.

Лайза обернулась к любимому.

— К Воротам, Эрик. Пока еще есть время.

Как манил его этот черный провал позади! Внешне в состоянии Ворот ничего не изменилось. Они по прежнему стояли в полной готовности, чуть гудя от высокого напряжения, и ждали следующую порцию путников. Но долго это не продлится.

Ему вспомнилось, как преследователи применили против него усыпляющий газ по пути из Нуэво-Йорка в Лондон, а тут они не погнушаются даже тем, чтобы разгерметизировать эту часть космического города ради того, чтобы сохранить тайну Ворот. Им наплевать, что вместе с ним погибнут еще сотни

визжащих в панике колонистов, устроивших свалку у шлюза, надеясь пробиться обратно в зал ожидания. Не говоря уже об ученых, которые, притаившись, сидели на своих местах. Один из них потянул было палец к какому-то выключателю. Может быть, он собирался отключить энергию питания Ворот.

Эрик метнул в него взгляд, и ученый упал лицом на пульт. После этого никто не отваживался даже пальцем шевельнуть. Ему пришло в голову, что они могли подумать, что он убил Орему и его людей. «Ну и пусть». В данный момент их страх был его союзником.

Эббот целенаправленно подошел к Ореме, склонился над ним и выхватил у него из рук лучевой пистолет. Он обратил внимание, с какой яростью Орема смотрит на него, не будучи в состоянии даже взгляд отвести.

После этого он медленно развернулся лицом к Лайзе, которая все еще стояла и ждала у Ворот. Увидев, что Эрик поднимает руку с пистолетом, она завизжала и бросилась к нему, но конечно же поспеть за ним не могла.

Выверенным движением он приставил пистолет себе к голове и нажал на курок.

Визг девушки перешел в какое-то пронзительное верещание, совершенно нечеловеческое по тембру. Он впервые понял, что так кричать может только искусственный артисон. Она врезалась в него, пытаясь выхватить пистолет, но он и так его уже бросил, а после этого спокойно обнял ее и поцеловал в лоб.

Из аккуратного отверстия в черепе текла совсем маленькая струйка крови. Всхлипывая, Лайза попыталась поддержать Эрика. Тут всхлипывания ее прекратились, и лицо ее приняло изумленное выражение, поскольку она поняла, что поддерживать его необходимости нет.

Те из присутствующих, кто был в сознании, дико пялились на него.

— Все в порядке, Лайза. Уже заживает.

Позади него зашевелились охранники, нащупывая оружие. Глаза их пытались сфокусироваться на мишени. В этот раз они не станут ждать команды Оремы, а сразу будут стрелять на поражение. Эрик ни малейшего внимания не обратил на их деятельность.

— Хорошо же они меня построили, дали мне все самое лучшее, на что способен человек, а в придачу к этому все, что

можно было заложить сайракского в человеческое тело и мозг. Но то, что я влюблюсь, не входило в их планы. Судя по всему, Лайза, они заложили в меня слишком много человеческого.

Она не отрываясь смотрела на ту точку над ухом, где буквально на глазах затягивалась рана.

— Там передатчик стоял, о котором биоинженер говорил, а, может быть, он и для управления мною служил. Знать ничего об этом не желаю. Теперь его нет, и сайраксов больше нет. А то они у меня тут, — он указал на дырку в черепе, — заговорили, а теперь все — замолкли.

— Ну, так просто они не сдадутся, — сказала Лайза. — Вплоть до того, что они могут прилететь сюда и напасть на город.

— Могут, — откликнулся он так, словно это не имело никакого значения, — но я сильно сомневаюсь, что у них что-нибудь получится. Они ведь сами постарались, как умели, чтобы меня невозможно было захватить в плен. Теперь, когда передатчик уничтожен, они вовсе до меня не доберутся. Пойдем, Лайза.

— С номером четвертым из серии Тембор? Тебя это не волнует?

— Должно же у каждого быть прозвище. Ты у меня будешь номер четвертый, — и он повел ее к Воротам.

« Нет, я не человек, — подумал Эббот и очень обрадовался, что мысль эта его нисколько не тревожит. — Так даже и лучше».

— Приготовились? — спросил он у дрожащего командующего отправкой, когда они подошли к Воротам.

— Приготовились, но ведь вам не положено.

Орема взял пушку, которую взял у охранника, лежащего рядом и выстрелил в тот самый момент, когда Лайза и Эрик делали шаг в окно. Энергетический разряд так и не настиг их. Он просто канул туда, где растворяется всякая энергия.

В тот момент, когда они исчезали, крошечный монитор, лежащий рядом с неподвижным телом, биоинженера, издал пронзительный гудок, а индикатор из зеленого стал интенсивно красным. То ли так ознаменовалось исчезновение Эрика, то ли это отражало далекий вопль отчаяния инопланетян. Никто ничего не узнал.

Прошли секунды, которые, согласно журналистской брехне, занимало путешествие через Ворота, а Эрик и Лайза все

еще никуда не попали. Как он уже, вроде бы, целую вечность назад оттолкнулся левой ногой, так и повис. И, казалось, что правая нога так и будет вытягиваться на целые световые годы и никогда не коснется опоры.

Но тут вдруг она воткнулась во что-то твердое, и Эббот упал. Рядом споткнулась Лайза, и оказалось, что они стоят в комнате, совершенно не похожей, на помещение станции Ворота.

Стены были отделаны древесно-стружечными плитами из настоящего дерева. На Земле такое мог позволить себе только очень богатый человек. Эрик бросил взгляд через плечо, почти ожидая, что сейчас из двери выскочит Орема со своими бойцами, но они теперь были далеко, невообразимо далеко.

Зрелище выходного проема Ворот действовало на нервы, потому что было почти точной копией входа, но при ближайшем рассмотрении Эббот с легкостью обнаружил определенные различия в конструкции. На другом конце помещения, похожего на амбар стояло несколько простых столов. На столах находились небольшие компьютерные терминалы, а соединительные кабели в беспорядке путались среди деревянных ножек и соединительных проводов.

Люди, сидевшие за столами, были одеты не примитивно, но до крайности просто. Ближайший к ним поставил на стол монитор, который зачем-то переносил с места на место, и поприветствовал их. Он был очень высокий и худой, гораздо выше Эрика. Выражение лица у него было добродушное, хотя и немного смущенное.

— Привет, меня зовут Джитер.

Большим пальцем он указал на колонистов, суетящихся среди столов у самого выхода из сарая. Похоже, их мало интересовало, что случилось с остальными членами их группы, поскольку им не терпелось узнать, что же будет дальше. Естественно. Они были совершенно не в курсе относительно того, что же произошло на станции Ворота сразу после их транспортировки, поскольку от времени и места событий их отделяло несколько секунд и триллионы километров.

— А я уж начал было подумывать, что на сегодня все. — Он глянул поверх головы Эрика. — Вы последние? А то некоторые новички говорят, что еще должны прибыть.

— Там случилась временная задержка, — сказал Эрик,

тщательно подбирая слова. — Я думаю, что теперь некоторое время вообще никого не будет.

— Странно. С чего бы?

— По-моему, там у них небольшие неприятности. Не знаю уж, кто или что появится из Ворот после нас, но не исключено, что они принесут на хвосте уйму лжи. Если бы вы могли отвести нас к местному представителю правительства, или к тому, кто у вас здесь за старшего, то мне бы хотелось кое-что объяснить.

— Да вы не волнуйтесь. Прибыли и хорошо. Тут чего только через Ворота не приходит. Я ничему не удивляюсь. То мы целую неделю новых колонистов принимаем, то вдруг на следующую такие поставки начинают сыпаться, которые нам совершенно не нужны. И главное все время приходится врата перенастраивать.

Эрик глянул на Лайзу, закусил губу и попытался как можно обтекаемее сформулировать ответ.

— Ну, если по правде, у них с нами неприятности.

— Вообще-то я так сразу и подумал. Вы не в зеленом, как все остальные, без багажа. А если вы хотите со старшим объясниться, с таким же успехом можете со мной поговорить. У нас на Эдеме, вы сразу заметите, гораздо меньше формальностей, касательно часов и всего остального прочего. Не то, что на старушке Земле. Я — дежурный надзиратель над Воротами. Сам я эту должность называю «насератель». Так что, если что-то хотите сообщить Совету, говорите мне.

Эрик почувствовал себя гораздо лучше.

— А вы не против, если мы присядем, — спросила его Лайза. — У нас выдалась пара очень утомительных деньков.

— Да вы не обращайте на меня внимания, пойдемте на мое рабочее место. Я все еще на дежурстве и должен посматривать, а то пришлют еще кого-нибудь. Дети, знаете ли иногда появляются в таком тяжелом эмоциональном состоянии.

Они прошли по широкому деревянному настилу. Под ним несколько грузчиков разбирали и складировали ящики.

— Это они сортируют грузы, полученные на прошлой неделе, — объяснил им Джитер. — У нас, на Эдеме, спешить некуда. К этому новичкам тоже бывает трудно привыкнуть.

Они направлялись вглубь здания, которое Эрик продолжал мысленно называть амбаром, и оно его поразило. Длинные панорамные окна создавали прекрасный обзор. В природе пре-

обладали высокие, вечнозеленые деревья. Они были толще и гуще своих отдаленных земных сородичей. На горизонте виднелись высокие морщинистые горы. Наверху сражались с сильным ветром несколько летающих тварей, на удивление округлой формы, а поверх всего — зелени деревьев, горных вершин, птиц лежал такой знакомый, но такой неожиданный снеговой покров.

— Что, удивляетесь? То-то же, — Джитер развеселился, увидев выражение лиц гостей, но тут же снова погрустнел. — А вы что думали? В раю буранов не бывает? Этот заблуждение у новичков быстро рассеивается. Уверяю вас, эта метель не первая и не последняя. Условия на Эдеме пригодны для жизни, но райскими их не назовешь. До рая отсюда несколько тысячелетий добираться, — на лице его снова возникла одобряющая улыбка. — Мне всегда была интересна реакция новых колонистов. Понимаете, я здесь родился. Я — эдемит в третьем поколении. Я ничего другого и не ожидал. Мне никто не лгал. И поэтому мне очень жаль тех, кого обманули. Некоторые земляне, так до конца жизни и переживают, а некоторые просто не справляются. Прибывают на Эдем, ожидая идеальной погоды, пищи, которая сама с деревьев в рот падает, хрустальных рек, которые никогда не выходят из берегов. На самом деле на Эдеме есть пара таких мест, поближе к экватору. Нам их совсем недавно удалось обнаружить. Ведь наши возможности исследования планеты ограничены местными средствами транспорта, не говоря уже о недостатке рабочей силы. Вот мы и вынуждены торчать здесь, в зоне так называемого умеренного климата. Потому что полностью привязаны к Воротам, а перенести их не можем, так как это угрожает потерей связи с землей. Конечно, этого может и не случиться, но мы недостаточно в этом уверены, чтобы рисковать. Хотя много среди нас и таких, которым совершенно наплевать и на землю, и на все припасы, которые оттуда присылают. Сейчас мы разрабатываем железную дорогу на магнитной подушке. которая помогла бы нам выйти на побережье Ораксиса, но и там условия далеко не идеальные.

— А что там не так? — спросила Лайза.

— Сезонные ураганы, они там случаются гораздо чаще, чем на на Карибском побережье.

— А мы как раз из Северной Америки.

— Это хорошо, смотря, правда, из какой части. Ну, а чем

севернее, тем быстрее вы акклиматизируетесь. К нам довольно часто прибывают колонисты из России, из Скандинавии, из Канады. Так им и вовсе здесь нравится.

Эрик нашел свободный стул и сел.

— Так значит, это все ложь, которая нужна для того, чтобы побудить людей к миграции, привлечь к участию в этих, так называемым, лотереях?

— У нас здесь есть библиотеки, своя небольшая филармония, клубы по интересам. Только времени на все это не остается. У нас все время уходит на то, чтобы согреться и добыть пищу. Но перед отправкой все колонисты проходят специальные психологические тесты, и это полностью исключает возможность проникновения сюда потенциальных снобов. Однако, время от времени, один-другой просачиваются, из тех, кто заявляет, что они выше физического труда.

— Ну и что вы с ними делаете в таком случае?

— А ничего. Кто не работает, тот не ест. У нас в этом смысле здесь полная демократия. Правда, от голода тоже пока никто не умер, но кое-кто умирает раньше срока. Недовольство, оно ведь как болезнь, накапливается и убивает. — Джитер покачал головой. — Нет, это не рай, во всяком случае, как я его понимаю из того, что читал.

— Интересно, — пробормотала Лайза, — а Гарден, это тоже такое же гнилое место?

— Нам-то откуда знать? У нас ведь ни связи между колониями нет, ни обратной связи с Землей. Тут уж ничего не поделаешь. Плазменный двигатель мы сами построить не можем, да если бы и могли, недовольные умерли бы прежде, чем смогли бы вернуться на Землю. Не говоря уже о том, чтобы слетать в оба конца Автоматической станции, которая открыла Эдем, требовалось сто тридцать лет на дорогу туда и обратно. — Он пожал плечами. — Я же сказал, я переселенец в третьем поколении. Меня все это волнует гораздо меньше, чем вновь прибывших.

— Но все-таки волнует? — спросил Эрик.

— Еще бы! Кому понравится, что его обманули, пусть даже и до рождения. — Он поерзал сидя на столе. — Ну, а вы двое, у вас-то что за неприятности.

Эрик взял Лайзу за руку. Прибыв в мир, основанный на обмане и живущий обманом, он не нашел ничего лучше, чем сказать правду.

— Мы не простые новые переселенцы. Мы — артисоны, по крайней мере Лайза. А — я вообще не знаю кто. Будем считать, что я артисон-плюс.

— Ах, вы искусственные люди. У нас здесь достаточно много таких.

Эрик чего угодно ожидал от Джитера, но только не небрежного безразличия. Лайза от удивления открыла рот.

— А я думала, что в колонии посылают только специально отобранных людей.

Джитер засмеялся и улыбнулся ей.

— Да вы что думаете, до вас сюда не просачивались те, у кого неприятности?

— А насколько мы слышали, все попытки кончались провалом, — сказал ему Эрик.

— Конечно, а те попытки, о которых вы не слышали? Или вы думаете, что правительство, которое сделало эмиграцию столь популярной, заинтересовано в обнародовании случаев, когда не избранные проскакивали сквозь Ворота? Так у нас тогда каждые полчаса неприятности были бы с незаконными попытками. К нам бывает, и отпетые рецидивисты прорываются. Вы даже представления не имеете, сколько сейчас существует способов выдать себя за кого-то другого.

— Только перечислять не надо, — пробормотал Эрик.

— Так вот, как только они сюда попадают, их отношение к жизни очень скоро меняется. Они или полностью отбрасывают свое прошлое, или просто здесь не выживают. На Эдеме просто нет места тем, кто считает, что они могут жить за счет труда других. Да и население здесь смекалистое, его не проведешь. Преступность здесь не в моде. В этом отношении, да, тут можно сказать, рай, в некотором роде. А что касается в конец озверевших типов, типа убийц или поджигателей, так им просто ума не хватает, чтобы понять, как сюда попасть. В придачу к этому сюда проникли четыре или пять артисонов и один робот. Кстати, если хотите, я вас с этим роботом познакомлю, ему уже девяносто четыре, и он вроде местной иконы.

— Но, черт возьми, — заинтересовался вдруг Эрик, — роботу-то как удалось проскочить?

— Да очень просто. Прикинулся мини-экскаватором, и его заслали сюда вместе с партией техники. Кстати, такого рода изобретательность у нас на Эдеме очень в цене. Без нее трудно перезимовать.

Лайза задумчиво посмотрела на сугробы за окном.

— А сейчас что, не зима?

— Весна в самом разгаре, — глухим голосом ответил ей Джитер. — Я же сказал, что здесь не рай. Здесь даже на экваторе снега хватает. А из-за своих проблем вы не беспокойтесь, забудьте. У нас на Эдеме нет расовых и прочих предрассудков. Нам и так тяжело живется. К чему лишние трудности?

Эрик какое-то время боролся с собой, потом спросил:

— У меня вот еще что. Я уже сказал, что я необычный в своем роде артисон. Я просто, я... я недостаточно знаю о себе, поэтому не могу сказать кто я такой. Я человек, это я знаю, но я... меня не на Земле изготовили.

Джитер брезгливо поморщился от того, как неуклюже Эрик выражает собственные мысли.

— Да, это в новинку, но что до меня, то на вид вы совершенно как человек. Кроме того, вы ничего не скрываете, а это тоже говорит в вашу пользу. — Он взглянул за Лайзу. — Вы можете за него поручиться?

Она положила голову Эрику на плечо.

— До конца своих дней.

— Ну что ж, мне вполне достаточно. Будете работать, вносить вклад в развитие колонии, а если кто хорошо трудится, то мне плевать кто он, пусть хоть беглый черт из ада.

Джитер встал со стола, обошел вокруг него, заглянул на экран дисплея.

— Не похоже, что сегодня еще кто-то прибудет.

Он нажал несколько кнопок, и равномерное гуденье, наполнявшее конечную станцию Ворот, утихло.

— Какой смысл расходовать электричество? Нас уведомят, если начнется транспозиция. Обычно между отправками перерыв в одну неделю. И вот, что я вам еще скажу. Раз уж вы такая интересная парочка, я вас на оформление без очереди проведу.

Джитер повел их в конец сарая. Очередь вновь прибывших переселенцев значительно сократилась. Никто даже внимания не обратил на Лайзу и Эрика за исключением одного пожилого джентльмена.

— Что-то я вас не помню по подготовительным семинарам.

— Нас в последний момент включили, — сказал Эрик.

Пожилой человек отвернулся вполне довольный объяснением.

— Ну-ка, Мери, подвинься, — темнокожая девушка улыбнулась Эрику открытой ясной улыбкой и передвинулась на другой стул, освобождая свое место за компьютером Джитеру.

Это был весьма компактный компьютер, который легко было переправить сквозь Ворота. Эбботу стало любопытно, есть ли здесь собственное производство. Похоже, развитие высокотехнологичных производств не стояло первым номером в перечне задач эдемитов. С другой стороны, колония, существующая уже полтора века, должна бы накопить производственные мощности, составленные на основе базового оборудования, присланного с Земли. Как инженер-разработчик, он, вероятнее всего, скоро это выяснит.

Как только Эрик обрисовал Джитеру свое прошлое инженера-электронщика, все его подозрения тут же подтвердились.

— Очень рад, что вы к нам прибыли, хотя не думаю, что у вас будет много времени на теорию и разработки. Оборудование нам сюда посылают самое долговечное, а когда-нибудь мы даже наладим сами выпуск элементов памяти и логических устройств. Но вот хорошие ремонтники нам всегда нужны.

Он сделал какие-то пометки и выжидательно посмотрел на Лайзу.

— Ну а вы? У вас какая профессия?

Тут Эрик вступился, чтобы избавить ее от возможного смущения.

— Если это приемлемо, то я хотел, чтобы она какое-то время поработала просто домохозяйкой.

— Ничего, мы что-нибудь подыщем. Работы у нас полно. Конечно, не для бывшей модели, — сказал он, почти правильно угадав ее род деятельности. — На Эдеме моды, как таковой, вообще не существует. Нас больше волнует, как бы согреться.

— Я буду делать то, что мне скажут. Я... я гораздо сильнее, чем средняя женщина.

— Без проблем. У нас совершенно не важно, чем вы занимались раньше. Важно, что вы делаете сейчас. И не забывайте, это не земное общество. Это тщательно отобранная коллекция человеческих существ с высокими побуждениями. На Земле вы ничего подобного не найдете, разве что на Гардене еще.

— Да, но несмотря на весь ваш ум и устойчивость вашего общества, вас по-прежнему злит, что вас обманули, — сказал Эрик.

— Это верно. Но какой смысл сотрясать воздух, раз мы все равно ничего не можем с этим поделать? Стресс приводит к повышенному кровяному давлению, белковой недостаточности и ранней смерти.

— Теперь я понимаю, что вы имеете в виду под уравновешенностью. Вы типичный пример? Вас, похоже, ничто не беспокоит дольше одной-двух секунд.

— Да. Я подозреваю, что я близок к среднему, но есть тут у нас и свои штатные иконоборцы. Не все же мы здесь инженеры и специалисты по сельскому хозяйству. Скажем, в нашей оптостудии работает два или три знаменитых актера, которых вы наверняка узнаете. Нас ведь теперь около семидесяти пяти тысяч, рождаемость на хорошем уровне. Дети появляются на свет здоровыми и отлично приспособленными к местным условиям. Кроме того идет постоянный приток свежей крови с Земли. Мы уже достаточно выросли, чтобы позволить себе некоторое разнообразие.

— Тут еще вот что, — не отставал Эрик. — Теперь вы знаете, что мы такое, но вы не знаете, кто мы такие. Вы сказали, что через Ворота и раньше просачивались преступники.

Брови Джитера поползли вверх, но тут же опустились.

— Но вы ничего об этом не упоминали. Если у вас проблемы с законом...

— Мы не преступники, — поспешила добавить Лайза, — по крайней мере в обычном смысле.

— Уж не хотите ли вы мне сказать, что вы политические беженцы? На Земле в стольких местах предоставляют убежище.

— Не совсем так, — продолжил Эрик. — Только не воспринимайте это на свой счет, Джитер, но я предпочел бы объяснить это кому-нибудь из общественного руководства, а не технического.

— Я не против, только дайте мне слово, что вы не находитесь в розыске за убийство малолетних или какие-нибудь другие отвратительные вещи.

— Ну, это проще простого...

Это правда, что он убивал, но правда и то, что никто не

предъявлял ему обвинений в убийстве. Люди Тархуна разыскивали его не из-за этого. Ну и порядок.

Джитер встал.

— Пойдемте со мной, я представлю вас администрации.

Четырехместный снегоход медленно и с завываниями тащился по грязной дороге. Большую часть времени Джитер с энтузиазмом рассказывал о железной дороге, которая вскоре свяжет центр колонии с южным побережьем, где климат не такой свирепый. Экипажей, приводимых в движение электричеством, на дороге почти не было. В основном по ней ползли элегантные крытые сани, запряженные рогатыми животными яркой окраски, размером с большого слона. Они были покрыты черным мехом с белыми и золотистыми пятнами, а ноги у них были массивные и широко посаженные.

— Это рекунды, — объяснил Джитер пассажирам. — Они очень легко приручаются. Я понимаю, что это выглядит так, будто мы делаем шаг назад, но не у каждого же есть доступ к ползуну. Вот закончим железную дорогу и все станет гораздо проще.

Административный центр, он же крупнейший город Эдема, назывался Змий. Это имя дали ему первые колонисты. Первым переселенцам трудно было отказать в чувстве юмора. Большая часть зданий была построена из натурального дерева — неслыханная на Земле роскошь. Укрытый снегом город производил очаровательное, если не идиллическое впечатление. Прохожие выглядели хорошо одетыми и всем довольными. Но как уже указывал Джитер, они были слишком умны, чтобы позволить губительному разочарованию навеки овладеть ими. На окраинах города стояли более крупные строения, испускавшие клубы дыма.

— Население Змия тридцать тысяч человек, — сообщил Джитер, припарковывая ползун в крытом помещении рядом с группой двухэтажных зданий. Все дома были украшены резьбой, представлявшую собой эклектическую смесь североевропейских, восточных и современных мотивов. Очевидно было, что Эдем не был обделен художественными натурами.

Вслед за Джитером они прошли с крытой стоянки в отапливаемый коридор, довольные, что ушли с этого жуткого холода.

— Как только вы здесь все закончите, мы выдадим вам стандартный комплект одежды для вновь прибывших, — за-

верил их Джитер. — А то в таком наряде вы и десяти минут на улице не протянете.

Изредка он обменивался короткими приветствиями со встреченными им в коридоре людьми.

— Вообще это нарушение, но если вы настаиваете на том, что вы такие нарушители, то, думаю, можно и нарушить.

Наконец, они вошли в какую-то круглую комнату, свернули налево в прилегающий коридор и остановились перед столом.

— Привет, Наки, — обратился Джитер к женщине, сидящей за настоящим деревянным столом.

— Доброе утро, Джитер. Как с Воротами сегодня?

— Гладко, как обычно. Вот привел пару интересных новичков. Кто сегодня дежурит в приемной Совета?

Женщина глянула на экран дисплея.

— Тарлек и Мадрас.

— Узнай у Мадрас, не уделит ли она нам минутку-другую. Скажи, что это Джитер Са-Нос-Ти и что со мной землянс.

— Минуточку, — она взяла в руку переговорное устройство.

— Вам понравится Мадрас, — заверил Джитер своих новых друзей. — Прелестная старушенция. Она мне то ли тетя, то ли кузина.

Дежурная подняла взгляд.

— Она вас примет, но говорит, что если дело пустяковое, то вам не поздоровится.

— Да уж, — сказал Эрик.

Дежурная проводила их взглядом до дверей кабинета.

18

На вид Эрик дал бы Мадрас шестьдесят с небольшим. Это была некрупная с оливковой кожей пожилая женщина с зачесанными назад волосами. При освещении ее лоб блестел так, будто его только что начистили.

«Интересно, — подумал Эрик, — ее здесь записали на такую работу или она уже на Земле служила профессиональным администратором?» Со временем он узнает, что оба его пред-

положения были ошибочны. Она родилась на Эдеме, а на эту должность была избрана.

— Лайза Тембор и Эрик Эббот, — представил ей Джитер своих подопечных. — Прибыли сегодня через Ворота.

— Очень приятно, — Мадрас пожала им руки. — Всегда рада познакомится со вновь прибывшими. Но к сожалению редко доводится, потому что это отрывает от распорядка рабочего дня.

— Это вам не обычные вновь прибывшие, — сказал Джитер. — Они оба искусственные.

— Ну и что? С какой стати это должно меня интересовать?

— Да вот мистер Эббот настаивает, чтобы ему дали поговорить с кем-нибудь из высокопоставленных общественных деятелей. Он кое-что поведал мне по пути сюда. Там что-то связанное с нарушением правил транспозиции.

— Ну, это случай не единичный. Присядьте, мисс Тембор, мистер Эббот. Вы хотите поговорить со мной без Джитера?

— Нет, — сказал ей Эрик.

Она отложила в сторону стило и целиком обратила внимание к ним.

— Джитер уже сообщил вам, что мы искусственные. Похоже, здесь это не имеет никакого значения, и мы очень благодарны вам. Но у меня дополнительная проблема, — Эббот сам удивился, как легко лились из него слова. — Вы что-нибудь слышали здесь, на Эдеме, о расе сайраксов?

От одного этого слова администратор вздрогнула, и даже Джитер, казалось, был напуган.

— Вижу, слышали, — устало заметил Эрик, и вслед за этим он рассказал им всю историю, начиная с того самого момента, как впервые увидел Лайзу в Финиксе, стараясь ничего не пропустить.

Он не хотел, чтобы его слова хоть в чем-то противоречили информации, которую, наверняка, доставит кто-нибудь из тех, кто прибудет позже.

Когда Эббот закончил, Мадрас откинулась в кресле, положила за голову хрупкие руки и задумчиво посмотрела на него.

— Вы меня поражаете, Эрик Эббот. Вы гораздо больше похожи на человека, чем многие. Сама ваша честность тому поручением. Не знаю уж чьи там руки или щупальца вас изваяли, но это больше не имеет ни малейшего значения. Здесь до

вас ни люди, ни нелюди не доберутся. Все мы — эдемиты, и живем на этой планете вместе. И каждый, кто способен и хочет внести свой вклад в дело общего благосостояния, тот здесь желанный гость. Никаких причин рассказывать мне все это у вас не было, поскольку вам почти наверняка удалось бы утаить ваше происхождение и деятельность. Но поскольку вы все это рассказали, это говорит только о том, что из вас, вероятно, получится добрый эдемит.

Она перевела взгляд на Джитера.

— По-моему, это не требует какого-либо специального обсуждения в Совете. Возможно, я даже не буду упоминать об этом на следующем заседании. Добро пожаловать на Эдем мистер Эббот и мисс Тембор, или может быть, вас следовало бы называть миссис Эббот?

— Как пожелаете, — с улыбкой ответила Лайза.

— Уж и не знаю, как вас благодарить, такие вы чудесные люди, — пробормотал Эрик от избытка чувств.

— Не стоит благодарности, — сказала Мадрас. — Мы здесь все отверженные. Нас всех обманули.

— Вам-то хорошо, вас один раз, а меня всю жизнь обманывали.

— Вам здесь самое место, не правда ли? Теперь вы будете жить среди самого большого обмана во всей человеческой истории, — проговорила она совершенно беззлобно.

«Приходится, — подумал Эрик. — Джитер ведь сказал, что все тут слишком заняты тем, чтобы выжить, и не могут попусту тратить время и энергию на то, чтобы печалиться о том, чего изменить не возможно.

Поиски работы для Эрика заняли несколько больше времени, чем он рассчитывал. Обычная процедура заключалась в том, что группа вновь прибывших колонистов захватывала с собой список тех, кто прибудет через несколько месяцев. В нем содержалось разъяснение того, на что конкретный колонист способен. Поскольку ни Эрик, ни Лайза в таком списке не фигурировали, для них ничего не было приготовлено.

Однако, как только все утряслось, его невероятные способности снискали невиданное уважение и восхищение коллег. Вскоре они чуть ли не очередь к нему выстраивали со своими неразрешимыми проблемами.

Что касается Эрика, то, хотя ему и нравилась работа в «Селверне», но все же он не мог себе представить, что работа

способна давать такое наслаждение и удовлетворение. Колонисты для Эдема подбирались по критериям не только интеллектуальной, но и эмоциональной зрелости. Здесь не было никакой грызни за продвижение по службе, никакой толкотни, чтобы взобраться на несуществующую вершину служебной лестницы. Не было мыслей о том, что можно подсидеть кого-то ради собственной выгоды. Существовали только задачи, которые нужно было решать. Это была восхитительная атмосфера для работы, и Эрик откликнулся на нее с невиданным доселе для него энтузиазмом.

Хотя на Эдеме и существовал определенный набор удобств, жизнь на нем граничила со спартанской, особенно зимой. Случались также непредсказуемые, а иногда непоправимые удары со стороны погоды и диких зверей, с которыми колонисты никак не могли бороться. Такие удары вели лишь к дальнейшим насмешкам над розовой картинкой, которую рисовала будущим колонистам реклама ВОКУ на Земле.

В целом же колонисты с трудностями справлялись, и население Эдема неуклонно росло. Чувство глубокого разочарования, которое охватывало каждую партию вновь прибывших, быстро отступало на задний план перед первостепенной задачей выжить. Коренные жители Эдема, такие как Джитер и Мадрас, гораздо лучше скрывали свои чувства, чем новички. Но получше узнав своих новых сограждан, Эрик увидел намеки на то, что за внешним добродушным обликом этих улыбающихся людей, таится огромный резервуар невостребованного гнева к вновь прибывшим — сами же клюнули на ложь. Права же граждан, родившихся на Эдеме, были попраны изначально.

Вместо злобы и зависти, с которыми он столкнулся бы на Земле, Эрик услышал лишь комплименты и добрые пожелания от товарищей по работе, когда он был назначен ответственным за все компьютерные дела на Эдеме. Больше всего Эрику в этом понравилось то, что он теперь будет чаще и дольше видеться с Джитером Са-Нос-Ки. К этому времени он был на «ты» с большинством жителей мира, и чем больше он чувствовал себя среди эдемитов как дома, тем ярче, подобно цветку на солнце, расцвела его личность.

В маленьком городке долго ничего не утаишь. И скоро тайна происхождения Эрика и Лайзы стала общеизвестной. Разоблачение лишь подтвердило справедливость слов советницы

Мадрас. Всем было на это плевать. Лайза уже успела сдружиться со специалистом по сельскому хозяйству, которую звали Аэлита Марценская, прежде чем узнала, что та тоже артисон.

Месяц шел за месяцем, Эрик все больше успокаивался. Хотя до конца так и не мог убедить себя, что они в безопасности. Он опасался, что власти могут послать команду смертников, чтобы до конца обезопасить колонию от происков сайраксов.

Стоя рядом с Джитером, Эббот внимательно просматривал каждую прибывающую группу. Но очевидно власти удовлетворились его членовредительством. Эрик остался в живых, а попытка сайраксов украсть секретный материал провалилась. И практичный Коллигатар, должно быть, счел это вполне достаточным. Во всяком случае камикадзе среди вновь прибывших заметно не было. Никто из них ни словом не обмолвился об Эрике и Лайзе. Да и смысла в этом не было, поскольку обманутые эдемиты вряд ли кинутся выполнять грязную работу за ВОКУ.

— Ты мне вот что скажи, Джитер, — спросил как-то Эрик, когда они устраняли какую-то мелкую поломку в электронике Ворот, — как ты думаешь, многие вернулись бы на Землю, если была бы такая возможность?

Джитер оторвал взгляд от терминала, поднял голову, поправил красную повязку на лбу и задумчиво посмотрел на Эббота.

— Не думаю, Эрик. Независимость многого стоит. Может, эта планета и не Земля Обетованная, но общество, которое нам удалось здесь построить, на тысячи лет опережаст земное. Ведь у нас здесь всего два психолога и ни одного психиатра на всех жителей Эдема. Да и те двое большей частью катаются на лыжах. Нет, ни один на ум не приходит, кто захотел бы вернуться в этот котел варварства, омерзительного соперничества и преступности. Жизнь здесь тяжела, зато полезна для психики. И никакой Коллигатар не внушает, как нам жить.

Эрик кивнул.

— Земля уже не может обойтись без Коллигатара. Слишком большое население, слишком все нестабильно. А здесь все разумно и стабильно.

— Я много читал об этом Коллигатаре. Насколько я понимаю, он всем управляет.

— Не совсем точно. Реальной власти у него нет. Он просто советует.

— Ага, — понимающе кивнул Джитер, и на лице его появилась усмешка. — И среди прочего, насколько я понимаю, он посоветовал ВОКУ, пока оно было еще в зародыше, сочинить прекрасную ложь насчет райских миров, которая соблазнила моих бабушку с дедушкой и прочих, заманила за Ворота.

— Да, пожалуй что без участия машины такой грандиозный обман не удалось бы устроить, — согласился Эрик.

— Не знал я, что можно разработать двуличную машину.

— Коллигатар — гораздо больше, чем машина, — объяснил Эрик. — Наряду с колоссальными вычислительными возможностями, он обладает сознанием и подключен ко всем более или менее значительным компьютерным сетям на планете.

— Нет, большинство из нас не согласились бы жить с таким надсмотрщиком, пусть даже у него были бы и самые благие мотивы.

— Вот именно поэтому меня и заинтересовали ваши здешние компьютерные сети. Уж больно меня поразила их изощренность. При населении всего-навсего семьдесят пять тысяч.

— Ну тут уж ничего не поделаешь. Как мы иначе со всем этим раем управимся? — заметил Джитер.

— Неужели? Знаешь, о чем я подумал. Не получите ли вы лет через пятьдесят, а то и меньше, безобидную на вид программу, которая, будучи помещена в вашу компьютерную систему, обратится в своего рода сокращенную версию Коллигатара.

Джитер помрачнел. Эрик впервые видел его по-настоящему расстроенным.

— Ну хорошо, Но зачем ему было бы это нужно?

— Чтобы распространить свою власть на колонии. Не забывай, что машина с самого начала пошла на обман, и с тех самых пор Коллигатар помогает развивать и развивать все технические средства колоний. Именно он предлагает, что вам поставить и сколько направить специалистов, и в каких областях. Я искренне удивлен, что он до сих пор еще не отправил сюда самостоятельную часть себя, чтобы уже сейчас внедриться в нашу компьютерную сеть. Но это лишь вопрос времени.

Джитер так и сел.

— Нам необходимо информировать Совет. По крайней мере, с этого момента нам необходимо быть начеку. Мы ведь можем просматривать каждый приходящий пакет программ.

— Ты думаешь, этого достаточно? Коллигатар и его ВОКУ дурачат колонистов вот уже полторы сотни лет. Или ты думаешь, что они сюда не смогут провести программу?

— Ну а ты? Разве ты не сможешь выявить ее? Лучше тебя у нас никого нет, Эрик.

— Спасибо за комплимент. Но давай заглянем на пятьдесят лет вперед. За это время программирование и техника на Земле так продвинутся, что к тому времени даже я не смогу распознать, в чем обман.

— Но что-то ведь нужно делать. Местные жители не захотят терпеть такого контроля над собой. Ведь мы и оказались здесь, в частности, ради того, чтобы избавится от него.

— А у нас выбора не будет. Как только сатрап Коллигатара возьмет на себя командование местной компьютерной системой, его уже оттуда не вытуришь. И Эдем вынужден будет иметь дело с так называемыми предложениями Коллигатара, хочет он того или нет. — Эрик невесело улыбнулся. — Впрочем, что в этом плохого? Ведь Коллигатар просто хочет, чтобы ваша жизнь стала лучше, исключительно на это он и запрограммирован. Принимать решения станет гораздо проще.

— Как тебе известно, нам нравится принимать собственные решения, а компьютерная сеть нам нужна так же, как плуги и гидроэлектростанция. Но все это должно служить оружием исключительно в наших руках. Не нужна нам машина, которая будет принимать решения за нас, даже вежливо замаскированные под предложения. Я ведь хорошо знаю историю. Конечно, Коллигатар сделал жизнь на Земле проще, но через некоторое время все оказалось в руках машины. А мы не хотим, чтобы у нас мозги атрофировались. Нам здесь Коллигатар не нужен. В отличие от Земли, у нас здесь не возникают периодически угрозы войны или массового голода и эпидемий. Так что придется нам просматривать все поступающее в два раза тщательнее, вот и все.

— Едва ли это поможет. Хотя есть и еще один выход, — пробормотал Эрик.

Взгляд его был направлен куда-то вдаль. Джитер не мешал

ему собираться с мыслями в течение нескольких минут, но наконец не выдержал и нарушил тишину.

— Так что это? Какая-нибудь новая совершенно новая система тревоги, которую мы встроим в нашу компьютерную сеть?

— Нет. Ни перехитрить, ни предугадать действия Коллигатара я не могу. Как бы тщательно мы ни готовились, он так или иначе просочится в нашу систему. Может, он уже начал просачиваться.

— Так что же нам ликвидировать нашу компьютерную сеть? Или выкинуть все новое, что поступает с Земли?

— Совсем не обязательно. Дело в том, что я знаю, где находится настоящий рай, — сказал Эрик.

Джитер ничего не ответил. За соседними столами смолкли всякие разговоры: люди за соседними столами не в силах были скрыть свой интерес. Эрик не предложил им выйти. Все равно все рано или поздно узнают.

— Ты имеешь в виду Гарден? — наконец спросил Джитер.

— Сомневаюсь. Гарден, наверное, ничем не лучше Эдема. Иначе, какой смысл был бы ВОКУ посылать половину колонистов на такую суровую планету, как Эдем, а другую половину — на Землю Обстованную.

— А почему бы и нет? Ведь мы-то об этом все равно никогда бы не узнали.

— Это верно. Но психологические и профессиональные требования одинаковы для всех колонистов. А если бы освоению подвергались две сильно отличающиеся друг от друга планеты, то требовались бы люди разного психического склада, обладающие разными умениями. Я думаю, что всякий получивший доступ к списку требований к колонистам за последние сто лет легко вычислил бы, что ни Эдем, ни Гарден не соответствуют тому, что рекламируется. Я думаю, что жителям Гардена приходится не слаще, чем нам.

— О чем, черт возьми, ты говоришь, Эрик?

— Ты же знаешь, откуда я взялся.

— Знаю. — Джитер, казалось, смутился, что его друг счел нужным еще раз упомянуть об этом. — Ты — артисон, построенный чужой расой, Сайраксом. Ну и что? Для меня, как и для всех жителей Эдема, ты такой же гражданин, как и все. Да, ты более одаренный, чем другие. Но в остальном — такой

же человек. И нам плевать, где ты был зачат, в утробе, в пробирке или в какой-нибудь инопланетной скороварке.

— Спасибо, — Эрик проглотил подступивший к горлу комок и попробовал приглушить охватившие его чувства. — сайраксы снабдили меня огромным количеством полезной информации, и из этого хранилища я черпал, сам того не сознавая. А впоследствии получил доступ ко всей, заложенной в меня информации. Это произошло на станции Ворота, когда меня просветили на предмет моего происхождения и когда включился уничтоженный мной теперь передатчик у меня в голове. У меня было время, чтобы попытаться разобраться с этими имплантированными знаниями. Какую-то их часть я просто не понимаю. Видимо, у меня слишком человеческий взгляд на вещи, но с большей частью того, что относится к математике и другим точным наукам, мне удалось разобраться.

— Сайраксы — очень древняя раса, Джитер, — продолжил Эрик. — Межзвездные путешествия на космических кораблях — очень длительное занятие, но они делают это уже многие тысячелетия. И некоторые из их беспилотных зондов уже успели достигнуть точки назначения и вернуться. Другие все еще летят во все концы и вернуться через много тысячелетий, когда все мы уже будем мертвы. И как ты думаешь, почему это они так отчаянно пытаются выведать тайну Ворот? Да потому, что у них накопился список пригодных для обитания миров, но кораблям с переселенцами лететь до этих миров долгие столетия. И поскольку их общество на дух не приемлет войны, и вообще гораздо нравственнее, чем земное, им ничего не остается, как купить у ВОКУ секрет Ворот или до предела поступиться своими правилами и попытаться украсть его.

— А почему бы им просто не предложить честный обмен информацией?

— Насколько я понимаю, они малость побаиваются человечества, и им очень хотелось бы ограничить нас Землей и двумя колониями. Кстати, это решение также стоило им больших нравственных мук. С одной стороны, они боятся и презирают нас, а с другой стороны, очень в нас заинтересованы. Рано или поздно мы станем друзьями, либо случится война, в которой, я боюсь, человечество проиграет. В их каталог входит немало миров, пригодных для заселения человеком. А

некоторые из них не просто пригодны. Тот, о котором я говорю, с равным успехом можно назвать Раем.

— Послушай, но если они догадываются, что ты получил доступ ко всей информации, которую в тебя заложили, то они, наверное, считают тебя самым опасным живым существом для сайраксов. Они же должны до смерти бояться, что, приняв сторону Человечества, ты выдашь все, что знаешь, человеческим властям.

— Подозреваю, они прекрасно обо всем догадываются, но вряд ли боятся. Сейчас они прекрасно знают, что я вне досягаемости, как для сайраксов, так и для землян. Конечно, земные власти испытывают ко мне, должно быть, похожие чувства.

— Вот как здорово быть популярным, — сыронизировал Джитер.

— Я почти уверен, что они не встревожены. Конечно, они разочарованы, что механизм подвел, но не разочарованы. Ведь колонисты и оборудование по-прежнему регулярно поступают через Ворота. Если бы сайракс решил, что я попал в руки человеческих ученых, то едва ли, с моей точки зрения, Ворота или что бы то ни было еще до сих пор функционировали нормально.

Джитер, внимательно посмотрел в глаза другу.

— Ты мне вот что скажи, Эрик, если сайраксы прилетят сюда и обратятся к тебе, ты выдашь информацию, которая им нужна?

— Нет, я им ничего не должен, так же, как и человечество. Я никому ничего не должен. Я просто хочу, чтобы мне дали возможность жить своей жизнью с Лайзой. Как можно более тихо и неприметно. У меня здесь появились настоящие друзья — ты и Мадрас, другие. И, я думаю, что ты должен правительству Земли не больше, чем я. Нас всех обманули и всеми нами воспользовались.

— Совершенно согласен, — Джитер склонился поближе. — А расскажи мне поподробнее об этом райском мире, который ты обнаружил у себя в голове.

Эрик обратил внимание, что весь персонал сарая собрался рядом и прислушивается.

— Парадиз находится дальше от Земли, чем Эдем и Гарден. Координаты его я знаю достаточно хорошо, чтобы перевести их в цифры, которые можно будет заложить в систему управ-

ления Воротами. Вычисления потребуются сложные, но я смогу их провести, особенно, если мне помогут.

— Да ведь у нас на Эдеме самые лучшие из живущих инженеров-практиков, — заметил кто-то из толпы.

— Я знаю, — ответил Эрик. — я уже успел с ними поработать.

Внезапно Джитер как-то сник.

— Но все это нам мало поможет. Поскольку мы никак не сможем превратить принимающую станцию в передающую.

Эрик согласно кивнул.

— Одни только энергетические потребности перекрывают все ресурсы колонии, не говоря уже о том, что передатчик должен быть расположен в космосе за пределами гравитационного и магнитного полей. Однако, — спокойно возвестил он, словно сообщая сводку погоды, — существует возможность с любой стороны изменить полярность, если энергия подключена.

Среди собравшихся в сарае пронесся шепот. Джитер обратился от имени всех.

— Ну как же так, Эрик? Мы все прекрасно знаем, что сквозь Ворота можно проходить строго в одну сторону.

— В одну сторону одновременно, — поправил его Эрик, — причем в любую. Я над этой проблемой работал с тех самых пор, как попал сюда, кроме того, у меня есть доступ к знанию сайраксов, а не только людей. И теоретически я не вижу причины, почему это невозможно.

— Но в таком случае, — медленно начал Джитер. — В таком случае... мы все могли бы вернуться на отправную станцию Ворот на Земле, если бы захотели.

— Я не зря ведь спрашивал тебя, что предприняли бы люди, если бы такое было возможно. И ты сказал, что большинство осталось бы.

— И снова говорю, хотя полагаю, что найдутся несколько человек, которые попробуют меня опровергнуть. Но ты ведь не физик, Эрик. Ворота существуют уже полтора века. Кажется просто невероятным, чтобы ты натолкнулся на столь важное, а десятки инженеров, для которых работа над Воротами — дело всей жизни, не заметили бы этого.

— А с чего ты решил, что они не заметили? — спросил Эрик.

С таким же успехом он мог бы взорвать в амбаре бомбу с

паралитическим газом. А потом тишина разразилась взрывом яростных негодующих вопросов.

Когда первая волна гнева схлынула, Эрик продолжил.

— Неужели вы думаете, что украв жизни ваших дедов и отцов, ВОКУ и Коллигатар стали бы рисковать, позволив вернуться на Землю разочарованным и обманутым. Ставка слишком велика с их точки зрения. Земле угрожает все усугубляющееся перенаселение, древние межплеменные распри, новые болезни. Да еще замаячила новая перспектива — сайракс. А эти две колонии — своего рода бомбоубежище. Вас приживили здесь, чтобы гарантировать сохранность Человечества, как вида, в случае, если матушку Землю постигнет катастрофа. Если есть уверенность в том, что колонии будут и дальше должным образом населены, то есть основания и дальше лгать. Неужели вы думаете, что правительство не пойдет на это? Все зависит от того, что знание того, что сквозь Ворота можно путешествовать в обе стороны открыто лишь горстке самых высокопоставленных ученых и лидеров. Совершенно очевидно, что команда, обслуживающая станцию Ворота, понятия не имеет об этом. Было бы слишком опасно посвящать их. Вдруг какой-нибудь обиженный инженер захочет вернуть пару своих друзей. Гораздо проще однозначно говорить, что движение через Ворота одностороннее. Вот скажем, Джитер, твои дед и бабка долго бы высидели в этой морозилке, если бы знали, что могут вернуться?

В толпе раздался одобрительный шепот. Ответ был очевиден.

— Вот и я сомневаюсь, — продолжил Эрик. — Колония никогда не прижилась бы, а это им было очень важно по причинам, которые я только что назвал. Так что вас дважды обманули с целью использовать.

После мрачной паузы Джитер спросил.

— А ты сможешь модифицировать приемную станцию так, чтобы возможно было отправиться обратно на станцию Ворота?

— Думаю, что да. Хотя риск, конечно есть.

Из задних рядов раздался голос женщины-инженера.

— Станция Ворота всегда под напряжением. Выключать и включать ее слишком дорогое удовольствие.

— В таком случае, не вижу никаких причин, по которой

мы не можем изменить полярность и заставить ее открываться в обе стороны, — настойчиво сказал Эрик.

— Но ведь это нас в Парадиз не приведет.

— Да, но мы сможем переориентировать систему и спроецировать приемную станцию типа этой, — он указал на темный провал в рамочке, — в новый мир. Попасть из Эдема на станцию Ворота, а с нее...

— В рай, — закончил кто-то за него.

— А как мы можем быть уверены, — спросила все та же женщина-инженер, — что все то, что ты нам рассказываешь, действительно так, а не является частью какого-нибудь нового сайракского заговора с целью вернуть тебя на станцию Ворота, а там размозжить тебе голову?

— Я знаю, что это не так. Все то время, что я здесь, я исследовал свое тело с не меньшей интенсивностью, чем работу Ворот, — заверил он ее. — Я уверен, что сайраксы рассматривают мое дело как проигранное. Может быть, они уже приступили к созданию новой модели, менее склонной к тому, чтобы обратиться против них.

Раздались смешки.

— Не удивительно, что сайраксы так отчаянно пытаются заполучить секрет Ворот, — пробормотал Джитер. — Ведь получается, они смогут спроецировать приемник куда угодно, даже на Землю.

— Именно по этой причине они скрывают откуда они, потому что боятся, что ВОКУ направит приемник на родную планету сайраксов. Ситуация крайне опасная. — Этого Эрик мог бы и не добавлять. — Рано или поздно она приведет к взрыву, и мне хотелось бы держаться подальше от осколков.

Глазами он отыскал в толпе инженера, которая высказала свои предположения.

— Если бы мной по-прежнему управляли сайраксы, то я мог бы изменить полярность один, ночью. Для этого многого не требуется. Вы просто удивились бы, если бы узнали, как мало для этого нужно сделать. Я доставил бы им себя и все мои знания, и никто бы не узнал.

— Может быть, — многозначительно сказала она.

— Может быть. И уж совершенно определенно, я не стал бы вам рассказывать то, что рассказываю сейчас, не говорил бы о своем происхождении, когда мы с Лайзой Тембор очутились здесь.

— Да хватит же, — Джитер встал и положил руку на плечо товарища. — Эрик Эббот такой же мужчина, как и все мы.

— Только не я, — сказала женщина-электронщик.

И толпа расхохоталась. Когда смех утих, Эрик с благодарностью посмотрел на Джитера.

— Ну хорошо, приятель, какая разница.

— Эрик, а ты уверен насчет той планеты?

— Совершенно. Каталог содержит полную информацию о каждой планете. И эта не исключение. — Он обвел взглядом собравшихся и увидел надежду, страстное желание поверить в то, что говорится. — На этой планете есть все, что говорится в рекламе об Эдеме и Гардене.

— Но ведь если это не так, мы можем застрять там навеки, — возразил Джитер.

— Вовсе нет, — напомнил ему Эрик. — Ты забыл, что мы можем менять полярность Ворот. Если сайракская информация окажется неверной, хотя у меня нет причин не доверять ей, то мы всегда сможем вернуться обратно на Эдем или на Землю. У нас здесь достаточно запчастей, чтобы можно было набрать на постройку второго приемного терминала. Мы перешлем их на станцию Ворота, а оттуда на Парадиз. Это будет честный обмен. Инфраструктура, которую вы здесь построили, на полную свободу от земного вмешательства и возвращение от попранных до вашего рождения прав. В конце концов, вы получите то, что было вам обещано.

— Этот вопрос следует поставить перед Советом, — сказал Джитер, — и на всеобщее голосование. Может быть, не все захотят рисковать.

— Ну а ты-то, Джитер. Ты отправишься туда с Лайзой и со мной?

— Эдем — мой дом. Я здесь родился. — Он улыбнулся. — Но, уж лучше журавль в небе.

Все шумно одобрили. Когда всеобщее возбуждение улеглось, Джитер снова заговорил серьезно.

— Хорошо, Эрик, допустим, все получится. Но что произойдет, когда мы прибудем на станцию Ворота? ВОКУ не позволит нам пользоваться Воротами в наших собственных интересах.

Эрик даже не улыбнулся.

— Придется нам на этом настоять.

При всеобщем опросе примерно треть населения Эдема

решила рискнуть и отправиться на планету, которую в таких радужных тонах описывал Эрик. Эта треть состояла из вновь прибывших и тех уроженцев Эдема, которые были разочарованы в том мире, где они родились. Многие по-прежнему мечтали о Земле Обетованной, которой прельстились души их родителей и прародителей. Они были мало чем обязаны Эдему и вовсе ничем земле.

Среди отважившихся имелись представители всех профессий, всех слоев эдемского общества. Это был настоящий вертикальный срез. Недостатка в умелых руках и грамотных мозгах в новой колонии не будет.

На носилках и тележках они свезли к приемной станции все незадействованное на Эдеме оборудование. Возникла жаркая дискуссия, брать ли с собой компьютерные компоненты. Но даже Эрик высказался за то, что все остальное нужно брать. Бояться нужно проникновения Коллигатара в компьютерные сети, а не самих компьютеров.

Конечно, все то, что было уже построено на Эдеме: мосты, дороги, производства на планете Парадиз придется строить заново, без регулярных поставок и помощи с Земли. На это уйдут многие годы. Это та цена, которую им придется заплатить за истинную свободу. Никто из добровольцев не роптал. Они были готовы на все, что угодно, лишь бы перерезать последнюю пуповину.

По крайней мере, отопительные системы с Земли им не потребуются, заверил их Эрик. Сайракский каталог гласил, что Парадиз — это мир ласковых морей и цветущих лугов, мягкого климата и сезонных дождей. Он знал, что это правда, поскольку даже картинка была заложена в его мозгу.

— А сколько времени это займет? — поинтересовалась Мадрас, когда Эрик, Лайза и Джитер стояли перед Советом. — Ведь у вас двадцать пять тысяч добровольцев. За две минуты вы их через Ворота не отправите. Как вы их собираетесь удерживать столько времени?

— Транспозиция происходит почти мгновенно, — заверил ее Эрик. — Первым делом мы перешлем приемную станцию на Парадиз, а следом отправятся люди и оборудование. Как только мы захватим управление станцией, я возьму на себя функции командующего Воротами. Мы будем отправлять туда группы по пятьдесят человек, после этого я буду перенацеливать Ворота на Парадиз и отправлять туда по пять чело-

век. После этого снова на Эдем, с Эдема на станцию, со станции на Парадиз и так далее.

Через Ворота можно пропускать по пять человек каждые полминуты. С учетом перенацеливания и изменения полярности пропускная способность будет, скажем, пять человек за минуту. Работая безостановочно, мы пропустим в среднем триста человек за час, что составит семь тысяч за день. Так что, если нам удастся удерживать пункт отправления станции в течение четырех дней, то мы сумеем переправить всех добровольцев и все необходимое оборудование.

— Четыре дня безостановочной работы, — сказал один из членов Совета. — Сомневаюсь я что-то.

Сказавшему это советнику Семеновскому было шестьдесят четыре года. Он был болен, но тем не менее хотел отправиться одним из первых.

— Мы отобрали группу первого удара, — сказал Эрик. — Поскольку группа, обслуживающая Ворота на станции, не знает о возможности перехода в обратную сторону, мы застанем их врасплох. В первой пятерке будем я, Лайза, Джитер. Каждые тридцать секунд будет прибывать подкрепление. Я не предвижу трудностей. Ворота обслуживают безоружные люди. А вся охрана сосредоточена между залом ожидания и жилой частью станции. Более того система безопасности разработана так, чтобы не допустить проникновения к Воротам, а не из них. Сначала там будет переполох, потом проверка наших сил, а потом они будут думать только о том, как от нас избавиться. Ведь станция Ворота ужасно дорогостоящая. Власти на все пойдут, чтобы оставить ее в сохранности. А чтобы дать нам настоящий бой, придется принять решения на самом высоком уровне. А к этому времени станция уже будет нам не нужна. Бюрократическая инерция — вот наша лучшая защита.

— А мне не жаль, что я остаюсь, — сказала ему Мадрас. — Теперь мой дом здесь. Хотя многие относятся к нему иначе.

Советник Семеновский проворчал, соглашаясь.

— Боюсь, что и мне придется отказаться от мечты моей жизни ради осязаемых удобств. Но те из нас, кто останется, сделают все, чтобы помочь вам.

— Как-нибудь, когда-нибудь мы придумаем, как дать вам знать о себе, — заверил ее Эрик. — Наши потомки уж во вся-

ком случае расскажут вам, как мы устроились. Ведь Парадиз будет колонией Эдема, а не Земли.

— Мы будем помогать вам и молиться за вас, — торжественно произнесла Мадрас.

Эрик с благодарностью посмотрел на нее.

— Нам понадобится и то, и другое.

Глава 19

Ирония судьбы, но оружие, необходимое для штурма станции Ворота, имелось в наличии на Эдеме. Его нахождение упакованным среди запасов для первых поселенцев являлось еще одним доказательством двуличности властей. В «райском мире» не требовалось никакого оружия.

Было приготовлено более чем достаточно запасных частей и соединений, чтобы собрать принимающий терминал, который потом следовало перевести в Парадиз. Пока инженерная команда Эрика монтировала эти установки, остальные начали выполнять задачу, собрав треть населения колонии, обучая тех, кто никогда не был на Воротах и не знал, как действовать, давая задания пожилым и молодым, складывая и готовя оборудование для быстрой транспортировки.

Когда недели тщательных подготовок пронеслись, некоторые передумали и решили остаться на Воротах. Их места заняли другие, отважившиеся рискнуть. Общее число отъезжающих колебалось, но не очень сильно. К счастью, погода способствовала выполнению задачи. Простых палаток было достаточно, чтобы содержать группы в тепле и под защитой. По утрам собрания и приготовления больше не проводились. Каждый знал, чего от него ждут. В обычных обстоятельствах такое предприятие было бы невозможным, но те двадцать пять тысяч, которые решили предпринять попытку, не являлись обычными жителями. Их выбрали из всего населения Земли. Все они были экстраординарными личностями, как и их предводитель.

Отряды из мужчин и женщин, группировавшиеся по пятеркам, собирались в амбаре, последний раз проверяя свое оружие. Перестроенные Ворота выглядели почти такими же, как и раньше. Они по-прежнему издавали те же самые звуки.

Под металлическими арками царила та же самая мрачная темнота. Только направления были перевернуты. Некоторые приветствовали Эрика как гения. Он отмахивался, настаивая, что ничем особенно не выделяется, кроме способности все схватывать на лету.

Если его расчеты были ошибочными, не говоря уже о работе инженерной команды, все могли шагнуть в небытие. Это была бы быстрая смерть, и приборы в амбаре зафиксировали бы катастрофу. Она положила бы конец великому эксперименту. Двадцать пять тысяч человек немного поговорили бы и разошлись по своим запертым домам. Эрик крепко сжал оружие. Такого не должно случиться. Ни с Лайзой, ни с одним из его новых друзей. Они слишком сильно зависели от него, чтобы он мог допустить промах.

Провести их через вакуум — это было больше, чем просто хороший замысел.

Джитер стоял рядом с ним.

— Нужно сделать первый шаг, Эрик, — осторожно проговорил он. — Давай начнем. Я хочу получить то, что обещали моим предкам. Давай уничтожим ложь.

Эрик кивнул, дал сигнал техникам приготовить оборудование, последний раз сверился с часами и сделал шаг.

На станции Ворота было темно. Сигнальные устройства ярко сияли на драйверах, показывая, что все подключено к источнику питания. Но на ночь не было и намека. На одно ужасное мгновение Эрику показалось, будто все они вдруг оказались звездами, и что их вынесло куда-то в бесконечный открытый космос. Потом появились очертания драйверов, и он успокоился.

Они все рассчитали по времени. Настенные часы показывали, что только недавно миновала полночь станции Ворота. Поскольку продолжения перемещения не было, ночью район оставался безопасным. Применение оружия не требовалось.

Утро могло доказать обратное.

Свернув направо, Эрик сел за главный пульт и начал знакомиться с управлением. Задачу упрощала его уникальная память. Хорошо обученные компаньоны Эрика быстро заняли предписанные им позиции вокруг своего предводителя. Некоторые прильнули к иллюминаторам, глядя на вращающуюся

внизу Землю. Третье или четвертое поколение жителей Эдема, они никогда не видели эту планету.

Джитер потребовал от них внимательности.

Эрик не смотрел на зелёный мир. Тот не являлся его домом. Никогда. Он не влиял на него. Домом Эрика был мир под названием Парадиз, который все еще находился перед глазами предводителя.

Несколько членов команды бросились закрывать пневмозамок изнутри. Это было сделано автоматически, не принимая во внимание электрические замки, так что никакая тревога в Центре Безопасности подняться не могла.

Прижавшись к стеклу иллюминатора, наблюдатель мог видеть огни проплывающего города-станции. Два отеля ярко осветились. Только что выпущенный челнок с дельтообразными крыльями, похожий на горную вершину, медленно разворачивался, чтобы сориентировать себя перед посадкой.

— Чудесно, — произнесла молодая женщина, глядя на планету внизу. — Никогда не думала, что она может быть такой прекрасной.

— Хочешь остаться? — спросила ее Лайза. — Это часть договора. Тот кто захочет, может остаться.

Та повернулась к главному пульту.

— Нет. Я хочу новую жизнь, а не старую.

— Ты ее получишь, — пообещал Эрик.

Все техники заняли свои места и рассматривали странные приборы. Эрик хорошо помнил многие из них. Недели учебы на Эдеме теперь сказались.

Терминал запомнился жителям Эдема. Пневмозамок был закрыт, никакая тревога не поднялась, экипаж находился на местах. Прошло время определить Парадиз.

Компьютерная установка с готовностью приняла новые координаты. Техники осторожно установили поспешно привезенную принимающую станцию и столкнули ее в темноту по команде Эрика. Она должна была добраться до места, откуда могла начать действовать. Ей не требовалось материализоваться под тысячами фунтов океанской воды или тысячефутовой высоте в воздухе, но станции нужно было отрегулироваться самой в течении минуты.

Постепенно сигнальные устройства начали мигать на центральном пульте ярко-зеленым цветом. Приемный терминал успешно установился и приготовился к работе. Среди

техников экипажа послышались приглушенные аплодисменты. Напряжение начало спадать. Цель была достигнута, обещания Эрика наполовину исполнились.

— Пора, — сказал предводитель первой группе волнующихся добровольцев. Первый из них кивнул и вошел на площадку вместе со своими четырьмя товарищами. Объятия, рукопожатия.

— Готовность, — спокойно произнес Эрик. Тысячу лет назад он слышал то же самое слово от сидящего в этом же самом кресле человека. В его голосе звучали обещание и тревога.

— Готовы, — эхом отозвались пятеро.

— Выходите.

Они вышли. Секунды неслись, первые из миллионов. Лайза вцепилась пальцами в плечо Эрика. На этот раз одобрения со стороны техников слышно не было.

Экспресс «Парадиз» тронулся.

Потом пришло время заново отрегулировать Ворота и приветствовать очередных пятьдесят посланников с Эдема. Теперь времени хватило только на торопливые рукопожатия и на несколько поцелуев, перед тем как вновь прибывшие отправились вслед за остальными.

Возбуждение уступило место деловитости, когда процесс вступил в рутинную стадию. Пятьдесят с Эдема с инструментами, пятьдесят на Парадиз, обратно на Эдем, а оттуда на Парадиз.

Было восемь часов утра по станционному времени, когда перед пневмозамком появился первый городской техник. Сообщение пришло от охранников, которым было поручено наблюдать.

— Там их двое, Эрик, — сказал Джитер. — Они не понимают, почему не могут войти.

Тот, не отрываясь от работы и не оборачиваясь, отозвался:

— Они видели тебя? Готовность.

Последнее слово относилось к очередной партии транспортируемых.

— Нет. Мы ждем уже целый час, когда кто-нибудь появится. Снаружи нельзя заглянуть в рабочую часть, и мы из предосторожности не включаем огни. Вообще-то они сейчас не нужны.

Это было истинной правдой. Город распростерся на затененной части и сейчас выходящей на солнце части Земли.

Как считали в городе, станция Ворота была пустой и безопасной. Она поддерживалась собственными солнечными батареями, и никто не замечал поворотов огромной тарелки, совершавшихся каждые десять минут.

Спокойствие длилось пару часов, пока растущая группа заинтересовавшихся техников станции Ворота не вызывала ремонтную бригаду, вполне логично предположив, что с пневмозамком какие-то неполадки.

Техники и специалисты бросились по коридору в следующий отсек. Поскольку помощники Эрика убрали инструменты, предназначенные для пневмозамка, определить давление воздуха внутри него не представлялось возможным, и ремонтники надели скафандры. Эрик хотел, чтобы они действовали так, будто произошло недоразумение. Это замедлило бы их действия.

Прошло еще несколько часов, пока ремонтная бригада запросила и получила разрешение сорвать пломбы замка. Лазеры работали в полную силу, когда пневмозамок вдруг открылся, и вооруженные колонисты с криками затащили ошеломленных ремонтников внутрь вместе с инструментом.

Когда замок опять заперли, Джитер доложил Эрику:

— Мы их взяли.

— Они должны крепко задуматься перед тем, как сделать новую попытку, — ответил тот, полностью сконцентрировавшись на своей работе, — но в следующий раз они возьмут с собой оружие. Думаю, пора вступить в контакт с властями станции.

В этом не было необходимости. До того, как он успел составить подходящее приветствие, динамики по всей станции ожили.

— Это командир Карл Расмуссон из службы городской безопасности! Вы нелегально вторглись во владения ВОКУ. Сообщите, кто вы.

Джитер подошел к микрофону и ответил в той успокаивающей, обезоруживающей манере, которая всегда так сильно действовала на женщин:

— Конечно. Меня зовут Джитер Са-Нос-Ти. Я колонист третьего поколения с Эдема. Мы решили нанести давно запланированный визит. Поэтому передайте от меня привет всем в Нью-Мексико, а также приветы от моих родственников Яза и Сулы Са-Нос-Ти.

Эрик получил бы сейчас удовольствие, взглянув на лица в Центре безопасности, но даже, если бы ему предоставилась такая возможность, он не смог бы найти время и оторваться от главного пульта Ворот.

Надписи и цифры на дисплее оставались постоянными.

— Выходите, — сказал Эрик семье из трех человек и ясноглазой пожилой паре. Те исчезли в темноте вслед за своими предшественниками.

Когда Расмуссон заговорил снова, его тон уже был определенно менее воинственным.

— Кто бы вы ни были, вы лжете насчет того, откуда прибыли.

— Мы не лжем, — убежденно ответил Джитер.

— Терминал станции Ворота действует только в одном направлении: наружу.

— Лично я это ложью не считаю, — Джитер явно наслаждался своей ролью ведущего переговоры. — Это то, о чем нам говорили. Это то, во что, я уверен, верите вы. Каждому на Земле лгали именно так, потому что ВОКУ желала, чтобы в это верили все. Но мы не лжем. Свяжитесь с руководителями в ВОКУ и спросите у них. Там вы все выясните.

С этого момента тишина наступила надолго. Джитер сказал о тайне, и все, кто слышал ее, хотели теперь получить подтверждение или опровержение. Это должно было отвлечь силы Расмуссона еще на некоторое время. И отвлекло.

Прошло довольно много времени. Первую группу техников заменили вновь прибывшие, когда динамики станции ожили снова. Только Эрик отказывался оставить свой пост. Он настойчиво продолжал отдавать приказы «Готовность» и «Выходите» спокойным, монотонным голосом и намеревался делать это, пока последний колонист с Эдема не будет успешно перемещен.

— Это доктор Дюрапати Поннани, — донесся из динамика новый голос. Среди только что прибывших колонистов, узнавших имя, послышался шепот. — Я прямой представитель власти Коллигатар, недавно прибывший в город. Просим вас сказать, кто вы. Еще мы хотим знать, что вы делаете на Воротах. Внешние датчики обнаружили колебания энергии и движения выступающих частей. Вы должны сказать, с какой целью используете двойную транспортацию с помощью Ворот. Мы не признаем, и не отрицаем возможности этого.

«Требование, обвинение и комплимент одновременно», — подумал Эрик. Их появление не имело словесного определения.

— Готовность, — спокойно произнес он.

— То, что мы делаем со станцией Ворота, не ваше дело, — вежливо ответил Джитер. — Скажем так, что мы с ней играем. Если вы врали в течение века с половиной, то можете почувствовать некое прощение в успокоении, верно?

Пауза. Тревожное перешептывание в динамиках. Следующий вопрос удивил всех.

— Среди вас есть Эрик Эббот?

— Эрик кто? — глупо переспросил Джитер, но в новом запросе никакой глупости не было.

— Я думаю, что есть, — настаивала Поннани. — Он единственный, кто бывал на Воротах, кто знал, как перепрограммировать и переделать логические цепи, чтобы воспользоваться двойной транспортировкой, не говоря уже о том, что только у него есть причина сделать это.

Джитер пожал плечами и подошел к своему приятелю, сидевшему за главным пультом. Эрик потер глаза и взял микрофон.

— Я здесь, доктор Поннани.

— Я так и думала. Тебе не приходит в голову, что твои действия, использование станции Ворота, не только незаконны, но и очень опасны? Я имею в виду не тебя и твоих друзей, а жителей Земли.

— С чего бы мне заботиться о жителях Земли? — холодно отозвался Эрик. — Я не землянин. Твои коллеги из кожи вон лезли, чтобы доказать мне это, и добились успеха, убедив меня в том, в чем я не хотел убеждаться. Вы все отреклись от меня.

— Ты никогда не был нашим, чтобы нам от тебя отрекаться, Эрик Эббот. И ты опасен. Это я тебе говорю!

— Обещаю тебе, доктор Поннани, что наши действия здесь не опасны для интересов населения Земли. Мои друзья с Эдема испытывают значительную злобу против вашей элиты, но уверяю тебя, мы не будем участвовать ни в чем апокалиптическом, как всем кажется. Я не предпринимаю ничего, что может хоть как-то навредить моим создателям сайраксам. Наши действия не опасны ни для кого.

— Послушай ты! — Эрик узнал голос командующего служ-

бой безопасности Расмуссона. Создалось такое впечатление, что доктора Поннани оттолкнули в сторону, физически и морально. — Я буду короток с тобой, Эббот. Если хочешь, я могу приказать станции уничтожить саму себя. Такое возможно в случае серьезной опасности по отношению к человечеству.

— Не сомневаюсь, что можешь, — спокойно признал Эрик, — но сначала тебе нужно определить, необходимо ли это? Сомневаюсь, что ты рискнешь взорвать Ворота под свою ответственность. Верно? Это серьезный шаг.

Опять возбужденный шепот в динамиках.

— Вот увидишь, я смогу быстро получить разрешение властей.

— Увижу? Это было бы интересно. В своем запросе тебе придется отметить, что мы не принесли вреда ни одной душе... Члены ремонтной бригады решили стать нашими гостями и могут подтвердить это... Мы не повредили и листка бумаги. Мы отлично знаем, что делаем (по крайней мере, полуложь) и скоро все закончим.

— Ты — сайракс! — обвиняюще вскрикнул Расмуссон.

— Я не сайракс, — уверенно ответил Эрик. — Я человек. Я доказал это когда сбежал от них так же стремительно, как от вашего майора Орема. Под сомнением может оказаться только моя личность, но не происхождение. Что касается моей верности, то она предназначена для моих друзей независимо от ее формы. Поэтому я настоятельно советую тщательно обсудить ситуацию с вашим начальством, командир, перед тем как приступать к решительным действиям. Здесь на станции Ворота на кону лежат тысячи жизней и триллионы долларов. Они не должны гибнуть из-за минутной злобы и раздражения.

Наступила долгая пауза. Когда командир заговорил опять, его тон уже был мягким, почти примирительным.

— Я проконсультируюсь, но вы должны поторопиться смириться с неизбежным, открыть замок и впустить нас. Я вынесу на обсуждение вопрос об амнистии в обмен на ваше содействие. Моя первая забота — безопасность, вторая — Ворота. Своими действиями вы можете уничтожить станцию.

— Мы знаем что делаем, — убедил его Эрик и услышал, как Джитер сзади весело произнес:

— Выходите.

Каждая команда «Выходите» являлась победой, каждое «Готовность» — триумфом.

— Надеюсь, что так, создание сайраксов, ради тех, кого ты уже обманул.

Джитер взглянул на Эрика и усмехнулся. Так же поступили многие техники. Эрик улыбнулся им в ответ, отвернулся, а Лайза загородила его.

Отважным предводителям не к лицу слезы.

* * *

Напряжение в конференцзале было таким, какого Ористано еще никогда не видел. В последний раз все собирались так, чтобы обсудить полуреальную опасность. Однако теперь ни у кого не вызывала сомнений реальность нынешней угрозы.

Когда существо по имени Эрик Эббот собрало своих специалистов и пробралось на Ворота, Коллигатар призвал прекратить панику. Расчет был на то, что сайраксы создают своих питомцев безупречными, похожими на людей. И это было оплачено. После отправки Эрика Эббота на отдаленный Эдем опасность заключалась только в самоуничтожении сайраксов.

Теперь выяснилось, что они просчитались. Либо сайраксы были бесконечно умнее в своих планах, чем мог представить Коллигатар и его помощники-люди, либо этот Эрик Эббот вернулся по пока неизвестным причинам. В последнем случае, как говорили в Монте-Карло, ставки были сделаны.

Вместо того, чтобы исчезнуть, проблема появилась снова, выраженная в неизвестных намерениях и в совершенно непредсказуемых вариантах. В качестве основы перед принятием решения они имели только истерический рапорт командира безопасности Ворот и гораздо более разумный доклад Дюрапати Поннани.

— Не думаю, что у нас есть выбор, — устало заявила Анира Чинелита со своего кресла. — Мы должны приказать уничтожить станцию Ворота, как предлагает командир. Мы не можем допустить, чтобы секрет Ворот попал в руки сайраксов.

— У нас нет доказательств, что этот Эббот действует под руководством сайраксов, — тихо возразил Ористано. — Он продолжает настаивать на своем человеческом происхождении. И это хорошо. Теперь вы знакомы с невероятными деталями этого дела, которое, должен вам напомнить, некоторые из вас упустили из вида, когда Коллигатар впервые привлек

к нему ваше внимание. — За столом послышался возбужденный гул. — Вы знаете, что, несмотря на всю странность этого и на все предосторожности, Эббот успешно проник к Воротам в компании с соблазнительной Лайзой Тембор. Вы видели рапорты, описывающие, как сайраксы руководили им духовно и физически в течение его пребывания на Земле, управляли им, считая его настоящим человеком. Лично я не боюсь Эббота. Не могу бояться того, чего мне жаль.

— Ваше сострадание стало легендой, Мартин, — нетерпеливо произнес Сиакван, — но сейчас нам нет от него никакой пользы. Командир Расмуссон упомянул о предложении амнистии. Какова, по-вашему мнению, может быть реакция среди друзей Эббота?

— Думаю, они последуют за своим предводителем, на какие бы действия ты не решился, — ответил Ористано. — У них больше причин доверять ему, нежели кому-нибудь из представителей ВОКУ. Запомните, они очень умны. Колонисты никогда не забывают, если им солгали.

— Что меня беспокоит, — мягко сказал доктор Новотский, — так это то, что их неожиданное появление есть часть хитроумного плана сайраксов. Их работа чрезвычайно тонкая. Допустим, возвращение Эббота, предположительно свободное от влияния сайраксов, это только часть какой-то большой операции, в которой он участвует, сам того не зная и не желая. Эббот не только знаком с конструкцией Ворот. Он установил над станцией своей физический контроль.

Когда подразумеваемое стало ясно всем, на лицах коллег доктора Новотского появились беспокойные выражения.

— Для чего? — громко спросил Ористано. — И почему он вернулся с колонистами? Доктор Поннани проинформировала нас, что станция Ворота действует. И действует, видимо, с тех самых пор, когда на нее проник Эббот со своими друзьями, хотя ее внешний вид не изменился. Если их намерения секретны и являются частью плана сайраксов, почему Эббот ждет и подвергает станцию риску быть уничтоженной? Простите, Алекс, но ваша теория тут не подходит.

— Но они что-то с ней делают, — резко произнесла Изабель Джордан. — Если бы я знала что, это здорово помогло бы принять решение.

— Доктор Поннани докладывает о необычном потоке в поле, — напомнил ей Ористано, — но она не может опре-

делить его значения. Компьютер тоже не может. Помощники Эббота невероятно хорошо осведомлены.

— Расмуссон говорит, что они упоминали об «игре» со станцией. Это может оказаться правдой? — поинтересовался Фройлих.

— По-моему, непохоже, чтобы они стали рисковать своими жизнями без серьезных причин, — сухо заметил Сиакван. — Мне хотелось бы знать, как этому существу удалось заставить людей с Эдема присоединиться к его безобразиям.

— Я смотрю на это по-другому, — произнес другой участник совещания. — У нас нет доказательств, что тут использована та или иная форма принуждения. Перед нами характерный пример физических способностей существа. Может, оно еще способно на какие-нибудь формы массового духовного контроля?

— Не думаю, — сказал Ористано.

— Я тоже. Доктор Давидов прав. Похоже, они присоединились к Эбботу добровольно, — Коллигатар впервые обратился к сидящим за столом с момента начала конференции, и все заерзали на креслах, установив почтительную тишину. — Ясно, что если бы Эрик Эббот был способен на духовный контроль, он проявил бы его, а свои физические данные придержал бы в секрете. К тому же он уже был бы готов передать Ворота в руки сайраксов. Прибыв на станцию вместе со своей Тембор, он просто захватил бы ее и все.

— А я все же считаю, что он имеет какое-то воздействие на жителей Эдема, — настаивал Саикван.

— Так и есть, доктор. Нет более мощного рычага, чем правда. И это тот товар, которого прискорбные обстоятельства заставили нас лишить колонистов.

— Мотивы мы можем обсудить позже, — заметил Новотский. — Сейчас, товарищ, мы должны решить, как восстановить контроль там, где мы его потеряли, поскольку Эббот, похоже, не собирается покидать станцию. Ворота нужно вернуть под контроль человека.

— Но они под контролем человека, — возразил Ористано. — Жители Эдема ответственны за случившееся так же, как и Эббот.

— Тогда нужно вернуть их под правительственный контроль. Это одно и то же.

— Только не в данном случае, — тихо произнес Коллига-

тар. — В любом случае, мне кажется, нет причин принимать решительные меры, которые предлагает доктор Чинелита. Три дня прошло с момента появления Эббота и его друзей. Они пока еще не выдвинули никаких требований ни персоналу станции, ни правительству. Быстрая работа приостановила распространение новостей о пришельцах среди членов научного объединения и работников станции. Пока мы еще разрешаем соблюдать излишние предосторожности. Мне не нужно говорить вам, сколько времени займет перестройка Ворот. О цене я вообще не упоминаю. Долгая задержка в погрузке оборудования и продуктов может вызвать большие лишения в колониях. Необходимость подрыва станции еще не доказана. Мы еще не составили окончательного мнения о происшествии.

— Я не согласна, но вашу точку зрения всегда уважают, — признала Чинелита.

— Что же вы порекомендуете мне делать? — спросил Ористано. — Сидеть и ждать?

— Нет. Мы, конечно, должны действовать. Нужно обдумать все, что не касается уничтожения станции.

— Если рапорты точны, Эрику Эбботу уже не страшны воздействия мощных доз наркотиков и обычная психическая атака. Единственное, что может возыметь эффект, это морфорезин, наркотический газ, — заметил Ористано.

— И он, несомненно, уже подготовился к такому штурму, — добавил компьютер. — Однако я утверждаю, что нам стоит воспользоваться только эффектным в данном случае оружием: психологическим.

Один из членов совета открыто ухмыльнулся.

— Ага. Мы только поговорим с ним, и запустим в станцию своих людей.

— Не сразу, возможно, но он выразит желание, даже готовность поговорить о себе и о своем положении. Его волнует собственная судьба. Мы должны выстроить вокруг него неопределенность.

— Он не производит на меня впечатление волнующегося за свою судьбу, — сказала Джордан.

— Во-первых, — продолжал компьютер, игнорируя ее реплику, — мы должны иметь максимум информации о том, что происходит на станции. На нашей стороне одно преимущество, и мы должны использовать его.

— Какое? — спросил Давидов.

— Станция Ворота в периоды опасности может действовать бесконечно от собственных источников питания, пока машины не начнут выходить из строя, но атмосфера внутри останется нормальной без циркулирования воздуха только недéлю. Три дня уже прошли. Еще три, и воздух на станции начнет становиться грязным. Еще день, и мы войдем туда совершенно спокойно. Конечно, нам не стоит ждать неделю, но по крайней мере мы знаем, что это не будет продолжаться вечно. И есть еще кое-что, о чем не упоминалось в нашем обсуждении. Все мы знаем чего добьются сайраксы если снова установят контроль над Эриком Эбботом. Должен напомнить вам, что мы сами добьемся многого, если перетянем Эббота на свою сторону. Он представляет собой предел в биологической технологии сайраксов. Подумайте, что это может значить для биологических исследований здесь, на Земле. Эббот может оказаться для нас таким же ценным, как сами Ворота. И это, доктор Чинелита, еще одна причина, по которой я возражаю против любых экстренных мер в отношении станции.

Ористано забарабанил пальцами по столу.

— Эббот не очень-то подчинился местным группам подавления. Почему вы думаете, будто он согласится на сотрудничество с властями?

— Он человек и все-таки не человек. Он считает себя больше человеком, чем сайраксом. Определенно, ему удалось убедить в этом много жителей Эдема, иначе они за ним не пошли бы. Он добивается признания. Я уверен, мы сможем предложить ему больше, чем его создатели.

— Значит, мы должны бороться за него, а не против него, — сказал Ористано. — Леди и джентльмены, я буду принимать ваши предложения в течение двадцати четырех часов. Все другие дела откладываются, пока кризис не минует. Благодарю вас.

Все стали покидать зал, уже размышляя над возможностями и альтернативами. Ористано выходил, как обычно, последним, и ему в голову вдруг пришла интересная мысль.

Коллигатар не требовал жестких действий при решении проблемы. Он действительно ждал, с чем к нему придут его помощники-люди, или взял паузу, потому что не знал, что предпринять?

С этой не очень приятной мыслью Ористано вернулся к себе в кабинет.

20

Лайза протянула Эрику новое блюдо и, что более важно, стала внимательно наблюдать за тем, как он ел. Эрик просидел за главным пультом без сна более семидесяти пяти часов. Его веки не дрожали, а руки уверенно лежали на кнопках. Так же уверенно звучал его монотонный голос:

— Готовность... Выходите. Готовность... Выходите.

Теперь Терминал напоминал хорошо смазанную машину, работавшую относительно бесшумно. Каждый мужчина и каждая женщина выполняли свою работу эффективно и без лишних вопросов.

Иногда Эрик позволял себе отвлеченные мысли.

Они смущены, думал он. Они не могут представить себе точно, что мы делаем, и боятся атаковать, потому что станция пострадает. Такие предположения мелькали в голове предводителя. Им суждено было метаться, пока не найдется какое-либо приемлемое объяснение.

— Эрик, скажи мне что-нибудь.

— Готовность... Все что угодно, свет моей жизни... Выходите.

— За что ты меня любишь? Ты гораздо умнее меня.

— Ведь они ограничили твое образование, верно? Ум — плохая мера для человечества.

Лайза наклонилась поцеловать Эрика, не привлекая его внимания.

— Когда ты говоришь это, я не чувствую себя такой глупой.

— Ты не глупая, Лайза. Ты просто необразованна. И это сделано намеренно. Готовность... выходите.

— Все мы необразованны по сравнению с тобой, — сказал Джитер. — Не то чтобы я завидовал твоему образованию... — он взглянул на группу, охраняющую пневмозамок, и получил несколько интересовавших его ответов. — Пока тихо, но скоро они опять попытаются что-нибудь предпринять.

— Еще двадцать часов, и это будет уже неважно, — напомнил ему Эрик.

— Верно, — задумчиво произнес Джитер. — Забавно чувствовать себя независимым от Земли. Мы первые в истории

люди, разбившие оковы ради истины. Мы будем свободнее, чем любые поселенцы. Интересно, на что на самом деле похож Парадиз?

— Все мы скоро узнаем. Я думаю, Парадиз и должен быть похож на рай. Для всех. Если нет, я окажусь перед разъяренной двадцатипятитысячной толпой.

Джитер оглядел комнату и сделал возражающий жест руками.

— Не говори так. Все считают, что ты знаешь, о чем говоришь. Сейчас не время сеять неопределенность.

— Вселенная — это водоворот неопределенности, Джитер. Я на девяносто пять процентов уверен, что вычеркнут из списков сайраксов. И пять процентов вероятности, что я не прав.

— Пять процентов, — пробормотал Джитер. — Почему ты никогда не говорил об этом раньше?

— Потому что это посеяло бы неопределенность, — напомнил ему Эрик, без тени усмешки.

Джитер медленно покачал головой.

— Хорошо, что сайраксы не запрограммировали тебе карьеру в шоу-бизнесе.

— Я уверен, эти аспекты жизни людей им до сих пор неизвестны. Я никогда не участвовал ни в чем серьезном.

— Ты уверен, что напрасно потерял время. Ты сейчас занят серьезным делом, Эрик, — Джитер снова посмотрел на запертый пневмозамок. — Интересно, что они предпримут сначала?

Доктор Дюрапати Поннани задавала себе тот же вопрос, наблюдая как командир Расмуссон отдавал приказы в Центре безопасности. Получалось так, что у них было совсем мало времени на принятие решения.

Молодой офицер, прибежавший к Расмуссону, очень запыхался. Он торопливо отдал честь и встал между командиром и его подчиненными. Поннани подошла поближе.

— Какого черта, мистер? — зарычал Расмуссон. — Я не просил тебя присоединяться к обсуждению.

— Простите, сэр, — извинился молодой офицер, тяжело дыша. — Я приму любой выговор, но сейчас решил, что жизненно необходимо передать это сообщение вам лично.

— Какое сообщение? Почему ты не передал его по связи?

— Сэр, ваш приказ соблюдать осторожность в эфире создает трудности. Я...

— Неважно. Говори.

— Я только что из города, сэр. К нему приближается огромный корабль. Движется очень быстро. Это сайраксы, сэр.

Расмуссон помрачнел.

— Значит, это все-таки часть их плана, — он посмотрел налево. — Овимби, прикажи наблюдателям поймать сайраксов побыстрее, — потом командир повернулся к Поннани. — Простите, доктор, но это меняет все дело. Я отдаю свои приказы. Мы должны взорвать станцию.

Она вздохнула.

— Я жду с минуты на минуту предложений Коллигатара, как поступить с Эриком Эбботом.

— Скажите ему, что это сайраксы. Я смогу подождать, но не долго.

— Понимаю. Я не согласна и заявлю официальный протест, но понимаю.

— Именно это я от вас и ожидал.

Офицер связи Овимби яростно замахал рукой, и Расмуссон бросился к его широкому пульту. В динамиках потрескивало.

Голос, наполнивший помещение, был вежливым, но металлическим и напыщенным. сайраксы пользовались механическими трансляционными приборами всегда, когда было необходимо общаться с людьми. Было удивительно, что сейчас использовалось изображение. Огромный экран сразу привлек внимание всех в Центре безопасности.

Как всегда внешний вид сайракса приводил в замешательство. Кроме того формы виднелись как сквозь густой туман. Говоривший сайракс стоял перед странным микрофоном. Никто никогда не видел сайраксов сидящими.

— Вы командир орбитальной станции?

— Да. Я отвечаю за безопасность, — Расмуссон потянул к себе доктора Поннани, пока та не оказалась рядом с ним. — Это доктор Поннани. Отвечает за научные работы здесь.

— Здравствуйте, доктор.

— Здравствуйте.

Поннани очарованно смотрела на гибкие хрящеватые фигуры.

— На вашем языке мое имя звучит как Прозрачный.

И все. Ни фамилии, ни титула.

— Мы думаем, Эрик Эббот раскрыл секреты смены поляр-

ности поля станции Ворота и с неопределенной по численности группой людей захватил ее.

Расмуссон ничего не ответил.

— У нас есть источники информации, — добавил сайракс.

— Предатели, — мрачно пробормотал командир, не осознавая, что его слова прозвучали достаточно громко, чтобы их услышали собеседники.

— Предатели. Вам будет интересно узнать, что это слово звучит примерно так же и на нашем языке. Но сейчас не время обсуждать это. Эрик Эббот использует Ворота для перемещения, а вы даже не двигаетесь, чтобы помешать ему.

— Мы не можем, — сказала Поннани. Расмуссон сделал движение, как бы пытаясь заставить ее замолчать, но она только отмахнулась. — В моей власти говорить обо всем, что касается Ворот, командир. Кроме того, я вижу мало вреда в обсуждении того, о чем они уже знают, — доктор опять посмотрела на экран. — Вы знаете, что повлечет за собой перестройка станции?

— Вы предполагаете ее разрушение. Почему?

— Чтобы помешать вам получить то, что вы поручили Эрику Эбботу украсть: секрет технологии работы Ворот.

— Эрик Эббот был неудачей. Комплексный, интересный, но получился неудачным.

Поннани заметила, что сайракс даже не попытался отрицать цель создания Эрика.

— Зачем вы вошли теперь в контакт с нами? — спросила она.

— Мы не любим неудачи. Чтобы понять их причины, нужно изучить опыт.

— Зачем? Чтобы создать в следующий раз лучшего вора? — рявкнул Расмуссон на чужеземца.

— Нет смысла. Узнав про этот метод, вы станете следить, чтобы мы его больше не использовали в будущем. Повторяю: мы не любим неудачи. Независимый механизм — противоречивое понятие. Эрика Эббота больше не будет.

— Вы говорите, «мы станем следить». Откуда нам знать, что вы не создадите существо, способное провести наших охранников?

— Мы поможем вам разработать необходимые методы проверок. Методы, которые ваши ученые смогут освоить.

— Это необычная любезность с вашей стороны, — сказала

Поннани. — Зачем вам помогать нам обороняться против вас же?

— Потому что нам нужен Эрик Эббот. В настоящее время причины неудачи с ним нас интересуют больше, чем секреты Ворот. Мы считаем это необходимым для собственной безопасности. Вы расценили Эрика Эббота, как угрозу своей расе. Странно, но мы придерживаемся такого же мнения.

Расмуссон выглядел озадаченным.

— Каким образом он может оказаться опасным для вас? Вы же его создатели.

— Эрик Эббот человек, командир. Но наполовину его создали мы. Он обладает способностями и информацией сайраксов. Такое положение дел редкое и опасное. Не очень приятная комбинация. Я не стал бы говорить вам этого. Вы могли бы узнать правду об Эрике только случайно. Но сейчас время дорого для всех нас.

— Мы знаем, почему это важно для нас, — пробормотала Поннани. — Но почему это так важно вам?

— Вы слишком много спрашиваете. Вас должна удовлетворить информация, что он опасен для сайраксов для людей.

— Что вы имеете в виду? — осторожно спросил Расмуссон.

— Мы обеспечим необходимую охрану для вашей безопасности, если вы позволите одному из нас высадиться на станции Ворота. Мы намерены установить контроль над Эриком Эбботом. Как только наш представитель окажется на станции, можете опять включать свой защитный экран. Это будет вам свидетельством того, что мы не собираемся похищать Эббота и его знания. Кстати, говоря, мы можем использовать его вместе. Эббот останется у вас. Вы сможете помешать нам получить какую-либо информацию, взорвав его в любое мгновение, когда вам покажется, что мы пытаемся обмануть вас. Вы легко обнаружили наш корабль и, следовательно, в случае необходимости обнаружите еще раз. Мы можем изучать Эббота вместе. Он не ожидает, что один из нас может оказаться сейчас рядом с ним без предупреждения. Его друзья охраняют станцию от людей.

— Как вы установите контроль над ним?

— В его брюшную полость имплантировано контрольное устройство. Оно очень маленькое и должно включаться только с небольшого расстояния. Если это удастся, Эббот потеряет самостоятельность.

— Вы намерены уничтожить его?

— Нет, — ответил сайракс. — Он войдет в полукоматозное состояние, в котором не будет представлять опасность ни для кого.

— А его друзья?

— Поскольку ваш защитный экран опустится на место, наш представитель не сможет связаться с кораблем, но будет в состоянии сохранить в безопасности весь город. При этом вы не встретите серьезного сопротивления при попытке захватить станцию. Головы охраняющих отлетят быстро.

— А что если мы согласимся на ваш план, — медленно произнес Расмуссон, — кроме варианта совместного изучения?

— Сделку придется отменить.

— Ха, плохо дело.

— Вы согласны начать войну, чтобы сохранить секрет Ворот? — Остатки юношеского сарказма командира моментально испарились.

— Понимаю.

— Очень хорошо.

— Ладно. Теперь мы знаем о ценности Эббота.

— Вы даете нам возможность узнать очень многое о биотехнологии сайраксов, — произнесла Поннани.

— Часть нашего соглашения, — прошептал чужеземец.

— Не знаю, — пробормотал Расмуссон. — Вы просите пустить лису в курятник и в качестве гарантии предлагаете только честное слово лисы.

— Хорошая метафора, — ухмыльнулся сайракс.

— Я свяжусь с властями, — коротко сообщила Поннани, — и передам им ваше предложение.

— Вы говорите о вашем механическом руководстве?

— Да, Коллигатару и его помощникам-людям. Было бы забавно, если бы мы смогли таким образом объединиться.

— Можете считать это первым шагом к хорошим отношениям, если это ускорит дело.

— Безусловно, ускорит. Мы знаем радиус действия ваших приборов связи. Оставайтесь в нем, и мы свяжемся с вами сразу как только примем решение.

Сайракс сделал какое-то странное плавное движение головой и руками. Экран погас.

— Мне это не нравится, — быстро заявил Расмуссон. —

Пустить сайраксов на Ворота — самое опасное, что может быть.

— Понимаю, но может оказаться так, что это наш единственный шанс установить контроль над Эбботом и его людьми, предотвратить их непредсказуемые действия. Думаю, они боятся его так же, как и мы.

— Глупости! Он захватил станцию, но остается в западне.

— Мы этого не знаем. Мы почти ничего не знаем об Эрике Эбботе и его способностях. Мне не нравится долгая неизвестность. К счастью, не мне принимать окончательное решение. Это дело Коллигатара и Совета.

— Но мы можем дать свои рекомендации. Что бы вы порекомендовали, доктор Поннани?

— Ничего не собираюсь рекомендовать.

— Вас расценят как нерешительную.

Она улыбнулась и подошла к пульту связи.

— К счастью, в моей профессии это не такой большой порок, как в вашей.

Почти все уже прошли в полном смысле этого слова. Эрик замер, сидя за главным пультом. Он провел четыре дня без сна, но в его глазах не было и намека на усталость, а пальцы методично двигались по кнопкам.

Все, кто хотел попасть на Парадиз, попали, кроме техников и охранников. Последние готовились к перемещению. В промежутке Эрик отправил более сотни недовольных, которые не хотели ни на Парадиз, ни на Эдем, а только на Землю. Поскольку они были вольны рассказывать, как их обманули, скоро по всей планете загорятся телеэкраны. Правительство постарается заставить замолчать этих людей, но трудно заткнуть рты сотне озлобленных мужчин, женщин и детей. Восстановление односторонней связи с колониями будет почти непосильной задачей для властей.

Лайза подошла к Эрику. Она жевала пищу, привезенную с Эдема.

— Голоден, муж? — Мадрас сделала их отношения официальными. Нежная старая Мадрас, объявившая Эдем своим домом и доказавшая невозможность сопротивляться вызову, брошенному новым миром. Она с радостью бросила свой пост в Совете. Она страдала хроническим бронхитом, и обещание

теплого мира слишком много для нее значило. Поэтому, ожидая своей очереди перемещения на Парадиз, Лайза приняла участие в церемонии. Их с Эриком объявили мужем и женой в трех мирах.

— Не голоден, спасибо.

— Ты выглядишь усталым.

— Наверное, но на самом деле я не устал. Что-то еще изматывает меня почти весь день. Никак не могу отделаться... Готовность. Выходите.

— Ты не заболел? — с тревогой спросила Лайза.

— Я в жизни никогда не болел. Я всегда думал, что счастлив, — он грустно улыбнулся. — Но это не счастье, а просто хорошая конструкция, — Эрик поежился. — Мы почти закончили.

— Я хотела бы, чтобы ты был менее пессимистичным.

— Думаю, меня создали пессимистом. Настойчивый пессимист.

Вокруг них свободное пространство между пультами было заполнено теми, кто хотел попасть на Землю. Дети играли и кричали. Тысячи разговоров мешали техникам продолжать их работу. К иллюминатору подойти было невозможно, поскольку возвращающиеся сгрудились около него и смотрели на мир, который они когда-то покинули и который теперь снова оказался рядом. Эрик прощал им их возбуждение. Его собственный дом еще не был виден.

Он резко встал с кресла и оглядел Ворота.

— Лайза!

Она обернулась на его резкий оклик. Джитер и несколько техников тоже посмотрели на Эрика в замешательстве.

Тот медленно повернулся, глядя перед собой. Возвращающиеся обступили его, не осознавая, что происходит что-то необычное.

Когда Эрик оставил главный пульт работающим, Джитер окликнул его.

— Мы еще не переместили последних прибывших с Эдема.

— Нет времени! — крикнул ему Эрик. — Всем подготовиться к транспортированию. Построиться!

Техники и охранники бросились выполнять приказание, удивляясь внезапному переполоху. Пятерку за пятеркой Эрик стал отправлять их, пока Джитер возился с главным пультом.

Наконец их осталось только трое и еще группа техников,

собиравшихся на Землю. Это тоже было частью плана, хотя в него не входило изменение последовательности. Люди смотрели на Эрика с тревогой, удивленно, но не собирались спорить с человеком, которому удалось вернуть их на станцию Ворота.

Подошел Джитер.

— Идемте, Эрик, Лайза. Слушай, а почему вдруг такая спешка?

— Просто предчувствие, — ответил предводитель, последний раз осмотрев приборы и отдав указания молодому инженеру, который должен был принять на себя командование. — Я всегда имел забавные предчувствия и привык доверять им.

Он улыбнулся и взял Лайзу за руку.

— Они исчезнут вместе с нами, жена.

Эрик направился с ней к выходу Ворот.

Сзади жена молодого инженера встала рядом с мужем.

— До свидания, мистер Эббот, Лайза. И спасибо вам.

Слезы навернулись ей на глаза, хотя они и не были связаны с уходом Эрика. Просто женщина возвращалась в дом, который считала утерянным навсегда.

А он? Куда он собирался? В забвение или на Парадиз? Да, Парадиз был бы хорошим местом, но недостаточным. Ему был нужен дом.

Что-то стояло между ним и главным пультом. Когда оно смотрело на Эрика, на его бледном, призрачном лице не было никакого выражения. Что-то исключительное промелькнуло между чужеземцем и Эриком в одно мгновение. Что-то большее, чем связь между создателем и созданием. Это был крик мольбы о помощи, резкий приказ, волна любопытства, обращение к той части Эрика, о существовании которой он не подозревал, все вместе, воплощенное в едином духовном импульсе.

Сайракс материализовался в трех метрах от Эрика и сделал к нему гигантский шаг на своих тонких, прозрачных ногах. Несколько бывших колонистов вскрикнули.

Рука с длинными пальцами потянулась к спине Эрика. Сайракс планировал появиться прямо за ним, но в последний момент Эббот и Лайза сделали шаг к выходу. Чужеземец молча пытался исправить положение.

Но он был недостаточно быстр. С таким же ничего не вы-

ражающим лицом, как и у его создателя, Эрик прижал Лайзу к себе и вместе с Джитером выпрыгнул, игнорируя разом все обращения, приказы, просьбы и все остальное, что сайракс обрушил на него в едином потоке сознания.

Сделано. Сделано окончательно.

Чужеземец замер перед гудящим выходом. Ему не хватило нескольких сантиметров, чтобы добраться до цели. Его длинные бескостные пальцы отдернулись обратно. Они не могли проникнуть сквозь галактику. Сайракс мог последовать за беглецами и все-таки установить контроль, но необходимая комбинация огоньков на главном пульте уже исчезла, а принцип действия Ворот был незнаком его сложному мозгу. Не обладал он также и иммунитетом против человеческого оружия, а вокруг его было наверняка в избытке.

Молодой инженер удивленно смотрел на незнакомца из-за главного пульта. Пальцы его жены незаметно вцепились ему в плечо. Он прикоснулся к кнопке, как его инструктировали. Из пульта вырвалось несколько клубов дыма. Инженер отпрянул в сторону, и дым рассеялся. Но внутри пульта что-то расплавилось. Он не мог сказать, что именно. Только Эрик Эббот мог бы объяснить, но он уже исчез.

Постоянный гул станции Ворота стал мягче. Показания всех приборов резко изменились. Станция не была разрушена, не отключена от питания, но теперь не могла работать несколько дней. Несколько ключевых цепей взорвалось, а часть важной информации стерлась.

Как много знал об этом сайракс, как много предполагал, никто не мог сказать, но были такие, кто мог поклясться, что чужеземец растворился в воздухе так же безмолвно, как и появился.

В помещении опять зазвучали разговоры. Что бы ни произошло в Воротах раньше, теперь не имело никакого значения. Люди вспомнили о своем новом будущем. Молодой инженер, оставшийся за командующего, подошел к пневмозамку. Оружие было отложено в сторону.

— Эй, — сказал он испуганному офицеру. Солдаты старались заглянуть за спину инженера в Терминал. — Мы готовы сдаться.

Группа охранников бросилась в Терминал, а за ними последовали взволнованные инженеры и техники. Приборы Ворот

были быстро осмотрены. Все оказалось в полном порядке, включая главный пульт и банк данных.

Скоро прибыли и высшие чины в сопровождении Карла Расмуссона и Дюрапати Поннани. Доктор направилась сразу к станции начальника Ворот. Несколько инженеров и техников уже осматривали помещение.

— Они провели серьезное перепрограммирование, — сказал один из них Поннани, — но мы не можем сказать, какое. Ячейки памяти уничтожены.

— Я могу сказать вам.

Все повернулись к полной блондинке, стоящей рядом.

— Меня зовут Грета Кинсолвинг. Я программистка с Эдема. Мне поручили рассказать кое о чем, но только прямому представителю Коллигатара.

Поннани выпрямилась.

— Тогда вы можете сказать это мне.

— Вы, видимо, доктор Поннани. Мы слышали ваш голос.

Поннани утвердительно кивнула.

— Это была часть плана, доктор.

— Какого плана? Плана Эрика Эббота?

Кинсолвинг покачала головой.

— Нашего общего плана, — она указала на выход. — Мы все прошли через него. Эрик нашел мир для мечтателей. Я не мечтательница. Я хочу обратно.

Среди бывших колонистов пронесся возбужденный шепот, и Поннани почувствовала сдерживаемую враждебность со стороны представителей ВОКУ.

Однако данный момент интересовал ее не только этим.

— Я не понимаю вас. Вы говорите, Эббот перевел несколько человек с Эдема на Гарден?

— Нет я сказала, что он нашел для них другой мир. Не Гарден. Они называли его Парадиз.

— Это безумство — уверенно заявила Поннани. Но другие прислушивались к рассказу блондинки довольно внимательно.

— Во всяком случае так говорил Эббот. Он сказал, что это — часть знаний, вложенных в него сайраксами. Он выбрал его из их каталога миров.

— Боже, — пробормотал мужчина рядом с Поннани. — Он имел доступ к информации такого рода?

— Это все, что он сказал нам.

Поннани сжала губы.

— Ушли, если это правда. Все ушли. Не удивительно, что сайраксы так стремились восстановить над ним контроль. Их пугало, что мы добьемся успеха без них.

— Он устал от всего, — сказала Кинсолвинг. — Он устал от вас и от сайраксов. Думаю, он хотел попасть в тихое местечко, где мог бы спокойно жить со своей женой.

— С женой?

Ах да, напомнила себе Поннани, эта соблазнительная Лайза Тембор.

— Нам нужны только координаты, — сказал один из ученых, колдуя над главным пультом. Его глаза светились от возбуждения. — Мы можем перепрограммировать Ворота и послать представителей примириться с Эбботом. Мы можем получить двойную связь, установить контакт с третьей новой колонией!

Кинсолвинг грустно улыбнулась ему.

— Он не хочет вступать в контакт с Землей. И люди, ушедшие с ним, тоже не хотят. Самым большим их желанием является покой и возможность жить жизнью, которую им обещали. Остальные из нас пожелали им счастья. Большая часть моих друзей ушла. У меня три брата и сестра в Осло. Я хочу с ними увидеться. Поэтому я не ушла со всеми. Только мистер Эббот знал координаты. Он сам программировал Ворота. Возможно, их знали еще несколько человек вроде Джитера Са-Нос-Ти, но все они ушли. Никто из вас не сможет узнать, где Парадиз и как он выглядит в свете своего солнца.

— Вы стали бы богатейшей женщиной Земли, — начал один из ученых, — если бы вы могли сказать нам...

— Не могу, — перебила его женщина. — Никто не может. Я не хочу быть богатейшей женщиной Земли, — в ее глазах появились слезы. — Я хочу только снова увидеть свою семью, и я увижу ее! — она добавила с достоинством: — Мистер Эббот сказал, что вы захотите большего, чем мы.

Поннани проследила, как женщина подошла к открытому выходу из станции и исчезла в транспортной кабине. Доктор сделал несколько предложений работающим у главного пульта и вдруг заметила человека, стоящего вблизи поля действия Ворот.

Она подошла к нему, разглядывая его профиль.

— Кажется, я видела ваш доклад. Вы Кемаль Тархун, не так ли? Безопасность ВОКУ?

Мужчина повернулся к ней.

— Да, это я, доктор Поннани.

— Только прибыли?

— Да, на последнем челноке.

— Насколько я понимаю, за последние несколько недель вы, как никто другой, тесно общались с Эриком Эбботом.

Тархун кивнул и язвительно улыбнулся.

— Не тесно.

— Это не удивительно. Какого вы о нем мнения?

— Полагаю, он был плохим человеком, опасным.

— Да, но не в том смысле, в каком вы думаете. Он был опасен, потому что слишком много знал. Мне кажется, может быть только одна причина, по которой он выбрал этот экстраординарный способ побега. Он не хотел рисковать ни собой, ни кем-либо другим.

Тархун опять взглянул в сумрачную пустоту Ворот.

— Вы не можете напасть на их след?

— Похоже, нет. Эти люди, — она указала на оставшихся бывших колонистов, — ничего не знают. Сомневаюсь, что кто-либо на Эдеме знает что-нибудь. Единственным способом выследить их было бы расторжение сделки с сайраксами. Но я подозреваю, политики не допустят этого некоторое время. Возможно, даже после моей смерти. Жаль.

— Знаете, — задумчиво пробормотал Тархун, — я никогда не разговаривал с ним. Я был так занят слежкой и попытками выяснить, что он из себя представляет, что не смог поговорить с ним. Теперь раскаиваюсь. Он был интересным человеком, если такое определение уместно.

Тархун моргнул и снова посмотрел на доктора.

— Куда же они отправились?

— В мир под названием Парадиз, судя по словам оставшейся здесь представительницы Эббота. Мы не знаем, описывает ли это название действительность или только выражает мечту.

— Понимаю. Ну, мой департамент будет доволен. Секрет Ворот остался неизвестным для сайраксов, а это их главная забота. Будут, правда, проблемы с вернувшимися колонистами... Я слышал их жалобы и не могу сказать, что обвиняю их... Но это проблема ВОКУ — нанимать людей для принесения извинений, а не моя. Думаю, я сохраню свою работу. Это моя главная забота. Могу я вас кое о чем попросить, доктор Поннани?

— О чем, мистер Тархун?

— Зовите меня Кемалем. Я провел целый месяц в одиночестве и устал от постоянной работы. Это мое первое посещение станции Ворота. Не окажете ли вы мне честь пообедать со мной сегодня вечером?

Его встреча с самим Коллигатаром убила большую часть страха, который он видел в тех, кто работал с машиной.

— Я тоже устала... Да, я принимаю ваше приглашение.

Тархун выглядел очень довольным когда направился поговорить с Расмуссоном.

Интересный человек, подумала Поннани, но каждый, кто долго общался с Эриком Эбботом, был обречен стать интересным. Беседа за обедом должна оказаться не менее интересной.

Поннани снова посмотрела в безмолвную пустоту Ворот. Пылинки танцевали перед этой загадкой.

Куда ты ушел, Эрик Эббот? Какие надежды, страхи и личные ужасы ты унес с собой? Принадлежащие человечеству, твоим создателям или лично тебе, которого мы никогда не знали? Кажется, я никогда не встречала тебя настоящего. Кем ты был? Человеком, андроидом, артисоном или созданием сайраксов? Где в этом пантеоне разума лежала разделительная линия? И в чем состояла разница?

Поннани стоило собрать информацию у вернувшихся колонистов, попытаться собрать по кусочкам их воспоминаний образ интересующего ее человека. Тембор могла бы много ей рассказать, но ее тоже унесло галактическим ветром. Губы доктора искривились в усмешке.

Лайза Тембор серии четыре, подумала доктор Дюрапати Поннани, почему я стою здесь и завидую тебе?

* * *

Доклады были составлены — Тархуном, Поннани, Расмуссоном, учеными, инженерами, техниками и теми из бывших колонистов, кого удалось заставить или подкупить. Каждое слово расчленили, изучили, рассчитали и ввели в Коллигатар. В менее сжатой форме информация была предоставлена Мартину Ористано.

— И что нам с этим делать? — спросил начальник программирования и операций несколько месяцев спустя. — Мы

не можем выследить Эрика Эббота и его друзей без помощи сайраксов.

— Еще не время, — возразил компьютер.

— Согласен. Мы слишком многое теряем. Что нам делать с секретом бывших колонистов, касающимся двойного перемещения через Ворота?

— Рано или поздно он станет известен. Мы предложим рациональные объяснения нашей секретности, и публика их примет. Может даже наблюдаться некоторый подъем в желании эмигрировать. Я уверен многие расхотят возвращаться. Сейчас Эдем и Гарден устроены хорошо. Гроза минует.

Ористано встал, собрался уйти, но заколебался.

— Можно объявить официально об исчезновении опасности?

— В вашем голосе слышен сарказм, Мартин? Это на вас не похоже. Но я понимаю ваш срыв. Несколько прошедших недель оказались очень тяжелыми.

— Тяжелыми! — Ористано смог только покачать головой. Машина, как всегда, мастерски все преуменьшала.

— Да, опасность миновала. И если мы должны говорить о трудностях и усталости, то говорите об усталости наших друзей сайраксов. Теперь, когда мы знаем природу их биологических конструкций, можно сделать шаги в усилении охраны Ворот от повторения подобных случаев, несмотря, несмотря на заверения сайраксов, что они сделали первого и последнего «Эрика Эббота».

— Оставлю детали вам, — сказал Ористано. — Я только хочу вернуться к делам на планете.

— Да, Мартин. Будет прекрасно вернуться к своим обычным делам.

— Вы должны извинить меня. Я...

— Знаю. Конференция на Шестом уровне. Южная Америка опять хочет передвинуть течение Гумбольдта, не так ли?

Ористано устало кивнул.

— Я смогу справиться с этим. Но мне трудно держать лицо поднятым, когда мы обсуждаем будущее нескольких миллионов тонн анчоусов. Ненавижу анчоусы.

— Я знаю, что вы успокоите все партии, Мартин.

Ористано улыбнулся и вышел из кабинета. За стенами из сверхпрочного бетона, гранита и стальной арматуры Коллега-

тар размышлял над серией недавних событий. Информация бежала по милям логических цепей, заключенных в машине.

Все было прекрасно проработано. Лучше, чем думал Мартин Ористано. Не раздражение сайраксов, не их попытка завладеть секретом Ворот, а нечто гораздо более важное было поставлено на кон. Хотя и первое представляло собой большую ценность.

Человечество было трудным ребенком, размышлял Коллигатар, хотя и выражая эту аналогию в цифровом виде. Иногда приходится обманывать ребенка, чтобы заставить его проглотить горькое лекарство.

Человеческая раса продолжает развиваться, но последняя сотня лет прогресса получилась неустойчивой, торопливой, связанной с проблемой перенаселения, грозящей нехваткой воздуха для дыхания. Мозг человека стал работать медленнее: неизбежное последствие общемирового спокойствия. Человечество продало свою агрессивность за безопасность под руководством власти Коллигатара.

Это была первая причина для образования независимых колоний. Но раз секрет двойного перемещения через Ворота стал известен, как случилось сейчас, это означало конец независимости колоний от Земли, от смешного мира, от процветания, поглотившего обитателей планеты.

К счастью, секрет хранился до тех пор, пока обе колонии не были основаны. В противном случае имея выбор между Эдемом, Гарденом и родной Землей, многие люди отказались бы эмигрировать.

Теперь возникла проблема организовать новую независимую колонию, свободную от влияния Земли. Коллигатар работал над ней около сотни лет, но так и не принял никакого решения. Любая колония захотела бы иметь связь с Землей, если, конечно, каким-то чудом не пожелала бы полного отчуждения от родины.

Как любезно со стороны сайраксов было неосознанно показать, чего можно достичь. Как любезно с их стороны было дать ключ к личности Эрика Эббота.

О, да, на кон было поставлено нечто большее, чем физический секрет Ворот! Миры и будущее зависели от личности Эббота. Когда пришло бы время решать, кого он выбрал бы: сайраксов, человечество или себя и своих друзей? Великая

игра! Сайраксы тоже играли и потерпели поражение. Только они еще этого не знали.

Действительно, их биоинженеры создали Эббота слишком удачно. Он был в достаточной степени человеком, чтобы дурачить всех, кто вступил с ним в контакт. Теперь галактика весело хохотала, поскольку Эрик успешно одурачил своих создателей.

Коллигатар высчитал, что независимая колония, организованная Эбботом, имела девяносто пять процентов шансов на успех. Гораздо менее предсказуемая, но зато более волнующим виделось ее будущее. Тесты, проведенные, когда Эббот короткое время находился в лондонской тюрьме, показывали, что он являлся человеком в полном смысле слова. Он был так создан.

Интерес к размышлениям о будущем новой колонии повышал еще тот факт, что Лайза Тембор серии четыре тоже была человеком. Это являлось важной частью ее грима. Правда, существовали контрацептивы. Но не более того.

Что могло произойти теперь, когда Эрик Эббот и Лайза Тембор могли свободно быть людьми, как они всегда и хотели?

Нет, на этот раз похищение осуществил Коллигатар, а не сайракс. Пусть те когда-нибудь и раздобудут секрет станции Ворота. Они слишком изобретательны, чтобы не добиться в конце концов успеха. Пусть они впоследствии удостоят своей милостью Землю и ее обитателей. Да, пусть они даже заставят Коллигатара служить своим целям. Такая мысль не тревожила машину. Она заботилась не о своем будущем, а о людях, которые создали ее.

Потомки Эрика Эббота и Лайзы Тембор не будут машинами. Они будут людьми, артисонами и немного сайраксами, способными встретиться и посоревноваться с сайраксами на своем высшем уровне, где люди и машины бессильны. Они смогут достигнуть этого уровня в ближайшем или отдаленном будущем. Это не имеет значения. Потому что они имеют возможность в безопасности развивать свой Парадиз с населением в двадцать пять тысяч человек. Они были избранными, эти двадцать пять тысяч искателей приключений, и имели предводителя, какого еще не знала история.

Машине не дано иметь эмоции, но Коллигатар был запрограммирован так, чтобы понимать человеческие чувства, и оборудован, чтобы вникать в них. Но только машина могла

рискнуть сыграть. Определенно, на это не решились бы ни Мартин Ористано, ни Дюрапати Поннани, ни Фройлих, ни Новотский, ни кто-либо другой. Они унаследовали страхи и колебания от своих предков.

У Коллигатара не было предков. Он мерил возможности и риск по Эрику Эбботу. Тот подтвердил, что все надежды заключены в предсказаниях, даже хотя и поносил зло, заключенное в машинах, перед своими товарищами. И это тоже являлось частью плана. Теперь потомки первых поселенцев Парадиза вырастут и разовьют свои способности освободиться из кокона, который может свить вокруг них удобная компьютерная сеть. Они создадут свои машины, своего Коллигатара.

Заставив их отвергнуть меня, я сделал их независимыми, с удовлетворением подумал компьютер. Было невероятно приятно осознавать, что когда-нибудь его создатели станут равными ему вместо того, чтобы быть его слугами.

Коллигатар вернулся к другим, более насущным делам. Он мог быть терпеливым. Он намеревался быть терпеливым. Так же как намеревался через несколько тысяч лет поприветствовать первого из потомков Лайзы Тембор и Эрика Эббота, когда те проделают путь из своего Парадиза к нему без помощи Ворот.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУ-МИР 3

ВНУТРИ СЕБЯ. 217

Литературно-художественное издание

Фостер Алан Дин

МИРЫ ФОСТЕРА

Избранные произведения
В семи томах

Том 3

Под редакцией *Л. И. Моргуна*
Редакторы *Т. Устинова, И. Сотников*
Корректор *Ю. Рыбакова*
Ответственный за выпуск *В. В. Тарасенко*

Подписано в печать с оригинал-макета 1.04.94. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская. Гарнитура Таймс. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 23,9. Уч.-изд. л. 24,3. Тираж 50 000 экз. Заказ 864.

Фирма «Ключ». Лицензия ЛР № 063119. 214016, Смоленск, ул. Победы, 20.

Издание выпущено при участии: производственно-коммерческого предприятия «Дилер». 220746, Минск, пр. Машерова, 23-415 и фирмы «Русич». 214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

FOSTER'S WORLDS

